

Уральский государственный юридический
университет
Кафедра истории государства и права

Проблемы истории общества, государства и права

*Сборник научных трудов
Выпуск 14-й*

Екатеринбург
2021

УДК 340, 340.152, 340.153, 340.154, 340.155, 340.158, 342, 343, 93/94

ББК 67.2, 63.3(0), 63.3(3)

Т 63

Рецензенты:

Козлихин И.Ю. – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор (Санкт-Петербург)
Жаров С.Н. – профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета, доктор юридических наук, доцент (Челябинск)

Редакционная коллегия:

доктор юридических наук, профессор А.С. Смыкалин (главный редактор)
доктор исторических наук, профессор В.П. Мотревич
кандидат исторических наук, доцент Р.А. Насибуллин
кандидат исторических наук, доцент Д.А. Суровень

Т 63 Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов / Глав. ред. проф. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. – Вып. 14-й. – 400 с.

ISBN 978-5-7845-0658-0

В сборник включены научные доклады и сообщения, представленные на Межрегиональной заочной научной конференции «Актуальные проблемы истории государства и права России и зарубежных государств», приуроченной к 85-летию кафедры истории государства и права (Екатеринбург, 26 мая 2021 г.) и на Всероссийской заочной научной конференции «Имперская государственность в историко-правовом измерении (посвящение 350-летию Петра Велико-го)» (Екатеринбург, 19 февраля 2021 г.), посвящённые памяти Натальи Юрьевны Кузнецовой (1953-2003) – кандидата юридических наук, доцента кафедры истории государства и права Свердловского юридического института (1979-1992). В сборник вошли публикации 14 учёных (6 докторов юридических и исторических наук, 7 кандидатов юридических и исторических наук), представителей 6 вузов из 4 городов России: о жизни доцента Н.Ю. Кузнецовой и её учителей, о диссертационном исследовании Н.Ю. Кузнецовой о правовой эволюции британских доминионов, о проблемах суверенитета, юридической природы и распада Британской империи и СССР; об эволюции российского жилищного, уголовного и уголовно-исполнительного права, о развитии российского юридического образования; автореферат и диссертационное исследование Н.Ю. Кузнецовой о правовой эволюции британских доминионов (1865-1980 гг.); воспоминания Председателя Совета Республики Верховного Совета РСФСР В.Б. Исакова о начале деятельности российского парламента (1990-1991), личности Председателя Верховного Совета РФ и первого Президента РФ – Б.Н. Ельцина; и четвёртая часть воспоминаний видного работника ВЧК–НКВД М.П. Шрейдера «Жизнь чекиста-оперативника».

Для научных работников академических учреждений, преподавателей, аспирантов, студентов юридических и исторических вузов, и всех интересующихся проблемами истории российского и зарубежного права, юридического образования и науки.

Статьи представлены авторами в 2021 году.

Статьи печатаются в авторской редакции. Мнение авторов отдельных статей может не совпадать с мнением редколлегии.

ISBN 978-5-7845-0658-0

© Авторы статей, 2021

© Уральский государственный юридический университет, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборник включены доклады и сообщения двух научных конференций, проведённых кафедрой в 2021 г. Четырнадцатый выпуск состоит из 14 научных публикаций общим объёмом 400 страниц (29,36 печатных листов) 14 учёных (6 докторов юридических и исторических наук, 7 кандидатов юридических и исторических наук), представителей 6 вузов из 4 городов России. Публикации разделены на четыре раздела: первый включает исследования, посвящённые имперской государственности в историко-правовом измерении (посвящение 350-летию Петра Великого) и научному наследию доцента Натальи Юрьевны Кузнецовой (С. 5-233); второй – воспоминания В.Б. Исакова, посвящённые 30-летию распада СССР (С. 234-266); третий – исследования по эволюции российского государства и права и юридического образования (С. 267-369), четвёртый – воспоминания чекиста М.П. Шрейдера (часть 4) (С. 370-397). Первый и второй разделы содержат публикации, представленные участниками Всероссийской заочной научной конференции «Имперская государственность в историко-правовом измерении (посвящение 350-летию Петра Великого)» (Екатеринбург, 19 февраля 2021 г.); третий и четвёртый разделы – публикации, представленные участниками Межрегиональной заочной научной конференции «Актуальные проблемы истории государства и права России и зарубежных государств», приуроченной к 85-летию кафедры истории государства и права (Екатеринбург, 26 мая 2021 г.).

Первый раздел посвящён памяти Натальи Юрьевны Кузнецовой (1953-2003) – выпускницы (1976), аспирантки (1976-1979), доцента кафедры истории государства и права (1979-1992) Свердловского юридического института, кандидата юридических наук (1980), юриста во втором поколении, дочери профессора, основателя уральской (екатеринбургской) школы конституционного (государственного) права Юрия Григорьевича Судницына (1925-1979). В российской историко-правовой науке имеется лишь два исследования о правовой эволюции доминионов Британской империи: монография профессора С.А. Корфа «Автономные колонии Великобритании» 1914 г. и диссертация Н.Ю. Кузнецовой «Зарождение и развитие статуса доминиона в британских владениях» 1980 г. Кафедра истории государства и права к 85-летию юбилею публикует автореферат и диссертационное исследование Н.Ю. Кузнецовой, которые посвящены имперской государственности в историко-правовом измерении. В первый раздел вошли 4 публикации о жизни доцента кафедры истории государства и права Свердловского юридического института Н.Ю. Кузнецовой и её учителей (статья Р.А. Насибуллиной); о диссертационном исследовании Н.Ю. Кузнецовой о правовой эволюции британских доминионов (1865-1980 гг.), об учении о суверенных и несuverенных государств

вах в русской дореволюционной литературе, о юридической природе Британской империи, о попытке сравнения эволюционного распада Британской империи и обвального распада СССР (статья Р.А. Насибуллина), автореферат и полный текст диссертации Н.Ю. Кузнецовой «Зарождение и развитие статуса доминиона в британских владениях».

Во второй раздел вошли воспоминания выпускника (1971), аспиранта, преподавателя, доцента, профессора кафедры теории государства и права (1971-1990) Свердловского юридического института, доктора юридических наук (1985), Председателя Совета Республики Верховного Совета РСФСР (1990-1991) Владимира Борисовича Исакова (род. в 1950 г.) о начале деятельности российского парламента (1990-1991), личности Председателя Верховного Совета Российской Федерации и первого Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина.

В третий раздел вошли восемь статей об ответственности за преступления в сфере банкротства согласно Уголовному уложению 1903 г. и Уголовному кодексу Российской Федерации 1996 г. (статья А.П. Жеребцова); об основных принципах советского и действующего российского уголовного права (статья Т.Р. Сабитова); об истории создания и функционирования первого на Урале Екатеринбургского концлагеря № 1 (статья С.И. Константинова); об истории издания, значении Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР» 1957 г. (статья О.Д. Максимовой); о работах уральских исследователей, в которых освещаются основные направления международной деятельности (парадипломатии) Свердловской области после распада СССР (статья В.Д. Камынина, А.В. Лямзина); об «университетской географии» применительно к истории юридического образования и науки в России, об учреждении Томского и Иркутского университетов, об образовании Сибирского института советского права, переводе его из Иркутска в Свердловск и о развитии Свердловского юридического института (статьи Н.Н. Зипунниковой, А.В. Калининой); о судьбах членов кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета в контексте истории высшего юридического образования на Урале (статья В.М. Пряхина); о несостоятельности «точечной теории» преподавания истории государства и права М.Р. Габитова (статья А.Н. Тимонина).

В четвёртом разделе публикуется четвёртая часть обширных воспоминаний видного работника ВЧК–НКВД – М.П. Шрейдера (1902-1978) «Жизнь чекиста-оперативника» (публикация А.Г. Теплякова).

Кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории государства и права УрГЮУ

Рафил Ахнафович Насибуллин

**ИМПЕРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В
ИСТОРИКО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ В НАУЧНОМ
НАСЛЕДИИ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И
ПРАВА (ПОСВЯЩЕНИЕ 350-ЛЕТИЮ ПЕТРА ВЕЛИКОГО):
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ДОЦЕНТА
НАТАЛЬИ ЮРЬЕВНЫ КУЗНЕЦОВОЙ (1953-2003)**

УДК 340, 93/94

Насибуллин Р.А.

**НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА КУЗНЕЦОВА (1953-2003) –
УЧЁНЫЙ-ЮРИСТ ВО ВТОРОМ ПОКОЛЕНИИ**

В статье описывается жизнь кандидата юридических наук, доцента кафедры истории государства и права Свердловского юридического института Натальи Юрьевны Кузнецовой (1953-2003) – юриста во втором поколении, дочери профессора, основателя уральской (екатеринбургской) школы конституционного (государственного) права, участника Великой Отечественной войны Ю.Г. Судницына (1925-1979) и врача Т.М. Судницыной (1925-1981), жены доцента П.С. Кузнецова. Приводятся биографии Ю.Г. Судницына, Т.М. Судницыной, Л.С. Галесника (научного руководителя Ю.Г. Судницына), Б.А. Стародубского (научного руководителя Н.Ю. Кузнецовой).

Ключевые слова: Наталья Юрьевна Кузнецова; Свердловский юридический институт; профессор; кафедра; Ю.Г. Судницын; Т.М. Судницына; Л.С. Галесник; Б.А. Стародубский; П.С. Кузнецов.

Наталья Юрьевна Кузнецова (6 февраля 1953 г. – 10 мая 2003 г.) родилась 6 февраля 1953 г. в Свердловске в русской интеллигентной семье. Отец – Судницын Юрий Григорьевич (1925-1979)¹ родился в 1925 г. в Свердловске. Его родители, Григорий Порфирьевич (1890-1972) и Таисия Степановна происходили из крестьян. Отец работал главным бухгалтером Управления

Насибуллин Рафил Ахнафович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет (Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21).

E-mail: ran.19@yandex.ru

Автор выражает сердечную благодарность за предоставленные фотографии, воспоминания и любезное разрешение на публикацию автореферата и диссертации Н.Ю. Кузнецовой Петру Семёновичу Кузнецову.

¹ Архив УрГЮУ. Личное дело Ю.Г. Судницына. Л. 1-185; Уральская школа конституционного права / Отв. ред. М.С. Саликов. – Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2015. – 208 с.

снабжения Арктики Главного управления Северного морского пути. С 1942 по 1943 гг. Юрий одновременно с учёбой работал на оборонном заводе № 707 слесарем 4 разряда. По окончании средней школы в апреле 1943 г. был призван в Красную Армию и направлен в Камышловское военно-пехотное училище. В апреле 1944 г. его откомандировали в Московский военный институт иностранных языков и после окончания 2-го курса переводчиков немецкого языка направили в Московский военный округ. Член КПСС (с 1946 г.).

Военный институт иностранных языков в Москве был создан в апреле 1942 г. на базе военного факультета при Втором Московском государственном педагогическом институте иностранных языков. К нему присоединили военный факультет Института востоковедения. Институт состоял из следующих факультетов: педагогического, переводческого западных языков, переводческого восточных языков, краткосрочных курсов немецкого языка. Сроки обучения были следующие: для обоих факультетов – 3 года, для курсов переподготовки – 1 год. Военный факультет и институт дали фронту за три года войны 2,5 тысячи военных переводчиков, в том числе по годам: до 1943 г. – 1092, в 1943 г. – 774, в 1944 г. – 658.

Начальник и душа института, участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер, спортсмен, генерал-майор, прошедший на военной службе 44 года – до 1953 г., Николай Николаевич Бязи (1893-1973) вспоминал: «...В институте, в коридорах были установлены репродукторы, при помощи которых на переменах можно было передавать на иностранных языках объявления и последние известия. Этот опыт был после войны с успехом применён и в Военной академии им. Фрунзе. В общежитиях также стояли репродукторы и радиоприёмники для прослушивания передач на иностранных языках из-за границы. Позднее при помощи кино стали демонстрировать фильмы на иностранных языках. Иногда устраивались встречи на иностранных языках с представителями заграничных компартий, гостивших в СССР. Будущих переводчиков важно было научить быстро и разборчиво писать на иностранных языках, как это приходилось делать в боевой обстановке. Учили и печатать на пишущих машинках с иностранными шрифтами. Большую помощь в скорейшем изучении языков оказала клубная работа. В институте были созданы кружки драматический, литературный, вокальный, хоровой и танцевальный. Программа каждого концерта включала произведения на иностранных и русском языках. В помощь изучающим иностранные языки клуб практиковал просмотр иностранных картин, учебных кинолент, а в фойе проводились настольные игры на ино[странных]языках. Переходя к работе библиотеки, следует сказать, что её удалось значительно пополнить за счёт привезённой из Германии большой иностранной библиотеки с уникальными книгами. На полках имелись также иностранные уставы, наставления, военные учебники и военно-историческая литература. На стенах висели наглядные таблицы и красочные плакаты на иноязыках, которые брались в классы

на занятия.

Утренняя зарядка на воздухе была обязательной для всех слушателей. Развивая физическую культуру среди слушателей, мы решили на каждом факультете сделать акцент на один из ведущих видов спорта, но при этом должны были проводиться ещё и другие виды. Так, на переводческом факультете у подполковника Н.Г. Яхно процветал волейбол, бокс, на педагогическом – у полковника Василия Дмитриевича Макарова преваляровала лёгкая атлетика и гребля, у капитана 3 ранга Иванова – плавание, прыжки в воду и водное поло. Наша команда моряков-ватерполистов в первый же год своего существования успешно выступала против сильнейшей команды Москвы – ватерполистов общества “Торпедо”...».¹

В своих воспоминаниях Н.Н. Бязи отмечал: «Для военного переводчика главным был опрос пленного и перебежчика в условиях работы в крупных штабах и на передовой линии фронта, а также разговор с местными жителями, как во временно оккупированных противником странах, так и на его территории. Во всех случаях подготовки мы требовали твёрдого знания грамматики и накопления запаса нужных слов, а также знания идиоматики и военного жаргона. Преподаватели знакомили слушателей с историей изучаемого языка, методикой преподавания, более глубоким изучением грамматики. Слушатели старших курсов педфака вели практику преподавания в подшефной школе, на краткосрочных курсах и на младших курсах всех факультетов института.

Всегда остро стоял вопрос с учебными пособиями, но вскоре от рукописных заданий мы перешли к заданиям, напечатанным на машинке с русским и иностранными шрифтами, а затем к материалам, издаваемым в своей институтской типографии. Общие учебники были, но в них отсутствовал нужный нам военный элемент, поэтому мы приступили к изданию своих учебных пособий, военных русско-иностраных словарей, словарей военного жаргона и разговорников».² Уже в 1941 г. генерал Н.Н. Бязи и профессор А.В. Монигетти составили и издали «Краткий русско-немецкий военный разговорник». Два миллиона экземпляров этого неоднократно переиздававшегося разговорника находились на фронте. Профессор Александр Михайлович фон Таубе (1889-1964) составил «Военный немецко-русский словарь», переиздававший трижды общим тиражом двести тысяч экземпляров. Александр Михайлович происходил из дворян, окончил Пажеский корпус, кораблестроительный и юридический факультеты Императорского университета в Санкт-Петербурге, юрист, дипломат, в годы красного террора пережил два года тюремного заключения без предъявления обвинения (1918-1920), знал в совершенстве несколько западных и восточных языков, чудом выжил. После освобождения проживал в Ленинграде, работал военным переводчиком. В конце 1920-х – вновь арестован и выслан на 3 года в Сибирь. После освобождения

¹ Центр подготовки военных переводчиков [Электронный ресурс] // URL: <http://www.citytol.ru/podrazd/archive/book/front/gl2.html> (дата обращения: 24.06.2015).

² *Чередникова А.Ю.* Без толмачей не обходится ни одна война // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 5 (577). – С. 25-28 [Электронный ресурс] // URL: <http://rusgermhist.ru...isledovateli/cherednikova/chered...> (дата обращения: 24.06.2015).

работал военным переводчиком; профессор военного института иностранных языков, полковник.¹

В апреле 1947 г. в звании младшего лейтенанта административной службы Ю.Г. Судницын демобилизовался и поступил в Свердловский юридический институт, который окончил с отличием в 1951 г. и поступил в аспирантуру по кафедре теории и истории государства и права. По окончании аспирантуры он успешно защитил в Учёном совете Свердловского юридического института диссертацию «Национальный суверенитет в Советском социалистическом государстве» на соискание учёной степени кандидата юридических наук.² Научным руководителем аспиранта Судницына являлся заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доцент Лев Самуилович Галесник (1910-1964).



Родился в 1910 г. в Бобруйске Минской губернии в семье рабочего-плотника. Еврей. В 1928 г. окончил среднюю школу, в 1929 г. поступил, а в 1932 г. окончил Ленинградский институт советского права. С мая по декабрь 1932 г. работал помощником прокурора Западной Сибири в Новосибирске. С января 1933 г. проходил действительную службу в десантных войсках Военно-Морских сил во Владивостоке. В 1934-1935 гг. продолжил работать помощником прокурора Западной Сибири. С 1935 по 1939 г. Л.С. Галесник обучался в аспирантуре Ленинградского юридического института и в 1939 г. защитил кандидатскую диссертацию «Депутатский мандат в СССР» объёмом 12 печатных

листов на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Член ВКП (б) (с 1940 г.).

Родился в 1910 г. в Бобруйске Минской губернии в семье рабочего-

¹ Дорогая Екатерина Павловна [Электронный ресурс] // URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/002612.pdf (дата обращения: 24.06.2015).

² Судницын Ю.Г. Национальный суверенитет в советском социалистическом государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 – государственное право и управление; советское строительство; административное право; финансовое право / Ю.Г. Судницын; науч. рук. Л.С. Галесник; СЮИ. – Свердловск, 1954. – 16 с.; Судницын Ю.Г. Национальный суверенитет в советском социалистическом государстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 – государственное право и управление; советское строительство; административное право; финансовое право / Ю.Г. Судницын; науч. рук. Л.С. Галесник; СЮИ. – Свердловск, 1954. – 382 с.

плотника. Еврей. В 1928 г. окончил среднюю школу, в 1929 г. поступил, а в 1932 г. окончил Ленинградский институт советского права. С мая по декабрь 1932 г. работал помощником прокурора Западной Сибири в Новосибирске. С января 1933 г. проходил действительную службу в десантных войсках Военно-Морских сил во Владивостоке. В 1934-1935 гг. продолжил работать помощником прокурора Западной Сибири. С 1935 по 1939 гг. Л.С. Галесник обучался в аспирантуре Ленинградского юридического института и в 1939 г. защитил кандидатскую диссертацию «Депутатский мандат в СССР» объёмом 12 печатных листов на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Член ВКП (б) (с 1940 г.).

С октября 1939 г. – доцент (утверждён в звании доцента 11 июня 1940 года) кафедры теории и истории государства и права Свердловского юридического института, преподавал советское государственное право. Приказом директора института № 127 от 27 августа 1940 г. из состава кафедры истории государства и права была выделена самостоятельная кафедра государственного права. Её заведующим назначили Л.С. Галесника. Одновременно он исполнял обязанности заведующего кафедрой теории и истории государства и права. В сентябре 1941 г. его мобилизовали в Красную Армию, работал в системе военных трибуналов, член Коллегии военных трибуналов Тихоокеанского флота (1942-1946), майор юстиции, награждён орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Японией». После демобилизации в августе 1946 г. вновь приступил к исполнению обязанностей заведующего кафедрой теории и истории государства и права Свердловского юридического института, возглавлял кафедру до 1954 г., преподавал теорию государства и права. На расширенном заседании Учёного совета Свердловского юридического института, состоявшемся 14 и 23 апреля 1949 года и посвящённому вопросам борьбы с буржуазным космополитизмом (проходившему на фоне всесоюзной антикосмополитической кампании в юридической науке) директор института Дмитрий Николаевич Исупов (1903-1992)¹ обнаружил космополитические извращения в стенограммах лекций преподавателей института Л.С. Галесника и К.С. Юдельсона.² Попытки Юдельсона и Галесника оправдаться кары не

¹ См. о Д.Н. Исупове: *Насибуллин Р.А.* «Нам не к лицу преклонение перед буржуазной культурой»: борьба с низкопоклонством перед буржуазным Западом в Свердловском юридическом институте (1946 г.) // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 2: Страницы истории, документы и судьбы преподавателей и выпускников / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – С. 161-166.

² См. о К.С. Юдельсоне: *Смыкалин А.С.* Основоположник уральской школы советского гражданского права // Краткая антология уральской процессуальной мысли: 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии / Под ред. В.В. Яркова. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2004. – С. 8-18; *Насибуллин Р.А.* «Решение проблемы доказывания может быть плодотворным только с позиции сталинско-

повлекли. Учёные института не отозвались на призыв партийно-государственных органов к погромам. В институтском коллективе не нашлось агрессивных активистов, энтузиастов-погромщиков, готовых подхватить борьбу с космополитизмом, требовать суровых кар для указанных жертв и расширять список «оступившихся».¹

Заведующий кафедрой советского государственного права и советского строительства (28 сентября 1962 г. – 1 апреля 1964 г.). Проживал в комнате в здании института до конца 1950-х гг. вместе с женой, сотрудницей Свердловской киностудии Нонной Абрамовной Галесник (умерла в 2012 г.). Прекрасный, остроумный, популярный лектор.² Автор свыше 30 научных статей общим объёмом более 30 печатных листов: «Демократические основы организации и деятельности народного суда» (1948), «Советское государство – мощное орудие построения социалистического общества» (1953), «К вопросу о применении норм советского права» (1954), «О наказах советских избирателей» (1957), «О проблемах системы советского права» (1957), «О теоретических вопросах кодификации советского законодательства» (1957), «О работе местных Советов по наказаниям избирателей» (1959), «О методике чтения лекций» (1960), «Нормы права и практика коммунистического строительства» (1960), «О предмете советского строительства» (1961), «Вопросы теории социалистического государства и права в новой программе КПСС» (1962), «Общественное право и воспитание коммунистической сознательности» (1962), работал над монографиями «Убеждение и принуждение в социалистическом государстве».

Статья Л.С. Галесника «О проблемах системы советского права» 1957 года³ цитируется даже через несколько десятилетий до сих пор. Так, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Московского го-

го учения об активной роли надстройки...»: штрихи и факты к портрету профессора Карла Юдельсона, обсуждение его книги «Проблема доказывания в советском гражданском процессе» (1952 г.) и принцип материальной (объективной) истины в дореволюционном и советском гражданском процессе // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 2: Страницы истории, документы и судьбы преподавателей и выпускников / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – С. 1059-1175.

¹ См. об этом: *Насибуллин Р.А.* «Мы обязаны беспощадно выкорчевывать вредную деятельность буржуазных космополитов-антипатриотов...»: заседание 14 и 23 апреля 1949 г. Учёного совета Свердловского юридического института, посвящённого вопросам борьбы с буржуазным космополитизмом // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 2: Страницы истории, документы и судьбы преподавателей и выпускников / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – С. 457-568.

² *Галесник Л.С.* О методике чтения лекций // Вопросы методики преподавания в юридических вузах. – Свердловск, 1960. – С. 5-30.

³ *Галесник Л.С.* О проблемах системы советского права // Советское государство и право. – 1957. – № 2. – С. 108-115.

сударственного университета Е.А. Суханов отмечал: «В 1957 г. известный советский теоретик права Л.С. Галесник написал очень ехидную статью в журнал “Советское государство и право” о системе советского права. В ней он говорил, что если мы будем плодить новые отрасли права, то появится банно-прачечное право, трамвайно-троллейбусное, бакалейно-гастрономическое право. Тогда это казалось смешным, а сегодня мы уже дошли до этого: сейчас есть библиотечное право, обзавательное право и т.д.»¹

Выпускник Свердловского юридического института (1965 г.), член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Башкирского государственного университета Фанис Мансурович Раянов (род. в 1938 г.) вспоминает: «Помнится, нам на первом курсе лекцию по теории государства и права читал Лев Самуилович Галесник. Хотя он был доцентом, его уважали все, включая профессоров, относились к нему с большим почтением, ценили за большие познания в области теории государства и права (С.С. Алексеев находился тогда на этапе перехода из науки гражданского права в область теории государства и права). Ещё в 1957 г. Л.С. Галесник выступил в журнале “Советское государство и право” (№ 2, 1957) с фундаментальной статьёй “О проблемах системы советского права”. Именно в ней он писал, что излишняя односторонняя увлечённость некоторых представителей юридической науки может привести к обоснованию наличия “трамвайно-троллейбусного, банно-прачечного, бакалейно-гастрономического права и т.д.”»². В своих лекциях Л.С. Галесник очень широко разворачивал представления о праве, о системе права и иронизировал над теми, кто шарахается из крайности в крайность и не находит твёрдой почвы для объективных научных выводов относительно предмета юриспруденции. Нам, студентам того времени, вечерашним

¹ Суханов Е.А. Стенограмма вводной лекции для слушателей российской школы частного права 4 ноября 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: http://schoolprivlaw.ru/files/suhanov_stenogramma.doc. (дата обращения: 10.07.2016). Появилось медицинское право (Аконов В.И. Медицинское право: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2018. – 287 с.), спортивное право (Алексеев С.В. Спортивное право России: учебник для вузов / под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. – 695 с. (Золотой фонд российских учебников)) и даже футбольное право (Алексеев С.В. Футбольное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Физическая культура и спорт» / под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. – 880 с.).

² «По мнению В.С. Тадевосяна, в советской юридической науке есть тенденция к искусственному ограничению числа отраслей права и эта тенденция неправильна. “Нет оснований опасаться, – пишет автор, – что в системе советского права может оказаться много сравнительно мелких видов или подотраслей права. Чем дифференцированней и тоньше будет система права, тем больше и лучше она будет соответствовать практическим целям и задачам эффективного регулирования экономической жизни страны, тем совершеннее будет законодательство по каждой отрасли хозяйственной и культурной деятельности”. Так ли это, и где реальная граница отрасли права? Ведь, следуя по пути “уточнения” системы, можно дойти и до трамвайно-троллейбусного, банно-прачечного, бакалейно-гастрономического права и т.д. (кстати, каждая из них тоже по-своему “комплексна”)». – Галесник Л.С. О проблемах системы советского права // Советское государство и право. – 1957. – № 2. – С. 112.

солдатам, производственникам (тогда при приёме в институт предпочтение отдавали абитуриентам, имеющим большой стаж практической работы или службы в армии), крайне интересны были проблемы, связанные с понятием права. О пропуске лекций Л.С. Галесника не могло и быть и речи. Мне только много лет спустя, когда я сам начал преподавать теорию государства и права, стало полностью понятно, почему нас, вроде бы далёких от науки людей, так заинтересовали рассматриваемые им вопросы. Разгадка заключалась в прекрасной подаче материала лектором, в его умении увязать сложные теоретические проблемы с насущной практикой, в приёмах убеждения студентов в необходимости, пригодности, востребованности в будущей профессиональной деятельности этих знаний».¹

В октябре 1967 г. Ю.Г. Судницын защитил в объединённом совете при Уральском государственном университете диссертацию «Теоретические проблемы национального суверенитета в государствах мировой социалистической системы (опыт сравнительного государственно-правового исследования)» на соискание учёной степени доктора юридических наук (14 февраля 1969 г. был утверждён ВАК в учёной степени доктора юридических наук).² Он стал одиннадцатым доктором наук в институте. Юрий Григорьевич принадлежал к поколению фронтовиков, участников Великой Отечественной войны (С.С. Алексеев, О.А. Красавчиков, М.И. Ковалёв, Б.К. Бегичев, П.М. Давыдов, В.С. Якушев, Ю.К. Осипов, К.И. Комиссаров, А.Ф. Козлов, П.П. Якимов, А.Ф. Черданцев, Д.Д. Остапенко, В.Е. Чиркин, Л.Я. Драпкин), которые своим талантом, подвижничеством, стремлением к правде и справедливости превратили Свердловский юридический институт из небольшого вуза третьей категории в первоклассный центр образования и науки. Преподаватели Свердловского юридического института продолжали лучшие традиции революционных ученых: профессоров-цивилистов Бориса Борисовича Черепашина (1894-1969)³, Александра Марковича Винавера (1883-1947)¹, специали-

¹ *Раянов Ф.М.* От «банно-прачечного» к «либертарному» праву // Воспоминания выпускников и ветеранов. Свердловский юридический институт—Уральская государственная юридическая академия / Сост. М.И. Кондрашёва, А.С. Смыкалин. — Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001. — С. 45-46.

² *Судницын Ю.Г.* Теоретические проблемы национального суверенитета в государствах мировой социалистической системы (опыт сравнительного государственно-правового исследования): автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. — Свердловск, 1967. — 45 с.

³ См. о Б.Б. Черепашине: *Алексеев С.С., Красавчиков О.А.* Борис Борисович Черепашин, 1894-1969 // Правоведение. — 1980. — № 5. — С. 59-63; *Алексеев С.С.* Борис Борисович Черепашин // *Черепашин Б.Б.* Труды по гражданскому праву. — М.: Статут, 2001. — С. 5-12; *Смыкалин А.С.* У истоков уральской цивилистики: Борис Борисович Черепашин // Российский юридический журнал. — 2001. — № 3. — С. 91-93; *Зитунникова Н.Н.* Б.Б.Ч. как связь времён (к 120-летию со дня рождения Бориса Борисовича Черепашина // Там же. — 2015. — № 1. — С. 232-240. *Насибуллин Р.А.* Праведник ББЧ: штрихи и факты к портрету профессора Бориса Борисовича Черепашина (1894-1969 гг.) // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 2: Страницы истории, документы и судь-

ста по гражданскому процессу Карла Сергеевича Юдельсона (1904-1991), историка Бориса Фёдоровича Ливчака (1906–1993) и других исследователей.

С 1960 по 1977 гг. в Институте, руководимом выдающимися организаторами, профессорами ректором (1954-1986) Дмитрием Демьяновичем Остапенко (1918-1998) и проректором (1954-1988) Владимиром Михайловичем Семёновым (1926-2011), построено три общежития (на ул. Комсомольской, д. 23 на 450 студентов – 1960 г., на ул. Комсомольской, д. 21а на 515 человек площадью 3 316,40 кв.м – 1971 г., на ул. Июльской, д. 18 – на 1 550 мест площадью 5 502,10 кв.м – 1977 г.), новый учебный корпус на улице Комсомольской, д. 21 площадью 5 094,60 кв.м (1965-1968) и круглогодичный спортивно-оздоровительный лагерь «Олимп» на берегу Глубочинского пруда (1960-е гг.). Если в 1954 г. в Институте обучались 1 400 студентов, то в 1976 г. – более 6 тыс.² В 1965 г. появился диссертационный совет по защите кандидат-

бы преподавателей и выпускников / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – С. 875-919; *Насибуллин Р.А.* «Это ужё отдаёт низкопоклонством перед иностранщиной...»: о «буржуазном объективизме» статей профессора Б.Б. Черепахина и очерки дореволюционной и советской науки гражданского права (1917-1953 гг.) // Там же. С. 920-1058; *Мурзин Д.В.* Борис Борисович Черепахин – основатель Уральской школы цивилистики // Там же. С. 868-874.

¹ См. об А.М. Винавере: *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 2: Страницы истории, документы и судьбы преподавателей и выпускников / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – С. 748-860.

² Среди студентов преобладали заочники: так, в 1959 г. на дневном факультете обучалось 814 студентов, в 1976 г. – 1987, на вечернем – 302 и 1937, на заочном – 970 и 5 тыс. соответственно. К 1976 г. на дневное отделение принимали 500 человек, на вечернее – более 400, на заочное – 725 (Свердловский юридический институт. 1931-1981. – М.: Юрид. лит., 1981. – С. 19-20). В 1979 г. в институте обучалось 7500 студентов, из них 28% на дневном отделении (Там же. С. 30).

В советском юридическом образовании вообще преобладала заочная форма обучения. Например, в 1967 г. в стране из 60 тыс. студентов-юристов только 8 тыс. обучались на дневном отделении, 42 тыс. – на заочном, а 10 тыс. – на вечернем (*Алексеев Н.С., Шиллов А.А.* 50 лет советского высшего юридического образования // Правоведение. – 1967. – № 5. – С. 14). В середине 1970-х гг. на дневной форме учились 27% студентов-юристов, на вечерней – 19%, на заочной – 54% (*Суворов Л.К.* Юридическое образование в вузах РСФСР: проблемы и перспективы // Правоведение. – 1977. – № 1. – С. 7). Эта ситуация многими воспринималась как ненормальная. В частности, ректор СЮИ Д.Д. Остапенко всемерно поддерживал развитие дневной формы обучения, считая, что «заочные и вечерние факультеты не имеют будущего, себя изжили» (*Остапенко Д.Д.* За дальнейшее развитие советской высшей школы // Правоведение. – 1979. – № 6. – С. 3). К 1970 г. в трёх юридических институтах (Свердловском, Саратовском и Харьковском) и на 21 юридическом факультете университетов СССР обучалось 36,5 тыс. студентов. Более 1/3 из них учились в Свердловском юридическом институте (СЮИ). На дневных отделениях всех юридических вузов и факультетов СССР обучалось 9,9 тыс. человек, более 1/5 были студентами СЮИ. Ежегодно

ских диссертаций, а в 1971 г. – докторских.¹ В 1954 г. в СЮИ работали 58 преподавателей (из них 15 кандидатов наук и один доктор наук – профессор К.С. Юдельсон), а в 1970 г. – 225 преподавателей (102 кандидата наук и 14 докторов).²

Докторами юридических наук³ в 1960-е гг. стали 11 преподавателей института:⁴ С.С. Алексеев (1960), О.А. Красавчиков (1961), М.И. Ковалёв (1962), В.Е. Чиркин (1964), В.М. Семёнов (1965), Б.А. Стародубский (1966), Б.Ф. Ливчак (1967), Д.Д. Остапенко (1967), Ю.Г. Судницын (1967), В.В. Покровский (1968) и Г.В. Игнатенко (1968). К 1976 г. преподавательский коллектив увеличился до 333 человек, из них 187 кандидатов наук и 29 докторов.⁵ Все они защищались за пределами Института, в сторонних советах, что было весьма непросто.

С 1970-х гг. качество и интенсивность научных исследований, проводимых в Свердловском юридическом институте, позволили утверждать, что в системе российского правоведения выделилась юридическая уральская школа. Преподаватели были молоды, упорно занимались наукой, работали с невероятной самоотдачей, с желанием научить, дать студентам хорошее профессиональное образование. Не случайно Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 июня 1981 г. за заслуги в подготовке юридических кадров и развитие научных исследований Институт был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Юрий Григорьевич Судницын – преподаватель (1954), доцент (1960), профессор (1969), заведующий кафедрой советского государственного права и советского строительства (1964-1979) Свердловского юридического института, доктор юридических наук (1967), заложивший фундамент екатеринбургской, уральской школы конституционного (государственного) права, научный руководитель 13 аспирантов, из которых стали докторами юридических наук, профессорами Михаил Иванович Кукушкин (1933-2017), ректор Свердловского юридического института – Уральской государственной юридической академии (1986-2001), Валентин Трофимович Прохоров (1925-1998),

Институт принимал на 1-й курс 1 600 человек, 500 из них – на дневной факультет (Свердловский юридический институт. 1931-1981. С. 25).

¹ С 1965 по 1979 г. было защищено 127 кандидатских диссертаций, с 1971 по 1976 г. – 24 докторских (Свердловский юридический институт. 1931-1981. С. 156-171).

² Свердловский юридический институт. 1931–1981. С. 17-25; *Остапенко Д.Д. (1918-1998 гг.) // Воспоминания выпускников и ветеранов. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001. – С. 5-8.*

³ Заведующий кафедрой истории государства и права (1963-1971) Б.Ф. Ливчак и заведующий кафедрой истории КПСС (1961-1989) В.В. Покровский стали докторами исторических наук.

⁴ До этого докторами юридических наук стали И.И. Крыльцов (1943), Б.Б. Черепяхин (1945), К.С. Юдельсон (1947).

⁵ Свердловский юридический институт. 1931-1981. С. 25.

Юрий Ильич Скуратов (род. в 1952 г.), Генеральный прокурор России (1995-1999). Исследователь проблем народного, национального и государственного суверенитета.¹

¹ *Остапенко Д.Д., Стародубский Б.А., Судницын Ю.Г.* Конституция Бирманского Союза // Советское государство и право. – 1956. – № 9. – С. 137-141; *Остапенко Д.Д., Судницын Ю.Г.* Марксистско-ленинское понятие суверенитета нации // Вопросы теории и истории государства и права и государственного права. – Свердловск: Кн. изд-во, 1957. – Т. 4. – С. 67-114; *Судницын Ю.Г.* Национальный суверенитет в СССР. – М.: Госюриздат, 1958. – 104 с.; *Судницын Ю.Г.* Повышение роли Советов депутатов трудящихся и развитие демократических принципов государственного управления в период строительства коммунизма // XXII съезд КПСС и вопросы государства и права. Сборник статей. – Свердловск: СЮИ, 1962. – С. 231-278; *Судницын Ю.Г.* Антикоммунизм – враг национального суверенитета // Советское государство и право. – 1966. – № 9. – С. 137-141; *Судницын Ю.Г.* Национальный суверенитет и демократия // Сборник ученых трудов. Вып. 5. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1966. – С. 152-188; *Судницын Ю.Г.* Суверенитет социалистических наций в условиях советского общенародного государства Сборник ученых трудов. Вып. 6. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1966. – С. 32-68; *Судницын Ю.Г.* Социологические аспекты исследования проблем национального суверенитета в Советском государстве // Некоторые вопросы социологии и права. Материалы научно-теоретической конференции «Конкретно-социологические исследования правовых отношений». – Иркутск: [б. и.], 1967. – С. 144-164; *Судницын Ю.Г.* Основные вопросы теории национального суверенитета // Правоведение. – 1967. – № 4. – С. 48-55; Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости. Учебник / Игнатенко Г.В., Остапенко Д.Д., Стародубский Б.А., Судницын Ю.Г., и др.; ред.: В.Е. Чиркин. – М.: Высш. шк., 1968. – 389 с.; *Кукушкин М.И., Судницын Ю.Г.* Основные направления деятельности местных Советов среди народностей Севера // Советское государство и право. – 1969. – № 4. – С. 84-89; *Судницын Ю.Г.* Национальный суверенитет и социалистическая демократия // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1968 год. – Свердловск: СЮИ, 1969. – С. 87-91; *Судницын Ю.Г.* Советская государственность и развитие социалистических наций // Сборник ученых трудов: XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы демократии и законности. Вып. 17. – Свердловск: СЮИ, 1972. – С. 14-32; *Судницын Ю.Г.* Соотношение национального суверенитета с государственным в социалистических государствах // 50 лет советского союзного государства: [сборник статей] / [Ред. коллегия: проф. Б.В. Виленский и др.]; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Саратов. юрид. ин-т им. Д.И. Курского. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – С. 70-85; *Лучин В.О., Судницын Ю.Г.* Наши предложения (Обсуждение проекта новой Конституции СССР) // Правоведение. – 1977. – № 4. – С. 28-30; Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости. Учебник / Бельсон Я.М., Остапенко Д.Д., Савицкий П.И., Стародубский Б.А., и др.; ред.: Б.А. Стародубский, В.Е. Чиркин; 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1977. – 320 с.; *Судницын Ю.Г.* Народный и национальный суверенитет в советском государстве // Правоведение. – 1979. – № 4. – С. 3-11; *Судницын Ю.Г.* Национально-государственное устройство СССР: Конспект лекций. – Свердловск: УрГУ: СЮИ, 1979. – 48 с.; *Судницын Ю.Г.* Конституционное регулирование форм национально-государственных отношений развитого социализма // Теоретические проблемы советского государственного права в условиях новейшего конституционного законодательства: Межвузовский сборник научных трудов / Ред. колл.: Ю.Г. Судницын, П.Г. Шекочихин и др. – Свердловск: СЮИ, 1979. – С. 3-24; *Судницын Ю.Г.* Конституционное обеспечение суверенитета

Ю.И. Скуратов вспоминает: «Руководителем диссертации у меня был профессор Судницын Юрий Григорьевич – человек своеобразный, с дворянскими манерами и дворянской внешностью, автор нескольких книг. Впрочем, к факту появления своих книг он относился очень спокойно и говорил:

– Можно написать два десятка томов, и их никто не заметит, а можно всего лишь две статьи, и они войдут в историю науки.

Защитился я в 1977 году, досрочно. Я мог ещё год находиться в аспирантуре, отдохнуть, ничего не делая, но я предпочел этому защиту кандидатской диссертации. Через десять лет, в 1987 году, я защитил докторскую и одно время был самым молодым доктором юридических наук в стране...

Во многом мой путь в науке, конечно же, определил профессор Судницын. Он великолепно, просто захватывающе читал лекции, умел держать аудиторию в напряжении – два часа лекции пролетали, как одна минута, я учился у него лекторским приёмам, он был мастером классификации, что крайне важно... Причём содержание его лекций часто совершенно не совпадало с содержанием учебника. Должен заметить, что ни один уважающий себя студент не будет ходить на лекции, если лектор на них старательно пересказывает учебник, студенту это удобнее прочитать перед самым экзаменом – ему обязательно надо преподнести что-то своё, яркое, ещё непознанное, только тогда он будет ходить на лекции, а так – нет, так вряд ли его заставишь...

До сих пор помню, как я пришёл в первый раз в студенческий научный кружок, как через полгода стал старостой, как начал заниматься проблемами народного суверенитета. У меня и ныне бережно хранится первый доклад, который я сделал в кружке, – ещё наивный, с «глобальными» обобщениями, вызывающий улыбку. По характеру я однолюб, – и науку в её узкой «суверенитетной» теме, и жену свою люблю до сих пор и буду любить до конца жизни. Я был просто счастлив, когда в 1972 году в сборнике, посвящённом пятидесятилетию образования СССР, вышла моя статья. Я, наверное, не менее сотни раз раскрыл ту книгу, где в середине значилось „Ю. Скуратов.

народа в Советском государстве // Советское государство и право. – 1981. – № 1. – С. 19-27; Научные труды / ред. колл.: Г.В. Игнатенко, Ю.Г. Судницын. Вып. 43: Актуальные и теоретические проблемы политической организации общества. – 1975. – 187 с.; Юридические знания – школе: пособие для учителей средних школ / Ю.Г. Судницын, Е.А. Фролов и др.; ред. колл.: Д.Д. Остапенко, В.М. Семёнов и др. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1976. – 175 с.; Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 51: Конституционное законодательство и государственное управление / ред. колл.: Ю.Г. Судницын, Г.В. Игнатенко и др. – Свердловск: СЮИ, – 1977. – 148 с.; Межвузовский сборник научных трудов / ред. колл.: Ю.Г. Судницын, Г.В. Игнатенко и др. Вып. 71: Проблемы советского конституционного строительства в условиях развитого социализма. – Свердловск: УрГУ, 1978. – 136 с.; Проблемы национально-государственного строительства в условиях развитого социализма: Межвузовский сборник научных трудов / Ред. колл.: Ю.Г. Судницын, М.И. Кукшин и др. – Свердловск: УрГУ: СЮИ, 1980. – 152 с.

Проблемы суверенитета в Союзе ССР”, а под фамилией, в скобках, мелко: “студент 3-го курса”.

На третьем курсе меня перевели на индивидуальный график учёбы – такие графики имели только студенты, занимающиеся научной деятельностью. Чем был удобен такой график? Можно было не ходить на лекции, экзамены “индивидуалы” сдавали, когда хотели, в любой очерёдности, чего простые студенты не могли делать. Меня индграфик очень даже устраивал: я, признаюсь, любил поспать, и при таком построении учёбы мог вставать утром, когда хотел. Когда дело подошло к диплому, и ректорат решил оставить меня в аспирантуре, мне очень важно было попасть на кафедру к Судницыну. Но любимый мой профессор Судницын крайне редко и крайне неохотно брал к себе аспирантов. К нему просились даже сотрудники обкома партии – могущественные в Свердловске люди, просились работники прокуратуры и суда – он не брал их, пока не убеждался в пригодности для науки. Все мои друзья, кто занимался наукой, уже обговорили свои перспективы, а Судницын всё молчал. Без него мою судьбу решить не мог никто. Я начал примеряться к кафедре философии – оттуда поступило несколько приглашений, и хотел было провести с ними первый пристрелочный разговор, как вдруг Судницын попросил заглянуть к нему. Я заглянул.

– Юра, я делаю тебе официальное предложение стать аспирантом нашей кафедры, – сказал он.

Казалось, я никогда ещё в жизни не был таким счастливым. Я шёл пешком к себе домой и, будто школяр, которого первый раз поцеловала девчонка, в которую он был влюблён, подбрасывал вверх портфель, ловил его, и снова подбрасывал, и что-то горланил... Как мало, оказывается, надо человеку для счастья.

В 1977 году я написал диссертацию на тему, посвящённую конституционным проблемам народного суверенитета, и приготовился к защите. Но вышла заминка. Я писал диссертацию, используя в качестве материала Конституцию СССР 1936 года, а к той поре уже были опубликованы тезисы новой Конституции – 1977 года – и в стране началось повсеместное обсуждение её. Ректор в ту пору готовился к какой-то конференции на тему суверенитета и, естественно, залез в мою диссертацию – думал там чего-нибудь почерпнуть, но прежде чем что-либо почерпнуть, увидел, что новая Конституция в диссертации никак не отражена, на неё нет даже ссылок. Утвердит ли ВАК такую диссертацию? Судницын ответил совершенно определённо: утвердит! Но червь сомнения сидел в ректоре крепко: он созвал учёный совет. На совет пригласили и меня. Я изложил свои доводы. Тем более что на диссертацию уже имелся отзыв профессора Фарбера Исаака Ефимовича из Саратова – положительный отзыв... Присутствующие практически единодушно высказались и решили: никаких переделок, надо выходить на защиту с диссертацией в таком виде. Проголосовали открыто, без чёрных и белых шаров. Насчёт

чёрных и белых шаров ходит немало разных легенд и рассказней. Особенно в академических кругах. Один учёный муж рассказывал мне, как защищал диссертацию крупный партийный работник. Дело происходило в одном из московских институтов. Во время обсуждения диссертации ни один человек не высказался против, все высказались за, а когда дошла очередь до тайного голосования, то оказалось: нет в рядах учёного совета того единодушия, которое было только что продемонстрировано. Голосовали, как и у нас, семнадцать человек. Счёт был: пять “за” и двенадцать “против”. Диссертация провалилась с оглушительным треском. Но самое интересное случилось потом: этому важному партийному чину позвонили девять человек, и каждый из них говорил, что это именно он проголосовал “за”... В нашем же институте этого не было, атмосфера у нас была чистой, дышать было легко...

Помню, Судницын говорил, смеясь:

– Всем хороша работа профессора, и зарплата хорошая, и авторитет непререкаемый, и заниматься можно чем хочешь, одно только плохо, и это проблема: студенты! Студенты, Юра, имей в виду, очень мешают профессору жить.

Со студентами контакт я нашёл очень быстро: ведь я сам совсем недавно был таким же, как и они. И с Судницыным нашёл контакт – работать с ним было интересно. Вместе мы написали и опубликовали несколько исследовательских статей. Несколько статей были запланированы, находились в разработке, но света не увидели: профессора Судницына не стало. Он скончался в Прибалтике от сердечного приступа осенью 1979 года, кончина его надолго оставила ощущение горечи и несправедливости: слишком уж рано уходят люди, которым жить бы да жить! Он чувствовал свою смерть и месяца за полтора, подписывая какой-то документ, – дело было в моем присутствии, – посмотрел грустно на меня, поставил на бумаге первый инициал своей подписи «Ю», задержал перо и сказал секретарше:

– Скоро тут также будет стоять буква «Ю», – усмехнулся грустно, как-то задумчиво, в себя, – только фамилия будет другая... – и вновь посмотрел на меня.

Похоронили мы Судницына в Свердловске на Ширококореченском кладбище. Бывая в Свердловске, я всякий раз обязательно прихожу к нему на могилу поклониться, положить цветы».¹

Ю.Г. Судницын с ноября 1962 г. по ноябрь 1963 г. в качестве приглашённого профессора кафедры теории государства и права читал лекции, проводил иные занятия на немецком языке по теории государства и права и по советскому государственному праву на юридическом факультете Берлинского университета имени Гумбольда, а также в Высшей партийной школе имени К. Маркса при ЦК СЕПГ (Центральном комитете Социалистической еди-

¹ Скуратов Ю.И. Вариант дракона. – М.: Детектив – Пресс, 2000. – С. 29, 39-44.

ной партии Германии). Увлечения Ю.Г. Судницына: фотографирование, киносъёмки, собирание марок, заграничные туристические путешествия (туристическая поездка вокруг Европы (Швеция, Бельгия, Франция, Италия, Греция, Турция) в июле 1959 г.; туристическая поездка по Дунаю (Болгария, Румыния, Венгрия, Югославия, Чехословакия, Австрия) в августе 1960 г., туристическая поездка в США и Данию в мае 1961 г.). Юрий Григорьевич полностью отдавал себя науке и безвременно, в расцвете творческих сил и таланта, скончался от сердечного приступа в отпуске в Риге 1 августа 1979 г.



Ю.Г. Судницын на водопаде Ниагара Фоллс (май 1960 г.).

Преданной спутницей жизни Ю.Г. Судницына стала жена Судницына Татьяна Михайловна (1925-1981) – врач, педиатр городской больницы. Её мать – Невзорова Елена Брониславовна (1901 – ?) – уроженка г. Томск, врач, участница Великой Отечественной войны (служила в эвакуационном госпитале в г. Нижние Серги Свердловской области), отец – инженер Михаил Невзоров. Юрий Григорьевич и Татьяна Михайловна дружили со школы. После смерти мужа Татьяна Михайловна сгорела как свеча, прожив всего два года. Она болела сердечно-сосудистым заболеванием, работала, чтобы иметь пенсию побольше. Сын – Сергей Юрьевич Судницын (1948-2007).

По окончании средней школы Н.Ю. Судницына в 1971 г. поступила и в 1975 г. окончила с отличием дневной факультет Свердловского юридического института и поступила в аспирантуру того же института. В 1980 г. защитила диссертацию «Зарождение и развитие статуса доминиона в Британских владениях» на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Диссертации предшествовали курсовая и дипломная работы по этой малоис-

следованной теме. Научным руководителем стал доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права (1971-1990) Борис Авраамович Стародубский (1925-2003).¹



Родился 12 февраля 1925 г. в с. Городище Киевской области Украинской ССР в семье служащего Стародубского Авраама Яковлевича (1888-1958) и Стародубской (урождённой Петорской) Сарры Зусевны (1898-1957). Еврей. В 1929 г. вместе с семьёй (старший брат Яков – 1919 г. р., впоследствии адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов) переехал на постоянное жительство в г. Лосиноостровское (г. Бабушкин Московской области, а ныне часть Москвы). В 1941 г. окончил Лосиноостровскую среднюю школу № 1 с аттестатом отличника и поступил без вступительного экзамена на исторический факультет Московского государственного университета. В феврале 1942 г. поступил

и в июне 1945 г. закончил Московский юридический институт. Аспирант Всесоюзного института юридических наук (ныне Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ) (декабрь 1945 – июль 1949 гг.).

Аспирант Стародубский хорошо запомнил кампанию борьбы с космополитизмом в Московском юридическом институте, жертвой которой стал научный руководитель Стародубского – доктор юридических наук (1940 г.), декан Московского юридического университета (1921-1924 гг.), профессор (1925 г.) Московского юридического института, видный советский государствовед Георгий Семёнович Гурвич (1886-1964).² Увольнение научного руководителя Г.С. Гурвича не помешало его аспиранту, еврею Б.А. Стародубскому в июле 1949 г. в ВИЮНе защитить диссертацию «Реакционный характер правительственной власти в буржуазном государстве (Англия, Франция, США)» на соискание учёной степени кандидата юридических наук.³ В августе 1949 г. он был направлен в Свердловский юри-

¹ Личное дело Б.А. Стародубского // ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1-л. Ед. хр. 236. Л. 1-176.

² Подробно об этом можно прочитать *Насибуллин Р.А.* Борьба с космополитизмом и обожествление Сталина в советской юридической науке (1949-1953 гг.) // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 2: Страницы истории, документы и судьбы преподавателей и выпускников / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – С. 355-456, 374-388.

³ *Стародубский Б.А.* Реакционный характер правительственной власти в буржуазном государстве (Англия, Франция, США) / Московский юридический институт: дис. ... канд. юрид.

дический институт, где проработал свыше сорока лет до ухода на пенсию в 1990 году. С августа 1949 г. до июля 1952 г. Борис Авраамович трудился в должности старшего преподавателя института.

Потомственный интеллигент, сын крупного симбирского земского архитектора, инженера и изобретателя, выпускник историко-философского факультета Московского государственного университета (1931), участник Великой Отечественной войны, преподаватель, профессор (1939-1975), доцент кафедры теории и истории государства и права, заведующий кафедрой истории государства и права (1963-1971), учёный секретарь Свердловского юридического института, доктор исторических наук (1967), кандидат юридических наук (1946) Борис Фёдорович Ливчак (1906-1993)¹ вспоминал: «Трудность возникла с последним из этой обоймы космополитов – Б.А. Стародубским. Он поступил недавно по распределению и, таким образом, числился молодым специалистом, что обязывало администрацию его трудоустроить. А тут – увольнять. Он не только добросовестно и успешно выполнял свои обязанности, но и высоко ценился как специалист по иностранному государственному праву. По читаемому им курсу не было учебника. Он стал автором первого учебника по государственному праву зарубежных стран. Прицепиться было не к чему. Выход был запроектирован такой: подошёл срок баллотироваться ему на должность (и звание) доцента. Рассчитывали – забаллотировать в доценты, а позднее под этим предлогом уволить. Номер не прошёл – голосование оказалось положительным».² Действительно в июле 1952 г. Б.А. Стародубский был избран исполняющим обязанности доцента кафедры государственного права. В 1956 г. его вторично избрали и.о. доцента кафедры государственного права.

наук. – М., 1949. – 442 с.; *Стародубский Б.А.* Реакционный характер правительственной власти в буржуазном государстве (Англия, Франция, США): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Изд-во типографии Министерства юстиции СССР, 1949. – 16 с.

¹ См. о Б.Ф. Ливчаке: *Насибуллин Р.А.* Борис Ливчак – заведующий кафедрой истории государства и права Свердловского юридического института // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936-2016). Сборник научных трудов. Т. I: История кафедры, эволюция российского и зарубежного государства и права в трудах учёных кафедры, аспирантов, соискателей и докторантов / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2016. – С. 429-497; *Насибуллин Р.А.* Борис Ливчак (1906-1993) – профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Свердловского юридического института // Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов. Материалы круглого стола «Проблемы историографии историко-правовой науки и вопросы военной истории (к 110-летию со дня рождения Б.Ф. Ливчака (1906-1993) и 75-летию со дня рождения В.В. Баженова (1941-2002))» 20 декабря 2016 года, г. Екатеринбург. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2017. – Вып. 4-й. – С. 9-44; *Ливчак Б.Ф.* Храни меня, мой талисман (воспоминания) // Урал. – 1993. – № 12. – С. 141-185; *Ливчак Б.Ф.* Свидетель XX века (воспоминания) // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936-2016). Сборник научных трудов. Т. I. С. 500-535.

² *Ливчак Б.Ф.* Свидетель XX века // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936-2016). Сборник научных трудов. Т. I. С. 534.

В дальнейшем Б.А. Стародубский – доцент (1958 г.) и профессор (1968 г.) кафедры иностранного государственного и международного права (преподавал государственное право буржуазных государств, государственное право зарубежных социалистических стран, государственное право стран, освободившихся от колониальной зависимости, международное право), а с января 1971 года – заведующий кафедрой истории государства и права, которой руководил почти 20 лет до сентября 1990 г. Член КПСС (с 1968 г.). В апреле 1966 г. защитил докторскую диссертацию «Буржуазная демократия в теории и на практике (политико-правовой анализ механизма буржуазной демократии)» в Объединённом совете по присуждению учёных степеней по гуманитарным наукам Уральского государственного университета им. А.М. Горького.¹

Б.А. Стародубский – известный учёный, один из ведущих учёных СССР в области зарубежного государственного (конституционного) права, признанный авторитет в области конституционного права и истории государства и права зарубежных стран. Кандидатскую (1949 г.) и докторскую (1966 г.) диссертации по конституционному праву зарубежных стран он посвятил критике буржуазной (западной) демократии и анализу таких её институтов как сущность и виды политических партий, виды политических режимов, избирательное право и избирательные системы, высшие органы государственной власти (парламент, правительство) и механизм их взаимодействия, права граждан. Труды Б.А. Стародубского были написаны в единственно возможном тогда духе критики западных демократий (например, монография «Буржуазная демократия: миф и действительность»), но и такой подход позволял донести до студента–юриста не только провалы, реальные недостатки, но и достижения демократических режимов. Б.А. Стародубским опубликовано 70 научных работ.²

¹ *Стародубский Б.А.* Буржуазная демократия в теории и на практике: (политико-правовой анализ механизма буржуазной демократии): дис. ... докт. юрид. наук. – Свердловск, 1966. – 756 с.; *Стародубский Б.А.* Буржуазная демократия в теории и на практике: (политико-правовой анализ механизма буржуазной демократии): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Свердловск, 1966. – 41 с.

² *Стародубский Б.А.* Конституция Бирманского Союза // Советское государство и право. – 1956. – № 4. – С. 89-96 (в соавт. с Д.Д. Остапенко, Ю.Г. Судницыным); *Стародубский Б.А.* Государственный строй Финляндии. – Свердловск: [б. и.], 1957. – 32 с.; *Стародубский Б.А.* Государственное право буржуазных стран: Общие основы буржуазного государственного права. Учеб. пособие. – Свердловск: [б. и.], 1958. – Ч. I. – 143 с.; *Стародубский Б.А.* Государственное право буржуазных стран: Основы государственного права отдельных буржуазных стран. Учеб. пособие. – Свердловск: [б. и.], 1960. – Ч. II. – 472 с.; *Стародубский Б.А.* Роль правительства в осуществлении законодательной власти в главных странах капитализма // Учёные записки СЮИ. – Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1957. – Т. 4. – С. 278-310; *Стародубский Б.А.* Избирательные системы стран мира Справочник / Под общ. ред. П.С. Ромашкина. – М.: Госполитиздат, 1961. – 336 с. (в соавт.). Статьи: абсолютного

большинства система, «заградительный пункт», залог избирательный, императивный мандат, куриальная система, мажоритарная система, округ избирателей, относительно большинства система, панажаш, «премий» система, пропорциональная система, свободных списков система, связанных списков система, избирательные системы Норвегии, Финляндии и Швеции; *Стародубский Б.А.* Законодательная регламентация выдвижения кандидатов в предвыборной агитации в буржуазных странах // Сборник учёных трудов. – Свердловск: СЮИ, 1964. – Вып. 1. – С. 326-340; *Стародубский Б.А.* Ограничения демократии при применении пропорциональной избирательной системы в буржуазных странах // Сборник учёных трудов. Вып. 2. – Свердловск: [б. и.], 1964. – С. 349-376; *Стародубский Б.А.* Критика буржуазных учений о «принципах демократии» // Сборник учёных трудов. Вып. 3. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – С. 335-363; *Стародубский Б.А.* О классификации форм буржуазных государств // Сборник учёных трудов. – Свердловск: [б. и.], 1964. – Вып. 4. – С. 446-498; *Стародубский Б.А.* Фактическое всевластие правительства в государствах буржуазной демократии // Вопросы государства и права. Материалы теоретической конференции по плановым работам, выполненные в 1963 году, кандидатские и докторские диссертации. – Свердловск: [б. и.], 1964. – С. 143-145; *Стародубский Б.А.* Великая Октябрьская социалистическая революция и кризис буржуазной демократии // Правоведение. – 1967. – № 2. – С. 20-28; *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавторстве с Д.Д. Остапенко, В.Е. Чиркиным): Буржуазные конституции в период общего кризиса капитализма. – М.: Наука, 1966. – 335 с. // Правоведение. – 1967. – № 2. – С. 124-127; *Стародубский Б.А.* Институт чрезвычайных полномочий правительства и кризис буржуазной демократии // Материалы теоретической конференции, посвящённой 50-летию Советской власти. – Свердловск: [б. и.], 1968. – С. 82-86; *Стародубский Б.А.* Основы правового положения личности в буржуазных странах и странах, развивающихся по капиталистическому пути // Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости. Учебник / Под ред. В.Е. Чиркина. – М.: Высш. шк., 1968. – С. 194-240; *Стародубский Б.А.* Избирательное право и референдум в буржуазных странах и странах, развивающихся по капиталистическому пути // Там же. С. 241-288; *Стародубский Б.А.* Центральные органы государства в буржуазных странах и странах, развивающихся по капиталистическому пути // Там же. С. 289-360; *Стародубский Б.А.* Местные органы государства в буржуазных странах и странах, развивающихся по капиталистическому пути // Там же. С. 361-387; *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавторстве с В.Е. Чиркиным): *Петров В.С.* Тип и формы государства. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. – 120 с. // Правоведение. – 1968. – № 2. – С. 140-142; *Стародубский Б.А.* Словарь парламентских терминов // Парламенты зарубежных стран. Справочник. – М.: Изд-во полит. лит., 1968. – С. 224-285; *Стародубский Б.А.* Парламенты Индии, Мексики и Гвианы // Парламенты зарубежных стран. Справочник. – М.: Изд-во по-лит. лит., 1968. – С. 92-95, 197-200, 186-197; *Стародубский Б.А.* Понятие и виды партийной системы в буржуазных странах // Правоведение. – 1969. – № 4. – С. 80-89; *Стародубский Б.А.* Критика современных буржуазных учений о государстве и праве // Основы теории государства и права / Отв. ред. С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1969. – С. 352-374 (в соавт. с В.Е. Чиркиным); *Стародубский Б.А.* Ленинские идеи – теоретическая основа учения о политической организации общества // Сборник учёных трудов СЮИ (К столетию со дня рождения В.И. Ленина). – Свердловск: [б. и.], 1969. – Вып. 11. – С. 3-23; *Стародубский Б.А.* Законодательство в зарубежных социалистических странах // Государственное право зарубежных социалистических стран: Учебно-методическое пособие / Под ред. В.Е. Чиркина. – Свердловск: СЮИ, 1970. – 327 с. (в соавт. с В.Е. Чиркиным); *Стародубский Б.А.* Основы правового положения гражданина в зарубежных социалистических странах // Там же. – 327 с.; *Стародубский Б.А.* Избирательное право в зарубежных социалисти-

ческих странах // Там же. – 327 с.; *Стародубский Б.А.* Правительство в зарубежных социалистических странах // Там же. – 327 с. (в соавт. с В.Е. Чиркиным); *Стародубский Б.А.* Критика современных буржуазных учений о государстве и праве // Основы теории государства и права. Учеб. пос. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1971. – С. 374-397 (в соавт. с В.Е. Чиркиным); *Стародубский Б.А.* Международное значение советского федерализма // Образование СССР – торжество ленинской национальной политики: Тезисы докл. и выступлений на Всесоюз. науч. конф., посвящённой 50-летию образования СССР. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972. – 343 с.; *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с В.С. Воробьёвым, Б.Ф. Ливчаком): Марксистско-ленинская теория государства и права. Исторические типы государства и права. – М.: Юрид. лит., 1971. – 638 с. // Советское государство и право. – 1973. – № 1. – С. 143-145; *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с Я.М. Бельсоном): Политический механизм диктатуры монополий / Отв. ред. И.Д. Левин, В.А. Туманов. – М.: Наука, 1975. – 360 с. // Советское государство и право. – 1975. – № 6. – С. 129-131; *Стародубский Б.А.* Основы правового положения граждан зарубежных социалистических стран // Государственное право зарубежных социалистических стран / Под ред. В.Е. Чиркина, Б.Н. Топорнина. – М.: Высш. шк., 1976. – С. 91-116; *Стародубский Б.А.* Избирательное право и избирательные системы зарубежных социалистических стран // Там же. С. 147-169; *Стародубский Б.А.* Правительство в зарубежных социалистических странах // Там же. С. 221-239. (в соавт. с В.Е. Чиркиным); *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с Е.Р. Кастелем): *Юдин Ю.А.* Политические системы независимых стран Тропической Африки (Государство и политические партии). – М.: Наука, 1975. – 325 с. // Правоведение. – 1976. – № 5. – С. 136-137; *Стародубский Б.А.* Буржуазная демократия: миф и действительность. – М.: Юрид. лит., 1977. – 112 с.; *Стародубский Б.А.* Проблемы классификации буржуазно-демократических режимов стран Западной Европы // Политическая организация общества (история и современность): межвуз. сб. науч. трудов. – Свердловск: СЮИ, 1977. – Вып. 56. – С. 42-50; *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с П.И. Савицким): *Серебренников В.П.* Конституционное право Франции. Проблемы эволюции государственно-правовых институтов Пятой Республики. 1958-1976 гг. – М.: Изд-во БГУ, 1976. – 240 с. // Правоведение. – 1977. – № 5. – С. 145-147; *Стародубский Б.А.* Основы правового положения личности в буржуазных странах и странах, освободившихся и развивающихся по капиталистическому пути // Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Б.А. Стародубского, В.Е. Чиркина. – М.: Высш. шк., 1977. – С. 92-112; *Стародубский Б.А.* Избирательное право и референдум в буржуазных странах, развивающихся по капиталистическому пути // Там же. С. 113-132; *Стародубский Б.А.* Высшие органы государства в буржуазных странах и странах, развивающихся по капиталистическому пути // Там же. С. 133-168; *Стародубский Б.А.* Местные органы государства в буржуазных странах, развивающихся по капиталистическому пути // Там же. С. 169-176; *Стародубский Б.А.* Основы государственного права Великобритании // Там же. С. 193-208; *Стародубский Б.А.* Основы государственного права Японии // Там же. С. 241-249; *Стародубский Б.А.* Основы государственного права Индии // Там же. С. 250-262; *Стародубский Б.А.* Особенности конституции и политической системы Великобритании // Конституция и политические системы в странах социализма и капитализма: межвуз. сб. научн. тр. – Свердловск: СЮИ, 1979. – С. 56-70; *Стародубский Б.А.* Народный суверенитет в условиях развитого социализма // Конституция СССР: проблемы государствоведения и советского строительства: материалы науч. конф., Звенигород, 16-18 января 1979 г. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1980. – С. 67-70; *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с В.Б. Евдокимовым): Партии и выборы в капиталистическом государстве (Практика 70-х годов) / Отв. ред. В.А. Туманов. – М.: Нау-

В сентябре 1990 г. вместе с семьёй (женой Стародубской [урождённая Мень; её двоюродным братом был известный протоирей Русской православной церкви, богослов, проповедник Александр Владимирович Мень (1935-1990)] Евгенией Наумовной (1929 – ?), кандидатом юридических наук, доцентом кафедры трудового права Свердловского юридического института и

ка, 1980. – 280 с. / Советское государство и право. – 1981. – № 6. – С. 150-152; *Стародубский Б.А.* Партийная система и политический режим Италии // Политические партии и государственственный механизм капиталистических стран. – Свердловск: СЮИ, 1982. – С. 3-15; *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с Е.Р. Кастелем, И.П. Никитиной): История государства и права зарубежных стран (рабовладельческое и феодальное государство и право) / Под ред. П.Н. Галанзы и Б.С. Громакова. – М.: Юрид. лит., 1980. – 550 с. // Правоведение. – 1982. – № 4. – С. 105-112; *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с П.И. Савицким): *Крутоголов М.А.* Президент Французской Республики: правовое положение. – М.: Наука, 1980. – 336 с. // Советское государство и право. – 1982. – № 5. – С. 150-151; *Стародубский Б.А.* Международное значение советского федерализма // Советское многонациональное государство. – Свердловск: СЮИ, 1983. – 116 с. (в соавт. с А.А. Ашихминым); *Стародубский Б.А.* «Рационализация» парламентской системы в капиталистических странах Европы // Советское государство и право. – 1984. – № 7. – С. 105-112; *Стародубский Б.А.* Государственное право буржуазных и освободившихся стран. Учебник. 3-е изд. перераб. и доп. / Под ред. Б.А. Стародубского, В.Е. Чиркина. – М.: Высш. шк., 1986. – 431 с.; *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с В.Б. Евдокимовым, Б.А. Стародубским, Е.Д. Чуличковой, А.Ю. Якушевой): Основы теории политической системы» / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.Е. Чиркин. – М.: Наука, 1985. – 248 с. // Советское государство и право. – 1986. – № 9. – С. 149-150; *Стародубский Б.А.* Современное буржуазное государственное право. Критические очерки Основные институты. – М.: Наука, 1987. – Ч. 2. – 368 с. (в соавт.); *Стародубский Б.А.* Политические режимы европейских буржуазных государств. – Свердловск: Урал. ун-т, 1989. – 179 с.; *Стародубский Б.А.* Формы территориально-политического устройства государства с точки зрения историка права // Вопросы территориально-политического устройства государства в развитии политической системы общества: межвуз. сб. науч. трудов. – Свердловск: СЮИ, 1990. – С. 4-18; *Стародубский Б.А.* Общая политология. – Екатеринбург: Бизнес-центр, 1996. – 276 с. (в соавт. с Е.Р. Кастелем); *Стародубский Б.А.* Общая политология. Основы теории политической жизни общества. – Екатеринбург: ИИТЦ «Зерцало-Урал», 2000. – 264 с.; *Стародубский Б.А.* Уникальная система правления в Израиле // Государство и право. – 2000. – № 2. – С. 86-91; *Стародубский Б.А.* О Конституции Израиля // Рос. юрид. журн. – 2000. – № 2. – С. 147-154; *Стародубский Б.А.* Развитие современных представлений о демократии // Вестник гуманитарного университета. Серия: Право. – Екатеринбург. – 2002. – № 1 – С. 23-35; *Стародубский Б.А.* Общественное сознание и политическая жизнь // Помним, думаем, спорим... Сборник статей, посвящённый 75-летию со дня основания кафедры истории государства и права УрГЮА / Сост. Т.М. Баженова, Н.Н. Зипунникова; отв. ред. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 57-78; *Стародубский Б.А.* О Конституции Израиля // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936-2016). Сборник научных трудов. Т. I: История кафедры, эволюция российского и зарубежного государства и права в трудах учёных кафедры, аспирантов, соискателей и докторантов / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2016. – С. 547-552.

дочерью Стеллой (род. в 1951 г.), кандидатом технических наук¹, старшим научным сотрудником Уралпромстройинипроекта и внуком А.Л. Стародубским) переехал в Израиль, проживал в г. Хайфа (1990-2003). В последние годы он проявлял интерес к смежным проблемам, включающим юридические (государствоведческие) и политологические вопросы, и опубликовал учебное пособие «Общая политология» (1996 г.; в соавторстве с Е.Р. Кастелем) и последнее своё монографическое исследование «Общая политология. Основы теории политической жизни общества» (Екатеринбург, 2000. – 30 п.л.).

В этом исследовании, как писал в предисловии Б.А. Стародубский, ему «хотелось подвести итог собственной полувековой исследовательской работе. Мои научные взгляды формировались в течение многих лет, но при советском режиме я не мог их высказывать даже в устных беседах, а в своих публикациях мне приходилось деформировать свои взгляды, привязывая их к высказываниям “классиков” пресловутого марксизма-ленинизма». Вместе с тем, «я убеждён в том, что идеи К. Маркса и Ф. Энгельса и так называемый марксизм-ленинизм заслуживают тщательного и объективного рассмотрения с точки зрения современного уровня знаний об обществе и государстве. Журналистов может устроить огульное предание анафеме той самой марксистско-ленинской доктрины, которая в Советском Союзе в течение семидесяти лет вдалбливалась в головы школьников и студентов, а науке предстоит спокойно разобраться, в чём именно заключались заблуждения и сознательные искажения действительности, сочинённые этой доктриной. Это задача тем более насущна, что на Западе марксизм подаётся весьма поверхностно». Наконец, «я считал необходимым изложить и критически проанализировать многочисленные концепции, выдвинутые политологами Запада по поводу разнообразных явлений политической жизни. В России большая часть этих концепций просто неизвестна: при советском режиме наиболее серьёзные теоретические работы западных политологов не переводились, а те, что поступали в библиотеки на языке оригинала, прятались в отделах „специального хранения”. На Западе, впрочем, тоже нет ни одной работы, в которой были бы собраны вместе и проанализированы столь многочисленные и разнообразные теоретические конструкции, как в данной книге».²

Труды Б.А. Стародубского оказали значительное влияние на развитие, становление и преподавание курса «государственное (конституционное) право зарубежных стран». Он стал автором первого в СССР учебного пособия «Государственное право буржуазных стран» (чч. 1-2, Свердловск, 1958-1960,

¹ *Стародубская С.Б.* Расчёт плит с учётом особенностей работы железобетона с трещинами при разгрузке и повторных нагружениях: дис. ... канд. техн. наук: 05.23.01 (Строительные конструкции, здания и сооружения). – Свердловск, 1988. – 186 с.

² *Стародубский Б.А.* Общая политология. Основы теории политической жизни общества. – Екатеринбург: Зерцало – Урал, 2000. – С. 7.

37,3 п.л.). При его непосредственном участии была создана уральская школа конституционного права. Научный руководитель аспирантов и научный консультант докторантов, которым умело передавал свой богатый опыт педагога и учёного. Под его руководством подготовлено одиннадцать кандидатов юридических наук: восемь – по конституционному праву зарубежных стран¹ и трое – по истории государства и права зарубежных стран.² П.И. Савицкий (1980 г.), Е.Р. Кастель (1995 г.) и И.В. Минникес (2004 г.) впоследствии стали докторами юридических наук. Награждён орденом «Знак Почёта» (1981 г.), нагрудным знаком «За отличные успехи в работе в области высшего образования СССР» (1980 г.), медалью «В память 800-летия Москвы» (1948 г.).

Вернёмся к Н.Ю. Кузнецовой. С марта 1979 года – преподаватель, доцент кафедры истории государства и права Свердловского юридического института, преподавала историю государства и права СССР до 1992 года. Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Екатеринбургской высшей школы МВД России (1992-2003 гг.). Беспартийная. Наталья Юрьевна великолепно играла на пианино, имела абсолютный слух (играла без нот, слышала музыку). Увлекалась садоводством, собиранием и заготовкой грибов, ягод. Замужем (с 1974 г.), вырастила сына Юрия (род. в 1976 г.) и дочь Татьяну (род. в 1982 г.), которые окончили Уральскую государственную юридическую академию, стали юристами в третьем поколении.

¹ *Савицкий П.И.* Государственный строй Бельгии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1967. – 20 с.; *Белобородов В.Г.* Механизм и методы осуществления фашистской диктатуры в ЮАР (государственно-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1970. – 34 с.; *Кастель Е.Р.* Западногерманский федерализм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1974. – 24 с.; *Грушева Г.С.* Порядок формирования палат британского парламента: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1974. – 25 с.; *Ашихмин А.А.* Основные черты Чехословацкой социалистической федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1978. – 17 с.; *Чуличкова Е.Д.* Правовое положение Шотландии и Уэльса в политической системе Великобритании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1979. – 16 с.; *Андреященко В.А.* Конституционные проблемы Северной Ирландии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1982. – 15 с.; *Минникес И.В.* Местное управление Великобритании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1988. – 16 с.

² *Кузнецова Н.Ю.* Зарождение и развитие статуса доминиона в Британских владениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1980. – 17 с.; *Якушева А.Ю.* Делегированное законодательство в Англии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1980. – 21 с.; *Корчагина Л.А.* Возникновение и основные черты феодального государства в Германии X–XIII вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1990. – 16 с.



Н.Ю. Кузнецова, сын Юрий, П.С. Кузнецов (1976 г.).

Муж – Кузнецов Пётр Семёнович (род. в 1952 г.), отец – Семён Петрович Кузнецов (1916-1981), плотник, председатель Любомировского сельского совета Таврического района Омской области, участник Великой Отечественной войны (призван в июле 1941 г., демобилизован в декабре 1945 г. в звании сержанта, боевой путь начал под Сталинградом и закончил в Берлине, награждён медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией»¹), мать – Кузнецова Прасковья Николаевна – пекарь, мать восьмерых детей. П.С. Кузнецов хорошо владеет крестьянскими

¹ Приказ подразделения № 22/н от 9 мая 1944 г., из наградного листа от 21 апреля 1944 г. на сержанта, старшего разведчика 917 артиллерийского полка, 350 Стрелковой Житомирской дивизии, 24 стрелкового корпуса, 13 армии Первого Украинского фронта Кузнецова Семёна Петровича, представляется к Ордену Красной звезды: «В бою под деревней Сталашка, Бродского района, Львовской области в районе высоты с отметкой 405, 17 апреля 1944 года первый обнаружил накапливавшихся для атаки 200 солдат противника и 3 самоходных орудия. Своевременно сообщил о наблюдении командиру полка, чем способствовал отражению атаки. Когда снарядом противника уничтожило стереотрубу, продолжал наблюдать в бинокль, не покидая пункта. При подходе противника на близкое расстояние личным оружием помогал отбивать атаку. За мужество и отвагу, проявленные при отражении атаки противника, достоин Правительственной награды орденом КРАСНАЯ ЗВЕЗДА.

Командир 917 артиллерийского полка Гвардии Майор подпись (Вигдергауз) 21 апреля 1944 г. Достоин правительственной награды, орден «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА».

Командующий артиллерией 350-й стрелковой Житомирской ордена Богдана Хмельницкого дивизии Гвардии подполковник подпись Павловец, 29 апреля 1944 года. Награждаю медалью «За отвагу». Командир 350-й стрелковой Житомирской ордена Богдана Хмельницкого дивизии Гвардии генерал-майор подпись Вехин 6 мая 1944 г.» – ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 3904. № записи 19949822.

навыками: вождение и уход за лошадьми, косьба сена, разделка туш животных, вождение и ремонт техники, плотницкие работы (изготовление окон, рам, построил дом, крышу, сложил печь), сварка, изобретательство (например, изобрёл самодельную древопилку).

П.С. Кузнецов – слушатель Омской высшей школы милиции (1969-1972), студент Свердловского юридического института (1972-1975), полковник милиции, кандидат юридических наук (1983 г.); научный руководитель – доктор юридических наук (1971), профессор, заслуженный деятель науки РФ, генерал-майор милиции, сотрудник, начальник отдела и лаборатории, заместитель начальника ВНИИ МВД СССР (1951-1984), начальник Экспертно-криминалистического управления МВД СССР (1984-1991) Виктор Алексеевич Снетков (род. в 1930 г.)¹, доцент Свердловского отделения факультета заочного обучения Высшей школы МВД РСФСР в Свердловске (с 1991 г. –

¹ *Кузнецов П.С.* Некоторые вопросы изучения личности преступника при осмотре места происшествия // Проблемы изучения личности участников уголовного судопроизводства. Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1980. – С. 49-54; *Кузнецов П.С.* Некоторые вопросы методики изготовления субъективных портретов // Государство и право в системе социального управления. Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1981. – С. 112-117; *Кузнецов П.С.* На границе и за столом переговоров // Дипломатический вестник. Год 1984. – М.: Междунар. отношения, 1985. – С. 324-333; *Кузнецов П.С.* Некоторые вопросы внедрения научно-технических достижений в практику расследования преступлений // Эффективность научно-технических исследований и внедрение их в практику расследования преступлений. Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1987. – С. 59-63; *Кузнецов П.С.* Использование следов преступления в деятельности уголовного розыска. Учебное пособие. – М.: Изд-во ВЮЗШ МВД РФ, 1992. – 47 с.; *Кузнецов П.С.* Криминалистическое познание следов преступления. Учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. ВШ МВД России, 1996. – 93 с.; *Кузнецов П.С.* Криминалистическая техника. Учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2001. – 79 с.; *Кузнецов П.С.* Методы судебной экспертизы // Криминалистика: проблемы теории и практики: сборник научных трудов. Выпуск 1-2 (2009-2010). – Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2001. – С. 75-79; *Кузнецов П.С.* След преступления как элементарная частица доказывания // Правовые исследования. Сборник научных статей. Вып. 6. – Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2001. – С. 91-98; *Кузнецов П.С., Плужник И.Л.* Доступ к информации как условия повышения эффективности высшего юридического образования (на примере Финляндии) // Право и образование. – 2006. – № 4. – С. 101-109; *Кузнецов П.С., Макушкин И.О.* Проблема состязательности судебных экспертов // Материалы международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». г. Москва, 14-15 февраля 2007 г. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 144-147; *Кузнецов П.С.* Проблема достоверности судебной экспертизы // Российский юридический журнал. – 2008. – № 5. – С. 164-165; *Кузнецов П.С.* Отсутствующие следы и отсутствие следов (гносеологический и онтологический аспекты) // Российский юридический журнал. – 2009. – № 3. – С. 185-189; *Кузнецов П.С.* Вопросы этики в деятельности судебного эксперта // Российский юридический журнал. – 2010. – № 2. – С. 163-165; *Кузнецов П.С., Пантохина Г.А.* Из истории развития судебной экспертизы на Урале // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2019. – Т. 11. – № 2. – С. 73-82; и др.

Екатеринбургская высшая школа МВД РСФСР, с 1996 г. – Уральский юридический институт МВД России) (1981-2004), доцент кафедры правовой психологии и судебных экспертиз (2004-2019), криминалистики (с 2019 г. по настоящее время) УрГЮУ.

Наталья Юрьевна Кузнецова умерла 10 мая 2003 г. в 50 лет от наследственного сердечно-сосудистого заболевания. Её отец умер в 55 лет, мать – в 57 лет. Она стала юристом во втором поколении (среди советской интеллигенции преобладали интеллигенты в первом поколении), успела вырастить сына и дочь (третье поколение юристов), написать научное исследование о правовой эволюции доминионов Британской империи. В российской историко-правовой науке имеется лишь два исследования о правовой эволюции доминионов Британской империи: монография профессора С.А. Корфа «Автономные колонии Великобритании» 1914 г. и диссертация Н.Ю. Кузнецовой «Зарождение и развитие статуса доминиона в британских владениях» 1980 г., которую кафедра истории государства и права публикует в настоящем издании.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Архив УрГЮУ. Личное дело Ю.Г. Судницына. Л. 1-185.
2. Личное дело Б.А. Стародубского // ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1-л. Ед. хр. 236. Л. 1-176.
3. Приказ подразделения № 22/н от 9 мая 1944 г., из наградного листа от 21 апреля 1944 г. на сержанта, старшего разведчика 917 артиллерийского полка, 350 Стрелковой Житомирской дивизии, 24 стрелкового корпуса, 13 армии Первого Украинского фронта Кузнецова Семёна Петровича // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 3904. № записи 19949822.

Общая и специальная литература:

4. *Акопов В.И.* Медицинское право: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2018. – 287 с.
5. *Алексеев Н.С., Шилов А.А.* 50 лет советского высшего юридического образования // Правоведение. – 1967. – № 5. – С. 7-17.
6. *Алексеев С.В.* Спортивное право России: учебник для вузов / С.В. Алексеев; под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. – 695 с. (Золотой фонд российских учебников).
7. *Алексеев С.В.* Футбольное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Физическая культура и спорт» / С.В. Алексеев; под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. – 880 с.
8. *Алексеев С.С.* Борис Борисович Черепахин // *Черепахин Б.Б.* Труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2001. – С. 5-12.
9. *Алексеев С.С., Красавчиков О.А.* Борис Борисович Черепахин, 1894-1969 // Правоведение. – 1980. – № 5. – С. 59-63.
10. *Андриященко В.А.* Конституционные проблемы Северной Ирландии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1982. – 15 с.
11. *Ашихмин А.А.* Основные черты Чехословацкой социалистической федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1978. – 17 с.
12. *Белобородов В.Г.* Механизм и методы осуществления фашистской диктатуры в ЮАР (государственно-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск,

1970. – 34 с.
13. *Галесник Л.С.* О методике чтения лекций // Вопросы методики преподавания в юридических вузах. – Свердловск, 1960. – С. 5-30.
 14. *Галесник Л.С.* О проблемах системы советского права // Советское государство и право. – 1957. – № 2. – С. 108-115.
 15. *Галесник Л.С.* О проблемах системы советского права // Советское государство и право. – 1957. – № 2. – С. 108-115.
 16. Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости. Учебник / Игнатенко Г.В., Остапенко Д.Д., Стародубский Б.А., Судницын Ю.Г., и др.; ред.: В.Е. Чиркин. – М.: Высш. шк., 1968. – 389 с.
 17. Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости. Учебник / Бельсон Я.М., Остапенко Д.Д., Савицкий П.И., Стародубский Б.А., и др.; ред.: Б.А. Стародубский, В.Е. Чиркин. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1977. – 320 с.
 18. *Грушева Г.С.* Порядок формирования палат британского парламента: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1974. – 25 с.
 19. Дорогая Екатерина Павловна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pkk.meto.ru/letters_pdf/002612.pdf (дата обращения: 24.06.2015).
 20. *Зиунникова Н.Н.* Б.Б.Ч. как связь времён (к 120-летию со дня рождения Бориса Борисовича Черепашина // Российский юридический журнал. – 2015. – № 1. – С. 232-240.
 21. *Кастель Е.Р.* Западногерманский федерализм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1974. – 24 с.
 22. *Корчагина Л.А.* Возникновение и основные черты феодального государства в Германии X–XIII вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1990. – 16 с.
 23. *Кузнецов П.С.* Вопросы этики в деятельности судебного эксперта // Российский юридический журнал. – 2010. – № 2. – С. 163-165.
 24. *Кузнецов П.С.* Использование следов преступления в деятельности уголовного розыска. Учебное пособие. – М.: Изд-во ВЮЗШ МВД РФ, 1992. – 47 с.
 25. *Кузнецов П.С.* Криминалистическая техника. Учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2001. – 79 с.
 26. *Кузнецов П.С.* Криминалистическое познание следов преступления. Учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. ВШ МВД России, 1996. – 93 с.
 27. *Кузнецов П.С.* Методы судебной экспертизы // Криминалистика: проблемы теории и практики: сборник научных трудов. Выпуск 1-2 (2009-2010). – Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2001. – С. 75-79.
 28. *Кузнецов П.С.* На границе и за столом переговоров // Дипломатический вестник. Год 1984. – М.: Междунар. отношения, 1985. – С. 324-333.
 29. *Кузнецов П.С.* Некоторые вопросы внедрения научно-технических достижений в практику расследования преступлений // Эффективность научно-технических исследований и внедрение их в практику расследования преступлений. Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1987. – С. 59-63.
 30. *Кузнецов П.С.* Некоторые вопросы изучения личности преступника при осмотре места происшествия // Проблемы изучения личности участников уголовного судопроизводства. Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1980. – С. 49-54.
 31. *Кузнецов П.С.* Некоторые вопросы методики изготовления субъективных портретов // Государство и право в системе социального управления. Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1981. – С. 112-117.
 32. *Кузнецов П.С.* Отсутствующие следы и отсутствие следов (гносеологический и онто-

- логический аспекты) // Российский юридический журнал. – 2009. – № 3. – С. 185-189.
33. *Кузнецов П.С.* Проблема достоверности судебной экспертизы // Российский юридический журнал. – 2008. – № 5. – С. 164-165.
 34. *Кузнецов П.С.* След преступления как элементарная частица доказывания // Правовые исследования. Сборник научных статей. Вып. 6. – Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2001. – С. 91-98.
 35. *Кузнецов П.С., Макушкин И.О.* Проблема состязательности судебных экспертов // Материалы международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». г. Москва, 14-15 февраля 2007 г. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 144-147.
 36. *Кузнецов П.С., Пантохина Г.А.* Из истории развития судебной экспертизы на Урале // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2019. – Т. 11. – № 2. – С. 73-82.
 37. *Кузнецов П.С., Плужник И.Л.* Доступ к информации как условия повышения эффективности высшего юридического образования (на примере Финляндии) // Право и образование. – 2006. – № 4. – С. 101-109.
 38. *Кузнецова Н.Ю.* Зарождение и развитие статуса доминиона в Британских владениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1980. – 17 с.
 39. *Кукушкин М.И., Судницын Ю.Г.* Основные направления деятельности местных Советов среди народностей Севера // Советское государство и право. – 1969. – № 4. – С. 84-89.
 40. *Ливчак Б.Ф.* Свидетель XX века (воспоминания) // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936-2016). Сборник научных трудов. Т. I: История кафедры, эволюция российского и зарубежного государства и права в трудах учёных кафедры, аспирантов, соискателей и докторантов / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2016. – 500-535.
 41. *Ливчак Б.Ф.* Храни меня, мой талисман (воспоминания) // Урал. – 1993. – № 12. – С. 141-185.
 42. *Лучин В.О., Судницын Ю.Г.* Наши предложения. (Обсуждение проекта новой Конституции СССР) // Правоведение. – 1977. – № 4. – С. 28-30.
 43. Межвузовский сборник научных трудов / ред. колл.: Ю.Г. Судницын, Г.В. Игнатенко и др. – Свердловск: УрГУ, 1978. – Вып. 71: Проблемы советского конституционного строительства в условиях развитого социализма. – 136 с.
 44. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 51: Конституционное законодательство и государственное управление / ред. колл.: Ю.Г. Судницын, Г.В. Игнатенко и др. – Свердловск: СЮИ, – 1977. – 148 с.
 45. *Минникес И.В.* Местное управление Великобритании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1988. – 16 с.
 46. *Мурзин Д.В.* Борис Борисович Черепяхин – основатель уральской школы цивилистики // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 2: Страницы истории, документы и судьбы преподавателей и выпускников / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – С. 868-874.
 47. *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 2: Страницы истории, документы и судьбы преподавателей и выпускников / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – С. 748-860.

48. *Насибуллин Р.А.* «Мы обязаны беспощадно выкорчёвывать вредную деятельность буржуазных космополитов-антипатриотов...»: заседание 14 и 23 апреля 1949 г. Учёного совета Свердловского юридического института, посвящённого вопросам борьбы с буржуазным космополитизмом // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 2: Страницы истории, документы и судьбы преподавателей и выпускников / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – С. 457-568.
49. *Насибуллин Р.А.* «Нам не к лицу преклонение перед буржуазной культурой»: борьба с низкопоклонством перед буржуазным Западом в Свердловском юридическом институте (1946 г.) // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 2: Страницы истории, документы и судьбы преподавателей и выпускников / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – С. 130-174.
50. *Насибуллин Р.А.* «Решение проблемы доказывания может быть плодотворным только с позиции сталинского учения об активной роли надстройки...»: штрихи и факты к портрету профессора Карла Юдельсона, обсуждение его книги «Проблема доказывания в советском гражданском процессе» (1952 г.) и принцип материальной (объективной) истины в дореволюционном и советском гражданском процессе // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 2: Страницы истории, документы и судьбы преподавателей и выпускников / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – С. 1059-1175.
51. *Насибуллин Р.А.* «Это ужé отдаёт низкопоклонством перед иностранщиной...»: о «буржуазном объективизме» статей профессора Б.Б. Черепахина и очерки дореволюционной и советской науки гражданского права (1917-1953 гг.) // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 2: Страницы истории, документы и судьбы преподавателей и выпускников / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – С. 920-1058.
52. *Насибуллин Р.А.* Борис Ливчак – заведующий кафедрой истории государства и права Свердловского юридического института // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936-2016). Сборник научных трудов. Т. I: История кафедры, эволюция российского и зарубежного государства и права в трудах учёных кафедр, аспирантов, соискателей и докторантов / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2016. – С. 429-497.
53. *Насибуллин Р.А.* Борис Ливчак (1906-1993) – профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Свердловского юридического института // Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов. Материалы круглого стола «Проблемы историографии историко-правовой науки и вопросы военной истории (к 110-летию со дня рожде́ния Б.Ф. Ливчака (1906-1993) и 75-летию со дня рожде́ния В.В. Баженова (1941-2002))» 20 декабря 2016 года, г. Екатеринбург. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2017. – Вып. 4-й. – С. 9-44.
54. *Насибуллин Р.А.* Борьба с космополитизмом и обожествление Сталина в советской юридической науке (1949-1953 гг.) // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 2: Страницы истории, документы и судьбы преподавателей и выпускников / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – С. 569-600.

55. *Насибуллин Р.А.* Праведник ББЧ: штрихи и факты к портрету профессора Бориса Борисовича Черепихина (1894-1969 гг.) // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 2: Страницы истории, документы и судьбы преподавателей и выпускников / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – С. 875-919.
56. Научные труды / ред. колл.: Г.В. Игнатенко, Ю.Г. Судницын. Вып. 43: Актуальные и теоретические проблемы политической организации общества. – 1975. – 187 с.
57. *Остапенко Д. Д.* (1918-1998 гг.) // Воспоминания выпускников и ветеранов. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001. – С. 5-8.
58. *Остапенко Д. Д.* За дальнейшее развитие советской высшей школы // Правоведение. – 1979. – № 6. – С. 3-12.
59. *Остапенко Д.Д., Стародубский Б.А., Судницын Ю.Г.* Конституция Бирманского Союза // Советское государство и право. – 1956. – № 9. – С. 137-141.
60. *Остапенко Д.Д., Судницын Ю.Г.* Марксистско-ленинское понятие суверенитета нации // Вопросы теории и истории государства и права и государственного права. Т. 4. – Свердловск: Кн. изд-во, 1957. – С. 67-114.
61. Проблемы национально-государственного строительства в условиях развитого социализма: Межвузовский сборник научных трудов / Ред. колл.: Ю.Г. Судницын, М.И. Кукушкин и др. – Свердловск: УрГУ: СЮИ, 1980. – 152 с.
62. *Раянов Ф.М.* От «банно-прачечного» к «либертарному» праву // Воспоминания выпускников и ветеранов. Свердловский юридический институт–Уральская государственная юридическая академия / Сост. М.И. Кондрашёва, А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001. – С. 45-47.
63. *Савицкий П.И.* Государственный строй Бельгии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1967. – 20 с.
64. Свердловский юридический институт. 1931–1981. – М.: Юрид. лит., 1981. – 175 с.
65. *Скуратов Ю.И.* Вариант дракона. – М.: Детектив – Пресс, 2000. – 320 с.
66. *Смыкалин А.С.* Основоположник уральской школы советского гражданского права // Краткая антология уральской процессуальной мысли: 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии / Под ред. В.В. Яркова. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2004. – С. 8-18.
67. *Смыкалин А.С.* У истоков уральской цивилистики: Борис Борисович Черепихин // Российский юридический журнал. – 2001. – № 3. – С. 91-93.
68. *Стародубская С.Б.* Расчёт плит с учётом особенностей работы железобетона с трещинами при разгрузке и повторных нагружениях: дис. ... канд. техн. наук: 05.23.01 (Строительные конструкции, здания и сооружения). – Свердловск, 1988. – 186 с.
69. *Стародубский Б.А.* «Рационализация» парламентской системы в капиталистических странах Европы // Советское государство и право. – 1984. – № 7. – С. 105-112.
70. *Стародубский Б.А.* Буржуазная демократия в теории и на практике: (политико-правовой анализ механизма буржуазной демократии): дис. ... докт. юрид. наук. – Свердловск, 1966. – 756 с.
71. *Стародубский Б.А.* Буржуазная демократия в теории и на практике: (политико-правовой анализ механизма буржуазной демократии): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Свердловск, 1966. – 41 с.
72. *Стародубский Б.А.* Буржуазная демократия: миф и действительность. – М.: Юрид. лит., 1977. – 112 с.
73. *Стародубский Б.А.* Великая Октябрьская социалистическая революция и кризис буржуазной демократии // Правоведение. – 1967. – № 2. – С. 20-28.
74. *Стародубский Б.А.* Государственное право буржуазных и освободившихся стран.

- Учебник. 3-е изд. перераб. и доп. / Под ред. Б.А. Стародубского, В.Е. Чиркина. – М.: Высш. шк., 1986. – 431 с.
75. *Стародубский Б.А.* Государственное право буржуазных стран: Общие основы буржуазного государственного права. Учеб. пособие. – Свердловск: [б. и.], 1958. – Ч. I. – 143 с.
 76. *Стародубский Б.А.* Государственное право буржуазных стран: Основы государственного права отдельных буржуазных стран. Учеб. пособие. – Свердловск: [б. и.], 1960. – Ч. II. – 472 с.
 77. *Стародубский Б.А.* Государственный строй Финляндии. – Свердловск: [б. и.], 1957. – 32 с.
 78. *Стародубский Б.А.* Законодательная регламентация выдвижения кандидатов в предвыборной агитации в буржуазных странах // Сборник учёных трудов. – Свердловск: СЮИ, 1964. – Вып. 1. – С. 326-340.
 79. *Стародубский Б.А.* Законодательство в зарубежных социалистических странах // Государственное право зарубежных социалистических стран: Учебно-методическое пособие / Под ред. В.Е. Чиркина. – Свердловск: СЮИ, 1970. – 327 с. (в соавт. с В.Е. Чиркиным).
 80. *Стародубский Б.А.* Избирательные системы стран мира Справочник / Под общ. ред. П.С. Ромашкина. – М.: Госполитиздат, 1961. – 336 с. (в соавт.).
 81. *Стародубский Б.А.* Институт чрезвычайных полномочий правительства и кризис буржуазной демократии // Материалы теоретической конференции, посвящённой 50-летию Советской власти. – Свердловск: [б. и.], 1968. – С. 82-86.
 82. *Стародубский Б.А.* Конституция Бирманского Союза // Советское государство и право. – 1956. – № 4. – С. 89-96 (в соавт. с Д.Д. Остапенко, Ю.Г. Судницыным)
 83. *Стародубский Б.А.* Критика буржуазных учений о «принципах демократии» // Сборник учёных трудов. Вып. 3. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – С. 335-363.
 84. *Стародубский Б.А.* Критика современных буржуазных учений о государстве и праве // Основы теории государства и права / Отв. ред. С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1969. – С. 352-374 (в соавт. с В.Е. Чиркиным).
 85. *Стародубский Б.А.* Критика современных буржуазных учений о государстве и праве // Основы теории государства и права. Учеб. пос. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1971. – С. 374-397 (в соавт. с В.Е. Чиркиным).
 86. *Стародубский Б.А.* Ленинские идеи – теоретическая основа учения о политической организации общества // Сборник учёных трудов СЮИ (К столетию со дня рождения В.И. Ленина). – Свердловск: [б. и.], 1969. – Вып. 11. – С. 3-23.
 87. *Стародубский Б.А.* Международное значение советского федерализма // Образование СССР – торжество ленинской национальной политики: Тезисы докл. и выступлений на Всесоюз. науч. конф., посвящённой 50-летию образования СССР. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972. – 343 с.
 88. *Стародубский Б.А.* Международное значение советского федерализма // Советское многонациональное государство. – Свердловск: СЮИ, 1983. – 116 с. (в соавт. с А.А. Ашихминым).
 89. *Стародубский Б.А.* Народный суверенитет в условиях развитого социализма // Конституция СССР: проблемы государственного и советского строительства: материалы науч. конф., Звенигород, 16-18 января 1979 г. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1980. – С. 67-70.
 90. *Стародубский Б.А.* О классификации форм буржуазных государств // Сборник учёных трудов. – Свердловск: [б. и.], 1964. – Вып. 4. – С. 446-498.
 91. *Стародубский Б.А.* О Конституции Израиля // Рос. юрид. журн. – 2000. – № 2. –

- С. 147-154.
92. *Стародубский Б.А.* О Конституции Израиля // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936-2016). Сборник научных трудов. Т. I: История кафедры, эволюция российского и зарубежного государства и права в трудах учёных кафедры, аспирантов, соискателей и докторантов / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2016. – С. 547-552.
 93. *Стародубский Б.А.* Общая политология. – Екатеринбург: Бизнес-центр, 1996. – 276 с. (в соавт. с Е.Р. Кастелем);
 94. *Стародубский Б.А.* Общая политология. Основы теории политической жизни общества. – Екатеринбург: ИИТЦ «Зерцало–Урал», 2000. – 264 с.
 95. *Стародубский Б.А.* Общественное сознание и политическая жизнь // Помним, думаем, спорим... Сборник статей, посвящённый 75-летию со дня основания кафедры истории государства и права УрГЮА / Сост. Т.М. Баженова, Н.Н. Зипунникова; отв. ред. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 57-78.
 96. *Стародубский Б.А.* Ограничения демократии при применении пропорциональной избирательной системы в буржуазных странах // Сборник учёных трудов. Вып. 2. – Свердловск: [б. и.], 1964. – С. 349-376.
 97. *Стародубский Б.А.* Парламенты Индии, Мексики и Гвианы // Парламенты зарубежных стран. Справочник. – М.: Изд-во полит. лит, 1968. – С. 92-95, 197-200, 186-197.
 98. *Стародубский Б.А.* Партийная система и политический режим Италии // Политические партии и государственный механизм капиталистических стран. – Свердловск: СЮИ, 1982. – С. 3-15.
 99. *Стародубский Б.А.* Политические режимы европейских буржуазных государств. – Свердловск: Урал. ун-т, 1989. – 179 с.
 100. *Стародубский Б.А.* Понятие и виды партийной системы в буржуазных странах // Правоведение. – 1969. – № 4. – С. 80-89.
 101. *Стародубский Б.А.* Правительство в зарубежных социалистических странах // Там же. – 327 с. (в соавт. с В.Е. Чиркиным).
 102. *Стародубский Б.А.* Проблемы классификации буржуазно-демократических режимов стран Западной Европы // Политическая организация общества (история и современность): межвуз. сб. науч. трудов. – Свердловск: СЮИ, 1977. – Вып. 56. – С. 42-50.
 103. *Стародубский Б.А.* Развитие современных представлений о демократии // Вестник гуманитарного университета. Серия: Право. – Екатеринбург. – 2002. – № 1. – С.23-35.
 104. *Стародубский Б.А.* Реакционный характер правительственной власти в буржуазном государстве (Англия, Франция, США) / Московский юридический институт: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1949. – 442 с.
 105. *Стародубский Б.А.* Реакционный характер правительственной власти в буржуазном государстве (Англия, Франция, США): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Изд-во типографии Министерства юстиции СССР, 1949. – 16 с.
 106. *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с В.Б. Евдокимовым): Партии и выборы в капиталистическом государстве (Практика 70-х годов) / Отв. ред. В.А. Туманов. – М.: Наука, 1980. – 280 с. / Советское государство и право. – 1981. – № 6. – С. 150-152.
 107. *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с В.Б. Евдокимовым, Б.А. Стародубским, Е.Д. Чуличковой, А.Ю. Якушевой): Основы теории политической системы» / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.Е. Чиркин. – М.: Наука, 1985. – 248 с. // Советское государство и право. – 1986. – № 9. – С. 149-150.
 108. *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с В.С. Воробьёвым, Б.Ф. Ливчаком): Марксист-

- ко-ленинская теория государства и права. Исторические типы государства и права. – М.: Юрид. лит., 1971. – 638 с. // Советское государство и право. – 1973. – № 1. – С. 143-145.
109. *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с Е.Р. Кастелем): Юдин Ю.А. Политические системы независимых стран Тропической Африки (Государство и политические партии). – М.: Наука, 1975. – 325 с. // Правоведение. – 1976. – № 5. – С. 136-137.
110. *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с Е.Р. Кастелем, И.П. Никитиной): История государства и права зарубежных стран (рабовладельческое и феодальное государство и право) / Под ред. П.Н. Галанзы и Б.С. Громакова. – М.: Юрид. лит., 1980. – 550 с. // Правоведение. – 1982. – № 4. – С. 105-112.
111. *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с П.И. Савицким): Крутоголов М.А. Президент Французской Республики: правовое положение. М: Наука, 1980. – 336 с. // Советское государство и право. – 1982. – № 5. – С. 150-151.
112. *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с П.И. Савицким): Серебренников В.П. Конституционное право Франции. Проблемы эволюции государственно-правовых институтов Пятой Республики. 1958-1976 гг. – М.: Изд-во БГУ, 1976. – 240 с. // Правоведение. – 1977. – № 5. – С. 145-147.
113. *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавт. с Я.М. Бельсоном): Политический механизм диктатуры монополий / Отв. ред. И.Д. Левин, В.А. Туманов. – М.: Наука, 1975. – 360 с. // Советское государство и право. – 1975. – № 6. – С. 129-131.
114. *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавторстве с В.Е. Чиркиным): *Петров В.С.* Тип и формы государства. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. – 120 с. // Правоведение. – 1968. – № 2. – С. 140-142.
115. *Стародубский Б.А.* Рецензия (в соавторстве с Д.Д. Остапенко, В.Е. Чиркиным): Буржуазные конституции в период общего кризиса капитализма. – М.: Наука, 1966. – 335 с. // Правоведение. – 1967. – № 2. – С. 124-127.
116. *Стародубский Б.А.* Роль правительства в осуществлении законодательной власти в главных странах капитализма // Учёные записки СЮИ. – Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1957. – Т. 4. – С. 278-310.
117. *Стародубский Б.А.* Словарь парламентских терминов // Парламенты зарубежных стран. Справочник. – М.: Изд-во полит. лит, 1968. – 285 с.
118. *Стародубский Б.А.* Современное буржуазное государственное право. Критические очерки Основные институты. – М.: Наука, 1987. – Ч. 2. – 368 с. (в соавт.)
119. *Стародубский Б.А.* Уникальная система правления в Израиле // Государство и право. – 2000. – № 2. – С. 86-91.
120. *Стародубский Б.А.* Фактическое всевластие правительства в государствах буржуазной демократии // Вопросы государства и права. Материалы теоретической конференции по плановым работам, выполненные в 1963 году, кандидатские и докторские диссертации. – Свердловск: [б. и.], 1964. – С. 143-145.
121. *Стародубский Б.А.* Формы территориально-политического устройства государства с точки зрения историка права // Вопросы территориально-политического устройства государства в развитии политической системы общества: межвуз. сб. науч. трудов. – Свердловск: СЮИ, 1990. С. 4-18.
122. *Суворов Л. К.* Юридическое образование в вузах РСФСР: проблемы и перспективы // Правоведение. – 1977. – № 1. – С. 3-10.
123. *Судницын Ю.Г.* Антикоммунизм – враг национального суверенитета // Советское государство и право. – 1966. – № 9. – С. 137-141.
124. *Судницын Ю.Г.* Конституционное обеспечение суверенитета народа в Советском государстве // Советское государство и право. – 1981. – № 1. – С. 19-27.

125. Судницын Ю.Г. Конституционное регулирование форм национально-государственных отношений развитого социализма // Теоретические проблемы советского государственного права в условиях новейшего конституционного законодательства: Межвузовский сборник научных трудов / Ред. колл.: Ю.Г. Судницын, П.Г. Щекочихин и др. – Свердловск: СЮИ, 1979. – С. 3-24.
126. Судницын Ю.Г. Народный и национальный суверенитет в советском государстве // Правоведение. – 1979. – № 4. – С. 3-11.
127. Судницын Ю.Г. Национально-государственное устройство СССР: Конспект лекций. – Свердловск: УрГУ: СЮИ, 1979. – 48 с.
128. Судницын Ю.Г. Национальный суверенитет в советском социалистическом государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 – государственное право и управление; советское строительство; административное право; финансовое право / Ю.Г. Судницын; науч. рук. Л.С. Галесник; СЮИ. – Свердловск, 1954. – 16 с.
129. Судницын Ю.Г. Национальный суверенитет в советском социалистическом государстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 – государственное право и управление; советское строительство; административное право; финансовое право / Ю.Г. Судницын; науч. рук. Л.С. Галесник; СЮИ. – Свердловск, 1954. – 382 с.
130. Судницын Ю.Г. Национальный суверенитет в СССР. – М.: Госюриздат, 1958. – 104 с.
131. Судницын Ю.Г. Национальный суверенитет и демократия // Сборник учёных трудов. Вып. 5. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1966. – С. 152-188.
132. Судницын Ю.Г. Национальный суверенитет и социалистическая демократия // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1968 год. – Свердловск: СЮИ, 1969. – С. 87-91.
133. Судницын Ю.Г. Основные вопросы теории национального суверенитета // Правоведение. – 1967. – № 4. – С. 48-55.
134. Судницын Ю.Г. Повышение роли Советов депутатов трудящихся и развитие демократических принципов государственного управления в период строительства коммунизма // XXII съезд КПСС и вопросы государства и права. Сборник статей. – Свердловск: СЮИ, 1962. – С. 231-278.
135. Судницын Ю.Г. Советская государственность и развитие социалистических наций // Сборник учёных трудов: XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы демократии и законности. Вып. 17. – Свердловск: СЮИ, 1972. – С. 14-32.
136. Судницын Ю.Г. Соотношение национального суверенитета с государственным в социалистических государствах // 50 лет советского союзного государства: [Сборник статей] / [Ред. коллегия: проф. Б.В. Виленский и др.]; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Саратов. юрид. ин-т им. Д.И. Курского. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – С. 70-85.
137. Судницын Ю.Г. Социологические аспекты исследования проблем национального суверенитета в Советском государстве // Некоторые вопросы социологии и права. Материалы научно-теоретической конференции «Конкретно-социологические исследования правовых отношений». – Иркутск: [б. и.], 1967. – С. 144-164.
138. Судницын Ю.Г. Суверенитет социалистических наций в условиях советского общенародного государства Сборник ученых трудов. Вып. 6. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1966. – С. 32-68.
139. Судницын Ю.Г. Теоретические проблемы национального суверенитета в государствах мировой социалистической системы (опыт сравнительного государственно-правового исследования): автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького. – Свердловск, 1967. – 45 с.
140. Суханов Е.А. Стенограмма вводной лекции для слушателей российской школы част-

- ного права 4 ноября 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://school-privlaw.ru/files/suhanov_stenogramma.doc. (дата обращения: 10.07.2016).
141. Уральская школа конституционного права / Отв. ред. М.С. Саликов. – Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2015. – 208 с.
142. Центр подготовки военных переводчиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.city-tol.ru/podrazd/archive/book/front/gl2.html> (дата обращения: 24.06.2015).
143. *Чередникова А.Ю.* Без толмачей не обходится ни одна война // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 5 (577). – С. 25-28. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgermhist.ru/...isledovateli/cherednikova/chered...> (дата обращения: 24.06.2015).
144. *Чуличкова Е.Д.* Правовое положение Шотландии и Уэльса в политической системе Великобритании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1979. – 16 с.
145. Юридические знания – школе: пособие для учителей средних школ / Ю.Г. Судницын, Е.А. Фролов и др.; ред. колл.: Д.Д. Остапенко, В.М. Семёнов и др. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1976. – 175 с.
146. *Якушева А.Ю.* Делегированное законодательство в Англии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1980. – 21 с.

Nasibullin R.A.

**Natalia Yurievna Kuznetsova (1953-2003) –
scientist-lawyer in the second generation**

The article describes the life of Natalya Yurievna Kuznetsova (1953-2003), a candidate of legal sciences, associate professor of the Department of History of State and Law of the Sverdlovsk Law Institute, a second generation lawyer, daughter of a professor, founder of the Ural (Yekaterinburg) school of constitutional (state) law, participant of the Great Patriotic War – Yu.G. Sudnitsyn (1925-1979) and doctor T.M. Sudnitsyna (1925-1981), wife of Associate Professor P.S. Kuznetsova. The biographies of Yu.G. Sudnitsyna, T.M. Sudnitsyna, L.S. Galesnik (scientific supervisor Yu.G. Sudnitsyn), B.A. Starodubskiy (scientific supervisor N.Yu. Kuznetsova) are given.

Keywords: Natalya Yurievna Kuznetsova; Sverdlovsk Law Institute; professor; department; Y.G. Sudnitsyn; T.M. Sudnitsyna; L.S. Galesnik; B.A. Starodubskiy; P.S. Kuznetsov.

Nasibullin Rafil Ahnafovich – Candidate of historical sciences, the Associate Professor, the Associate Professor of the Sub-department of history of state and law, Ural State Law University (*Russia*, Yekaterinburg, Komsomolskaya st., 21).

E-mail: ran.19@yandex.ru

Насибуллин Р.А.

ИССЛЕДОВАНИЕ НАТАЛЬИ ЮРЬЕВНЫ КУЗНЕЦОВОЙ О ПРАВОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ БРИТАНСКИХ ДОМИНИОНОВ (1865-1980 гг.), ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА, ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ, РАСПАДА БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР

В статье анализируется диссертационное исследование Н.Ю. Кузнецовой о правовой эволюции британских доминионов (1865-1980 гг.). В нём выделяются три стадии зарождения и развития статуса доминиона, прослеживаются тенденции его оформления в правовых актах Великобритании и зависимых стран, в дипломатической и конституционной практике с широким использованием специальной литературы на английском и немецком языках. К первой стадии диссертант относит период со второй половины XIX века и до начала XX века (превращение переселенческих колоний в самоуправляющиеся колонии, перерастание самоуправляющихся колоний в несuverенные государственные образования – доминионы), ко второй – период между двумя мировыми войнами, к третьей – период после Второй мировой войны (постепенное приобретение доминионами международной правосубъектности и превращение их в независимые государства, исключение понятия «доминион» из официальных документов). До Первой мировой войны взаимоотношения Великобритании с доминионами строились как внутриимперские, после неё – как межгосударственные.

Характеризуется учение о суверенных и несuverенных государствах в русской дореволюционной литературе, критика диссертантом и дореволюционными русскими государствоведами концепция проф. С.А. Корфа, согласно которой накануне Первой мировой войны пять автономных колоний Великобритании представляли собою несuverенные государства, являвшиеся составными частями своеобразной федерации – Британской империи. Доминионы до Первой мировой войны являлись, по мнению диссертанта, несuverенными государственными образованиями, отношения которых с Великобританией представляли собой реальную унию или что-то близкое к ней. Показаны актуальность и достоинства исследования. Делается попытка сравнения эволюционного распада Британской империи и обвального распада СССР на составляющие её национальные республики в результате попытки перестройки коммунистического режима 1985-1991 гг.

Ключевые слова: Н.Ю. Кузнецова; колонии; доминионы; несuverенные государства; профессор; акт; конференции; Великобритания; Канада; федерация; С.А. Корф; Э.В. Лисневский; распад; СССР.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и

Насибуллин Рафил Ахнафович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет (Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21).

E-mail: ran.19@yandex.ru

права Свердловского юридического института Наталья Юрьевна Кузнецова (1953-2003) – плодотворный исследователь историко-правовой эволюции британских доминионов.¹ Девятнадцатого декабря 1980 года, после окончания очной аспирантуры (1979 г.), Н.Ю. Кузнецова в 27 лет под научным руководством профессора Б.А. Стародубского в специализированном диссертационном совете Свердловского юридического института успешно (за – 13 членов совета, против – нет) защитила диссертацию «Зарождение и развитие статуса доминиона в британских колониях. – 161 с.» на соискание учёной степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01 (теория и история государства и права; история политических и правовых учений).

Предметом диссертационного исследования Н.Ю. Кузнецовой стал процесс правового зарождения, развития и отмирания специфического государственно-правового феномена – доминиона в британских владениях. В диссертации впервые в отечественной юридической литературе рассматриваются зарождение и основные стадии развития правового статуса доминиона в Британской империи (1865-1980 гг.): завоевание переселенческими колониями так называемого «внутреннего самоуправления» (превращение переселенческих колоний в самоуправляющиеся колонии), перерастание самоуправляющихся колоний в несuverенные государственные образования (доминионы), постепенное приобретение доминионами международной правосубъектности и превращение их в независимые государства, исключение понятия «доми-

¹ *Кузнецова Н.Ю.* Некоторые особенности автономии в развитых капиталистических странах // Актуальные и теоретические проблемы политической организации общества. Вып. 43: научные труды. – Свердловск: Изд-во Свердловского юрид. ин-та, 1975. – С. 165-173; *Кузнецова Н.Ю.* Изменение правового статуса британских доминионов в период между Первой и Второй мировыми войнами // Социальное управление и право. Межвуз. сборник работ аспирантов и молодых преподавателей. Вып. 19. – Свердловск: СЮИ, 1976. – С. 149-153; *Кузнецова Н.Ю.* Зарождение статуса доминиона в британских владениях // Конституционное законодательство и государственное управление. Межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 51. – Свердловск: СЮИ, 1977. – С. 137-140; *Кузнецова Н.Ю.* Формы колониального управления в Британской империи XIX века // Социальное управления и право. Межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 61. – Свердловск: СЮИ, 1977. – С. 129-133; *Кузнецова Н.Ю.* Распад Британской империи и проблема доминионов после второй мировой войны // Политическая организация общества. Межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 56. – Свердловск: СЮИ, 1977. – С. 142-146; *Кузнецова Н.Ю.* Историография национального суверенитета в советской государственно-правовой науке (40-80-е гг.) // Развитие политико-правовой системы социализма: (история и современность): межвузовский сборник научных трудов / Свердловский юрид. ин-т им. Р.А. Руденко; [Редкол.: Б.А. Стародубский (отв. ред.) и др.]. – Свердловск: СЮИ, 1988. – С. 43-49; *Кузнецова Н.Ю.* Политическая система Британской империи конца XIX – начала XX вв.: проблема самоуправляющихся колоний // Вопросы территориально-политического устройства государства в развитии политической системы общества: межвуз. сб. науч. трудов. – Свердловск: СЮИ, 1990. – С. 119-125; *Кузнецова Н.Ю.* Из истории криминалистики Урала // Правовые исследования. Сборник научных статей. Вып. 6. – Екатеринбург: Изд-во УрЮИ МВД России, 2001. – С. 88-90.

нион» из официальных документов. Основная идея диссертации – это идея о том, что статус доминиона был различен по своему содержанию до Первой мировой войны, в период между двумя мировыми войнами и после Второй мировой войны; что по отношению к бывшим «туземным» колониям предоставление статуса доминиона преследовало другие цели, нежели предоставление того же статуса бывшим переселенческим колониям. Схематически этот процесс в диссертации выглядит так: переселенческая колония – самоуправляющаяся колония – доминион – самостоятельное государство. По этой схеме построена и структура диссертации. Следует признать, что такая логическая схема в целом правильно отражает генезис и развитие доминионов бывшей Британской империи, позволяет исторически и логически последовательно изложить фактический и теоретический материал диссертации.

Диссертант выделяет с учётом объективных критериев три стадии зарождения и развития статуса доминиона, прослеживает тенденции его оформления в правовых актах Великобритании и зависимых стран. К первой стадии она относит период со второй половины XIX века и до начала XX века, ко второй – период между двумя мировыми войнами, к третьей – период после Второй мировой войны. В основу этой периодизации стадий зарождения и развития статуса доминиона взяты этапы становления, расцвета и распада Британской империи. До Первой мировой войны взаимоотношения Великобритании с доминионами строились как внутримперские, после неё – как межгосударственные. Значительную роль в трансформации отношений играло создание и юридическое оформление в 1931 году Британского Содружества наций. Этот факт следует отметить как одну из важных вех в развитии отношений доминионов с бывшей метрополией.

Диссертация состоит из введения (С. 3-11), двух глав (С. 12-147), заключения (С. 148-153) и списка источников и использованной литературы (С. 154-161). Автор использовал 102 источника, в том числе 40 на английском и немецком языках. Во введении обосновывается выбор и актуальность темы, раскрываются методологические и источниковедческие основы исследования. Все авторы подчёркивали актуальность исследования. Они отмечали, что политическая важность проблемы зарождения и развития правового статуса доминионов и неразработанность этой проблемы в советской историко-правовой литературе определяют актуальность темы диссертации.

Научный руководитель, профессор Б.А. Стародубский справедливо указал на актуальность темы исследования с политической и научной точки зрения. «С политической точки зрения эта тема актуальна потому, что статус доминиона возник и развивался на основе борьбы ряда британских колоний за независимость, и эта борьба сыграла немаловажную роль в распаде Британской империи и всей колониальной системы империализма. С научной точки зрения эта тема актуальна потому, что в советской юридической литературе нет ни одной монографии на данную тему. Вопрос о статусе домини-

она затрагивается лишь в учебниках и учебных пособиях по истории государства и права зарубежных стран, которые следуя учебной программе, просто не могут обойти этот вопрос молчанием, но в учебной литературе об этом говорится очень кратко и расплывчато. В диссертации Н.Ю. Кузнецовой впервые предпринята попытка глубоко разработать весь комплекс проблем, с которыми связано зарождение и развитие в британских владениях доминиона.¹

Кафедра истории государства и права Свердловского юридического института в своём постановлении признавала, что «тема, избранная Н.Ю. Кузнецовой для своего исследования, актуальна в политическом и научном отношении, важна теоретически, поскольку рассматриваемая в диссертации проблема тесно связана с проблемой распада Британской империи и всей колониальной системы империализма. Диссертационная работа Кузнецовой Н.Ю. выполнена на высоком идейно-теоретическом уровне, обладает значительными элементами новизны. В советской юридической науке нет ни одного монографического исследования правового статуса доминиона. Вопрос о правовом статусе доминионов ставится, главным образом, лишь в учебниках и учебных пособиях по истории государства и права зарубежных стран, но освещается крайне скупо и расплывчато. В итоге глубокого изучения и использования трудов основоположников марксизма-ленинизма, трудов руководителей КПСС, Советского государства, тщательного анализа большого числа британских законодательных актов и других официальных материалов, обширной специальной литературы на английском, русском и немецком языках Н.Ю. Кузнецовой удалось дать чрезвычайно интересную в научном отношении разработку вопросов исследуемой темы. Диссертация Н.Ю. Кузнецовой – это первое монографическое исследование с марксистско-ленинских позиций зарождения и развития правового статуса британских доминионов. В этом заключается научная ценность данной диссертации, вклад диссертанта в науку теории и истории государства и права».²

Доктор юридических наук, старший, (в дальнейшем ведущий) научный сотрудник Института государства и права Академии наук СССР (РАН), видный специалист по конституционному устройству Великобритании Нинель Сергеевна Крылова (1929-2021) указывала на актуальность диссертационного исследования Н.Ю. Кузнецовой для юриста-историка. В связи с распадом Британской империи, когда «многое из отношений Великобритании с её колониальными владениями, отошло в область прошлого, особую актуаль-

¹ Дело о защите кандидатской диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук Кузнецовой Натальи Юрьевны «Зарождение и развитие статуса доминиона в британских колониях» (в дальнейшем Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой) // Архив УрГЮУ. Л. 50.

² Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 42-43.

ность приобретают научное обобщение и осмысление накопленного исторического опыта», а «Н.Ю. Кузнецова – первый советский исследователь проблемы», ибо «до этого советские юристы почти не уделяли внимания изучению истории взаимоотношений Великобритании с доминионами». ¹ С другой стороны, по мнению Н.С. Крыловой, «проблема взаимоотношений Великобритании с доминионами приобретает довольно острое современное звучание», так как «в правовом регулировании отношений бывшей метрополии с доминионами, ныне независимыми государствами, членами Содружества, сохранилось ряд специфических черт, являющихся пережитками колониального прошлого» и «в некоторых из них (например, в Канаде, Австралии) именно сейчас ставится вопрос об освобождении от каких бы то ни было форм колониальной зависимости от бывшей метрополии, о разработке и принятии новых конституций, которые явились бы выражением их подлинной независимости». ²

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Саратовского юридического института им. Д.И. Курского Исаак Ефимович Фарбер (1913-1987) подчеркнул, что несомненная актуальность и теоретическая ценность предпринятой соискателем работы определяется тем, что в советской исторической науке практически нет специальных работ, посвящённых проблеме статуса доминиона, выросшего в ходе борьбы британских колоний за независимость, и исследование Н.Ю. Кузнецовой позволяет восполнить этот пробел. Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Хабаровского института народного хозяйства Юрий Владимирович Качановский (1925-2010) отметил неразработанность темы: «соискатель исследует тему, по которой в советской юридической литературе нет ни одной монографии, нет и статей, посвящённых вопросу о зарождении правового статуса доминиона и об основаниях стадиях его развития». Учёный признал, что Н.Ю. Кузнецова «взялась за серьёзную проблему, которую до неё в советской литературе ещё никто по существу не разрабатывал», «подобный уровень научной новизны в кандидатских диссертациях встречается не так часто».

Официальный оппонент, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Ростовского государственного университета Э.В. Лисневский считал диссертационное исследование Н.Ю. Кузнецовой актуальным по следующим основаниям: 1) в советской историко-правовой литературе почти полностью отсутствуют монографические исследования на данную тему; 2) работа Н.Ю. Кузнецовой помогает предметному уяснению механизмов

¹ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 66.

² Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 66.

колониального господства Великобритании, правящим кругам которой удалось создать не только величайшую в мировой истории империю, но и сохранить её в течение довольно длительного времени; 3) существование политики неокOLONIALИЗМА и прямых проявлений колониализма делают весьма актуальным изучение тех приёмов и методов, к которым прибегали и всё ещё прибегают империалистические государства в своих отношениях с государствами «третьего мира», к тому же бывшие метрополии энергично культивируют всякого рода связи, союзы, объединения со своими прежними владениями и апологетику, восхваление и всяческое приукрашивание правления колонизаторов.¹

Диссертационный совет в заключении о научном значении диссертации Н.Ю. Кузнецовой отметил, что «новизна диссертационной работы Н.Ю. Кузнецовой определяется, прежде всего, тем, что в советской юридической литературе нет ни одной монографии, посвящённой исследованию правового статуса доминиона, а в учебниках и учебных пособиях по истории государства и права зарубежных стран, где эти проблемы не могут быть обойдены, о статусе доминиона обычно говорится очень скупо и довольно расплывчато. Автор убедительно показал, что уже в начале XX века понятие доминиона стало использоваться для обозначения территорий, которые уже утратили статус колоний (даже «самоуправляющихся колоний»), поскольку они сумели добиться не только права на «внутреннее самоуправление», но и права на обладание такими важными элементами государственности как собственные вооружённые силы, своя денежная система, самостоятельное выступление в международных отношениях, касавшихся торговли, и т.д. Несомненной заслугой диссертанта является то, он впервые в историко-правовой науке раскрыл основные стадии в развитии содержания статуса доминиона, установив, что в период до Первой мировой войны доминионы представляли собою не государства, а несuverенные государственные образования, что превращение их в независимые государства происходило в период между первой и второй мировыми войнами, что после Второй мировой войны, когда доминионами стали важнейшие «туземные» колонии Великобритании, содержание статуса доминиона было дополнено правом на выход из британского «Содружества наций» и правом на изменение своего правового положения в рамках этого «Содружества», что в связи с трансформацией содержания этого статуса сам термин «доминион» был исключён из официальных документов. обстоятельно проанализированы в диссертации те правовые формы, с помощью которых на разных этапах производилось наделение британского владения статусом доминиона. Такой анализ в историко-правовой науке проводился впервые».²

¹ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 81-82.

² Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 4-5.

В первой главе «Зарождение статуса доминиона к началу Первой мировой войны» (С. 12-68) раскрывается процесс зарождения статуса доминиона в Британской империи к началу Первой мировой войны. В XVII–XIX веках Англия смогла создать одну из величайших в истории человечества империй. Её своеобразие состояло в разбросанности английских колоний, находившихся во всех частях света – в Северной Америке, Индии, Австралии, Азии, Африке, Европе и по своей протяженности в десятки раз превосходящих территорию метрополии, а также – в огромной удалённости последней от первых.¹ Британская империя (*British Empire*), «над которой никогда не за-

¹ См. о Британской империи, о взаимоотношениях империи и доминионов: *Веснин А.Н.* Британская имперская федерация и английские торговые интересы. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900. – [4], 99 с.; *Сили Дж. Р.* Расширение Англии / Пер. с англ. В.Я. Герда (по изданию 1903 г.); *Крэмб Дж.А.* Германия и Англия / Пер. с англ. (по изданию 1915 г.) // *Сили Дж. Р., Крэмб Дж. А.* Британская империя. – М.: Алгоритм: ЭКСМО, 2004. – 442, [2] с. (Серия «Имперское мышление»); *Сили Д.Р.* Расширение Англии: Два курса лекций [проф. Дж.-Р. Сили в Кембридж. ун-те] / Пер. с послед. англ. изд. В.Я. Герда; под ред. и с примеч. В.А. Герда. – СПб.: О.Н. Попова, 1903. – IV, 239 с.; *Ерофеев Н.А.* Империя создавалась так...: Английский колониализм в XVIII веке. – М.: Наука, 1964. – 175 с.; *Ерофеев Н.А.* Закат Британской империи. – М.: Мысль, 1967. – 279 с.; *Ерофеев Н.А.* Английский колониализм в середине XIX века: Очерки / Н.А. Ерофеев; АН СССР, Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 1977. – 256 с.; *Тарле Е.В.* Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств: (Конец XV – начало XIX в.). – М.; Л.: Наука. [Ленинградское отд-ние], 1965. – 427 с.; *Халфин Н.А.* Создание и распад Британской колониальной империи / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 106 с.; *Грудзинский В.В.* На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. – 310 с.; *Грудзинский В.В.* Великобритания и её доминионы в последней трети XIX – первой четверти XX веков: идейно-политическая эволюция и проблема имперского единства: автореферат дис. ... доктора ист. наук: 07.00.03 / Санкт-Петербург. ун-т. – СПб., 1997. – 40 с.; *Грудзинский В.В.* Великобритания и её империя в середине XIX в.: либерализм и проблемы модернизации. – Челябинск: Энциклопедия, 2015. – 220 с.; *Парфенов И.Д.* Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века: (Движущие силы, формы и методы). – М.: Наука, 1991. – 188, [2] с.; *Сердюк А.К.* Канадо-английские отношения, 1908-1931 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – М., 1988. – 196 с.; *Кукушкин В.Е.* Канада и эволюция имперских отношений в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – Пермь, 1994. – 19 с.; *Петина Ю.В.* Законодательное оформление внешнеполитического суверенитета Канады // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. – 2009. – Вып. 1. – С. 142-150; *Захарова О.В.* Имперская стратегия британского парламента в Канаде: 1921-1931 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Владимир. гос. пед. ун-т. – Владимир, 2006. – 23 с.; *Данилов С.Ю.* Эволюция канадского федерализма. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 303, [1] с.; *Зимулина Л.А.* Борьба английских доминионов за расширение политических прав в 1923-1929 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. обл. пед. ин-т им. Н.К. Крупской. – М.: [б. и.], 1967. – 18 с.; *Зимулина Л.А.* Становление государственного суверенитета британских доминионов (1914-1931 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.03. – М., 1995. – 19 с.; *Зимулина Л.А.* Эволюция национальной государственности британских доминионов //

ходило солнце», имела сложную структуру и прежде всего состояла из метрополии, то есть собственно Великобритании (унитарная парламентарная монархия) и «владений за морями», то есть колоний.

Колонии Англии не имели единообразного управления. Они делились на «переселенческие» и «туземные» (коронные, «завоёванные»). «Переселенческие» колонии прошли путь от колониального самоуправления до доминиона. В «туземных» («завоёванных») колониях туземное население составляло основную массу или численно преобладало над белыми, поэтому они не обладали политическим самоуправлением и представляли собой подвластные метрополии округа, где власть короля передавалась назначенному им наместнику, называемому обычно губернатор. Вне этих групп колоний находились различные «дружественные», «вассальные», «покровительствуемые» зависимые государства и земли, которыми Британская империя, подобно Римской империи, прикрывала свои границы и опасные пункты. Среди этих «туземных» колоний особое положение занимала Индия, которая была завоевана в XVII–XVIII веках.¹ Об управлении Индией в дореволюционной

Британская империя в XX веке / Под ред. А.М. Пегушева, Е.Ю. Сергеева. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010. – С. 72-80; *Кокотов С.А.* Становление Канады как суверенного государства: от доминиона к королевству // Сервис в России и за рубежом. – 2015. – Т. 9. – № 1. – С. 134-147; *Богомолов С.А.* Имперская идея в Великобритании в 70–80-е гг. XIX века. – Ульяновск: УлГУ, 2000. – 300 с.; *Богомолов С.А.* Государственное управление в империях: Великобритания и Россия в XVI – XIX веках. – Ульяновск: УлГУ, 2007. – 335 с.; *Заболотный В.М.* «Имперский консенсус» первой половины XX в.: последняя попытка Англии предотвратить распад Британской империи // Научный журнал. – 2012. – № 1. – С. 41-49; *Макарова Е.А.* Трансформация правового статуса доминионов Британского Содружества наций в первой половине XX века // Правовой статус и правосубъектность лица: теория, история, компаративистика. Материалы VIII международной научно-теоретической конференции. – СПб.: ГУАП, 2007. – С. 373-378; *Макарова Е.А.* Имперские конференции в системе взаимодействия Британского Содружества наций // Вестник Новгородского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2015. – № 7 (90). – С. 117-120; *Сухоруков А.В.* Британское содружество наций: прошлое и настоящее // Новая и новейшая история. – 2006. – № 5. – С. 70-85; *Степанова Н.А.* Великобритания в содружестве наций: прошлое, настоящее, будущее // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 4 (37). – С. 214-221; *Брендон П.* Упадок и разрушение Британской империи. 1781-1997 / Пирс Брендон; [пер. с англ. М.В. Жуковой]. – М.: АСТ, 2010. – 957, [1] с.

¹ В XVIII в. Индия представляла собой лишь географическое понятие. Индия являлась густо населённой территорией (200 миллионов) с древнейшей цивилизацией, где проживало множество этносов, народов со своими языками, религией и культурой. У них отсутствовало чувство этнической общности, чувство принадлежности к индийской нации и единому индийскому государству. Индия часто подвергалась иноземным завоеваниям. Могущественные империи, возникавшие на её территории, скорее представляли собой объединения отдельных регионов, нередко напоминавших некое подобие самостоятельных независимых государств, контролировавшихся местными правителями и признававших вассальную зависимость от императора. В XVII в. Индия была объединена мусульманскими султанами, так называемыми Великими Моголами. В начале XVIII в. империя Великих Моголов рас-

историографии имелась статья А.А. Жилина и монография И.И. Филиппова.¹

«Переселенческие» колонии возникли главным образом на малонаселённых землях, поэтому в них преобладали англичане, переселившиеся из метрополии (переселенцы из европейских стран) – североамериканские колонии, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка. В этих колониях образовывались государственные учреждения английского типа. Здесь создавались двухпалатные представительные (законодательные) собрания наподобие английского парламента. Место короля занимали генерал-губернаторы, которые назначались английским королём и обладали значительными полномочиями. Они назначали верхнюю палату законодательного собрания, обладали правом вето и роспуска собраний, назначали по собственному усмотрению советников (министров). Законодательные собрания, избравшиеся белыми собственниками, принимали местные законы, утверждали налоги, жалование должностным лицам. Эти колонии создавались по образцу английской конституционной дуалистической монархии.

В первой главе диссертации показано зарождение и развитие элементов самоуправления в «переселенческих» колониях (появление местных легислатур, «ответственных правительств» и т.д.), анализируются соответствующие законодательные акты и т.д. Правовой статус самоуправляющихся колоний, как верно подметила Н.Ю. Кузнецова, определялся актами парламента Великобритании, в силу чего он мог в какой-то степени контролировать деятельность правительства по их управлению. Самоуправляющиеся колонии (*Selfgoverning Colonies*) имели также свои представительные органы и ответственные перед ними правительства. Они создавались по образцу анг-

палась. Обширная страна находилась в состоянии анархии. Новые завоеватели Индии – англичане – сменили старых завоевателей – Великих Моголов. Население Индии, не обладающее чувством этнической общности, привыкло подчиняться иноземным завоевателям. – См. о завоевании и управлении Индией: *Сили Дж. Р.* Расширение Англии / Пер. с англ. (по изданию 1903 г.) // *Сили Дж. Р., Крэмб Дж. А.* Британская империя. – М.: Алгоритм: ЭКСМО, 2004. – С. 193 и сл.

¹ *Жилин А.А.* Очерк организации управления Британской Индийской империи / Прив.-доц. А.А. Жилин. – Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира АО Н.Т. Корчак-Новицкого, 1908. – [2], 16 с.; *Филиппов И.И.* Государственное устройство Индии. – Ташкент: Электро-печ. при Канц. турк. г.-губ., 1911. – [2], VIII, 346 с.

В середине XIX в. Индия была провозглашена империей, а английская королева стала императрицей Индии. Для управления Индией создали специальное министерство по делам Индии с совещательным советом при нём. Непосредственное управление Индии находилось в руках генерал-губернатора, который неофициально именовался вице-королём. При нём находился законосовещательный совет, состоящий из английских чиновников. Страна разделялась на провинции, которые управлялись губернаторами и имели свои законодательные собрания. Наряду с прямым правлением, Англия использовала косвенное правление через индийские княжества, гарантируя князьям относительную самостоятельность в обмен на лояльность колониальным властям.

лийской конституционной парламентарной монархии. Постепенно власть генерал-губернаторов стала похожей на власть английского короля, сформировались ответственные перед собственным парламентом правительства. Поэтому эти колонии носили название «колоний с ответственным правительством» (*responsibie government*). К этим самоуправляющимся колониям (доминионам) относились самые большие и населённые англоязычные колонии, наиболее высокоразвитые зависимые страны: Канада, Австралия, Южно-Африканская уния, Новая Зеландия, Ньюфаунленд. Три доминиона – Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский союз – являлись федерациями, а два – Новая Зеландия и Ньюфаунленд – унитарными государствами. Диссертант подчёркивает, что хотя «конституционные» акты всех этих колоний, исключая Ньюфаундленд, были изданы в виде актов британского парламента, принципы ответственного правительства не были закреплены ни в этих, ни в других законодательных актах. Система ответственного правительства повсюду вводилась на основе инструкций, данных британским правительством соответствующим губернаторам (или генерал-губернаторам), то есть посредством административных актов.

С точки зрения приёмов управления уже в конце XIX и начале XX веков, по мнению диссертанта, на первый план выступило деление колоний на коронные и самоуправляющиеся. Хотя и те, и другие находились в подчинении колониального ведомства (министерства по делам колоний), колониальное законодательство в форме «приказов в совете» (которые были по существу актами правительства, то есть актами исполнительной власти) метрополии уже тогда использовалось только по отношению к коронным колониям. В отношении самоуправляющихся колоний метрополия признала недопустимость издания «приказов в Совете» и постепенно предоставила парламентам этих колоний право принимать свои собственные законы по всем внутренним делам. Однако параллельно с этим оставался незыблемым принцип верховной власти британского парламента, ибо рамки внутреннего самоуправления каждой колонии, а также порядок образования и деятельности важнейших органов управления каждой колонии устанавливался актом британского парламента – специальным актом о Конституции такой колонии.

Важную роль в правовой регламентации проблем управления колониями сыграл Акт о действительности колониальных законов (*Colonial Laws Validity Act*) 1865 г. Этим актом было введено своеобразное понятие «колониального закона», под которым предписывалось понимать, во-первых, постановление легислатуры колонии, и, во-вторых, любой предназначенный для колонии «приказ в совете», т.е. королевский акт, принятый британским правительством помимо какого бы то ни было представительного органа («приказы в совете», предназначенные для Великобритании, законами не признавались). На основе Акта 1865 г. колониальный закон, положения которого противоречат какому-либо закону Англии, лишались силы лишь в том

случае, если английский закон был издан специально для колоний (например, ни одна колония не может отменить у себя общее запрещение рабства на британской территории, сделанное парламентским статутом 1825 г.); если же английский закон предназначался для метрополии, то противоречащий ему колониальный закон считался имеющим силу.

Впервые статус доминиона получила Канада. В 1867 г. проект канадской конституции был принят парламентом Канады и утверждён английским парламентом под именем Акта о Британской Северной Америке. Он учредил новое федеративное государство – Канаду, являющуюся составной частью Британской империи. Канадскую федерацию учреждали четыре равноправные провинции (субъекты федерации), ранее бывшие отдельными колониями. Три провинции являлись англоязычными, а одна – Квебек франкоязычной, в которой преобладали французы. Конституция Канады не могла быть изменена без согласия британского парламента. К концу XIX в. территория федерации увеличилась в несколько раз, а число провинций возросло до девяти. Канадой также первой среди доминионов перешла и к парламентарному образу правления. Генерал-губернатор имел такое же слабое участие в делах, как в Англии король. Фактически Канадой управлял не генерал-губернатор, а премьер-министр канадского кабинета, который нёс политическую ответственность перед канадским парламентом. В 1901 г. была образована федерация Австралийского Союза шести колоний. В 1907 г. принимается Конституция Новой Зеландии, в 1909 г. – Южно-африканского союза.

Затем в диссертации рассматривается процесс перерастания «самоуправляющихся» колоний в государственные образования – доминионы (*Dominions*) в конце XIX и начале XX веков по мере расширения сферы их самостоятельности (выступление в определённых пределах в качестве субъекта международных отношений, создание собственных воинских контингентов, выпуск собственных денежных знаков, установление собственного флага и т.д.) с ограничением вмешательства метрополии в решение только таких вопросов, которые затрагивали интересы метрополии. Доминионы получили собственные конституции, которые утверждались британским парламентом, но были разработаны местными учредительными парламентами. Русские переводы обширных и, в отличие от английской, писанных и кодифицированных конституций Канады и Австралии имелись в сборнике конституций В.М. Гессена и Б.Э. Нольде.¹

Ограничения самоуправления касались и права самоуправляющихся

¹ Конституция Австралии // Современные конституции: Сборник действующих конституц. актов / Пер. под ред. и с вступит. очерками пр.-доц. В.М. Гессена и доц. бар. Б.Э. Нольде. Т. II. Федерации и республики. – СПб.: Кн. скл. «Право», 1907. – С. 1-51; Акт об унии Канады, Новой Шотландии и Нового Брауншвейга, об управлении и о других связанных с сим предметах 28 марта 1867 г. // Там же. С. 197-233.

колоний вносить изменения в свои «конституционные» акты. Только акты, принятые британским парламентом уже в начале XX в., пошли на то, чтобы разрешить парламентам Австралийского Союза и Южно-Африканского Союза принимать поправки к этим актам. Что же касается Канады в Ньюфаундленда, то парламенты этих владений не только в конце XIX в., но и в начале XX в. не получили права изменять свои «конституции». Несколькое иное положение сложилось в Новой Зеландии, где Акт 1852 г. также прямо не указывает порядка его изменения, но в 1857 г. британским парламентом был принят акт, пожаловавший новозеландскому Генеральному собранию соответствующее право с некоторыми ограничениями.

Внешняя политика и оборона доминионов оставались в компетенции британского правительства. Самоуправляющиеся колонии не обладали правом вступать в непосредственные дипломатические отношения с иностранными государствами, не могли формировать свою внешнюю политику. Они пользовались значительной самостоятельностью в управлении лишь своими внутренними делами. Степень самостоятельности, по утверждению Н.Ю. Кузнецовой, была прямо пропорциональна давлению их населения на правительство Великобритании. А поскольку это давление не ослабевало, а, наоборот, усиливалось с каждым годом, принимало всё более широкий размах, Великобритания уже в конце XIX в. вынуждена была предоставить почти всем самоуправляющимся колониям статус доминиона. Заметим, что в конце XVIII века североамериканские колонии отделились от Англии и образовали независимое государство – Соединённые штаты Америки. Этот тяжёлый урок, полученный Англией, научил её осмотрительности и благоразумию в обращении с оставшимися в её власти колониями, в которых преобладали англичане, переселившиеся из метрополии, и образовывались государственные учреждения английского типа.

Официальный оппонент Э.В. Лисневский обратил внимание на то, что диссертант выводит причины, повлекшие в конечном итоге к перерастанию «белых» «поселенческих» самоуправляющихся колоний в доминионы, из отношений, складывающихся между ними и метрополией. Причём автор отдаёт примат стремлению избежать сепаратизма, заблокировать сепаратистские националистические движения и таким образом сохранить британскую колониальную империю.¹ Но, утверждал Э.В. Лисневский, как показывает исто-

¹ По мнению Д.Л. Златопольского, «в работе недостаточно чётко показано, что идея предоставления колониям статуса доминиона в Британской империи зарождалась постепенно и, отражая реальные экономические и социальные процессы, развивалась медленно, но неуклонно. С самого начала (а после американской революции это проявлялось особенно сильно) возникновения Британской колониальной империи отношение метрополии к колониям было двойственным: с одной стороны, колонии укрепляли британские острова, обогащая английскую буржуазию и дворянство, способствуя превращению Англии в «мастерскую мира», с другой стороны, из-за разбросанности и «мозаичности» заморских владений, борь-

рия английского колониализма, такое объяснение может быть полностью отнесено только к весьма специфической ситуации, имевшей место в Канаде, которая стала первым доминионом: это британское владение раздирает франко-английский межобщинный конфликт, известные притязания на Канаду не прочь были заявить и соседние с ней США. В остальных же случаях надо говорить (наряду отмеченными в диссертации) и о других причинах, в том числе и о тех весьма значительных выгодах, которые доминионы получали от нахождения в составе Британской империи, а также и о том, что приобретение такого статуса более надёжно защищало их от империалистической экспансии других колониальных хищников на рубеже XIX–XX веков, что особенно характерно для Австралии и Новой Зеландии, справедливо опасавшихся экспансионистских устремлений Германии и Японии. Что же касается Южно-Африканского Союза, то его образование не в последнем счёте было вызвано стремлением закрепить завоёванные бурские республики в составе британских владений, растворив их среди тех южноафриканских владений, где позиции африкандерской верхушки были не так сильны (Квиленд, Наталь и т.д.).¹

Действительно, полный разрыв с метрополией признавался доминионами нежелательным, так как возникала опасность поглощения колоний какой-либо иностранной державой. По словам профессора Н.И. Лазаревского, «действительная сила Британской империи обусловлена тем, что колонии не могут не сознавать всей выгоды, предоставляемой им тем, что они входят в состав политически могущественнейшего государства, внешнею защитою которого они пользуются, находя возможность свободного внутреннего развития; отдельные колонии сознают, что они связаны с остальными частями империи торгово-промышленными интересами, общностью своей английской... культуры».²

Анализируя содержание Акта о Британской Северной Америке 1867 г. и труды западных учёных, Н.Ю. Кузнецова совершенно правильно обосновала при помощи лингвистических доказательств происхождение самого термина доминион. В переводе с английского слово доминион буквально означает владение. Использование в актах конституционного законодательства

бы народов этих владений за свою независимость, колониальный фактор способствовал дестабилизации положения Англии, создавая правящему классу дополнительные трудности и проблемы. Слова Б. Дизраэли: «Наши колонии – это наши кандалы», показывали, что английская буржуазия, гибкая, умевшая думать и извлекать уроки из своей истории, стремилась к тому, чтобы отношения между метрополией и колонией были эластичными, а поэтому шла на предоставление самоуправления своим колониям». – Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 91.

¹ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 83–84.

² Лазаревский Н.И. Русское государственное право. 3-е изд. Т. 1: Конституционное право. – СПб.: Кн. маг. «Право», 1913. – С. 220.

столь неопределённого понятия для обозначения нового статуса самоуправляющихся колоний было отнюдь не случайным. Правящая верхушка Великобритании могла вкладывать в него в зависимости от соотношения сил в доминионах самое различное содержание. Вместе с тем неопределённость терминологии парламентских актов Великобритании, закрепляющих правовой статус доминионов, оказалось обоюдным оружием. В диссертации проводится мысль о том, что британские доминионы в правовых рамках своего статуса добивались фактического расширения государственных полномочий. В 1912 г. все доминионы подписали международную конвенцию по вопросам радиотелеграфной связи, в 1914 г. – конвенцию о спасании потерпевших кораблекрушение. Поскольку Великобритания не предоставляла своим доминионам права выступать в качестве самостоятельных субъектов при подписании многосторонних договоров, получилось, что они стали пользоваться такими правами без её разрешения, де факто. Накануне Первой мировой войны доминионы учредили в Лондоне свои представительства в ранге верховных комиссаров. Кроме того, доминионы начали создавать свои воинские формирования, выпускать свои собственные денежные знаки, утверждать в качестве символа своей национальной государственности флаги.

Необходимость считаться с требованиями правительств самоуправляющихся колоний привела к тому, что, начиная с 1887 г. британское правительство стало созывать особые конференции для консультации с правительствами некоторых колоний, входивших в состав Британской империи. В 1907 г. эти колониальные конференции получили наименование имперских, и более чётко был определён круг участников таких конференций. В постановлении конференции 1907 г. говорилось, что «империи будет выгодно, если конференция, названная имперской конференцией, проводится каждые 4 года, на которой обсуждаются и рассматриваются вопросы, представляющие общий интерес для правительств его величества и самоуправляющихся доминионов за морями». После этой конференции наименование «колония» уже более не применялось в отношении самоуправляющихся британских владений и вместо него стали употребляться термины «самоуправляющийся доминион» или просто «доминион».

Нетрудно заметить, что до Первой мировой войны понятие правового статуса доминиона наполнилось новым содержанием. В этой связи Н.Ю. Кузнецова подробно анализирует различные аспекты правового положения доминиона и приходит к выводу, что он ещё не обладал в полном объёме статусом государства. Они ещё далеко не полностью взяли в свои руки вопросы обороны своей страны (например, сухопутные войска свои создали, а своего военно-морского флота ещё не имели, продолжая пользоваться «услугами» военно-морских сил Великобритании), денежная система этих владений оставалась «привязанной» к денежной системе Великобритании (исключение составляла Канада, денежная система которой уже тогда была «привязана» к

денежной системе США), флаги этих владений представляли собою лишь видоизменённый британский флаг, договоры от имени автономных владений ещё нередко официально подписывал представитель Великобритании, хотя условия договора, касающегося автономного владения, стали непременно предварительно согласовываться с представителями самих этих владений. Всё это говорило о том, что в автономных владениях Великобритании шёл процесс строительства собственной государственности, но независимыми государствами в период до Первой мировой войны они ещё не стали.

Доминионы применительно к этому периоду являлись, по мнению диссертанта, несuverенными государственными образованиями, отношения которых с Великобританией представляли собой реальную унию или что-то близкое к ней. Советский учёный, профессор В.Н. Дурденевский, определял реальную унию как государственно-правовую форму, которая «представляет объединение нескольких (обычно двух) государств под одной династией, с несколькими общими органами и некоторым параллелизмом внутреннего устройства».¹ К реальным униям относились Шведско-Норвежская (1815-1905) и Австро-Венгерская (1867-1918) унии.² Диссертант при характеристике статуса доминионов в период до Первой мировой войны отмечает, что они не обладали международной правосубъектностью в полном объёме, но какую-то часть этой правосубъектности им всё же удалось обрести.

В диссертации подвергается критике концепция С.А. Корфа, согласно которой накануне Первой мировой войны пять автономных колоний Великобритании представляли собою несuverенные государства, являвшиеся составными частями своеобразной федерации – Британской империи. Учёный доказывает, что Британскую империю (ни того, ни последующих периодов) нельзя рассматривать как федерацию хотя бы потому, что федерация – это сложное государство, состоящее из государств-членов и единого союзного государства, а в Британской империи союзного государства не существовало. Диссертанту теория С.А. Корфа представлялась неприемлемой. Неверно, прежде всего, представление о федерации как объединении несuverенных

¹ Дурденевский В.Н. Иностранное конституционное право в избранных образах: (С прил. текстов конституций). – Л.: Гос. изд-во, 1925. – С. 22.

² О Шведско-Норвежской унии см.: Нольде Б.Э. Начало и конец Шведско-Норвежской унии // Журнал министерства юстиции. – 1906. – № 2 (февраль). – С. 58-105; № 3 (март). – С. 1-43; Мехелин Л. Государственное устройство Швеции и Норвегии // Политический строй современных государств. Сб. статей. – СПб.: Изд. князя П.Д. Долгорукова и И.И. Петрункевича, 1906. – Т. II. – С. 220-256; Пергамент М.Я. Юридическая природа реальной унии. – Одесса: типография Штаба войск Одесского военного округа, 1893. – С. 31-45; Об Австро-венгерской унии см.: Кокошкин Ф.Ф., Вышеславцев Б.П. Австро-Венгрия // Политический строй современных государств. Сб. статей. – СПб.: Изд. князя П.Д. Долгорукова и И.И. Петрункевича, 1906. – Т. II. – С. 191-219; Пергамент М.Я. Юридическая природа реальной унии. – Одесса: типография Штаба войск Одесского военного округа, 1893. – С. 45-76.

государств. С.А. Корф выступал здесь последователем Г. Еллинека, который таким путём пытался доказать федеративную природу кайзеровской Германии. По мнению Н.Ю. Кузнецовой, поскольку доминионы в период до Первой мировой войны не обрели полного объёма государственности, их правильнее всего рассматривать в этот период как государственные образования.

Вопрос о том, является ли суверенитет неотъемлемым признаком государства или нет, являлся спорным как в западной, так и русской дореволюционной литературе. К сожалению, в советский период Н.Ю. Кузнецова не могла уделить этому должного внимания. Одни учёные-государствоведы пришли к заключению, что суверенитет является необходимым и существенным признаком государства. К ним относились Б.Н. Чичерин¹, Н.И. Палиенко, В.В. Ивановский², Б.Э. Нольде³, А.С. Алексеев⁴, Г.Ф. Шершеневич.⁵ Н.И. Палиенко в своём исследовании о суверенитете пришёл к следующему выводу: «Наше исследование понятия суверенитета в его историческом развитии и правовом значении в связи с его отношением к правовой природе государства приводит нас к убеждению в необходимости сохранения этого понятия и в настоящее время, как центрального в понятии государства. Именно суверенитет является не только исторической категорией, но характеризует собой и ныне юридическую природу государственного властвования и является тем необходимым критерием, который дает возможность отличить государство от других публичноправовых союзов».⁶

Другие учёные германской юридической школы П. Лабанда – Г. Ел-

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. I: Общее государственное право. – М. Типо-лит. Выс. утв. Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1894. – С. 58 и сл.

² Ивановский В.В. Учебник государственного права. Изд. 3-е. – Казань: Типо-лит. Имп. унта, 1910. – С. 75.

³ Б.Э. Нольде отвергал понятие несuverенного государства: «Власть государства безусловна в том смысле, что единственные ограничения, которые она знает, исходят от самого государства». – Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. – СПб.: Тип. «Правда», 1911. – С. 277.

⁴ «Государственная власть, в виду именно того, что она, и только она, призвана охранять правовой порядок в пределах территории государства, по самой природе своей должна быть властью в юридическом отношении безусловной и неограниченной, – другими словами, должна обладать суверенитетом». Алексеев А.С. К учению о юридической природе государства // Русская мысль. – 1894. – Ноябрь. – С. 87.

⁵ Суверенитет есть необходимое свойство государственной власти, и ни отбросить его, ни сгладить невозможно из опасения не только противоречия логике, но и противоречия исторической действительности». – Шершеневич Г.Ф. Общая теория права (по изданию 1910-1912 гг.). В 2-х тт. Т. 1. Вып. 1. – М.: Юридический колледж МГУ, 1995. – С. 184.

⁶ Палиенко Н.И. Суверенитет: Историческое развитие идеи суверенитета и её правовое значение / Н.И. Палиенко, прив.-доц. Демид. юрид. лицез. – Ярославль: Тип. Губ. правл., 1903. – С. 565-566.

линека пришли к заключению, что суверенитет не является необходимым, существенным признаком государственной власти. В начале 80-х годов XIX века немецкий юрист Г. Еллинек признал, что наряду с государствами суверенными существуют государства и несuverенные, власть которых не обладает свойствами независимости, и поэтому суверенитет вообще не является существенным признаком государства. Федеративное государство является таким суверенным государством, в котором ряд несuverенных государств объединяется господством единой высшей суверенной власти на основе особой федеральной конституции.¹ Суверенитет здесь принадлежит федеральной власти, а не отдельным государствам членам федерации. Юридическим основанием федерации является не договор, а закон, федеральная конституция. Раз соединившиеся в федерацию государства отказались от суверенитета и поставили над собой, в качестве суверенной власти, особые верховные органы, учредив законный порядок изменения этих органов и всего федеративного устройства. Федеративное государство как государство сложное является соединением государств. Составляющие его члены, подчиняясь единой суверенной власти, имеют свою особую, производную юридически от союзной власти, основанную на их собственной организации власть, свою территорию и население, являются, таким образом, несuverенными государствами.²

Унитарная теория П. Лабанда и Г. Еллинека суверенитета федерации, согласно которой суверенитет принадлежит только федерации, была принята почти всеми русскими юристами.³ Например, Н.М. Коркунов прямо при-

¹ «Союзное государство есть образованное из нескольких государств суверенное государство, государственная власть которого исходит от его отдельных членов, связанных в одно государственное единство. Оно представляет государственно-правовое соединение государств, устанавливающее над соединёнными государствами господство, участниками которого всегда являются, однако, сами государства, так что они в своей совокупности господствуют или, по крайней мере, участвуют в господстве – и в то же время как отдельные государства являются в известных отношениях подвластными». – *Еллинек Г.* Общее учение о государстве (по изданию 1903 г.) / Пер. с нем. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – С. 727.

² «Германские союзные государства следует признать государствами, так как они могут организовываться по своим собственным, основанным исключительно на их воле, конституциям, которые являются их законами, а не законами империи». – *Еллинек Г.* Общее учение о государстве (по изданию 1903 г.). С. 472.

³ Вопрос о юридической природе федерации вызвал затруднения, так как составные части федеративного государства, ему подчинённые, признавались по федеральным конституциям всё же государствами. Вопрос о юридической природе федерации сводился к проблеме суверенитета федерации и её субъектов и являлся одной из самых сложных и вызывающих острые споры в юридической науке до сих пор. «Научные дискуссии о государственном суверенитете в федеративном государстве имеют такую же историю, как и сама федерация», – отмечал современный конституционалист М.И. Кукушкин. – *Кукушкин М.И.* Теоретико-правовые проблемы государственного суверенитета Российской Федерации // Вопросы теории и практики публичной власти: Коллективная монография / Отв. ред.: А.Н. Ко-

знал, что наилучшее разрешение вопроса о юридической природе федерации мы находим у Еллинека. «Наилучшее разрешение этого вопроса мы находим у Еллинека. Признав, что государства могут быть и несuverенными, отличительный признак государств он видит во властвовании по собственному праву и потому самостоятельном, не подлежащем ничему надзору... государство, напротив, и, сделавшись частью союзного государства, сохраняет самостоятельное право властвования. Его властвование ограничивается союзной властью, теряет свой верховный характер, но сохраняет свою самостоятельность, бесконтрольность. Союзной власти не принадлежит право контролировать, как осуществляют отдельные государства оставшуюся за ними долю власти. Их власть, как бы она ни была ограничена, принадлежит им не только *quo ad exercitium*, но и *quo ad jus*».¹

Учение о несuverенных государствах поддерживал и Ф.Ф. Кокошкин: «Союзное государство или федерация есть сложное государство, т.е. государство, само состоящее из государств. Входящие в состав федерации государства подчиняются власти федерации, т.е. того целого, которое они образуют, но тем не менее сохраняют государственный характер; их власть самостоятельна, но не суверенна. Федеративное государство может возникнуть в форме договора государств, ранее не связанных друг с другом или связанных только международной, конфедеративной связью. Но это не договор в собственном смысле слова, создающий лишь взаимные субъективные права и обязанности, а соглашение, создающее новое объективное право, которое затем дополняется и развивается путём закона и обычая».²

Н.И. Лазаревский, анализируя юридическую природу Германской империи по конституции 1871 г., писал: «И Империя, и отдельные государства, в неё входящие, называются и признаются государствами, но Империя государство суверенное, никому не подчинённое, а государства, входящие в её состав, подчинены власти Империи и потому не суверенны».³ Несuverенны

ков. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2005. – С. 64.

В западной науке сложилось несколько подходов по проблеме соотношения суверенитета федерации и её субъектов: 1) классическая теория А. Токвиля–Г. Вайца делимости суверенитета между федерацией и её субъектами; 2) сепаратистская теория Д. Кольхуна – М. Зейделя суверенитета субъектов федерации, согласно которой суверенитет сохраняют субъекты федерации, а федерация несuverенна; 3) унитарные теории П. Лабанда и Г. Еллинека суверенитета федерации, согласно которым суверенитет принадлежит только федерации; 4) синтетическая теория суверенитета А.С. Яценко, согласно которой суверенитет является общим для федерации и её субъектов.

¹ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1: Введение и общая часть. 7-е изд., без перемены; под ред. и с доп. приват-доц. С.-Пет. ун-та З.Д. Авалова, М.Б. Горенберга, К.Н. Соколова. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – С. 157-158.

² Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. 2-е изд. – М.: Бр. Башмаковы, 1912. – С. 301.

³ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. 3-е изд. Т. 1: Конституционное право. –

ми государствами он признал и штаты США, и кантоны Швейцарии и вассальные государства, находящиеся под протекторатом Российской империи (Хива, Бухара). Отличие суверенного государства от несuverенного таково: «...путём сопоставления тех единиц, которые в настоящее время называются государствами, и тех, которые государствами не называются, можно сделать тот вывод, что государствами являются все единицы суверенные (никому не подчинённые), а из несuverенных те, которые обладают собственно, на своих законах основанною организацией».¹ Учение о несuverенных государствах поддерживали также М.Б. Горенберг, А.А. Жилин, М.Я. Пергамент, С.А. Котляревский, С.А. Корф.²

Учение о несuverенном государстве подверглось критике учёными, которые признавали наличие суверенитета непременным признаком государства. Они отмечали, что в федеративном государстве суверенитет принадлежит федерации, а субъекты федерации, будучи лишены суверенитета, в сущности не государства, и название их государствами является пережитком тех времен, когда они, до соединения в федерацию, были вполне независимыми. Этого взгляда придерживался Н.И. Палиенко, который признавал, что «если не удастся найти иной критерий государства, кроме суверенитета, необходимо логически признать, что члены союзного государства не являются государствами в юридическом смысле этого слова».³ Этот вывод он и делает в

СПб.: Кн. маг. «Право», 1913. – С. 8.

¹ Там же. С. 10.

² Горенберг М.Б. Теория союзного государства в трудах современных публицистов Германии. – СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1891. – С. 210 и сл.; Пергамент М.Я. Юридическая природа реальной унии. – Одесса: Типография Штаба войск Одесского военного округа, 1893. – С. 70 и сл.; Жилин А.А. Теория союзного государства: Разбор главнейших направлений в учении о союзном государстве и опыт построения его юридической конструкции. – Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1912. – С. 319 и сл.; Жилин А.А. Учебник государственного права (Пособие к лекциям). Ч. 1 / А.А. Жилин, проф. Петрогр. ун-та. – Пг.: Тип. Б.М. Вольфа, 1916. – С. 75, 168; Котляревский С.А. Конституционное государство (по изданию 1907 г.) // Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных Законов / Под ред. и с предисл. д.ю.н., проф. В.А. Томсинова; МГУ им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак. – М.: Зерцало, 2004. – С. 55; Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 447.

³ Палиенко Н.И. Суверенитет: Историческое развитие идеи суверенитета и её правовое значение. С. 562.

Н.И. Палиенко утверждал, что в современном государстве суверенитет должен принадлежать государству и никому более: «Субъектом и единственным носителем суверенной государственной власти может быть лишь само государство как целое, как юридическая личность, а не тот или другой орган государства, или лицо, или совокупность лиц в государстве. Монарх или народ властвует лишь от имени и во имя государства, в силу законов самого государства, *ex jure publico*, а не в силу какого-либо личного, собственного права. Такие понятия, как монархический и народный суверенитет, и названия монарха или народа носителями суверенной государственной власти являются лишь ходячими образными

своём фундаментальном исследовании о суверенитете.¹ «Мы не можем поэтому согласиться не с мнением Прейса и его единомышленников, что идея суверенитета несовместима с современным правовым порядком и международным общением, ни с мнением, будто «теория несуверенного государства является новым торжеством великой идеи международного единства и новым поражением исключительных и узких национальных интересов». Теория несуверенного государства с политической точки зрения сама скорее явилась результатом этих «исключительных и узких национальных интересов», а не способствовала их устранению. Союзное государство может быть переходной стадией не только на пути к образованию единого государства, но и на пути к полному его распадению».²

Теория несуверенного государства, выдвинутая немецкими учёными, объяснялась Н.И. Палиенко политическими соображениями. «Ещё свежие воспоминания о былой исторической роли прежде независимых суверенных государств, сделавшихся частями союзного государства, национальное чувство и сепаратизм населения, являются значительными факторами, которые не только влияли на научные представления, но и на законодательство... При создании союзных государств должны были считаться с политикой, входить в компромиссы и щадить самолюбие и национальное чувство правительства и населения тех государств, которые, подчиняясь суверенитету новой центральной власти, утрачивали свой государственный характер».³ Надо иметь в виду, что впоследствии Н.И. Палиенко переменял своё мнение и признал учение о несуверенном государстве.⁴

Теория несуверенного государства была подвергнута критике Ф.В. Тарановским. Он отмечал, что признание несуверенного государства несовместимо с исторически сложившимся понятием суверенитета, как существенного признака государства. «Раз составные части союзного государства неуверенны, значит, они не государства, а государственные провинции с широкой компетенцией собственного правления. То обстоятельство, что догма действующего в союзном государстве права признает его составные части государствами, не должно нас смущать. Такое признание есть не более, как уступка воспоминаниям о прежней суверенности, и в Германии является своего рода актом почёта, воздаваемого владетельным князьям и их царствующим домам. В истории известны случаи, когда термины действующего права не

выражениями и чисто политическими идеями, но не строго юридическими понятиями». – Палиенко Н.И. Суверенитет: Историческое развитие идеи суверенитета и её правовое значение. С. 331.

¹ Там же. С. 564-565.

² Там же. С. 567.

³ Там же. С. 558.

⁴ Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства. – Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и с-въ, 1908. – С. 314 и сл.

выражают юридической сущности обозначаемого им явления, но употребляют по традиции. Так, Московское государство XVII века упорно называло свои составные части «государствами», сохраняя этим память о бывлой политической самостоятельности, то есть суверенности своих частей. Переживая это не сразу исчезло. Ещё в Генеральном Регламенте, данном Петром Великим в руководство коллегиям, встречаем название провинций “государствами”».¹ Характерно, что Конституция Германской империи 1871 г., называя государствами составные части федеративного государства, проявляла тем самым уважение, почёт правящим династиям. Если настаивать на том, что составные части Германской империи являются государствами, то в таком случае будет более последовательно признать Германскую империю не федеративным государством, а союзом государств, конфедерацией, что явно не соответствует действительности. Веймарская конституция 1919 г. именовала составные части германской федерации не государствами, как это делала конституция 1871 г., а землями.² Политическими мотивами немецких учёных объяснял появление теории несuverенного государства и Г.Ф. Шершеневич.³

А.С. Яценко, исходя из своей теории федерализма, отвергал учение о несuverенном государстве. «Так как штаты, входя в состав федерального государства, теряют свой суверенитет, то, само собой разумеется, они перестают и быть государствами, так как, по определению государства, суверенитет есть существенный признак государства. Государство только там, где имеется на лицо суверенитет, следовательно, государственным характером обладает только федеральное государство, образуемое из соединения центральной и местных властей. Что штаты продолжают обычно называться государствами, никакого значения иметь не может; это лишь злоупотребление термином или наименование, объясняемое как исторический пережиток».⁴

Отбросив суверенитет как существенный признак государства, немец-

¹ *Тарановский Ф.В.* Энциклопедия права (по изданию 1922 г.). 3-е изд. – СПб.: МВД России. С.-Петербург. ун-т, 2001. – С. 366-367.

² Там же. С. 367.

³ По мнению Г.Ф. Шершеневича, теория несuverенного государства вызвана образованием Германской империи в 1871 г. «Если суверенитет – существенное свойство государственной власти, то одно из двух: а) или германские монархи перестали быть государствами, что оскорбляло бы их самолюбие, или б) германская империя не есть государство, что психологически подрывало бы значение крупного политического акта. Связь научных сомнений с этим историческим событием обнаруживается из того, что идея суверенитета вызвала смущение именно среди германских ученых и именно в это время». – *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права (по изданию 1910-1912 гг.). В 2-х тт. Т. 1. Вып. 1. – М.: Юридический колледж МГУ, 1995. – С. 183-184.

⁴ *Яценко А.С.* Теория федерализма: Опыт синтетич. теории права и государства. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. – С. 328.

кие государствоведы старались найти специфический критерий государства вне суверенитета. Таким критерием, отличающим государство от других негосударственных союзов, они признали первоначальность, неделегированность государственной власти. Эти государствоведы признали, что суверенитет не может иметь безусловного значения для всех времён, что он обозначает собою лишь известную стадию в развитии государства и представлений о нём.¹ По словам Г. Еллинека, «суверенитет есть не абсолютная, а историческая категория».² Этот взгляд на суверенитет был признан Н.М. Коркуновым, М.Б. Горенбергом, Ф.Ф. Кокоскиным, А.А. Жилиным, С.А. Котляревским.³ Характерно, что Н.И. Палиенко в своём более новом исследовании «Учение о существе права и правовой связанности государства», опубликованном в Харькове в 1908 г., отказался от взгляда на суверенитет как на необходимый признак государства и принял, как отличительный признак государства, первоначальность, неделегированность власти.⁴

Б.А. Кистяковский правильно признал, что только при помощи формально-юридического метода невозможно решить вопрос о сущности государственной власти. Это особенно видно на примере определения понятия суверенитета. Выводы о правовом значении суверенитета представляют известную научную ценность, но по необходимости они обладают лишь условным и относительным значением.⁵ Б.А. Кистяковский писал, что «очень ошибаются те, кто думает, что может быть найден такой отличительный признак государственной власти, который даст возможность окончательно и безошибочно устанавливать, обладает ли тот или иной союз государственной или негосударственной властью, т.е. представляет ли он из себя государство или нет. Ясно, что смотрящие так на решение этого вопроса исходят из того предположения, что при помощи юридико-догматического метода могут быть решены проблемы, относящиеся к существу явления. Здесь, следовательно, мы опять имеем дело с несоответствием средств поставленной цели... вопрос

¹ См.: *Палиенко Н.И.* Суверенитет: Историческое развитие идеи суверенитета и её правовое значение. С. 517-518.

² *Еллинек Г.* Общее учение о государстве (по изданию 1903 г.). С. 468.

³ Слово «суверенитет» действительно означает известное свойство государственной власти, но не необходимое, а лишь обычное свойство; это понятие нельзя применять ко всем государствам, а только к тем, которые играют наиболее видную роль в современной жизни человечества». – *Кокоскин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. 2-е изд. – М.: Бр. Башмаковы, 1912. – С. 203.

⁴ *Палиенко Н.И.* Учение о существе права и правовой связанности государства. – Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и с-вья, 1908. – С. 312-314.

⁵ Б.А. Кистяковский отмечал, что «по нашему глубокому убеждению, и окончательный вывод вышеназванного исследования Н.И. Палиенко о суверенитете (как необходимом признаке государства – *Р.Н.*) имеет по преимуществу терминологическое значение». – *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право // *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. – СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1999. – С. 260, сноска 1.

о существовании государственной власти есть вопрос не государственно-правовой догматики, а общего учения о государстве. Решить этот вопрос мы сможем только тогда, когда наряду с юридико-догматическими исследованиями будут произведены историко-политические, социологические, психологические и философско-идеологические исследования, направленные на государственную власть и её правовое выражение».¹

Вопрос о том, ограничена ли суверенная власть государства правом вызывал споры. Н.И. Палиенко правильно писал, что «занимая центральное место в учении об отношении права к государству, вопрос об основах и характере связанности государственной власти ею же установленными нормами права является крайне спорным в юриспруденции».² По этому вопросу сложились два направления. Первое направление, носящее название «теории первенства государства», отрицало возможность правового ограничения суверенной государственной власти. Второе направление, носящее название «теория первенства права», полагало, что такое ограничение должно существовать – иначе немислим никакой правопорядок.

Учёные теории первенства государства (Остин и Дайси в Англии, Лабанд в Германии) полагали, что всё право – создание государственной власти, а потому сама эта власть им ограничена быть не может. Юридически суверенная власть неограниченна, то есть она юридически может принуждать ко всему тому, что считает необходимым. Юридическая неограниченность не значит фактическая неограниченность. Фактически юридически неограниченная власть всегда ограничена моралью, обычаем, религией, способностью подвластных выполнять её решения, интересами самосохранения. Юридическую неограниченность суверенитета, верховной власти признавали Б.Н. Чичерин³, Г.Ф. Шершеневич⁴, А.С. Яценко¹, В.В. Ивановский.²

¹ Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. С. 260.

² Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства. С. 1.

³ «Юридически, она (верховная власть – Р.Н.) ничем не ограничена; она может делать всё, что считает нужным для общего блага. В этом отношении, она не подчиняется ни чьёму суду, ибо, если бы был высший судья, то ему принадлежала бы верховная власть. Она источник всякого положительного закона, который она может устанавливать, изменять и отменять по усмотрению... Одним словом эта власть в юридической области полная и безусловная». – Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. I: Общее государственное право. – М.: Типо-лит. Выс. утв. Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1894. – С. 62. Возражая на мнение о возможности ограничения верховной власти, Б.Н. Чичерин отвечал: «...Всякие её ограничения могут быть только нравственные, а не юридические. Будучи юридически безгранична, верховная власть находит предел, как в собственном нравственном сознании, так и в совести граждан, которая не подлежит принуждению». – Там же. С. 64.

⁴ «Из того, что государственная власть есть верховная власть, с необходимостью следует третье свойство её – неограниченность. В самом деле, допустим, что верховная власть ограничена, – это значило бы, что над нею стоит иная власть, её ограничивающая, но тогда первая перестала бы быть высшей. Верховность и неограниченность – свойства, тесно друг

Учёные теории первенства права (Л. Дюги во Франции, Г. Краббе в Голландии) считали, что суверенная власть юридически ограничивается правом. Над государством находится право, которое поэтому его сдерживает и ограничивает. Г. Краббе считал необходимым заменить суверенитет государства понятием суверенитета права. Учение о суверенитете права признавали Ф.Ф. Кокошкин³, А.И. Елистратов⁴, Н.И. Палиенко.⁵

с другим связанные, но не тождественные, хотя исторически они нередко смешивались. Неограниченность государственной власти означает возможность с её стороны воздействия на волю подчиненных, насколько это физически допустимо. Старое английское положение приписывает парламенту способность «сделать всё, только не превратить женщину в мужчину», так как здесь фактический предел всемогущества. Мы должны признать, что государственной власти не могут быть установлены никакие границы её деятельности... Только два обстоятельства фактически ограничивают государственную власть: нравственное сознание и благоразумие власти с одной стороны, возможность противодействия подданных – с другой». – *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права (по изданию 1910-1912 гг.). В 2-х тт. Т. 1. Вып. 1. С. 184-186.

¹ *Яценко А.С.* Теория федерализма: Опыт синтетич. теории права и государства. С. 195 и сл.

² «Функция творчества объективных государственных норм принадлежит в государстве суверенной власти; эти нормы являются источником прав и обязанностей для всех государственных граждан, но не для самого носителя государственной власти, ибо для него эти нормы не носят характера объективности и не могут быть юридически обязательными... Государственная власть культурного государства связана не правом, но иными факторами, и подобного рода связанность не менее прочна и крепка, чем связанность правом... правомерность носителя государственной власти в деле законодательства и управления в современном культурном государстве имеет основания не юридические, но социолого-психологические, и ни о какой связанности государственной власти правом не может быть речи». – *Ивановский В.В.* О государстве, власти и праве с социолого-психологической точки зрения // Журнал министерства юстиции. – 1916. – № 4. – С. 118-120.

³ «Понятие суверенитета, таким образом, чисто отрицательное, – суверенная власть есть независимая власть; над ней не стоит никакой другой власти. Но это не значит, что верховная власть неограниченна; она ограничена правом. Выведение из верховенства неограниченности объясняется примитивным пониманием права, как чьей-то воли. В этом понимании сказывается старая, идущая от первобытных времен привычка человеческого ума олицетворять всякую силу. Из того, что верховная власть никому не подчинена. Но это заключение неверно. Над суверенной властью действительно не стоит никакой другой высшей власти, никакого лица, но над нею стоят безличные нормы права. Как и всякая другая власть, она основана на праве и ограничена правом. Но из всех устанавливаемых правом властей суверенная власть есть высшая». – *Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. 2-е изд. – М.: Бр. Башмаковы, 1912. – С. 204.

⁴ *Елистратов А.И.* Очерк государственного права (Конституционное право). 2-е изд., перераб. – М.: Тип. «Мысль», 1915. – С. 6.

⁵ Н.И. Палиенко видел ограничение суверенитета правом в необходимости государственной власти, как устанавливающей юридический порядок, действовать на основании норм права. «Суверенная государственная власть, как таковая, является властью, которая лишь в своём собственном праве находит своё определение и ограничение; не в том смысле, что право государства является для его власти какой-либо внешней границей, установленной каким-либо внешним авторитетом для государства, или же правом, которым государство

Русский сторонник Г. Краббе профессор А.С. Алексеев вместо суверенитета государства признавал верховенство права, верховенство суверенного закона. Правовое государство характеризуется, по его мнению, тем, «что оно не знает суверенной власти, сосредоточенной в одном лице или в одной группе лиц, хотя бы это лицо и носило титул монарха, и хотя бы эта группа лиц и именовалась парламентом или учредительным собранием. В правовом государстве не существует ни суверенной власти, ни суверенного органа, а существует лишь суверенный закон».¹ Фактически он понимал учение о суверенитете права не с точки зрения действующего права, а с точки зрения правового идеала, как регулятивную идею: «Для того, чтобы жить в праве, необходимо, прежде всего, чтобы это право жило в нас. Право становится авторитетной силой лишь в том обществе, в котором идеей права проникнуты отдельные его члены, и в котором индивидуальное правосознание чутко отзывается на все проявления общественной жизни и властно требует для каждого из этих проявлений правовых путей и правовых форм».² Он признавал идею надзаконности и юридической неограниченности государственной власти, могущей санкционировать произвол, пережитком абсолютного государ-

само себя по своему желанию обязывает или признаёт для себя обязательной нормой, но государство в силу самой своей природы является юридически организованным союзом властвования, его власть в силу самой своей природы является правовой властью, могущей осуществляться лишь в правовых формах». – *Палиенко Н.И.* Учение о существе права и правовой связанности государства. С. 411. По оценке А.А. Жилина, «эта связанность государства своей правовой организацией не даёт, однако, ответа на вопрос о возможности для государства в лице высших своих органов изменять самую эту организацию». – *Жилин А.А.* Учебник государственного права: (Пособие к лекциям). Ч. 1. – Пг.: Тип. Б.М. Вольфа, 1916. – С. 80.

В дальнейшем Н.И. Палиенко переменял своё мнение. Он излагал схожее с учением Краббе учение об ограничении государственной власти правовыми убеждениями подданных в своем исследовании «Учение о существе права и правовой связанности государства». – Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и с-вья, 1908. – С. 321 и сл. Властитель может быть связан устанавливаемыми им самим нормами права «не потому лишь, что обязательность этих норм зиждется на его собственном убеждении и желании, но и потому, что в этой социальной массе, властителем которой он является, созрело сознание и признание обязательности и для него норм, декларируемых или установленных им самим... Мы имеем тут не нравственное, свободное самоопределение властителя, а правовое, внешнеимперативное его определение нормативными убеждениями подвластных... Нормы государства являются для государства такой же формальной границей его властвования, как и для подданных его; государство подчинено этим нормам, как праву». – Там же. С. 338. Правовые убеждения народа об ограничении государственной власти не являются правом, и ограничение, ими устанавливаемое, есть социальное, а не юридическое ограничение.

¹ *Алексеев А.С.* К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. – Ярославль: Тип. Губернского правления, 1910. – С. 67. Цит. по: *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского Императора (по изданию 1913 г.). – М.: Москва, 1999. – С. 292.

² *Алексеев А.С.* Начало верховенства права в современном государстве // Вопросы права. – 1910. – Кн. II. – С. 16.

ства: «Несмотря на то, что современное государство, радикально обновило формы своего политического существования, старые идеи, которыми питался абсолютный строй, тем не менее, всё еще живы и продолжают стелить свой туман, заволакивающий политическую мысль и мешающий идее верховенства права выступить во всей своей яркости и силе».¹ На эти сетования почтенного профессора А.С. Алексеева профессор Г.Ф. Шершеневич с сарказмом ответил: «Но, спрашивается, кто более находится в тумане, тот ли, кто смотрит на действительность, как она представляется ему в наблюдении, или тот, кто смотрит на эту действительность сквозь очки своих пожеланий?».²

Б.А. Кистяковский не только признавал идею господства права («в принципе правовое государство основано только на праве и в нем должно осуществляться безусловное господство права»)³, но и в согласии с Г. Кельзеном, полагал, что в принципе право и государство тождественны, что «право и есть то начало, из которого состоит государство».⁴ Только недоразвитость государства мешает обнаружить это тождество, то есть правовое государство может всецело проникнуться правом.

Проблемы взаимоотношений власти и права в правовом государстве ставил С.А. Котляревский в работе «Власть и право. Проблема правового государства» (1915 г.), в которой он утверждал, что конституционное государство – реальность, а правовое государство – понятие метаюридическое, скорее, идеал, к которому следует стремиться: «В конце концов, правовое государство выражает только известный уклон, устремление, запечатлевшееся в государственном строении и деятельности».⁵ «Указанная “предельность” правового государства является и высшим его оправданием: осуществление его есть необходимое звено в том творческом труде, который возводит человечество от пленения его физическими стихиями к духовной свободе».⁶

Многие русские государствоведы (не только Б.Н. Чичерин и Г.Ф. Шершеневич), признавая необходимость ограничения правового государства правом, признавая верховенство закона, тем не менее считали, что только исполнительные и судебные органы безусловно подчинены в своей деятельности праву, связаны им. Законодательные же органы власти в своей деятельности не ограничены законом, то есть они могут принять любой по содержа-

¹ Там же. С. 6, 15.

² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права (по изданию 1910-1912 гг.). В 2-х тт. Т. 1. Вып. 1. С. 262.

³ Кистяковский Б.А. Социальные науки и право // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. – СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1999. – С. 358.

⁴ Там же. С. 359.

⁵ Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. – М.: Изд. Г.А. Лемана, С.И. Сахарова, 1915. – С. 350.

⁶ Там же. С. 411.

нию закон. Например, А.А. Жилин писал: «Не существует *lex in perpetuum valitura*? Следует признать, что формально-юридически власть государства в лице её правосозидающих органов безгранична, что в Англии картинно выражено весьма популярной, введённой писателем Делольмом, поговоркой: „Парламент может сделать всё, кроме превращения женщины в мужчину и наоборот?”». ¹ Юридическую несвязанность верховной законодательной власти признавали В.М. Гессен, Н.И. Лазаревский. ²

По мнению А.А. Жилина, суверенная государственная власть ограничена фактически, социально, моральными воззрениями (называемыми некоторыми учёными естественным или философским правом), а в некоторых случаях нормами действующего права. В этом отношении она ограничивается с одной стороны международным правом, с другой внутригосударственным правом. ³ Внутри страны, отмечал А.А. Жилин, государственная власть может ограничиваться обычным правом, создаваемым путём долговременного применения и привычки известными общественными организациями. ⁴ Но с формально-юридической точки зрения государственная власть может устранили и изменить любой обычай.

А.С. Яценко отмечал, что суверенная власть и в международном праве вполне юридически независима, так как не существует международно-правовых органов, которые могли принуждать суверенные государства к соблюдению международного права, что в случае международных споров суверенное государство применяет единственное международно-правовое принуждение – войну. ⁵ По справедливому мнению Н.Н. Алексеева, «если допустить, что международный правопорядок обладает правом принудительно вмешиваться в государственную жизнь, то международный союз приходится считать государство подобным существом, носителем международной власти и надгосударственного суверенитета. Международный союз превращается в некоторое большое государство – *civitas maxima* – в род широкой федерации, которая образует свои высшие органы власти, своих носителей меж-

¹ Жилин А.А. Учебник государственного права: (Пособие к лекциям). Ч. 1. – Пг.: Тип. Б.М. Вольфа, 1916. – С. 82.

² «Законодательствуя, государство свободно; оно не связано положительным – обычным и законодательным – правом. Нет вечных обычаев и законов. Положительное право не ставит никаких границ законодательному творчеству государства. Конституция определяет организацию государственной власти, – процесс правотворчества, но не его содержание... По самому существу своему, законодательная власть не может быть ограничена законом». – Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. Сб. статей. – СПб.: Изд. кн. П.Д. Долгорукова и И.И. Петрункевича при участии редакции газеты «Право», 1905. – Т. I. – С. 132; Лазаревский Н.И. Русское государственное право. 3-е изд. Т. 1: Конституционное право. – СПб.: Кн. маг. «Право», 1913. – С. 104.

³ Жилин А.А. Учебник государственного права: (Пособие к лекциям). Ч. 1. С. 82.

⁴ Жилин А.А. Учебник государственного права: (Пособие к лекциям). Ч. 1. С. 82-83.

⁵ Яценко А.С. Теория федерализма: Опыт синтетич. теории права и государства. С. 214.

дународного суверенитета. Тогда снова возникает вопрос, какими внешними гарантиями можно уберечь от произвола международную власть. Где та сила, которая может принудить наиболее сильных этого мира? Международная жизнь особенно богата примерами произвола и насилия, в истории международных отношений до сей поры господствовал известный закон: «большие рыбы да пожирают малых»¹.

Н.Н. Алексеев предложил связать понятие суверенитета с верховенством власти, а не с её независимостью, основы которого он заимствовал у английских юристов (Остина, Мэна, Дайси). По его мнению, суверенитет есть необходимый признак всякой государственной власти. Суверенитет есть свойство политической власти быть властью верховной. Во всяком государстве со сложной иерархией власти есть вершина иерархического устройства, есть высшая власть, «высшая точка, некий высший центр действия, обладающий способностью последних решений».² «Поэтому справедливо указывают, что идея суверенитета всегда включает в себя идею сравнения, идею относительности. Оно означает степень власти и её размеры по сравнению с другими властями».³ «Нельзя априорно сказать, кому должен принадлежать суверенитет в государстве. Поэтому старая теория монархического и народного суверенитета столь же ошибочна, как и теория волевая. Нельзя также априорно определить каково должно быть содержание суверенитета».⁴ Суверенитет по своему свойству быть высшей властью неделим. «Суверенность присуща высшему носителю власти – лицу или коллегии – всегда целиком и без ограничения».⁵ Но объём вопросов, по которым высшая власть обладает правом последнего решения, может быть различным.⁶ «Отсюда следует, что по объёму суверенитет делим и что возможна способность последних решений по определённому кругу вопросов, так же как и по всем вопросам».⁷ Следовательно, бывают государства, высшая суверенная власть которых обладает чрезвычайно ограниченной компетенцией.

Внешние отношения государства есть отношения формально равных,

¹ Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и её ближайшие задачи // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. – С. 603-604.

² Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. – С. 549.

³ Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. Вып. I. – М.: Московское науч. изд-во, 1970. – С. 197.

⁴ Там же. С. 198.

⁵ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 540.

⁶ «Из понятия суверенитета, имеющего чисто формальный характер, – писал Г. Еллинек, нельзя вынести никаких заключений относительно содержания государственной власти. Компетенция государства меняется исторически. Всякое положительное содержание государственной власти может быть установлено только исторически для определённой эпохи и определённого государства». – Еллинек Г. Общее учение о государстве (по изданию 1903 г.). С. 466.

⁷ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 541.

не знающие никакой официальной иерархии, не обладающие никаким общим верховным центром власти. Поэтому, по мнению Н.Н. Алексеева логичнее говорить не о суверенитете, а о независимости государств. «Независимость ни в коем случае не есть необходимый признак государства, подобно суверенитету. Напротив, бывают зависимые государства и независимые, тогда как нет государств, в которых не было бы суверенного носителя власти».¹ В международных отношениях малые и средние государства зависят от более сильных великих держав. Таким образом, по концепции Н.Н. Алексеева любое государство суверенно, но не любое государство является независимым. При такой трактовке суверенитета возможно утверждение, что субъекты федерации обладают суверенитетом, так как обладают в пределах своей компетенции без участия федеральной власти способностью последних решений в некоторых вопросах государственной жизни. Но, в то же время, они не являются независимыми (самостоятельными) государствами, так как целый ряд вопросов решается федеральной властью.

Заметим, что государственное право британских колоний в дореволюционный период изучалось в статьях Б.Э. Нольде, Дионео (И.В. Шкловский), С.А. Корфа², в книге А.С. Яценко³, в работах П.Г. Мижужева и С.А. Корфа.⁴ Н.Ю. Кузнецова справедливо признала, что наиболее обстоятельным и лучшим исследованием по государственному праву британских колоний – до-

¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 541.

² Нольде Б.Э. Англия и её автономные колонии / Вестник Европы. – 1906. – Кн. 5 (Сентябрь). – С. 5-67; Дионео (Шкловский И.В.). Очерк конституции британских колоний // Политический строй современных государств. Сб. статей. – СПб.: Изд. князя П.Д. Долгорукова и И.И. Петрункевича, 1906. – Т. II. – С. 283-318; Корф С.А. Колониальные конференции // Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем. – 1911. – № 4 (X). – Ярославль, 1911. – С. 626-669; Корф С.А. Колониальные конференции. – Ярославль: Тип. Губ. правл., 1911. – 46 с.; Корф С.А. Общеимперское законодательство Великобритании // Право. – 1912. – № 5. – Столб. 266-273; № 6. – Столб. 315-323; Корф С.А. Государственный строй автономных колоний Великобритании. Доклад на заседании С.-Петербургского юридического общества 15 декабря 1910 г. / Право. – 1911. – № 6. – Столб. 359-367; Корф С.А. Государственный строй Канады // Вопросы права. – 1911. – Кн. V (I). – С. 30-103; Корф С.А. Государственный строй Канады. – М.: Т-во типо-лит. В. Чичерин, 1911. – 101 с.; Корф С.А. Государственный строй Австралии // Вопросы права. – 1912. – Кн. XI (III). – С. 1-88; Корф С.А. Государственный строй Австралии. – М.: Т-во типо-лит. В. Чичерин, 1912. – [1], 98 с.; Корф С.А. Государственный строй Новой Зеландии // Известия Министерства иностранных дел. – СПб., 1913. – Книга III. – С. 169-220.

³ Яценко А.С. Теория федерализма: Опыт синтетич. теории права и государства. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. – С. 589-629.

⁴ Мижуев П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1902. – [4], 215 с.; 2-е изд., доп. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1909. – [2], 216, 30, [1] с.; Корф С.А. Автономные колонии Великобритании / Бар. С.А. Корф, проф. Имп. Александр. ун-та в Гельсингфорсе. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1914. – VII, [3], 453 с.

минионов стала фундаментальная книга профессора русского государственного права и истории русского права Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе Сергея Александровича Корфа (1876-1924)¹ «Автономные колонии Великобритании», опубликованная в 1914 г. Рассмотрим её подробнее, чем диссертант. Она этого заслуживает. Тем более что это актуально для России исследование С.А. Корфа вызвало интерес и оживлённые дискуссии русских юристов.

Работа состояла из шести очерков, каждый из которых посвящался отдельным колониям: Канаде (С. 1-98), Австралии (С. 99-194), Южной Африке (С. 195-281), Новой Зеландии (С. 283-356), Ньюфаундленду (С. 357-387) и, наконец, самой империи (С. 389-453). Каждый из очерков строился по одному и тому же плану: сначала давался исторический обзор взаимоотношений каждой колонии и метрополии, описывалась история принятия конституции доминиона, затем излагалось и анализировалось действующее конституционное право, относящееся как к организации, так и к функциям государственных органов. В последнем очерке «Государственный строй империи» автор описывал связующие элементы империи в их прошлом и настоящем, затем отмечал зарождение новых связей в ней и, наконец, в заключение, говорил об «уроках прошлого» и о юридической природе государственного строя колоний и империи, то есть пытался определить форму государственного устройства Британской империи.

Самоуправляющиеся колонии были поставлены так независимо по отношению к метрополии, что С.А. Корф пришёл к выводу, что автономные колонии Великобритании являются несuverенными государствами (по его словам, признавать их простыми провинциями есть насилие над действительностью во имя отвлечённой теории)², а Британская империя особым видом союзного (федеративного) государства. По его оценке, «все пять автономных колоний суть в настоящее время государства, так как в отношении к ним Англия лишилась права принуждения по своему усмотрению (а фактически – и вовсе) их правотворческих органов».³ Причём колонии являются государствами несuverенными, «так как метрополия согласно их конституциям, сохранила за собой право участия, известными способами и в строго определённых пределах... в правотворчестве колоний».⁴ Части Британской империи вырастали постепенно из статуса негосударственных единиц через самоуправление и автономию до государственного статуса несuverенных го-

¹ Павлов А.В. Научно-педагогическая и политическая деятельность С.А. Корфа (1876-1924 гг.) в России и эмиграции: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2006. – 20 с.

² Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 433.

³ Там же. С. 445.

⁴ Там же. С. 446.

сударств, но не доросли ещё до суверенитета, до полной государственности.¹

Заметим, что, и, по мнению русских государствоведов Н.И. Лазаревского, А.С. Яценко, А.А. Жилина, К.Н. Соколова, П.М. Толстого, П.Г. Мижуева, М.Я. Острогорского, А.Н. Макарова, несмотря на значительную юридическую, а ещё более фактическую самостоятельность этих колоний, они не могут с правовой точки зрения считаться государствами. При этом приводились следующие формально-юридические доводы. Конституции были дарованы колониям английским парламентом, то есть утверждены законом не только местного, но и английского парламента. Кроме того, в Канаде конституция может быть изменена и, следовательно, отменена односторонней волей английского парламента. Они подчинены верховенству парламента², хотя и во многих отношениях чисто номинальному. Английский парламента сохраняет право параллельного законодательства по вопросам, разрешаемым парламентами колоний. Законы колоний не должны противоречить английским законам, изданным для данной колонии, хотя фактически английский парламента теперь не издаёт для колоний законов помимо их согласия. Между прочим, С.А. Корф признавал юридическое значение имперского законодательства английского парламента для колоний.³ Король назначает губернаторов колоний, которые имеют право его именем распускать колониальные парламента и налагать вето на законы, издаваемые этими парламентами. Закон, даже утверждённый губернатором, мог быть в течение двух лет отменён королем.⁴ Высшим судебным органом в отношении колоний является Судеб-

¹ Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 446-448.

² Дэйси А.В. Основы государственного права Англии (Introduction to the study of the law of the constitution): введение в изучение английской конституции / А.В. Дэйси; перевод, дополненный по 6-му английскому изданию О.В. Полторацкой; под редакцией П.Г. Виноградова. Издание 2-е. – М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1907. – С. 127; Энсон В. Английская корона, её конституционные законы и обычаи / Вильям Энсон, William Anson, проф. Оксфорд. ун-та; пер. с англ. с примеч. Н. Захарова. – СПб.: Н.К. Мартынов, 1914. – С. 299.

³ Юридическое значение имперского законодательства состоит в том, что «на первый план в нём выступает элемент подчинённости колоний; здесь уже имеется не только неравенство, но и прямая подчинённость колоний метрополии, которую нельзя свести к формальным признакам участия общего короля в законодательстве; законодательствуют здесь законодательные органы Англии, причём издаваемые им акты имеют некоторую преимущественную силу перед актами колониальными: при их столкновении всякий судебный орган обязан отдавать преимущество нормам имперского акта». – Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 396-397.

⁴ Право оставлять законопроект на «благоусмотрение» монарха (иначе право резервирования законов) пускалось в ход каждый раз, когда генерал-губернатор находил, что заделы имперские интересы. Законопроект, резервирований на «благоусмотрение» монарха, не мог вступить в силу без королевской подписи. «Политическая роль резервации, – писал С.А. Корф, – чрезвычайно велика... Юридически этот институт является наиболее важным связующим элементом империи...». – Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 392, 394.

ный комитет английского тайного совета короля, куда в известных случаях могут быть приносимы жалобы на решения колониальных судов.

Необоснованным русские государствоведы считали и мнение С.А. Корфа о том, что Британская империя является формой федерации, которая у него носит название союзного государства. Точного определения союзного государства С.А. Корф не дал, но использовал теорию суверенного и несuverенного государства, признавая по сути, что союзное государство есть государство, состоящее из несuverенных государств. С его точки зрения, союзное государство существует, пока части его не суверенны: «Союзное государство существует, пока части его не суверенны, т.е. пока они не располагают всей полнотой государственной власти и полной свободой правотворчества, хотя у центра или высшей единицы уже не имеется более права принуждения, по собственному усмотрению, их государственных властей и органов правотворчества (в отличие, стало быть, от децентрализованного государства с автономными землями или провинциями)».¹

С.А. Корф признал, что центр союзного государства до сего времени совпадал с метрополией – Англией; «функции и правомочия империи, как целого, были соединены в руках одной из частей и осуществлялись органами метрополии».² Он считал, что «имперское законодательство Англии аналогично силе и значению всякого федерального законодательства в его отношении к законодательству составных частей (государств, штатов, кантонов)».³ Дело в том, что в федеративном государстве создаются общенациональные органы, субъекты федерации представлены в верхней палате федерального парламента, который считается органом выражения интересов субъектов федерации. Между тем как автономные колонии Великобритании никакого участия в создании имперского законодательства не принимают: оно принимается английскими законодательными органами и передаётся колониям для применения. «В будущем можно, однако, предвидеть создание некоторых новых, общих, имперских органов, которые будут стоять над всеми частями, включая, следовательно, и самую Англию (возможно, например, превращение в подобный орган имперских конференций). Процесс кристаллизации строя империи в союзное государство тогда окончательно завершится; такой момент уже не особенно далёк».⁴ На этот прогноз С.А. Корфа государствовед А.Н. Макаров ответил как юрист: «Вот тогда, выждав завершения этого процесса, мы действительно сможем признать Англию и автономные колонии членами союзного государства – Великобританской империи. Признавая, что завершение это «в будущем» бар. Корф, думается нам, косвенно

¹ Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 447.

² Там же. С. 449.

³ Там же. С. 398.

⁴ Там же. С. 449.

признаёт, что «в настоящем» признать строй империи строем союзного государства невозможно: нельзя отождествлять политическую тенденцию с теми юридическими формами, к которым она придёт».¹

Профессор А.С. Яценко считал, что с формально-юридической точки зрения самоуправляющиеся английские колонии являются автономными децентрализованными провинциями унитарного государства, так как автономии не участвуют «в образовании суверенитета, вполне принадлежащего центральной власти. Самостоятельность власти автономных областей может иногда намного превосходить самостоятельность власти штатов федерального государства, и, тем не менее, это будет лишь автономия, а не федерализм».² Со строго юридической точки зрения, являясь «сильно децентрализованными провинциями унитарного государства, самоуправляющиеся английские колонии на самом деле, практически и фактически, живут, как независимые и самостоятельные государства, не принимая никакого участия в имперских делах, ведя под час самостоятельную внешнюю политику, облагая пошлиной английские товары, как иностранные, и т.п.».³ Действительно целый ряд функций государственного значения постепенно перешёл от метрополии в ведение самих доминионов. В результате успешного промышленного развития доминионы создавали собственные таможи, армию и флот, гербы, флаги, гражданство, стали вести самостоятельную внешнюю политику и принимать активное участие в заключении торговых договоров с другими государствами.

Профессор А.С. Яценко так объяснил возникновение федеративного движения в Англии в новейшее время: «Юридически, Британская империя есть унитарное децентрализованное государство, фактически это – система шести, по крайней мере, самостоятельных государств, из которых одному, Англии, принадлежит лишь некоторого рода гегемония. Именно как протест против такой неорганизованности устройства Британской империи, и возникло движение к имперской федерации. Здесь как нельзя более ярко выступает взаимная противоположность природы автономизма и федерализма, так как автономизм разъединяет, а федерализм соединяет. Именно чтобы бороться против крайностей автономизма, и выставляется средством федеративное объединение».⁴ Профессор С.А. Котляревский также подчёркивал, что «именно сторонники теснейшей связи Англии с колониями, защитники «Greater Britain» стоят за переход к имперской федерации, т.е. к строю, где юридически центральная власть будет гораздо более связана, чем она связана те-

¹ Макаров А.Н. Литературное обозрение // Журнал министерства юстиции. – 1915. – № 4. – С. 341.

² Яценко А.С. Теория федерализма: Опыт синтетич. теории права и государства. С. 343.

³ Там же. С. 619.

⁴ Яценко А.С. Теория федерализма: Опыт синтетич. теории права и государства. С. 619.

перь».¹

Разумеется, британская федерация должна была ограничиться лишь Англией с её 42 миллионами жителей, Канадой, Австралией и Южной Африкой в общей сложности с 13 млн. жителей. Около же 370 млн. британских подданных оставались бы вне федерации.² А.С. Яценко подчеркнул, что непреодолимые трудности в создании федерации вызывает вопрос создания общефедеральных органов, т.е. потребовалось бы над английскими органами власти создать общефедеральные органы – парламент, правительство, верховный суд. Вообще очень трудно приспособить парламентаризм к федерации. Для прочности и устойчивости парламентского режима необходимы соответствующие условия, в частности – наличие лишь двух больших партий, как в Англии. При трёх же и более партиях неизбежна постоянная смена правительств. Привлечь представителей колоний в качестве депутатов английского парламента «значило бы создать такое положение, при котором законы издавались бы и правительство образовывалось бы против ясно выражаемого мнения представителей английских островов, – на что не мог согласиться английский народ... Прямое представительство колоний в парламенте вызвало бы, с одной стороны, слишком много вмешательства колоний в английское управление, а с другой стороны слишком много вмешательства и английского правительства в дела колоний».³

Профессор В.Н. Дурденевский, писавший после Первой мировой войны, когда доминионы стали выступать на международных конгрессах наряду с Англией, признал, что выдвинутый в 1882 году Г. Еллинеком взгляд на доминионы, как на простые английские «автономные колонии», должен быть оставлен. При этом он указал на важнейший юридический факт: хотя конституции в доминионах утвердил английский парламент, но разработаны они были местными учредительными собраниями. Следовательно, доминионы не могли быть по произволу английского парламента лишены этих конституций.⁴ В.Н. Дурденевский отмечал, что большинство западных исследователей признают Британскую империю федеративным государством, с чем он, по-видимому, соглашался. Своеобразием британского федерализма являлось отсутствие в нём федеральных представительных органов в силу отдалённости и разбросанности доминионов. Связь доминионов с метрополией осуществлялась преимущественно по линии правительственной власти. Доминио-

¹ *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблема правового государства. – М.: Изд. Г.А. Лемана, С.И. Сахарова, 1915. – С. 274.

² *Яценко А.С.* Теория федерализма: Опыт синтетич. теории права и государства. С. 626.

³ Там же. С. 626-627. К тому же английский парламент был перегружен массой дел, а колониальные депутаты ещё более затруднили бы деятельность парламента своими чисто местными проблемами.

⁴ *Дурденевский В.Н.* Иностранное конституционное право в избранных образцах (с прил. текстов конституций). – Л.: Гос. изд-во, 1925. – С. 63-64.

ны юридически были связаны с Англией общностью монарха и отчасти судебной системы, периодическими конференциями премьер-министров и общим парламентским строем. Периодически с 1887 г. – обычно раз в четыре года – собирались в Лондоне так называемые «имперские конференции» премьер-министров британских доминионов. Постоянную связь британского правительства с доминионами поддерживали «высокие комиссары», или представители доминионов в Лондоне.¹

Касаясь отношений, сложившихся внутри Британской империи, В.Н. Дурденевский отмечал, что связь доминионов с Великобританией «юридически состоит в общности монарха и отчасти судебной системы, в периодических конференциях премьер-министров и в некотором общем параллелизме парламентских учреждений и обычаев. Это – связь равноправной “реальной унии”, т.е. федеративное объединение».² Трактовка В.Н. Дурденевского представляется Н.Ю. Кузнецовой убедительной во всём, кроме одного – установления знака равенства между реальной унией и федеративным объединением. Она отмечала, что нет оснований расценивать отношения Великобритании и доминионов как федеративное объединение.

С.А. Корф справедливо подчёркивал, что существуют различные переходные формы государственного устройства, что нельзя многообразную действительность уложить в прокрустово ложе автономии, федерации и конфедерации: «С течением времени всё чаще появляются новые и более сложные формы единения государств; в наши дни градация между провинцией и суверенным государством представляет собой уже десятки ступеней, переходов, почти незаметных к тому же, разных гибридных и смешанных форм, кои не умещаются более в прежние рамки государственных теорий».³ В итоге современный исследователь Т.П. Евсеенко, определив Британскую империю как конфедерацию, оговаривается, что никто из отечественных учёных юристов не дал однозначного определения формы её государственного устройства.⁴

Заметим, что русские дореволюционные государствоведы, изучая формы государственного устройства зарубежных стран, исходили из актуальности этих вопросов и для России. Например, С.А. Корф в своей работе «Автономные колонии Великобритании» так определил значение своей работы: «для постороннего наблюдателя и для других народов, и, между прочим, в особенности для России, история Великобританской империи за последнее полувековье для России может служить прекрасным уроком; было время в середине XIX в., когда самые передовые и дальновидные государственные

¹ Дурденевский В.Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах. С. 55.

² Там же. С. 63.

³ Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 434.

⁴ Евсеенко Т.П. От общины к сложной государственности в античном Средиземноморье. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2005. – С. 49, сноска 69.

люди Англии предсказывали скорое и неминуемое отпадение автономных колоний... и вот прошло не более 50 лет и не только не последовало никакого распада, а наоборот, события последних времен свидетельствуют о всё крепнущих связях империи и о неуклонном сближении колоний с метрополией; достигается же это единственно торжеством принципа свободы, добровольным признанием Англией самостоятельности колоний и переходом ею от принципа господства к началу равенства».¹

При обсуждении доклада С.А. Корфа о государственном строе автономных колоний Великобритании в С-Петербургском юридическом обществе 15 декабря 1910 г. С.А. Корф, К.Н. Соколов, П.М. Толстой, М.Я. Острогорский, В.М. Гессен подчёркивали практическую значимость истории английских автономных колоний для России, в которой в это время обсуждался вопрос о границах законодательной автономии Финляндии.² Смысл выступлений либеральных государствоведов сводился к тому, что России следует учиться у Англии. При этом они ссылались в финляндском вопросе на статус автономных английских колоний. Дело в том, что согласно закону 17 июня 1910 г. финляндский сейм сохранял только совещательный голос во всех существенных вопросах не только общеимперского законодательства как было ранее (например, основные законы империи, внешняя политика и др.), но и внутреннего законодательства (о печати, о собраниях и союзах, о народном образовании, о полиции и др.). Закон ставил своей целью юридически урегулировать взаимоотношения России и её составной части – Финляндии и исходил из того, что Финляндия является автономной областью унитарной Российской империи, и все притязания финляндского сейма на издание законов общегосударственного значения неосновательны.

Статус финляндской автономии как составной части Российского государства определяется общеимперским законом.³ По оценке А.С. Яценко,

¹ Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 339.

² Корф С.А. Государственный строй автономных колоний Великобритании. Доклад, чит. на заседании С.-Петербургского юридического общества и прения по докладу // Право. – 1911. – № 6. – Столб. 359-367.

Например, С.А. Корф сказал: «под влиянием новых, созданных жизнью, форм рушится прежнее понятие империи как единого государства, и правовое единство сменяется единством экономическим и культурно-социальным. В частности, для России вопрос этот представляет особый исключительный интерес в виду практической постановки у нас на очередь той же проблемы об отношении России к окраинам и прежде всего к Финляндии».

³ Вопрос о взаимоотношениях России и неотъемлемой её части – Финляндии вызвал многочисленные споры в юридической литературе: Коркунов Н.М. Великое Княжество финляндское // Юридическая летопись. – 1890. – № 4. – С. 317-329; Пергамент М.Я. Юридическая природа реальной унии. – Одесса: Тип. Шт. войск Одес. воен. окр., 1893. – С. 90-103 (Финляндия – инкорпорированная часть России); Бородкин М.М. Финляндия в русской печати: Материалы для библиографии, собранные М. Бородкиным. – СПб.: Гос. тип., 1902. – [10], 333 с.; Бородкин М.М. Финляндский вопрос. – СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг,

1905. – 62, III с.; *Бородкин М.М.* Финляндская окраина в составе Русского государства. – СПб.: Государственная типография, 1910. – 121 с.; *Таганцев Н.С.* Высочайший Манифест 1 декабря 1880 г. и Финляндское Уголовное уложение // Юридическая летопись. – 1891. – Т. 1. – С. 97-146; СПб.: Гос. тип., 1910. – 44 с.; *Таганцев Н.С.* По поводу предстоящего введения особого уложения для Великого Княжества Финляндии: Записка засл. проф., сенатора Н.С. Таганцева, от 23 июля 1890 г. – СПб.: Гос. тип., 1910. – [2], 25 с.; *Сергеевский Н.Д.* К вопросу о финляндской автономии и основных законах: Очерки Н.Д. Сергеевского, засл. проф. С.-Петерб. ун-та. – СПб.: Гос. тип., 1902. – [4], 88 с.; *Берендтс Э.Н.* Лекции по административному праву Великого княжества Финляндского, читанные в Императорском С.-Петербургском университете в 1901-1902 учебном году: Т. 1-2 / Э.Н. Берендтс, орд. проф. Имп. С.-Петерб. ун-та. – СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – Т. 1. – XIV, [2], 300 с.; Т. 2. Главные органы управления в Финляндии. – [6], 275, [2] с.; *Берендтс Э.Н.* По поводу воззваний иностранных учёных относительно прав Финляндии. – СПб. Гос. тип., 1910. – [2], 32 с.; *Куплевасский Н.О.* Справка о мнениях 25-ти русских учёных, специалистов права, по вопросу о юридическом положении Финляндии в составе Русской Империи. – СПб.: Гос. тип., 1910. – 40 с.; *Эрих Р.В.* Государственно-правовое положение Финляндии в освещении иностранных юристов: Пер. со швед. / Р. Эрих, д-р прав. – СПб.: Изд. авт., 1908. – 95 с.; *Остен-Сакен Вольф.* Государственное правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве = Die staatsrechtliche Stellung des Grossfürstentums Finnland im Russischen Reiche: Дис. на соиск. учён. степ. д-ра, представл. в Фак. полит. наук Тюбинген. ун-та / Бар. Вольф фон-дер-Остен-Сакен; Пер. с нем., под ред. авт. с некоторыми испр. и доп. – СПб.: Гос. тип., 1910. – 220 с.; *Нольде Б.Э.* Очерки русского государственного права. – СПб.: Тип. «Правда», 1911. – С. 468-554; *Жилин А.А.* Теория союзного государства: Разбор главнейших направлений в учении о союзном государстве и опыт построения его юридической конструкции. – Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1912. – С. 293-297; *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. – 3-е изд. Т. 1. Конституционное право. – СПб.: Кн. маг. «Право», 1913. – С. 235-266; *Мехелин Л.Г.* Конституция Финляндии в изложении местного сенатора Л. Мехелина = Precis du droit public du grand duché de Finlande / Par. L. Mehelin, membre du Sénat impérial de Finlande, ancien prof. de droit à l'Université d'Helsingfors; Пер. и доп. примеч. по рус. документам К. Ординым. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1888. – [4], 156 с.; *Мехелин Л.Г.* Разногласия по русско-финляндским вопросам. Критический обзор / Пер. со швед. – СПб.: Типография тов-ва «Общественная польза», 1908. – 159 с.; *Мехелин Л.Г.* К вопросу о ближайшем определении правовых отношений между Россией и Финляндией / Пер. со швед. – Гельсингфорс: АО Г.В. Эдлунд, 1909. – 142 с.; *Германсон Р.Ф.* Государственно-правовое положение Финляндии. Вып. 2. – СПб.: Гос. тип., 1892. – 283 с.; *Некрасов Е.В.* Вопрос о государственно-правовом статусе Великого княжества Финляндского в составе Российской империи в дореволюционной отечественной историко-правовой мысли // Вестник Омского университета. – 2010. – № 1. – С. 53-61; *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи и Великое княжество Финляндское в 1905-1906 гг.: дискуссии о государственно-правовом статусе Финляндии при подготовке Основных государственных законов 1906 г. // Петербургский исторический журнал. – 2017. – № 1. – С. 126-141; *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898-1904 гг. – СПб.: Европейский дом, 1997. – 319 с.; *Расила В.* История Финляндии. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1996. – 294 с.; *Бахтурина А.Ю.* Российское революционное движение и Великое княжество Финляндское (1905-1908гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». – 2009. – № 17. – С. 59-69.

науки, а также все русские юристы высказываются против какого бы то ни было государственного характера Финляндии и видят в ней лишь автономную инкорпорированную провинцию».¹

Закон 17 июня 1910 г. вызвал одностороннее вмешательство в пользу государственного статуса Финляндии западноевропейских юристов, политических деятелей и организаций, что вызвало осторожную критику у некоторых русских юристов. По мнению либерального государствоведа А.А. Жилина, высказанному в работе «Теория союзного государства», воззрение некоторых писателей как, например, финского автора Лео Мехелина [1839-1914] о причислении областной автономии Финляндии к реальным униям, в которой участвующие в ней государства сохраняют свой суверенитет и одно государство не должно вмешиваться во внутренние дела другого, является отражением в науке сепаратистских тенденций, господствующих в этой области в отношении России.² Он также обратил внимание на то, что «в русском энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона, Т. 70, мы находим (С. 933 и сл.) изложение политического устройства Финляндии не в освещении лучших русских учёных, специалистов по этому вопросу, а в довольно одностороннем освещении, близко подходящем к теориям финских писателей».³

Наконец, А.А. Жилин отметил, что авторы, которые сравнивают Финляндию только с автономными английскими колониями не видят «огромной разницы между отдалёнными морями от Англии её колониями и краями континентальных государств, находящимися под боком иногда самой столицы, как Финляндия в России. Невольно возникает вопрос, почему авторы вроде Гачека и у нас Корфа, проводят параллель Финляндии с Канадой, а не с Ирландией⁴, например, находящейся в обладании той же Англии, но, в виду её особых условий, именно близко подходящей к положению краев континентальных стран, до сих пор не имеющей и десятой доли того, что имеют Канада или Австралия? Введение той или иной формы управления в отношении областей государства... есть дело политики».⁵

¹ *Яценко А.С.* Теория федерализма: Опыт синтетич. теории права и государства. С. 772-773. В примечании он отметил, что «те из русских юристов, которые мельком утверждали государственный характер Финляндии, делали это голословно и доводов в пользу своего мнения не приводили» (Там же. С. 773, сноска 1).

² *Жилин А.А.* Теория союзного государства: Разбор главнейших направлений в учении о союзном государстве и опыт построения его юридической конструкции. – Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1912. – С. 293.

³ Там же. С. 296, сноска 1.

⁴ Об ирландском самоуправлении: *Кулишер А.М.* Государственное единство Англии и гомруль // Юридический вестник. – М., 1914. – Кн. VI (II). – С. 82-117; *Кулишер А.М.* Гомруль // Право. – 1914. – № 17. – Стол. 1419-1424.

⁵ *Жилин А.А.* Теория союзного государства: Разбор главнейших направлений в учении о союзном государстве и опыт построения его юридической конструкции. С. 353-354.

Заметим, что в Соглашении между Соединённым Королевством и Ирландией о признании государственной самостоятельности Ирландии 1921 г. оговаривалось, что впредь до заключения специального соглашения «оборону Великобритании и Ирландии с моря» примут на себя британские военноморские силы (ст. 6). Правительству Ирландского свободного государства вменялось в обязанность предоставить в пользование Великобритании гавань и «другие удобства», причём в мирное время это надлежало сделать на основе двустороннего соглашения, а в военное время – на основе одностороннего требования британского правительства (ст. 7). Предусматривалось, что численность контингента «военно-оборонительных сил», который будет содержать правительство Ирландского свободного государства, не должна превышать такой пропорции к составу сил Великобритании, в какой население Ирландии относится к населению Великобритании (ст. 8). Ирландия была единственным доминионом, который отказался выступить на стороне Великобритании в войне с гитлеровской Германией. Многовековой колониальный гнёт породил в Ирландии настолько враждебные чувства к Британии, что в независимой Ирландии не могло быть и речи о том, чтобы выступить на стороне недавних угнетателей. Ирландское государство во Второй мировой войне придерживалось нейтралитета.

С.А. Корф обрушился с тенденциозной политизированной критикой книги А.А. Жилина «Теория союзного государства», заявив, что она «написана как будто с предвзятой мыслью уколоть мимоходом бедную Финляндию, что можно ныне производить не только безнаказанно, но и с известной для себя выгодой. Аргументация автора сильно походит на нововременские приёмы». ¹ А ведь газета «Новое время» была вполне уважаемым национально-консервативным изданием, издаваемым А.С. Сувориным. Тех юристов (Н.С. Таганцев, К.И. Малышев, Н.М. Коркунов), которые отрицали государственный статус Финляндии и признавали её автономной областью, он назвал «противниками Финляндии» и обвинил выдающегося умеренно консервативного государствоведа Николая Михайловича Коркунова (1853-1904) в том, что он «сделал на этом карьеру». ²

Профессор М.Я. Острогорский также обратил внимание на некорректность сравнения статуса Финляндии только с автономными английскими колониями: «если мы в финляндском вопросе будем вместе с докладчиком (С.А. Корфом – *Р.Н.*) ссылаться лишь на пример английских колоний, то нам

¹ Корф С.А. Библиография. Новая книга по государственному праву (Жилин А.А. Теория союзного государства. – Киев, 1912) // Право. – 1912. – № 52. – Столб. 2897. С.А. Корф в своей разгромной рецензии инкриминировал А.А. Жилину также оправдание теории государственной необходимости, которая может отстаиваться лишь черносотенцами Пуришкевичами, Замысловскими и их печатными органами, уличил автора в недопустимых симпатиях к Пруссии.

² Там же. Столб. 2900, сноска.

могут сказать, что тут не может быть аналогии в виду различия расстояний и взаимного положения метрополии и окраин». ¹ С.А. Котляревский подчеркнул, что «в таких вопросах, как русско-финляндский, юридическая сторона никогда не бывает исчерпывающей», что необходимо обращать внимание на государственные интересы, на насущные требования обороны страны: «достаточно указать, какое значение получило Балтийское море и Финский залив при столь давно ожидаемой войне России и Германии: очевидно, соответственно изменилось и значение Финляндии в общем плане защиты империи». ² М.Я. Лазерсон также указал на двойные стандарты некоторых германских государствоведов, которые критиковали русский закон 17 июня 1910 г. с сепаратистских позиций, но в тоже время шовинистическую политику в отношении поляков в Германской империи они либо замалчивали, либо обосновывали с точки зрения целесообразности. ³

Вернёмся к диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Мнение диссертанта о юридической природе доминионов разделялось практически всеми советскими учёными юристами. Так, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного права юридического факультета Московского государственного университета, видный специалист по советскому федерализму, заслуженный деятель науки РСФСР Давид Львович Златопольский (1919-2002) отмечал, что «автор удачно (в рамках первой главы) полемизирует с рядом учёных по вопросу правового статуса доминиона Британских владений накануне Первой мировой войны и делает правильный вывод о том, что доминионы в этот период являлись государственными образованиями, «отношения которых в Великобритании представляли реальную унию или что-то близкое к ней», а не своеобразную федерацию». ⁴

Лишь представители ведущей организации поддержали позицию С.А. Корфа о федеративном характере Британской империи в конце XIX – начале XX веков. Несколько модифицируя её, не признавая доминионы суверенными государствами, они предлагали рассматривать Британскую империю как федерацию, созданную на принципах автономии. При этом рецензенты ссылаются на примеры таких федераций, как РСФСР, Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) и Бирма. ⁵ По их мнению,

¹ Прения по докладу С.А. Корфа «Государственный статус автономных колоний Великобритании» в С.-Петербургском юридическом обществе 15 декабря 1910 г. // Право. – 1911. – № 6. – Столб. 366.

² Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. С. 384-385.

³ Лазерсон М.Я. Догматика и политика в германском государствоведении // Юридический вестник. – 1916. – Кн. XIV (II). – С. 21-25.

⁴ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 90.

⁵ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 62.

вывод о том, что доминионы на первом этапе своего развития состояли между собою и с Великобританией в отношениях реальной унии является спорным и требует дополнительных доказательств (С. 66-68), так как реальные унии возникали на основе объединения суверенных государств, которые затем теряли свою независимость и подчинялись единому органу власти.

Диссертант возразила рецензентам, что «так называемый имперский парламент в Лондоне никогда не был федеральным парламентом, поскольку доминионы никогда не избирали своих представителей в британскую палату общин». Она спрашивала: Какие ещё федеральные органы можно найти в Великобритании? Неужели таким органом можно считать кабинет, которых всегда нес ответственность только перед британской палатой общин и не нес ответственности перед парламентами доминионов? И отвечала: Единственным общим органом для Великобритании и доминионов являлся король, но именно это приближало отношения Великобритании и доминионов к реальной унии. К тому же реальная уния вовсе не обязательно представляет собой объединение суверенных государств. Поэтому «я считаю, что моя концепция не подрывается критическими замечаниями омских товарищей, а их концепция федеративного характера Британской империи является крайне искусственной».¹

Неофициальный оппонент, профессор Г.В. Игнатенко высказал возражение диссертанту относительно аргументов, использованных для критики позиции С.А. Корфа. Согласившись с главным выводом о юридической природе доминионов, он не согласился с методом доказывания. По его мнению, аргументы диссертанта не безупречны. «Критикуя Корфа, диссертант пишет, что Британская империя не могла считаться федерацией, хотя бы потому, что федерация – это сложное государство, состоящее из государств – членов единого союзного государства, а в Британской империи единого союзного государства не существовало». Но ведь «федерация – это и есть единое союзное государство, включающее в себя государства-члены».²

Во второй главе «Правовой статус доминионов в период между мировыми войнами и судьба этого статуса после Второй мировой войны» (С. 69-147) рассматриваются проблемы правового статуса доминионов в период между первой и второй мировыми войнами и судьба этого статуса после Второй мировой войны. В этой главе исследуются существенные изменения, происшедшие в правовом положении доминионов в итоге Первой мировой войны, решения имперских конференций 20-х и 30-х гг. XX в., когда старые доминионы всё больше превращались и к началу Второй мировой войны

¹ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 104.

² Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 115.

превратились в самостоятельные государства, а также анализируются новые моменты, характеризующие статус доминиона после Второй мировой войны, Распад Британской империи и правовые связи Великобритании и «членов Содружества» после Второй мировой войны.

В период между мировыми войнами развитие правового статуса доминионов характеризовалось дальнейшим расширением их полномочий по руководству внутренней и внешней политикой, которое привело к качественным изменениям правового положения доминионов. Они становятся такими же субъектами международного права, как и любые другие государства. Доминионы стали первоначальными членами Лиги Наций, добились права иметь свои собственные дипломатические миссии в зарубежных странах. Они стали считать себя суверенными государствами и выступать на международных конгрессах наряду с Англией. На этом этапе статус доминиона означает статус независимого государства, сохраняющего определённые государственно-правовые связи с Великобританией. Главной специфической чертой доминиона является то, что это – государство, имевшее общего с Великобританией монарха, точнее, государство, признающее британского монарха собственным главой государства. В период между первой и второй мировыми войнами доминионы старались добиться ликвидации следов их колониального прошлого, ещё сохранившихся в области права – требовали от Великобритании отказа от ограничений прав доминионов издавать законы, имеющие экстерриториальное действие, категорического признания недопустимости распространения актов британского парламента на территорию доминионов, придания генерал-губернатору положения, полностью воспроизводящего положение короля в самой Британии и т.п.

В этот период, как правильно считает Н.Ю. Кузнецова, доминионы действовали уже как вполне независимые государства, что нашло своё отражение в постановлении имперской конференции 1923 г. и в содержании Вестминстерского статута 1931 г. Наличие у них суверенитета, как во внутренних, так и во внешних делах уже не подлежало сомнению. На имперской конференции 1923 г. было подтверждено право доминионов не признавать себя связанными теми договорами, которые заключила Великобритания без их согласия. Кроме того, резолюция конференции 1923 г. предоставляла доминионам право заключать от имени короны самостоятельные договоры с иностранными государствами без участия правительства или парламента Великобритании. Конференция 1926 г., стремясь привести юридические нормы в соответствие с фактическим положением доминионов в империи, провозгласила, что Великобритания и доминионы «являются автономными образованиями внутри Британской империи с равным статусом, ни в каком отношении не подчинёнными друг другу в любых вопросах своей внутренней или внешней политики, хотя и объединёнными общей принадлежностью короне и свободно соединившимися в качестве членов Британского содружества на-

ций».

В этой формуле Доклада комиссии по внутриимперским отношениям, одобренного имперской конференцией 1926 г., доминионы в одной и той же фразе именовались и как «автономные государства в рамках Британской империи», и как «члены Британского Содружества наций». Иначе говоря, доминионы, объявленные членами Содружества, в то же время признавались составными частями Империи. Но использование в данном определении категорий «Британская империя» и «Содружество наций» давало возможность толковать их в зависимости от обстоятельств и политических условий либо как синонимы, либо как отличные друг от друга понятия. В 30-е годы XX века совершенно чёткий смысл получило понятие «Британское содружество наций». Теперь оно должно было подразумевать отнюдь не всю империю, а лишь «содружество» Великобритании и доминионов. Коренные колонии и протектораты рассматривались как части одной только Британской империи.

По Вестминстерскому статуту 1931 г. британский парламент отказывался издавать законы, обязательные для доминиона, если только этого не требовал сам доминион. По общему правилу на территории доминиона действовали только законы доминиона. Закон также признал право доминиона вносить любые изменения в имперские законы, действующие в доминионе, или даже отменять их.

Важную роль в развитии статуса доминиона в период между первой и второй мировыми войнами сыграла Ирландия: она добилась нового способа юридического закрепления статуса доминиона (путём двустороннего договора 1921 г.). В декабре 1921 г. было подписано соглашение между Соединённым Королевством и Ирландией о признании государственной самостоятельности Ирландии. Соглашение устанавливало, что Ирландия будет иметь тот же конституционный статус в Британской империи, что и самоуправляющиеся доминионы. Завоевание Ирландией статуса доминиона сопровождалось определёнными, новыми для этого статуса моментами. Во-первых, Ирландия была официально названа «свободным государством», а это означало, что теперь понятие доминиона предполагает признание его не просто государственным образованием, а именно государством. Во-вторых, Акт о конституции нового доминиона был принят не только британским парламентом, как это практиковалось прежде, до Первой мировой войны, но и парламентом доминиона, и оба эти акта рассматривались как имеющие одинаковую юридическую силу. В-третьих, впервые доминион был образован на основе договора, в котором представители бывшего британского владения официально выступали как противостоящая правительству Великобритании сторона. Ирландское свободное государство, несмотря на протест со стороны Великобритании, зарегистрировало свой договор с метрополией от 1921 г. в Секретариате Лиги Наций как договор не внутриимперский, а имеющий международный характер. Ирландия первой в 1937 г. приняла свою Конституцию без

участия британского парламента.

Н.С. Крылова отметила, что «отношения Великобритании и Ирландия – это особый вопрос. В отличие от других доминионов Ирландия никогда формально не имела статуса «самоуправляющейся колонии». Начиная с 1800 г. она являлась частью Соединённого Королевства Великобритании. Если для «самоуправляющихся колоний» получение статуса доминиона представляло собой завоевание более высокого и самостоятельного положения, то формальный статус доминиона для Ирландии был как бы косвенным признанием колониального характера отношений между нею и метрополией».¹ По мнению Э.В. Лисневского, «приобретение Ирландией статуса доминиона маскировало фактическую независимость этого государства, что устраивало Лондон, не желавший признавать крушение своего господства в старейшей английской колонии в эпоху всеобщего кризиса капитализма, открытого Великой Октябрьской социалистической революцией».² Н.Ю. Кузнецова не согласилась с мнением Э.В. Лисневского «будто «приобретение Ирландией статуса доминиона маскировало фактическую независимость этого государства» и что это «устраивало Лондон». В диссертации приводятся факты, свидетельствующие о том, что официально Лондон как раз напротив пытался фактически ограничить независимость Ирландии, навязать ей пункты об английской военной базе, о временной дислокации английских войск на ирландской территории. Ирландия завершила борьбу за политическую независимость уже после обретения ею статуса доминиона».³

Во второй главе диссертации рассматривается появление новых доминионов после Второй мировой войны и их превращение в самостоятельные государства, анализируются пути и законодательные формы, закрепляющие их всё большую независимость и самостоятельность. При анализе последней стадии развития статуса доминиона в британских владениях диссертант выделяет несколько характерных особенностей. Он справедливо отмечает, что после Второй мировой войны образовалось большое число новых доминионов на основе прежних «туземных» колоний в Азии, Тропической Африке и Америке на основе Актов о независимости британского парламента. Ряд бывших колониальных владений Великобритании использовали статус доминиона как переходную форму к суверенной республике.

Первой в этом ряду стала Индия. Завоевание статуса доминиона Индией знаменовало собой фактически начало распада Британской империи. Рост национального самосознания индийцев привёл к возникновению политической партии под названием «Индийский национальный конгресс», кото-

¹ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 67.

² Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 84.

³ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 112.

рый возглавил борьбу за самоуправление и формирование ответственного правительства. В ответ на эти требования Англия шла на уступки, привлекая индийцев к работе законодательных собраний провинций и расширяя их полномочия. После издания законов об управлении Индией 1919 и 1935 гг. Индия приблизилась к типу доминиона. В 1947 г. завершилось британское управление Индией. Страну разделили по религиозному принципу на индуистскую Индию и мусульманский Пакистан. Если сравнивать процедуру предоставления статуса доминиона Индии и Пакистану с той процедурой, которая имела место в отношении более старых доминионов, то Н.Ю. Кузнецова отметила, что нельзя не заметить некоторую новеллу. Во-первых, при предоставлении Индии и Пакистану статуса доминиона, между этими новыми государствами и Великобританией не было заключено никакого договора, как это имело место при предоставлении статуса доминиона Ирландскому свободному государству. Во-вторых, предоставление Индии и Пакистану статуса доминиона не сопровождалось принятием британским парламентом Акта о конституции новых доминионов, как это имело место в отношении Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южно-Африканского Союза: теперь акт британского парламента, которым оформлялось предоставление статуса доминиона (тем самым признавал право доминиона на принятие собственной Конституции), имел несколько иное содержание и назывался весьма знаменательно Актом о независимости.

В Акте о независимости Индии 1947 г. содержалась формула, которая практически была истолкована именно как закрепление права доминионов на выход из Британского содружества.¹ Появление такой формулы не означало, что право на выход призналось только за Индией и Пакистаном – оно на деле было признано за всеми доминионами. Первой из состава Британского содружества вышла Ирландия, приняв в одностороннем порядке в 1948 г. закон о создании Ирландской Республики, в силу которого английский король лишился всяких функций по отношению к Ирландии. Затем из состава Британского содружества вышла Бирма на основе принятого британским парламентом Акта о независимости Бирмы 1948 г.: этот прецедент показал, что британской колонии для обретения независимости вовсе не обязательно добиваться признания её доминионом.

¹ Формула о праве на выход из Британского содружества наций прямо не была записана в Акте о независимости Индии. В этом Акте говорилось о том, что, начиная с установленного дня (15 августа 1947 г.), правительство его величества в Соединённом Королевстве не несёт никакой ответственности в отношении управления какой бы то ни было территорией, которая непосредственно перед этим днём входила в состав Британской Индии (ст. 7). Это была новая формула, так как в Вестминстерском статуте 1931 г. такого положения нет. Теоретически имелись различные варианты толкования этой формулы, но практически эта формулу истолковали именно как закрепление права доминионов на выход из Британского содружества.

После Второй мировой войны статус доминиона перестал быть универсальной формой политической независимости и для страны, остающейся в рамках Британского «содружества наций». Во-первых, для ряда бывших колониальных владений Британии (Индия, Пакистан, Уганда и др.) сам этот статус оказался лишь формой перехода к другому статусу – статусу республики. Во-вторых, позднее выяснилось, что эта переходная форма тоже не является обязательной: прецедент был создан в 1964 г., когда бывшая английская колония Северная Родезия обрела независимость в рамках Содружества наций, сразу же приняв республиканскую форму правления и официальное наименование Республики Замбии. В-третьих, Акт о независимости Малайской федерации 1957 г. создал прецедент, свидетельствующий о том, что государство, входящее в состав Содружества, может иметь и монархическую форму правления, не будучи доминионом.

На конференции премьер-министров Великобритании и доминионов в 1948 г. приняли решение, что в официальном наименовании Британского содружества наций слово «британский» будет опущено, и оно будет называться просто Содружеством наций. Это объяснялось изменением расового, этнического, культурного состава доминионов. Уже завоевание Индией, Пакистаном и Цейлоном статуса доминиона изменяло «британский характер» Содружества наций. В то время как старые доминионы большей частью были британскими и почти все из них по происхождению и взглядам европейскими, – писал Н. Мансерф, – Индия была отечеством с традициями, идущими из древней истории». Затем правящие круги Великобритании изменили и значение понятия Содружества наций. Если до Второй мировой войны под Содружеством наций понималась сравнительно узкая организация внутри Британской империи, объединявшая лишь Великобританию и доминионы, то теперь понятие Содружества наций стало уподобляться как новое наименование всей Британской империи, причём стали различать «членов Содружества» (входящие в состав Содружества наций независимого государства) и просто «страны Содружества» (все остальные части Британской империи). В 1952 г. на конференции стран Содружества решили отказаться от употребления термина «доминион». В том же году Канада официально приняла наименование «королевство». Её примеру последовали другие страны, признающие английского короля главой собственного государства. В итоге понятие доминиона было изъято из официального языка.

Диссертация Н.Ю. Кузнецовой завершалась проблемой конституционного суверенитета Канады. Она отмечала, что патриотические чувства канадцев всё острее задевают обстоятельство, что действующая конституция страны установлена актом британского парламента. Всё чаще стал обсуждаться вопрос о необходимости принятия новой Конституции и о правовых формах замены Актов о Британской Северной Америке новым конституционным актом. Однако, до сих пор к 1980 г. не выработано единого мнения по

этому вопросу.

Вскоре новый конституционный акт был принят. В декабре 1981 г. Парламент Канады направил Королеве Великобритании резолюцию, в которой просил внести в Парламент Соединённого Королевства последний законопроект – Акт о Канаде. В резолюции давалась мотивировка данной просьбы: необходимо учесть, что «статус независимого государства Канады узаконивает все полномочия канадцев по внесению изменений в их конституцию». Статья 2 приложения «А», которое в дальнейшем цитировалось как Акт о Канаде 1982 г., содержала следующую норму: «Ни один акт Парламента Соединённого Королевства, изданный после вступления в силу Конституционного Акта 1982 г., не будет являться частью права Канады». 29 марта 1982 г. британский парламент одобрил конституционный Акт о Канаде, после чего Королева издала прокламацию, в которой говорилось: «Вследствие своей принадлежности к суверенному государству канадцы обладают всей полнотой власти изменять конституцию Канады». Кроме того, Прокламация подтверждала факт патриации («возвращение на родину») конституции Канады и называла дату вступления в силу данных изменений – 17 апреля 1982 г. Тем самым была прекращена какая-либо возможность принимать законы для Канады парламентом Великобритании. Отныне все изменения Конституции проводятся исключительно полномочными канадскими органами, а не бывшей метрополией.¹

В.Е. Шилов считает, что полный и абсолютный суверенитет в конституционной области Канада получила именно в момент подписания в Оттаве в апреле 1982 года Конституционного Акта.² По мнению И.Н. Ившиной только с 17 апреля 1982 года Канаду можно считать суверенным государством: она приобрела полную независимость от бывшей метрополии во внешних и внутренних делах.³ По оценке Т.Н. Тимашовой, «Конституция 1982 г., строго говоря, не может быть признана новым Основным законом в полном смысле этого слова. Она почти не изменила прежней Конституции, хотя и внесла в

¹ *Ившина И.Н.* Становление суверенитета Канады в рамках Британской империи и Объединённого содружества Наций (1867-1982 гг.) // Вестник Вятского государственного университета. – 2007. – № 1 (16). – С. 76-81; *Муртазин А.М.* Реформа 1982 г. и принятие Конституционного акта доминиона Канады // Свободомыслие и свобода совести в мировой истории. – Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 2001. – С. 77-82; *Донцов П.В.* Конституционные основы международной правосубъектности Канады // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 2 (9). – С. 341-453; *Тимашова Т.Н.* Канадский опыт конституционного развития // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 4. – С. 10-19.

² *Шилов В.Е.* Эволюция канадского федерализма 1982-2000 // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 12. – С. 69.

³ *Ившина И.Н.* Становление суверенитета Канады в рамках Британской империи и Объединённого содружества Наций (1867-1982 гг.) // Вестник Вятского государственного университета. – 2007. – № 1 (16). – С. 80.

ранее действовавшие положения некоторые существенные коррективы. В определённой мере она стала результатом компромисса между федерацией и провинциями, отражением нового соотношения политических сил в начале второй половины прошлого столетия. Хотя Акт 1982 г. закрепил суверенитет Канады и конституционную независимость от Великобритании, но этот закон отразил и компромисс между Канадой и бывшей метрополией. Главой канадского государства по-прежнему остаётся британский монарх, представленный в стране генерал-губернатором. В целом конституционная реформа 1982 г. обозначила определённый важный период в политическом развитии страны. Многочисленные поправки к действующим конституционным актам, несколько конституционных конференций, проведённых в стране, нарастающее сепаратистское движение в Квебеке свидетельствуют о новых серьёзных вызовах существующему конституционному правопорядку, которому ещё предстоит пройти испытания на устойчивость и доказать свою эффективность».¹

В 1986 г. парламенты Австралии и Англии приняли аналогичный канадскому Акт об Австралии (Australia Act). «Можно сказать, что в результате принятия Вестминстерского статута Австралийский Союз стал независимым государством, состоящим из зависимых колоний. Как отмечает Э. Томи, штаты не хотели, чтобы Союз занял место Британского правительства. Если Союз советовал бы Королеве при назначении губернаторов штатов, давал бы согласие на принимаемые законы, это бы подчинило штаты воле Союза. Соответственно штаты хотели сами давать Королеве советы по всем вопросам, касающимся штатов. Изначально Королева при поддержке правительств Союза и Великобритании возражала против этого. Однако затем правительство Союза согласилось с тем, что возможность штатов советовать непосредственно королеве является необходимым элементом. И в 1986 году Парламентом Британии и Парламентом Австралийского Союза были приняты Акты об Австралии, которые представляют собой два по существу идентичных акта. Акты об Австралии 1986 г. прекратили оставшиеся полномочия Британии в отношении Австралии, в том числе штатов. Согласно этим актам премьер-министры штатов теперь стали напрямую советовать Королеве относительно назначения губернаторов штатов. Также Акты устанавливают, что ни один акт парламента Соединённого Королевства не должен распространять или продолжать своё действие в отношении Союза, штата или территории в рамках закона Союза, штата или территории. Помимо этого, ст. 15 Актов об Австралии гласила, что сам Акт об Австралии и Вестминстерский статут могут быть отменены или изменены Актом Парламента Союза, изданным по просьбе или с согласия парламентов штатов. Возможность подачи апелляции из

¹ *Тимашова Т.Н.* Канадский опыт конституционного развития // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 4. – С. 19.

австралийских судов в Тайный совет Великобритании с 1968 года постепенно ограничивалась, а затем была полностью отменена Актами об Австралии. В 1986 году Высокий суд стал окончательной инстанцией для всех федеральных судов, судов территорий и судов штатов, «основным стражем австралийских правовых норм и принципов». Одни учёные считают, что Австралия обрела независимость в момент принятия Вестминстерского статута, отмечая, что именно с этого времени Союз получил право проявлять независимость, хотя и выбрал не делать этого. Другие исследователи связывают обретение независимости с одобрением Вестминстерского статута австралийским парламентом, установлением австралийского гражданства, а также с принятием Актов об Австралии.¹

И в этот же 1986 год в Новой Зеландии принимается аналогичный Конституционный Акт. С этого времени Австралия и Новая Зеландия считаются в полном смысле слова суверенными государствами. Тем самым история британских доминионов закончилась.

Ведущая организация – кафедра теории и истории государства и права юридического факультета Омского государственного университета в своём положительном заключении указала, что «работа представляет собой оригинальное исследование, как по проблематике, так и по содержанию. В ней по-новому постановлены и решены многие вопросы статуса британских доминионов, сформулированы выводы, которые могут быть использованы при преподавании курса всеобщей истории государства и права и государственного права буржуазных стран... Диссертация Кузнецовой Н.Ю. „Зарождение и развитие статуса доминиона в британских владениях” вполне отвечает предъявленным требованиям. Поэтому и автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата юридических наук».²

Научный руководитель, профессор Б.А. Стародубский к достоинствам работы отнёс то, что в ней «обобщён большой фактический и нормативный материал, даётся критика буржуазных концепций по поводу различных аспектов развития статуса доминиона, убедительно аргументируются теоретические выводы».³ Он отметил содержательную новизну диссертации: «В диссертации показано, когда и как термин “доминион” приобрёл значение общего понятия и какой смысл вкладывался в этот термин при противопоставлении его понятию “самоуправляющейся колонии”. Важным вкладом в науку

¹ Цыремпилова Е. Б.-М. Порядок разграничения компетенции между Союзом и штатами в Австралии: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Цыремпилова Елена Бато-Мунхоевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»]. – Улан-Удэ, 2019. – С. 27-28.

² Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 62-63.

³ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 50.

истории государства и права можно считать разработку Н.Ю. Кузнецовой концепции трёх основных стадий в развитии статуса доминиона: на первой стадии (в период до Первой мировой войны) этот статус означал государственное образование, ещё не обладающие суверенитетом, на второй стадии (в период между первой и второй мировыми войнами) этот статус поднялся до уровня независимого государства и, наконец, на третьей стадии (в период после Второй мировой войны) в этот статус было включено право на выход из британского “Содружества наций” или изменение своего правового положения внутри указанного “Содружества”. В диссертации подробно рассматриваются причины преобразования “переселенческих” колоний в доминионы и правовые формы такого преобразования, особенности завоевания статуса доминиона Ирландией [в 1921 г.], новые моменты, появившиеся в предоставлении статуса доминиона “туземными” колониями. Интересны анализ характера правовых связей доминионов и Великобритании, сравнение актов, с помощью которых оформлялось получение статуса доминиона прежними “переселенческими” колониями (Канадой, Австралией и др.), Ирландией и “туземными” колониями после Второй мировой войны (Индия, Цейлон и др.).¹

Кафедра истории государства и права Свердловского юридического института в своём постановлении к достоинствам диссертации Н.Ю. Кузнецовой отнесла «анализ проблемы соотношения правового статуса “самоуправляющийся колонии” и статуса “доминиона” уже в период его зарождения, раскрытие существенных различий в содержании правового статуса доминиона в период до Первой мировой войны, в период между первой и второй мировыми войнами и в период после Второй мировой войны. Диссертантом разработана собственная концепция основных стадий развития правового статуса доминиона. В изучение всех этих вопросов Н.Ю. Кузнецова вносит много существенно нового».² Ведущая организация признавала несомненным достоинством диссертации Н.Ю. Кузнецовой то, что «все её теоретические положения базируются на богатом практическом материале и глубоком анализе правовых актов», «диссертант обладает высокой культурой полемики, хорошо владеет русским, английским и немецким языками, умеет профессионально грамотно излагать свои мысли».³

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права и советского строительства юридического факультета Воронежского государственного университета им. Ленинского комсомола Виктор Степанович Основин (1924-1990)⁴ подчеркнул следующие достоинства рабо-

¹ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 50-51.

² Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 43.

³ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 60.

⁴ Личность. Учёный. Учитель: памяти профессора Виктора Степановича Основина / Под ред. Т.Д. Зражевской. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2008. – 464 с.

ты: 1) обстоятельно и подробно исследован широкий круг вопросов, связанных с особенностями «самоуправляющихся» колоний и превращением их в государственные образования, дан подробный анализ правового статуса доминионов; 2) автор привлекает значительное количество актов Великобритании, материалы имперских конференций и конференций премьер-министров стран Содружества; 3) при рассмотрении вопросов темы диссертант широко использовал литературу на английском и немецком языках; 4) привлекают внимание впервые исследованные вопросы зарождения и основных стадий развития правового статуса доминиона в Британской империи: завоевание колониями «внутреннего самоуправления», перерастание самоуправляющихся колоний в государственные образования и др.; 5) новизна выдвинутых в диссертации положений касается также и других моментов: характеристики правовой регламентации проблем управления колониями; показа отличных черт статуса «самоуправляющихся» колоний; раскрытия вопросов об обретении доминионами элементов собственной государственности и его конкретном выражении; анализа отношений между метрополией и доминионами, а также определения дальнейшей судьбы статуса доминиона.¹

Достоинством исследования, по мнению профессора И.Е. Фарбера, является его комплексный характер: «автор вышел за рамки “чисто” историко-правового анализа статуса доминиона, активно привлекает данные других юридических наук, в том числе государственного права буржуазных стран и международного права».² Аналогично мнение официального оппонента, профессора В.Е. Чиркина: «Диссертация Н.Ю. Кузнецовой – работа по проблемам истории государства и права зарубежных стран, но в определённой мере она имеет комплексный характер. Данное исследование представляет значительный интерес не только для специалистов по упомянутой отрасли знаний, а также и для государствоведов, специалистов по теории государства и права и в какой-то мере – по международному праву (в связи с вопросом о международной правосубъектности доминионов). Подготовка такой диссертации потребовала от автора изучения ряда смежных проблем, что в значительной мере определило высокие научные качества рецензируемой работы».³

Неофициальный оппонент, профессор, заведующий кафедрой иностранного государственного и международного права Свердловского юридического института Г.В. Игнатенко указал, что диссертационная работа тесно соприкасается с проблемами международного права, затронув проблему правосубъектности. Он подверг критике мнение ведущей организации, которая вообще отрицала правосубъектность таких образований, которые не обладают суверенитетом, упрекала автора диссертации в том, что она пишет о час-

¹ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 71-72.

² Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 69.

³ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 77.

тичной правосубъектности. По мнению Г.В. Игнатенко, «диссертант правильно воспринял тот прогрессивный подход, который характерен сегодня для теории международного права. Неверно считать образованиями, обладающими правосубъектностью, только те, которые обладают суверенитетом. История британских доминионов, несомненно, знает такой период, когда имело место ограничение их международной правосубъектности».¹

Диссертация в духе своего советского времени содержала обязательные ссылки на материалы XXV съезда КПСС, произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, критику работ «буржуазных» учёных. Диссертационный совет с одобрением отмечал идеологическую выдержанность диссертации: «Диссертационное исследование Н.Ю. Кузнецовой выполнено на высоком идейно-теоретическом уровне, обладает элементами научной новизны. В ходе своего исследования диссертант строго руководствовался марксистско-ленинской диалектикой как общим методом познания и сумел дать классовый анализ государственно-правовых институтов британских доминионов. Это позволило методически правильно поставить и решить основные вопросы, связанные с зарождением и развитием статуса доминиона в британских владениях».² По мнению ведущей организации, «хорошо владея марксистско-ленинской методологией научного познания сложных государственно-правовых явлений и умело применяя методы исторического и сравнительно-правового анализа, Кузнецова Н.Ю. впервые в советской юридической литературе раскрыла содержание правового статуса доминиона на всех стадиях его развития, дала партийную оценку концепциям буржуазных учёных по этому вопросу. Причём критика апологетических работ буржуазных учёных отличается не только научностью и строго историческим подходом, но и партийной непримиримостью по отношению к идеологическим теориям и догмам».³

Следует заметить, что идеологическое засорение исследования носило минимальный характер. Содержание работы в основном не связано с идеологией. Официальный оппонент, профессор А.Ф. Черданцев даже посчитал, что в диссертации недостаточно показаны «те подспудные социально-экономические и классовые, международные процессы и силы, которые, в конечном счёте, предопределяли изменения в политико-правовой надстройке».⁴ Н.Ю. Кузнецовой пришлось оправдываться: «Я полагаю, что в моей диссертации вскрываются причины социально-экономического и классового характера, которые привели к возникновению статуса доминиона и вызвали изменение этого статуса в дальнейшем. В частности, исследуя вопрос зарождении

¹ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 115.

² Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 4.

³ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 56-57.

⁴ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 49.

статуса доминиона и анализируя особенности самоуправляющихся колоний, я специально останавливаюсь на том, что система ответственного правительства могла быть введена лишь в тех колониях, в которых существовало капиталистическое общество. Правда, я не употребляю термина «надстройка», но то, что речь идёт об изменениях в надстроечных явлениях и что эти изменения обусловлены социально-экономическими и классовыми причинами, я думаю подразумевается. Далее, когда я говорю об изменениях в статусе доминиона после Первой мировой войны, то специально подчёркиваю, что в ходе Первой мировой войны значительное развитие получила промышленность в доминионах и это укрепило претензии правящих классов в доминионах на большую самостоятельность. Вместе с тем, я признаю, что некоторые акценты, касающиеся социально-экономических и классовых причин происходящих в доминионах изменений, можно было усилить. Я постараюсь учесть эти замечания Александра Фёдоровича в своей дальнейшей работе».¹

В защиту Н.Ю. Кузнецовой счёл необходимым выступить неофициальный оппонент, член диссертационного совета Геннадий Владимирович Игнатенко (1927-2012) – доктор юридических наук (1968), профессор (1969), заведующий кафедрой иностранного государственного и международного права Свердловского юридического института – Уральской государственной юридической академии (1971-1998), заслуженный деятель науки РСФСР (1979) (всего четверо учёных Свердловского юридического института в 1970-е гг. стали заслуженными деятелями науки РСФСР – это С.С. Алексеев, О.А. Красавчиков, М.И. Ковалёв и Г.В. Игнатенко), член исполкома (с 1969 г.) и вице-президент (с 1999 г.) Советской (Российской) Ассоциации международного права, кавалер орденов «Знак Почёта», «Дружбы», медалей им. А.Ф. Кони, им. Г.И. Тункина и др., главный редактор Российского юридического журнала (1993-2007), научный руководитель около 30 аспирантов и соискателей, научный консультант 7 докторантов. Он сказал: «У меня есть одно сомнение по поводу одного из замечаний Александра Фёдоровича по этой диссертации. Это сомнение касается, казалось бы, бесспорной проблемы выяснения социальных и других причин эволюции британских доминионов. Я считаю, что в этой диссертации этого можно было и не делать. И, прежде всего потому, что эти причины очень широко были проанализированы советскими специалистами и в области гражданской истории, и в области экономики. Если бы диссертантка в области кандидатской диссертации занялась бы исследованием этих причин, то вряд ли она смогла бы сказать что-нибудь сверх того, чем известно».²

Профессор Б.А. Стародубский в своём отзыве на диссертацию Н.Ю. Кузнецовой пришёл к выводу: «Диссертационное исследование прове-

¹ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 110-111.

² Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 113-114.

дено Н.Ю. Кузнецовой на уровне современных достижений историко-правовой науки, в нём широко использована специальная литература на русском и английском языках. Это – законченное научное исследование, в котором содержится новое решение задачи, имеющей существенное значение для науки истории государства и права. Я считаю, что работа Н.Ю. Кузнецовой полностью отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а сама Н.Ю. Кузнецова безусловно заслуживает присуждения ей учёной степени кандидата юридических наук».¹

Именитые официальные оппоненты также отметили высокие научные достоинства диссертации. Ими стали Вениамин Евгеньевич Чиркин (1924-2019) – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН и Института законодательства и сравнительного правоведения РАН, участник Великой Отечественной войны, заслуженный деятель науки РФ, один из ведущих российских конституционалистов, Александр Фёдорович Черданцев (1925-2021) – доктор юридических наук, выпускник (1957), преподаватель (с 1960 г.), профессор кафедры теории государства и права, декан вечернего факультета (1973-1983) Свердловского юридического института – Уральского государственной юридической академии, участник Великой Отечественной войны, заслуженный деятель науки РФ, видный специалист по проблемам толкования права², Эдуард Викторович Лисневский (1936-1993) – кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Ростовского государственного университета.

Профессор В.Е. Чиркин в своём отзыве к числу важнейших достоинств работы отнёс: 1) в диссертации даётся целостная картина генезиса, развития и отмирания особого государственно-правового явления – доминионов; здесь удачно вскрыты причины появления такой политико-правовой формы, рассматриваются основные этапы данной формы, причины, которые привели к отказу (по крайней мере, официально) от этого института; создание такого целостного исследования, какого ещё не было в советской литературе, представляет несомненную удачу автора, а также и научного руководи-

¹ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 51.

² *Черданцев А.Ф.* Вопросы толкования советского права: Учеб. пособие / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Свердлов. юрид. ин-т. – Свердловск: [б. и.], 1972. – 191 с.; *Черданцев А.Ф.* Толкование советского права. – М.: Юрид. лит., 1979. – 166 с.; *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – 192 с.; *Черданцев А.Ф.* Толкование права и договора: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.; *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. – М.: Норма, 2012. – 320 с.; *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права: Учеб. для вузов. – М.: Юрайт, 1999. – 429 с.

теля, сумевшего сформулировать такую сквозную, целостную тему исследования; 2) нельзя не отметить важное значение данного исследования и для определения понятия доминиона; этот термин широко употребляется в учебниках по истории государства и права, теории государства и права, государственному праву, но точного юридического определения в них обычно не даётся; диссертантка сделала значительный шаг в решении этого вопроса, хотя оставила широкое поле деятельности и для последующих исследователей; 3) в работе привлекает тщательный юридический анализ, проводимый диссертанткой, причём здесь соблюдены необходимые пропорции в отборе политического и юридического материала; 4) конкретный анализ правового положения отдельных доминионов в их развитии сочетается с выводами, имеющими важное общетеоретическое значение; 5) в работе в целом дана обоснованная и удачная критика буржуазных концепций, связанных с анализом статуса доминиона; лишь в единичном случае диссертантка вместо научных прибегает к эмоциональным доводам, говоря, что утверждения Дженкса «далеки от действительности, как небо от земли» (С. 27).¹

Профессор Э.В. Лисневский в своём отзыве считал, что исследование Н.Ю. Кузнецовой выполнено на современном академическом уровне. Он отметил «завидную научную эрудицию, трудолюбие и добросовестность молодой учёной», «Н.Ю. Кузнецова скрупулёзно прослеживает зарождение и развитие статуса доминиона как одного из юридико-политических средств осуществления колониального господства Великобритании» и «с этой целью автор берёт как значительные временные рамки, так и прибегает ко всерегиональному анализу рассматриваемой проблемы, что делает её выводы весомыми и практически неуязвимыми», она «привлекает значительный эмпирический материал», «хорошо знакома с трудами тех немногих учёных юристов (русских дореволюционных, английских, современных авторов), которые писали по этой или близкой к ней проблеме». Эдуарда Викторовича «подкупает доскональное знание диссертантом законодательного и иного нормативного материала, дипломатической и конституционной практики, завидное умение проследить, как обрастает правовой «плотью» политический «каркас» взаимоотношений метрополии с её колониями, как наполнялась реальным политическим и правовым содержанием данная юридическая конструкция». Всё это позволило Э.В. Лисневскому «рассматривать данную диссертацию как серьёзное научное исследование и рекомендовать её к опубликованию», так как «настоятельную необходимость в монографическом сочинении такого рода испытывают не только учёные и аспиранты, работающие в области истории государства и права зарубежных стран, государственного права буржуазных и освободившихся от колониальной зависимости стран, международного публичного права, но и студенты высших юридических учебных

¹ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 77-78.

заведений страны».¹ Профессор Ю.В. Качановский также признал целесообразным «рассмотреть вопрос о публикации исследования Н.Ю. Кузнецовой, так как в советской литературе по истории государства и права проблематика зарождения и развития правового статуса доминиона в британских владениях и в освободившихся странах ещё не получила надлежащего освещения».²

С распадом СССР диссертационное исследование Н.Ю. Кузнецовой приобрело новую актуальность. Интерес представляет сравнение распада Британской империи и советской империи – СССР. Для доминионов Британской империи был характерен в целом эволюционный, постепенный, договорный, спокойный характер обретения статуса независимого государства, без революций и войн. Строительство независимого государства доминионами Британской империи не было связано с войнами и революциями, а осуществлялось в переговорном процессе британского правящего класса и правящего класса британских доминионов. Полную независимость они достигли конституционным путём посредством принятия британским парламентом Вестминстерского статута в 1931 г., Акта о Канаде в 1982 г. и Актов об Австралии и Новой Зеландии в 1986 г. Исключением стала успешная война за независимость североамериканских колоний в конце XVIII в.

Диссертант приводит разные мнения британских юристов о праве доминионов на отделение от британской короны в Вестминстерском статуте 1931 г. Д. Сен считал, что такое право «подразумевается» в Вестминстерском статуте. Вопрос о наличии или отсутствии у доминионов такого права возникал ввиду позиции Ирландии, и Г. Лаутерпахт утверждал, например, что «в Вестминстерском статуте не выражено и не подразумевается предоставление Ирландскому свободному государству права выхода из Британского общества наций».³ Несколько более гибкую позицию по этому вопросу заняли английские государствоведы Э. Уэйд и Д. Филлипс. «Вопрос о праве на выход из Британского общества наций не должен рассматриваться в качестве чисто правового... Доминиону нельзя запретить выйти из Британского общества наций, но такого рода акт являлся бы актом внеправовым. Такой выход должен был бы сопровождаться декларацией об объявлении независимости и, чтобы быть действительным с международной точки зрения, должен был быть оформлен договором или каким-либо видом признания».⁴

¹ Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 82-83.

² Дело о защите кандидатской диссертации Н.Ю. Кузнецовой. Л. 75-76.

³ *Оттенгейм Л.* Международное право / Пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лаутерпахтом ; под ред. и с предисл. проф. С.Б. Крылова. Том I: Мир. – Полутом 1. – М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. – С. 198.

⁴ *Уэйд Е.С., Филлипс Д.Д.* Конституционное право / Пер. с англ. А.С. Никифорова; под ред. проф. С.Б. Крылова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – С. 535.

Выдающийся русский государствовед Б.Н. Чичерин (1829-1904) признавал народность основой государства, но не считал, что каждая народность может образовать государство, выступая против абсолютизации принципа «один народ – одно государство». Он отмечал, что «не всякий народ способен устроить из себя государство. Для этого нужно высшее политическое сознание и государственная воля, которые находятся не у всякого. Народ, который не способен разумно и добровольно подчиниться верховной власти и поддерживать её всеми силами, никогда не образует государства, и если в нём установится нечто похожее на государственный порядок, он будет всегда непрочен... Народ, способный к государственной жизни, должен прежде всего проявить уважение к законному порядку».¹

Основу и движущую силу развития нации составляет её духовная сила. «Кроме государственного сознания и воли, нужна ещё достаточная сила, чтобы сохранить свою самостоятельность и своё место в ряду других, что также находится не у всякого народа. Каждый самостоятельный народ призван быть историческим деятелем. Над народами нет высшей власти, которая бы ограждала слабых. Каждый должен стоять за себя, а для этого нужна сила. Кто не обладает достаточною силой для самостоятельной деятельности, тот должен отказаться от самостоятельности. Это опять высший исторический закон, который даёт право участия в судьбах мира только народам способным действовать на этом поприще. Но и здесь, также как в отношении верховной власти к подданным, материальная сила держится нравственною. Это – сила духовная, основанная на высшем сознании и воле. Сила народа вытекает из его государственного сознания».²

При этом «полное совпадение народности и государства вовсе не составляет неперемennого закона государственной жизни. Можно сказать только, что для прочности государства необходимо, чтобы оно опиралось на какую-нибудь преобладающую народность».³ Б.Н. Чичерин отмечал, что нельзя говорить о праве каждой народности образовать государство. По его мнению, «право присваивается лицу; народность же не есть лицо, а общая духовная стихия, которая не имеет ни воли, ни прав, пока она не организована в государство. В народе, как массе людей, может быть распространено желание составить самостоятельное тело; но желание не образует ещё права. Из воли народной истекает право, только когда эта воля организовалась, как законная верховная власть. Тот только народ имеет право на независимость, который уже приобрёл независимость».⁴ «Над народами нет высшей власти. Каждый

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. I: Общее государственное право. – М. Типо-лит. Выс. утв. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1894. – С. 82-83.

² Там же. С. 83.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 84.

народ должен уметь постоять за себя. Для этого нужна сила. А важнейшим условием внутренней силы является способность организоваться. Одних духовных стремлений мало для практической деятельности. Надобно, чтобы народ, ищущий политической независимости, во-первых, умел драться, а во-вторых, умел образовать более или менее прочное правительство, соединяющее вокруг себя лучшие силы страны. Народ, лишенный военных способностей, не может иметь притязаний на государственное существование».¹

По мнению Б.Н. Чичерина, схожему с мнением британских юристов Э. Уэйда и Д. Филлипса, оценка стремления народности образовать независимое государство может быть только нравственная и политическая. «Когда существующий законный порядок приходит в столкновение с желаниями и стремлениями подчинённого ему народа, то можно спросить: до какой степени этот порядок удовлетворяет государственной цели, то есть общему благу, а с другой стороны, до какой степени эти желания и стремления разумны и способны установить лучший порядок? Здесь оценка будет уже не юридическая, а нравственная и политическая».² Эти рассуждения Б.Н. Чичерина об условиях создания народами государств звучат весьма актуально в свете существования пророссийски настроенных анклавов – Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии, Донбасса. Опыт XX столетия показал, что ещё одним необходимым условием создания независимого государства является внешняя поддержка со стороны великих держав и международное признание независимости.

По мнению проф. С.В. Волкова, Российская империя «без большевистского переворота никогда бы не распалась».³ Связующим звеном имперско-

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. I. С. 84.

² Там же.

³ Волков С.В. О коммунистической «державности» // Преемственность и возрождение России. Сб. статей. – М.: Посев, 2001. – С. 187.

«В результате выхода к своим естественным границам, завершённого к концу XIX в., Россия обрела исключительно выгодное геополитическое положение. Теперь она могла угрожать всем своим гипотетическим противникам из числа великих европейских держав на всех направлениях. Австрии – угрозой провоцирования прорусских выступлений её славянского населения (что вполне проявилось в ходе I мировой войны), Германии – угрозой предоставления независимости русской Польше и обращения претензий последней на исконно польские земли Германии (именно такое решение было принято в 1914 г. с началом войны), и даже для давления на труднодостижимую Англию теперь имелся мощный рычаг (с Францией у России не было геополитических противоречий). В отличие от других европейских держав, колониальные империи которых были разбросаны по всему миру и были как абсолютно чужды им по истории и культуре, так и крайне уязвимы для противников, не имея сухопутной связи с метрополией, Россия представляла собой компактно расположенное государство, окраинные территории которого, даже чуждые культурно и этнически, имели давние, часто многовековые, связи и контакты с русским ядром. Россия не пыталась ни навязывать населению этих территорий свои обычаи и культуру, ни переплавлять их в едином котле (напротив, при малейшей возможности предоставляя им, как Хиве и Бухаре,

го российского государства являлся государственнообразующий русский народ и русская национальная элита.¹ По типичной оценке А.С. Яценко, «Россия есть страна с преобладающим, громадное большинство составляющим русским населением и с незначительным меньшинством инородческим. Чтобы ослабить этот факт, совершенно произвольно делят русскую национальность на три национальности, которые составляют лишь три вариации одной национальности».² До установления коммунистического режима считалось, что русский народ состоит из трёх основных ветвей – великороссов, создавших Московское государство, малороссов и белорусов. Русская нация была едина, и названия «великорус», «малорус», «белорус» воспринимались как понятия, определяющие географическое место прохождения того или иного русского подданного Российской империи. Так же как баварцы, пруссаки и саксонцы, несмотря на их различия, принадлежат единому германскому, немецкому этносу, так и великороссы, малороссы и белорусы принадлежат единому русскому этносу.³ В 1910 г. эти три ветви русского народа составляли 65,5% всего населения империи.⁴ По данным переписи 1897 г., русские составили 71% населения империи. Причём в их число вошли не только русские по происхождению (великороссы, малороссы и белорусы), но и те, кто считал русский язык родным.⁵

Профессор Б.Н. Миронов считает, что развитие национальных движений в Российской империи в XIX – начале XX вв. помогает объяснить концепция, предложенная чешским историком М. Хрохом для описания нацио-

управляться своими традиционными правителями). Характерно, что она при этом практически не имела серьёзных проблем со своими азиатскими владениями (единственное серьёзное выступление – восстание 1916 г., было даже в условиях военного напряжения сил легко подавлено). Так что, несмотря на отдельные издержки, территориальный рост империи был важнейшим источником её силы и могущества. Без него она не выдержала бы конкуренции европейских держав ещё в XVIII в.». – *Волков С.В.* Исторический опыт Российской империи // Преемственность и возрождение России. Сб. статей. – М.: Посев, 2001. – С. 126.

¹ *Волков С.В.* Элитные социальные группы и государственная служба в России. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке; Университет Дмитрия Пожарского, 2021. – 408 с.

² *Яценко А.С.* Теория федерализма: Опыт синтетич. теории права и государства. С. 788.

³ См.: Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник / Вст. статья и коммент. М.Б. Смолина. – М.: Изд-во журн. «Москва», 1998. – 432 с.; *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. – М.: Центрполиграф, 2017. – 319 с.; *Лосский Н.О.* Украинский и белорусский сепаратизм // Север. – 1992. – № 4. – С. 99-103; *Калашиников М., Бунтовский С.* Независимая Украина: Крах проекта. – М.: Фолио, 2009. – 416 с.

⁴ Ежегодник России, 1910 г. – СПб.: Центральный стат. ком. МВД, 1911. – С. 66-67. – Цит. по: *Платонов О.А.* Терновый венец России. История русского народа в XX веке. – М.: Родник, 1997. – Т. 1. – С. 123.

⁵ Русские / Под ред. В.А. Александрова, И.В. Власовой, Н.С. Полищук. – М.: Наука, 2005. – С. 430.

нальных движений в Центральной и Восточной Европе. Согласно этой концепции, «механизм развития национализма проходит три фазы. В фазе пробуждения возникает интерес сравнительно небольшой группы национальной интеллигенции к языку, истории и фольклору своего народа; в фазе агитации национальное сознание распространяется в широких слоях этого этноса; наконец, в фазе массового движения данный народ в целом охватывается идеей национального самосознания и мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем за независимость. Таким образом, в каждом национальном движении была заложена, как мина замедленного действия, идея политического самоопределения, и если оно начиналось, то, как правило, развивалось до своего логического конца».¹

Характеристика национальных движений Российской империи в XIX – начале XX вв. с точки зрения концепции Хроха у Б.Н. Миронова выглядит так: «Основопологающее значение для формирования характера отдельных национальных движений имело различие между “старыми” и “молодыми” народами. У первых существовали собственная дворянская элита и прочные традиции как государственности, так и общей и языковой культуры (поляки, грузины, азербайджанцы, волжские и крымские татары и др.). У вторых из-за отсутствия собственной дворянской элиты, а нередко и средних пробуржуазных городских слоёв социальная структура не была завершена; у них либо никогда не было своей государственности, либо она была разрушена в начале Нового времени; они не располагали своим литературным языком и высоко-развитой культурой. “Старые” народы были “дворянскими”, “молодые” – “крестьянскими”; над последними господствовали дворянские элиты другой национальности. В Российской империи к “молодым” народам относилось большинство этнических групп – украинцы, белорусы, эстонцы, латыши, финны, чувашы, якуты и др. Особый случай представляли диаспоры евреев и армян с городскими элитами и высокоразвитыми культурами, но без дворянства и традиций государственности. Соответственно своему положению и уровню развития “старые” и “молодые” народы, а также диаспоры выдвигали различные программы. Первые, руководимые дворянством, с самого начала стремились к восстановлению своей государственности, вторые под руководством лидеров из крестьянской среды – к созданию полноценной социальной структуры, развитию собственной высокой культуры и достижению автономии, третьи, ведомые интеллигенцией, – к равенству с господствующим этносом и национально-культурной автономии. До конца XIX в. с идеей суверенитета выступали армянские националисты, выдвинувшие идею “Великой Армении” – объединение армян России, Турции и Ирана в самостоятельное государство. Все остальные национальные движения ограничивались

¹ *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х тт.; 2-е изд., испр. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – Т. 1. – С. 184.

лозунгом национально-культурной автономии».¹

Российскую империю развалили не сепаратизм, а российская революция 1917 года. Национальный сепаратизм стал следствием падения монархии в России и слабости центральной власти Временного правительства.² По верной оценке Б.Н. Миронова, «великая российская революция погрузила Россию в смуту, отняла победу в Первой мировой войне и развалила великую империю».³ Падение монархии в марте 1917 г. нанесло сокрушительный удар по экономике, уровню жизни, качеству управления, привело к развалу российского государства, армии, анархии. «Вследствие поспешных реформ всех царских учреждений и многочисленных кадровых перестановок на долгое время была парализована деятельность большинства государственных учреждений, и наступил всеобщий институциональный кризис. Тяжелейшая ситуация, сложившая в стране за восемь месяцев правления Временного правительства, привела к новому взрыву революционных страстей, которые в конечном итоге привели к распаду империи».⁴ Неудивительно, что в условиях развала государства власть захватила леворадикальная сектантская партия коммунистов. Октябрь и последующая гражданская война стали величайшей национально-культурной катастрофой в российской истории. Коммунисты заключили мир с военным противником, почти уже проигравшей войну Германией, установили однопартийную диктатуру и массовый террор. В результате четырехлетней гражданской войны, иностранной интервенции и безумных экономических экспериментов в стране произошла гуманитарная катастрофа.

«Колебания национальных политических партий в 1917 г. в отношении того, оставаться с Россией или отделяться от нее, очень симптоматичны. Они показывают, что изменение курса Временного правительства в национальном вопросе (согласившегося на признание независимости Польши, восстановление конституции Финляндии, автономию Украины, Латвии, Эстонии и введение краевого управления для Закавказья, хотя окончательное решение проблемы передавалось на усмотрение Учредительного собрания) создавало реальные предпосылки для разрешения национального вопроса мирным путём и в рамках демократического государства. Надежды на лучшее будущее связывались с демократизацией России. Только неудачный для России ход военных событий и победа большевиков окончательно предопределили развал страны. Если до захвата власти большевиками идея отделения от России поддерживалась лишь финскими, польскими и отчасти армянскими

¹ *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. С. 186.

² См., напр.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: Росспэн, 1997. – С. 140-156.

³ *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. С. 287.

⁴ *Миронов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. – С. 445.

национальными партиями, то после переворота и особенно после разгона Учредительного собрания сепаратистские идеи и движения получили распространение: программы всех национальных движений радикализировались и требования национально-территориальной автономии сменились требованиями полной независимости: федерализм уступил место сепаратизму. Приход большевиков к власти способствовал этому процессу по трём причинам. Во-первых, из русских политических партий только большевики поддерживали лозунг национального самоопределения. Во-вторых, их приход к власти предрешил возникновение Гражданской войны в России, участвовать в которой не хотел ни один народ. В-третьих, в условиях анархии сепаратистам было легче добиваться своих целей».¹

По утверждению проф. С.В. Волкова, «именно коммунисты, расчленив территорию уничтоженной ими исторической России на искусственные республики по национальному принципу, проведя произвольные границы по живому телу страны и обусловив государственное единство лишь господством коммунистической идеологии, заложили возможность её распада. Советская система была намеренно устроена таким образом, что от коммунистической идеологии невозможно было освободиться, не разрушив при этом территориальную целостность страны и превратив даже великороссов в разделённую нацию. Так что в 1991 г. коммунисты пожалели лишь то, что сами же посеяли при утверждении своей власти. Что касается воссоздания “державы”, то, поскольку речь может идти только о СССР, они никогда не смогут этого сделать. Ибо если тяга населения к восстановлению государственного единства естественна, то СССР был образованием вполне противоестественным, и в этой форме единство никогда не будет восстановлено. Если развитие по некоммунистическому пути оставляет надежды на реинтеграцию страны в будущем в той или иной форме, то победа коммунистов, более всех о ней разглагольствующих, привела бы на деле к изоляции коммунистического заповедника, и с точки зрения интересов “державности” явилась бы подлинной катастрофой как в сущностном, так и в территориальном смысле».²

Действительно, введение большевиками национально-территориального устройства Советского Союза, при котором в суверенном государстве существуют союзные и автономные национальные республики, не учитывающие историческую принадлежность тех или иных территорий и этнический состав их населения. РСФСР передавала значительную часть созданного на её территории национального дохода в пользу других республик. Надеялись, что, создав более высокий уровень жизни населению национальных окраин, тем самым выбьют почву из-под ног у местных националистов и сепарати-

¹ *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. С. 278.

² *Волков С.В.* О коммунистической «державности» // Преемственность и возрождение России. Сб. статей. – М.: Посев, 2001. – С. 187-188.

стов. На деле советская национальная политика способствовала созданию националистически ориентированной национальной элиты (интеллигенции, партийно-государственной бюрократии). Национально-территориальное устройство СССР оказалось бомбой замедленного действия, взорвавшей страну. Страна распалась именно на составляющие её национальные республики. Причиной распада СССР было создание СССР.

Профессор С.В. Волков пишет: «Мировая революция, как известно, была главной идеей того времени. Большевицкая революция рассматривалась её творцами лишь как пролог к революции мировой, прямо вытекавшей из сущности коммунистической доктрины. Причем, по представлениям захвативших власть в России большевицких вождей, таковая должна была начаться непосредственно вслед за российской. Поэтому с самого начала никаких национально-государственных целей они не преследовали и вопросы государственных интересов их волновали лишь постольку, поскольку были связаны с удержанием ими власти над определённой территорией – и только до тех пор, пока не разгорится “мировой пожар” и государственные границы вообще утратят какое бы то ни было значение...»

Решающим актом в деле ликвидации “российского империализма” было уничтожение большевиками самой российской государственности и рассечение страны на искусственные “республики”. Эти образования, которые щедро были нарезаны из тела исторической России – “национальные по форме, социалистические по содержанию”, должны были служить примером и образцом для всех остальных, долженствующих создаваться по мере продвижения мировой революции. В декларации об образовании СССР прямо говорилось, что “новое союзное государство послужит новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику”. Украинская, Белорусская и прочие ССР появились только потому, что следом должны были возникнуть Венгерская, Германская и так далее. Даже в начале 30-х годов, когда стало очевидно, что с мировой революцией придётся несколько подождать, советская доктрина исходила из того, что “всякая страна, совершившая социалистическую революцию, входит в СССР”...»

Линия на ущемление русского населения за счёт поощрения любых других национальностей проводилась весьма последовательно на всех без исключения этапах существования советского режима, в том числе и в то время, когда у Сталина была в ходу риторика о роли “великого русского народа”. Искусственно форсируемый подъём жизненного уровня, экономики и культуры национальных окраин за счёт центральных русских областей, бесчисленные льготы и преимущества “националам” в сфере образования, науки и культуры, насаждение управленческих кадров местного происхождения, во много раз превышающее долю соответствующей национальности в населении данного региона – всё это равной мере характерно и для 30-х, и для 50-х и для 70-х годов. Результатом стало выращивание на окраинах огромного слоя малограмотной и профессионально недееспособной, но чрезвычайно амбициозной интеллигенции “коренной национальности”, которая неминуемо должна была стать двигателем сепаратизма. Русское же население окраин превратилось в основном в рабочую силу, поставленную под управление “национальных” чиновников, силу к тому же полностью безгласную из-за безраз-

дельного господства в сфере идеологии и культуры окраин национальных же выдвинцев. Важнейшую роль играло формирование в головах всех советских поколений, прежде всего русского населения, представления о своей стране не как о тысячелетней державе, исторически складывавшейся вокруг русского центра, а как о совокупности неизвестно откуда взявшихся суверенных государств, которые в 1922 “создали Союз” (из коего имеют право выйти, когда захотят). Это крепко вбитое представление в сочетании с униженным и забытым положением русского этноса, которому всё это время внушался комплекс вины перед всеми другими (как бывшего “держиморды” в “тюрьме народов”))».¹

Профессор Терри Мартин в своём глубоком исследовании советской национальной политики 1923-1939 гг., ставшем классическим, признавал: «...я бы сравнил проводившуюся Советами политику со знаменитой схемой Мирослава Гроха, согласно которой становление национализма среди “малых” народов Восточной Европы, не имевших государственности, совершалось в три этапа. Для первого этапа характерен интерес элиты к фольклору и народной культуре, не связанный с политикой (этап «А»); для второго этапа – консолидация националистической элиты, стремящейся к созданию моноэтнического государства (этап «Б»); для третьего – возникновение националистического движения, пользующегося массовой поддержкой народа (этап «В»). Советское государство возглавило движение на всех этих трёх этапах: оно предоставило право голоса национальным культурам, создало национальные элиты и распространяло национальное сознание среди масс населения. Более того, оно осуществляло меры, соответствовавшие этапу «Г» и характерные для новообразованных моноэтнических государств: оно ввело новые государственные языки и создало новые правящие элиты. Или если воспользоваться более привычной большевистской терминологией, то можно сказать, что партия стала авангардом национализма нерусских народов».²

«Однако конструктивные действия в интересах одной национальности, разумеется, предполагают разрушительные действия по отношению к другим. В случае Советского Союза, власти которого предполагали оказать поддержку всем нерусским народам, *основную тяжесть дискриминации несли на себе одни только русские*. И Бухарин заявил об этом без обиняков: «Мы в качестве бывшей великодержавной нации должны идти наперерез националистическим стремлениям [нерусских народов] и поставить себя в неравное положение в смысле ещё больших уступок национальным течениям. Только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетённых наций».³ Сталин, более восприимчивый к чувствам русских, упрекал Бухарина за грубую откровенность его заявления, но не оспаривал и не мог опровергнуть его смысла. Советская политика и впрямь требовала от русских жертв в области на-

¹ Волков С.В. Прерванная традиция. «Земшарная республика» вместо «Единой и Неделимой» // Волков С.В. Почему РФ – не Россия [Электронный ресурс] // URL: <https://SWolkov.org> Прерванная традиция (дата обращения: 20.10.2018).

² Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939 / Пер. с англ. О.Р. Щёлоковой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – С. 8-29.

³ Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчёт. – М.: Политиздат, 1968. – С. 613.

циональной политики: нерусским республикам были переданы территории, населённые русским большинством; русские были вынуждены согласиться на амбициозные программы положительной деятельности, которые проводились в интересах нерусских народов; русских призывали учить языки национальных меньшинств и, наконец, традиционная русская культура была осуждена как культура угнетателей».¹

Профессор-эмигрант Н.Н. Алексеев (1879-1964) ещё в 1926 г. проницательно оценил будущее советской федерации: «Кривда советской национальной политики обнаруживается... в том, что коммунисты превратили принцип национального самоопределения в особый род ходячей монеты, выпущенной в массовых размерах ради агитационных целей. Так и созданы были большевиками многочисленные национальные республики среди народов, которые сами до этого ни о какой автономии и не думали... Коммунистическая политика словно всеми силами стремится сделать реальною ту невероятную возможность, что в результате этой борьбы, отдельные, входящие в состав России народы разрушат и Россию и интернационализм и, так как они сами едва ли способны к самостоятельному государственному бытию, то придёт некто третий, не русский и не интернационалист, который и превратит их землю в свою колонию».²

По его мнению, «будущая Россия не может быть построена иначе, как на началах широкой автономии входящих в её состав земель и народов».³ При этом те части России, которые пережили период собственного, самостоятельного государственного существования (Украина, Закавказские республики и др.), должны остаться в качестве самостоятельных земель, входящих в Российское целое на началах широкой автономии и, быть может, федерализма. Те части России, из которых большевики искусственно образовали самостоятельные национальные республики как чисто тепличный продукт, или умрут естественной смертью, или подвергнутся новому районированию. В современной Российской Федерации только в девяти республиках титульная (привилегированная) нация составляет абсолютное большинство (более 50%): Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Чечня, Осетия, Калмыкия, Тува, Татарстан, Чувашская республика. По переписи населения 1989 года в семи автономных республиках титульная нация составляла меньшинство – от 10% до одной трети: Карельская – 10%, Башкирская – 21,9%, Коми – 23,3%, Бурятская – 24,1%, Удмуртская – 30,8%, Мордовская – 32,8%, Якутская – 33,8%.⁴ Субъектов Российской Федерации – 86, слишком много, они мелкие, ими трудно управлять, необходимо укрупнение регионов.

¹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 31.

² Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. – С. 368.

³ Там же.

⁴ Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. – М.: Большая российская энциклопедия, 1994. – С. 33.

В период перестройки (аппаратной антипартийной революции сверху) в 1987-1991 годах часть высшего партийно-государственного руководства во главе с Генеральным секретарём М.С. Горбачёвым пыталась воплотить в жизнь давнюю утопическую мечту советских интеллигентов-шестидесятников о соединении реального (ленинско-сталинского) социализма (уникального «первого социалистического государства в мире») с демократией, о переходе к идеальному «гуманному, демократическому социализму». Они как «творчески мыслящие марксисты» верили, что сталинизм был всего лишь извращением светлых ленинских идеалов (поэт Андрей Вознесенский (1933-2010) выразил кредо шестидесятников в «дерзновенных» строках: «Уберите Ленина с денег – он для сердца и для знамени!») и святого дела Октября (ибо оно соответствовало логике, законам истории), истреблением ангельской «ленинской гвардии», верили в истинность и в «непреодолимую ценность учения Карла Маркса», в принципиальное превосходство советского социализма над западным капитализмом. В результате попытки перестройки коммунистического режима произошло неожиданное (для Запада и для самих себя), непредсказуемое, чудесное, моментальное крушение коммунистического режима (самороспуск КПСС)¹, который не смог пережить гласность, отмену цензуры, свободу слова, свободу печати, освобождение Церкви, свободу от страха, отказ от политических репрессий, от уголовного преследования за инакомыслие², а также радикальную политическую реформу, провозглашённую

¹ 23 августа 1991 г. указом Президента РСФСР Б.Н. Ельцина деятельность КПСС на территории РСФСР (Компартии РСФСР) приостанавливалась, а её собственность указом Президента РСФСР 25 августа 1991 г. была национализирована. 24 августа Президент СССР М.С. Горбачев сложил с себя обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС и предложил ЦК КПСС самораспуститься. Здание ЦК КПСС на Старой площади было опечатано. 6 ноября 1991 г. Президент РСФСР подписал указ о прекращении деятельности КПСС и Компартии РСФСР на территории РСФСР.

² «Страшная правда, которую мы не хотим увидеть, состоит вот в чём: лишь человек с таким же врождённым “палачеством”, каким обладали отцы Октября Ленин и Троцкий, мог сохранить их детище, а тем более воплотить в жизнь само учение о коммунизме, об обобществлённом труде на основе общественной собственности. Коллективизация могла быть только насильственной. Индустриализация после победы большевиков могла быть осуществлена только военными методами. Социалистическая экономика, как и предвидели Маркс и Энгельс, могла развиваться только на основе государственного принуждения к труду, на основе военной мобилизации. Если бы в конце 20-х к власти пришёл ленинец, не способный к палачеству, то произошло бы то, что произошло при Горбачёве, развивающиеся свободы и рынок убили бы победу Ленина и Троцкого. Сегодня как никогда ясно то, о чём писал И.Л. Солоневич ещё в 40-е годы: противоестественность коммунистического идеала вела к созданию противоестественной политической системы и сохранить всё это детище Октября можно было только прибегая к сверхнасилию, к противоестественности террора». – *Цинко А.С.* Перестройка как русский проект: Отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя. – М.: ООО «Издательство Алгоритм», 2014. – С. 517.

ную на XIX партийной конференции (первые альтернативные выборы органов власти СССР 1989 г. и республик 1990 г.), отказ от статьи Конституции, провозглашающей руководящую роль КПСС, легализацию многопартийности.

Могильщиком коммунистического режима (при поддержке части партийно-государственного аппарата во главе с всевластным лидером КПСС) стала советская (марксистская, атеистическая) интеллигенция (шестидесятники), которая своей критикой подорвала идеологическую и моральную легитимность коммунистического режима, лишив тем самым КПСС и моральной и политической опоры в обществе.¹ Она же выдвинула рыночно-демократический западнический проект будущего России вне контекста россий-

Историк А.М. Буровский отмечает: «Чем реально был СССР до 1939 года? Странное такое государственное образование. Страны, захваченной “партией нового типа”, а попросту – политической шайкой. Шайка установила в стране террористический режим. Она физически не может ни на секунду ослабить напряжения... Внутри страны она организует террор, потому что без него физически не может удержаться у власти. Эта “партия нового типа” не способна править вне чрезвычайных обстоятельств. Стоит только людям хоть немного задуматься о том, что происходит, что они сами делают и что делают с ними, – они восстанут. К тому же эта власть экономически несостоятельна. К услугам любой власти в СССР – невероятные природные ресурсы. Но, даже черпая полной мерой, режим вынужден постоянно уничтожать часть населения: даже скудных сталинских пайков не хватает на всех. Если бы не война, события 1987-1991 годов начались бы намного раньше. До смерти Сталина – вряд ли... Без Второй мировой пришлось бы отказаться от коммунизма намного раньше... То, что у нас началось в 1985-м, пришлось бы допустить в 1955-м... 1945-м... 1940-м... То есть пришлось бы допустить сперва критику «казарменного социализма», потом «возвращаться к ленинским нормам», потом обнаружить, что ничего ужаснее этих «норм» быть не может... И всё. И крах всей идеологии, а вслед за ней и политической системы. Если бы даже началось только после естественной смерти Сталина, году в 1955-м, то к 1961-му мы имели бы не «покорение целины», не речи в ООН про «показать кузькину мать», не кукурузу на Северном полюсе и прочий срам и маразм, похуже сталинских. Мы имели бы переход к нормальному экономическому, социальному и политическому строю. И был бы этот переход менее мучительным и трудным, чем в 1990-е, потому что в 1960-е страна намного меньше устала и несравненно меньше была разрушена изнутри». – *Буровский А.М. Великая Гражданская война 1939-1945. – М.: Яуза; Эксмо, 2009. – С. 434-436.*

¹ «Когда погибла «советская система»? Это произошло ещё в 1989 году, как только «контрреволюционная литература», и прежде всего воспоминания российской интеллигенции о революции, о гражданской войне, переместились из спецхранов на полки книжных магазинов, на страницы «Нового мира». И тогда образованные советские люди увидели, что практически вся интеллектуальная, культурная элита России не приняла ленинский Октябрь, восприняла всё произошедшее, и прежде всего победу большевиков, как национальную катастрофу, а созданный ими строй как уродство, как нечто противостественное, противное не только здравому смыслу, но и природе человека... И ничего, абсолютно ничего не осталось в сознании читающей, думающей советской интеллигенции от креп марксистско-ленинской идеологии, от того образа русской истории и образа социалистического строя, который десятилетиями внедрялся государственной пропагандой, учебниками истории КПСС». – *Цитко А.С. Перестройка как русский проект: Отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя. С. 59.*

ской истории, национальных традиций. Место коммунизма в мечтах советских людей занял Запад – не реальный, а во многом вымышленный («свет идёт с Запада»). Партийно-государственная бюрократия перехватила интеллигентский идеологический проект.

Перестройка с её гласностью, свободой печати, с её политическими свободами, многопартийностью, отказом от применения насилия, разрушением единого механизма власти в лице КПСС (она поддерживала единство, целостность государства; партийный аппарат являлся стержнем государственного аппарата, поэтому разрушение партийного аппарата было равносильно разрушению государства) привела не только к распаду коммунистического режима, но и к межэтническим конфликтам и к обвалному распаду СССР. Союзные республики сделали к 1991 г. крупные шаги в обретении экономической и политической самостоятельности, а республики Прибалтики (Литва, Латвия, Эстония), Молдова и Закавказья (Армения, Грузия) взяли курс на выход из состава СССР.

В 1990 г. все союзные республики приняли декларации о государственном суверенитете, но только Литва открыто заявила о выходе из состава СССР. Декларации о государственном суверенитете Молдавии (Молдовы) и Армении не содержали прямого заявления о выходе Молдовы и Армении из состава СССР, однако определяли свои республики как независимые, суверенные государства. В апреле 1991 г. Верховный Совет Грузии принял «Акт о восстановлении государственной независимости Грузии», в котором указывалось, что «весь период насильственного пребывания Грузии в составе СССР отмечен кровавым террором и репрессиям», «открытая война против Грузии продолжается и сегодня».

Новоизбранные Верховные Советы прибалтийских республик в марте 1990 г. приняли Декларации о независимости и стали на путь отделения от СССР. Концепция прибалтийских национал-сепаратистов состояла в восстановлении довоенных прибалтийских государств на том основании, что решения Верховных Советов Литвы, Латвии и Эстонии 1940 г. о вхождении в СССР не имеют юридической силы, поскольку эти Советы были избраны в условиях оккупации и недемократическим путём. В 1940 г. прибалтийские республики были аннексированы сталинистским СССР при реализации секретных договоренностей с гитлеровской Германией от 23 августа 1939 года (в прибалтийской прессе шло развенчание «красно-коричневого», «преступного» «пакта Молотова-Риббентропа» и секретного протокола к нему, в котором «два тоталитарных хищника» «поделили» независимые государства). Эта оккупация прервала фактическое, а не юридическое существование независимых республик. Прибалтийские республики в течение 50 лет были оккупированы и находившиеся там советские войска являются оккупационными и подлежащими безоговорочно выводу. Восстановление независимости прибалтийских республик является международной проблемой. На январь

ском 1990 г. пленуме ЦК независимой компартии Литвы, член бюро её ЦК, один из лидеров «Саюдиса» Р. Озолас (русофоб, который, не стесняясь в выражениях, ещё в 1989 г. сообщил, что и на Западе, и на Востоке русскими народными ансамблями интересуются, «как интересуются танцем или пением гориллы») заявил: «Создание механизма выхода из СССР – личная проблема М.С. Горбачева или той части Советского Союза, которая останется после отделения Литвы, Латвии и Эстонии. В отношении нас должно быть реализовано не внутреннее право СССР, а международное право. И поэтому наше дело простое, посчитать, сколько Советский Союз должен Литве и предоставить этот счёт Москве».

Заметим, что в 1920 г. никакого законного, легитимного отделения Прибалтики от Российской империи не было. Большевистское правительство, признавшее независимость прибалтийских государств, являлось незаконным, нелегитимным, никем в мире не признанным, не контролировало всю территорию России, было в 1920 г. одной из воюющих сторон в гражданской войне. В период оккупации германскими войсками о своей независимости объявили Литва (11 декабря 1917 г.), Латвия (18 ноября 1918 г.), Эстония (24 февраля 1918 г.). В феврале 1920 г. Эстонии, взамен за первое международное признание Советского правительства, прорыв изоляции по Юрьевскому договору Ленин уступил русское население у Ивангорода-Нарвы, Печору и Изборск. В июле 1920 г. по Московскому договору между РСФСР и Литвой в состав Литвы включались не только Вильно и Виленский край (большинство населения здесь составляли поляки, белорусы, евреи), но и белорусские Гродно, Лиды, Ошмяны. В августе 1920 г. в Риге по договору между РСФСР и Латвией была передана Латгалия – часть Витебской губернии. В архиве внешней политики СССР имеется письмо наркома иностранных дел Г.В. Чичерина от 8 июля 1921 г., где есть такие строки: «...Мы отдали Эстонии чисто русский кусочек. Мы отдали Финляндии Печенгу, где население этого упорно не хотело, мы не спрашивали Латгалию при передаче её Латвии, мы отдали чисто белорусские земли Польше. Это всё связано с тем, что ... верховным принципом является самосохранение Советской республики, как цитадели революции... Мы руководствуемся не национализмом, но интересами мировой революции».¹ Поэтому договоры РСФСР с Эстонией, Литвой и Латвией 1920 г. не имеют юридической силы. Такую позицию можно было занять, признав СССР правопреемником Российской империи.

Проблема в том, что СССР не имел национальной, исторической легитимности, преемственности с дореволюционной Российской империей. Профессор С.В. Волков отмечал: «Принцип “Наша родина – революция”, “Все мы родом из Октября” никогда не подвергался сомнению. Даже создавая что-то по образу и подобию дореволюционного, советские власти начисто

¹ От редакции // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 7. – С. 28.

отметали какую бы то ни было организационно-правовую связь этих установлений со старыми (например, при создании суворовских училищ во многом копировались кадетские корпуса, но не было и речи о воссоздании конкретных учебных заведений). Если в дальнейшем в отдельные периоды своего существования советский режим, сталкиваясь с необходимостью обратиться к патриотическим чувствам населения и начиная испытывать практическое неудобство от своей “безродности”, пытался схватиться за отдельные элементы и атрибуты уничтоженной им государственности, а в агитпроповских и ГЛАВПУРОВских головах рождались бредовые генеалогии типа “внуки Суворова, дети Чапаева”, то это, разумеется, не преемство, а лишь претензии на наследство; претензии не более правомерные, чем претензии убийцы и грабителя на имущество его жертвы, и порождённые теми же соображениями, по которым в своё время Пугачёв именовал себя императором Петром III.

Советское государство, несмотря на разное на различных этапах – то более мягкое, то более жёсткое отношение к наследию старой России, никогда не признавало своей преемственности от дореволюционной государственности. Не только в первых советских конституциях, но и в самой последней – 1977 г. о ней нет ни единого упоминания, даже как о чём-то, что было в дальнейшем заменено или реформировано. Напротив, специально подчёркивалось, что это государство (СССР) впервые возникло осенью 1917 г. на территории России как бы из ничего: “Великая Октябрьская социалистическая революция, совершённая рабочими и крестьянами России под руководством Коммунистической партии во главе с В.И. Лениным, свергла власть капиталистов и помещиков, разбила оковы угнетения, установила диктатуру пролетариата и создала Советское государство – государство нового типа, основное орудие защиты революционных завоеваний строительства социализма и коммунизма”¹.

«В XVI-м томе журнала “Zeitschrift für Völkerrecht” напечатана обширная статья (77 стр. убористой печати) профессоров Н.М. Алексеева и Л.М. Зайцева под заглавием “Sowjetstaat und Völkerrecht”, касающаяся положения Советской России с точки зрения международного права. Статья эта является в юридической литературе первым систематическим изложением данного вопроса... Подробно рассмотрен авторами вопрос о преемственности между Императорской Россией и Россией Советской. По их мнению, невозможно говорить о преемственности (Ununterbrochenheit) между советским правительством и временным или же царским правительством. От первого его отделяет одна, а от второго две революции. Кроме того октябрьская революция принципиально объявила уничтоженным весь прежний правовой порядок. По своей идее и по выполнению октябрьская революция была слишком радикальной для того, чтобы можно было говорить о правовой

¹ Волков С.В. Прерванная традиция. Разрыв традиции // Волков С.В. Почему РФ – не Россия [Электронный ресурс] // Сайт историка д.и.н., проф. Сергея Владимировича Волкова: сайт. – URL: <http://SWolkov.org> Прерванная традиция (дата обращения 10.07.2019).

непрерывности по отношению к прошлому. Кроме того имеются основания сомневаться, осталось ли вообще после октябрьской революции то правовое единство, которое носило название Российской Империи. Империя распалась на несколько политических новообразований, из которых одни только временно выступили как самостоятельные государства (Украина, Белоруссия, Грузия, Армения), а другие совершенно отделились от России (Финляндия, Польша, Литва, Латвия, Эстония). Указав подробно на все перипетии этого распада, авторы приходят к заключению, что «старая русская Империя исчезла, как международное единство, и на её территории возникли новые политические единства, которые сначала имели неопределённое существование и только с течением времени приобрели особенности единого юридического лица. Советское государство в определённых отношениях очень категорически боролось за своё «правопреемство»». Авторы дают перечень тех прав, правопреемниками которых большевики себя признают (по отношению к территории, межгосударственным договорам, имуществу прежней России, находящемуся за границей и т.д.). Признавая за собою все права, которые принадлежали Императорской России, Советское государство не признаёт себя обязанным уплачивать долги, совершённые царским правительством, а равно и вознаграждать иностранцев за национализированное их имущество.

Эта точка зрения большевиков привела к тому, что конференция в Генеу 1922 года, на которой предполагалось признание *de jure* Советского государства, не привела к ожидавшемуся Ллойд Джорджем результату. На требование платить долги и вознаградить за национализированное имущество большевики ответили патетической декларацией, в которой они требовали вознаграждение за убытки, причинённые интервенцией англичан и французов. Эти убытки, не без юмора заявили большевики, создают гораздо более бесспорное право на вознаграждение, чем притязания бывших владельцев имущества в России или владельцев русских займов, владельцев, принадлежащих к народам, которые победили в Мировой войне, и получили от побеждённых колоссальные контрибуции. Общее соглашение с большевиками не состоялось, но с Германией большевикам тогда же удалось заключить договор в Рапалло, согласно которому Германия признала Советское государство *de jure*, отказалась от требования долгов и возмещения убытков, причинённых её гражданам, и завязала прочные торговые и политические отношения, которые длятся до сего дня. Вопрос же о том, соответствует ли это теории учебников о преемственности в международном праве, не только большевики, но и Германия оставили, по-видимому, на размышление профессоров».¹

Наиболее жёсткий вариант обретения независимости избрала Литва. 11 марта 1990 г. новоизбранный Верховный Совет Литвы единогласно принял Акт о восстановлении независимости Литовского государства, о выходе Литвы из СССР. Одновременно законом прекращалось действие Конституции Литовской ССР 1978 г. и Конституции СССР 1977 г., всех других союзных законов, восстанавливалось действие Конституции Литвы 1938 г., за исключением некоторых разделов. Тридцатого марта 1990 г. Верховный Совет

¹ Фридштейн В.С. Советское государство и международное право // Закон и Суд: Вестник Русского юридического общества. – Рига, 1932. – № 10 (30). – Стб. 989-991.

Эстонской ССР принял постановление «О государственном статусе Эстонии», в котором говорилось, что Эстонской ССР как таковой не существует, а есть оккупированная Советским Союзом территория, на которой установлена незаконная власть и объявлен переходный период к восстановлению фактической независимости Эстонской республики. В постановлении Верховного Совета Эстонии «О программе деятельности Верховного Совета Эстонской республики в переходный период до восстановления независимости Эстонской республики и о временном порядке управления», принятым в мае 1990 г., отмечалось, что «...В переходный период органы государственной власти, государственного управления, органы суда и прокуратуры Эстонии прекращают отношения подчинённости соответствующим органам СССР. Продолжающие осуществлять на территории Эстонии власть СССР учреждения и организации считаются незаконными институтами оккупационной власти, деятельность которых оказывается возможной, опираясь на силу... Эстонская республика не согласовывает своё конституционное устройство и законодательство с Основным Законом и законодательством СССР».

4 мая 1990 г. Верховный Совет Латвийской ССР утвердил Декларацию о государственной независимости Латвии, по которой СССР рассматривался как государство, аннексировавшее территорию Латвии. Декларация возобновила действие основополагающих статей Конституции Латвии 1922 г., определяющие её государственно-правовой статус (статья 1. Латвия является независимой демократической республикой), продолжали действовать все законодательные акты Латвийской ССР, если они не противоречили четырём статьям Конституции Латвии 1922 г. Для перехода к полной независимости был объявлен переходный период, завершившийся созывом Сейма Латвии.

Приняв декларации о государственной независимости, руководство прибалтийских республик обратилось к мировому сообществу с просьбой о признании их независимости, с предложением к союзному руководству признать односторонне объявленную, без проведения референдума независимость этих республик. При этом Верховные Советы продолжали принимать антиконституционные, сепаратистские законы, игнорируя законы СССР. Руководство прибалтийских республик, особенно Литвы, пыталось решить проблему обретения независимости односторонним, радикальным путём, игнорируя законный порядок выхода, не считаясь с законными интересами 280-миллионного Союза, с обязательствами перед ним, с волей и интересами значительной части населения, преимущественно русского, самих республик, отказываясь от проведения референдума о независимости. Городские Советы северо-восточных регионов Эстонии (где проживало около трети населения республики, почти 90% жителей этого региона были русские, которых не устраивала перспектива превращения в дискриминируемое национальное меньшинство в независимой Эстонии) – Силламяэ, Кохтла-Ярве, Нарвы – признали постановление о государственном статусе Эстонии, которое игно-

пировало интересы русских граждан республики, незаконным, не подлежащим исполнению в этих городах. По мнению городских депутатов, выход Эстонии из состава СССР возможен лишь в соответствии с законами СССР и на основе референдума всего населения республики.

Верховный Совет СССР в апреле 1990 г. принял закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». ¹ Согласно этому закону решение о выходе союзной республики из СССР считалось принятым посредством референдума, если за него проголосовало не менее две трети граждан СССР, постоянно проживающих на территории республики к моменту постановки вопроса о её выходе из СССР и имеющих право голоса согласно законодательству Союза ССР. Причём в автономиях, в местах компактного проживания национальных групп, составляющих большинство населения данной местности, референдум проводится отдельно, то есть при определении итогов референдума результаты голосования по этим местностям учитываются отдельно. Эта норма была направлена на защиту интересов национальных меньшинств (в том числе и русских) в союзных республиках (границы которых были установлены произвольно, без учёта демографического состава), которым угрожала участь дискриминируемого национального меньшинства в этнократических независимых республиках: на северо-востоке Эстонии преобладало русское население; в Вильнюсском крае и Клайпеде Литвы проживало почти всё русское и польское население Литвы; в Тирасполе (центр Приднестровской Молдавской республики) население на 87% русскоязычное и т.д.

Закон устанавливал переходный период, не превышающий пяти лет, в течение которого должны быть решены вопросы, возникающие в связи с выходом союзной республики из СССР: судьба находящейся на территории республики общесоюзной собственности (предприятий базовых отраслей промышленности, энергетики, связи, транспорта, трубопроводов, имущества Вооружённых Сил СССР, оборонных объектов, собственность общесоюзных общественных организаций); материально-финансовые расчёты; порядок выплаты своей доли по внешнему долгу СССР; статус территорий, не принадлежавших выходящей республике на момент её вступления в СССР (например, Вильнюсский край, Клайпеда; Верховный Совет Литвы, восстановив действие Конституции 1938 г., должен был переехать в Каунас, в тогдашнюю столицу Литвы). Гражданам СССР, проживающим на территории выходящей республики, предоставлялось право выбора гражданства, места жительства и работы. Выходящая республика обязывалась компенсировать все издержки, связанные с переселением граждан из пределов республики. Разно-

¹ Закон СССР от 03 апреля 1990 г. № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 15. – Ст. 252.

гласия должны были решаться согласительной комиссией из представителей республик и центра. В переходный период на территории выходящей республики сохраняли своё действие Конституция и законы СССР. На протяжении всего переходного периода выходящая республика не являлась субъектом международного права.

В последний год по требованию не менее одной десятой части граждан СССР, постоянно проживающих на территории республики и имеющих право голоса согласно законодательству СССР, обязательно проведение повторного референдума. В случае, если за подтверждение решения о выходе союзной республики из СССР проголосовало не менее двух третей избирателей республики, решение о выходе союзной республики из СССР считается принятым окончательно. Выход союзной республики из СССР считается состоявшимся с момента принятия Съездом народных депутатов СССР решения об окончательном выходе республики из Союза ССР, внося соответствующие изменения в Конституцию СССР.

Последовательный курс прибалтийских республик, Армении, Грузии и Молдовы на независимость ещё не вёл неизбежно к распаду СССР. В азиатских республиках Средней Азии, Казахстане и славянских республиках – РСФСР, Белорусской ССР и Украинской ССР (кроме трёх западных областей) не было влиятельных сторонников отделения от СССР.¹ Дальнейший распад СССР стал результатом борьбы за власть между высшими органами государственной власти СССР и РСФСР, команды президента РСФСР Б.Н. Ельцина (с идеей «суверенитета РСФСР») и команды президента СССР М.С. Горбачёва. Идея суверенитета РСФСР, выдвинутая радикальной советской интеллигенцией, лишённой национального сознания, осознания национально-государственных интересов, привела к окончательному распаду СССР и складывающейся веками Российской империи. В 1990-1991 гг. происходила «война

¹ «Есть более, чем достаточно оснований утверждать, что если бы не перестройка, не горбачёвская революция сверху, союз, по крайней мере единство всех русских – и великороссов, и малороссов, и белорусов, – единство славянских и азиатских республик сохранился бы надолго, по крайней мере ещё на два десятилетия... За распадом СССР было много серьёзных объективных причин. Но никакой неотвратимости в гибели СССР именно в 1991 году и именно таким путём, путём гибели центра не было... Окажись на месте Горбачёва другой член Политбюро, не выпускник МГУ, симпатизирующий либеральной интеллигенции, не скрытый “шестидесятник”, история нашей страны могла сложиться по-другому... СССР распался не только из-за перестройки Горбачёва, но и из-за того, что среди членов ГКЧП, как писал Георгий Шахназаров, «не было признанного вождя, готового пойти до конца, взять на себя ответственность за кровопролитие. Ни один заговор не увенчается успехом, если не находится человек, без колебаний отдающий приказ: “Пли!”. Абсурд ГКЧП ещё раз доказывает, что главная причина распада СССР состояла в нежелании и одновременно неспособности русской нации, ядра государства удержать центробежные силы, спасти единство страны». – Цинко А.С. Перестройка как русский проект: Отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя. С. 110-111.

законов» между РСФСР и союзным центром. Причём РСФСР стали называть Россией, хотя именно СССР – это и есть историческая Россия, геополитический преемник Российской империи, а РСФСР – искусственное государственное образование большевиков в границах примерно Московской Руси до Петра. В центре страны сложилось фактическое двоевластие: существовать параллельно два президента, два правительства, два Съезда Советов, два Верховных Совета долго не могли.

Ключевым моментом распада СССР, по мнению наблюдателей (например, проф. С.В. Волкова), стал Новый союзный договор, условия которого не оставляли места для сохранения государственного единства: с таким объёмом полномочий центра (это даже не «конфедерация») существование государства невозможно. ГКЧП пытался помешать заключению этого договора, намеченному на 20 августа 1991 г. Собственно, главным рычагом дезинтеграции и стала идея о «необходимости» нового союзного договора. Причём считалось, что «старого» уже как бы не существовало, и те республики, кто не подпишут новый, автоматически оказываются вне Союза. Основой же такой разрушительной идеи (и, соответственно, самой дезинтеграции) стало положение о «первичности республик», которые, якобы и «создали Союз». Это абсолютно не соответствовало историческим реалиям. Это «республики» были созданы в большевистской Москве для реализации «ленинской национальной политики». Закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» 1990 г. не соблюдался. Все «республики» вышли из СССР не «законно», а просто на основании собственных деклараций о суверенитете. Это было воспринято подготовленной идеей «первичности» республик «общественным мнением» абсолютно нормально. Заметим, что подобный сценарий дезинтеграции актуален и для Российской Федерации, которая вдруг в начале 1992 г. обнаружила себя созданной не как-нибудь, а «субъектами федерации», которые заключили «Федеративный договор», «добровольно передав часть своих полномочий центру», и с которыми последний должен вести переговоры «о разграничении полномочий». Последние лет 15 это как-то не принято было акцентировать, но устройство-то осталось прежним, и при желании ничего не стоит сместить акцент на «первичность субъектов». Российская Федерация (РСФСР) отказалась стать продолжателем исторической России и как-то ассоциироваться с русским народом, и, как и СССР стала государством без титульной нации.

В отличие от государств Восточной Европы в СССР к концу советской эпохи, в результате которой сменилось три поколения людей (утративших элементарные навыки самоорганизации, способности к инициативе, к социальному и политическому творчеству), не оказалось русской национальной элиты, обладающей развитым национальным самосознанием, здравым смыслом, чувством ответственности за сохранение и процветание своей страны, своей нации, осознающей национально-государственные интересы и пре-

емственность со старой, дореволюционной Россией, способной осуществить безболезненный, эволюционный уход от дряхлеющего коммунистического режима и утопического эксперимента. Эта элита была истреблена, изгнана ещё в двадцатые годы. Распаду СССР способствовали ослабление русского народа, падение его авторитета, невысокий уровень национального самосознания у большинства русских, который скреплял СССР, но не являлся государственно образующим народом. Русский народ не стал субъектом власти, а СССР русским национальным государством (как не был и колониальной империей, в которой метрополия эксплуатирует колонии), а с учётом снижения рождаемости и даже депопуляции русских с начала 60-х гг. XX в., реальной была перспектива тюркско-мусульманского СССР. Отсюда наша страна оказалась обречена на мучительный и болезненный выход из коммунизма.

Августовская революция 1991 г. дала мощный толчок распаду СССР. Центральная власть была парализована и бессильна остановить разбегание республик. Ранее независимость провозгласили Литва и Грузия. 20 августа о независимости объявила Эстония, 21 августа – Латвия. С 24 августа по 9 сентября 1991 г. о своей независимости объявили 7 республик и обратились к мировому сообществу за её признанием. К декабрю 1991 г. не объявляли о выходе из СССР только две республики – РСФСР и Казахская ССР.

5 сентября 1991 г. последний пятый Съезд народных депутатов СССР принял конституционный закон «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период».¹ В переходный период «для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики» образовывался Государственный Совет (Госссовет), состоящий из президента СССР и глав союзных республик, выразивших желание войти в Союз. Решения этого органа носили обязательный характер. «Для координации управления народным хозяйством, согласованного проведения экономических реформ» союзными республиками на паритетных началах создавалось некое подобие правительства – Межреспубликанский экономический комитет. Съезд принял решение об образовании «конфедеративного» двухпалатного Верховного Совета СССР, формируемого из делегаций республик. Высшие органы государственной власти союзных республик наделялись правом приостанавливать на своей территории действие законов, принимаемых Верховным Советом СССР. Закон устанавливал, что «положения Конституции СССР действуют в части, не противоречащей закону». Изменения Конституции СССР, принятые Верховным Советом СССР, вступают в действие после их ратификации парламентами союзных республик. Съезд в своём постановлении «О мерах, вытекающих из совместного Заявления Президента СССР и высших руководите-

¹ Закон СССР от 05 сентября 1991 г. № 2392-I «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 37. – Ст. 1082.

лей союзных республик и решений внеочередной сессии Верховного Совета СССР»¹ постановил фактически признать декларации о независимости союзных республик, чем фактически уничтожил СССР как государство. Вместе с тем постановление отмечало: «Уважая декларации о суверенитете и акты о независимости, принятые республиками, Съезд подчёркивает, что обретение независимости республиками, решившимися отказаться от вхождения в новый Союз, требуют проведения их переговоров с СССР для решения всего комплекса вопросов, связанных с отделением» (п. 7).

В первый же день после окончания съезда, 6 сентября 1991 г., Государственный Совет СССР признал независимость республик Прибалтики – Литвы, Латвии и Эстонии. Эти поспешные антиконституционные акты не учитывали интересы СССР и права русских жителей Прибалтики. Законодательные акты Прибалтийских республик 90-х годов нарушали права русских людей, оказавшихся волею судеб в этих республиках. 5 октября 1991 г. Совет глав Балтийских государств обратился к руководству СССР незамедлительно вывести войска СССР из Латвии, Литвы и Эстонии, не учитывая проблемы обустройства выводимых воинских частей.

Двоевластие в РСФСР было преодолено ценой уничтожения СССР, упразднением союзных органов власти в результате Беловежских соглашений от 8 декабря 1991 г. о роспуске СССР и создании Содружества Независимых Государств с совещательно-координационными функциями и без каких-либо законодательных, исполнительных и судебных органов. Это явно не Британское содружество наций. В результате русский народ стал самым крупным разделённым народом, подвергающимся дискриминации в этнократических режимах. Белорусы, русские (великороссы), украинцы (за исключением галичан – населения западноукраинских территорий, никогда ранее не входивших в Российскую империю и принадлежавших до 1939 г. Польше) составляют единый народ, органическую общность с единой религией, культурой и происхождением, распад которой на отдельные государства представляет самую большую трагедию. Советская (антирусская) конструкция «трёх братских восточнославянских народов» – русских, украинцев и белорусов (с таким же успехом можно утверждать, что есть три братских народа – русские, уральцы, сибиряки) привела к расчленению русского мира, насильственной дерусификации, ассимиляции русских и превращению их в патентованных русофобов под фальшивым предлогом, что украинцы якобы не русские, а Украина не Россия. Современная Украина – это целиком и полностью конструктор советского времени и коммунистического режима. Это от

¹ Постановление Съезда народных депутатов СССР о мерах, вытекающих из совместного Заявления Президента СССР и высших руководителей союзных республик и решений внеочередной сессии Верховного Совета СССР (№ 2391-1 от 5 сентября 1991 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 37. – Ст. 1081.

Ленина и Сталина она получила свою территорию. Это от Сталина она получила насильственную украинизацию образования и управления. Зачем три русских государства, тем более что два из них (Украина и Белоруссия) могут владеть жалкое существование лишь за счёт третьего – исторической России в форме Российской Федерации. Спустя тридцать лет стало очевидным, что не следовало держаться за сохранение всей огромной страны – с Прибалтикой, Кавказом и Средней Азией, но при этом единство с Украиной, Белоруссией и Казахстаном не терять ни в коем случае.

К сожалению, в российской историко-правовой науке и спустя сорок лет после защиты диссертации Н.Ю. Кузнецовой до сих пор не появилось юридического исследования о правовой эволюции доминионов Британской империи. Она не была опубликована и осталась практически неизвестной отечественному читателю. Иногда в научной литературе встречаются только ссылки на опубликованные статьи Натальи Юрьевны. Позднесоветский и постсоветский периоды ознаменовались только историко-правовыми исследованиями эволюции канадского и австралийского федерализма.¹ В россий-

¹ *Осавелюк А.М.* Конституция Канады: основные положения, особенности эволюции: дис. ... канд. юрид. наук: (12.00.02); [Всесоюзный юрид. заочный ин-т]. – М., 1985. – 190 с.; *Осавелюк А.М.* Новая Конституция Канады и проблемы федерализма // Вопросы территориально-политического устройства государства в развитии политической системы общества: межвуз. сб. науч. трудов. – Свердловск: СЮИ, 1990. – С. 148-157; *Козлова Н.Ю.* Конституционное развитие Канады (1867-1967 гг.). Историко-юридическое исследование. – М., 1984. – Деп. в ИНИОН РАН 28.02.84, № 15836; *Денека И.М.* Канадский федерализм в контексте взаимоотношений федерального центра и провинций: [монография] / И.М. Денека; М-во образования Рос. Федерации, Пятиг. гос. лингвист. ун-т, Ставроп. фил. – Пятигорск: Пятиг. гос. лингвист. ун-т, 2003. – 190 с.; *Денека И.М.* Канадский федерализм в контексте взаимоотношений федерального центра и провинций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Ин-т государства и права РАН. – М., 2004. – 28 с.; *Тимашиова Т.Н.* Канадская модель федерализма: (Монография). – М.: Анкил, 2002. – 124, [2] с.; *Тимашиова Т.Н.* Канадский опыт конституционного развития // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 4. – С. 10-19; *Симаева Е.П.* Акт о Британской Северной Америке 1867 года в правовой системе Канады: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Волгогр. акад. МВД России. – Волгоград, 2006. – 26 с.; *Донцов П.В.* Акт о Британской Северной Америке 1867 г. как ключевой этап развития государственности Канады // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 1(44). – С. 98-110; *Донцов П.В.* Государственность Канады: становление и современное состояние: монография. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2012. – 240 с.; *Донцов П.В.* Конституционные основы международной правосубъектности Канады // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 2 (9). – С. 341-353; *Ившина И.Н.* Становление и развитие канадского федерализма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2004. – 22 с.; *Ившина И.Н.* Становление и развитие канадского федерализма / И.Н. Ившина; Федеральное агентство по образованию, Вятский гос. гуманитарный ун-т. – Киров: ВятГУ, 2007. – 179 с.; *Гуляков А.Д., Саломатин А.Ю.* Пути формирования канадского федерализма (исто-

ской историко-правовой науке имеется лишь два исследования о правовой эволюции доминионов Британской империи: монография профессора С.А. Корфа «Автономные колонии Великобритании» 1914 г. и диссертация Н.Ю. Кузнецовой «Зарождение и развитие статуса доминиона в британских владениях» 1980 г. Кафедра истории государства и права к 85-летнему юбилею публикует диссертационное исследование Н.Ю. Кузнецовой и автореферат диссертации.

Источники и использованная литература:

1. Акт об унии Канады, Новой Шотландии и Нового Брауншвейга, об управлении и о других связанных с сим предметах 28 марта 1867 г. // *Современные конституции: Сборник действующих конституц. актов / Пер. под ред. и с вступит. очерками пр.-доц. В.М. Гессена и доц. бар. Б.Э. Нольде. Т. II: Федерации и республики.* – СПб.: Кн. скл. «Право», 1907. – С. 197-233.
2. Дело о защите кандидатской диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук Кузнецовой Натальи Юрьевны «Зарождение и развитие статуса доминиона в британских колониях» // *Архив УрГЮУ. Л. 1-137.*
3. Закон СССР от 03 апреля 1990 г. № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» // *Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР.* – 1990. – № 15. – Ст. 252.
4. Закон СССР от 05 сентября 1991 г. № 2392-1 «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» // *Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР.* – 1991. – № 37. – Ст. 1082.
5. Конституция Австралии // *Современные конституции: Сборник действующих конституц. актов / Пер. под ред. и с вступит. очерками пр.-доц. В.М. Гессена и доц. бар. Б.Э. Нольде. Т. II: Федерации и республики.* – СПб.: Кн. скл. «Право», 1907. – С. 1-51.
6. Постановление Съезда народных депутатов СССР о мерах, вытекающих из совместного Заявления Президента СССР и высших руководителей союзных республик и решений внеочередной сессии Верховного Совета СССР (№ 2391-1 от 5 сентября 1991 г.) // *Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР.* – 1991. – № 37. – Ст. 1081.
7. *Авдеева О.А., Макеева Н.В.* Канадский федерализм: особенности формирования // *Вестник Пензенского гос. ун-та.* – 2015. – № 3 (11). – С. 103-107.
8. *Алексеев А.С.* К учению о юридической природе государства // *Русская мысль.* – 1894. – Ноябрь. – С. 56-88.

рико-государствоведческое исследование) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки.* – 2015. – № 2 (34). – С. 5-16; *Авдеева О.А., Макеева Н.В.* Канадский федерализм: особенности формирования // *Вестник Пензенского гос. ун-та.* – 2015. – № 3 (11). – С. 103-107; *Мочалов А.Н.* Сравнительное конституционно-правовое исследование федеративных систем Российской Федерации и Австралийского Союза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Мочалов Артур Николаевич; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. – Екатеринбург, 2009. – 26 с.; *Мочалов А.Н.* Сравнительный федерализм России и Австралии. – Екатеринбург: Изд-во Уральского института экономики, управления и права, 2012. – 208 с.; *Цыремпилова Е.Б.-М.* Порядок разграничения компетенции между Союзом и штатами в Австралии: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Цыремпилова Елена Бато-Мунхоевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»]. – Улан-Удэ, 2019. – 192 с.

9. *Алексеев А.С.* Начало верховенства права в современном государстве // Вопросы права. – 1910. – Кн. II. – С. 5-16.
10. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. – 635 с.
11. *Алексеев Н.Н.* Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. Вып. I. – М.: Моск. науч. изд-во, 1920. – 208, [1] с.
12. *Бахтурина А.Ю.* Российское революционное движение и Великое княжество Финляндское (1905-1908гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». – 2009. – № 17. – С. 59-69.
13. *Берендтс Э.Н.* Лекции по административному праву Великого княжества Финляндского, читанные в Императорском С.-Петербургском университете в 1901-1902 учебном году: Т. 1-2 / Э.Н. Берендтс, орд. проф. Имп. С.-Петерб. ун-та. – СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – Т. 1. – XIV, [2], 300 с.; Т. 2. Главные органы управления в Финляндии. – [6], 275, [2] с.
14. *Берендтс Э.Н.* По поводу воззваний иностранных учёных относительно прав Финляндии. – СПб. Гос. тип., 1910. – [2], 32 с.
15. *Богомолов С.А.* Государственное управление в империях: Великобритания и Россия в XVI – XIX веках. – Ульяновск: УлГУ, 2007. – 335 с.
16. *Богомолов С.А.* Имперская идея в Великобритании в 70-80-е гг. XIX века. – Ульяновск: УлГУ, 2000. – 300 с.
17. *Бородкин М.М.* Финляндия в русской печати: Материалы для библиографии, собранные М. Бородкиным. – СПб.: Гос. тип., 1902. – [10], 333 с.
18. *Бородкин М.М.* Финляндская окраина в составе Русского государства. – СПб.: Государственная типография, 1910. – 121 с.
19. *Бородкин М.М.* Финляндский вопрос. – СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1905. – 62, III с.
20. *Брендон П.* Упадок и разрушение Британской империи. 1781-1997 / Пирс Брендон; [пер. с англ. М.В. Жуковой]. – М.: АСТ, 2010. – 957, [1] с.
21. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: Росспэн, 1997. – 373, [2] с.
22. *Буровский А.М.* Великая Гражданская война 1939-1945. – М.: Яуза; Эксмо, 2009. – 493, [1] с.
23. *Веснин А.Н.* Британская имперская федерация и английские торговые интересы. – СПб.: Тип. В. Киришаума, 1900. – [4], 99 с.
24. *Волков С.В.* Исторический опыт Российской империи // Преемственность и возрождение России. Сб. статей. – М.: Посев, 2001. – С. 115-135.
25. *Волков С.В.* О коммунистической «державности» // Преемственность и возрождение России. Сб. статей. – М.: Посев, 2001. – С. 175-188.
26. *Волков С.В.* Прерванная традиция. «Земшарная республика» вместо «Единой и Неделимой» // *Волков С.В.* Почему РФ – не Россия [Электронный ресурс] // URL: <https://SWolkov.org> Прерванная традиция (дата обращения: 20.10.2018).
27. *Волков С.В.* Элитные социальные группы и государственная служба в России. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке; Университет Дмитрия Пожарского, 2021. – 408 с.
28. *Германсон Р.Ф.* Государственно-правовое положение Финляндии. Вып. 2. – СПб.: Гос. тип., 1892. – 283 с.
29. *Гессен В.М.* Теория правового государства // Политический строй современных государств. Сб. статей. Т. I. – СПб.: Изд. кн. П.Д. Долгорукова и И.И. Петрункевича при участии редакции газеты «Право», 1905. – С. 117-187.
30. *Горенберг М.Б.* Теория союзного государства в трудах современных публицистов

- Германии. – СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1891. – С. 210 и сл. – [4], VI, 223 с.
31. *Грудзинский В.В.* Великобритания и её доминионы в последней трети XIX – первой четверти XX веков: идейно-политическая эволюция и проблема имперского единства: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.03 / Санкт-Петербург. ун-т. – СПб., 1997. – 40 с.
 32. *Грудзинский В.В.* Великобритания и её империя в середине XIX в.: либерализм и проблемы модернизации. – Челябинск: Энциклопедия, 2015. – 220 с.
 33. *Грудзинский В.В.* На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. – 310 с.
 34. *Гуляков А.Д., Саломатин А.Ю.* Пути формирования канадского федерализма (историко-государствоведческое исследование) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 2 (34). – С. 5-16.
 35. *Дэйси А.В.* Основы государственного права Англии. (Introduction to the study of the law of the constitution): введение в изучение английской конституции / А.В. Дэйси; перевод, дополненный по 6-му английскому изданию О.В. Полторацкой; под редакцией П.Г. Виноградова. – Издание второе. – М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1907. – С. 127. – XXXVI, 671 с.
 36. *Данилов С.Ю.* Эволюция канадского федерализма. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 303, [1] с.
 37. Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1968. – XXII, 903 с.
 38. *Денека И.М.* Канадский федерализм в контексте взаимоотношений федерального центра и провинций: [монография] / И.М. Денека; М-во образования Рос. Федерации, Пятиг. гос. лингвист. ун-т, Ставроп. фил. – Пятигорск: Пятиг. гос. лингвист. ун-т, 2003. – 190 с.
 39. *Денека И.М.* Канадский федерализм в контексте взаимоотношений федерального центра и провинций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Ин-т государства и права РАН. – М., 2004. – 28 с.
 40. *Дионео (Шкловский И.В.).* Очерк конституции британских колоний // Политический строй современных государств. Сб. статей. Т. II. – СПб.: Изд. князя П.Д. Долгорукова и И.И. Петрункевича, 1906. – С. 283-318.
 41. *Донцов П.В.* Акт о Британской Северной Америке 1867 г. как ключевой этап развития государственности Канады // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 1(44). – С. 98-110.
 42. *Донцов П.В.* Государственность Канады: становление и современное состояние: монография. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2012. – 240 с.
 43. *Донцов П.В.* Конституционные основы международной правосубъектности Канады // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 2 (9). – С. 341-353.
 44. *Дурденевский В.Н.* Иностранное конституционное право в избранных образцах (с прил. текстов конституций). – Л.: Гос. изд-во, 1925. – 261, [2] с.
 45. *Евсеев Т.П.* От общины к сложной государственности в античном Средиземноморье. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2005. – 264 с.
 46. *Елистратов А.И.* Очерк государственного права: (Конституционное право). – 2-е изд., перераб. – М.: Тип. «Мысль», 1915. – [4], 166, [1] с.
 47. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве (по изданию 1903 г.) / Пер. с нем. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 752 с.
 48. *Ерофеев Н.А.* Английский колониализм в середине XIX века: Очерки / Н.А. Ерофеев; АН СССР, Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 1977. – 256 с.

49. *Ерофеев Н.А.* Закат Британской империи. – М.: Мысль, 1967. – 279 с.
50. *Ерофеев Н.А.* Империя создавалась так...: Английский колониализм в XVIII веке. – М.: Наука, 1964. – 175 с.
51. *Жилин А.А.* Очерк организации управления Британской Индийской империи / Прив.-доц. А.А. Жилин. – Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира АО Н.Т. Корчак-Новицкого, 1908. – [2], 16 с.
52. *Жилин А.А.* Теория союзного государства: Разбор главнейших направлений в учении о союзном государстве и опыт построения его юридической конструкции. – Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1912. – 354, VI с.
53. *Жилин А.А.* Учебник государственного права (Пособие к лекциям). Ч. 1 / А.А. Жилин, проф. Петрогр. ун-та. – Пг.: Тип. Б.М. Вольфа, 1916. – [4], 430 с.
54. *Заболотный В.М.* «Имперский консенсус» первой половины XX в.: последняя попытка Англии предотвратить распад Британской империи // Научный журнал. – 2012. – № 1. – С. 41-49.
55. *Захарова О.В.* Имперская стратегия британского парламента в Канаде: 1921-1931 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Владимир. гос. пед. ун-т. – Владимир, 2006. – 23 с.
56. *Зимулина Л.А.* Борьба английских доминионов за расширение политических прав в 1923-1929 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. обл. пед. ин-т им. Н.К. Крупской. – М.: [б. и.], 1967. – 18 с.
57. *Зимулина Л.А.* Становление государственного суверенитета британских доминионов (1914-1931 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.03. – М., 1995. – 19 с.
58. *Зимулина Л.А.* Эволюция национальной государственности британских доминионов // Британская империя в XX веке / Под ред. А.М. Пегушева, Е.Ю. Сергеева. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010. – С. 72-80.
59. *Ивановский В.В.* О государстве, власти и праве с социолого-психологической точки зрения // Журнал министерства юстиции. – 1916. – № 4. – С. 118-120.
60. *Ивановский В.В.* Учебник государственного права. Изд. 3-е. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1910. – 500 с.
61. *Ившина И.Н.* Становление и развитие канадского федерализма / И. Н. Ившина; Федеральное агентство по образованию, Вятский гос. гуманитарный ун-т. – Киров: ВятГГУ, 2007. – 179 с.
62. *Ившина И.Н.* Становление и развитие канадского федерализма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2004. – 22 с.
63. *Ившина И.Н.* Становление суверенитета Канады в рамках Британской империи и Объединённого содружества Наций (1867-1982 гг.) // Вестник Вятского государственного университета. – 2007. – № 1 (16). – С. 76-81.
64. *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского Императора (по изданию 1913 г.). – М.: Москва, 1999. – 512 с.
65. *Калашиков М., Бунтовский С.* Независимая Украина: Крах проекта. – М.: Фолио, 2009. – 416 с.
66. *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право // *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. – СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 1999. – С. 5-414.
67. *Козлова Н.Ю.* Конституционное развитие Канады (1867-1967 гг.). Историко-юридическое исследование. – М., 1984. – Деп. в ИНИОН РАН 28.02.84, № 15836.
68. *Кокотов С.А.* Становление Канады как суверенного государства: от доминиона к королевству // Сервис в России и за рубежом. – 2015. – Т. 9. – № 1. – С. 134-147.
69. *Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. – 2-е изд. – М.: Бр. Башмаковы, 1912. – V, [3], 306 с.

70. *Кокошкин Ф.Ф., Вышеславцев Б.П.* Австро-Венгрия // Политический строй современных государств. Сб. статей. Т. II. – СПб.: Изд. князя П.Д. Долгорукова и И.И. Петрункевича, 1906. – С. 191-219.
71. *Коркунов Н.М.* Великое Княжество финляндское // Юридическая летопись. – 1890. – № 4. – С. 317-329.
72. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 1: Введение и общая часть. – 7-е изд., без перем.; под ред. и с доп. приват-доц. С.-Петг. ун-та З.Д. Авалова, М.Б. Горенберга, К.Н. Соколова. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – 623 с.
73. *Корф С.А.* Автономные колонии Великобритании / Бар. С.А. Корф, проф. Имп. Александр. ун-та в Гельсингфорсе. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1914. – VII, [3], 453 с.
74. *Корф С.А.* Библиография. Новая книга по государственному праву (*Жилин А.А.* Теория союзного государства. – Киев, 1912) // Право. – 1912. – № 52. – Столб. 2897.
75. *Корф С.А.* Государственный строй Австралии // Вопросы права. – 1912. – Кн. XI (III). – С. 1-88.
76. *Корф С.А.* Государственный строй Австралии. – М.: Т-во типо-лит. В. Чичерин, 1912. – [1], 98 с.
77. *Корф С.А.* Государственный строй автономных колоний Великобритании. Доклад на заседании С.-Петербургского юридического общества 15 декабря 1910 г. / Право. – 1911. – № 6. – Столб. 359-367.
78. *Корф С.А.* Государственный строй Канады // Вопросы права. – 1911. – Кн. V (I). – С. 30-103.
79. *Корф С.А.* Государственный строй Канады. – М.: Т-во типо-лит. В. Чичерин, 1911. – 101 с.
80. *Корф С.А.* Государственный строй Новой Зеландии // Известия Министерства иностранных дел. – СПб., 1913. – Книга III. – С. 169-220.
81. *Корф С.А.* Колониальные конференции // Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем. – 1911. – № 4 (X). – Ярославль, 1911. – С. 626-669.
82. *Корф С.А.* Колониальные конференции. – Ярославль: Тип. Губ. правл., 1911. – 46 с.
83. *Корф С.А.* Общеперское законодательство Великобритании // Право. – 1912. – № 5. – Столб. 266-273; № 6. – Столб. 315-323;
84. *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблема правового государства. – М.: Изд. Г.А. Лемана, С. И. Сахарова, 1915. – [2], 417, [2] с.
85. *Котляревский С.А.* Конституционное государство (по изданию 1907 г.) // *Котляревский С.А.* Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных Законов / Под ред. и с предисл. д.ю.н., проф. В.А. Томсинова; МГУ им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак. – М.: Зерцало, 2004. – С. 3-208.
86. *Крэмб Дж. А.* Германия и Англия / Пер. с англ. (по изданию 1915 г.) // *Сили Дж. Р., Крэмб Дж. А.* Британская империя. – М.: Алгоритм: ЭКСМО, 2004. – 442, [2] с. (Серия «Имперское мышление»)
87. *Кузнецова Н.Ю.* Зарождение статуса доминиона в британских владениях // Конституционное законодательство и государственное управление. Межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 51. – Свердловск: СЮИ, 1977. – С. 137-140.
88. *Кузнецова Н.Ю.* Из истории криминалистики Урала // Правовые исследования. Сборник научных статей. Вып. 6. – Екатеринбург: Изд-во УрЮИ МВД России, 2001. – С. 88-90.
89. *Кузнецова Н.Ю.* Изменение правового статуса британских доминионов в период между Первой и Второй мировыми войнами // Социальное управление и право. Межвуз. сборник работ аспирантов и молодых преподавателей. Вып. 19. – Свердловск: СЮИ, 1976. – С. 149-153.

90. *Кузнецова Н.Ю.* Историография национального суверенитета в советской государственно-правовой науке (40-80-е гг.) // Развитие политико-правовой системы социализма: (история и современность): межвузовский сборник научных трудов / Свердловский юрид. ин-т им. Р.А. Руденко; [редкол.: Б.А. Стародубский (отв. ред.) и др.]. – Свердловск: СЮИ, 1988. – С. 43-49.
91. *Кузнецова Н.Ю.* Некоторые особенности автономии в развитых капиталистических странах // Актуальные и теоретические проблемы политической организации общества. Вып. 43: научные труды. – Свердловск: Изд-во Свердловского юрид. ин-та, 1975. – С. 165-173.
92. *Кузнецова Н.Ю.* Политическая система Британской империи конца XIX – начала XX вв.: проблема самоуправляющихся колоний // Вопросы территориально-политического устройства государства в развитии политической системы общества: межвуз. сб. науч. трудов. – Свердловск: СЮИ, 1990. – С. 119-125.
93. *Кузнецова Н.Ю.* Распад Британской империи и проблема доминионов после второй мировой войны // Политическая организация общества. Межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 56. – Свердловск: СЮИ, 1977. – С. 142-146.
94. *Кузнецова Н.Ю.* Формы колониального управления в Британской империи XIX века // Социальное управление и право. Межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 61. – Свердловск: СЮИ, 1977. – С. 129-133.
95. *Кукушкин В.Е.* Канада и эволюция имперских отношений в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – Пермь, 1994. – 19 с.
96. *Кукушкин М.И.* Теоретико-правовые проблемы государственного суверенитета Российской Федерации // Вопросы теории и практики публичной власти: Коллективная монография / Отв. ред.: А.Н. Кокотов. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2005. – С. 63-78.
97. *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи и Великое княжество Финляндское в 1905-1906 гг.: дискуссии о государственно-правовом статусе Финляндии при подготовке Основных государственных законов 1906 г. // Петербургский исторический журнал. – 2017. – № 1. – С. 126-141.
98. *Кулишер А.М.* Гомруль // Право. – 1914. – № 17. – Стол. 1419-1424.
99. *Кулишер А.М.* Государственное единство Англии и гомруль // Юридический вестник. – М., 1914. – Кн. VI (II). – С. 82-117.
100. *Куплеваский Н.О.* Справка о мнениях 25-ти русских учёных, специалистов права, по вопросу о юридическом положении Финляндии в составе Русской Империи. – СПб.: Гос. тип., 1910. – 40 с.
101. *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. 3-е изд. Т. 1: Конституционное право. – СПб.: Кн. маг. «Право», 1913. – VIII, 672 с.
102. *Лазерсон М.Я.* Догматика и политика в германском государствоведении // Юридический вестник. – 1916. – Кн. XIV (II). – С. 21-25.
103. *Лосский Н.О.* Украинский и белорусский сепаратизм // Север. – 1992. – № 4. – С. 99-103.
104. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Пер. с англ. О.Р. Щёлоковой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 662, [1] с.
105. *Макаров А.Н.* Литературное обозрение // Журнал министерства юстиции. – 1915. – № 4. – С. 341.
106. *Макарова Е.А.* Имперские конференции в системе взаимодействия Британского Содружества наций // Вестник Новгородского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2015. – № 7 (90). – С.117–120.
107. *Макарова Е.А.* Трансформация правового статуса доминионов Британского Содружества наций в первой половине XX века // Правовой статус и правосубъектность

- лица: теория, история, компаративистика. Материалы VIII международной научно-теоретической конференции. – СПб.: ГУАП, 2007. – С. 373-378.
108. *Мехелин Л.* Государственное устройство Швеции и Норвегии // Политический строй современных государств. Сб. статей. Т. II. – СПб.: Изд. князя П.Д. Долгорукова и И.И. Петрункевича, 1906. – С. 220-256.
 109. *Мехелин Л.Г.* К вопросу о ближайшем определении правовых отношений между Россией и Финляндией / Пер. со швед. – Гельсингфорс: АО Г.В. Эдлунд, 1909. – 142 с.
 110. *Мехелин Л.Г.* Конституция Финляндии в изложении местного сенатора Л. Мехелина = *Precis du droit public du grand duché de Finlande / Par. L. Mechelin, membre du Sénat impérial de Finlande, ancien prof. de droit à l'Université d'Helsingfors*; Пер. и доп. примеч. по рус. документам К. Ординым. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1888. – [4], 156 с.
 111. *Мехелин Л.Г.* Разногласия по русско-финляндским вопросам. Критический обзор / Пер. со швед. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1908. – 159 с.
 112. *Мижусев П.Г.* История колониальной империи и колониальной политики Англии. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1902. – [4], 215 с.; 2-е изд., доп. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1909. – [2], 216, 30, [1] с.
 113. *Миронов Б.Н.* Колонизация и её последствия // *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х тт.; 2-е изд., испр. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – Т. 1. – С. 75-322.
 114. *Миронов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. – 640 с.
 115. *Мочалов А.Н.* Сравнительное конституционно-правовое исследование федеративных систем Российской Федерации и Австралийского Союза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Мочалов Артур Николаевич; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. – Екатеринбург, 2009. – 26 с.
 116. *Мочалов А.Н.* Сравнительный федерализм России и Австралии. – Екатеринбург: Изд-во Уральского института экономики, управления и права, 2012. – 208 с.
 117. *Муртазин А.М.* Реформа 1982 г. и принятие Конституционного акта доминииона Канады // Свободомыслие и свобода совести в мировой истории. – Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 2001. – С. 77-82.
 118. Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. – М.: Большая российская энциклопедия, 1994. – 479 с.
 119. *Некрасов Е.В.* Вопрос о государственно-правовом статусе Великого княжества Финляндского в составе Российской империи в дореволюционной отечественной историко-правовой мысли // Вестник Омского университета. – 2010. – № 1. – С. 53-61.
 120. *Нольде Б.Э.* Англия и её автономные колонии / Вестник Европы. – 1906. – Кн. 5 (сентябрь). – С. 5-67.
 121. *Нольде Б.Э.* Начало и конец Шведско-Норвежской унии // Журнал министерства юстиции. – 1906. – № 2 (Февраль). – С. 58-105; № 3 (Март). – С. 1-43.
 122. *Нольде Б.Э.* Очерки русского государственного права. – СПб.: Тип. «Правда», 1911. – [8], 554 с.
 123. От редакции // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 7. – С. 28.
 124. *Осавелюк А.М.* Конституция Канады: основные положения, особенности эволюции: дис. ... канд. юрид. наук: (12.00.02); [Всероссийский юрид. заоч. ин-т]. – М., 1985. – 190 с.
 125. *Осавелюк А.М.* Новая Конституция Канады и проблемы федерализма // Вопросы территориально-политического устройства государства в развитии политической системы общества: межвуз. сб. науч. трудов. – Свердловск: СЮИ, 1990. – С. 148-157.
 126. *Остен-Сакен Вольф.* Государственное правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве = *Die staatsrechtliche Stellung des Grossfürstentums*

- Finnland im Russischen Reiche: Дис. на соиск. учён. степ. д-ра, представл. в Фак. полит. наук Тюбинген. ун-та / Бар. Вольф фон-дер-Остен-Сакен; Пер. с нем., под ред. авт. с некоторыми испр. и доп. – СПб.: Гос. тип., 1910. – 220 с.;
127. *Павлов А.В.* Научно-педагогическая и политическая деятельность С.А. Корфа (1876-1924 гг.) в России и эмиграции: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2006. – 20 с.
128. *Палиенко Н.И.* Суверенитет: Историческое развитие идеи суверенитета и её правовое значение / Н.И. Палиенко, прив.-доц. Демид. юрид. лица. – Ярославль: ТГп. Губ. правл., 1903. – С. 562. – [2], XV, [3], 567, [2] с.
129. *Палиенко Н.И.* Учение о существе права и правовой связанности государства. – Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и с-вья, 1908. – С. 314 и сл. – [4], IV, 342, [1] с.
130. *Парфенов И.Д.* Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века: (Движущие силы, формы и методы). – М.: Наука, 1991. – 188, [2] с.
131. *Пергамент М.Я.* Юридическая природа реальной унии. – Одесса: Тип. Шт. войск Одесс. воен. окр., 1893. – X, 136 с.
132. *Петина Ю.В.* Законодательное оформление внешнеполитического суверенитета Канады // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. – 2009. – Вып. 1. – С. 142-150.
133. *Платонов О.А.* Терновый венец России. История русского народа в XX веке. – М.: «Родник», 1997. – Т. 1. – 1040 с.
134. *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н.И.Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898-1904 гг. – СПб.: Европейский дом, 1997. – 319 с.
135. Прения по докладу С.А. Корфа «Государственный статус автономных колоний Великобритании» в С.-Петербургском юридическом обществе 15 декабря 1910 г. // Право. – 1911. – № 6. – Столб. 366.
136. *Расила В.* История Финляндии. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1996. – 294 с.
137. Русские / Под ред. В.А. Александрова, И.В. Власовой, Н.С. Полищук. – М.: Наука, 2005. – 827, [1] с.
138. *Сергеевский Н.Д.* К вопросу о финляндской автономии и основных законах: Очерки Н.Д. Сергеевского, засл. проф. С.-Петерб. ун-та. – СПб.: Гос. тип., 1902. – [4], 88 с.
139. *Сердюк А.К.* Канадо-английские отношения, 1908-1931 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – М., 1988. – 196 с.
140. *Сили Д.Р.* Расширение Англии: Два курса лекций [проф. Дж.-Р. Сили в Кембридж. ун-те] / Пер. с послед. англ. изд. В.Я. Герда; Под ред. и с примеч. В.А. Герда. – СПб.: О.Н. Попова, 1903. – IV, 239 с.
141. *Симаева Е.П.* Акт о Британской Северной Америке 1867 года в правовой системе Канады: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Волгогр. акад. МВД России. – Волгоград, 2006. – 26 с.
142. *Степанова Н.А.* Великобритания в содружестве наций: прошлое, настоящее, будущее // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № (4) (37). – С. 214-221.
143. *Сухоруков А.В.* Британское содружество наций: прошлое и настоящее // Новая и новейшая история. – 2006. – № 5. – С. 70-85.
144. *Таганцев Н.С.* Высочайший Манифест 1 декабря 1880 г. и Финляндское Уголовное уложение // Юридическая летопись. – 1891. – Т. 1. – С. 97-146; СПб.: Гос. тип., 1910. – 44 с.
145. *Таганцев Н.С.* По поводу предстоящего введения особого уложения для Великого Княжества Финляндии: Записка засл. проф., сенатора Н.С. Таганцева, от 23 июля 1890 г. – СПб.: Гос. тип., 1910. – [2], 25 с.
146. *Тарановский Ф.В.* Энциклопедия права (по изданию 1922 г.). 3-е изд. – СПб.: МВД России. С.-Петерб. ун-т, 2001. – 552, [1] с.

147. *Тарле Е.В.* Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств: (Конец XV – начало XIX в.). – М.; Л.: Наука. [Ленинградское отделение], 1965. – 427 с.
148. *Тимашиова Т.Н.* Канадская модель федерализма: (Монография). – М.: Анкил, 2002. – 124, [2] с.
149. *Тимашиова Т.Н.* Канадский опыт конституционного развития // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 4. – С. 10-19.
150. Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник / Вст. статья и коммент. М.Б. Смолина. – М.: Изд-во журн. «Москва», 1998. – 432 с.
151. *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. – М.: Центрполиграф, 2017. – 319 с.
152. *Филитов И.И.* Государственное устройство Индии. – Ташкент: Электро-печ. при Канц. турк. г.-губ., 1911. – [2], VIII, 346 с.
153. *Фридрих В.С.* Советское государство и международное право // Закон и Суд: Вестник Русского юридического общества. – Рига, 1932. – № 10 (30). – Стб. 989-996.
154. *Халфин Н.А.* Создание и распад Британской колониальной империи / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 106 с.
155. *Цинко А.С.* Перестройка как русский проект: Отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя. – М.: ООО «Издательство Алгоритм», 2014. – 544 с.
156. *Цыремпилова Е.Б.-М.* Порядок разграничения компетенции между Союзом и штатами в Австралии: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Цыремпилова Елена Бато-Мунхоевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»]. – Улан-Удэ, 2019. – 192 с.
157. *Черданцев А.Ф.* Вопросы толкования советского права: Учеб. пособие / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Свердлов. ин-т. – Свердловск: [б. и.], 1972. – 191 с.
158. *Черданцев А.Ф.* Толкование советского права. – М.: Юрид. лит., 1979. – 166 с.
159. *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – 192 с.
160. *Черданцев А.Ф.* Толкование права и договора: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.
161. *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. – М.: Норма, 2012. – 320 с.
162. *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права: Учеб. для вузов. – М.: Юрайт, 1999. – 429 с.
163. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. – М. Типо-лит. Выс. утв. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1894. – VIII, 482, III-IV с.
164. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права (по изданию 1910-1912 гг.). В 2-х тт. Т. 1. Вып. 1. – М.: Юридический колледж МГУ, 1995. – 308 с.
165. *Шило В.Е.* Эволюция канадского федерализма 1982-2000 // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 12. – С. 69-70.
166. *Энсон В.* Английская корона, её конституционные законы и обычаи / Вилльям Энсон, William Anson, проф. Оксфорд. ун-та; Пер. с англ. с примеч. Н. Захарова. – СПб.: Н.К. Мартынов, 1914. – С. 299; – X, 480 с.
167. *Эрих Р.В.* Государственно-правовое положение Финляндии в освещении иностранных юристов: Пер. со швед. / Р. Эрих, д-р прав. – СПб.: Изд. авт., 1908. – 95 с.
168. *Яценко А.С.* Теория федерализма: Опыт синтетич. теории права и государства. – Юрьев: Тип. К. Матисена, 1912. – X, 841 с.

Nasibullin R.A.

Study of Natalia Yurievna Kuznetsova on the legal evolution of British dominions (1865-1980), the problem of sovereignty, legal nature, decay of the British empire and the USSR

The article analyzes the dissertation research of N.Yu. Kuznetsova on the legal evolution of the British dominions (1865-1980). She distinguished three stages of the origin and development of the status of a dominion, traces the tendencies of its registration in the legal acts of Great Britain and dependent countries, in diplomatic and constitutional practice with the extensive use of special literature in English and German. The first stage of the dissertation belongs to the period from the second half of the 19th century to the beginning of the 20th century (the transformation of resettlement colonies into self-governing colonies, the development of self-governing colonies into non-sovereign state formations – dominions), to the second – the period between two World Wars, to the third – the period after the Second World War (the gradual acquisition of international legal subjectivity by the dominions and their transformation into independent states, the exclusion of the concept of “dominion” from official documents). Before the First World War, relations between Great Britain and the dominions were built as intra-imperial, after it – as interstate. Characterized by the doctrine of sovereign and non-sovereign states in Russian pre-revolutionary literature, criticism by a dissertation candidate and pre-revolutionary Russian state scholars, the concept of prof. S.A. Korf, according to which, on the eve of the First World War, the five autonomous colonies of Great Britain were non-sovereign states that were constituent parts of a kind of federation – the British Empire. Before the First World War, dominions were, according to the autor, non-sovereign state entities, whose relations with Great Britain represented a real union or something close to it. The relevance and merits of the study are shown. An attempt is made to compare the evolutionary collapse of the British Empire and the landslide collapse of the USSR into its constituent national republics as a result of the attempt to restructure the communist regime in 1985-1991.

Keywords: N.Yu. Kuznetsova; colonies; dominions; non-sovereign states; professor; act; conferences; United Kingdom; Canada; federation; S.A. Korf; E.V. Lisnevskiy; decay; the USSR.

Nasibullin Rafil Ahnafovich – Candidate of historical sciences, the Associate Professor, the Associate Professor of the Sub-department of history of state and law, Ural State Law University (*Russia*, Yekaterinburg, Komsomolskaya st., 21). *E-mail:* ran.19@yandex.ru

Кузнецова Н.Ю.

**ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СТАТУСА ДОМИНИОНА В
БРИТАНСКИХ ВЛАДЕНИЯХ: АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК¹**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Обоснование темы исследования и её актуальность. После окончания Второй мировой войны в жизни стран и народов, которые находились под властью империалистических держав, произошли коренные изменения. В результате национально-освободительной борьбы народов распались колониальные империи и образовались новые независимые государства. «Окидывая взглядом картину современного мира, – указывал товарищ Л.И. Брежнев, – нельзя не обратить внимания на такой важный момент, как серьёзное усиление влияния государств, которые ещё недавно были колониями или полуколониями».² Великобритания – одна из старейших колониальных держав мира. Британская империя представляла собой самое обширное государственное образование в истории. В.И. Ленин подчёркивал, что «две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке».³ Британский империализм развивался как империализм колониальный. Поскольку статус доминиона вырос в ходе борьбы ряда британских колоний за независимость и образование самоуправляющихся доминионов в Британской империи определённым образом повлияло на распад самой империи, постольку детальное изучение проблемы зарождения и развития статуса доминиона в британских владениях представляется нам весьма важным для науки истории государства и права.

В советской юридической литературе нет монографии, специально посвящённой данной проблематике. Некоторые вопросы, касающиеся правового статуса доминионов на последнем этапе их развития, мимоходом затрагиваются в работах, посвящённых государственному строю Великобритании (работы Б.С. Крылова, Д.Б. Левина, Б.А. Стародубского и др.), и в работах по государственному строю Австралии, Новой Зеландии, Канады, Южно-Африканского Союза (рабо-

¹ Впервые опубликовано: *Кузнецова Н.Ю.* Зарождение и развитие статуса доминиона в британских владениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1980. – 17 с.

Компьютерный набор выполнен студентом Института прокуратуры УрГЮУ Иваном Евгеньевичем Ведиковым. Подготовка публикации к печати кандидата исторических наук, доцента, доцента кафедры истории государства и права УрГЮУ Рафила Ахнафовича Насибуллина.

² *Брежнев Л.И.* Отчёт Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 г. – М.: Политиздат, 1976. – С. 15.

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. – Т. 27. – С. 404-405.

ты И.М. Вайль, А.А. Мишина, А.А. Углова, А. Лидина, Ю.А. Юдина). Очень немного о доминионах говорится в учебниках и учебных пособиях по истории государства и права зарубежных стран. Имеются монография о распаде Британской империи, выполненная коллективом авторов Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, но она представляет, главным образом, анализ социально-экономических проблем всей Британской империи и отдельных доминионов.¹ Ни в одной из этих работ не ставится и не решается вопрос о том, когда и как зародился правовой статус доминиона, какие основные стадии прошёл этот статус в своём развитии.

В русской дореволюционной литературе обращает на себя внимание фундаментальная монография С.А. Корфа, специально посвящённая государственному строю британских самоуправляющихся колоний.² Однако данная работа освещает лишь первоначальный этап в развитии статуса доминионов и написана с позиций буржуазной правовой науки. В английской литературе вопросы, касающиеся тех или иных сторон правового статуса доминиона, затрагиваются во многих работах. Наиболее капитальными и авторитетными среди них являются, несомненно, работы проф. А.Б. Кейза, написанные в разное время и уже поэтому отражающие различные стадии в развитии статуса доминиона.³ Особо следует отметить работу канадского автора, проф. Р.М. Доусона.⁴ Однако эти работы выполнены в характерном для буржуазной науки догматическом плане и носят апологетический характер. Политическая важность проблемы зарождения и развития правового статуса доминионов и неразработанность этой проблемы в советской историко-правовой литературе определяют актуальность темы настоящего исследования.

Методологическая основа и информационная база исследования. Методологической основой настоящей работы являются труды основоположников марксизма-ленинизма, материалы съездов Коммунистической партии Советского Союза, выступления руководителей КПСС. В работе использованы нормативные акты Великобритании, материалы имперских конференций и конференций премьер-министров стран Содружества. Проводя исследование, диссертант руководствовался марксистско-ленинской диалектикой как общим методом познания и

¹ Распад Британской империи / [Ред. коллегия: д-р экон. наук А.Г. Милейковский (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 1964. – 647 с.

² *Корф С.А.* Автономные колонии Великобритании / Бар. С.А. Корф, проф. Имп. Александр. ун-та в Гельсингфорсе. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1914. – VII, [3], 453 с.

³ *Keith A.B.* Responsible government in the Dominions. – Oxford: The Clarendon press, 1912. – Vol. I–III. – 629 p.+552 p.+592p.; *Keith A.B.* The Sovereignty of the British Dominions. – London: MacMillan & Co., Ltd, 1929. – XXIV, 524 p.; *Keith A.B.* Letters and Essays on Current Imperial and International Problems, 1935-1936. – London: Milford 1936. – XII, 233 p.; *Keith A.B.* The Dominions as Sovereign States. Their Constitutions and Governments. – London: Macmillan and Company, 1938. – XIV, 769 p.

⁴ *Dawson R.M.* The Development of Dominions Status, 1900-1936. – London–New York–Toronto: Oxford University Press, 1937. – XIV, 466 p.

стремился дать классовый анализ государственно-правовых институтов британских доминионов. В процессе исследования изучена и использована литература на русском, английском и немецком языках.

Научная новизна исследования. В диссертации впервые в советской юридической литературе рассматриваются зарождение и основные стадии развития правового статуса доминиона в Британской империи: завоевания переселенческими колониями так называемого «внутреннего самоуправления», перерастание самоуправляющихся колоний в несuverенные государственные образования, постепенное приобретение доминионами международной правосубъектности и превращение их в независимые государства, исключение понятия «доминион» из официальных документов.

Практическая значимость результатов исследования. Материалы, содержащиеся в диссертации и полученные в итоге исследования выводы, могут быть использованы при преподавании курса всеобщей истории государства и права и государственного права буржуазных стран. Кроме того, материалы и выводы, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы в пропагандистской работе для разоблачения узости и лицемерия буржуазной демократии, в частности британской.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре истории государства и права Свердловского юридического института. Кафедрой было проведено рецензирование отдельных глав и всей диссертации в целом. По теме диссертации автор опубликовал научные статьи, сделал несколько сообщений на научных конференциях Свердловского юридического института. Материал, собранный диссертантом, используется преподавателями Свердловского юридического института при чтении лекций по государственному праву буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости, и по всеобщей истории государства и права.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения, а также включает список использованной литературы. Во введении обосновывается выбор и актуальность темы, раскрываются методологические и источниковедческие основы исследования. В **первой главе** диссертации рассматривается зарождение статуса доминиона к началу Первой мировой войны – особенности «самоуправляющихся» колоний и превращение их в государственные образования. К середине XIX века Британская империя объединяла большое количество территорий, разбросанных по всему земному шару и находившихся на различной ступени экономического, социального и политического развития. В связи с этим правящие круги Великобритании использовали весьма разнообразные способы управления своими колониальными владениями. Особенно значительными были различия в формах британского господства, имеющие место по отношению к «переселенческим» и к «туземным» колониям.

В правовой регламентации проблем управления колониями важную роль сыграл Акт о действительности колониальных законов 1865 г. Этим актом было введено своеобразное понятие «колониального закона», под которым предписано

было понимать, во-первых, постановление легислатуры колонии, и, во-вторых, любой предназначенный для колонии «приказ в совете», т.е. королевский акт, принятый британским правительством помимо какого бы то ни было представительного органа («приказы в совете», предназначенные для Великобритании, законами не признавались). На основе Акта 1865 г. колониальный закон, положения которого противоречат какому-либо закону Англии, лишались силы лишь в том случае, если английский закон был издан специально для колоний; если же английский закон был предназначен для метрополии, то противоречащий ему колониальный закон считался имеющим силу. Вразрез с общепринятыми буржуазно-демократическими представлениями давалось толкование понятия «представительная легислатура». Эти и другие положения Акта 1865 г. ясно свидетельствовали о том, что правящие круги Великобритании не собирались распространять на колониальные владения те буржуазно-демократические принципы, которые к тому времени уже довольно основательно утвердились в британской метрополии. С точки зрения приёмов управления уже в конце XIX и начале XX веков на первый план выступило деление колоний на коронные и самоуправляющиеся. Хотя и те, и другие находились в подчинении колониального ведомства, колониальное законодательство в форме «приказов в совете» уже тогда использовалось только по отношению к коронным колониям.

Согласно общепринятому тогда мнению главной отличительной чертой «самоуправляющихся» колоний было наличие там так называемого «ответственного правительства». Но, по существу, с принципом ответственного правительства обязательно связывалось наличие представительной легислатуры (представительной не в том ограниченном смысле, в который был сформулирован в Акте 1865 г., а в том смысле, в котором это понятие было распространено во всех капиталистических странах), а также иное, чем в коронных колониях, правовое положение губернатора. Статус «самоуправляющихся» колоний получили одни только «переселенческие» колонии, в которых ко второй половине XIX в. имелось уже вполне сложившееся капиталистическое общество и тем самым для буржуазных политических институтов, составляющих систему ответственного правительства, подготовлена была необходимая социальная почва.

Впервые система ответственного правительства в сфере колониального управления была введена в Канаде, затем в Ньюфаундленде, Новой Зеландии, Австралии и Южной Африке. Хотя «конституционные» акты всех этих колоний, исключая Ньюфаундленд, были изданы в виде актов британского парламента, принципы ответственного правительства не были закреплены ни в этих, ни в других законодательных актах. Система ответственного правительства повсюду вводилась на основе инструкций, данных британским правительством соответствующим губернаторам (или генерал-губернаторам), то есть посредством административных актов. Несмотря на то, что генерал-губернатор самоуправляющейся колонии должен был осуществлять принадлежавшие ему полномочия, как правило, не иначе, как «по совету» министров, ответственных перед нижней палатой местного парламента, его роль в делах управления такой колонии далеко не всегда была номинальной. Действовал он, следуя не только «советам» колониального

правительства, но (в некоторых случаях) и приказам лондонского правительства. Даже буржуазные государствоведы признавали, что «будет большой ошибкой утверждать, будто роль колониального губернатора и британского государственно-го секретаря даже по отношению к вопросам внутреннего руководства стала просто декоративной».¹

Ещё в первой половине XIX века лорд Дурхем предлагал, чтобы в Канаде «местные», «внутренние» проблемы были переданы в ведение колониального правительства, а британское правительство оставило за собою лишь исключительную заботу об «имперских» проблемах. Правда, нигде и никогда не было установлено, что именно относится к местным, внутренним проблемам, а что к имперским. Правда, нигде и никогда не было установлено, что именно относится к местным, внутренним проблемам, а что к имперским. Хотя британское правительство не одобрило доклада Дурхема, в последующие годы происходило «постоянное расширение внутренней сферы, грань между местными и имперскими проблемами стиралась, наносил ущерб последним до тех пор, пока дурхемская имперская сфера деятельности не была сведена к одной только внешней политике».² Однако, даже признав за «переселенческими» колониями в принципе право самим решать все свои внутренние дела, Великобритания, тем не менее, сохранила за собою определённые возможности в необходимых случаях вмешиваться в решение и некоторых таких дел. Метрополия оставила за собой, в частности, право вмешиваться через посредство генерал-губернатора в осуществление законодательной власти. Согласно «конституционным» актам самоуправляющихся колоний генерал-губернатору было предоставлено право либо дать согласие на принятый местным парламентом законопроект, либо оставить его на «благоусмотрение» британского монарха. На практике право вето генерал-губернатора вышло из употребления довольно быстро в Канаде (начиная с 1873 г.) и вообще не применялось в других самоуправляющихся колониях. Но право оставлять законопроект на «благоусмотрение» монарха (иначе, право резервирования законов) пускалось в ход каждый раз, когда генерал-губернатор находил, что задеты имперские интересы. Законопроект, резервированный на «благоусмотрение» монарха, не мог вступить в силу без королевской подписи. Кроме того, британскому монарху было предоставлено право не утвердить (*disallow*) любой закон, который уже получил согласие генерал-губернатора. К этому праву правящие круги Великобритании прибегали очень редко, оно, в сущности, было превращено ими в запасное средство давления на самоуправляющиеся колонии.

Ограничением самоуправления во внутренних делах служило также право апелляции жителей самоуправляющихся колоний в Судебный комитет Тайного Совета в Лондоне. Власти самоуправляющихся колоний стремились как-то ограничить это право апелляции. Канаде в 1887 г. удалось добиться того, что британским парламентом был принят закон, запрещающий апелляции к Судебному ко-

¹ Egerton H.E. A Short History of British Colonial Policy, 1606-1909. 10-th Edition. – London, 1941. – P. 324.

² Dawson R.M. The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 5.

митету Тайного Совета по уголовным делам; однако по другим делам в эту инстанцию могли быть по-прежнему обжалованы как решения Верховного суда Канады, так и решения провинциальных судов. В Австралии и Южно-Африканском Союзе ограничение права апелляции было предусмотрено конституционными актами. В Новой Зеландии сложилась практика выдачи самим судом разрешений апеллировать в Судебный комитет Тайного Совета, в Ньюфаундленде такие апелляции допускались по искам на сумму свыше 500 ф. ст. Ограничения самоуправления касались и права самоуправляющихся колоний вносить изменения в свои «конституционный» акты. Только акты, принятые британским парламентом уже в начале XX в., пошли на то, чтобы разрешить парламентам Австралийского Союза и Южно-Африканского Союза принимать поправки к этим актам. Что же касается Канады в Ньюфаундленда, то парламенты этих владений не только в конце XIX в., но и в начале XX в. не получили права изменять свои «конституции». Несколько иное положение сложилось в Новой Зеландии, где Акт 1852 г. также прямо не указывает порядка его изменения, но в 1857 г. британским парламентом был принят акт, пожаловавший новозеландскому Генеральному собранию соответствующее право с некоторыми ограничениями.

В диссертации подчёркивается, что статус самоуправляющейся колонии означал предоставление соответствующей стране весьма значительной самостоятельности в управлении своими **внутренними** делами, но ни в коей мере не подразумевал предоставление данной стране независимости. Добившись внутреннего самоуправления, «переселенческие» колонии не остановились на этом, а продолжали борьбу за расширение своей самостоятельности, за ликвидацию колониального статуса и замену его каким-то новым, более высоким. Подобные устремления самоуправляющихся колоний нашли свое выражение, прежде всего, в выборе официального названия соответствующей территории. Ранее всего этот вопрос встал перед Канадой. В текст Акта 1867 г. было включено официальное наименование – «Доминион Канада» (Dominion of Canada). Буквально английские слова «dominion» и особенно «dominions» означали не что иное, как владение, владения, но в данном случае слово было употреблено как понятие собственное, написано с большой буквы, и, следовательно, должно было обрести какой-то новый, правда, довольно неопределённый смысл. Это подтверждается и тем, что во французском тексте акта 1867 г. самоуправляющаяся колония была названа «Puissance du Canada», то есть «Держава Канада». Вначале термин «доминион» не имел общего значения. В 1900 г. объединённая Австралия была названа «Commonwealth» (содружество, союз), в 1909 г. объединение южноафриканских колоний – «Union» (союз). Однако Новая Зеландия в 1907 г. добилась замены в её официальном названии слова «колония» словом «доминион». Вместе с тем Ньюфаундленд сохранил официальное наименование «колония». Важным этапом в этом отношении явились решения имперской конференции 1907 года. Необходимость считаться с требованиями правительств самоуправляющихся колоний привела к тому, что, начиная с 1887 г. британское правительство стало созывать особые конференции для консультации с правительствами некоторых колоний, входивших в состав Британской империи. В 1907 г. эти колониальные конференции

получили наименование имперских и более чётко был определён круг участников таких конференций. В постановлении конференции 1907 г. говорилось, что «империи будет выгодно, если конференция, названная имперской конференцией, проводится каждые 4 года, на которой обсуждаются и рассматриваются вопросы, представляющие общий интерес для правительств его величества и самоуправляющихся доминионов за морями».¹ После этой конференции наименование «колония» уже более не применялось в отношении самоуправляющихся британских владений и вместо него стали употребляться термины «самоуправляющийся доминион» или просто «доминион».

Накануне Первой мировой войны доминионы приняли участие в нескольких международных совещаниях. В качестве самостоятельных участников все доминионы в 1912 г. подписали международную конвенцию по вопросам радиотелеграфной связи, а в 1914 г. – конвенцию о спасении потерпевших кораблекрушение. Таким образом, в некоторых случаях доминионы ещё до Первой мировой войны выступали в качестве отдельных субъектов международного права, однако это имело место лишь в некоторых случаях. Права выступать в качестве самостоятельных участников при подписании **любого** многостороннего договора ни Великобритания, ни другие государства за доминионами не признавали. Не было ещё и практики заключения доминионами двусторонних международных договоров. Далеко не всегда доминионы получали также приглашение принять непосредственное участие в международных конференциях. Следовательно, международной правосубъектностью в полном объёме доминионы в период до Первой мировой войны не обладали, хотя какую-то часть этой правосубъектности им всё же удалось обрести ещё в тот период. В конце XIX – начале XX вв. торговые, или генеральные агенты, которых самоуправляющиеся колонии направляли в Лондон, преобразуются в «верховных комиссаров», выполнявших уже не столько торговые, сколько политические функции. Утверждение должности верховного комиссара свидетельствовало о значительном изменении характера взаимоотношений между доминионами и Соединённым Королевством, о почти полной утрате этими взаимоотношениями колониального характера. Обретение «самоуправляющимися доминионами» определённых элементов собственной государственности нашло выражение в создании ими своих собственных воинских контингентов, в выпуске своих собственных денежных знаков, в установлении своего флага в качестве символа своей особой государственности.

В диссертации подвергается критике концепция С.А. Корфа, согласно которой накануне Первой мировой войны пять автономных колоний Великобритании представляли собою несuverенные государства, являвшиеся составными частями своеобразной федерации – Британской империи. Диссертант доказывает, что Британскую империю (ни того, ни последующих периодов) нельзя рассматривать как федерацию хотя бы потому, что федерация – это сложное государство, состоящее из государств-членов и единого союзного государства, а в Британской

¹ Colonial conference, 1907. Minutes of proceedings. Cd. 3523. – London: Printed for H.M. Stationery Off., by Eyre and Spottiswoode, 1907. – P. 5.

империи союзного государства не существовало. В диссертации даётся критический анализ и других мнений относительно правовой природы уз, соединяющих доминионы с Великобританией накануне Первой мировой войны. По мнению диссертанта, поскольку доминионы в период до Первой мировой войны не обрели полного объёма государственности, их правильнее всего рассматривать в этот период как государственные образования, отношения которых с Великобританией представляли собою реальную унию или что-то близкое к ней.

Вторая глава диссертация посвящена проблемам правового статуса доминионов в период между мировыми войнами и судьбе этого статуса после Второй мировой войны. В ходе Первой мировой войны доминионы оказали Британии большую помощь в различных сферах. Развитие собственной промышленности в доминионах укрепляло самостоятельные позиции их правящих классов, усиливало их претензии на большую самостоятельность не только во внутренних делах, но и в области внешней политики. В резолюции имперского военного кабинета от 30 июля 1918 г. было записано, что «премьер-министры доминионов, как члены имперского военного кабинета, имеют право прямых сношений (связи) с премьер-министром Соединённого Королевства, и наоборот».¹ Это явилось признанием нового положения доминионов в политической структуре империи. Имперская военная конференция 1917 г. приняла решение о том, что после войны отношения между Великобританией и доминионами должны подвергнуться изменениям, которые должны быть основаны на полном признании доминионов как автономных частей Британской империи. Эта конференция явилась важной вехой в ходе дальнейшего развития статуса доминионов. Резолюции конференций свидетельствуют о том, что британские доминионы значительно выросли в экономическом и политическом отношении и теперь выступают за полное самоуправление не только в вопросах внутренней, но и также в вопросах внешней политики, за равное положение в Британской империи по сравнению с Великобританией.

В отношениях между метрополией и доминионами стало появляться всё больше новых черт, которые свидетельствовали о превращении их в межгосударственные отношения. Частично этому способствовало правительство самой Великобритании, которое проявило большую заинтересованность в самостоятельном участии доминионов в Парижской мирной конференции. Доминионы имели самостоятельные делегации в составе общей делегации Британской империи, но подписали Версальский мирный договор каждый от своего имени. Версальским договором самостоятельный государственный статус доминионов был косвенно подтверждён представлением отдельным доминионам мандатов на управление бывшими германскими колониями. При создании Лиги Наций Канада, а за нею и другие доминионы (кроме Ньюфаундленда), ссылаясь на своё участие в Первой мировой войне, потребовали признания их самостоятельными членами Лиги Наций, и ни один из участников Парижской мирной конференции не выступал про-

¹ *Keith A.B. Speeches and Documents on the British Dominions, 1918-1931. – Oxford: Oxford University Press, 1961. – P. 7.*

тив. Больше того, все доминионы (кроме Ньюфаундленда) стали не просто членами, а именно первоначальными членами Лиги Наций и в качестве таковых были указаны в приложении к уставу данной организации.

В декабре 1921 г. было подписано соглашение между Соединённым Королевством и Ирландией о признании государственной самостоятельности Ирландии. Соглашение устанавливало, что Ирландия будет иметь тот же конституционный статус в Британской империи, что и самоуправляющиеся доминионы. Завоевание Ирландией статуса доминиона сопровождалось определёнными, новыми для этого статуса моментами. Во-первых, Ирландия была официально названа «свободным государством», а это означало, что теперь понятие доминиона предполагает признание его не просто государственным образованием, а именно государством. Во-вторых, Акт о конституции нового доминиона был принят не только британским парламентом, как это практиковалось прежде, до Первой мировой войны, но и парламентом доминиона, и оба эти акта рассматривались как имеющие одинаковую юридическую силу. В-третьих, впервые доминион был образован на основе договора, в котором представители бывшего британского владения официально выступали как противостоящая правительству Великобритании сторона. Ирландское свободное государство, несмотря на протест со стороны Великобритании, зарегистрировало свой договор с метрополией от 1921 г. в Секретариате Лиги Наций как договор не внутриимперский, а имеющий международный характер.

При заключении договора между Канадой и Соединёнными Штатами Америки о рыбных промыслах 1923 г. также появились немаловажные для статуса доминиона новые моменты: переговоры о заключении этого договора велись непосредственно и исключительно между Канадой и Америкой, сам договор был подписан канадским министром без участия министра или дипломатического представителя британского правительства. Новой чертой при регистрации данного договора в 1925 г. было то, что договор был сразу же представлен в Женеву канадским советником, минуя органы британского правительства. Таким образом, и этот договор способствовал признанию политического равноправия доминионов и Великобритании в международных делах. Становилось всё более очевидным, что в договорах, заключённых под покровительство Лиги Наций, только правительства доминионов могли решать вопрос о назначении тех полномочных представителей, которые одни лишь и ставили подписи от имени доминионов.

В последующие годы внешнеполитическая самостоятельность доминиона была расширена тем, что было положено начало обмену дипломатическими представителями между доминионами и государствами, не входившими в состав Британской империи. Ирландия назначала своего дипломатического представителя в Вашингтон в 1924 г., а затем направила своих представителей во Францию, Германию и Ватикан. В 1927 г. Канада основала свою дипломатическую миссию в Вашингтоне, а позднее подобные миссии Канады были учреждены также в Париже и Токио. Южно-Африканский Союз направил своих дипломатических представителей в США, Италию и Нидерланды. Таким образом, в 20-х годах доминионы добились ещё одного важного права – права иметь собственные дипломати-

ческие миссии в зарубежных странах. Так в первые годы после окончания Первой мировой войны был осуществлён значительный сдвиг во взаимоотношениях между Великобританией и доминионами, которые на международной арене всё чаще стали выступать на равных правах с бывшей метрополией и со стороны всё большего числа стран получали международно-правовое признание в качестве подлинных государств. Однако все эти сдвиги юридически не были закреплены.

Вопрос о правовом статусе доминионов трижды обсуждался после Первой мировой войны на имперских конференциях – в 1923, 1926 и 1930 годах. На имперской конференции 1923 г. было подтверждено право доминионов не признавать себя связанными теми договорами, которые были заключены Великобританией без их согласия. Кроме того, резолюция конференции 1923 г. предоставляла доминионам право заключать от имени короны самостоятельные договоры с иностранными государствами без участия правительства или парламента Великобритании. Конференция 1926 г., стремясь привести юридические нормы в соответствие с фактическим положением доминионов в империи, провозгласила, что Великобритания и доминионы «являются автономными образованиями внутри Британской империи с равным статусом, ни в каком отношении не подчинёнными друг другу в любых вопросах своей внутренней или внешней политики, хотя и объединёнными общей принадлежностью короне и свободно соединившимися в качестве членов Британского содружества наций». В одобренном конференцией докладе комиссии по внутриимперским отношениям, с одной стороны, провозглашалось, что «равенство статуса, поскольку это касается Британии и доминионов, таким образом, является основным принципом, управляющим нашими внутриимперскими отношениями», а с другой стороны, указывалось, что «принципы равенства и сродства, в их применении к статусу, не распространяются универсальным образом на функционирование». Такая двусмысленность открывала возможность для Великобритании идти на нарушения правового равенства членом Содружества наций, трактуя такие нарушения как якобы нарушения не самого принципа, а только его «функционирования». В докладе было указано, как «существенное последствие равенства статуса», то, что генерал-губернаторы доминионов, будучи представителями короны, занимают по всем важнейшим вопросам, касающимся административных или государственных дел доминиона, то же положение, которое занимает король в Великобритании, и что они не являются представителями или агентами правительства Великобритании или какого-либо из департаментов британского правительства.

В докладе комиссии по внутриимперским отношениям отмечалось, что официальным каналом связи в дальнейшем должен стать прямой канал от правительства к правительству. Таким прямым каналом связи могли быть только верховные комиссары. Далее в докладе призналось право правительства каждого доминиона давать советы короне по вопросам, относящимся к собственным делам доминиона. Были также рекомендованы изменения в сфере сношений доминионов с иностранными государствами, касавшиеся процедуры ведения переговоров, формы договоров, представительства на международных конференциях и др. Даже буржуазные исследователи конференции 1926 г. отмечают, что эта конферен-

ция, торжественно объявив о равенстве статуса Великобритании и доминионов, немедленно заявила, что на практике «существующие административная, законодательная, судебная формы осуществления власти не полностью соответствуют этому статусу».¹ На деле к 1926 г. между Великобританией и доминионами имело место значительно меньшее конституционное неравенство, чем это можно было заключить из изучения традиционных юридических форм. Так, отказ в королевской санкции на законы доминионов давно уже вышел из употребления; резервирование отдельных законопроектов фактически зависело от разрешения органов самого доминиона, имевшего к этому отношение; осуществление верховной законодательной власти парламентом Соединённого Королевства по отношению к доминиону практически уже зависело от желания и согласия этого доминиона; осуществление королевских прерогатив в области внешней политики по делам, затрагивавшим интересы доминиона, стало предметом обязательной консультации и согласования с правительством самого доминиона. Но в докладе комиссии не случайно отразилось недовольство доминионов сохранением традиционных юридических форм: именно эти формы облегчали нарушения Великобританией статуса равенства бывшей метрополии и доминионов и оправдание таких нарушений ссылкой на то, что дело касается не самого принципа равенства, а только его «функционирования».

В соответствии с решениями имперской конференции 1926 г. в 1929 г. была созвана «специальная» конференция для того, чтобы выработать конкретные рекомендации по поводу актов, сохранивших те или иные следы колониального прошлого доминионов. В 1930 г. очередная имперская конференция рассмотрела выводы, содержащиеся в докладе «специальной» конференции 1929 г., подготовила проект акта о приведении в действие некоторых резолюций двух последних конференций и рекомендовала парламенту Великобритании не позднее 31 декабря 1931 г. принять на основе этого проекта закон. Вскоре соответствующий закон действительно был принят британским парламентом и вступил в силу 11 декабря 1931 г. под названием Вестминстерского статуса. Анализируя положения Вестминстерского статуса, диссертант приходит к выводу, что этот статус представлял собою политический компромисс. С одной стороны, в этом документе нашли юридическое закрепление те уступки, на которые правящие круги Британии пошли под несомненным давлением доминионов (ст. ст. 2-6 статута), но, с другой стороны, этот документ свидетельствовал о нежелании правящих кругов Британии принять (по крайней мере, прямо и открыто) ряд требований доминионов и сохранить что-то из своих прежних привилегий. Об этой второй стороне Вестминстерского статута можно заключить не только из текста ст. ст. 7-10 самого статута. Ещё большее значение имеет тот факт, что целый ряд вопросов, поднимавшихся доминионами в материалах конференций 1926 и 1929 гг., оказались обойдёнными молчанием в Вестминстерском статуте. Правящие круги Великобритании предпочли оставить решение этих вопросов на усмотрение

¹ *Wheare K.C.* The Statute of Westminster and Dominion Status. 2-d editions. – Oxford: Oxford University Press, 1942. – P. 122.

практики.

Накануне Второй мировой войны и во время этой войны доминионы действовали уже как вполне независимые государства. Наличие у них суверенитета как во внутренних, так и во внешних делах уже не подлежало сомнению. Отношения между правительствами доминионов и правительством Великобритании, осуществлявшиеся через посредство верховных комиссаров, стали если не совсем тождественными, то, по крайней мере, весьма близкими к международно-правовым отношениям. Правда, и государственно-правовые связи между Великобританией и доминионами не были упразднены: главой государства в каждом доминионе признавался английский король, сохранились некоторые права Судебного комитета Тайного совета в качестве высшей апелляционной инстанции. Однако эти связи всё более приобретали формальный характер и не затрагивали суверенитета доминионов.

Новой чертой, которая характеризует статус доминиона после Второй мировой войны, является, прежде всего, то, что в этот период образовалось большое число новых доминионов на основе прежних «туземных» колоний в Азии, Тропической Африке, на американском континенте. В Акте о независимости Индии 1947 г. был воспроизведён ряд положений Вестминстерского статута 1931 г. Но вместе с тем между этими документами имелись и определённые различия. Самым важным было то, что в Акте 1947 г. содержалась формула, которая практически была истолкована именно как закрепление права доминионов на выход из Британского содружества. Появление такой формулы не означало, что право на выход призналось только за Индией и Пакистаном – оно на деле было признано за всеми доминионами. Первой из состава Британского содружества вышла Ирландия, приняв в одностороннем порядке закон о создании Ирландской Республики, в силу которого английский король лишился всяких функций по отношению к Ирландии. Затем из состава Британского содружества вышла Бирма на основе принятого британским парламентом Акта о независимости Бирмы: этот прецедент показал, что британской колонии для обретения независимости вовсе не обязательно добиваться признания её доминионом.

После Второй мировой войны статус доминиона перестал быть универсальной формой политической независимости и для страны, остающейся в рамках Британского «содружества наций». Во-первых, для ряда бывших колониальных владений Британии (Индия, Пакистан, Уганда и др.) сам этот статус оказался лишь формой перехода к другому статусу – статусу республики. Во-вторых, позднее выяснилось, что эта переходная форма тоже не является обязательной: прецедент был создан в 1964 г., когда бывшая английская колония Северная Родезия обрела независимость в рамках Содружества наций, сразу же приняв республиканскую форму правления и официальное наименование Республики Замбии. В-третьих, Акт о независимости Малайской федерации 1957 г. создал прецедент, свидетельствующий о том, что государство, входящее в состав Содружества, может иметь и монархическую форму правления, не будучи доминионом. В 1952 г. на конференции стран Содружества было решено отказаться от употребления термина «доминион». В том же году Канада официально приняла на-

именование «королевство». Её примеру последовали другие страны, признающие английского короля главой собственного государства. В итоге понятие доминиона было изъято из официального языка.

В **заключении** подводятся итоги проведённого в диссертации исследования.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

1. Изменение правового статуса британских доминионов в период между Первой и Второй мировыми войнами // Социальное управление и право. Межвуз. сборник работ аспирантов и молодых преподавателей. Вып. 19. – Свердловск: СЮИ, 1976. – С. 149-153.

2. Зарождение статуса доминиона в британских владениях // Конституционное законодательство и государственное управление. Межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 51. – Свердловск: СЮИ, 1977. – С. 137-140.

3. Формы колониального управления в Британской империи XIX века // Социальное управления и право. Межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 61. – Свердловск: СЮИ, 1977. – С. 129-133.

4. Распад Британской империи и проблема доминионов после второй мировой войны // Политическая организация общества. Межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 56. – Свердловск: СЮИ, 1977. – С. 142-146.

Кузнецова Н.Ю.

**ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СТАТУСА ДОМИНИОНА В
БРИТАНСКИХ ВЛАДЕНИЯХ: ДИССЕРТАЦИЯ НА
СОИСКАНИЕ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА
ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК: 12.00.01.¹**

ВВЕДЕНИЕ

После окончания Второй мировой войны в жизни стран и народов, которые находились под властью империалистических держав, произошли коренные изменения. В результате национально-освободительной борьбы народов распались колониальные империи и образовались новые государства. «Окидывая взглядом картину современного мира, – указывал товарищ Л.И. Брежнев, – нельзя не обратить внимания на такой важный момент, как серьёзное усиление влияния государств, которые ещё недавно были колониями или полуколониями».² Ликвидация колониальной системы как составная часть мирового революционного процесса нашла одно из самых ярких выражений в процессе распада Британской империи, где колониализм достиг не только исключительного расцвета и могущества, но и существовал в наиболее разнообразных формах.

Великобритания – одна из старейших колониальных держав мира. Британская империя представляла собой самое значительное государственное образование в истории. В.И. Ленин подчёркивал, что «две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке».³ Английский империализм, указывал В.И. Ленин, развивался как империализм колониальный. Колонии издавна служили важнейшим источником обогащения Великобритании, способствовали экономическому развитию метрополии и, тем самым, обеспечивали метрополии монопольное положение на всемирном рынке. Великобритания и сейчас продолжает оставаться страной колониального империализма, хотя большая часть подвластных ей в прошлом стран добилась политической незави-

¹ Впервые опубликовано: *Кузнецова Н.Ю.* Зарождение и развитие статуса доминиона в британских владениях: дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1980. – 160 с.

Компьютерный набор выполнен студентами Института прокуратуры УрГЮУ Иваном Евгеньевичем Ведиковым, Дмитрием Алексеевичем Даценко, Андреем Михайловичем Паниным, Михаилом Михайловичем Паниным, Снежаной Ивановной Николаевой, Мариной Витальевной Каюмовой, Гузелией Радиковной Нугаевой, Дарьей Олеговной Сильченко, Азалией Азатовной Ахмадуллиной. Подготовка публикации к печати кандидата исторических наук, доцента, доцента кафедры истории государства и права УрГЮУ Рафила Ахнафовича Насибуллина.

² *Брежнев Л.И.* Отчёт Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976. – М.: Политиздат, 1976. – С. 15.

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. – Т. 27. – С. 404-405.

симости. В настоящее время Англия преобразовалась в метрополию без колоний, осуществив в основном переход от колониализма к неоколониализму. «Несмотря на ослабления британского империализма, Англия остаётся в числе главных империалистических держав и стремится сохранить свои позиции в Африке, Азии, в Карибском море и на Ближнем Востоке с помощью методов неоколониализма, а иногда и посредством прямой военной интервенции».¹

Политическая структура британского «Содружества наций» на современном этапе является сложной и громоздкой, так как она отражает долгий процесс развития колониальной империи, которая создавала свои владения на основе захватов и аннексии стран, расположенных по всему земному шару и находившихся на различной ступени экономического и политического развития. Многие из британских колоний прошли в своём развитии длительный путь от разнообразных форм управления в рамках колониального статуса до статуса независимых государств, часть из которых осталась в составе Содружества наций, а другие покинули это «Содружество». Первыми прошли по этому пути так называемые переселенческие колонии. Ещё Ф. Энгельс отмечал, что «собственно колонии, то есть земли, занятые европейским населением, Канада, Кап, Австралия, станут самостоятельными».² Предсказание Ф. Энгельса полностью было подтверждено реальными событиями. Именно указанные Ф. Энгельсом британские колонии добились особого статуса «самоуправляющихся доминионов» и постепенно вносили в этот статус всё больше новых моментов. В ходе развития правового статуса доминиона был решён обширный комплекс конституционных проблем большей и меньшей важности. Внимательное изучение этих проблем представляет собою несомненный интерес для историка государства и права. Больше того, поскольку образование самоуправляющихся доминионов в Британской империи определённым образом повлияло на распад самой империи, постольку детальное изучение проблем зарождения и развития статуса доминиона в британских владениях, раскрытие содержания данного статуса и его особенностей на различных этапах развития приобретает для науки истории государства и права политическую важность.

В советской историко-правовой и во всей советской юридической литературе до сих пор нет монографии, специально посвящённой проблеме зарождения и развития статуса доминиона в британских владениях. В учебниках по истории государства и права зарубежных стран о доминионах говорится очень немного – в темах о колониальных империях империалистических государств и о крушении колониальной системы империализма. Так, в учебнике под редакцией П.Н. Галанзы и О.А. Жидкова отмечается, что «канадская буржуазия первая добилась закрепления за колонией особого статуса доминиона»³, сообщается, когда были об-

¹ Международное Соглашение коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5-17 июня 1969 г. – М.: Политиздат, 1969. – С. 295.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Изд-во полит лит-ры, 1964. – Т. 35. – С. 297.

³ История государства и права зарубежных стран / Под ред. П.Н. Галанзы и О.А. Жидкова. Т. II. – М.: Юрид. литература, 1969. – С. 163.

разованы другие доминионы, но в чём состоял статус доминиона, не раскрывается. В учебном пособии З.М. Черниловского указывается на то, что Канада в 1867 г. была названа «доминионом» и что «с течением времени этим термином стали обозначать всякую такую британскую колонию, которая имеет самоуправление».¹ Далее в этом пособии констатируется, что в период между Первой и Второй мировыми войнами отношения между Великобританией и её доминионами отмечены «существенно новыми чертами»², кратко излагаются решения имперских конференций 1923 и 1926 гг. и содержание Вестминстерского статута 1931 г. Тем не менее, здесь не говорится сколько-нибудь чётко об особенностях статуса доминиона в начале XX века и о каких-либо стадиях развития этого статуса в дальнейшем.

В учебном пособии К.Г. Фёдорова о статусе доминиона говорится так: «Такого рода владения могли иметь собственные вооружённые силы, герб, флаг, гражданство, устанавливать таможенные сборы».³ Поскольку данный автор пишет о преобразовании самоуправляющихся колоний в доминионы, поскольку доминионы, с его точки зрения, не были колониями, но что они собою представляли, автор всё же не сообщает. Нет в этом учебном пособии и указания на те стадии, которые проходит в своём развитии статус доминиона. Примерно тем же ограничивается характеристика доминионов в учебном пособии доцента Э.В. Лисневского. Так, Э.В. Лисневский отмечает, что переселенческие колонии были возведены в «ранг самоуправляющихся, а затем доминионов».⁴ Уточняя «ранг» доминионов, Э.В. Лисневский далее пишет: «Такого рода владения могли иметь собственные вооружённые силы, герб, флаг, гражданство, устанавливать таможенные сборы. В годы Первой мировой войны они начали участвовать в международно-правовом общении. Канада добилась этого права несколько ранее».⁵ Всё это, разумеется, далеко отстоит от монографического исследования. Указанные нами недостатки в освещении статуса доминиона – прямой результат неразработанности данной проблемы в историко-правовой науке.

Упоминания о статусе доминиона встречаются в брошюрах о государственном строе Великобритании⁶, Канады⁷, Австралии⁸, Новой Зеландии⁹, Южно-Аф-

¹ Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. – М.: Высш. шк., 1973. – С. 355.

² Там же. С. 450.

³ Фёдоров К.Г. История государства и права зарубежных стран. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – С. 166.

⁴ Лисневский Э.В. История государства и права Великобритании. – Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 1975. – С. 37.

⁵ Лисневский Э.В. История государства и права Великобритании. С. 37.

⁶ Крылов Б.С. Государственный строй Великобритании. – М.: Госюриздат, 1957. – С. 71-74; Левин Д.Б. Государственный строй Великобритании: Лекции для студентов ВЮЗИ / Проф. Д.Б. Левин; М-во высшего образования СССР. Всесоюз. юрид. заочный ин-т. – М.: [б. и.], 1957. – С. 57-60.

⁷ Лидин А. Государственный строй Канады. – М.: Госюриздат, 1960. – С. 23-29.

⁸ Углов А.А. Государственный строй Австралии. – М.: Госюриздат, 1957. – С. 27-29.

⁹ Мишин А.А. Государственный строй Новой Зеландии. – М.: Госюриздат, 1960. – С. 7-29.

риканского Союза¹, в учебном пособии Б.А. Стародубского² и первом учебнике по государственному праву буржуазных стран.³ Однако в этих работах имеется в виду статус доминиона в том виде, какой он приобрёл после Второй мировой войны. Доминионам уделено немало внимания в коллективной монографии Института мировой экономики и международных отношений АН СССР о распаде Британской империи.⁴ Однако в этой работе рассматриваются, главным образом, социально-экономические проблемы доминионов, а не проблемы их правового статуса. Из работ историков по данному вопросу заслуживает специального упоминания статья Л.В. Поздеевой⁵, в которой довольно подробно рассматривается положение британских доминионов перед Второй мировой войной и их отношение к политике Великобритании, направленной на сговор с фашистскими государствами. Но здесь идёт речь лишь о небольшом периоде в истории доминионов.

В русской дореволюционной юридической литературе необходимо отметить фундаментальную монографию С.А. Корфа об автономных колониях Великобритании.⁶ В этой работе подробно рассматривается государственный строй каждого из первых пяти британских доминионов и их взаимоотношения с метрополией, а также ставится вопрос о характере эволюции Британской империи в период, предшествовавший началу Первой мировой войны. Однако работа освещает только первоначальный этап в развитии статуса доминиона и выполнена с позиций буржуазной правовой науки. Неслучайно С.А. Корф, ещё не употреблял самого понятия статуса доминиона.

Ничего не говорится о статусе доминиона и в работе В. Энсона⁷, хотя он специально останавливается на особенностях управления таких колоний, как Канада, Австралия и т.п. В отличие от В. Энсона, А.Б. Кейз первую свою крупную работу посвятил уже не просто «самоуправляющимся колониям», а именно доминионам.⁸ В этой работе приводится обширный фактический материал относи-

¹ Юдин Ю.А. Государственный строй Южно-Африканского Союза. – М.: Госюриздат, 1959. – С. 5-6, 37.

² Стародубский Б.А. Государственное право буржуазных государств: Учеб. пособие / Б.А. Стародубский, канд. юрид. наук; Свердлов. юрид. ин-т им. А.Я. Вышинского. Ч. 2: Основы государственного права отдельных буржуазных стран. – Свердловск: [б. и.], 1960. – С. 137-139.

³ Государственное право буржуазных стран: [Учебник для юрид. ин-тов и фак.] / Под ред. проф. И.Д. Левина и доц. Б.С. Крылова. – М.: Госюриздат, 1962. – С. 198-201.

⁴ Распад Британской империи / [Ред. коллегия: д-р экон. наук А.Г. Милейковский (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 1964. – 647 с.

⁵ Поздеева Л.В. Доминионы и мюнхенская политика Англии // Новая и новейшая история. – 1973. – № 4. – С. 54-70.

⁶ Корф С.А. Автономные колонии Великобритании / Бар. С.А. Корф, проф. Имп. Александр. ун-та в Гельсингфорсе. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1914. – VII, [3], 453 с.

⁷ Энсон В. Английская корона, её конституционные законы и обычаи / Вильям Энсон, William Anson, проф. Оксфорд. ун-та; пер. с англ. с примеч. Н. Захарова. – СПб.: Н.К. Мартынов, 1914. – X, 480 с.

⁸ Keith A.B. Responsible government in the Dominions. – Oxford: The Clarendon press, 1912. –

тельно установления системы ответственного правительства в ряде владений Великобритании, отмечается значение этой системы для развития статуса доминиона. В дальнейшем А.Б. Кейз стал самым крупным и авторитетным британским специалистом по вопросам, касавшимся доминионов, издав немало работ, посвящённых анализу тех или иных сторон правового статуса британских доминионов.¹ Работа канадского государствоведа Р.М. Доусона² систематизирует материал, иллюстрирующий развитие правового статуса доминиона в период с 1900 г. по 1936 г. Автор показывает, как само понятие статуса расширилось, включая самостоятельность не только в области внутренних дел, но и в области внешних дел, постепенное превращение доминионов в независимые государства. Отдельные вопросы правового статуса доминионов на том или ином этапе его развития затрагиваются в работах и целого ряда других буржуазных государствоведов. Однако все эти работы выполнены в характерном для буржуазной науки догматическом плане и носят апологетический характер.

Политическая важность проблемы зарождения и развития статуса доминиона и недостаточная разработанность этой проблемы в советской историко-правовой литературе определяют выбор диссертантом темы настоящего исследования и её актуальность. Цель исследования состоит в том, чтобы показать основные этапы в процессе зарождения и развития правового статуса доминионов, те изменения, которые исторически претерпело само понятие статуса доминиона, постепенное превращение доминионов в независимые государства. Методологической основой настоящей работы являются труды основоположников марксизма-ленинизма, материалы съездов Коммунистической партии Советского Союза (КПСС), выступления руководителей КПСС. В работе использованы нормативные акты Великобритании, материалы имперских конференций и конференций премьер-министров стран Содружества. Проводя исследование, диссертант руководствовался марксистско-ленинской диалектикой как общим методом познания и стремился дать классовый анализ государственно-правовых институтов британских доминионов.

В процессе исследования изучена и использована литература на русском, английском и немецком языках. Научная новизна исследования определяется тем, что в диссертации впервые в советской юридической литературе анализируется зарождение и устанавливаются основные стадии развития правового статуса доминиона в Британской империи: завоевание переселенческими колониями так называемого внутреннего самоуправления, перерастание самоуправляющихся колоний в несuverенные государственные образования, постепенное приобретение доминионами международной правосубъектности и превращение их в независи-

Vol. I–III. – 629 p.+552 p.+592 p.

¹ *Keith A.B.* The Sovereignty of the British Dominions. – London: MacMillan & Co., Ltd, 1929. – XXIV, 524 p.; *Keith A.B.* Letters and Essays on Current Imperial and International Problems, 1935-1936. – London: Milford 1936. – XII, 233 p.; *Keith A.B.* The Dominions as Sovereign States. Their Constitutions and Governments. – London: Macmillan and Company, 1938. – XIV, 660 p.

² *Dawson R.M.* The Development of Dominions Status, 1900-1936. – London–New York–Toronto: Oxford University Press, 1937. – XIV, 466 p.

мые государства, исключение понятия «доминион» из официальных документов. Материалы, содержащиеся в диссертации, и полученные в итоге исследования выводы могут быть использованы при преподавании курса всеобщей истории государства и права и государственного права буржуазных стран. Кроме того, материалы и выводы, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы в пропагандистской работе для разоблачения узости и лицемерия буржуазной демократии, в частности британской. В этом заключается практическая значимость результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре истории государства и права Свердловского юридического института. Кафедрой было проведено рецензирование отдельных глав и всей диссертации в целом. По теме диссертации автор опубликовал научные статьи, сделал несколько сообщений на научных конференциях Свердловского юридического института. Материал, собранный диссертантом, используется преподавателями Свердловского юридического института при чтении лекций по государственному праву буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости, и по всеобщей истории государства и права.

Глава I. ЗАРОЖДЕНИЕ СТАТУСА ДОМИНИОНА К НАЧАЛУ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

§ 1. Самоуправляющиеся колонии в Британской империи в конце XIX и начале XX веков

Британская империя образовалась в результате многовековой английской колониальной экспансии. История империи – это история завоевательных войн, колониального разбоя, беспощадной эксплуатации и угнетения многих миллионов людей. «По всей Европе, – писал Ф. Энгельс, – нет ни одного крупного государства, которое не включало бы в свои границы части других наций. Англия, являющаяся единственной страной, которая имеет действительно естественные границы, вышла за их пределы по всем направлениям и произвела завоевания во всех странах».¹ В середине XIX в. Британская империя объединяла большое число территорий, разбросанных по всему земному шару и находившихся на различной ступени экономического, социального и политического развития. «Англия, – указывал В.И. Ленин, – представляла самую сильную колониальную страну. Несмотря на то, что население самой Англии не более 40 миллионов, – население её колоний более 400 миллионов. Она издавна, по праву сильного, захватила чужие колонии, захватила массу земель и пользовалась эксплуатацией их».²

Различный уровень экономического, социального и политического развития, а также борьба местного населения против произвола британских властей привели к тому, что уже к середине XIX в., а ещё более к концу XIX в. подвластные Великобритании территории управлялись весьма разнообразными способами. Только часть из этих территорий официально именовалась колониями, мно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит лит-ры, 1959. – Т. 13. – С. 280.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит лит-ры, 1969. – Т. 37. – С. 66.

гие же другие столь же официально назывались протекторатами. Термин «колония» был заимствован из Древнего Рима, где колониями, как известно, назывались поселения римских граждан в чужих землях (латинское слово *colonia*, собственно, и означает не что иное, как поселение). В Англии до середины XIX в. колониями называли только те территории, которые были заселены поселенцами, состоящими из эмигрантов и ссыльных. В особенности тогда, когда Британская империя включала обширные американские владения, заселённые в основном выходцами из Англии, этот термин имел указанное значение. Однако по мере роста колоний и изменения их характера, этот термин был распространён и на другие заморские владения Великобритании. Для того, чтобы не отождествлять владения, заселённые, в основном, «белыми», с владениями, имевшими преимущественно туземное население, колонии в первоначальном смысле слова стали называть переселенческими.¹ Эта терминология существовала длительное время. Ещё в 1869 году Ч. Дилк, автор известного сочинения о Британской империи, называл колониями только владения переселенческого типа, а к остальным применял термин «зависимые земли».²

Официальное деление заморских владений Великобритании на колонии и протектораты не только в XIX в., но и позднее, в XX в., имело сугубо условный характер. Это прямо признавал один из крупнейших буржуазных государствоведов Британии XX в., профессор А.Б. Кейз. «Невозможно, – писал он, – провести какое-то чёткое логическое различие между колонией и протекторатом в британской имперской системе, так как статус различных частей империи в основном был определён исторической случайностью и не регулировался какой-либо определённой юридической теорией. Колония, без сомнения, предполагает британское заморское поселение. Термин “колония” определяет организованную администрацию, а протекторат – простой контроль местной администрации, но даже это различие является недостаточным. Имеется лишь одно чёткое различие между колонией и протекторатом в законе. Первая является частью владений королевы (королева определяет границы в жалованной грамоте, изданной правительством), все люди, рождённые там, являются британскими подданными, и всё британское законодательство для британских владений распространяется на них, в то время как к протекторатам законодательство, изданное имперским парламентом, применимо только тогда, когда из обсуждаемого акта очевидно, что его намеревались применить к протекторатам».³ Проводя различие между колониями и протекторатами, А.Б. Кейз по существу лишь варьировал мнение, высказанное в начале XX века В. Энсоном, который, однако, избегал теоретических обобщений. В. Энсон отмечал две черты, различающие колонии и протектораты. «Во-первых, – писал он, – колония есть часть британской территории, а протекторат – нет. Отсюда следует, что человек, родившийся в британской колонии, есть британский

¹ См.: *Ерофеев Н.А.* Английский колониализм в середине XIX в. – М.: Наука, 1977. – С. 15.

² См.: *Dilke Ch.* Greater Britain. Vol. 1-2. – London: Macmillan & Co., 1869. – 970 p.

³ *Keith A.B.* The Governments of the British Empire. – London: Macmillan & Co., Ltd, 1936. – P. 463-464.

подданный; человек, родившийся в протекторате, есть *prima facie* иностранец. Во-вторых, колонии только в некоторых отношениях подчинены законодательству Короны в Совете. Протекторат всегда и необходимо подчинён этому законодательству, так как его правоотношения базируются на Акте об иностранной юрисдикции, который вводится в действие приказом в Совете».¹ Нетрудно заметить, что мнения А.Б. Кейза и В. Энсона сходятся только по поводу первого различия и расходятся по поводу второго.

Система органов, с помощью которых строилось управление различными колониями, была весьма разнообразной, да и протектораты имели далеко не одинаковую структуру управления. По словам Л.М. Минти, к протекторатам относились территории, которые были подчинены Великобритании «по договору с организованными правительствами, осуществлявшими власть на данных территориях, или территории, попавшие под британскую юрисдикцию в результате заселения, не продолжавшегося, однако, так долго, чтобы они стали частью британских владений, или территории, попавшие под британское покровительство на основе оглашений, заключённых с местными правителями».²

Сложность управления различными колониальными владениями, многочисленные споры, возникавшие по поводу действительности законов, принятых в самих колониях, путаница в терминах, которые использовались в различных нормативных актах, уже к середине XIX столетия настоятельно требовали законодательного разрешения. Эту задачу поставил перед собою принятый британским парламентом Акт о действительности колониальных законов 1865 г.³ Характерно, что первая же статья данного Акта посвящена упорядочению терминологии. Акт закрепил широкое значение термина «колония», определив, что этим термином должны охватываться «все зарубежные владения её величества, за исключением Островов Канала, острова Мэн и тех территорий, которыми её величество будет владеть в то или иное время на основании или в силу какого-либо акта парламента о правительственном строе Индии». Таким образом, теперь термин «колония» надлежало применять не только к переселенческим, но и к «туземным» колониям. В то же время Индия, согласно Акту 1865 г., не признавалась колонией, хотя было совершенно очевидно, что Индия находится на колониальном (а не каком-либо ином) положении. Исключение Индии из числа колоний носило искусственный характер и имело чисто «техническое» значение: оно означало, что положения Акта 1865 г. не должны распространяться на Индию и только это.

Знаменательно толкование в Акте 1865 г. и некоторых других терминов. Нет никакого сомнения в том, что Акт 1865 г. исходил из убеждения, согласно которому колонии не должны управляться так же, как метрополия, и что вслед-

¹ Энсон В. Английская корона, её конституционные законы и обычаи. С. 287.

² Minty L.M. Constitutional Laws of the British Empire. – London: Sweet & Maxwell, Ltd, 1928. – P. 4.

³ Текст этого Акта на русском языке опубликован в сборнике Конституции буржуазных стран: в 4-х тт. Т. IV: Британская империя, доминионы, Индия, Филиппины. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1936. – С. 13-16. Выдержки из этого Акта цитируются по данному изданию.

ствие этого в некоторые сложившиеся в Великобритании правовые понятия и институты применительно к колониям следует вложить иной смысл. В то время, как в Великобритании законом признавалось постановление парламента или (в сфере действия «общего права» и «права справедливости») решение высшего судебного органа, имеющее характер прецедента, «колониальным законом» было призвано, во-первых, постановление легислатуры колонии и, во-вторых, любой предназначенный для колонии «приказ в совете», т.е. королевский акт, принятый британским правительством помимо какого бы то ни было представительного органа («приказы в совете», предназначенные для Великобритании, законами не признавались). На основе Акта 1865 г. колониальный закон, положения которого противоречат какому-либо закону Англии, лишались силы лишь в том случае, если английский закон был издан специально для колоний. Если же английский закон был предназначен для метрополии, то противоречащий ему колониальный закон считался имеющим силу.¹

Акт 1865 г. установил также, что понятие легислатуры применительно к колониям вовсе не обязательно должно иметь в виду выборный, представительный орган – так предписано было обозначать «власть, компетентную издавать законы для колонии, но не являющуюся властью парламента или её величества в совете».² Наряду с общим понятием «колониальной легислатуры», вводилось отдельное понятие «представительной легислатуры». Под этим термином надлежало понимать «законодательный корпус, половина которого избирается жителями колонии»³, хотя по европейским понятиям законодательный орган (легислатура) мог быть признан представительным только при том условии, если весь его состав или, по крайней мере, подавляющее большинство его членов избирались населением. Наконец, в Акте 1865 г. было записано, что «непредставительные» легислатуры не имеют права конституционного изменения. Оно может быть внесено только властью, которая создала его в начале. Таким образом, «конституция обычных коронных колоний, дарованная жалованными грамотами, в той или иной форме может быть изменена той же самой процедурой или имперским актом».⁴ Особое толкование ряда терминов, содержащееся в Акте 1865 г. и другие положения этого Акта, ясно свидетельствовали о том, что правящие круги Великобритании не собирались распространять на колониальные владения те буржуазно-демократические принципы, которые к тому времени уже довольно основательно утвердились в британской метрополии.

Буржуазные государствоведы в конце XIX и начале XX вв. пытались как-то классифицировать способы управления британскими колониями. Наиболее подробная классификация предложена была, пожалуй, В. Энсоном.⁵ Он разделил способы управления колониальными владениями (выражаясь его языком, формы

¹ См.: Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 14.

² Там же. С. 13.

³ Там же.

⁴ *Keith A.B.* Responsible government in the Dominions. Vol. I. P. 424.

⁵ *Энсон В.* Английская корона, её конституционные законы и обычаи. С. 291-299.

«конституций» как собственно колоний, так и протекторатов) на пять групп. К первой группе он отнёс владения, которыми управлял губернатор или комиссар без всякой местной легислатуры (так управлялись тогда Басутоленд, Свазиленд, Бечуаналенд, протектораты, прилегавшие к Золотому Берегу, Сьерра-Леоне, Гамбии, Нигерии и т.п.). Вторую группу он формировал из колоний, в которых, наряду с губернатором, имелась легислатура, но состав легислатуры полностью назначался британской короной. Большинство членов такой легислатуры составляли должностные лица, и сама легислатура нередко выполняла и исполнительные, и законодательные функции. К владениям второй группы В. Энсон относил Цейлон, Золотой Берег, Южную Нигерию, Гамбию и др. В третью группу этот автор выделил колонии, в которых легислатура включала в свой состав как назначаемых, так и выборных членов, но последних было менее половины (легислатура с «должностным большинством»). В. Энсон имел в виду Ямайку, Фиджи, Мальту и некоторые другие. В четвёртую группу колоний указанный автор объединил Барбадос, Бермудские и Багамские острова. В качестве общей черты управления этими тремя колониями он отмечал то, что они «имеют представительные учреждения без ответственного правительства».¹ Наконец, в пятую группу, по мнению В. Энона, входили Канада, Ньюфаундленд, Новая Зеландия, четыре колонии Южной Африки (Капская, Наталь, Трансвааль и Оранжевая река) и шесть колоний Австралии (Новый Южный Уэльс, Квинсленд, Виктория, Западная Австралия, Южная Австралия и Тасмания). Это, по его словам, «самоуправляющиеся колонии, которые обладают ответственным правительством».²

В классификации В. Энона обращают на себя внимание два момента. Во-первых, то, что он не придерживался терминологии, официально закреплённой Актом 1865 г. (представительные учреждения он усматривал всё-таки только в тех колониях, где избирались все члены легислатуры, а не только половина их числа). Во-вторых, завершая обзор форм колониальных «конституций», В. Энсон, ссылаясь на изменчивость «конституций» во многих колониях, утверждал, что «практика знает два вида управления и два типа колоний: колонии Короны и самоуправляющиеся колонии».³

Современник В. Энона, профессор Х. Эгертон, классифицировал британские владения несколько по-другому, выделяя в особую группу протектораты и подразделяя собственно колонии на три группы: 1) колонии, имеющие ответственное правительство и являющиеся, по его словам, самоуправляющимися в полном смысле (Канада, Ньюфаундленд, Австралийские колонии, Капская колония и Наталь); 2) колонии, имеющие представительные учреждения, но не имеющие ответственного правительства (Барбадос, Бермуды и Багамы) и 3) коронные колонии (в качестве образца «чисто» коронной колонии приведён Цейлон).⁴ По во-

¹ Энсон В. Английская корона, её конституционные законы и обычаи. С. 293.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Egerton H.E. The origin and growth of the English colonies and of their system of government: An introduction to mr. C.P. Lucas's Historical geography of the British colonies / By Hugh Ed-

просу о классификации британских колоний высказывались и государственеды других стран. Так, В. Вильсон писал, что «английские колонии в том виде, в каком они организованы теперь, могут быть в общем разделены на две группы: а) колонии самоуправляющиеся и б) коронные колонии». ¹ Кроме того, В. Вильсон отмечал, что «Индия, с точки зрения своего управления, как и во многих других отношениях, стоит совершенно особняком в Британской империи». ²

Известный русский историк и государствовед, проведший много лет жизни в Англии, профессор П.Г. Виноградов подразделял все владения Великобритании на четыре группы. В первую группу он выделил Индию, занимавшую особое место в системе колониального управления, потому что на неё распространялось общее верховенство парламента Соединённого Королевства и в отношении её решения по некоторым особо важным делам (установление правил для доступа к административным должностям, начало военных действий) не могли быть приняты без согласия парламента. С 1858 г. управление Индией стало осуществляться через специального государственного секретаря по делам Индии и состоявшегося при нём Совета. Все важнейшие постановления по делам управления этой огромной колонией вырабатывались Советом по делам Индии или государственным секретарём по делам Индии при участии указанного Совета, а не приказами Тайного совета, как по целям управления многими другими колониями. Вторую группу составляли, по мнению П.Г. Виноградова, колонии, которые по своему политическому устройству напоминали Индию, но, в отличие от неё, подчинялись государственному секретарю (министру) по делам колоний и Тайному совету. Включёнными в эту группу территориями (Гибралтар, острова Св. Елены и пр.) управляли губернаторы при помощи назначенных ими же советов. Третья группа колоний, по мнению П.Г. Виноградова, – это колонии с законодательными собраниями, избранными хотя бы частично самим населением (Британская Гвиана, остров Маврикия, острова Западной Индии и другие). Наконец, четвёртой группой он считал самоуправляющиеся колонии (Канада, Новая Зеландия, Австралия, Южная Африка), которые он рассматривал как важный тип колониального управления. ³

Следует отметить, что в классификациях британских владений, предлагавшихся как английскими, так и иностранными государствоведами, учитывалась не только структура тех учреждений, которые действовали на территории колониального владения, но и специфика ведомства лондонского правительства, которому было непосредственно подчинено данное владение. Именно на этом осно-

ward Egerton. – Oxford: Clarendon press, 1903. – P. 176-177.

¹ *Вильсон В.* Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений: с приложением текста важнейших конституций / Пер. под ред. А.С. Яценко; с предисл. М.М. Ковалевского. – М.: Изд. В.М. Саблина, 1905. – С. 383.

² Там же. С. 387.

³ *Виноградов П.Г.* Государственный строй Англии // Политический строй современных государств / Изд. кн. П.Д. Долгорукова и И.И. Петрункевича при участии ред. газеты «Право». Т. 1-2. – М.: Беседа, 1905-1906. – Т. 1: Сборник статей П.Г. Виноградова, В.М. Гессена, М.М. Ковалевского, Н.Е. Кудрина, П.Н. Милокова и М.А. Рейснера. – 1905. – С. 268-270.

вании особняком ставилась Индия, для управления которой было учреждено отдельное ведомство, тогда как все другие колониальные владения были подчинены Колониальному Ведомству (*Colonial office*) – по существу, министерству по делам колоний. «Коронными колониями, – писал, например, Ч. Дилк, – являются колонии, в которых Колониальное Ведомство контролирует законодательство и администрацию».¹

Но почему почти все буржуазные государствоведы придавали важное значение делению колоний на коронные и самоуправляющиеся? Прямого ответа на этот вопрос они, к сожалению, не дают. Тем не менее, для такого деления существовало вполне реальное основание: колониальное законодательство в форме приказов в совете (то есть в форме внепарламентских королевских, а фактически правительственных актов) использовалось только по отношению к коронным колониям. В. Энсон полагал, что право короны законодательствовать для колоний внепарламентским путём имело под собою различные основания. Если колония приобретена путём завоевания или уступки со стороны какого-либо другого государства, то на неё распространяется прерогатива короны, зиждущаяся на обычном праве. Такая колония считалась как бы изъятой из ведения парламента, и поэтому корона могла законодательствовать здесь помимо парламента, издавая приказы в совете. «Но право это, – писал В. Энсон, – не существует, если колония приобретена путём заселения (*settlement*), а равным образом утрачивается, когда колония получает представительные учреждения».²

Королевская прерогатива не признавалась единственным основанием права законодательствовать посредством приказов в совете, потому что такое право предоставлялось в ряде случаев короне актами самого британского парламента. В числе таких актов В. Энсон первым указывал Акт о британских поселениях 1887 г., который, ссылаясь на то, что британские подданные поселились в различных местах, где «нет цивилизованного правительственного строя», и что «такие поселения стали или могут в дальнейшем стать владениями её величества», предоставлял британской короне во всех таких территориях право издавать законы и устанавливать институты, которые она сочтёт необходимыми.³ Кроме того, В. Энсон упоминал ряд парламентских актов, наделивших корону правом законодательствовать посредством приказов в совете в отношении отдельных конкретных колоний, которые якобы сами отказались от «конституций» с представительными учреждениями и обратились к британскому парламента с просьбой санкционировать такой отказ.

Мысль об ограниченности права короны законодательствовать для колоний посредством приказов в совете В. Энсон излагал дважды. Говоря об общих принципах британского колониального управления, он вновь подчёркивал, что указанное право короны не распространяется на колонии, приобретённые путём заселения. «Английский колонист, – торжественно уверял он, – несёт вместе с со-

¹ *Dilke Ch. Problems of Creator Britain. – London: Macmillan, 1890. – Vol. 2. – P. 155.*

² *Энсон В. Английская корона, её конституционные законы и обычаи. С. 287.*

³ Русский перевод текста этого Акта см.: Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 17-18.

бой в страну, которая делается британской территорией, вместе с устройством на ней своей оседлости, права и свободу британского гражданина».¹ Однако В. Энсону тут же пришлось оговориться, что речь идёт не обо всех колониях, приобретённых путём заселения, а лишь о колониях, приобретённых таким путём до издания Акта о британских поселениях 1887 г. Но колониями, которые считались приобретёнными путём заселения в более ранний период, были, в сущности, территории, добившиеся к концу XIX или началу XX в. статуса самоуправляющихся колоний. «Другим ограничением в праве Короны законодательствовать приказом в Совете, – настойчиво повторял В. Энсон, – является то общее правило, что раз колонии даётся представительный орган, то колония подчиняется законодательству или собственному органу, или Имперского Парламента».² Подобный вывод был подкреплён судебной практикой, но, всё же, тоже нуждался в оговорке. По отношению к коронным колониям британская корона оставляла за собой право не только «дать» представительный орган той или иной колонии, но и «взять его обратно», ликвидировать его, ссылаясь, в частности, на «добровольный отказ». Только в отношении так называемых самоуправляющихся колоний недопустимость законодательства посредством приказов в совете рассматривалась как безоговорочная и окончательная.

Дело в том, что колонии, относившиеся в конце XIX и начале XX вв. к категории самоуправляющихся, отличались вовсе не тем, что они были приобретены британской короной в результате заселения британскими подданными. В действительности британские колонисты (а в Южной Африке даже не британские, а голландские колонии) «заселяли» эти территории, изгоняя огнём и мечом с насиженных мест коренное население и опираясь при этом на поддержку британского правительства, британских войск. Но переселенцы из Великобритании и других европейских стран именно на этих территориях осели в массовом порядке, составили в ряде из них большинство населения, а в Южной Африке хоть и остались меньшинством населения, но представляли собою многочисленную и – что очень важно – политически активную часть местного населения. Канада, Ньюфаундленд, Новая Зеландия, шесть территорий Австралии и четыре территории Южной Африки – это как раз и были «переселенческие» колонии, тогда как все остальные британские колонии были «туземными» колониями. Впрочем, среди «туземных» колоний тоже были такие, основная масса населения которых состояла не из коренных жителей, а из насильственных перевезённых туда вначале в качестве рабов африканцев, негров (многие островные владения Великобритании в Америке). Таким образом, «переселенческими» признавались только те колонии, в которых имелась весьма значительная масса *белых* переселенцев («белые» колонии).

Можно сказать, что наличие таких «переселенческих» колоний было одной из особенностей Британской империи. Кроме Великобритании, ни одно европейское государство не располагало заокеанскими владениями, достаточно обшир-

¹ Энсон В. Английская корона, её конституционные законы и обычаи. С. 300.

² Там же.

ными и климатически пригодными для того, чтобы принять большие массы европейских колонистов.¹ В Великобритании уже сравнительно на ранней стадии развития капитализма стремление освободиться от «избыточного населения», которое создавалось в массовом масштабе в результате ломки феодальных отношений в деревне и вытеснения мелкого производства ремесленников капиталистической мануфактурой, было важным стимулом колонизации заокеанских территорий. Естественно, что переселенческие колонии (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка) стали играть важнейшую роль в Британской империи в качестве заокеанских филиалов английского капитализма.²

Сложившаяся в переселенческих колониях буржуазия предъявляла претензии на участие в эксплуатации местных ресурсов и населения. Она использовала недовольство народных масс английской земельной и таможенной политикой для того, чтобы вырвать у Великобритании уступки в свою пользу и обеспечить себе решающую роль в управлении колониями. Несмотря на разгоравшуюся временами ожесточённую борьбу против метрополии, дело здесь не дошло до отпадения этих колоний от Британской империи. Это объяснялось тем, что, с одной стороны, колониальная буржуазия Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки была ещё недостаточно сильна, а пребывание в Британской империи сулило ей определённые выгоды (защита от внешних врагов и от восстаний местного населения, а также некоторые экономические льготы). Белые переселенцы, в отличие от туземцев, составлявших большинство населения в коронных колониях, не подвергались расовому гнёту и национальной дискриминации. С другой стороны, урок, преподанный правящим кругам Великобритании американскими колониями, добившимися в конце XVIII в. независимости и образовавшими Соединённые Штаты Америки, не прошёл для них бесследно. Правящие круги Англии постепенно осознавали, что странами, имеющими капиталистическую экономику, нельзя управлять так же, как странам имеющими экономику докапиталистическую, и поэтому в отношениях с «белыми» колониями всё шире стали применять политику компромиссов и реформ.³ Это заметил, в частности, П.Г. Виноградов, который писал, что «после горького опыта с отделением Соединённых Штатов английское государство с осторожностью относилось к колониальным интересам, стремясь поддерживать и усиливать связь с колониями, но не навязывая своего руководства и избегая резких конфликтов».⁴ Вместе с тем, данный автор вынужден был оговориться, что новая тактика применяется не ко всем владе-

¹ См.: *Шефер Д.* История колоний / Дитрих Шефер, проф. Берлин. ун-та; Пер. М.В. (с 3 просм. и доп. изд.). – СПб.: П.П. Сошкин, 1913. – С. 92.

² См.: *Распад Британской империи* / [Ред. коллегия: д-р экон. наук А.Г. Милейковский (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 1964. – С. 43.

³ См. *Распад Британской империи.* С. 19, 44.

⁴ *Виноградов П.Г.* Государственный строй Англии // Политический строй современных государств / Изд. кн. П.Д. Долгорукова и И.И. Петрункевича при участии ред. газеты «Право». Т. 1-2. – М.: Беседа, 1905-1906. – Т. 1. Сборник статей П.Г. Виноградова, В.М. Гессена, М.М. Ковалевского, Н.Е. Кудрина, П.Н. Милюкова и М.А. Рейснера. – 1905. – С. 270.

ниями, что по отношению к своим поданным – туземцам английские колонизаторы по-прежнему проводили начало бюрократического господства, но белые пользовались широким самоуправлением в колониях.

Зато писавший гораздо позднее британский государствовед Э. Дженкс стремился полностью исказить действительный смысл колониальной политики Великобритании, в особенности взаимоотношения империи с переселенческими колониями. Например, он утверждал, что Британия сама «поощряла» стремление данных колоний к самоуправлению, что отличительной чертой этих колоний являлась «лояльность населения» к империи, что «основной принцип британской колониальной политики заключался в добровольности партнёров в великом Имперском содружестве», что Британия «не стремилась подчинить интересы колоний своим» и что «Британия расходовала большие средства на развитие ресурсов колоний без выгоды для себя».¹ Подобные утверждения были далеки от действительности, как небо от земли. «Английское капиталистическое правительство, – писал В.И. Ленин, – есть наиболее аннексионистское правительство в мире, ибо оно насильственно удерживает наибольшее количество народностей в составе английской империи: Индию (300 миллионов), Ирландию и пр., турецкую Месопотамию, немецкие колонии в Африке и т.п.»² Правящие круги Великобритании длительное время пытались насильственно удерживать под своей властью не только «туземные», но переселенческие колонии (достаточно вспомнить подавление восстания 1837 г. в Нижней Канаде) и, только убедившись в бесперспективности такого метода, прибегая к другим методам.

В. Вильсон утверждал, что система «ответственного независимого управления», введённая вначале в Канаде, позднее «распространяется на все английские колонии, способные управляться самостоятельно».³ С этой точки зрения, коронные колонии – это колонии, которые якобы «неспособны» управляться самостоятельно. Однако В. Вильсон не разъяснял (да и не мог бы этого сделать, если бы даже захотел), в чём же состоит пресловутая «способность» управляться самостоятельно. С тезисом В. Вильсона явно не согласуется тот факт, что многие коронные колонии до подчинения их власти Великобритании управлялись как раз самостоятельно, независимо от других стран. Правда, самостоятельное управление в странах, впоследствии превращённых в коронные колонии Британии, осуществлялось с помощью институтов, совершенно непохожих на институты, установленные в Канаде во второй половине XIX в. Всё дело в том, что в Канаде и других самоуправляющихся колониях вводилась система буржуазных по своему существу политических институтов, для которых в переселенческих колониях имелась необходимая социальная почва, поскольку только в этих колониях ко второй половине XIX в. успело вполне сложиться капиталистическое общество.

Если исходить из классификаций британских колоний, разработанных буржуазными государствоведами конца XIX – начала XX вв., то можно подумать,

¹ *Jenks E.* The Government of the British Empire. – London: J. Murray, 1937. – P. 39, 61, 65, 77.

² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. – Т. 32. – С. 11-12.

³ *Вильсон В.* Государство. С. 383.

будто единственной отличительной чертой «самоуправляющихся» колоний было наличие так называемого ответственного правительства. Однако в действительности с принципом ответственного правительства обязательно связывалось наличие представительной легислатуры (причём представительной не в том ограниченном смысле, который сформулирован в Акте 1865 г., а в том смысле, в котором это понятие было распространено во всех капиталистических странах), а также иное, чем в коронных колониях, правовое положение губернатора.

Впервые система ответственного правительства в сфере колониального управления была введена, как уже отмечалось, в Канаде, причём вводилась эта система очень медленно и осторожно. Вначале был принят закон 1840 г. об объединении Верхней и Нижней Канады, создании единого законодательного органа и единого исполнительного совета при генерал-губернаторе. На базе этого закона утверждался принцип, согласно которому генерал-губернатор обязан был управлять не единолично, а непременно при посредстве исполнительного совета. В 1840-1850 гг. в Канаде складываются такие характерные черты системы ответственного правительства, как принятие генерал-губернатором совета от его ответственных министров и присутствие этих министров на заседаниях обеих законодательных палат, их зависимость от парламентского большинства в продолжительности занятия ими своих должностей, неизменяемое по отношению к перемене партий положение гражданских чиновников и образование правительства из состава законодательных палат.¹ В 1848 г. в инструкциях губернаторам Новой Шотландии и Канады были даны указания действовать в соответствии с советами министров, приемлемых с точки зрения местной представительной легислатуры.² Затем по закону 1854 г. Канада получила право ставить вопрос о преобразовании своей «конституции»: генерал-губернатор обязан был представлять на утверждение королевы реформы, которые будут проектироваться местным парламентом. По другим законодательным делам генерал-губернатор имел право такого представления, но не обязывался к этому. Постановление канадского колониального парламента приобретало силу закона только после утверждения генерал-губернатора.³

Параллельно развивались два процесса: с одной стороны, всё больше функций государственного управления британское правительство передавало автономным органам объединённой Канады и тем самым расширяло сферу внутреннего самоуправления Канады, а с другой стороны, росли и обострялись противоречия между двумя провинциями, включёнными в состав объединённой Канады. Встал вопрос о присоединении к Канаде других британских владений в Северной Америке и всё более настоятельной становилась проблема урегулирования отношений между органами провинций и органами Канады как единого целого. В

¹ См. *Энсон В.* Английская корона, её конституционные законы и обычаи. С. 294.

² *Уэйд Е.С., Филипс Д.Д.* Конституционное право / Пер. с англ. А.С. Никифорова; Под ред. проф. С.Б. Крылова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – С. 503.

³ *Фишель Э.* Государственный строй Англии / Соч. д-ра Эдуарда Фишеля; Пер. [и предисл.] П.М. Цейдлера. – СПб.: М.О. Вольф, 1862. – С. 522.

1867 г. британским парламентом был принят Акт о Британской Северной Америке, ставший основным конституционным документом Канады.¹ Однако принципы ответственного правительства в этом Акте не были закреплены: они по прежнему признавались лишь в инструкциях генерал-губернатору.

Утверждение системы ответственного правительства в канадских провинциях усилило соответствующие требования в соседнем Ньюфаундленде. Британское правительство в 1854 г. выразило готовность пойти навстречу этим требованиям только в том случае, если местная легислатура увеличит свой состав и примет закон о выплате пенсий всем чиновникам, которые могут оказаться уволенными. Лишь после того, как эти условия британского правительства были удовлетворены, губернатору Ньюфаундленда направили инструкции, обязывающие его придерживаться правил парламентаризма в своей деятельности. В Новой Зеландии требования ввести систему ответственного правительства появились вскоре после принятия британским парламентом Акта о Конституции Новой Зеландии 1852 г., в котором, кстати сказать, речь шла о системе управления провинциями, структуре и полномочиях легислатуры (Генерального собрания), но полностью был обойдён вопрос об исполнительной власти.² Тем не менее, вскоре после начала работы Генерального собрания губернатору пришлось подбирать министров из числа лиц, угодных палате представителей: в противном случае палата отказывалась вотировать ассигнования и губернатор не имел бы средств оплачивать государственный аппарат, так как его гражданский лист был мал и других источников средств для оплаты чиновников он не имел. Правительство метрополии в своих инструкциях губернатору наказывало ему поступать именно таким образом.

В австралийских колониях представительные легислатуры были учреждены в 40-х годах прошлого столетия, а в 1855 г. в инструкциях губернатору Нового Южного Уэльса были даны указания о необходимости следовать советам министров, угодных местной легислатуре. Затем такие же инструкции получили и губернаторы других австралийских колоний. Когда после длительной борьбы между федералистами и антифедералистами, первым, наконец, удалось одержать верх³, британский парламент принял Акт о Конституции Австралийского Союза

¹ Корф С.А. Государственный строй Канады / Бар. С. А. Корф, д-р гос. права, орд. проф. Имп. Александр. ун-та в Гельсингфорсе. – М.: Т-во типо-лит. В. Чичерин, 1911. – С. 15.

Русский перевод текста Акта о Британской Северной Америке 1867 г. см.: Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 136-167; Конституции государств Американского континента / Пер. под ред. д-ра юрид. наук проф. Г.С. Гурвича. Т. 2: Канада, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мексика, Никарагуа. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957-1959.– 1959. – С. 13-50.

² Русский перевод текста этого Акта см.: Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 222-228; Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана: [Тексты конституций и конституционных актов] / Пер. под ред. З.И. Луквниковой. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 514-520.

³ Подробнее об этой борьбе см.: *Вайль И.М.* Австралия: федерализм и высшие органы власти. – М.: Наука, 1970. – С. 17-43.

1900 г.¹, в котором, хотя и содержалась глава об «исполнительном правительстве», но никаких норм, предусматривающих систему ответственного правительства, записано не было. Больше того, согласно Акту 1900 г., должностные лица, назначенные генерал-губернатором для руководства союзными департаментами, «будут занимать свою должность, пока это будет угодно генерал-губернатору» (ст. 64). Лишь в инструкциях генерал-губернатору было указано на необходимость действовать в соответствии с правилами системы ответственного кабинета.

В Южной Африке британские колонизаторы, идя на создание «представительных» легислатур, предоставляли право участвовать в их избрании, главным образом, лишь белым переселенцам, хотя эти переселенцы составляли ничтожное меньшинство по сравнению с огромной массой туземного населения. Таким образом, легислатуры могли называться представительными весьма условно: это наименование подразумевало только то, что в составе нижних палат этих легислатур не было назначаемых губернаторами членов. Система ответственного правительства на такой своеобразной базе была введена вначале в Капской колонии, затем в Натале, ещё позднее в Трансваале и колонии Оранжевой реки в связи с обещанным англо-бурским договором 1902 г. «самоуправлением». После объединения четырёх колоний в Южно-Африканский союз на основе принятого британским парламентом Акта об Южной Африке 1909 г.² новое политическое образование получило статус самоуправляющейся колонии на тех же началах, что и её составные части. В Акте 1909 г., как и в Акте о Конституции Австралии, говорилось, что министры «будут занимать должность, пока это угодно генерал-губернатору» (ст. 14). Формирование правительства в соответствии с принципами парламентаризма и здесь было обусловлено административным актом – инструкциями генерал-губернатору.

Система ответственного правительства предполагает, как известно, ответственность министров перед выборным, представительным учреждением. Но законодательные органы самоуправляющихся колоний были учреждены, как правило, в виде двухпалатных учреждений (только в отдельных провинциях Канады имели место однопалатные легислатуры). Нижняя палата, имевшая неодинаковые наименования в различных самоуправляющихся колониях (в Канаде она называлась, как и в Англии, палатой общин, в Новой Зеландии и Австралийском Содружестве – палатой представителей, в Ньюфаундленде и Южно-Африканском Союзе – палатой собрания, в провинциях ряда этих колоний – законодательным собранием), повсюду, тем не менее, избиралась непосредственно белым населением на основе сравнительно широкого избирательного права. Но верхняя палата, обычно именовавшаяся сенатом или законодательным советом, далеко не во всех этих колониях являлась выборной. В восьми самоуправляющихся колониях (в Канаде, Ньюфаундленде, Новой Зеландии, в вошедших в состав Австралийского Союза Новом Южном Уэльсе и Квинсленде, в вошедших в состав Юж-

¹ Русский перевод текста этого Акта см.: Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 51-84; Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана. С. 16-52.

² Русский перевод текста этого Акта см.: Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 173-216.

но-Африканского Союза Натале, Трансваале и колонии Оранжевой реки) верхняя палата состояла из лиц, назначавшихся губернатором. Но принцип ответственного правительства в самоуправляющихся колониях формировался по образцу Великобритании и поэтому, естественно, предполагал ответственность правительства не перед всей легислатурой, а только перед её нижней выборной палатой.

Установление принципа ответственного правительства вносило существенные изменения в порядок управления колонией. По словам В. Энсона, «это обозначает, что колония управляется людьми, которые могут рассчитывать на поддержку большинства колониального законодательного органа (точнее, на поддержку большинства членов нижней палаты такого органа – *Н.К.*), а не лицами, которые, как это имеет место в колониях Короны, избираются губернатором или Статс-Секретарём в *Uitohall'e* (Уайтхолле, то есть в резиденции британского правительства в Лондоне – *Н.К.*) и занимают должность независимо от мнения предствительного собрания, где такое существует».¹ Иначе говоря, принцип ответственного правительства означал, что правительство должна формировать та из местных партий самоуправляющейся колонии, которая завоевывает большинство мест в нижней палате законодательного органа колонии. По мнению Х. Эгертона, это была реформа, которая «революционизировала отношения между метрополией и самоуправляющимися колониями».² Нам думается, что нет оснований говорить о «революционизации» таких отношений, но то, что характер отношений между британским правительством и правительством самоуправляющейся колонии, непременно должен быть иным, чем между британским правительством и правительственным органом коронной колонии не подлежит сомнению.

Любопытно, что в законодательном порядке принцип ответственного правительства не для одной колонии не был закреплён. По словам того же Х. Эгертона, «хотя изменение, совершённое введением ответственного правительства, было почти революционным, оно не требовало юридического закона для введения его в силу».³ В. Энсон обращал внимание на закон, в котором предусматривались ограничения права губернатора по поводу назначения должностных лиц, которые «покидают свою должность по политическим причинам», но сам же признавал, что «для того, кто не знает обычая, эти слова не вполне понятны».⁴ Упомянул В. Энсон и о законе, который говорил о введении в Капской колонии «системы исполнительной администрации, обычно называемой ответственным правительством», но также добавлял, что «ничто не объясняет в Акте эти слова».⁵ С.А. Корф, говоря о том, что в Новой Зеландии метрополия, следуя общему порядку, ввела принцип ответственного правительства путём административного распоряжения (инструкции губернатору), подчёркивал, что

¹ Энсон В. Английская корона, её конституционные законы и обычаи. С. 293.

² Egerton H.E. The origin and growth of the English colonies and of their system of government: An introduction to mr. C.P. Lucas's Historical geography of the British colonies / By Hugh Edward Egerton. – Oxford: Clarendon press, 1903. – P. 166.

³ Egerton H.E. Op. cit. P. 166.

⁴ Энсон В. Английская корона, её конституционные законы и обычаи. С. 235.

⁵ Там же.

«метрополия строго держалась по отношению ко всем колониям этого порядка введения принципа парламентаризма, всегда избегая его проведения путём закона».¹ Естественно по- этому реальные отношения между генерал-губернаторами, колониальными министрами и колониальными парламентами не могли не отличаться от того, что было формально записано в британских законах, служивших «конституционными» актами самоуправляющихся колоний.

По букве «конституционных» актов самоуправляющихся колоний, полномочиями исполнительной власти всегда наделялся британский монарх и его представитель в колонии – губернатор. В Акте о Британской Северной Америке 1867 г. указывалось, что «исполнительная власть и верховенство в Канаде и над Канадой продолжают существовать в лице Королевы и принадлежат Королеве» (ст. 9). В Акте о Конституции Австралийского Союза 1900 г. провозглашалось: «Исполнительная власть в Союзе принадлежит Королеве и осуществляется Генерал-губернатором как представителем Королевы» (ст. 61). В Акте о Южной Африке 1909 г. также утверждалось, что «исполнительное правительство союза принадлежит королю и будет вестись его величеством лично или через генерал-губернатора в качестве его представителя» (ст. 8). Исходя из этих положений, В. Энсон писал: «Губернатор стоит во главе колониальной исполнительной власти, по отношению к обыкновенным делам управления он – совершенно конституционный монарх».² Действительно, генерал-губернатору как представителю британского монарха было предоставлено право созывать, отсрочивать заседания и распускать колониальные парламенты, назначать членов верхней палаты (там, где она формировалась путём назначения), санкционировать принятые колониальным парламентом законопроекты, назначать колониальных должностных лиц, осуществлять право помилования и т.д.

Но поскольку «конституционные» акты самоуправляющихся колоний имели в виду обеспечить генерал-губернатору положение, в том или ином отношении напоминающее положение не абсолютного, а конституционного монарха, постольку в тексте этих актов вводилась формула «генерал-губернатор в совете» (ст. 13 Акта о Конституции Австралийского Союза, ст. 63 Акта о Южной Африке, ст. 13 Акта о Британской Северной Америке), в которую вкладывается примерно то же содержание, что и в старинную английскую конституционную формулу «король в совете». Правда, учреждение Тайного совета при генерал-губернаторе предусматривалось только в Канаде, в Австралии и Южно-Африканском Союзе учреждался Исполнительный совет, но, как бы этот орган не назывался, создавался он формально для того, чтобы помогать генерал-губернатору и консультировать его (ст. 11 Акта о Британской Северной Америке 1867 г., ст. 12 Акта о Южной Африке 1909 г.). Введение системы ответственного правительства в самоуправлявшихся колониях означало, что при управлении колонией генерал-губернатор не только обязан был постоянно обращаться за советами к исполнительному совету или его членам, но обязывался также следовать в своей деятель-

¹ Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 304.

² Энсон В. Английская корона, её конституционные законы и обычаи. С. 295.

ности этим советам. Однако неспроста, ни в одном законе не была закреплена такая обязанность генерал-губернатора: на деле роль его при осуществлении принадлежавших ему полномочий далеко не всегда была номинальной. Тем более важно иметь в виду, что генерал-губернатор представлял в самоуправляющейся колонии не только британского монарха, но и британское правительство. Поэтому действовал он, следуя не только «советам» колониального правительства, но в отдельных случаях и приказам лондонского правительства. Как отмечал Х. Эгер-тон, «будет большой ошибкой утверждать, будто роль колониального губернатора и британского государственного секретаря даже по отношению к вопросам внутреннего руководства стала просто декоративной».¹

Определённая связанность генерал-губернатора «советами» членов исполнительного совета вовсе не означала, что правительственная власть в самоуправляющихся колониях на деле перешла к исполнительному совету. Пока та или иная колония не получила статуса самоуправляющейся, исполнительный совет действительно был правительственным органом, помогающим губернатору осуществлять управление колонией, но, как только появилась система ответственного правительства, исполнительный совет превращался в орган, подобный Тайному совету в Великобритании. Дело в том, что лицо, назначенное на должность главы департамента, ведавшего той или иной отраслью управления в колонии, одновременно обязательно назначалось также членом исполнительного совета, но уходя в отставку с поста главы департамента вследствие потери поддержки нижней палаты колониальной легислатуры, это лицо продолжало обычно оставаться членом исполнительного совета. В результате во всех самоуправляющихся колониях наряду с исполнительным советом, предусмотренным конституционными актами этих колоний, возник ещё один не предусмотренный ни конституционными, ни законодательными актами орган – кабинет, который и стал подлинным правительством самоуправляющейся колонии.² Кабинет формировался партией или партиями, располагавшими большинством мандатов в нижней палате легислатуры, и уходил в отставку, потеряв поддержку этой палаты. Иначе говоря, система ответственного правительства в самоуправляющихся колониях начала ответственность кабинета перед нижней палатой легислатуры.

Рамки самоуправления, естественно, связывались с кругом вопросов, который мог самостоятельно решать кабинет колонии. Взаимоотношения самоуправляющейся колонии и метрополии строились на основе того, что «британская политика должна всё меньше и меньше касаться внутренней политики колоний».³ Ещё в первой половине XIX в. лорд Дурхом предлагал, чтобы в Канаде «местные», «внутренние» проблемы были переданы в ведение колониального правительства, а британское правительство оставило за собой лишь исключительную заботу об имперских проблемах. Правда, нигде и никогда не было установлено,

¹ Egerton H.E. A Short History of British Colonial Police, 1606-1909. 10-th Edition. – London: Methuen, 1941. – P. 324.

² Только в Ньюфаундленде исполнительный совет сам стал кабинетом.

³ Egerton H.E. A Short History of Eritian Colonial Police, 1606-1909. P. 324.

что именно относится к местным, внутренним проблемам, а что – к имперским. Хотя британское правительство не одобрило доклада Дурхама, в последующие годы происходило «постоянное расширение внутренней сферы, грань между местными и имперскими проблемами стиралась, нанося ущерб последним до тех пор, пока дурхемская имперская сфера деятельности не была сведена к одной только внешней политике».¹

Однако, даже признав за «переселенческими» колониями в принципе право самим решать все свои внутренние дела, Великобритания, тем не менее, сохранила за собою определённые возможности в необходимых случаях вмешиваться в решение и некоторых таких дел. Метрополия оставила за собою, в частности, право вмешиваться через посредство генерал-губернатора в осуществление законодательной власти. Дело в том, что каждый законопроект, принятый колониальным парламентом, становился законом только после того, как его от имени британского монарха санкционировал генерал-губернатор. Согласно «конституционным» актам самоуправляющихся колоний, генерал-губернатору было предоставлено право либо дать согласие на принятый закон, либо отказать в согласии (то есть наложить на него вето), либо оставить его на «благоусмотрение» британского монарха (ст. 55 Акта о Британской Северной Америке 1867 г., ст. 58 Акта о Конституции Австралийского Союза 1900 г., ст. 64 Акта о Южной Африке 1909 г., ст. 56 Акта Новозеландского Генерального собрания о парламентских привилегиях 1865 г.²); в Ньюфаундленде действовали подобные же нормы, хотя они и не были записаны в его «конституции». На практике право вето генерал-губернатора вышло из употребления довольно быстро в Канаде (начиная с 1873 г.) и вообще не применялось в других самоуправляющихся колониях. Но право оставлять законопроект на «благоусмотрение» монарха (иначе право резервирования законов) пускалось в ход каждый раз, когда генерал-губернатор находил, что заделы имперские интересы. Законопроект, резервирований на «благоусмотрение» монарха, не мог вступить в силу без королевской подписи. «*Политическая* роль резервации, – писал С.А. Корф, – чрезвычайно велика... *Юридически* этот институт является наиболее важным связующим элементом империи...».³

Кроме того, британский монарх имел право не утвердить (*disallow*) любой закон, который уже получил согласие генерал-губернатора. В Канаде и Новой Зеландии такое неутверждение могло последовать в течение двух лет с момента подписания законопроекта генерал-губернатором, в Австралии и Южно-Африканском Союзе – в течение года (ст. 56 Акта о Британской Северной Америке 1867 г., ст. 59 Акта о Конституции Австралийского Союза 1900 г., ст. 65 Акта о Южной Африке 1909 г.). С.А. Корф высказывал мнение, что право монарха не утвердить закон, уже санкционированный генерал-губернатором (он называл его правом вето метрополии), в его время «не играет почти никакой роли, будучи

¹ Dawson R.M. The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 5.

² Русский перевод текста этого Акта см.: Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 228-235.

³ Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 392, 394.

применяемо на практике чрезвычайно редко...».¹ Однако в данном случае С.А. Корф едва ли был прав: право вето метрополии всё же полностью тогда ещё не вышло из употребления, а то, что к нему прибегали очень редко, означало возвращение его в запасное средство давления на самоуправляющиеся колонии. Кроме того, в конце XIX и начале XX вв. считалось, что генерал-губернатор не обязан следовать «советам» своих колониальных министров в вопросе о досрочном роспуске палаты. Правда, в Канаде и Австралии уже тогда высказывалось и противоположное мнение, но правовой нормой оно тогда не стало.² В Ньюфаундленде губернатор неоднократно поступал, пренебрегая «советами» министров по разным делам.³

Ограничением самоуправления во внутренних делах служило также право апелляции жителей самоуправляющихся колоний в Судебный комитет Тайного Совета в Лондоне. «Судебный комитет, – писал В. Энсон, – есть установленная статутом последняя апелляционная инстанция для всех частей государства, исключая Соединённое Королевство».⁴ Власти самоуправляющихся колоний стремились как-то ограничить это право апелляции. Канаде в 1887 г. удалось добиться того, что британским парламентом был принят закон, запрещающий апелляции к Судебному комитету Тайного совета по уголовным делам. Однако по другим делам в эту инстанцию могли быть по-прежнему обжалованы как решения Верховного суда Канады, так и решения провинциальных судов.⁵ Акт о Конституции Австралийского Союза 1900 г. ограничил право апелляции в Судебный комитет, запретив обжаловать решения Верховного суда Австралии по вопросам, касающимся взаимных пределов конституционной власти Союза или какого-либо штата или взаимных пределов конституционной власти двух или более штатов (ст. 74); жалобы, не связанные с этими вопросами, вполне могли быть переданы на рассмотрение Судебного комитета Тайного совета. Акт о Южной Африке 1909 г. как будто бы объявил недопустимыми апелляции к Судебному комитету, но тут же сделал исключения для дел, обжалование которых особо разрешено «королём и совете» (ст. 106). В Новой Зеландии сложилась практика выдачи самим судом разрешений апеллировать в Судебный комитет Тайного совета. В Ньюфаундленде, согласно закону, принятому английским парламентом, апелляция в Судебный комитет Тайного совета допускалась в тех случаях, когда сумма иска превышает 500 ф. ст.

В Австралии, несмотря на объединение отдельных колоний в федерацию, британская метрополия сохранила прямые связи с субъектами этой федерации. В Австралии и после образования Австралийского союза губернатор штата про-

¹ Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 393.

² Забегая вперед отметим, что позднее, в 1926 г., генерал-губернатор Канады отказал премьер-министру Маккензи Кингу в досрочном роспуске палаты общин и, хотя это вызвало конфликт, провёл своё решение в жизнь (подробнее см. Уэйд Е.С., Филипс Д.Д. Конституционное право. С. 531).

³ См. Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 381.

⁴ Энсон В. Английская корона, её конституционные законы и обычаи. С. 124.

⁵ Подробнее см.: Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 54.

должал назначаться актом британского монарха и условия деятельности этого должностного лица были также определены королевским патентом 1900 г. В этом акте, а частности, указывалось, что губернатор не должен давать согласие на ряд законодательных актов парламента штата, в том числе на акты, которым уже было однажды отказано в королевской санкции, на акты, идущие в разрез с королевской прерогативой, на акты, ставящие в невыгодное положение торговлю и судоходство Соединённого Королевства и пр. «Положение губернатора, – справедливо отмечает советская исследовательница И.М. Вайль, – почти не изменилось с учреждением Австралийского Союза. Как и прежде, он исполняет двойные функции: представителя короны (британской короны! – *Н.К.*) и главы администрации штата».¹ Отметим, что в Канаде, которая первой добилась статуса самоуправляющейся колонии и в каком-то плане служила образцом для других, объединение провинций в федерацию начисто исключало какие бы то ни было прямые конституционные связи субъектов федерации с британской метрополией: губернаторы канадских провинций стали назначаться независимо от британской короны генерал-губернатором. Совершенно ясно, что сохранение прямых связей британской короны с губернаторами австралийских штатов было обусловлено негласным союзом между колониальными кругами Великобритании и довольно влиятельными антифедералистскими силами внутри самой Австралии и что подобный союз правящие круги Великобритании надеялись использовать в случае необходимости в своих интересах.

Ограничения самоуправления касались и права самоуправляющихся владений вносить изменения в свои «конституционные» акты. Только акты, принятые британским парламентом уже в начале XX в., пошли на то, чтобы разрешить парламентам Австралийского Союза и Южно-Африканского Союза принимать поправки к этим актам. Что касается Канады и Ньюфаундленда, то парламенты этих владений не только в конце XIX в., но и в начале XX в. не получили права изменять свои «конституции». Конституция Канады, по словам Е.С. Уэйда и Д.Д. Филипса, «поскольку она содержится в законе имперского парламента, который не определяет порядка внесения в неё поправок, может быть изменена только законом имперского парламента».² На практике установился обычай, в соответствии с которым новые Акты о Британской Северной Америке всегда принимались британским парламентом не иначе, как после предварительного одобрения каждого из этих актов канадским парламентом. Но собственной властью канадский парламент всё же не мог вносить никаких изменений в Конституцию своей страны. В Ньюфаундленде в качестве конституции действовал акт королевской власти, который односторонним решением колониального парламента, по общему убеждению, нельзя было изменить. Несколько иное положение сложилось в Новой Зеландии, где Акт 1852 г. также прямо не указывал порядка его изменения, но в 1857 г. британский парламента принял акт, пожаловавший Гене-

¹ *Вайль И.М.* Австралия: федерализм и высшие органы власти. – М.: Наука, 1970. – С. 128.

² *Уэйд Е.С., Филипс Д.Д.* Конституционное право. С. 510.

ральному собранию соответствующее право с некоторыми ограничениями.¹

Буржуазные государствоведы Великобритании, осознав, что в «переселенческих» колониях никакой другой системы управления, кроме системы ответственного правительства, установить невозможно, стали доказывать, что признание самостоятельности за такими колониями лучше всего отвечает интересам самой метрополии. «Весь процесс развития самоуправления, – писал А.Б. Кейз, – состоял в развитии узкого смысла имперского интереса, в призывании того факта, что правительство колонии в своей внутренней политике не сталкивается с фактом вмешательства имперского правительства. Рассматривая проблему в более широком плане, можно сказать, что наличие хорошего или плохого правительства в колонии очень важно для империи, но это ещё более важно для колонии; делом самой колонии должно быть решение того, одобряет ли она политику своего правительства или нет... Различные части империи должны внутренне развиваться по своим направлениям; не надо прилагать усилия для единообразия, даже если это единообразие теоретически намного лучше, чем разнообразие, к которому всегда приводит независимость. Реальная жизнь империи может потерпеть ущерб, если пытаться оживить искусственное единообразие, так как империя – это организм, в котором развитие целого зависит от свободного роста составных частей».²

Подводя итог сказанному, необходимо подчеркнуть, что статус самоуправляющейся колонии означал предоставление соответствующей стране весьма значительной самостоятельности в управлении своими *внутренними* делами, но ещё ни коей мере не подразумевал предоставление данной стране независимости.

§ 2. Превращение самоуправляющихся колоний в государственные образования

Хотя самоуправляющиеся колонии занимали в системе британских владений положение, существенно отличавшееся от положения коронных колоний, они всё же оставались на положении колоний, то есть зависимых от Великобритании территорий. Добившись внутреннего самоуправления, «переселенческие» колонии не остановились на этом, а продолжали борьбу за расширение своей самостоятельности, за ликвидацию колониального статуса и замену его каким-то новым, более высоким статусом. Подобные устремления самоуправляющихся колоний нашли своё выражение, прежде всего, в выборе официального названия соответствующей территории.

Ранее всего вопрос о выборе названия встал перед Канадой. Уже при разработке Акта о Британской Северной Америке 1867 г. выдвигались предложения о наименовании прежней колонии «Королевством Канада», то есть признания Канады хотя бы формально отдельным государством, соединённым с Великобританией реальной унией. Однако правящим кругам Великобритании такой шаг показался чересчур радикальным, поскольку в Британии многие боялись полного от-

¹ Подробнее см. *Корф С.А.* Автономные колонии Великобритании. С. 338-339.

² *Keith A.B.* Responsible government in the Dominions. Vol. I. P. 284.

деления этой колонии.¹ Поэтому в тексте Акта 1867 г. было включено другое официальное наименование – «Доминион Канада» (*Dominion of Canada*). Буквально английские слова «dominion» и особенно «dominions» означали не что иное, как владение, владения, но в данном случае слово было употреблено как понятие собственное, написано с большой буквы и, следовательно, должно было обрести какой-то новый, правда, довольно неопределённый смысл. Это подтверждается и тем, что во французском тексте Акта 1867 г. самоуправляющаяся колония была названа «Puissance du Canada», то есть «Держава Канада».

Термин, использованный для наименования Канады, вовсе не сразу стал образцом для подражания. При объединении австралийских самоуправляющихся колоний в федерацию, в официальном наименовании новой большой самоуправляющейся колонии был использован другой термин – «Commonwealth of Australia», т.е. буквально «Содружество Австралии» (на русский язык чаще это выражение переводится проще – «Австралийский Союз»). Английское слово «Commonwealth» имеет различные значения: в период английской буржуазной революции XVII в. так официально именовалась английская республика, впоследствии этот термин в литературе употреблялся как синоним государства или государственного образования. При объединении южно-австралийских колоний был использован ещё более простой термин – «Union», то есть «Союз». Вместе с тем, знаменательно, что Новая Зеландия в 1907 г. добилась изъятия слова «колония» из её официального наименования, и 26 сентября 1907 г. она по канадскому образцу получила официальное наименование «Доминиона Новой Зеландии» («Dominion of New Zealand»). По словам русского государствоведа С.А. Корфа, это подчёркивало государственность её автономии.² Единственной самоуправляющейся колонией, которая в начале XX в. продолжала носить официальное наименование «колония», а не «доминион» или какого иного, оставался Ньюфаундленд. С.А. Корф объяснял это тем, что конституционным актом Ньюфаундленда служил не акт британского парламента («имперский закон»), а королевский акт (губернаторская «комиссия» 1832 г.).³ Нам думается, что причина заключалась не в этом, а в том, что правящие круги Ньюфаундленда, находившегося в гораздо более сильной экономической зависимости от Великобритании, чем другие самоуправляющиеся колонии, не проявляли большой щепетильности в вопросе об официальном наименовании данной территории.

Необходимость считаться с требованиями правительств самоуправляющихся колоний привела к тому, что начиная с 1887 г., британское правительство стало созывать особые конференции или консультации с правительствами некоторых колоний, входящих в состав Британской империи. В 1907 г. эти колониальные конференции получили наименование имперских, и более чётко определялся круг участников таких конференций. В постановлении конференции 1907 г., в частности, говорилось о том, что «империи будет выгодно, если конференция,

¹ Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 57.

² Там же. С. 315.

³ Там же. С. 372-373.

названная имперской конференцией, проводится каждые четыре года, на которой обсуждаются и рассматриваются вопросы, представляющие общий интерес для правительств его величества и самоуправляющихся доминионов за морями».¹

Британские государствоведы с полным основанием связывают придание термину «доминион» общего значения именно с решениями колониальной конференции 1907 г. Так, проф. К.К. Уэйр писал, что ещё «в 1901 г. слова “британские заморские доминионы” прибавляли к королевскому титулу. “Доминионы” означали тогда владения. Они включали в себя все британские территории и владения. Следовательно, сюда входили как несамоуправляющиеся общины, так и самоуправляющиеся. На колониальной конференции 1907 г. представители самоуправляющихся общин убедили Соединённое Королевство в том, что выражение “самоуправляющиеся доминионы” должно употребляться только тогда, когда речь идёт о них, чтобы отличать их от несамоуправляющихся общин. Эта фраза получила признание в постановлении Соединённого Королевства в 1911 году».² Вскоре выражение «самоуправляющиеся доминионы» укоротили и стали применять термин «доминион», подразумевая исключительно самоуправляющиеся владения Британии.

Проф. А.Б. Кейз писал в 1935 г.: «Хотя только за последние 15 лет термин “статус доминиона” стал известен в политической терминологии, создание статуса надо отнести к колониальной конференции 1907 г. и к её решению поставить на постоянную основу систему периодических конференций между составными частями империи. Как знак признания особого положения самоуправляющихся колоний был новый термин «доминион» для обозначения их. Отличительный характер их статуса был отмечен исключением Индии из членов конференции. Доминионы были по существу территориями, располагавшими самоуправлением во всех своих внутренних делах и таким образом стояли особняком от Индии так же, как и от коронных колоний и протекторатов».³ Таким образом, постепенно термин «доминион» был распространён на все самоуправляющиеся территории с белым населением (Канада, Австралия, Новая Зеландия) или с белым правящим меньшинством (Южно-Африканский союз). После конференции 1907 г. наименование «колония» уже более не применялось в отношении самоуправляющихся британских владений.⁴

В 1911 г. собралась имперская конференция, на которой впервые представители доминионов приняли участие в обсуждении вопросов внешней политики. На этой конференции премьер-министр Новой Зеландии сэр Джозеф Уорд выступил с предложением о создании федерации в рамках Британской империи. Предложение имело в виду образование Имперского совета, включавшего представи-

¹ Colonial conference, 1907. Minutes of proceedings. Cd. 3523. – London: Printed for H.M. Stationery Off., by Eyre and Spottiswoode, 1907. – P. 5.

² *Wheare K.C.* The Statute of Westminster and Dominion Status. P. 22.

³ *Keith A.B.* Letters and Essays on Current Imperial and International Problems, 1935-1936. – London: Milford, 1936. – P. 3.

⁴ *Coatman J.* British Family of nations. – London: Harrap, 1950. – P. 26, 112.

телей всех составных частей империи и рассчитанного на то, чтобы в теории и на практике играть роль консультативного органа по отношению к имперскому правительству по всем вопросам, представлявшим интерес для доминионов. Это предложение имело определённое сходство с взглядами, выраженными Джозефом Чемберленом в 1897 г. и 1902 г., но, тем не менее, не встретило поддержки и даже не обсуждалось на конференции. Тогда, вместо этого продолжения Джозеф Уорд выдвинул новый план – план общеимперской защиты, под которой он подразумевал, однако, только военно-морскую защиту, так как именно это было общим и актуальным по отношению ко всем частям империи.¹

Материалы конференции 1911 г. свидетельствуют о том, что доминионы продолжали добиваться полной независимости, признания каждого доминиона субъектом международного права, преобразования Британской империи таким образом, чтобы с одной стороны стояло Соединённое Королевство, державшее в своих руках политический контроль над коронными колониями и Индией, а с другой стороны – самоуправлявшиеся доминионы, каждый из которых выступал бы как независимое государство. Канадский представитель заявил на конференции, что доминион Канада «должен объявить о своём желании стать независимым государством, оставляя для Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки следовать примеру сразу же или с течением времени». Оратор подчеркнул, что эта независимость вовсе не предполагает полного отделения, и что доминион при своём новом статусе будет оставаться в тесном союзе с Соединённым Королевством и под властью того же монарха, но будет действовать как независимая единица в международном праве и в международно-правовом отношении не будет нести ответственности за ошибки британской внешней политики.² Следует отметить, что и раньше, ещё во второй половине XIX в., Канада упорно добивалась права самостоятельно решать вопросы своей внешнеторговой политики и её требования не встречали противодействия со стороны британского правительства. Главным фактором, определявшим особо осторожное и «великодушное» отношение британского правительства к Канаде, являлось её международное положение: ведь в США рано появились силы, которые выступали за аннексию своей северной соседки (начиная с периода войны за независимость и англо-американской войны 1812-1814 гг.).³

Наиболее яркой иллюстрацией тактики британского правительства по отношению к Канаде может служить следующий инцидент. Когда в 1879 г. канадский парламент установил тарифы, направленные на защиту местной промышленности, некоторые депутаты английской палаты общин, выразив недовольство, потребовали, чтобы британское правительство приняло меры, имеющие целью осудить и запретить «канадскую национальную политику». Но британский государственный секретарь по делам колоний отказался вмешиваться, мотивируя тем,

¹ *Keith A.B.* Imperial unity and the Dominions. – Oxford: Clarendon Press, 1916. – P. 501-502.

² *Ibid.* P. 510.

³ См.: *Ерофеев Н.А.* Английский колониализм в середине XIX века. – М.: Наука, 1977. – С. 39.

что канадский закон не выходит за пределы прав, гарантированных Актом 1867 г., что в соответствии с этим Актом, финансовая политика Канады относится всецело к ведению канадского парламента. Вместе с тем, он добавил, что британское правительство может лишь сожалеть о принятии Канадой протекционистской системы.¹

Будучи уверенной в своём экономическом превосходстве и в своей способности осуществлять беспспорное руководство внутрикониональной торговлей, Великобритания ещё во второй половине XIX в. шла на уступки настойчивым стремлениям молодых доминионов к дальнейшей самостоятельности в отдельных вопросах международной торговли. В 1865 г., когда речь шла о возобновлении действия договора о взаимном обмене, британское правительство согласилось с тем, чтобы в переговорах, наряду с британским представителем в Вашингтоне, существенное участие принимал также представитель Канады, хотя Канада не выступала в качестве особой стороны. Результатом этого явилось также присоединение премьер-министра доминиона в 1871 г. при заключении договора в Вашингтоне.² В 1877 г. представители Канады побудили имперское правительство в Лондоне объявить об изменении в своей политике: было заявлено, что с этого времени торговые договоры, заключённые Соединённым Королевством, не будут автоматически распространяться на самоуправляющиеся конии, а этим кониям будет предоставляться возможность присоединиться к договору в течение двух лет. Впервые такая оговорка была включена в 1882 г. в текст договора, заключённого Великобританией с Черногорией, затем в 1883 г. – в текст договора, заключённого Великобританией с Италией. После этого подобная договорная практика стала неизменной. Ещё позднее эта практика была пополнена практикой обращения за консультацией к правительствам доминионов при ведении коммерческих переговоров. В ходе этих консультаций британское правительство заранее выясняло, не желает ли правительство доминиона фиксирования каких-то специальных уступок, речь о которых могла бы возникнуть при обсуждении спорных вопросов.

Затем правительства доминионов дали понять лондонскому правительству, что ограничения, наложенные на доминионы старыми договорами, чересчур обременительны и что возникла необходимость освободить доминионы от тех ограничений, которые навязала им метрополия без каких бы то ни было консультаций с ними. В 1894 г. на Оттавской конференции (созванной по инициативе Канады), на которой присутствовали представители многих самоуправляющихся коний, было высказано требование, чтобы в качестве подготовительной ступени к созданию системы имперских преимущественных торговых пошлин были отменены «ограничения, которые подчиняли уступки другим державам любых

¹ *Egerton H.E.* A Short History of British Colonial Police, 1606-1909. 10-th Edition. – London: Methuen, 1941. – P. 347.

² *Keith A.B.* The Sovereignty of the British Dominions. – London: MacMillan & Co., Ltd, 1929. – P. 284.

выгод, предоставленных британскому импорту в колониях».¹ Противоречия в вопросах, касавшихся таможенных пошлин, временами вызвали значительную напряжённость в отношениях между Великобританией и доминионами. Так, на упоминавшейся выше конференции 1894 г. в Оттаве эти противоречия привели к тому, что была даже предпринята попытка выразить недоверие проводимой Великобританией политике.² На этой конференции впервые было чётко продемонстрировано нежелание доминионов признавать всегда и везде политику британского правительства своей политикой.

Иностранные державы нередко отказывались принимать на себя обязательства по договорам, которые не были ратифицированы имперскими полномочными представителями и имперским парламентом. Поэтому в 1895 г. британское правительство выработало принцип, в соответствии с которым каждый доминион, поскольку он не имеет полномочий заключать самостоятельно договор, обязывался обо всех условиях договора предварительно договариваться с имперским полномочным представителем, который и будет официально заключать с иностранной державой договор, особенно затрагивающий интересы доминиона. Имперскому представителю при этом мог оказывать помощь своими «советами» представитель доминиона. Метрополия признавала недопустимым заключение договора, ограничивающего интересы доминиона или других частей империи.³ В 1898 г. было решено, что иностранные государства должны предоставить самоуправляющимся колониям возможность не только вступать в качестве самостоятельных участников в торговые договоры, но и выходить из числа их участников без ослабления законности договора. Первыми на такую уступку пошли Гондурас и Уругвай в 1899 г., и с того времени повелось, что доминионы требовали самостоятельного «входа» и «выхода» по отношению ко всем торговым договорам. Правда, Германия отказалась признать указанное положение в отношении британских доминионов, но большинство стран всё же его приняли.⁴ В 1907 г. Канада получила разрешение на самостоятельную инициативу по заключению торгового договора с Францией. С 1897 г. по 1910 г. Канада вела таможенную войну с Германией, в 1911 г. заключила торговый договор с США без какого-либо согласования с Великобританией.⁵

Накануне Первой мировой войны доминионы приняли участие в нескольких международных совещаниях. В качестве самостоятельных участников все доминионы в 1912 г. подписали международную Конвенцию по вопросам радиотелеграфной связи, а в 1914 г. – Конвенцию о спасании потерпевших кораблекру-

¹ *Keith A.B.* The Sovereignty of the British Dominions. – London: MacMillan & Co., Ltd, 1929. – P. 279-280.

² *Schmitt M.* Vorherrschaft des Mutterlandes and Selbständigkeit der Dominions // Handbuch der Politik. Band 5. 111 Auflage. – Berlin – Grunewald, 1922. – S. 74.

³ *Minty L.M.* Constitutional Laws of the British Empire. – London: Sweet & Maxwell, Ltd, 1928. – P. 96.

⁴ *Keith A.B.* The Sovereignty of the British Dominions. P. 281.

⁵ *Schmitt M.* Vorherrschaft des Mutterlandes and Selbständigkeit der Dominions. P. 74.

шение.¹ Таким образом, в некоторых случаях доминионы ещё до Первой мировой войны выступали в качестве отдельных субъектов международного права, однако это имело место лишь в некоторых случаях. Права выступать в качестве самостоятельных участников при подписании *любого* многостороннего договора ни Великобритания, ни другие государства за доминионами ещё не признавали. Не было ещё и практики заключения доминионами двусторонних международных договоров. Далеко не всегда доминионы получали также приглашение принять непосредственное участие в международных конференциях. Следовательно, международной правосубъектностью в полном объёме доминионы в период до Первой мировой войны ещё не обладали. Но какую-то часть этой правосубъектности им всё же удалось обрести ещё в тот период.

Наличие ограниченной международной правосубъектности свидетельствует о том, что доминионы из колоний превратились в государственные образования. Об этом же свидетельствуют и другие факты. Уже в XIX в. самоуправляющиеся колонии начинают искать также пути к установлению прямых связей между правительством колонии и правительством метрополии, минуя генерал-губернатора. Таких связей, прежде всего, требовали их торговые взаимоотношения. Самоуправляющиеся колонии стали назначать в Лондон специальных представителей, которые первоначально обычно именовались «торговыми агентами» или «генеральными агентами» (но последние тоже занимались в основном коммерческими проблемами). Однако постепенно функции представителей доминионов перестали ограничиваться только торговыми делами и всё больше стали приобретать политический характер.

В 1879 г. делегация канадского правительства под руководством премьер-министра сэра Джона Макдональда вручила британскому правительству специальный меморандум относительно взаимоотношений Канады и метрополии. В меморандуме отмечалось, что растущее значение национальных дел Канады привело к необходимости близких личных консультаций между правительствами и что растущая торговля доминиона с иностранными государствами доказала «абсолютную необходимость прямых переговоров с ними для собственной защиты её интересов». Меморандум настаивал на том, что в палатах «Святого Джеймса» (то есть при дворе английского короля) должен находиться постоянный министр, которому вменялось бы в обязанность непосредственно связываться с британским правительством и который был бы лицом постоянно аккредитованным для обсуждения торговых договоров Канады с иностранными государствами. В меморандуме указывалось, что канадское правительство придаёт большое значение этому вопросу и выражалась надежда, что правительство метрополии предоставит канадским представителям дипломатический статус. Непосредственным результатом этого меморандума стало создание должности верховного комиссара для Канады.² По словам Г. Скиллинга, эта должность была создана статутом в

¹ Elliott W.Y. The new British empire. – New York – London: McGraw-Hill book company, 1932. – P. 270.

² Hall N.D. The British Commonwealth of Nations. – London: Methuen & Co., Ltd., 1920. –

1880 г. для того, чтобы удовлетворить растущие потребности доминиона в генеральном представительстве его интересов в Великобритании личностью, имеющей официальное основание и соответствующее признание британским правительством.¹ Спустя ещё несколько лет, в 1884 г., сэр Чарльз Тапэр в качестве верховного комиссара добился для Канады права обсуждать условия торговых договоров с иностранными державами.²

Несмотря на это, термин «верховный комиссар» ещё долго не находил применения во взаимоотношениях других самоуправляющихся колоний с метрополией. Их представители в Лондоне продолжали носить старые наименования, хотя функции постепенно становились более политическими, а не только торговыми. В связи с этим, генеральный агент Новой Зеландии 12 февраля 1879 г. решительно выступил против термина «генеральный агент», полагая, что этот термин уже не отражает действительное положение представителя колонии. Он настаивал на признании термина «министр-резидент» и предлагал недвусмысленно определить правовой статус данных представителей таким образом, чтобы они во всех отношениях походили на послов. Только в 1905 г. Новая Зеландия изменила официальный статус представителя и утвердила термин «верховный комиссар».³ Окончательное признание верховных комиссаров как полноправных дипломатических представителей доминионов в Великобритании произошло в 1910 г.⁴ Однако с какими-либо другими государствами, кроме Великобритании, доминионы ещё не обменивались дипломатическими представителями. Стало быть, утверждение должности верховных комиссаров говорит не о росте международно-правового статуса доминионов, а о значительном изменении характера взаимоотношений между доминионами и Соединённым Королевством, о почти полной утрате этими взаимоотношениями колониального характера.

В связи с новым характером взаимоотношений, установившихся между Великобританией и её «самоуправляющимися доминионами», внутри Колониального ведомства в 1909 г. был учреждён специальный Отдел по делам доминионов. Тем самым в системе правительственных учреждений Великобританией стал зарождаться орган, призванный ведать делами территорий, которые по существу уже утратили колониальный статус, и управление которыми поэтому не могло строиться дальше так же, как управление обычными колониальными владениями. Обретение «самоуправляющимися доминионами» определённых элементов собственной государственности нашло своё выражение также в создании ими своих собственных воинских контингентов, в выпуске ими своих собственных денежных знаков, в установлении своего флага в качестве символа своей особой государственности. Впрочем, все эти элементы появились у доминионов не сразу и не

Р. 83-84.

¹ *Skillng H.G.* Canadian representation abroad. From agency to embassy. – Toronto: The Ryerson Press, 1945. – P. 84.

² *Hall H.D.* The British Commonwealth of Nations. P. 84.

³ *Keith A.B.* Responsible government in the Dominions. Vol. I. P. 340.

⁴ *Ibid.* P. 340-341.

в одинаковой степени.

Канада получила право держать собственные вооружённые силы уже по Акту 1867 г., в котором говорилось, что милиция, военная и морская служба, а также государственная оборона относятся к делам, входящим в сферу исключительной законодательной компетенции федерального канадского парламента (ст. 91, п. 7). В соответствии с этими положениями сухопутные войска строились на ополченческих началах. Они включали так называемую активную милицию и резерв. Комплектовались эти войска добровольцами, но в 1906 г. был принят закон, предоставивший канадским властям право призывать на военную службу мужчин в возрасте от 18 до 60 лет в случае «национальной опасности». Главнокомандующим милицией первоначально мог быть назначен только британский офицер, но в 1883 г. должность главнокомандующего была заменена другой должностью генерального инспектора милиции, на которую разрешалось назначать и канадцев. Полностью вопросы сухопутной обороны территории Канады британское правительство передало правительству доминиона в 1905 г., когда оно из британского бюджета впервые исключило статьи, касающиеся содержания двух крепостей и британских гарнизонов этих крепостей на канадской земле. Благодаря этому, отмечал С.А. Корф, исчезло прежде существовавшее различие военных сил метрополии, расположенных в Канаде, и милиции Канады.¹ Но собственными военно-морскими силами Канада в период до Первой мировой войны не располагала, хотя вопрос об этом в начале XX в. не раз дебатировался в канадском парламенте. Консерваторы выступали против собственного военно-морского флота, предлагая оказывать финансовую помощь в строительстве кораблей британского («имперского») флота, либералы доказывали необходимость строительства военных кораблей, которые находились бы в ведении властей доминиона.

Вопрос о собственном флаге в Канаде возник вскоре после вступления в силу Акта 1867 г., и на многих канадских торговых судах стали пользоваться британским флагом с добавлением особого канадского герба. В середине 70-х гг. XIX века британское адмиралтейство запретило пользоваться такими флагами, но в 1889 г. вынуждено было отменить этот запрет. Лишь в 1892 г. последовало официальное разрешение на употребление особого канадского флага, представлявшего собою британский «Красный флаг» с канадским гербовым щитом, состоящим из гербов четырёх провинций, и «Юнион Джеком» в левом верхнем углу.² К компетенции канадского парламента Акт 1867 г. относил также денеж-

¹ Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 84.

² Британский флаг с изображением трёх наложенных друг на друга крестов называют «Юнион Джеком», поскольку король Яков I первый ввёл флаг, отражавший объединение Англии и Шотландии («Юнион» – союз, «Джек» – уменьшительное английское имя Якова). Для коммерческих судов 28 июля 1707 г. в Великобритании был утверждён специальный «Красный флаг» – красное полотнище с «Юнион Джеком» в верхнем углу у древка. Белые корабли английского военно-морского флота Великобритании несут «белый флаг» – белое полотнище с красным прямым крестом, а верхнем углу у древка – «Юнион Джек». Вспомогательные суда военно-морского флота и транспортные суда под командой офицера несут «Синий флаг» – синее полотнище с «Юнион Джеком» в верхнем углу. Подробнее см.: Ива-

ное обращение, чеканку монет и выпуск бумажных денег (ст. 91, п. 14, 15). В действительности ещё за десять лет до издания указанного Акта была введена денежная единица – канадский доллар, а в 1858 г. его золотое содержание приравнялось к золотому содержанию доллара США. Вместе с тем нельзя не отметить, что в Канаде наряду со своими денежными знаками и монетами вплоть до 1914 г. находились в обращении английские соверены и американские доллары.¹

Акт о Конституции Австралийского союза 1900 г. закрепил за федеральным парламентом право издавать законы по вопросам военной и морской обороны Союза и различных штатов и контроля над теми силами, на которые возлагается исполнение и охрана законов Союза (ст. 15, п. 6). Войска метрополии из Австралии были выведены, а сухопутные вооружённые силы доминиона стали комплектоваться из числа добровольцев. В 1911 г. Австралия ввела всеобщую воинскую повинность. Проблему морской обороны Австралия первоначально решала, внося метрополии ежегодно около 200 000 ф. ст. на содержание британских военных кораблей вблизи Австралии. В 1913 г. была сформирована собственная эскадра Австралии. «Таким образом, – писал С.А. Корф, – положено начало австралийскому флоту, плавающему притом в водах Австралии».² В Австралии вскоре после образования федерации был поставлен вопрос о создании собственного государственного флага. Осенью 1901 г. в Мельбурне провели конкурс на образец государственного флага, и на этот конкурс было внесено до 30 000 проектов. В 1903 г. составленный жюри конкурса флаг, который воспроизводил британский «Синий флаг» с «Юнион Джеком» в левом верхнем углу, но, в отличие от него, имел ещё изображение на полотне шести звёзд, символизовавших союз шести австралийских штатов, был неофициально одобрен английским королём и стал использоваться в торжественных случаях и на официальных церемониях. Тем не менее, от законодательного утверждения австралийского флага британское правительство уклонилось.³ Акт 1900 г. предоставил парламенту Австралийского Союза право издавать законы в отношении хождения, чеканки и законного веса монеты, учреждения банков и выпуска бумажных денег (ст. 51, п. 12 и 13). Однако в действительности в течение ещё ряда лет основную часть денежной массы в Австралии составляли банкноты частных банков, выраженные в английских фунтах стерлингов. Законом от 4 сентября 1909 г. вводилась в Австралии собственная денежная единица – австралийский фунт, его золотое содержание было установлено равным золотому содержанию английского фунта стерлингов. В 1910 г. право эмиссии бумажных денег предоставлялось министерству финансов Австралийского Союза. Банкноты частных банков изъяли из обращения только в 1911 г.

Акт о Конституции Новой Зеландии 1852 г. не содержал перечня полномочий местного парламента и поэтому не предусматривал прямо каких-либо пол-

нов К.А. Флаги государств мира. – М.: Транспорт, 1971. – С. 106; Баскаков Э.Г. Биографии гербов, флагов, гимнов зарубежных стран. – М.: Политиздат, 1967. – С. 69-70.

¹ Валюты стран мира. Справочник / Глав. ред. С.М. Борисов. – М.: Финансы, 1976. – С. 19-20.

² Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 179.

³ Баскаков Э.Г. Биографии гербов, флагов, гимнов зарубежных стран. С. 59.

номочий местных властей как в области обороны, так и в области денежного обращения. Тем не менее, фактически новозеландский парламент не считал себя в этом отношении более ограниченным в правах, чем канадский или австралийский парламент. Британские войска были выведены из Новой Зеландии в 60-х годах XIX в. после кровавого подавления восстания туземцев-маори. Единственной военной силой в самоуправляющейся колонии в течение многих лет была военизированная полиция (*Armod Constabulary*). Законом 1886 г. учреждались новозеландские войска в виде «Постоянной милиции», позднее преобразованной в корпус «Королевской новозеландской артиллерии». Функции военизированной полиции ограничивались чисто полицейскими делами. Своих военно-морских сил Новая Зеландия во второй половине XIX и начале XX вв. не имела – она делала ежегодные взносы в ассигнования на британский военно-морской флот. Даже крейсер «Новая Зеландия», построенный на средства доминиона в 1912 г., включили в состав военно-морских сил Великобритании. Право новозеландских кораблей пользоваться своим государственным флагом установлено британским законом о торговом мореплавании 1894 г. В основу новозеландского флага был положен британский «Синий флаг» с «Юнион Джеком», но на полотнище этого флага дополнительно изображалось созвездие Южного креста из четырёх звёзд красного цвета с белым кантом. В денежном обращении Новой Зеландии долгое время использовались английские монеты и бумажные деньги, а также банкноты, выпущенные частными банками. Лишь в 1907 г. была введена своя денежная единица – новозеландский фунт, золотое содержание которого приравнялось к золотому содержанию английского фунта стерлингов.

Южно-Африканский союз в период, предшествовавший Первой мировой войне, не располагал ни собственными вооружёнными силами, ни собственным флагом, ни собственной денежной единицей. Это был единственный «самоуправляющийся доминион», на территории которого накануне Первой мировой войны оставались британские («имперские») войска. Обосновывая необходимость этих войск, британский государственный секретарь по делам колоний в своей речи в палате общин 31 июля 1912 г. ссылаясь на потребности защиты от якобы возможных набегов негритянских племён и обязанность сохранять «мир и порядок» в соседних протекторатах – Бечуаналенде, Басутоленде и Свазиленде.¹ Средствами платежа в доминионе служили английские деньги и банкроты частных банков. Ньюфаундленд также не имел своих вооружённых сил. Он лишь вносил 3 000 фунтов стерлингов в бюджет метрополии на сохранение ею в этом владении «Королевского морского резерва» численностью в 600 человек. Ньюфаундлендский парламент в разное время принял несколько законов по вопросам денежного обращения и ввёл свою денежную единицу – ньюфаундлендский доллар, приравненный к канадскому доллару, но чеканка ньюфаундлендских долларов производилась в Великобритании. С 1910 г. местным финансовым ведомством стали выпускаться казначейские билеты, превратившиеся в местные бумажные деньги. Своим флагом Ньюфаундленд не располагал.

¹ См.: Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 275.

Протесты многих «самоуправляющихся доминионов» против наименования их «колониями», изменение характера реальных взаимоотношений между властями британской короны и метрополией и попытки установить новые каналы связи с метрополией, отличающиеся от традиционно колониальных, проявление определённой самостоятельности на международной арене (правда, весьма ограниченной), создание собственных вооружённых сил, введение своей денежной системы и установление своих государственных флагов – всё это говорит о том, что в начале XX в. в доминионах, несомненно, шёл процесс становления их собственной государственности. С другой стороны, то обстоятельство, что государственность доминионов проявлялась ещё в ограниченном объёме, что некоторые властные полномочия по отношению к доминионам продолжала сохранять метрополия, свидетельствует, что процесс становления государственности в доминионах накануне Первой мировой войны ещё не был завершён. Небезынтересна оценка, с точки зрения международного права, статуса доминиона в период, предшествующий Первой мировой войне, данная известным английским специалистом Г. Лаутерпахтом. По его словам, в тот период доминионы «не имели никакого международного положения, потому что, с точки зрения международного права, они являлись просто колониальными частями метрополии. Не имело значения то обстоятельство, что некоторые из них, например, Канада и Австралия, имели собственный флаг – несколько изменённый флаг метрополии, или что они чеканили собственную монету, имели собственные почтовые марки и т.п.»¹ Иначе говоря, Г. Лаутерпахт полагал, что в тот период доминионы не могли быть признаны субъектами международного права, а «осуществляли лишь по тем иным вопросам договорную правоспособность метрополии, которая в этих пределах была им делегирована».²

Несколько иного мнения придерживался русский дореволюционный государствовед С.А. Корф, посвятивший британским доминионам объёмную монографию. Он пришёл к выводу, что «все пять автономных колоний суть в настоящее время *государства*, так как по отношению к ним Англия лишилась права принуждения по своему усмотрению (а фактически – и вовсе) их правотворческих органов».³ Вместе с тем С.А. Корф признавал, что автономные колонии не доросли до полного равенства с метрополией, что в составе Британской империи только Англия – суверенное государство, «колония же – государства несuverенные, так как метрополия, согласно их конституциям, сохранила за собой право участия, известными способами и в строго определённых пределах (как мы видели – ныне чрезвычайно узких) в правотворчестве колоний».⁴ Но эта концепция С.А. Корфа была неотъемлемой составной частью его трактовки Британской им-

¹ *Отпенгейм Л.* Международное право / Пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лаутерпахтом ; под ред. и с предисл. проф. С.Б. Крылова. – М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. – Том I: Мир. – Полутом 1. – С. 191.

² Там же.

³ *Корф С.А.* Автономные колонии Великобритании. С. 445.

⁴ *Корф С.А.* Автономные колонии Великобритании. С. 446.

перии как своеобразной федерации. С.А. Корф утверждал, что «союзное государство существует, пока части его не суверенны, т.е. пока они не располагают всей полнотой государственной власти и полной свободой правотворчества...».¹ В этом плане он видел сходство Британской империи с другими существовавшими в его время буржуазными федерациями. Отличие же Британской империи от других федераций он объяснял тем, что в других случаях федерации образовывались из самостоятельных частей, благодаря господству центростремительных сил и факторов, а в Британской империи под влиянием всё растущих центробежных сил некоторые её части приобретали всё большую самостоятельность, права самоуправления, затем автономию и, наконец, доросли до государственного статуса, достигнув того кульминационного пункта, на котором процесс разложения прежде единой империи остановился. «Благодаря этому с начала XX века существующее положение начало кристаллизоваться в своеобразную форму союзного государства...».²

Нам теория С.А. Корфа представляется неприемлемой. Неверно, прежде всего, представление о федерации как объединении несuverенных государств. С.А. Корф выступал здесь последователем Г. Еллинека, который таким путём пытался доказать федеративную природу кайзеровской Германии. Но уже тогда имелись факты, явно противоречившие такой конструкции: например, в такой «классической» буржуазной федерации, как Швейцария, федеральная конституция прямо признавала суверенитет кантонов. Мы считаем также, что Британскую империю (ни того, ни последующих периодов) нельзя рассматривать как федерацию также потому, что федерация – это сложное государство, состоящее из государств-членов и единого союзного государства, а в Британской империи союзного государства не существовало. Поскольку доминионы в период до Первой мировой войны не обрели полного объёма государственности, их правильнее всего рассматривать в этот период как государственные образования.

Несомненный интерес представляет трактовка правовой природы доминионов и их связи с Великобританией, данная в начале XX в. известным журналистом С. Лоу. Он высказал мнение, что «в административном и политическом отношении Австралийский Союз и Канадское Владение представляют почти независимые союзные государства, связанные друг с другом и с другими частями империи личной унией короны».³ Поскольку С. Лоу не был профессиональным правоведом, не будем придираться к словам, а обратим внимание на содержащуюся в его словах мысль. Называя доминионы «почти независимыми государствами», С. Лоу был, по-видимому, близок к тому, что теперь понимается под государственным образованием. Но состояли ли доминионы между собой и с Великобританией в отношениях личной унии? Учение об унии как форме соединения госу-

¹ Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 447.

² Там же. С. 448.

³ Лоу С. Государственный строй Англии / Сидней Лоу; Пер. с англ. В.И. Браудо под ред. проф. бар. Б.Э. Нольде; с предисл. проф. М.М. Ковалевского. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1908. – С. 244.

дарств с монархической формой правления привлекло внимание государствоведов конца XIX – начала XX вв. и редко встречается в работах современных государствоведов. Различалась уния личная и уния реальная. Л. Гумплович называл личной унией союз государств, в котором общим является только личность монарха, а каждое государство имеет свой собственный законодательный орган и отдельное правительство; когда же к общности монарха прибавляется общность по некоторым вопросам законодательства и управления, «причём выполнение этих функций лежит или на постоянных общих органах, или на собирающихся от времени до времени корпорациях, – тогда перед нами реальная уния».¹ Нетрудно заметить, что с этой точки зрения отношения между доминионами и Великобританией больше были похожи на реальную унию, чем на унию личную. Г. Еллинек разграничивал личную и реальную унию по другому признаку. «Если общность власти одного монарха не установлена государствами намеренно и, стало быть, в юридическом смысле случайна, то мы имеем личную унию. Если же эта общность юридически преднамеренна, то соединение имеет характер реальной унии».² И с этой точки зрения отношения между доминионами и Великобританией подпадали под признаки реальной, а не личной унии.

Советский учёный, проф. В.Н. Дурденевский, определял реальную унию как государственно-правовую форму, которая «представляет объединение нескольких (обычно двух) государств под одной династией, с несколькими общими органами и некоторым параллелизмом внутреннего устройства».³ Личную унию В.Н. Дурденевский трактовал как «случайное и легко прекращающееся совмещение в одном лице монархической власти двух государств (чаще всего в силу наследования); личная уния не влечёт юридических обязательств для государств».⁴ Касаясь отношений, сложившихся внутри Британской империи, В.Н. Дурденевский отмечал, что связь доминионов с Великобританией «юридически состоит в общности монарха и отчасти судебной системы, в периодических конференциях премьер-министров и в некотором общем параллелизме парламентских учреждений и обычаев. Это – связь равноправной “реальной унии”, т.е. федеративное объединение».⁵ Трактовка В.Н. Дурденевского нам представляется убедительной во всём, кроме одного – установления знака равенства между реальной унией и федеративным объединением. Мы уже отмечали, что нет оснований расценивать отношения Великобритании и доминионов как федеративное объединение.

В курсе международного права, созданного советскими учёными сравнительно недавно, различие между двумя видами унии усматривается в том, что

¹ Гумплович Л. Общее учение о государстве / [Соч.] Людвиг Гумпловича, проф. Грац. унта; Пер. со 2-го нем. изд. со вступ. очерком, примеч. и доп. ст. Ив.Н. Неровецкого. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1910. – С. 261.

² Еллинек Г. Общее учение о государстве. Право современного государства. / Ред.: С.И. Гессен. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Н.К. Мартынов, 1908. – Т. 1 – С. 555.

³ Дурденевский В.Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах: (с прил. текстов конституций). – Л.: Гос. изд-во, 1925. – С. 22.

⁴ Там же.

⁵ Дурденевский В.Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах. С. 63.

«члены личной унии полностью сохраняли свой суверенитет и независимость в международном общении», а «члены реальной унии утрачивали свой суверенитет и управлялись едиными органами власти».¹ Если отвлечься от того, что авторы ведут речь об униях, возникших в результате объединения ранее отдельных государств, а доминионы приобретали государственность иным образом, то и это определение позволяет нам трактовать отношения между доминионами в Великобритании именно как реальную унию или что-то близкое к ней.

Глава II. Правовой статус доминионов в период между мировыми войнами и судьба этого статуса после Второй мировой войны

§ 1. Новые моменты в правовом положении доминионов в итоге Первой мировой войны

После Первой мировой войны в отношениях между Великобританией и возникающими доминионами наметились большие изменения. «К 1914 году, – отмечал английский профессор А.Б. Кейз, – в коммерческих делах доминионы имели полномочия, какие они только хотели, а в политических делах они достигли большей части того, чего они желали».² А.Б. Кейз утверждал также, что доминионы могли бы добиться без всяких возражений со стороны имперского парламента и больших успехов, но этого не произошло якобы лишь из-за их «собственного нежелания заниматься делами, не представляющими для них особого интереса». Первая мировая война, по мнению А.Б. Кейза, отвратила доминионы от их тенденции отдавать предпочтение политике изоляции и держаться в стороне от всех сложностей внешней политики. Только после Первой мировой войны доминионы, по словам А.Б. Кейза, поняли, что не могут оставаться равнодушными к любым значительным международным переворотам и пришли к заключению, что необходимо проявлять интерес к процессу международной политики.³ Однако действительные причины изменений следует искать в другом. Во время Первой мировой войны доминионы оказали метрополии существенную помощь, заметно выросло их экономическое и международное значение, и именно это не могло не повлечь за собой серьёзных сдвигов во взаимоотношениях различных частей Британской империи.

Война 1914-1918 гг. знаменовала дальнейшее углубление кризиса Британской империи. В ходе Первой мировой войны и сразу после её окончания на первый план выступило действие центробежных сил внутри Британской империи. Пытаясь ослабить влияние этих сил, Великобритания вынуждена была пойти на ряд уступок. В «цветных» колониях метрополия следовала прежнему курсу. С другой стороны, противоречия между Великобританией и доминионами, неиз-

¹ Курс международного права: в 6-ти тт. / [АН СССР, Ин-т государства и права]. Т. 1: Понятие и сущность современного международного права / [авт. А.С. Бахов, Д.И. Бараташвили, Ф.И. Кожевников и др.]. – М.: Наука, 1967. – С. 151.

² *Keith A.B.* The Sovereignty of the British Dominions. P. 278.

³ *Ibid.*

бежные уступки доминионам и рост их политической самостоятельности носили отнюдь не локальный характер. Всё это вело к дальнейшему обострению противоречий между метрополией и «цветными» колониями, являлось фактором, усиливавшим кризис империи в целом. Всё это повлияло, например, на значительное усиление национального движения в Индии, где, как указывал К. Маркс, «римское *divide et impera* (разделяй и властвуй) было тем основным правилом, с помощью которого Великобритания ухитрилась в течение примерно ста пятидесяти лет сохранять в своём владении индийскую империю. Вражда между различными расами, племенами, кастами, религиями и государствами, в совокупности образующими то географическое целое, которое именуется Индией, – эта вражда всегда оставалась жизненным принципом британского владычества».¹ 20 августа 1917 г. правительство Великобритании официально объявило, что его цель в Индии состоит в «прогрессивном осуществлении ответственного правительства».² Иначе говоря, правящие круги Великобритании заявили о своей готовности сделать какие-то первые шаги в направлении предоставления Индии правового статуса доминиона.

После Первой мировой войны при растущей конкуренции Франции и Соединённых штатов Америки для Великобритании исключительное значение приобрели вопросы колониальной политики. В такой ситуации стремление Британии лучше использовать внеевропейские владения, как самоуправляющиеся, так и другие различные колонии, становится всё упорнее. Здесь на первый план выступала проблема взаимоотношений Великобритании с её доминионами, в которые превращались «самоуправляющиеся колонии». Роль старых британских («белых») доминионов – Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южно-Африканского Союза – в развитии и стимулировании хозяйственной жизни метрополии невозможно было переоценить. Тем большее значение приобрели доминионы при послевоенном кризисе колониального организма империи. Промышленное развитие доминионов, получив особо благоприятный толчок в период Первой мировой войны, достигло того уровня, когда эти государства могли сознательно стремиться к экономической самостоятельности, отвечающей их собственным хозяйственным интересам и целям.³

За период Первой мировой войны доминионы оказали Британии большую помощь в различных сферах. Их экономические ресурсы (продовольствие, золото, сырьё) сыграли крупную роль в деле обеспечения победы Великобритании. Нужды фронта, необходимость вооружать и экипировать экспедиционные армии, крупные прибыльные военные заказы, резкое сокращение промышленного импорта из метрополии – всё это способствовало развитию собственной промышленности доминионов. Вместе с тем это укрепляло самостоятельные позиции

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958. – Т. 12. – С. 240.

² Curtis L. Letters to the people of India on responsible government. 2-d Edition. – London: Macmillan and Company, Limited, 1918. – P. 7.

³ Гурвич Г.С. Политический строй современных государств. Англия: учебное пособие для вузов. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. – С. 28-29.

правлящих классов в доминионах. Отсюда рост центробежных тенденций в доминионах, их претензии на большую самостоятельность не только в своих внутренних делах, но и в области внешней политики. Растущая экономическая самостоятельность доминионов должна была найти отражение и в области политической, каким-то образом преобразовать те формы, в которых проходила жизнь Британской империи до Первой мировой войны. Английский буржуазный учёный Э. Григ сравнивал развитие Британской империи и рост самостоятельности доминионов с развитием бананового дерева. Первоначально, подобно ветвям бананового дерева, доминионы брали пищу от старой системы. Этот период характеризуется развитием самоуправляющихся колоний и их превращением в доминионы, когда эти колонии находились в основном под руководством Великобритании. Впоследствии доминионы достигли самостоятельности во внутренних делах, но остаются частями Британской империи, точно так же, как ветви достают пищу из собственной почвы, продолжая быть частями разросшейся системы старого бананового дерева.¹ В связи с этим Э. Григ сделал вывод, что Британская империя – это «не империя в старом смысле термина, а действительное Содружество наций в новой и более значительной форме, чем любая иная, к которой применяли название Содружества. Это новая сила, новая идея, величайший эксперимент во всей истории».²

Вместе с продолжающимся ростом экономического могущества буржуазия доминионов продолжала стремиться к расширению самостоятельности в вопросах внутренней и внешней политики. Внутренняя автономия была получена ещё до Первой мировой войны. Война принесла доминионам новые уступки со стороны Великобритании. Ещё до восстания в Дублине 1916 г. правительство Канады выразило своё недовольство по поводу того, что метрополия не созывает имперские конференции в военное время. Лондон не обратил на это заявление никакого внимания. После восстания в Дублине положение изменилось. Ллойд Джордж, глава коалиционного правительства, в 1916 г. обратился с предложениями к премьер-министрам доминионов об участии их в качестве членов в заседаниях английского военного кабинета.

Для руководства военными действиями в Лондоне, наряду с британским военным кабинетом, в 1917 г. был создан имперский военный кабинет. Представителей доминионов и Индии пригласили «посетить серию специальных встреч военного кабинета с целью рассмотрения срочных вопросов, влияющих на ведение войны и возможных условий мира в согласии с союзниками».³ Приглашение приняли все, но Австралия не смогла послать представителей из-за предстоящих выборов. Первое заседание состоялось 20 марта 1917 г. Это явилось признанием нового положения доминионов в политической структуре империи. Имперский военный кабинет был полностью обновлён. Такого учреждения никогда прежде не

¹ Grigg E. The Greatest Experiment in History. – London: H. Milford, Oxford univ. press, 1924. – P. 24-25.

² Ibid. P. 25.

³ См.: Dawson R.M. The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 22.

знала «конституция» Великобритании или империи. Этот кабинет отличался по своему составу и функциям от старой имперской конференции. Он не занимался дебатами, завершавшимися принятием общих, довольно расплывчатых решений: он занимался исполнительной работой, а его главной задачей стало «принятие решений, касающихся ведения войны и серьезных разногласий по внешней политике. В его сферу полномочий полностью входили те вопросы, которые в 1911 г. считались неделимыми с доминионами, и которые оставались единственной компетенцией имперского правительства».¹ Однако имперский военный кабинет имел чисто номинальное значение. Реальное значение имела резолюция этого кабинета от 20 июня 1918 г., которая устанавливала следующее: «1) Премьер-министры доминионов, как члены имперского военного кабинета, имеют право прямых сношений (связи) с премьер-министром Соединённого Королевства и наоборот; 2) Такие связи должны сводиться к вопросам кабинетского значения, премьер-министры сами судят о характере таких вопросов; 3). Для обеспечения непрерывности в работе имперского военного кабинета и постоянных средств консультации во время войны по самым важным вопросам, представляющим общий интерес, премьер-министр каждого доминиона имеет право назначать члена своего кабинета министров, который будет представлять его на заседаниях имперского военного кабинета».²

В мае 1917 г. имперская военная конференция приняла резолюцию о созыве конституционной конференции после войны. Канадский профессор Р.М. Доусон приводил любопытную выдержку из данной резолюции: «Сохранение сил самоуправления и полный контроль над внутренней политикой должны быть основаны на полном признании доминионов в качестве автономных наций имперского союза и Индии в качестве важной составной части его. Необходимо признать право соответствующего голоса во внешней политике за доминионами и Индией; принять все необходимые меры для постоянных консультаций по всем важным вопросам, касающимся империи, для принятия совместных действий, основанных на консультации, по определению нескольких правительств».³ В этой резолюции ясно была сформулирована программа деятельности будущей конференции, свидетельствующая о процессе окончательного распада государственно-правового подчинения британских самоуправляющихся владений бывшей метрополии. «Внутренним ядром этого прогрессирующего государственно-правового распада является борьба парламентарно управляемых владений за возможно большую независимость, желание этих владений обладать решающим влиянием на дела (вопросы) в области внешней политики».⁴

Имперская военная конференция 1917 г. приняла также решение о том, что после войны отношения между Великобританией и доминионами должны под-

¹ Dawson R.M. The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 23.

² Keith A.B. Speeches and Documents on the British Dominions, 1918-1931. P. 7.

³ Dawson R.M. The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 25.

⁴ Schmitt M. Vorherrschaft des Mutterlandes and Selbständigkeit der Dominions // Handbuch der Politik. Band 5. 111 Auflage. – Berlin – Gruneward, 1922. – S. 73.

вергнуться изменениям. Причём эти изменения, «сохраняя полностью все существующие права по самоуправлению и полному контролю над внутренними делами, должны быть основаны на полном признании доминионов как автономных наций имперского союза государств».¹ В соответствии с резолюцией 1917 г. предполагалось, что работа конституционной конференции будет проходить по трём направлениям. Во-первых, конференция подробно разработает и утвердит принципы, выраженные в данной резолюции, для переустройства в будущем отношений между Великобританией и доминионами. Во-вторых, конференция обсудит и примет решение о мерах, необходимых для того, чтобы освободить доминионы от последних оставшихся отпечатков старой зависимости. В-третьих, конференция спланирует и построит правительственный аппарат, необходимый для эффективного сотрудничества в общих интересах.² Имперская военная конференция 1917 г. явилась, несомненно, важной вехой в ходе развития статуса доминионов. Резолюция конференции свидетельствует о том, что британские доминионы значительно выросли в экономическом и политическом значении, и теперь выступают за полное самоуправление не только в вопросах внутренней, но также и в вопросах внешней политики, за равное положение в Британской империи с Великобританией.

Однако согласившись на конференции 1917 г. на указанные решения, правительство Великобритании не торопилось их выполнять. Декларацию о расширении политической самостоятельности доминионов правящие круги Лондона рассматривали как необходимый шаг в обстановке войны, надеясь, что после войны эту декларацию можно будет не выполнять. Но правительства доминионов, подхлещываемые соответствующими настроениями самых широких кругов общества своих стран, настойчиво требовали выполнения этой декларации. «По окончании войны выдвигалось почти единодушное требование пересмотра статуса Канады и её взаимоотношений с Великобританией. Подавляющее большинство канадцев стремилось к утверждению суверенитета Канады», – писал применительно к этому периоду Тим Бак.³

Первая мировая война «ускорила медленное развитие статуса доминионов».⁴ Если до 1914 г. в международных отношениях по многим вопросам от имени Британской империи выступало только одно британское правительство, то после войны доминионы стали требовать, чтобы их мнение учитывалось при формулировании каждого вопроса «имперской» внешней политики. Такое требование практически включало их претензию на проведение самостоятельной внешней политики. В отношениях между метрополией и доминионами стало появляться всё больше новых черт, которые свидетельствовали о превращении этих отноше-

¹ *Keith A.B.* Select speeches and documents on British Colonial Policy, 1763-1917. – London: University press, 1933. – Vol. II. – P. 376-377.

² *Hall N.D.* The British Commonwealth of Nations. P. 198.

³ *Бак Т.* Правда о Канаде / Тим Бак; Сокр. пер. с англ. И.П. Ястребовой. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – С. 76.

⁴ *Keith A.B.* The Dominions as Sovereign States. Their Constitutions and Governments. P. 14.

ний в межгосударственные отношения. Частично этому способствовало правительство самой Великобритании, которое проявило большую заинтересованность в самостоятельном участии доминионов в Парижской мирной конференции. Преодолев противодействие США и Франции, Великобритания добилась представительства на этой конференции всех доминионов, а также Индии. Участие Индии на Парижской мирной конференции обосновывалось обещанием британских властей предоставить Индии «самоуправление». Британское правительство домогалось также отдельного представительства как доминионов, так и Индии в планировавшейся тогда Лиге Наций. Проф. А.Б. Кейз в связи с этим утверждал, что настаивая на принятии Индии в Лигу Наций, британское правительство тем самым якобы «фактически, а не теоретически», брало на себя обязательство создания самоуправляющейся Индии.¹ Но это утверждение являлось попросту ложным: к 30-м годам, когда писал подобные вещи А.Б. Кейз, уже было ясно, что британское правительство, давая Индии обещание предоставить «самоуправление», не собиралось выполнять и не выполнило этого обещания, потому что проведённая в 1919 г. реформа Монтегю-Челмофорда не предусматривала введения системы ответственного правительства и, следовательно, не означала даже «внутреннего самоуправления» в Индии.

По существу созданный во время Первой мировой войны имперский военный кабинет переехал из Лондона в Париж и превратился в имперскую делегацию на мирной конференции. Общее число английских делегатов возросло до четырнадцати. Этим Великобритания достигла сразу двух целей: во-первых, подняла свой удельный вес на мирных переговорах и, во-вторых, в области внутриимперской политики показала готовность идти на уступки доминионам в вопросе о большей самостоятельности во внешнеполитических делах.² Доминионы имели самостоятельные делегации в составе общей делегации Британской империи, но подписали Версальский мирный договор каждый от своего имени.

Старые прецеденты, касавшиеся представительства доминионов на международных конференциях, основывались на том, что империя должна быть представлена одной делегацией, в состав которой министры доминионов могли входить как члены или советники, но делегация должна была действовать как единое целое. С 1870 г., когда этот принцип формирования британских делегаций получил признание, повелось, что в жизненно важных для доминионов вопросах имперское правительство не должно заключать договоры через их головы. Вместе с тем, сфера «жизненно важных для доминионов вопросов» практически ограничивалась сферой коммерции. В этой сфере роль доминионов неуклонно возрастала: как отмечалось в первой главе, в 1894 г. имперское правительство признало право доминионов иметь отдельные договоры, заключённые специально для них и при непосредственном участии их представителей, в 1907 г. представителям доминионов предоставлялось право самим вести текущие переговоры при условии,

¹ *Keith A.B.* A constitutional history of India, 1600-1935. – London: Methuen, 1937. – P. 467-468.

² *Лемин И.М.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно, 1919-1925. – М.: Госполитиздат, 1947. – С. 71.

что британский министр или дипломат вступит на стадии подписания договора и подпишет его за всю Британскую империю. На радиотелеграфной конференции 1912 г. впервые была предоставлена возможность делегатам доминионов не только вести переговоры, но и подписывать за каждый доминион отдельно, в то время как британские делегаты подписывали за Великобританию, различные колонии и протектораты. В 1914 г. международная конференция по спасанию жизни потерпевших кораблекрушение на море была подписана британскими представителями и отдельно представителями доминионов Канады, Австралии и Новой Зеландии. Эти две конвенции создали прецедент для самостоятельного представительства доминионов при подписании международных договоров, но обе конвенции относились к категории торговых договоров и только косвенно могли влиять на полномочия доминионов в отношении политических договоров. Поэтому, несмотря на наличие указанных прецедентов, решению имперского правительства обеспечить представительство доминионов на Парижской мирной конференции придавалось большое значение, так как имелось в виду, что оно сразу позволит им занять равное положение с небольшими государствами и в то же время поддерживать солидарность с Британией.¹

Предложения доминионов по поводу условий мирного договора были изложены в меморандуме, переданном канадским премьер-министром Р. Бордэном имперскому военному кабинету от имени премьер-министров доминионов. В этом меморандуме указывалось, что принцип «равенства наций», принятый в конституционной резолюции 1917 г., сделал необходимым отказ от старой практики, в соответствии с которой Великобритания подписала и ратифицировала договоры от имени доминионов и замену её новой процедурой, согласно которой доминионы стоят на равных основаниях с метрополией и другими государствами, и что это касается назначения полномочных представителей, подписания и ратификации «всех договоров и соглашений, являющихся результатом мирной конференции».² Позднее премьер-министр Канады Р. Бордэн и премьер-министр Южно-Африканского Союза генерал Смитс подчёркивали, разъясняя мирный договор парламентом своих стран, что английское правительство больше не обладает никакими конституционными правами предпринимать действия вместо доминионов в таких вопросах, исключая разве только случаи, когда оно действует по просьбе доминионов.³

Доминионы самостоятельно подписали Версальский мирный договор и добились того, что мирный договор может быть ратифицирован от имени Британской империи только после одобрения его доминионами.⁴ Следует отметить, что в парламентском документе (Cmd. 151, 1919), выпущенном британским правительством и содержащем договор об учреждении Лиги Наций и список госу-

¹ *Keith A.B.* War Government of the British Dominions. – Oxford: Clarendon press, 1921. – P. 147-148.

² *Hall N.D.* The British Commonwealth of Nations. P. 191-192.

³ *Hall H.D.* Op. cit. P. 192.

⁴ *Keith A.B.* The Dominions as Sovereign States. Their Constitutions and Governments. P. 15-16.

дарств, которые подписали договор, не было сделано никакого различия между подписями доминионов и подписями других государств. Это могло рассматриваться как определённое признание равноправного положения в числе «32 союзных государств, сторон, подписавших мирный договор».¹ В ходе Парижской мирной конференции доминионы в общем выступали довольно сплочённо с Великобританией, поскольку позиции правительств доминионов в ходе Первой мировой войны в основном не отличались от позиций правительства Великобритании: слишком велики были связи и зависимость доминионов от метрополии, да и делегации доминионов состояли из наиболее лояльных по отношению к метрополии политических деятелей этих стран. Так, делегацию Канады возглавлял Р. Бордэн, премьер коалиционного правительства, сторонник максимального единства Британской империи, Австралию представлял У. Юз, бывший лидер Австралийской лейбористской партии и один из самых непримиримых защитников колониальных интересов империи. Таким же защитником интересов Британской империи являлся и генерал Смэтс, военный министр и представитель Южно-Африканского Союза на Парижской мирной конференции.²

Но всё же определённые различия в подходе к международным проблемам между Великобританией и доминионами имелись и это обнаружилось на Парижской мирной конференции при подготовке договора о гарантии безопасности Франции в случае нападения Германии, и в результате в текст договора включили статью, которая устанавливала, что обязательства по договору не будут распространяться на британские доминионы, если сами доминионы не одобряют этот договор. Современники не считали эту статью формальной оговоркой. «Эта статья является свидетельством влияния критики доминионов в адрес английской внешней политики», – отмечал в те годы американский журнал.³ Вместе с тем, указанная статья служила одним из показателей того, что возросшая самостоятельность доминионов уже вышла далеко за рамки внутренней автономии и что на международной арене доминионы начинают выступать как полноправные государства, с мнением которых необходимо считаться. Впоследствии Австралия и Новая Зеландия присоединились к договору, а Канада и Южно-Африканский Союз воздержались.⁴ Позднее аналогичную оговорку о том, что обязательства по договору не будут распространяться на соответствующие британские доминионы, если договор не будет одобрен парламентами этих доминионов, включили также в текст Локарнского договора о взаимной гарантии 1925 г. (ст. 9).⁵

Версальским договором самостоятельный государственный статус доминионов был косвенно подтверждён предоставлением отдельным доминионами мандатов на управление бывшими германскими колониями. Учитывая участие и

¹ *Hall H.D.* Op. cit. P. 191.

² *Лемин И.М.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно, 1919-1925. С. 72.

³ *Dennis A.L.P.* British Foreign Policy and the Dominions // *American Political Science Review.* – 1922. – November. – P. 595.

⁴ *Dawson R.M.* The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 34.

⁵ *Оппенгейм Л.* Международное право. Том I: Мир. Полутом I. С. 192.

роль доминионов в Первой мировой войне, Великобритания вынуждена была допустить доминионы к участию в разделе германских колоний. Мандаты на управление бывшими германскими колониями получили: Австралия (часть Новой Гвинеи и прилегающие острова Океании), Новая Зеландия (острова Западные Самоа) и Южно-Африканский Союз (Юго-Западная Африка). Канада не получила мандата. Ллойд Джордж предложил премьер-министру Канады Р. Бордэну обсудить проект передачи доминиону мандата на управление Британской Вест-Индией. Но, поскольку в этот период сильно возросла зависимость Канады от США, а данный шаг шёл бы в разрез с теорией американского президента В. Вильсона об «интернационализации» колоний, Р. Бордэн предпочёл заявить об отказе Канады от данного предложения.¹

При создании Лиги Наций Канада, а за нею и другие доминионы (кроме Ньюфаундленда), ссылаясь на своё участие в Первой мировой войне, потребовали признания их самостоятельными членами Лиги Наций и ни один из участников Парижской мирной конференции не выступал против. Больше того, поскольку Устав Лиги Наций гласил, что «первоначальными Членами Лиги Наций являются те из подписавшихся, имена которых значатся в Приложении к настоящему Уставу, а также Государства, равным образом названные в Приложении, которые приступят к настоящему Уставу без всяких оговорок, посредством декларации, сданной в Секретариат в течение двух месяцев по вступлении в силу Устава» (ст. 1, п. 1)², все доминионы, кроме Ньюфаундленда, стали не просто членами, а именно первоначальными членами Лиги Наций и в качестве таких были указаны в Приложении к уставу данной организации.

Между тем новый подъём национально-освободительного движения, охвативший некоторые владения Великобритании в конце мировой войны и продолжавшийся после окончания этой войны, не мог не повлиять на структуру Британской империи. Если в Индии британским колонизаторам удалось подавить выступления масс, ограничившись куцой реформой Мотегю-Челмофорда, не предусматривавшей предоставления Индии даже статуса «самоуправляющейся колонии», то в Ирландии обстановка оказалась гораздо сложнее. Ирландский народ вёл упорную борьбу за независимость в течение весьма длительного времени. Классики марксизма-ленинизма всегда подчёркивали справедливость требований деятелей ирландского национально-освободительного движения и необоснованность ссылок британских колонизаторов на невозможность удовлетворения требований ради сохранения «целостности империи». К. Маркс в связи с этим, в частности, писал: «Канада создаёт свои собственные законы, и это не нарушает целостности империи, а ирландцы отстранены от своих собственных дел, они

¹ См.: Распад Британской империи / [Ред. коллегия: д-р экон. наук А.Г. Милейковский (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 1964. – С. 50.

² Устав Лиги Наций по книге *Сатюэ Э.М.* Руководство по дипломатической практике / Пер. с англ. под ред. и со вступ. статьей А.А. Трояновского. – [Москва]: Госполитиздат (типография «Красный пролетарий»), 1947. – С. 423.

должны отдать их на попечение парламента, т.е. той самой власти, которая привела их к нынешнему положению... Старая английская закваска завоевателя проявляется в утверждении: мы вам пожалуем, но вы должны попросить».¹ Ещё в 1867 г. К. Маркс писал, что «ирландцам необходимо следующее: 1) самоуправление и независимость от Англии, 2) аграрная революция и 3) покровительственные пошлины против Англии».² Позднее В.И. Ленин, обращая внимание на тяжёлое положение Ирландии, указал на необходимость изменений. «Англия „процветала“, Ирландия вымирала и осталась неразвитой, полудикой, чисто земледельческой страной, страной нищих крестьян – арендаторов, Но, как ни хотелось просвещённой и либеральной буржуазии Англии увековечить порабощение Ирландии и нищету её, реформа всё же надвигалась с неизбежностью, – тем более, что революционные взрывы борьбы ирландского народа за свободу и за землю становились всё более грозными».³

Хотя британское правительство сумело подавить в крови восстание 1916 г. в Дублине, ему пришлось вновь выступить с обещанием предоставления Ирландии автономии после войны. Когда по окончании войны были проведены первые парламентские выборы, в ирландских избирательных округах внушительную победу одержали сторонники независимости Ирландии – шинфейнеры. Избранные в Ирландии депутаты отказались поехать в Лондон для участия в работе британского парламента и вместо этого собрались в Дублине и провозгласили себя Ирландским национальным учредительным собранием, Долл Эрин (Dall Eireann), избрали правительство Ирландской республики и объявили Ирландию независимым государством. В стране развернулась партизанская война. В этих условиях британское правительство поспешило провести через палату общин и палату лордов Акт об управлении Ирландией 1920 г., предусматривавший предоставление Ирландии ограниченной внутренней автономии. Однако этот Акт встретил поддержку только в северной части Ирландии, Ольстере, а на большей части территории страны население отказалось его признать. Затянувшееся решение ирландского вопроса подрывало авторитет британского правительства на международной арене, создавало определённые помехи в его внешнеполитической деятельности, так как вызывало неблагоприятную реакцию в США и Франции и серьёзное недовольство в доминионах. Правительства доминионов неоднократно обращались к правительству метрополии с призывами найти способ разрешения ирландского вопроса.⁴ В итоге британское правительство решило вступить в переговоры с руководителями ирландского движения и, используя в качестве посредника премьер-министра Южно-Африканского Союза генерала Смэтса, добилось их согласия провести мирную конференцию. В июле 1921 г. начались переговоры между правительством Великобритании и представителями Ирландии.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. – Т. 16. – С. 607.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1963. – Т. 31. – С. 338.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1973. – Т. 24. – С. 365-366.

⁴ См.: Керженцев П.М. Ирландия в борьбе за независимость. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Соцэкгиз, 1936. – С. 232-233.

На этих переговорах английское правительство фактически вынуждено было признать невозможность осуществления в Ирландии прежней политики. Переговоры закончились подписанием в декабре 1921 г. соглашения между Соединённым Королевством и Ирландией о признании государственной самостоятельности Ирландии.¹

В ст. 1 соглашения устанавливалось, что «Ирландия будет иметь тот же конституционный статус в обществе наций, называемом Британской империей, что и Доминион Канада, Австралийский Союз, Доминион Новая Зеландия и Южно-Африканский Союз, с парламентом, имеющем право издавать законы в целях охранения мира, порядка и хорошего управления в Ирландии, и с исполнительной властью, ответственной перед этим парламентом; и она будет называться и являться Ирландским свободным государством». Далее, в соглашении говорилось о том, что положение Ирландского свободного государства по отношению к имперскому парламенту и правительству и в других отношениях будет таким же, что и у Доминиона Канада; что законы, практика и конституционные обычаи, определяющие взаимоотношения между короной или представителем короны и имперским парламентом и Доминионом Канадой, будут определять также взаимоотношения между ними и Ирландским свободным государством (ст. 2). Правительству Ирландского свободного государства разрешалось приступить к постройке и содержанию судов, необходимых для таможенной охраны и охраны рыболовства, а после заключения специального соглашения – принять на себя всю береговую оборону Ирландии (ст. 6). Соглашение признавало право Ирландского свободного государства иметь собственный контингент «военно-оборонительных сил» (ст. 8).

С другой стороны, в соглашении имелось в виду, что главой Ирландского свободного государства будет английский король и «представитель короны будет назначаться в том же порядке, что и генерал-губернатор Канады, и в согласии с практикой, соблюдаемой при производстве таких назначений» (ст. 3). На Ирландское свободное государство налагались обязательства по государственному долгу Соединённого Королевства на день заключения соглашения и по платежу военных пенсий на тот же день «в справедливой и надлежащей пропорции» (ст. 5). Оговаривалось, что впредь до заключения специального соглашения «оборону Великобритании и Ирландии с моря» примут на себя британские военно-морские силы (ст. 6). Правительству Ирландского свободного государства вменялось в обязанность предоставить в пользование Великобритании гавань и «другие удобства», причём в мирное время это надлежало сделать на основе двустороннего соглашения, а в военное время – на основе одностороннего требования британского правительства (ст. 7). Предусматривалось, что численность контингента «военно-оборонительных сил», который будет содержать правительство Ирландского свободного государства, не должна превышать такой пропорции к составу сил Великобритании, в какой население Ирландии относится к населению Вели-

¹ Текст этого соглашения в русском переводе см.: Конституция буржуазных стран. Т. IV. С. 123-127.

кобритании (ст. 8). На правительство Ирландского свободного государства возлагалось обязательство выплатить «справедливое возмещение» сотрудникам британского бюрократического аппарата, которые будут уволены ирландским правительством или сами выйдут в отставку «вследствие изменения порядка управления» (ст. 10). Но, пожалуй, самыми тяжкими для Ирландии были те статьи, в которых закреплялся раздел Ирландии на две части, отделённые от Ирландского свободного государства Северной Ирландии как составной части Соединённого Королевства.

Таким образом, в соглашении 1921 г. закреплялись не только уступки правящих кругов Великобритании ирландскому национально-освободительному движению, но и положения, которые британские правящие круги сумели навязать ирландцам. Обращает на себя внимание расплывчатость формулировок, касающихся правового статуса Ирландии. Даже круг полномочий ирландского парламента определялся весьма неопределёнными целями «охранения мира, порядка и хорошего управления». По существу статус Ирландского свободного государства определялся не этой предельно общей фразой, а аналогией со статусом Канады. Ллойд Джордж охотно признавал наличие в соглашении ряда неточностей, но вместе с тем утверждал, что было бы опасным проявлять непреклонность и перегружать ирландскую конституцию слишком большим количеством ограничений и что метод, избранный для определения нового правового статуса Ирландии, даёт Ирландии даже преимущества, так как «любая попытка „посягательства“ на права Ирландии заставит каждый доминион почувствовать, что его собственное положение ставится под угрозу».¹

В целом соглашение 1921 г. знаменовало крупную победу национально-освободительных сил Ирландии. Оно явилось исходной базой для строительства самостоятельного ирландского государства. На основе этого соглашения и в соответствии с ним в последующие месяцы была разработана конституция Ирландского свободного государства, и вначале ирландским, а затем британским парламентом были приняты Акты о Конституции Ирландского свободного государства. Сама Конституция и соглашение 1921 г. фигурировали в качестве приложений к тому и другому Акту. В том и другом Акте дословно воспроизводилась формула о том, что Ирландская Конституция «примет во внимание» статьи соглашения о договоре между Великобританией и Ирландией и что «если какое-либо постановление указанной Конституции или какой-либо поправки к ней или какого-либо закона, изданного на её основании, окажется в каком-либо отношении противоречащим какому-либо из постановлений приложенного договора, то в пределах этого противоречия оно будет абсолютно лишено силы и действия, а парламент и исполнительный совет Ирландского свободного государства будут по принадлежности издавать такие законы и вообще принимать все те меры, которые могут оказаться необходимыми для исполнения приложенного договора».² Другими словами, подобная оговорка, подвергшаяся резкой критике со стороны

¹ Mansergh N. Britain and Ireland. – London: Green, 1942. – P. 64-65.

² Конституция буржуазных стран. Т. IV. С. 94-95, 97.

ряда видных деятелей национально-освободительного движения Ирландии, ставила договор 1921 г. выше Конституции Ирландского свободного государства, придавала ему «высокий юридический статус и делала его частью права самоуправляющейся Ирландии».¹ Несмотря на всё это, завоевание Ирландией статуса доминиона сопровождалось новыми моментами и совсем иного порядка. Во-первых, Ирландия официально называлась «свободным государством», а это означало, что теперь понятие доминиона предполагает признание его не просто государственным образованием, а именно государством. Во-вторых, Акт о Конституции нового доминиона был принят не только британским парламентом, как это практиковалось прежде, до Первой мировой войны, но и парламентом доминиона, и оба эти Акта рассматривались как имеющие одинаковую юридическую силу. В-третьих, впервые доминион был образован на основе договора, в котором представители бывшего британского владения официально выступали как противостоящая правительству Великобритании сторона.

Ирландское свободное государство, несмотря на протест со стороны Великобритании, зарегистрировало свой договор с метрополией от 1921 г. в Секретариате Лиги Наций как договор не внутриимперский, а имеющий международный характер. Британское правительство выступало против регистрации на том основании, что Устав Лиги Наций не рассчитан на то, чтобы руководить отношениями между различными частями Британской империи и что поэтому ст. 18 Устава Лиги не может быть якобы применена в данном случае. В соответствии со статьёй «всекие международные договоры или международные обязательства, заключаемые в будущем Членом Лиги, должны быть немедленно зарегистрированы Секретариатом и опубликованы им возможно скорее. Никакие из этих международных договоров или соглашений не сделаются обязательными, пока не будут зарегистрированы». Ирландия, со своей стороны, настаивала на том, что все члены Лиги Наций являются равноправными согласно ст. 18 и что доминионы в этом отношении не отличались от любого другого независимого государства. Генеральный секретарь Лиги Наций оказался в затруднительном положении, но вышел из затруднения, заявив, что он принимал без обсуждения все договоры, присылаемые для регистрации. Ввиду этого соглашение между Великобританией и Ирландией было вовремя зарегистрировано и опубликовано Лигой Наций в 1924 году.² Позиция правительства Ирландского свободного государства в сущности исходила из того тезиса, что отношение доминиона и Великобритании в принципе является таким же, как и к любой другой стране. Аргументация британского правительства отрицала это и отстаивала совсем другой принцип, а именно, что самоуправляющиеся части Британской империи не могут находиться в тех же взаимоотношениях с Великобританией, что и с другими государствами, поскольку именно с Британией они связаны общностью короны. Позиция других доминионов по этому вопросу не была ясна. Однако Ирландия не отошла от занятой ею позиции и в 1926 г. зарегистрировала в Секретариате Лиги Наций ещё не-

¹ *Mansergh N.* Britain and Ireland. P. 67.

² *Dawson R.M.* The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 97.

сколько технических соглашений, которые были заключены ею с некоторыми доминионами и Индией.

В декабре 1922 г. канадское и американское правительства вступали в переговоры, касавшиеся права ловли палтуса и через три месяца пришли к соглашению по поводу регулирования этого рыбного промысла в будущем. Эти переговоры велись от имени Канады её собственным представителем и завершились заключением в 1923 г. между Канадой и Соединёнными Штатами Америки договора о ловле палтуса в прибрежных водах (так называемого *Halibut Fisheries treaty*). Впрочем, на первый взгляд в этом не было ничего необычного, потому за Канадой, как и за любым другим доминионом ещё до Первой мировой войны признавалось право заключать коммерческие и технические договоры с другими государствами. Такие договоры служили предметом сугубо формального контроля со стороны Великобритании, контроля, который выражался в том, что представители доминиона получили свои полномочия от английского короля, действовавшего «по совету» британского кабинета, затем британский посол в зарубежной стране подписывал итоговый договор вместе с представителями доминиона, а король опять же по совету британского кабинета ратифицировал его.¹ Но в действительности при заключении договора 1923 г. о рыбных промыслах появились немаловажные новые моменты: переговоры о заключении этого договора велись непосредственно и исключительно между Канадой и Америкой, сам договор подписал канадский министр без участия министра или дипломатического представителя британского правительства.

Некоторые авторитетные в то время британские специалисты (в том числе проф. А.Б. Кейз) отрицали, что с этим договором связаны какие-либо значительные нововведения и утверждали, что ответственность за этот договор всё ещё брало на себя британское правительство, поскольку формально именно английский король представил соответствующие полномочия представителю Канады. Но другие специалисты не разделяли такого мнения, полагая, что гораздо более важное значение имеют обстоятельства иного рода – то, что британское министерство играло пассивную роль, то, что не британское правительство, а правительство доминиона давало «советы» королю и таким образом брало на себя всю ответственность за договор. Именно последнее решение признали бесспорным спустя несколько месяцев, но полностью с этим вопросом было покончено в 1931 году.² Когда в 1925 году Канада представила договор о рыбном промысле для регистрации в Секретариат Лиги Наций, британское правительство не стало возражать, исходя из того, что этот договор нельзя считать внутриимперским: договор заключили две стороны, из которых одна не являлась членом империи. Однако новой чертой при регистрации данного договора стало то, что договор был сразу же предоставлен в Женеву канадским советником, минуя органы британского правительства.³ Таким образом, и этот договор способствовал признанию поли-

¹ Dawson R.M. The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 69.

² Ibid. P. 71-72.

³ Ibid. P. 98.

тического равноправия доминионов и Великобритании в международных делах. Становилось всё более очевидным, что в договорах, заключённых под покровительством Лиги Наций, правительства доминионов одни только могли решать вопрос о назначении полномочных представителей, которые одни только ставили подписи от имени своих доминионов.¹

Теперь правительству Великобритании пришлось прибегать к предварительному согласованию ряда своих внешнеполитических акций с правительствами доминионов. Премьер-министр Канады Р. Бордэн публично заявил в октябре 1920 г., что если «самоуправляющиеся доминионы не будут иметь собственного голоса и влияния в направлении внешней политики империи, то, вероятно, некоторые из них, в конце концов, будут иметь свою собственную, иную внешнюю политику, а это может означать их отделение от империи».² Это ослабляло внешнеполитическое положение Великобритании и в ряде случаев ограничивало свободу её действий. Так было при решении вопроса о судьбе англо-японского союза на Вашингтонской конференции, во время конфликта Великобритании с кемалистским правительством Турции и в некоторых других случаях. Английский историк П. Рейнольдс отмечает, что изменения в отношениях между метрополией и доминионами «поразительно ослабляли политические позиции Англии», ибо «она была вынуждена действовать по важнейшим вопросам в согласии с шестью суверенными государствами, что часто задерживало, а временами и серьёзно затрудняло действия Англии в международной области».³

В последующие годы внешнеполитическая самостоятельность доминионов расширялась тем, что было положено начало обмену дипломатическими представителями между доминионами и государствами, не входившими в состав Британской империи. Ещё Парижская мирная конференция 1919 г. решила предоставить Канаде самостоятельное дипломатическое представительство в Вашингтоне. Этот доминион уже имел два прецедента, облегчавших положительное решение этого вопроса: создание международной совместной комиссии, на которую возлагались функции, часто исполняемые дипломатическими агентами, а затем установление в Вашингтоне канадской военной миссии, состав которой в 1918 г. и в 1919 г. действовал как неофициальный представитель канадского правительства (дело в том, что канадская миссия официально представляла не правительство доминиона в целом, а только кабинет и глав отдельных департаментов, и ей поручалось иметь дело с правительственными ведомствами и отдельными чиновниками Соединённых Штатов).⁴ Ещё в 1909 г. в Канаде был образован департамент внешних сношений, явившийся зародышем будущего министерства иностранных дел Канады.⁵

¹ *Jenks E.* The Government of the British Empire. P. 73.

² *Dennis A.L.P.* British Foreign Policy and the Dominions. P. 596.

³ *Reynolds P.A.* British Foreign Policy in the Inter-war Years. – London: Longmans, Green and co, 1954. – P. 3.

⁴ *Dawson R.M.* The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 35.

⁵ *Skilling H.G.* Canadian representation abroad. From agency to embassy. – Toronto: The Ryerson Press, 1945. – P. 136-137.

Всё увеличивающийся объём товарооборота между Канадой и США, наблюдение за которым не в состоянии был вести британский посол в Вашингтоне, и окольная манера, в которой велись все переговоры между Канадой и США, делали всё более настоятельным назначение постоянного канадского агента. Вопрос этот ставился в 1917, 1918, 1919 гг. перед британским правительством, но встретил сопротивление. Британское правительство ссылалось на то, что, хотя такой план мог бы быть полезным и удобным, но двойное представительство (то есть правительство и Великобритании и Канады в США) могло бы привести к отклонениям в области внешней политики и могло угрожать дипломатическому единству империи. Тогда нашли компромиссное решение, которое позволяло канадскому правительству назначать и контролировать своего собственного представителя в Вашингтоне, но обязывало его находиться в близких отношениях с британским посольством. Представитель доминиона получил право участвовать во всех торговых делах Канады с США, а в случае отсутствия британского посла действовать вместо него.¹

В 1920 г. Канада заявила о своём решении назначить своего «чрезвычайного министра и полномочного представителя» в Вашингтон. Однако из-за ряда причин, важная из которых состояла в том, что правительство Канады не собиралось снаряжать дипломатическую миссию за государственный счёт, а ни один канадец, имевший достаточное богатство и квалификацию, не выразил желания вложить достаточное богатство и квалификацию, не выразил желания вложить свои средства в это дипломатическое мероприятие, указанный выше пост не был занят вплоть до 1926 г. Ирландия опередила в этом отношении и назначила своего дипломатического представителя в Вашингтон в 1924 г.² В 1927 г. Канада тоже основала свою дипломатическую миссию в Вашингтоне, а позднее подобные же миссии Канады были учреждены также в Париже и Токио.³ Ирландия направила своих дипломатических представителей во Францию, Германию и Ватикан, Южно-Африканский Союз – в США, Италию и Нидерланды.⁴ Таким образом, в 20-х гг. XX века доминионы добились ещё одного важного права в области международных отношений – права иметь собственные дипломатические миссии в зарубежных странах.

Таким образом, в первые годы после окончания Первой мировой войны произошёл значительный сдвиг во взаимоотношениях между Великобританией и доминионами, которые на международной арене всё чаще стали выступать на равных правах с бывшей метрополией и со стороны всё большего числа стран получали международно-правовое признание в качестве подлинных государств. Однако все эти сдвиги юридически не были закреплены какими-то актами. Естественно, английские буржуазные государствоведы не могли не обратить внима-

¹ Dawson R.M. The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 36.

² Mansergh N. The Commonwealth Experience. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1969. – P. 215.

³ Skilling H.G. Canadian representation abroad. From agency to embassy. P. 184, 235.

⁴ Elliott W.Y. The new British empire. P. 282.

ние на то, что реальные отношения между Великобританией и доминионами, фактический статус доминионов всё больше расходятся со старыми правовыми нормами, определявшими полномочия короны по отношению к доминионам. Некоторые из этих государствоведов даже пытались оправдать такое несоответствие, представить его в качестве нормального явления, ссылаясь на особенности британской «конституции», в которой, как известно, имеется немало фикций и формул, давно потерявших своё первоначальное значение. Так, например, Г.Д. Холл, констатируя, что Британская империя постепенно превратилась «из одного государства в группу равных и автономных государств»¹, вместе с тем утверждал, что это ни в коей мере не затрагивает «единства империи». Он признавал, что ограничение шаг за шагом фактической власти Великобритании над доминионами обусловлено «средствами успешных заявлений о своих конституционных правах», сделанных доминионами, и даже перечислял те заявления, которые, по его мнению, являются самыми важными: 1) заявление, сделанное канадским правительством в 1859 г. о своём конституционном праве контролировать собственные таможенные тарифы; 2) заявления, сделанные австрийскими колониями в конце XIX в. о своём конституционном праве контролировать иммиграцию; 3) заявления, сделанные доминионами в 1919 г. (в 1920 г. эти заявления, по его словам, всё ещё требовали авторитетного подтверждения) о своём конституционном праве контролировать собственные иностранные отношения.² Но, невзирая на это, Г.Д. Холл считал возможным утверждать, что, поскольку не было произведено никаких прямых ограничений полномочий короля и имперского парламента, то «юридическая власть», на которой, дескать, зиждется единство империи, осталась незыблемой. «Кажется очевидным, – писал он, – что если даже довести до логического конца древнее и всем известное в британской конституции различие между юридической властью и конституционными правами, то станет возможным, не разрушая юридического единства империи, обеспечить доминионам абсолютное равенство наций, которого они хотели».³

Искусственность конституции Г.Д. Холла вскрыть нетрудно. Надуманный характер имело понятие конституционных прав применительно к целым государствам (доминионам) и туманное понятие «юридической власти», едва ли можно согласиться с тем, что завоевание доминионами новых прав обязательно было связано с соответствующими заявлениями доминионов и хотя бы молчаливым согласием Великобритании в ответ на такое заявление. Но знаменательно другое: даже такая надуманная конструкция не решалась отрицать происшедших глубоких изменений и, в сущности, имела своей целью обратить внимание правящих кругов Великобритании на необходимость принятия каких-то мер во имя спасения рушащегося единства империи.

¹ *Hall N.D.* The British Commonwealth of Nations. P. 229.

² *Ibid.* P. 229-230.

³ *Ibid.* P. 230.

§ 2. Проблемы правового статуса доминионов в решениях имперских конференций 20-х и 30-х годов XX века

Вопрос о правовом статусе доминионов трижды обсуждался после Первой мировой войны на имперских конференциях – в 1923, 1926 и 1930 гг.

Созыв имперской конференции 1923 г. был связан с обстоятельствами, при которых задевался престиж доминионов. Когда в середине сентября 1923 г. правительство Великобритании развязало военный конфликт с Турцией, оно решило запросить у доминионов воинские подкрепления. Однако при этом оно нарушило давно заведённый порядок: циркуляр доминионам, в котором описывались события в Турции, и содержалась просьба о военной помощи, опубликовали ранее, чем были получены ответы доминионов. Правительство Канады узнало об этом запросе из газет, а это вызвало протест с его стороны. Канадское правительство сочло это нарушением суверенитета доминиона. Недовольство высказал также премьер-министр Австралии – Юз.¹ Канадский профессор Р.М. Доусон отмечал, что это «был первый случай, когда британское правительство решилось попросить помощи у доминиона. Это также был первый случай, когда доминион отказался поддерживать остальную часть империи, несмотря на наличие крайней необходимости. Если бы империя вступила в войну с Турцией, Канада по всей вероятности осталась бы в стороне: юридически она была бы в состоянии войны, но в действительности в военных действиях она бы не участвовала».² Имперская конференция 1923 г. как раз и была созвана по требованию доминионов, которые не хотели, чтобы подобные случаи повторялись. Конференция в своей резолюции признала «желательным, чтобы ни одно правительство империи не вело переговоров о договорах без должного внимания к воздействию, которое это может иметь на другие части империи».³ Далее подчёркивалось, что долг каждого члена имперского союза – оповестить заранее всех других членов империи и обменяться с ними мнениями.⁴ Хотя в тексте резолюции Великобритании прямо не называлась, но всем было ясно, что именно она имелась в виду. На конференции ещё раз подтверждалось право доминионов не признавать себя связанными теми договорами, которые Великобритания заключила без их согласия. Кроме того, резолюция имперской конференции 1923 г. предоставляла доминионам право заключать от имени короны самостоятельные договоры с иностранными государствами без участия правительства или парламента Великобритании.

В некоторых доминионах после Первой мировой войны выдвигались требования в пользу полного отделения от Британской империи. В 1924 г. и в 1925 г. на рассмотрение канадского парламента было внесено несколько проектов резолюций об упразднении Акта о Британской Северной Америке 1867 г. и принятие этих резолюций стало бы равносильным официальному отделению Канады от Британской империи. Хотя эти резолюции были отклонены, они отражали настроения определённой части правящих кругов Канады, да и других доминионов,

¹ Dawson R.M. The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 234.

² Ibid. P. 63-64.

³ Imperial conference 1923. Summary of proceeding. – London: His Majesty's Stationery Office, 1923. – P. 13.

⁴ Ibid. P. 15.

и эти настроения очень тревожили британское правительство. Для того, чтобы подчеркнуть, что британское правительство по-разному строит свои отношения с доминионами и колониальными владениями, в 1925 г. в системе правительственных учреждений Великобритании было создано специальное министерство по делам доминионов. Теперь уже вопросами, касающимися доминионов, не могло ведать министерство колоний, как это имело место ранее. Эта административная реформа, несомненно, тоже отражала преобразования, происшедшие в статусе доминиона.¹ По окончании конференции 1923 г. доминионы (особенно Ирландия и Южно-Африканский Союз) продолжали решительно требовать обсуждения вопроса о характере конституционных отношений внутри Британской империи. Всё более назревала необходимость юридически закрепить те изменения в правовом положении доминионов, которые произошли за годы Первой мировой войны и после неё. Премьер-министр Южно-Африканского Союза Герцог прямо заявил: «Пока наш статус не признан иностранными державами, мы не можем существовать как нация».²

Новая имперская конференция заседала с 19 октября по 23 ноября 1926 г. В работе конференции принимали участие представители Великобритании и представители всех доминионов (Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза, Ирландии и Ньюфаундленда). Индия на этой конференции не имела самостоятельного голоса, и её представлял английский министр по делам Индии. Основная работа конференции проходила в специальных комиссиях, в глубокой тайне от печати и общественного мнения, чтобы предотвратить публичную полемику, которая якобы лишь обострила бы имперские отношения.³ Конференции 1926 г. предстояло рассмотреть основные проблемы взаимоотношений между Великобританией и доминионами. Всем было ясно, что фактическое положение доминионов в Британской империи, являвшееся результатом их возросшего экономического и политического могущества, не соответствовало более юридическим нормам, которые регулировали внутриимперские отношения. Задача имперской конференции в том и заключалась, чтобы привести юридические нормы в соответствие с действительностью, с фактическим положением доминионов в Британской империи. Правящие круги Великобритании возлагали большие надежды на эту конференцию. Они стремились укрепить свои ослабленные связи с доминионами, добиться того, чтобы в области внешней политики Великобритании и доминионы всегда выступали как одно целое и чтобы, благодаря этому, Великобритании всегда была обеспечена роль великой державы в международных отношениях. У доминионов имелись другие цели – закрепить и расширить права, приобретённые ими в послевоенные годы.

Южно-Африканский Союз, Канада и Ирландия выступали довольно сплочённо на конференции, пытаясь как можно более точно определить статус доминиона. С другой стороны, испытывая сильную зависимость от Великобритании,

¹ Dawson R.M. The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 95-96.

² Ibid. P. 104.

³ Ерофеев Н.А. Закат Британской империи. – М.: Мысль, 1967. – С. 76-77.

Австралия, Новая Зеландия и Ньюфаундленд продолжали занимать пассивную позицию. Линию британского правительства Р.М. Доусон характеризовал следующим образом: «Оно, имея превосходство, готово было позволить политической эволюции идти своим курсом, но в то же самое время Британия не хотела, чтобы доминионы ощущали препятствия, чинимые Великобританией, претворяя свои национальные чаяния».¹ Премьер-министр Южно-Африканского Союза Герцог в ходе конференции настаивал на признании доминионов абсолютно независимыми (то есть выступал за отделение их от Великобритании). Сначала его поддерживал представитель Ирландии Косгрейв. Но правительства других доминионов не были заинтересованы в том, чтобы выйти из состава Британской империи, поскольку полагали, что членство в Британской империи даёт им возможность извлечь определённые экономические и политические выгоды для себя. В конце концов, нашли компромиссную формулу, которая определила положение доминионов в империи, провозгласив, что Великобритания и доминионы «являются автономными образованиями внутри Британской империи с равным статусом, ни в каком отношении не подчинёнными друг другу в любых вопросах своей внутренней или внешней политики, хотя и объединёнными общей принадлежностью короне и свободно соединившимися в качестве членов Британского содружества наций».²

В этой формуле Доклада комиссии по внутриимперским отношениям, одобренного имперской конференцией 1926 г., доминионы в одной и той же фразе именовались и как «автономные государства в рамках Британской империи», и как «члены Британского содружества наций». Иначе говоря, доминионы, объявленные членами Содружества, в то же время признавались составными частями Империи. Но использование в данном определении категорий «Британская империя» и «Содружество наций» давало возможность толковать их в зависимости от обстоятельств и политических условий либо как синонимы, либо как отличные друг от друга понятия. Как справедливо отмечает советский учёный Г.В. Александренко, установленное этими документами положение о равенстве статуса доминионов по отношению к Великобритании не соответствовало действительности.³ Дело в том, что в докладе комиссии по внутриимперским отношениям, с одной стороны, провозглашалось, что «равенство статуса, поскольку это касается Британии и доминионов, таким образом является основным принципом, управляющим нашими внутриимперскими отношениями», а с другой стороны, указывалось, что «принципы равенства и схождения, в их применении к статусу, не распространяются универсальным образом на функционирование».⁴ Такая двусмысленность открывала возможность для Великобритании идти на нарушения правового равенства членов Содружества наций, трактуя такие нарушения как якобы

¹ Dawson R.M. The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 105.

² Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 22-23.

³ Александренко Г.В. Буржуазный федерализм: (Критический анализ буржуазных федераций и буржуазных теорий федерализма). – Киев: Изд-во АН УССР, 1962. – С. 257.

⁴ Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 23.

нарушения не самого принципа, а только его «функционирования». Неспроста английский профессор Н. Мансерф позднее писал по этому поводу: «Дипломатия и защита требуют более гибкого аппарата, и в течение долгого времени Соединённое Королевство останется господствующим партнёром. В принципе существовало равенство, а на практике – зависимость в некоторых областях».¹

Доклад комиссии по внутримперским отношениям зафиксировал необходимость внесения целого ряда изменений в отношения между Великобританией и доминионами. В докладе отмечалось, что «практика, по которой генерал-губернатор доминиона есть формальный официальный канал связи между правительством его величества в Великобритании и его правительствами в доминионах, может рассматриваться как не вполне уже соответствующая конституционному положению генерал-губернатора».² Было указано как «существенное последствие равенства статуса» то, что генерал-губернаторы доминионов, будучи представителями короны, занимают по всем важнейшим вопросам, касающимся административных или государственных дел доминионов, то же положение, которое занимает король Великобритании, и что они не являются представителями или агентами правительства Великобритании или какого-либо из департаментов британского правительства.³ «Принятым официальным каналом связи, – говорилось в докладе, – должен быть в дальнейшем прямой канал от правительства к правительствам».⁴ Таким прямым каналом связи могли быть только верховные комиссары.

Впервые ещё в 1911 г. предлагалось, чтобы верховные комиссары стали регулярным каналом связи между правительствами доминионов в Великобритании. Вспомним, что первоначально верховные комиссары являлись торговыми агентами, а затем доминионы стали посылать их в качестве своеобразных колониальных посланников в Великобританию – им поручались не только осведомительная деятельность и торговая агентура, но также переговоры между правительством автономной колонии и правительством метрополии.⁵ При всём этом верховные комиссары не обладали дипломатическим статусом.⁶ Практическая значимость верховных комиссаров в политических и торговых делах постоянно росла. Верховных комиссаров всё чаще и чаще вызывали для бесед с британским государственным секретарём для того, чтобы они не отставали от развития событий и могли передавать секретную информацию и предложения своим правительствам.

В 1912 г. британское правительство заявило правительствам доминионов, что они могут иметь постоянных министров в Лондоне для поддержания контактов с британским кабинетом. Но это предложение было разработано в форме, которую не сочли удобной для себя правительства доминионов: они боялись, как бы тот или иной министр, входящий в состав кабинета доминиона, но значитель-

¹ *Mansergh N. The Commonwealth Experience. P. 9.*

² Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 24.

³ Там же.

⁴ Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 35.

⁵ *Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. С. 410.*

⁶ *Оппенгейм Л. Международное право. Том I: Мир. Полутом 1. С. 312.*

ную часть времени проводящий в Лондоне, не воспринял бы британские политические взгляды. Тем не менее, система, предложенная британским правительством, в известном смысле оказалась действующей для Канады, так как после смерти лорда Страткона в 1914 г. Оба его преемника – Д. Пэрли и В. Кемп, представляющие Канаду в Лондоне во время Первой мировой войны и занимавшиеся главным образом военными делами, действительно являлись министрами, а не просто государственными служащими. Но затем правительство Канады, сформированное либеральной партией, возобновило старую практику использования в качестве верховных комиссаров лиц, не занимающих министерских постов и вообще людей, чьи деловые качества ценились в большей степени, чем политический опыт.¹ Австралия и Новая Зеландия остались верными обычаю назначения верховных комиссаров на обычном неполитическом уровне. Такой же порядок существовал в Ирландии и Южно-Африканском Союзе. Тот факт, что верховные комиссары доминионов, как правило, не являлись министрами, хотя, казалось бы, это умаляло их полномочия перед британским правительством, делал их более подходящими для той роли, которую отводили им правительства доминионов, а именно, для роли средств прямой и точной передачи мнений между правительствами метрополии и доминионов.

Вносились также предложения о присвоении верховным комиссарам дипломатического статуса с тем, чтобы их отношения с британским правительством строились на той же основе, что и у представителей зарубежных государств. Но эти предложения не получили одобрения ни в Великобритании, ни в доминионах: против них, в частности, выступили британский государственный секретарь по делам доминионов и премьер-министр Канады Маккензи Кинг (1874-1950). Верховные комиссары, несмотря на важность выполняемых ими функций, не являлись дипломатами, не обладали дипломатическими привилегиями, в частности, у них не было «иммунитета от юрисдикции британских судов, который по международному праву распространяется на дипломатов. Факт, который можно привести как одно из доказательств того, что перед законом доминионы по-прежнему остаются частью империи, а не стали независимыми государствами».² В докладе комиссии по внутримперским отношениям высказывались критические замечания по поводу «теперешней практики», согласно которой акты парламентов доминионов ежегодно посылались в Лондон и затем доминионы получали сообщения британского государственного секретаря по делам доминионов о том, что «его величеству не будет дан совет пользоваться своим правом неутверждения» (то есть практики, согласно которой король утверждал законопроекты, принятые парламентом доминиона, «по совету» правительства бывшей метрополии), а также по поводу того, что резервация некоторых законов «на благоусмотрение» короля также производилась «по совету» правительства метрополии. В связи с этим комиссия предлагала признать «правом правительства каждого из доминионов давать совет короне по всем вопросам, относящимся к их собственным де-

¹ *Wheare K.C.* The Statute of Westminster and Dominion Status. P. 482.

² *Wheare K.O.* Op. cit. P. 483-484.

лам)».¹

Относительно апелляций к Судебному комитету Тайного совета в Лондоне в докладе комиссии указывалось, что «политикой правительства его величества в Великобритании не должно быть то, чтобы вопросы, затрагивающие судебные апелляции, разрешались иначе, как в согласии с желанием части империи, затронутой в первую очередь».² Не следует забывать, что высшие судебные органы доминионов находились в двусмысленном положении: с одной стороны, они как будто бы признавались верховными судебными инстанциями страны, а с другой стороны, допускалось (хотя бы в некоторых случаях) апелляция к Судебному комитету Тайного совета, находящегося далеко за пределами страны. Очень показательна в этом отношении ст. 66 Конституции Ирландского свободного государства 1922 г. В ней провозглашалось, что Высший суд Ирландского свободного государства «будет иметь апелляционную юрисдикцию в отношении всех решений Верховного суда, что постановления Высшего суда будут во всех случаях являться окончательными и беспорными и не будут пересматриваться или допускать пересмотр со стороны каких бы то ни было других судов, трибуналов или органов власти», но тут же добавлялось, что «ничто в этой конституции не будет наносить ущерба праву каждого обращаться к его величеству с петицией о разрешении апелляции на высший суд к его величеству в совете и праву его величества давать такое разрешение».³

Хотя было общеизвестно, что Судебный комитет Тайного совета большей частью состоял из британских юристов, что его решения (по крайней мере, по своей форме) выносились как «советы» английскому королю и становились действующими только благодаря «приказу в Совете», изданному фактически британским правительством, правящие круги Ирландии считали, что практика в отношении апелляций к Судебному комитету Тайного совета воспримет ограничения, аналогичные тем, которые были установлены для поступления дел из Австралии и Южно-Африканского Союза, что Судебный комитет сам не допустит апелляции иным путём, благодаря чему сама апелляция к этому органу окажется возможной только в исключительных случаях. В течение нескольких лет Судебный комитет Тайного совета следовал правилу ограничения апелляций из Ирландии, но позднее его отношение изменилось и он принял несколько апелляций совсем иного рода.⁴ Естественно поэтому, что на конференции 1926 г. именно ирландские делегаты выступили с заявлением о том, чтобы британское правительство не допускало апелляций к Судебному комитету Тайного совета в порядке, противоречащем желаниям доминиона.⁵ Требование это было учтено конференцией, но в изменённом виде: в докладе, утверждённом ею, говорилось лишь о том, что не должно быть никаких изменений в существующей системе, «затраги-

¹ Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 25.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 118.

⁴ Dawson R.M. The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 109.

⁵ Ibid. P. 109.

вающих в первую очередь одну часть, но вызывающих такие последствия, которые касаются и других частей, эти изменения следует производить лишь после совещания и обсуждения».¹

В докладе комиссии по внутриимперским отношениям, одобренном имперской конференцией 1926 г., были рекомендованы также изменения в сфере сношений доминионов с иностранными государствами. Этому посвящался отдельный раздел Доклада, который так и назывался «Отношения с иностранными государствами». Здесь были проанализированы вопросы, касающиеся процедуры ведения переговоров, формы договоров, представительства на международных конференциях, общего ведения иностранной политики и другие вопросы. Так, в отношении переговоров и заключения договоров повторялось положение имперской конференции 1923 г., согласно которому любое правительство в Британской империи при заключении договора обязано учитывать, какое воздействие может этот договор оказать на других членов империи и вовремя информировать об этом. В отношении конференций, созываемых Лигой Наций или под её покровительством, имелось в виду, что все доминионы как члены Лиги будут представлены особыми делегатами. В отношении конференций, созываемых иностранными правительствами, предлагалось представительство отдельных частей империи определять в зависимости от характера конференции, приглашения, целей и задач конференции. Были установлены три способа представительства в том случае, если желание быть представленной на конференции выразила более чем одна часть империи: 1) посредством общего уполномоченного или общих уполномоченных, полномочия которым должны предоставляться по совету всех участвующих частей империи; 2) посредством единой делегации Британской империи, составленной из отдельных представителей таких частей империи, которые участвуют в конференции (такова была форма представительства на Вашингтонской конференции по разоружению 1921 г.), и 3) посредством отдельных делегаций, представляющих каждую часть империи, участвующую в конференции.² В докладе утверждалось, что в сфере ведения внешней политики, как и в сфере обороны «большая часть ответственности остаётся выше и должна на некоторое время оставаться на правительстве его величества в Великобритании».³

Даже буржуазные исследователи конференции 1926 г. отмечали, что эта конференция, торжественно объявив о равенстве статуса Великобритании и доминионов, немедленно заявила, что на практике «существующие административная, законодательная, судебная формы осуществления власти не полностью соответствуют этому статусу».⁴ На деле к 1926 г. между Великобританией и доминионами имело место значительно меньшее конституционное неравенство, чем это можно было заключить из изучения традиционных юридических форм. Так, отказ в королевской санкции на законы доминионов давно уже вышел из упот-

¹ Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 118.

² Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 29-30.

³ Там же. С. 30.

⁴ *Wheare K.C.* The Statute of Westminster and Dominion Status. P. 122.

ребления, резервация отдельных законопроектов фактически зависела от обсуждения и разрешения органов доминиона, имевшего к этому отношение; осуществление верховной законодательной власти парламентом Соединённого Королевства по отношению к доминиону практически уже зависело от желания и согласия этого доминиона; осуществление королевских прерогатив в области внешней политики по целям, затрагивавшим интересы доминиона, стало предметом обязательной консультации и согласования с правительством самого доминиона.¹ Но в докладе комиссии неслучайно отразилось недовольство доминионов сохранением традиционных юридических форм: именно эти формы облегчали нарушения Великобританией статуса равенства бывшей метрополии и доминионов и оправдание таких нарушений ссылкой на то, что дело касается не самого принципа равенства, а только его «функционирования». Но в действительности взаимоотношения доминионов и метрополии не столько регулировались юридическими нормами, их связывающими, сколько определялись реальным соотношением сил, в первую очередь, инвестициями английского капитала в данном доминионе, степенью заинтересованности Великобритании в сбыте товаров на рынках доминионов, английской долей в экспорте доминионов и т.п.

Решения конференции 1926 г. отражали действие различных факторов: факторов, ослаблявших внутренние связи Британской империи (рост экономического и политического потенциала доминионов, упадок английского империализма, проникновение в доминионы товаров и капиталов других стран, прежде всего США) и факторов, способствовавших сохранению единства империи (экономические связи между доминионами и Великобританией). Заинтересованность ряда доминионов в сохранении империи в немалой степени определялась тем, что, оставаясь её членами, они принимали участие в эксплуатации английских колоний. «В период между 1925 и 1930 годами, – писал Н. Мансерф, – доминионы признавали, что Великобритания, как доминирующий партнёр Содружества, имеет прямые и жизненно важные интересы в Европе. Доминионы проявляли большую заинтересованность по поводу направления и результатов её внешней политики в Европе. Они приветствовали открывшуюся возможность влиять на эту политику в начальной стадии. Но доминионы настаивали на том, что ни их заинтересованность, ни их позиция не означает взятия на себя обязательств с их стороны. Они требовали, чтобы ни один член Содружества Наций не мог накладывать какие-либо обязательства на другого».² Именно в этот период британское правительство, со своей стороны, проявило заинтересованность в наличии своих представителей при правительствах доминионов и назначило своих верховных комиссаров сначала в Австрийский Союз, а затем в Канаду и Южно-Африканский Союз.

Однако для того, чтобы придать юридическую силу решениям конференции 1926 г., определившим новую ступень в отношениях между доминионами и

¹ *Wheare K.C.* The Statute of Westminster and Dominion Status. P. 122-123.

² *Mansergh N.* Survey of British Commonwealth Affairs. Problems of External Policy, 1931-1939. – London: Oxford University Press, 1952. – P. 67.

метрополий, следовало оформить их соответствующими актами английского парламента и парламентов доминионов, а, кроме того, привести в соответствие с решениями конференции законодательство, действовавшее в метрополии и доминионах. Для выработки рекомендаций о том, в каком направлении надлежало изменить действовавшее законодательство, был создан специальный орган под названием «конференции о действии законодательства в доминионах и законодательства о торговом судоходстве». Эта «конференция» работала в Лондоне в конце 1929 г. и опубликовала свои выводы в январе 1930 г. Основная задача этой специальной конференции заключалась в том, чтобы выработать конкретные рекомендации по поводу актов, сохранявших те или иные следы колониального прошлого доминионов с тем, чтобы гарантировать им то самое равенство статуса, о котором говорилось в материалах конференции 1926 г. В докладе конференции затрагивался довольно широкий круг вопросов: а) порядок санкционирования королём законов доминионов; б) проблема общего гражданства жителей империи; в) проблема гражданства замужней женщины; г) идея создания суда Британского содружества наций; д) положения, касающиеся морского судоходства, е) положения, касавшиеся вопросов обороны; ж) порядок назначения губернаторов; з) система сообщений и совещаний по вопросам внешней политики; и) пути сношений между правительствами доминионов и иностранными правительствами; к) статус верховных комиссаров.

Остановимся на некоторых из положений этого доклада. В докладе указывалось, что право британского правительства давать королю «советы» относительно санкционирования резервированных законов или неподтверждения уже утверждённых генерал-губернатором законов несовместимо с резолюциями имперской конференции 1926 г. Для того, чтобы упразднить такое право, рекомендовалось каждому из доминионов, который этого пожелает, внести соответствующую поправку в текст своей Конституции, а в том случае, если принятия одной только конституционной поправки будет сочтено недостаточным, парламенту Великобритании по просьбе соответствующего доминиона принять также акт, отменяющий указанное право британского правительства.¹ В докладе отмечалось, что «каждому из членов общего союза принадлежит право самому определять, кто является его собственным гражданином», но вместе с тем предлагалось, чтобы граждане каждого из государств Британского содружества по возможности были «лицами, имеющими общий статус, хотя и было признано, что местные условия или другие особые обстоятельства могут вызывать в то или другое время необходимость в отступлениях от этого общего принципа», а также, чтобы обладание общим статусом в силу права, уже действующего в каком-либо государстве из государств Содружества, влекло за собою «признание этого статуса законом всех прочих частей общего союза».² В докладе выдвигалась идея создания специального суда для разрешения споров между государствами, входящих в Британское содружество, и предлагалось, чтобы состав этого суда формировался

¹ Dawson R.M. The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 116.

² Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 33.

для каждого спорного случая отдельно. Важные положения содержались в докладе по поводу порядка назначения генерал-губернаторов доминионов. Указывалось, что сторонами, которых касается назначение генерал-губернатора доминиона, являются король и сам соответствующий доминион и, поскольку король в данном случае, как и во всех других, должен действовать по «совету» министров, «теми министрами, которые дают указанные советы и ответственны за них, являются министры его величества в соответствующем доминионе».¹ Таким образом, хотя прямо не говорилось об отмене права британских министров давать «советы» о назначении генерал-губернаторов доминионов, именно это имелось в виду, так как британское правительство исключалось из числа сторон, участвующих в этом назначении.

В докладе специальной конференции 1929 г. содержалось предложение британскому парламенту торжественно провозгласить, что: а) Акт о действительности колониальных законов 1865 г. не должен касаться ни одного закона доминиона; б) закон доминиона не может быть признан недействительным на том основании, что он противоречит каким-либо нормам «общего права» Великобритании или её статутного права; в) законы, принятые имперским парламентом, могут быть распространены на доминионы только с их предварительного согласия, о котором должно быть объявлено в том же самом законе.² Эти предложения, а также предложение признать возможность экстерриториального действия некоторых законов доминионов (в особенности тех, которые касались морского судоходства) были направлены на то, чтобы поставить законодательство доминионов на один уровень с британским законодательством. Специальная конференция обратила внимание на важность того, чтобы правительство государства, входящего в состав Британского содружества, всегда информировало другие государства этого содружества обо всех ведущихся им дипломатических переговорах. Конференция одобрила назначение британских верховных комиссаров в некоторые доминионы, но оговорила, что «те точные положения, которые надлежит принять для обеспечения развития этого дела, являются вопросами, зависящими от различных правительств и позволяющими установить систему, применимую к особым условиям каждого правительства».³ Конференция ещё раз подтвердила право доминионов вступать в непосредственные дипломатические отношения с иностранными государствами.

В октябре-ноябре 1930 г. состоялась очередная имперская конференция, которая рассмотрела выводы, содержащиеся в докладе специальной конференции 1929 г., подготовила проект акта о приведении в действие некоторых резолюций двух последних конференций и рекомендовала парламенту Великобритании не позднее 31 декабря 1931 г. принять на основе этого проекта закон. Вскоре соответствующий закон действительно был принят британским парламентом и вступил в силу 11 декабря 1931 г. под названием Вестминстерского статута. В Вест-

¹ Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 35.

² Dawson R.M. The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 118.

³ Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 37.

министерском статуте, прежде всего, даётся уточнение термина «доминион». Дело в том, что когда-то, в 1899 г., в Акте о толковании (Interpretation Act) указывалось, что термин «колония» распространяется не только на коронные колонии, но также и на самоуправляющиеся колонии, в том числе на Доминион Канаду. Теперь специально оговаривалось, что, невзирая на положения Акта 1889 г., в актах парламента Соединённого Королевства отныне термин «колония» не будет охватывать доминионы или провинции или штаты, входящие в состав какого-либо доминиона (ст. 11).¹ Статья эта была составлена на основе рекомендаций специальной конференции, которая давая перечень доминионов, однако обошла вниманием Ньюфаундленд, официально всё ещё продолжавший называться колонией.² Вестминстерский статут превратил термин «колония» применительно к Ньюфаундленду в формальность, не имеющую никакого реального значения, так как установил, что выражение «доминион» в этом акте имеет в виду шесть доминионов: Доминион Канаду, Австралийский Союз, Доминион Новую Зеландию, Южно-Американский Союз, Ирландское свободное государство и Ньюфаундленд (ст. 1).

Основные статьи Вестминстерского статута посвящались соотношению имперского (то есть британского) закона и законов доминионов. Провозглашалось, что «Акт о действительности колониальных законов 1865 года не будет применяться к законам по установлению этого акта правительством того или иного доминиона» и что «ни один закон и ни одно положение какого-либо закона, принятые парламентом того или иного доминиона после вступления в силу данного акта, не будут признаваться недействительными или неприменимыми на том основании, что они противоречат праву Англии или положениям какого-либо существующего или будущего акта парламента Соединённого Королевства или каким-либо указам, предписаниям или постановлениям, изданным на основании такого акта», что «права парламента доминиона будут включать право отменять или изменять все такие акты, указы, предписания и постановления в той мере, в какой они являются частью права доминиона» (ст. 2 Статута). За парламентом каждого из доминионов признавалось «полное право издавать законы, имеющие экстерриториальное действие» (ст. 3). Устанавливалось, что акты парламента Соединённого Королевства после вступления в силу Вестминстерского статута могут распространяться на доминион только в том случае, если в том же акте будет специально оговорено, что данный доминион просил и согласился на принятие такого акта (ст. 4). Уточнялось, что статьи 735 и 736 Акта о торговом судоходстве 1894 г. отныне следует понимать так, что содержащиеся там ссылки на легислатуру какого-либо из британских владений не означают ссылки на парламенты доминионов (ст. 5). В отношении доминионов прекращалось также действие ст. 4 Акта о колониальных судах адмиралтейства 1890 г. о резервировании законов

¹ Русский перевод текста Вестминстерского статута см.: Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 40-43; Конституции государств Американского континента / Пер. под ред. д-ра юрид. наук проф. Г.С. Гурвича. Т. 2: Канада, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мексика, Никарагуа. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – С. 104-108.

² *Wheare K.C.* The Statute of Westminster and Dominion Status. P. 159.

или приостановлении их действия и ст. 7 того же Акта об утверждении королём в совете всяких правил о судоустройстве и судопроизводстве в колониальных судах адмиралтейства (ст. 6).

Приведённые статьи Вестминстерского статута (ст. 2-6) создавали впечатление ликвидации всех следов былой подчинённости парламентов доминионов британскому парламенту и установления полного равенства между законами, принятыми британским парламентом, и законами, принятыми парламентами доминионов. Однако это впечатление было обманчивым. Дело в том, что далее в Вестминстерском статуте делались оговорки, дававшие возможность отступать или прямо отступавшие от принципа равенства законов. В отношении Канады говорилось, что «ничто в этом Акте не должно означать отмены, внесения поправок или изменения Актов о Британской Северной Америке 1867-1930 годов или каких-либо указов, предписаний и постановлений, изданных на их основании» (ст. 7, п. 1). Хотя суть этого положения облекалась в предельно общую и туманную формулу, практически она означала, что конституционные акты Канады, как прежде, так и впредь должны утверждаться не только канадским парламентом, но и парламентом Великобритании. Аналогичный характер имела и ст. 8 в отношении Австралии и Новой Зеландии: «Ничто в этом Акте не должно означать предоставления полномочий по отмене или изменению Конституции или Акта о Конституции Австралийского Союза или Акта о Конституции Новой Зеландии иначе, как в соответствии с правом, действовавшим до вступления в силу этого Акта». Более того, специально оговаривалось, что Вестминстерский статут нельзя толковать в плане расширения законодательной компетенции федеральных органов Австралии за счёт компетенции штатов (ст. 9, п. 1) и в плане предоставления федеральным органам Австралии права требовать своего участия в законодательной деятельности британского парламента по вопросам, относящимся к компетенции австралийских штатов, «во всех случаях, когда, согласно конституционной практике, существовавшей до вступления в силу этого Акта, парламента Соединённого Королевства должен осуществлять такую законодательную деятельность без такого участия» (ст. 9, п. 2). Иначе говоря, подчёркивалось, что существовавшее прежде право британских властей вмешиваться во внутреннюю жизнь австралийского государства остаётся незатронутым.

Наконец, в Вестминстерском статуте содержалась оговорка о том, что основные положения статута (ст. 2-6) будут распространены на Австралийский Союз, Новую Зеландию и Ньюфаундленд только при том условии, что каждое из положений будет одобрено парламентом соответствующего доминиона, причём парламенту доминиона представлялось право самому определить, с какого времени эти положения должны считаться действующими в доминионе, и даже право взять обратно своё одобрение любой из основных статей Вестминстерского статута (ст. 10). Правящие круги Великобритании, включая последнюю оговорку в текст Вестминстерского статута, явно делали ставку на проколониалистские силы, имевшиеся в этих трёх наиболее «верных» британскому империализму доминионах.

Известный буржуазный специалист по международному праву Г. Лаутер-

пахт утверждал, что «Вестминстерский статут 1921 года дал выражению принципу равенства статуса и полной государственной автономии доминионов, устранив *какие бы то ни было* ещё сохранившиеся остатки их формальной зависимости от имперского парламента». ¹ Но тот же автор опровергает собственный тезис, поскольку несколько ниже он же сам признаёт, что «в области внутренних дел Вестминстерский статут не отвергает полностью права и необходимости имперского законодательства. Так, законодательство Вестминстерского парламента ещё необходимо для внесения каких-либо изменений в Конституцию Канады и, по всей вероятности, и в некоторые разделы Конституций Австралии и Новой Зеландии». ² Неудивительно, что ряд буржуазных юристов дал Вестминстерскому статуту довольно сдержанную оценку. По словам Р.М. Доусона, статут не внёс каких-то существенных новшеств в «конституцию» Британского содружества: просто «конституция *de facto* стала конституцией *de iure*». ³ Но идея равенства, по его мнению, потерпела неудачу. «Опасные моменты остались и должны остаться, так как если имперский парламента мог предоставить полную юридическую власть доминионам, то он мог бы в любое время и отнять у них такую власть тем же самым способом: аргументировать же тем, что британский парламента никогда не аннулирует Вестминстерский статут – это значит просто согласиться с тем, что власти доминиона сейчас зависят от использования конституции так же, как и до этого. Очевидно, что единственным способом, которым доминионы сумеют добиться полной власти – это объявить о своей независимости и затем заново вступить в Содружество в качестве независимых государств». ⁴

Непоследовательность положений Вестминстерского статута, его стремление сохранить какие-то привилегии Великобритании отмечает также известный английский государствовед К.К. Уэйр. «В конечном итоге отношение статута к статусу доминиона, – писал он, – нашло выражение в том факте, что не исчезло юридическое неравенство и это в равной степени касалось всех доминионов. По просьбе определённых доминионов даже ограничения полномочий их законодательных органов, воплощённые в Акте о действительности колониальных законов, в правилах, лишавших их экстерриториальных полномочий, были не полностью устранены статутот. Случилось так, что неравенство правового статуса, которое не смог аннулировать обычай и которое мог устранить только статут, всё ещё в какой-то степени имело место после принятия Вестминстерского статута». ⁵ Правда, К.К. Уэйр одновременно пытается доказать, что длительное существование различных проявлений неравенства якобы говорит о том, что эти неравенства имели место по желанию самих доминионов и по своей природе являлись «добровольными ограничениями, которые доминионы накладывали сами на законодательную компетенцию парламента точно так же, как любое общество может

¹ *Оппенгейм Л.* Международное право. Том I: Мир. Полутом 1. С. 195.

² Там же. С. 197.

³ *Dawson R.M.* The Development of Dominions Status, 1900-1936. P. 122.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Wheare K.C.* The Statute of Westminster and Dominion Status. P. 302.

лимитировать полномочия своей законодательной власти конституцией».¹

С последними утверждениями К.К. Уэйра никак нельзя согласиться. Известно, что ещё до Первой мировой войны доминионы неоднократно протестовали против того, что законы, принятые парламентом доминиона и противоречащие британским законам, под тем или иным предлогом могли быть признаны недействительными, что Судебный комитет Тайного совета метрополии продолжал оставаться апелляционной инстанцией по некоторым делам, которые рассматривались в судах доминионов, что внешняя политика империи и доминионов велась британским правительством, которое проводило переговоры с иностранными правительствами, заключало международные договоры и т.п. Хотя все эти ограничения существовали в течение длительного времени, они носили отнюдь не «добровольный» характер, а характер подчинения доминионов метрополии. Именно поэтому постепенно доминионы завоёвывали права на собственную внешнюю политику, на неограниченную законодательную власть и т.д., добываясь расширения своего политического равноправия. Ни для кого не секрет, что именно требования доминионов нашли юридическое признание в официальных документах имперских конференций 1923, 1926 и 1930 гг.

Вестминстерский статут 1931 г., как и многие другие акты, регулировавшие отношения между Великобританией и доминионами, представлял собою политический компромисс. С одной стороны, в этом документе нашли юридическое закрепление те уступки, на которые правящие круги Британии пошли под несомненным давлением доминионов (ст. 2-6 статута), но с другой стороны, этот документ свидетельствовал о нежелании правящих кругов Британии принять (по крайней мере, прямо и открыто) ряд требований доминионов и сохранить что-то из своих прежних привилегий. Об этой второй стороне Вестминстерского статута можно заключить не только из текста ст. 7-10 самого статута. Ещё большее значение имеет тот факт, что целый ряд вопросов, поднимаемых доминионами в материалах конференции 1926 и 1929 гг., оказались обойдёнными молчанием в Вестминстерском статуте. Правящие круги Великобритании предпочли оставить решение этих вопросов на усмотрение практики.

Оговорки о необходимости утверждения основных статей Вестминстерского статута парламентами Австралийского Союза, Новой Зеландии и Ньюфаундленда, оправдали надежды правящих кругов Великобритании. В Австралии отношение к статуту со стороны главных партий, боровшихся за власть на федеральном уровне, было весьма различным. Правительство лейбористской партии, делегации которого принимали участие в работе имперской конференции 1930 г., ушло в отставку, поскольку эта партия потерпела поражение на выборах, состоявшихся в декабре 1931 г., а победившая на выборах коалиция либералов и аграриев, по словам Н. Мансерфа, «не испытывала энтузиазма в отношении распространения Вестминстерского статута на Австралию».² Министр юстиции (гене-

¹ *Wheare K.C.* The Statute of Westminster and Dominion Status. P. 303.

² *Mansergh N.* Survey of British Commonwealth Affairs. Problems of External Policy, 1931-1939. P. 17.

ральный атторней) в 1935 г. открыто критиковал положения статута, и хотя правительство формально внесло в парламент законопроект об утверждении Вестминстерского статута сначала в 1936 г., а затем в 1937 г., оно фактически само благоприятствовало отклонению этих законопроектов. Так ничего и не предпринималось до возвращения к власти лейбористов в 1941 г. По инициативе лейбористского правительства парламент Австралийского Союза в 1942 г., наконец, утвердил Вестминстерский статут.¹ «Приняв в 1942 году Вестминстерский статут (с указанием о введении в действие его ст.ст. 2-6 ещё с 3 сентября 1939 года), австралийский парламент, следовательно, согласился на ограничение своего права изменять Конституцию, и прежде всего, – её преамбулу».²

В Новой Зеландии, внешняя торговля которой была привязана почти исключительно к английскому рынку, правящие круги проявили ещё большее нежелание, чем в Австралии, что-то менять в своих отношениях с бывшей метрополией. Интерес к Вестминстерскому статуту возрос только во время Второй мировой войны и уже после того, как статут утвердили в Австралии. Тем не менее, Новая Зеландия статут приняла лишь в 1947 году. Н. Мансерф утверждает, что в Австралии, помимо чисто партийно-политических соображений, действовал и такой фактор, как федеративное устройство доминиона Австралии, поскольку в случае принятия Вестминстерского статута возникала необходимость изменять почти все или очень многие законы как Союза в целом, так и отдельных штатов. «Для этого надо было переубедить, – пишет Н. Мансерф, – всё общественное мнение Австралии».³ Мы полагаем, что этот довод нельзя признать убедительным: ведь Вестминстерский статут подчёркивал, что местное законодательство не должно изменяться ни в Союзе, ни в штатах в связи с принятием статута, а принимается только в соответствии с существующим собственным законодательством доминиона. Тем более подобные соображения не могли иметь значение для Новой Зеландии, которая являлась унитарным государством.

Ньюфаундленд вообще не утвердил Вестминстерского статута. Правящие круги этого доминиона оказались совершенно неспособными справиться с последствиями страшного экономического кризиса тех лет. В 1933 г. британский парламент принял Акт о Ньюфаунденде, в силу которого приостанавливалось действие конституции этого доминиона и все полномочия по управлению им передавались губернатору, а при нём учреждалась лишь совещательная правительственная комиссия, состоящая из шести членов: трёх – от Ньюфаундленда отбирает правительство Великобритании, но оплачивает правительство Ньюфаундленда, и трёх – от Великобритании и оплачивается английским правительством. Британские члены комиссии имели право контролировать финансовые ведомства Ньюфаундленда.⁴ Так по существу Ньюфаундленд односторонним актом метро-

¹ *Mansergh N.* Op. cit. P. 18.

² *Вайль И.М.* Австралия: федерализм и высшие органы власти. – М.: Наука, 1970. – С. 119.

³ *Mansergh N.* Op. cit. P. 18-19.

⁴ *Уэйд Е.С., Филлис Д.Д.* Конституционное право / Пер. с англ. А.С. Никифорова; Под ред. проф. С.Б. Крылова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – С. 521.

полии навсегда был лишён статуса доминиона, ибо впоследствии он вошёл в состав канадской федерации. В Канаде Вестминстерский статут признавался частью действующей Конституции. Правящие круги Южно-Африканского Союза приветствовали принятие Вестминстерского статута. Они поспешили ввести его в действие и таким путём официально объявить о том, что законодательство доминиона вполне независимо от парламента Великобритании. Закон о статусе этого доминиона 1934 г. провозгласил Южно-Африканский Союз «суверенным, независимым государством»; внешние прерогативы короны от имени Южно-Африканского Союза, согласно этому закону, должен осуществлять генерал-губернатор по «совету» министров доминиона.

Ирландия в этом направлении пошла ещё дальше. Необходимо учесть, что к этому времени крайне обострились взаимоотношения между Великобританией и Ирландией, поскольку в 1932 г. между ними началась настоящая экономическая война. Великобритания, стараясь оказать давление на Ирландию, сократила ввоз ирландских сельскохозяйственных продуктов, а Ирландия в ответ на это действие ограничила импорт английских промышленных товаров. Одновременно правящие круги Ирландии приступили к осуществлению мер, рассчитанных на ликвидацию положений, связанных с ограничением государственного суверенитета Ирландии. В 1933 г. Ирландия отменила присягу английской короне для членов парламента и приняла поправку к Конституции № 22, которая объявила о том, что никакие апелляции в Судебный комитет Тайного совета не будут допускаться.¹ В 1935 г. приняли закон об ирландском гражданстве, в силу которого англичане уже считались иностранцами в Ирландии. В 1936 г. внесли дополнение к Конституции Ирландии, в результате которого всякое упоминание о полномочиях английского короля в области внутренних дел убиралось из ирландской конституции, а пост английского вице-короля отменялся. В этом же году Ирландия приняла закон об органах исполнительной власти в области внешних сношений, согласно которому исполнительный совет получил право назначать дипломатических и консульских представителей, а также заключать международные договоры. Английский король, в силу этого закона, мог действовать от имени Ирландии в международных делах только тогда и постольку, когда и поскольку это ему будет рекомендовано исполнительным советом Ирландского свободного государства. Наконец, в 1937 г. приняли новую Конституцию, которая провозгласила Ирландию суверенным и независимым государством (ст. 5)² и которая не была «привязана» к англо-ирландскому договору, как прежняя Конституция. Н. Мансерф заметил по этому поводу: «Хотя Ирландия и не была провозглашена республикой, это была республиканская конституция».³ Введение этой республиканской конституции, однако, не устранило право английского короля представлять

¹ Текст этой правки см.: Конституции буржуазных стран. Т. IV. С. 118.

² Конституции буржуазных государств Европы / Пер. под ред. д-ра юрид. наук Г.С. Гурвича. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – С. 416.

³ Mansergh N. Survey of British Commonwealth Affairs. Problems of External Policy, 1931-1939. P. 299.

Ирландию на международной арене в соответствии с условиями, установленными законом 1936 г.

В 1938 г. Великобритания пошла на переговоры, которые привели к компромиссному решению англо-ирландского спора. Решение экономических и политических проблем в англо-ирландских отношениях всегда было взаимосвязано и уступки со стороны английского правительства, наряду с другими причинами, были вызваны также тем, что оно, как справедливо отметил профессор Н. Мансерф, «было крайне озабочено сохранением единства и солидарности Британской империи перед лицом нарастающих опасностей в Европе и на Дальнем Востоке».¹

В 30-е гг. XX века совершенно чёткий смысл получило понятие «Британское содружество наций». Теперь оно должно было подразумевать отнюдь не всю империю, а лишь «содружество» Великобритании и доминионов. Коренные колонии и протектораты рассматривались как части одной только Британской империи. «Британское Содружество наций, – писал Н. Мансерф, – было ассоциацией свободных самостоятельных государств, ответственных за проведение своей собственной политики. В империи по-прежнему за всё отвечала и всё проводила сама Великобритания. Но во внешних и внутренних делах самоуправляющихся доминионов только они сами должны быть хозяевами».²

В 30-х годах в ряде доминионов (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз) значительно укрепила свои позиции собственная монополистическая буржуазия. Правящая верхушка этих доминионов всё чаще стала проявлять заботу о реализации своих собственных внешнеполитических планов, которые далеко не всегда представляли интерес для Великобритании. Внешнеполитическая деятельность Великобритании стала всё меньше устраивать эти доминионы не потому, что они расходились в оценке её основного направления, а потому, что дипломатические органы Великобритании не придавали значения региональным проблемам отдалённых от британских островов районов, тогда как доминионы в силу своего географического положения склонны были считать именно эти проблемы наиболее важными для себя. «В 30-х годах, – пишет американский исследователь П. Кнепланп, – доминионы созрели экономически и политически. Они избрали отдельные пути выхода из величайшей депрессии и вынуждали Британию преобразовать всю систему таможенных тарифов. Так как политические демократии первостепенное значение придавали своим собственным экономическим и политическим интересам, доминионы всё меньше и меньше хотели следовать за руководством Британии в международных делах».³

На имперской конференции 1937 г. принята резолюция, в которой говорилось, что каждый член Британского содружества наций участвует в многосторонних договорах как самостоятельная единица и что ни один член Британского содружества ни в коей мере не несёт обязательств, принятых каким-либо другим

¹ Ibid. P. 312.

² Ibid. P. 56.

³ *Knapp P.* Britain, Comonwealth and Empire, 1901-1955. – New-York: Harper and Brothers, 1957. – P. 300.

членом содружества, если только в договоре прямо не предусмотрено противоположное.¹ Получив так называемую «большую печать» (Канада и Южно-Африканский Союз получили её в 1932 г., Австралия – 1939 г.), доминионы обрели возможность не обращаться к британскому королю даже за чисто формальным актом подписания им двусторонних договоров, заключённых доминионами. Доминионы стали также постепенно развивать свою собственную систему дипломатических и консульских сношений с самыми различными государствами. Когда в 1924 г. лейбористское правительство Великобритании признало *de iure* Советский Союз, то оно это сделало не только за Соединённое Королевство, но и за всю империю. Правительства доминионов тогда молчаливо согласились с этим шагом. Правда, премьер-министр Австралии тогда заявил о необходимости гарантий, «что такое не повторится», но, как отмечает А.Б. Кейз, при этом имелся в виду не отказ от признания, а то, что данный шаг был предпринят без консультации с правительствами доминионов.² Когда же второе лейбористское правительство Великобритании восстановило разорванные ранее консерваторами дипломатические отношения с СССР, перед доминионами встал уже вопрос об установлении с Советским Союзом непосредственных дипломатических отношений и доминионы растянули признание СССР до 1934 г.³

Хотя правительства доминионов проявляли временами очень большую щепетильность по поводу их самостоятельности в области международных отношений, никак нельзя сказать, что даже к концу 30-х годов доминионы стали на путь проведения действительно независимой внешней политики. На деле при решении глобальных внешнеполитических проблем доминионы обычно следовали в фарватере британской внешней политики под флагом «дипломатического единства» Британского содружества наций. Очень ярко «дипломатическое единство» Великобритании и доминионов проявилось в период мюнхенского сговора. П. Кнепланн даже полагает, что именно правительства доминионов толкали британское правительство на путь этого сговора. «Когда возник кризис, государственные деятели Соединённого Королевства вынуждены были внимательно следить за австрийским, канадским, новозеландским и южно-африканским мнением, чтобы неосмотрительный поступок не разрушил объединённый фронт Содружества. В дипломатии, как и в коммерции, британские политики нуждались в одобрении других парламентов не меньше, чем в одобрении Вестминстера. Если бы Чемберлен бросил вызов Гитлеру осенью 1938 г., Содружество распалось бы на отдельные части».⁴ Во всяком случае, правительство Великобритании вместе с правительствами доминионов взяло курс на сговор с фашистскими государствами, стремясь направить их агрессию против Советского Союза, и ведущей линией внешней политики как Великобритании, так и её доминионов, стал поиск соглашения с державами «оси Берлин-Рим-Токио».

¹ *Оннгейм Л.* Международное право. Том I: Мир. Полутом 1. С. 195.

² *Keith A.B.* The Dominions as Sovereign States. Their Konstitutions and Governments. P. 44.

³ *Ibid.* P. 45.

⁴ *Knaphlund P.* Britain, Comonwealth and Empire, 1901-1955. P. 300.

Общие классовые монополистические интересы, которые связывали правящие круги Великобритании и доминионов, определили политическую доктрину «умиротворения». В основе этой доктрины, наряду с другими факторами, лежало стремление не допустить в Британской империи нового подъёма национально-освободительного движения в английских колониях и отвести от себя колониальные требования держав «оси». Сторонники «умиротворения» фашистских держав готовы были отдать им некоторые, но не свои собственные, территории.¹ Так, Австралия согласна была передать Германии все бывшие колонии в Африке, но возражала против передачи своего мандата на Новую Гвинею.² Южно-Африканский Союз возражал против возвращения Германии Юго-Западной Африки и Танганьики, но был согласен удовлетворить германские колониальные притязания в других районах Африканского континента.³ Затем, однако, правительства доминионов, вначале поддерживавшие политику «умиротворения» и мюнхенское соглашение, с марта 1939 г. «начали переоценку ценностей и к концу августа все, за исключением правительства Южно-Африканского Союза, пришли к убеждению, что умиротворение провалилось и что с Германией не удастся договориться на приемлемых условиях, идя по пути уступок».⁴

Приближение Второй мировой войны поставило и теоретически, и практически вопрос о том, обладают ли доминионы собственным правом объявлять войну. Любопытно, что несколько ранее А.Б. Кейз, признавая доминионы суверенными государствами, тем не менее отрицал наличие у них такого права. «Неспорим тот факт, – писал он, – что сама Великобритания как государство суверенное с точки зрения международного права, в полной мере имеет безусловное право объявлять войну. Но в отношении доминионов нет оснований полагать, что Канада, Австралия и Новая Зеландия претендуют на подобное право, и бесполезно приписывать доминионам права, которые они, по всей вероятности отвергнут, если случится какая-либо попытка настаивать на признании того, что они обладают ими».⁵ Если в 1914 г. вступление доминионов в войну произошло автоматически в связи с объявлением Великобританией войны, поскольку тогда они ещё не располагали самостоятельностью в области внешней политики, то в 1939 г. статус доминионов стал уже совсем иным. Теперь решение о вступлении в войну должно было быть принято правительствами и парламентами самих доминионов. Как отмечает Г. Лаутерпахт, в начале и в продолжение Второй мировой войны различные доминионы, как правило, пользовались правом объявлять войну независимо от образа действий Великобритании. При этом он допускает,

¹ См.: *Поздеева Л.В.* Доминионы и мюнхенская политика Англии // Новая и новейшая история. – 1973. – № 4. – С. 54-55.

² *Andrews E.M.* Isolationism and Appeasement in Australia Reactions to the European Crisis, 1935-1939. – Canberra: Australian national university press, 1970. – P. 156.

³ *Bourne K., Watt D.C.* Studies in International History. – London: Archon Books, 1967. – P. 402-422.

⁴ *Mansergh N.* Survey of British Commonwealth Affairs. Problems of External Policy, 1931-1939. P. 442.

⁵ *Keith A.B.* The Dominions as Sovereign States. Their Konstitutions and Governments. P. 47.

что «значение, придаваемое независимому осуществлению этой важной прерогативы государственной власти, первоначально объяснялось не сомнениями относительно положения, получившего название „автоматического состояния войны“, но желанием отстоять тот принцип, что в вопросах как мира, так и войны всякое выступление короны, юридически затрагивающее иностранные отношения доминионов, может иметь место только по согласованию и в соответствии с рекомендациями правительства доминионов, ответственных перед их собственными парламентами».¹

Вторая мировая война послужила серьёзным испытанием прочности внутримперских связей, претерпевших серьёзные изменения в период между Первой и Второй мировыми войнами, когда доминионы превратились в юридически независимые государства. Процесс вступления доминионов в войну происходил неодинаково. Быстрее всех и без внутренней борьбы вступили в войну на стороне Великобритании Австралия и Новая Зеландия. «После 1937 года внешняя политика Австралии была политикой умиротворения, политикой поддержки Великобритании»², – отмечает английский профессор Н. Мансерф. Однако Н. Мансерф слишком упирает на самостоятельность внешней политики Австралии, «забывая», что она лишь отражала доминирующую роль Великобритании в её политике. Тихоокеанские доминионы придерживались принципа «общий король, общий флаг, общее дело», который означал, что поскольку английский король одновременно является также королем Австралии и Новой Зеландии, то не может существовать такого положения, когда Великобритания воевала бы, а её доминионы находились бы вне войны. Когда истёк срок английского ультиматума Германии, австралийский премьер-министр Мензис заявил: «Англия в войне, поэтому и Австралия в войне».³ Хотя в это время проходила сессия австралийского парламента, решение правительства не было представлено на его одобрение. Участие Австралии в войне на стороне Великобритании считалось само собой разумеющимся. Правительство Новой Зеландии 3 сентября 1939 г. приняло решение об объявлении войны Германии и приурочило объявление об этом к моменту, когда Великобритания объявила войну.⁴

В Канаде процесс вступления в войну был иным. Канада не придерживалась принципа «общий король, общий флаг, общее дело». Отличное от Австралии и Новой Зеландии положение Канады в Британской империи, её гораздо большая политическая, экономическая и военная самостоятельность от Англии уже давно выделяли Канаду среди других британских доминионов. 31 августа 1939 г. премьер-министр Канады Маккензи Кинг объявил о созыве парламента на 7 сентября и одновременно заявил, что правительство будет просить парламента дать ему полномочия для сотрудничества с Великобританией, то есть для участия в войне на стороне метрополии, если Британия объявит войну. 9 сентября парла-

¹ *Оннгейм Л.* Международное право. Том I: Мир. Полутом 1. С. 199.

² *Mansergh N.* Op. cit. P. 166.

³ *Ibid.* P. 376-378.

⁴ *Ibid.* P. 379.

мент Канады без согласования решил вопрос об объявлении войны Германии. Таким образом, через шесть дней после Великобритании вступила в войну Канада. В Лондоне не понравилась задержка и обстоятельное обсуждение этого вопроса в канадском парламенте. Как отмечает Н. Мансерф: «Консервативное мнение в Англии с дурными предчувствиями наблюдало за тем, как Маккензи Кинг проводил вступление Канады в войну. Ему не нравился дух обсуждения и доктрина исключительной ответственности доминионов в решении вопроса о мире и войне, которой этот дух определялся».¹

Избранная канадским правительством процедура была сознательно рассчитана на то, чтобы продемонстрировать перед Лондоном свою самостоятельность в решении важных вопросов внешней политики. Маккензи Кинг стремился не только к тому, чтобы Канада сама решила вопрос о вступлении в войну, но и к тому, чтобы населению страны и всему миру стало ясно, что именно канадское правительство его решило.² Ирландия была единственным доминионом, который отказался выступить на стороне Великобритании в войне с Германией. Многоговековой колониальной гнёт породил в Ирландии настолько враждебные чувства к Британии, что в независимой Ирландии не могло быть и речи о том, чтобы выступить на стороне недавних угнетателей. Ирландское государство во Второй мировой войне придерживалось нейтралитета. П. Кнепланд следующим образом комментирует поведение Канады и Ирландии: «Канада оставалась нейтральной в течение целой недели. Тем самым, право Канады на нейтралитет, несмотря на то, что Британия находилась в состоянии войны, получило формальное международное признание. При подобных обстоятельствах это право не было опротестовано Британией. Соединённое Королевство также не стало отрицать право Ирландии объявлять себя нейтральной, хотя подобное действие партнёра по Содружеству ставило в невыгодное положение собственные усилия Британии в войне. Ирландский нейтралитет создал парадокс, который заключался в том, что Георг VI (король Великобритании – *Н.К.*), будучи королем Ирландии, оставался в мире с Германией во время Второй мировой войны».³

Накануне Второй мировой войны британские доминионы, даже наиболее развитые, не были заинтересованы и не располагали достаточными возможностями для проведения самостоятельной внешней политики. И поддержка политики «умиротворения», и вступление в войну во многом обусловлены зависимостью доминионов от крупных империалистических держав – от Великобритании и США, а также совпадением многих интересов правящих кругов доминионов с интересами английских и американских монополистических кругов. Однако это обстоятельство уже не отражалось на правовом статусе доминионов. Накануне Второй мировой войны и во время этой войны доминионы действовали уже как вполне независимые государства. Наличие у них суверенитета как во внутренних, так и

¹ Mansergh N. Survey of British Commonwealth Affairs. Problems of External Policy, 1931-1939. P. 375.

² Ibid. P. 370.

³ Knaplund P. Britain, Commonwealth and Empire, 1901-1955. P. 302-303.

во внешних делах уже не подлежало сомнению. «Их права по отношению ко всем внешним атрибутам суверенитета, – писал Г. Лаутерпахт, – бесспорны».¹ Отношения между правительствами доминионов и правительством Великобритании, осуществляющиеся через посредство верховных комиссаров, если не стали совсем тождественными, то, по крайней мере, стали весьма близкими к международно-правовым отношениям. Правда, и государственно-правовые связи между Великобританией и доминионами не были упразднены: главой государства в каждом доминионе признавался английский король, сохранились некоторые права Судебного комитета Тайного совета в качестве высшей апелляционной инстанции. Однако эти связи приобретали всё более формальный характер и не затрагивали суверенитета доминионов. Корона – единственный фактор, соединяющий Британскую империю. Корона – это «конституционный символ, а не исполнительный орган власти. Её можно рассматривать как формальное выражение исполнительной власти в Соединённом Королевстве и в колониальной империи, непосредственно управляемой Соединённым Королевством. Но, ни в каком смысле (даже формальном) не является исполнительной властью в каком-либо доминионе, старом или новом, в отношении которого „корона” представляет собой „главу Содружества”, а не орган управления или суверенитета».²

§ 3. Распад Британской империи и правовые связи Великобритании и «членов Содружества» после Второй мировой войны

Уже в период Второй мировой войны ясно определились процессы разложения империи, усиления национально-освободительной борьбы народов колоний. Во многих крупнейших колониальных владениях Великобритании (Индия, Цейлон и др.) требования предоставления независимости стали настолько сильными, что игнорировать эти требования британские правящие круги не могли. Однако, даже соглашаясь на удовлетворение таких требований, британское правительство систематически пыталось навязать освобождающимся народам такие условия, которые помогли бы Великобритании удерживать «на привязи» бывшие владения даже после завоевания ими независимости. К числу таких условий следует отнести и согласие правящих кругов Британии признавать за бывшими колониями независимость, как правило, в форме предоставления им статуса доминиона. Новой чертой, которая характеризует статус доминиона после Второй мировой войны, является прежде всего то, что в этот период образовалось, большое число новых доминионов на основе прежних «туземных» колоний в Азии, Тропической Африке, на американском континенте.

Первой в этом ряду стала Индия. Завоевание статуса доминиона Индией знаменовало собой фактически начало распада Британской империи. После того, как Индия получила независимость, трудно было сохранять колониальный ре-

¹ *Оппенгейм Л.* Международное право. Том I: Мир. Полутом 1. С. 197.

² *Датт Р.П.* Кризис Британии и Британской империи / Пер. с англ. / Раджани Палм Датт. – М.: Изд-во иностр. лит., 1954. – С. 51.

жим в прежних формах в других владениях. С освобождением Индии Великобритания лишилась важной стратегической позиции и резервуара военной силы. Англо-индийскую армию, которая использовалась для подавления национально-освободительного движения в английских колониях, ликвидировали. Это в огромной мере способствовало завоеванию независимости в скором времени также Цейлоном и Бирмой.¹ В соответствии с «Актом о независимости Индии» 15 августа 1947 г. на месте прежде единой колонии были образованы два самостоятельных доминиона – Индийский Союз и Пакистан. Этим же Актом предусматривалась возможность дальнейшего разделения Индии путём выделения из неё индийских княжеств.² В законе говорилось о том, что законодательные органы каждого доминиона получают неограниченные полномочия издавать для своего доминиона законы, включая и законы, имеющие экстерриториальное действие; что законы данных доминионов отныне не могут быть признаны недействительными на том основании, что противоречат какому-либо английскому закону или указу; что ни один закон английского парламента отныне не будет распространяться на территории Индии или Пакистана и не станет частью права, действующего в данном доминионе, если действие британского акта не будет распространено на соответствующий доминион его собственным законодательным органом. Закон 1947 г. упразднил верховенство британской короны над индийскими княжествами и объявил утратившими силу все договоры и соглашения, заключённые ранее между британской короной и правителями княжеств; правителям княжеств предлагалось присоединиться к одному из доминионов или объявить о независимости своих владений. Последнее было явно рассчитано на то, что такие крупные княжества, как Хайдарабад, Кашмир, Майсур станут плацдармом английского империализма в Индии и на Среднем Востоке вообще.

Расчленение Индии на два государства, предоставление особых гарантий князьям, длительное время рьяно служившим британским колонизаторам, предоставление бывшей метрополии ряда льгот в экономической области – всё это составляло ту «цену», которую индийскому народу пришлось уплатить при завоевании независимости. Тем не менее, Великобритании всё же пришлось признать Индию независимым государством, и в этом была главная суть предоставления Индии статуса доминиона. Нетрудно заметить, что в Акте о независимости Индии 1947 г. воспроизводился ряд положений Вестминстерского статута 1931 г. Но вместе с тем между этими документами имелись и определённые различия. Индийский государствовед Д. Сен выделяет три наиболее важных различия. Первое различие он видит в том, что «в то время как в Вестминстерском статуте право доминионов на отделение от короны только подразумевается, в законе о неза-

¹ Распад Британской империи / [Ред. коллегия: д-р экон. наук А.Г. Милейковский (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 1964. – С. 91.

² О том, как вырабатывались основные положения этого закона см.: Сен Д. От подчинения к независимости / Пер. с англ. М.В. Ларичевой; под ред. и с предисл. д-ра юрид. наук Б.С. Никифорова и канд. юрид. наук Г.И. Морозова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 278-291.

висимости Индии оно ясно признано».¹ Второе различие, по его мнению, сводится к тому, что «в то время как в Индии и Пакистане верховная власть английского парламента была полностью упразднена, в отношении старых доминионов это остаётся под сомнением».² Наконец, третье различие Д. Сен усматривает в том, что Вестминстерский статут содержал оговорки о применении некоторых английских законов в отношении Канады, Австралии и Новой Зеландии, а закон о независимости Индии таких оговорок не содержит.

На первый взгляд может показаться, что Акт о независимости Индии зафиксировал моменты, которые как будто бы предоставляли новым доминионам более широкие права, но такой вывод являлся бы ошибочным: в этом Акте просто впервые записали нормы, уже сложившиеся в отношениях между Великобританией и старыми доминионами. Д. Сен сам не считает все указанные им различия одинаково важными. По поводу третьего различия он сам напоминает о том, что оговорки, касавшиеся Канады, Австралии и Новой Зеландии, не распространялись на два других старых доминиона – Южно-Африканский Союз и Ирландию. «В этом смысле, – писал он, – положение Индии и Пакистана, в сущности, такое же, как и положение Южно-Африканского Союза и Ирландии».³ Что касается второго различия, то, с точки зрения самого Д. Сена, «это различие *pro forma*, а не по существу».⁴ Принципиально важным, таким образом, остаётся одно первое различие. В связи с этим полезно отметить, что мнение Д. Сена о том, что право доминионов на отделение от короны хотя бы «подразумевается» в Вестминстерском статуте не являлось бесспорным. Вопрос о наличии или отсутствии у доминионов такого права возникал ввиду позиции Ирландии, и Г. Лаутерпахт утверждал, например, что «в Вестминстерском статуте не выражено и не подразумевается предоставление Ирландскому свободному государству права выхода из Британского общества наций».⁵ Несколько более гибкую позицию по этому вопросу заняли английские государственные деятели Э. Уэйд и Д. Филипс. «Вопрос о праве на выход из Британского общества наций не должен рассматриваться в качестве чисто правового... Доминиону нельзя запретить выйти из Британского общества наций, но такого рода акт являлся бы актом внеправовым. Такой выход должен был бы сопровождаться декларацией об объявлении независимости и, чтобы быть действительным с международной точки зрения, должен был быть оформлен договором или каким-либо видом признания».⁶

Формула о праве на выход из Британского содружества наций прямо не была записана и в Акте о независимости Индии. В этом Акте говорилось о том, что, начиная с установленного дня (15 августа 1947 г.), правительство его величества в Соединённом Королевстве не несёт никакой ответственности в отношении уп-

¹ Сен Д. От подчинения к независимости. С. 294.

² Там же. С. 295.

³ Там же. С. 296.

⁴ Там же. С. 295.

⁵ Оппенгейм Л. Международное право. Том I: Мир. Полутом 1. С. 198.

⁶ Уэйд Е.С., Филипс Д.Д. Конституционное право / Пер. с англ. А.С. Никифорова; Под ред. проф. С.Б. Крылова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – С. 535.

равления какой бы то ни было территорией, которая непосредственно перед этим днём входила в состав Британской Индии (ст. 7). Это была новая формула, так как «в статуте такого положения нет». Теоретически имелись различные варианты толкования этой формулы, но практически эта формулу истолковали именно как закрепление права доминионов на выход из Британского содружества. Появление такой формулы не означало, конечно, что право на выход признаётся только за Индией и Пакистаном – оно на деле признавалось за всеми доминионами. «Фактически ответственность английского правительства в отношении доминионов давно перестала существовать, но не считали нужным объявлять эту повсеместно признанную практику правовым институтом». ² Если сравнивать процедуру предоставления статуса доминиона Индии и Пакистану с той процедурой, которая имела место в отношении более старых доминионов, то нельзя не заметить некоторую новеллу. Во-первых, при предоставлении Индии и Пакистану статуса доминиона, между этими новыми государствами и Великобританией не было заключено никакого договора, как это имело место при предоставлении статуса доминиона Ирландскому свободному государству. Во-вторых, предоставление Индии и Пакистану статуса доминиона не сопровождалось принятием британским парламентом Акта о конституции новых доминионов, как это имело место в отношении Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южно-Африканского Союза: теперь акт британского парламента, которым оформлялось предоставление статуса доминиона, имел несколько иное содержание и назывался весьма знаменательно Актом о независимости.

Предоставление статуса доминиона Цейлону оформили по индийскому образцу Актом о независимости, принятым британским парламентом (затем эта форма стала общепринятой). Акт о независимости Цейлона от 10 декабря 1947 г. иначе назывался «Актом, предусматривающим достижение Цейлоном полностью ответственного статуса внутри Британского содружества наций и связанных с ним мерах». ³ Акт этот, как и Акт о независимости Индии, воспроизводил основные положения Вестминстерского статута и формулу о том, что «с установленного дня правительство его величества в Соединённом Королевстве не несёт ответственности за управление Цейлоном». В отличие от Индии, Цейлон при получении статуса доминиона не был расчленён, но ему также навязали определённые условия, призванные облегчить империалистическим кругам Великобритании продолжение эксплуатации бывшей колонии. Кроме того, Цейлону навязали договор о «совместной обороне», который дал ей право контроля над военной системой нового государства. ⁴

Законы о независимости Индии и Цейлона положили начало новой практи-

¹ Сен Д. От подчинения к независимости. С. 294.

² Там же. С. 294-295.

³ Русский перевод этого Акта см.: Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана: [Тексты конституций и конституционных актов] / Пер. под ред. З.И. Луковниковой. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 632-638.

⁴ *Harvey H.J.* Consultation and Cooperation in the Commonwealth. – London–New York: Oxford University Press, 1952. – P. 19.

ке, в соответствии с которой британский парламент, предоставляя бывшей колонии статус доминиона, не решает при этом вопроса о Конституции этого доминиона. И всё же в этом отношении имелось существенное различие между Индией и Цейлоном. Когда Индия приобретала статус доминиона, то устанавливалось, что до принятия новой Конституции, управление этой страной будет осуществляться на основе Закона об управлении Индией 1935 г. с теми изменениями, которые обусловлены Законом о независимости, и в то же время ни для кого не было секретом, что правительство Индии сразу же предпримет меры для разработки новой Конституции. Поэтому в Индии до 26 января 1950 г., когда новая Конституция вступила в силу, действовала, по справедливому замечанию К.К. Уэйра, временная конституция, которая получила силу закона от британского парламента – Акта об управлении Индией 1935 г. и Акта о независимости Индии 1947 г.¹ Однако, поскольку эта конституция носила явно временный характер, оставался открытым вопрос и о том, как отнесётся будущая постоянная Конституция Индии к самому статусу доминиона. Здесь, как замечает Н. Мансерф, «статус доминиона был политическим приёмом, при помощи которого можно было выйти из тупика при передаче власти в 1947 году; в качестве же постоянного элемента Конституции Индии он представлялся совсем иным».²

В Цейлоне власть передавалась правительству Объединённой национальной партии, которое на большее, чем статус доминиона, и не претендовало. Конституция Цейлона в качестве доминиона была установлена актами британских властей – Приказом в совете о Конституции Цейлона от 15 июля 1946 г. и несколькими другими Приказами в Совете, внесшими в «Основной Приказ» дополнения и изменения, обусловленные статусом доминиона. Эта конституция, получившая силу закона от британского парламента, не рассматривалась как временная, и статус доминиона здесь предполагался непрременным и постоянным элементом Конституции. «Это первый случай в нашей истории, – сказал лорд Эддисон, лорд-хранитель печати и бывший государственный секретарь по делам доминионов, представляя законопроект о независимости Цейлона на второе чтение в палате лордов 4 декабря 1947 г., – когда колония, развивая систему самоуправления по своему собственному усмотрению, стремится стать государством-доминионом в нашем Содружестве».³

Новые азиатские доминионы – Индия, Пакистан, Цейлон, – формально существовали на той же конституционной основе, что и старые «белые» доминионы, и пользовались равенством прав по Вестминстерскому статуту. Но эта конституционная форма не соответствовала конкретной действительности: сила британского влияния, а также экономического, финансового, политического и военного господства была всё ещё настолько велика, что практически новые домини-

¹ *Mansergh N. Commonwealth Perspectives.* – London: Duke University Press for Duke University Commonwealth-Studies Center, 1958. – P. 23-24.

² *Wheare K.C. The Constitutional Structure of the Commonwealth.* – Oxford: Clarendon Press, 1960. – P. 95.

³ *Mansergh N. Commonwealth Perspectives.* P. 26-27.

оны продолжали оставаться зависимыми странами.¹ В акты о независимости, сопровождавшие предоставление статуса доминиона после Второй мировой войны, неизменно включалась формула, подразумевавшая право доминионов на полное отделение их от британской короны, то есть на выход из Британского Содружества. Правомерность такого выхода теперь уже невозможно было отрицать. В этом плане особенно важны два прецедента.

Первый – это выход из состава Британского содружества Ирландии. Осуществила это Ирландия в одностороннем порядке: ирландский парламент в 1948 г. принял закон о создании Ирландской республики, которым отменялся закон 1936 г. об исполнительной власти во внешних сношениях и устанавливалось, что отныне не английский король, а президент Ирландии с согласия и по предложению правительства будет «осуществлять исполнительную власть государства и любые функции исполнительного характера во внешних сношениях или по относящимся к ним вопросам».² О выходе Ирландии из Британского содружества в законе прямо не говорилось, но это считалось вытекающим из того, что британский король лишался всяких функций по отношению к Ирландии. Второй прецедент – это выход из состава Британского содружества Бирмы. Оформлен этот выход был актом британского парламента. Предварительно навязав Бирме соглашение, обязавшее бывшую колонию выплатить бывшей метрополии значительные суммы в качестве «долгов», правящие круги Великобритании провели через парламент Акт о независимости Бирмы, в котором говорилось, что с 14 января 1948 г. «Бирма станет независимой страной, которая не будет составлять части владений его величества и не будет иметь права на защиту со стороны его величества»³, а также, что граждане Бирмы после установленного дня не будут признаваться подданными британской короны. Бирманский прецедент ясно показал, что британской колонии для обретения независимости вовсе не обязательно нужно добиваться признания её доминионом.

Статус доминиона как способ оформления политической независимости не удовлетворил и народ Индии, вырвавшийся из-под колониального угнетения: здесь не захотели признавать английского короля главой своего государства, но не выражали стремления порвать с Британским содружеством наций. В связи с этим на конференции премьер-министров доминионов, созванной в апреле 1949 г. в Лондоне, рассматривались вопросы о намерении Индии принять республиканскую форму правления и о влиянии этого факта на будущую структуру Британского Содружества наций. В Декларации конференции отмечалось, что «правительство Индии объявило и подтвердило желание Индии сохранить её полное членство в Содружестве наций и её благосклонное отношение к королю как символу свободного соединения его независимых членом наций и как главы Содружества».⁴

¹ Дамм Р.П. Кризис Британии и Британской империи. С. 46-47.

² Русский перевод этого закона см.: Конституции буржуазных государств Европы / Пер. под ред. д-ра юрид. наук Г.С. Гурвича. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – С. 460.

³ Цит. по: Сен Д. От подчинения к независимости. С. 309.

⁴ Imperial constitutional documents, 1765-1965. – Oxford: Blackwell, 1966. – P. 54-55.

Таким образом, Индия создала важный прецедент для других доминионов, которые получали возможность изменить свою форму правления, не покидая Британское содружество наций. В отношении Пакистана решение о сохранении им членства в Содружестве наций после объявления республики было принято на конференции премьер-министров стран Содружества в феврале 1955 г.¹ В дальнейшем этот вопрос стал решаться доминионами в одностороннем порядке.

После Второй мировой войны статус доминиона, таким образом, перестал быть универсальной формой политической независимости для страны, остающейся в рамках Британского содружества наций. Во-первых, для ряда бывших колониальных владений Великобритании (Индия, Пакистан, Уганда, Танганьика и др.) сам этот статус оказался всего-навсего лишь формой перехода к другому правовому статусу – статусу республики. Во-вторых, позднее стало ясно, что эта переходная форма вовсе не является обязательной: на основе Акта о независимости, принятого британским парламентом в 1964 г. и изданного в развитие этого британской короной Приказа о независимости Замбии 1964 г., в качестве приложения к которому была опубликована Конституция Республики Замбии², бывшая английская колония Северная Родезия обрела независимость в рамках Содружества наций, сразу же приняв республиканскую форму правления. В-третьих, акт о независимости Малайской Федерации 1957 г. создал прецедент, свидетельствовавший о том, что государство, входящее в состав Содружества наций, может иметь и монархическую форму правления, не будучи доминионом. «Малайя, – писал А.А. Мишин, – занимает особое положение в Содружестве наций. Она не является доминионом, так как английская корона не представлена в этой стране генерал-губернатором. В отличие от членов Содружества – республик (Индия и Пакистан), Малайя – монархия».³ Ещё позднее на тех же началах, что и Малайская Федерация, заняли место в Содружестве наций Королевство Лесото (бывшая колония Басутоленд), Королевство Свазиленд и Королевство Тонга. Все эти монархии так же, как и республики, имели собственного главу государства, а британского монарха признавали только главой Содружества.

Всё это серьёзно изменило саму структуру Содружества наций. Уже завоевание Индией, Пакистаном и Цейлоном статуса доминиона изменяло «британский характер» Содружества наций. «В то время как старые доминионы большей частью были британскими и почти все из них по происхождению и взглядам европейскими, – писал Н. Мансерф, – Индия была отечеством с традициями, идущими из древней истории».⁴ На конференции премьер-министров Великобритании и доминионов в 1948 г. было решено, что в официальном наименовании Британского содружества наций слово «британский» будет опущено, и оно будет называться просто Содружеством наций.⁵ Затем правящие круги Великобритании

¹ The Empire and commonwealth Year book: Published annually. – London: Neame, 1956. – P. 35.

² См. Конституции государств Африки: [Кн.] 1-2. [Кн.] 2 / [Редкол.: Я.А. Малик (гл. ред.) и др.]; Ин-т гос. и права АН СССР. Ин-т Африки АН СССР. – М.: Прогресс, 1966. – С. 195-212.

³ Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана. С. 281.

⁴ Mansergh N. Commonwealth Perspectives. P. 23.

⁵ Imperial constitutional documents, 1765-1965. P. 55.

изменили и значение понятия Содружества наций. Если до Второй мировой войны под Содружеством наций понималась сравнительно узкая организация внутри Британской империи, объединявшая лишь Великобританию и доминионы, то теперь понятие Содружества наций стало уподобляться как новое наименование всей Британской империей, причём стали различать «членов Содружества» (входящие в состав Содружества наций независимого государства) и просто «страны Содружества» (все остальные части Британской империи).¹ Британское Содружество наций на практике оказалось чрезвычайно гибкой организацией, способной приспосабливаться к довольно различным условиям. Анализируя происшедшие изменения и перспективы дальнейшего развития Содружества, Р. Палм Датт указал: «Предположить, что некоторые формы Содружества не могут существовать и дальше (например, ассоциация Англии, Австралии, Новой Зеландии и, возможно, Канады, основанная на их исторической, расовой и культурной общности), по меньшей мере нелепо».²

После Второй мировой войны в связи с изменением состава участников конференции членов Содружества, правительству Великобритании уже далеко не всегда удаётся проводить через эти конференции угодные британскому империализму решения. Одним из самых ярких примеров этого является решение, принятое в связи с провозглашением Южно-Африканского Союза республикой. Вопрос о переоформлении членства Южно-Африканской Республики (ЮАР) рассматривался на конференции премьер-министров стран Содружества в начале марта 1961 года Правительство Великобритании было уверено, что путём различных манёвров и переговоров ему удастся склонить премьер-министров проголосовать за принятие Южной Африки в Содружество наций. Но конфедерация исключила ЮАР из Содружества. В итоге премьер-министр Великобритании вынужден был заявить, что в «свете взглядов, выраженных со стороны других правительств-членов, и указаний их будущих намерений, касающихся расистской политики правительства Союза, он решил взять назад своё заявление о продолжении членства Южной Африки в Содружестве как республики».³

В то время, как многие «туземные» колонии, завоевав независимость, отказались от статуса доминиона, бывшие «переселенческие» колонии (Канада, Австралия, Новая Зеландия), добившиеся суверенитета гораздо раньше, не выражают намерения изменить свой статус, хотя и здесь ещё продолжают существовать пережитки колониальных отношений. У.З. Фостер обращал внимание на то, что господствующие в Канаде монополисты продолжают «использовать некоторые формы колониальных отношений в качестве преград для развития демократии. Характерно в этом смысле то, что они сохраняют в Канаде влияние английского короля, оставляя за ним право назначать генерал-губернаторов Канады. Другим примером сохранения колониальных отношений является то, что крупные ком-

¹ *Wheare K.C.* The Constitutional Structure of the Commonwealth. P. 1.

² *Damm P.П.* Британское Содружество и его проблемы // *Международная жизнь*. – 1960. – № 8. – С. 51.

³ *Imperial constitutional documents, 1765-1965*. – Oxford: Blackwell, 1966. – P. 105.

пани и сейчас имеют право обжаловать перед Тайным советом Англии решения канадских судов по гражданским делам. Следует, однако, подчеркнуть, что хотя эти и другие подобные пережитки колониальных отношений охраняются монополистическим капиталом, Канада, по существу, является независимой страной, имеющей право устанавливать собственную конституцию и законы, объявлять войну и заключать мир, входить или не входить в Британское содружество наций или Организацию Объединённых Наций».¹ В связи с тем, что другие члены Содружества стремились всячески подчёркивать свою независимость, правительство Канады стало возражать против того, чтобы впредь к этой стране применяли термин «доминион». На конференции Содружества в декабре 1952 г. участники пришли к соглашению, что «члены должны представлять свой стиль, который, подчёркивая собственное индивидуальное территориальное назначение, утверждать равную долю в суверенитете, должен включать общие элементы со ссылкой на „другие королевства и территории” и „главу Содружества”. Название „доминион” было отпущено для того, чтобы отказаться от идеи „господства” и утвердить равенство Соединённого Королевства с другими членами Содружества».² В 1952 г. Канада приняла название «королевство». Её примеру последовали и другие члены Содружества. В итоге понятие доминиона изъяти из официального языка.

Патриотические чувства канадцев всё острее задевает то обстоятельство, что действующая конституция страны установлена актом британского парламента. Всё чаще стал обсуждаться вопрос о необходимости принятия новой Конституции и о правовых формах замены Актов о Британской Северной Америке новым конституционным актом. В связи с этим профессор Ф.Р. Скотт высказал мнение, что «если Канада решает покончить раз и навсегда с юридической зависимостью от Соединённого Королевства, то в этом случае по просьбе Канады парламент Соединённого Королевства должен ввести в силу указ о независимости Канады. Конституция будет содержать декларацию суверенитета канадского народа и постановление, что никакие статуты Соединённого Королевства в будущем не будут иметь силу закона в Канаде, исключая только те, которые приняты канадским парламентом». Это решение подвергалось критике даже в буржуазной литературе. К.К. Уэйр отвергает довод, будто новая конституция Канады может вступить в силу лишь на основании акта британского парламента и что преобразование Конституции в канадский документ возможно лишь по благосклонности Соединённого Королевства.³ Однако, до сих пор не выработано единого мнения по этому вопросу. Состоявшаяся в сентябре 1980 г. в Оттаве конференция глав правительств канадских провинций по выработке конституции Канады, закончилась неудачей. Противники упрощения канадской федерации из рядов прогрессивно-консервативной партии отказались поддержать предложенный федераль-

¹ *Фостер У.З.* Очерк политической истории Америки / Пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. лит., 1953. – С. 203.

² *Imperial constitutional documents, 1765-1965.* P. 97.

³ *Wheare K.C.* The Constitutional Structure of the Commonwealth. P. 110-111.

ным правительством план замены Акта о Британской Северной Америке подлинно канадской конституцией, стремясь сохранить существующее положение Канады.¹

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое нами исследование позволяет сделать определённые выводы. Статус доминиона зародился и развивался в ходе борьбы народов колоний за самостоятельность. Историческим предшественником статуса доминиона послужил статус самоуправляющейся колонии. Такой статус первыми обрели в рамках Британской империи так называемые переселенческие колонии, потому что заселившие территории этих колоний переселенцы из европейских стран строили отношения между собой на капиталистических началах и управлять этими колониями теми же методами, что и «туземными» колониями, стоящими тогда на значительно более низкой ступени социально-экономического развития, было просто невозможно. К переселенческим колониям следует отнести указание В.И. Ленина о том, что «нормальное капиталистическое общество не может успешно развиваться без упроченного представительского строя, без известных политических прав населения, которое не может не отличаться сравнительно высокой требовательностью в „культурном” отношении».² Именно по этой причине в переселенческих колониях появляются местные законодательные органы, избираемые населением (представительные легислатуры), а затем по образцу самой Великобритании складывается система «ответственного правительства».

Если в отношении «коронных» колоний метрополия законодательствовала не только посредством актов британского парламента, но и посредством внепарламентских правительственных актов («приказов в Совете»), то в отношении самоуправляющихся колоний метрополия признала недопустимость издания «приказов в Совете» и постепенно предоставила парламентам этих колоний право принимать свои собственные законы по всем внутренним делам. Однако параллельно с этим оставался неизменным принцип верховной власти британского парламента, ибо рамки внутреннего самоуправления каждой колонии, а также порядок образования и деятельности важнейших органов управления каждой колонии устанавливался актом британского парламента – специальным актом о Конституции такой колонии. Даже в конце XIX в. статус самоуправляющейся колонии, как об этом свидетельствуют работы важнейших британских государствоведов того времени (Х. Эгертона, В. Энсона и пр.), рассматривался как разновидность колониального статуса. Предоставление той или иной колонии одного только внутреннего самоуправления само по себе не отменяло колониального характера взаимоотношений владения и метрополии, хотя и вносило серьёзные изменения в методы колониального управления.

Однако автономные владения Великобритании приступили к созданию своих собственных вооружённых сил, своей денежной системы, стали бороться

¹ Брагин Н. Зашли в тупик // Правда. – 1980. – 17 сентября.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – М.: Изд. поллит. лит-ры, 1973. – Т. 20. – С. 68.

за признание своего особого флага, добиваться участия в международных отношениях. Правда, в период до Первой мировой войны эти владения ещё далеко не полностью взяли в свои руки вопросы обороны своей страны (например, сухопутные войска свои создали, а своего военно-морского флота ещё не имели, продолжая пользоваться «услугами» военно-морских сил Великобритании), денежная система этих владений оставалась «привязанной» к денежной системе Великобритании (исключение составляла Канада, денежная система которой уже тогда была «привязана» к денежной системе США), флаги этих владений представляли собою лишь видоизменённый британский флаг, договоры от имени автономных владений ещё нередко официально подписывал представитель Великобритании, хотя условия договора, касающегося автономного владения, стали непременно предварительно согласовываться с представителями самих этих владений. Всё это говорило о том, что в автономных владениях Великобритании шёл процесс строительства собственной государственности, но независимыми государствами в период до Первой мировой войны они ещё не стали. Хотя Канаду, Ньюфаундленд, Новую Зеландию, Австрийский Союз и Южно-Африканский Союз и в тот период нередко продолжали называть самоуправляющимися колониями Великобритании, в действительности в начале XX в. они уже утратили колониальный статус и приобрели новый, очень своеобразный статус, который на имперской конференции 1907 г. был назван статусом «самоуправляющихся доминионов». На то, что статус «самоуправляющихся доминионов» принципиально отличался от колониального статуса, указывало также формирование института верховных комиссаров, рост их значения в качестве главного канала связи с метрополией. Однако на первом этапе статус доминиона – это статус несuverенного государственного образования.

В период между первой и второй мировыми войнами содержание статуса доминиона существенно изменялось. После Первой мировой войны доминионы становятся такими же субъектами международного права, как и любые другие государства. На этом этапе статус доминиона означает статус независимого государства, сохраняющего определённые государственно-правовые связи с Великобританией. Главной специфической чертой доминиона является то, что это – государство, имевшее общего с Великобританией монарха, точнее, государство, признающее британского монарха собственным главой государства. В период между первой и второй мировыми войнами доминионы старались добиться ликвидации следов их колониального прошлого, ещё сохранившихся в области права – требовали от Великобритании отказа от ограничений прав доминионов издавать законы, имеющие экстерриториальное действие, категорического признания недопустимости распространения актов британского парламента на территорию доминионов, придания генерал-губернатору положения, полностью воспроизводящего положение короля в самой Британии и т.п. Вестминстерский статут 1931 г. закрепил отмену лишь некоторых ограничений суверенитета доминионов. Другие ограничения суверенитета доминионов были упразднены позднее самой практикой взаимоотношений их с Великобританией, без издания каких-то новых законодательных актов. Важную роль в развитии статуса доминиона в период ме-

жду первой и второй мировыми войнами сыграла Ирландия: она добилась нового способа юридического закрепления статуса доминиона (путём двустороннего договора), она первой в 1937 г. приняла свою Конституцию без участия британского парламента.

По окончании Второй мировой войны наступил третий этап в развитии статуса доминиона. На этом этапе статус доминиона стали получать бывшие «туземные» колонии, и правящие круги Великобритании, вынужденные пойти на предоставление такого статуса, то есть вынужденные признать их политическую независимость, пытались вместе с тем связать эти новые доминионы путями неокOLONIALИЗМА, навязав им неравноправные финансовые соглашения, соглашения о предоставлении Великобритании военных баз и т.п. На этом этапе предоставление прежней колонии статуса доминиона стало оформляться законодательными актами британского парламента, которые и по своему содержанию, и по своему названию отличались от прежде издававшихся в таких случаях актов о Конституции доминиона. Индия, Пакистан, Цейлон, ряд бывших «туземных» колоний Великобритании в Тропической Африке и на американском континенте получили статус доминиона на основе Актов о независимости.

Акты о независимости действительно отличались по своему содержанию от тех актов, которыми до второй и до первой мировой войны сопровождалось предоставление статуса доминиона, прежде всего потому, что все эти акты не заключали в себе конституции нового доминиона. В некоторых случаях правящие круги Великобритании, идя на принятие Акта о независимости того или иного бывшего британского владения, исходили из того, что в новом доминионе будет действовать Конституция, ещё ранее «пожалованная» данной территории британскими властями, и тем не менее текст такой конституции в Акт о независимости не включался и даже внесение необходимых поправок производилось другим актом (так было в случае с Цейлоном). В других случаях правящие круги Великобритании уже при принятии Акта о независимости прекрасно знали, что новый доминион не удовлетворит старая «пожалованная» Конституция и он очень скоро приступит к разработке новой Конституции (так было в случае с Индией). Важно было то, что теперь Акт о независимости той или иной бывшей британской колонии, обходя молчанием вопрос о том, какая конституция будет действовать в новом доминионе, тем самым признавал право доминиона на принятие собственной Конституции. Другой особенностью Акта о независимости являлось то, что он обязательно содержал формулу, которая практически расценивалась как признание права доминиона на выход из британского «Содружества наций». Акт о независимости бывшей британской колонии вовсе не всегда был актом о предоставлении территории статуса доминиона – такой акт мог предусматривать создание независимого государства вне рамок британского «Содружества» (Акт о независимости Бирмы), мог предусматривать участие нового государства в британском «Содружестве», но не в качестве доминиона (Акт о независимости Малайской Федерации, Акт о независимости Республики Замбии). Статус доминиона теперь потерял характер единственной формы участия независимого государства в британском «Содружестве наций».

В период после Второй мировой войны термин «доминион» был исключён из официальных актов. Когда-то при введении в оборот этого термина неопределённость его буквального смысла имела в виду подчеркнуть отличие территории, названной таким термином, от колонии. Теперь обратили внимание на то, что неопределённость этого термина включает понятие «владения», а это несовместимо с престижем независимого государства. Доминионы приняли официальное наименование «королевств» (в 1867 г. Канаде в этом наименовании отказали, а теперь оно за ней было призвано), но содержание соответствующего правового статуса от этого, разумеется, не изменилось.

Источники и использованная литература:

1. Произведения основоположников марксизма-ленинизма

1-1. *Маркс К.* Восстание в индийской армии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958. – Т. 12. – С. 240-243.

1-2. *Энгельс Ф.* По и Рейн // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. – Т. 13. – С. 233-281.

1-3. Из протоколов заседаний Генерального совета 16 и 23 ноября 1869 года. Запись речей К. Маркса о политике британского правительства по отношению к ирландским заключённым // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. – Т. 16. – С. 604-608.

1-4. Письмо Ф. Энгельса – К. Каутскому. В Манчестер, 30 ноября 1867 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1963. – Т. 31. – С. 336-339.

1-5. Письмо Ф. Энгельса – К. Каутскому. В Вены, 12 сентября 1882 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1964. – Т. 35. – С. 296-298.

1-6. *Ленин В.И.* Разногласия в европейском рабочем движении // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1973. – Т. 20. – С. 62-69.

1-7. *Ленин В.И.* Английские либералы и Ирландия // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1973. – Т. 24. – С. 365-368.

1-8. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. – Т. 27. – С. 299-426.

1-9. *Ленин В.И.* Защита империализма, прикрытая добренькими фразами // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. – Т. 32. – С. 11-13.

1-10. *Ленин В.И.* Речь на митинге в Политехническом музее, 23 августа 1918 г. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. – Т. 37. – С. 65-70.

2. Официально-документальные материалы

2-1. *Брежнев Л.И.* Отчёт Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976. – М.: Политиздат, 1976. – 111 с.

2-2. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5-17 июля 1969 г. – М.: Политиздат, 1969. – 352 с.

3. Нормативные материалы

3-1. Конституции буржуазных стран: в 4-х тт. Т. IV: Британская империя, доминионы, Индия, Филиппины. – М.-Л.: Соцэжгиз, 1936. – 369 с.

3-2. Конституции буржуазных государств Европы / Пер. под ред. д-ра юрид. наук Г.С. Гурвича. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – 1142 с.

3-3. Конституции государств Американского континента / Пер. под ред. д-ра юрид. наук проф. Г.С. Гурвича. – Т. 2: Канада, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мексика, Никарагуа. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 525 с.

3-4. Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана: [Тексты конституций и конституционных актов] / Пер. под ред. З.И. Луковниковой. – М.: Изд-во иностр.

лит., 1960. – 738 с.

3-5. Конституции государств Африки: [Кн.] 1-2. [Кн.] 2 / [Редкол.: Я.А. Малик (гл. ред.) и др.]; Ин-т гос. и права АН СССР. Ин-т Африки АН СССР. – М.: Прогресс, 1966. – 582 с.

3-6. Colonial conference, 1907. Minutes of proceedings. Cd. 3523. – London: Printed for H.M. Stationery Off., by Eyre and Spottiswoode, 1907. – 450 p.

3-7. Imperial conference 1923. Summary of proceeding. – London: His Majesty's Stationery Office, 1923. – 369 p.

3-8. Imperial constitutional documents, 1765-1965. – Oxford: Blackwell, 1966. – 237 p.

3-9. The Empire and commonwealth Year book: Published annually. – London: Neame, 1956. – XXVIII, 531 p.

4. Учебники и учебные пособия

4-1. Государственное право буржуазных стран: [Учебник для юрид. ин-тов и фак.] / Под ред. проф. И.Д. Левина и доц. Б.С. Крылова. – М.: Госюриздат, 1962. – 488 с.

4-2. История государства и права зарубежных стран / Под ред. П.Н. Галанзы и О.А. Жидкова. – М.: Юрид. литература, 1969. – Т. II. – 488 с.

4-3. Курс международного права: в 6-ти тт. / [АН СССР, Ин-т государства и права]. – Т. 1: Понятие и сущность современного международного права / [авт. А.С. Бахов, Д.И. Бараташвили, Ф.И. Кожевников и др.]. – М.: Наука, 1967. – 284 с.

4-4. Лисневский Э.В. История государства и права Великобритании. – Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 1975. – 56 с.

4-5. Стародубский Б.А. Государственное право буржуазных государств: Учеб. пособие / Б.А. Стародубский, канд. юрид. наук; Свердлов. юрид. ин-т им. А.Я. Вышинского. Ч. 2: Основы государственного права отдельных буржуазных стран. – Свердловск: [б. и.], 1960. – 472 с.

4-6. Фёдоров К.Г. История государства и права зарубежных стран. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 456 с.

4-7. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. – М.: Высшая школа, 1973. – 630 с.

5. Книги

5-1. Александренко Г.В. Буржуазный федерализм: (Критический анализ буржуазных федераций и буржуазных теорий федерализма). – Киев: Изд-во АН УССР, 1962. – 355 с.

5-2. Бак Т. Правда о Канаде / Тим Бак; сокр. пер. с англ. И.П. Ястребовой. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – 172 с.

5-3. Баскаков Э.Г. Биографии гербов, флагов, гимнов зарубежных стран. – М.: Политиздат, 1967. – 159 с.

5-4. Вайль И.М. Австралия: федерализм и высшие органы власти. – М.: Наука, 1970. – 245 с.

5-5. Вильсон В. Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений: с приложением текста важнейших конституций / Пер. под ред. А.С. Ященко; с предисл. М.М. Ковалевского. – М.: Изд. В.М. Саблина, 1905. – [800] с.

5-6. Гумплович Л. Общее учение о государстве / [Соч.] Людвиг Гумпловича, проф. Грац. ун-та; пер. со 2-го нем. изд. со вступ. очерком, примеч. и доп. ст. Ив.Н. Неровецкого. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1910. – 516 с.

5-7. Гурвич Г.С. Политический строй современных государств. Англия: учебное пособие для вузов. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. – 151 с.

5-8. Датт Р.П. Кризис Британии и Британской империи / Раджани Палм Датт; пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. лит., 1954. – 586 с.

5-9. Дурденевский В.Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах: (С прил. текстов конституций). – Л.: Гос. изд-во, 1925. – 262 с.

5-10. Еллинек Г. Общее учение о государстве. Право современного государства / Ред.: С.И. Гессен. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Н. К. Мартынов, 1908. – Т. 1. – 599 с.

5-11. Ерофеев Н.А. Закат Британской империи. – М.: Мысль, 1967. – 279 с.

5-12. Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX в. – М.: Наука, 1977. – 256 с.

- 5-13. *Иванов К.А.* Флаги государств мира. – М.: Транспорт, 1971. – 231 с.
- 5-14. *Керженцев П.М.* Ирландия в борьбе за независимость. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 244 с.
- 5-15. *Корф С.А.* Государственный строй Канады / Бар. С.А. Корф, д-р гос. права, орд. проф. Имп. Александр. ун-та в Гельсингфорсе. – М.: Т-во типо-лит. В. Чичерин, 1911. – 101 с.
- 5-16. *Корф С.А.* Автономные колонии Великобритании / Бар. С.А. Корф, проф. Имп. Александр. ун-та в Гельсингфорсе. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1914. – VII, [3], 453 с.
- 5-17. *Крылов Б.С.* Государственный строй Великобритании. – М.: Госюриздат, 1957. – 79 с.
- 5-18. *Левин Д.Б.* Государственный строй Великобритании: Лекции для студентов ВЮЗИ / Проф. Д.Б. Левин; М-во высшего образования СССР. Всесоюз. юрид. заочный ин-т. – М.: [б. и.], 1957. – 63 с.
- 5-19. *Лемин И.М.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно, 1919-1925. – М.: Госполитиздат, 1947. – 488 с.
- 5-20. *Лидин А.* Государственный строй Канады. – М.: Госюриздат, 1960. – 69 с.
- 5-21. *Лоу С.* Государственный строй Англии / Сидней Лоу; пер. с англ. В.И. Браудо под ред. проф. бар. Б.Э. Нольде; с предисл. проф. М.М. Ковалевского. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1908. – 270 с.
- 5-22. *Мишин А.А.* Государственный строй Новой Зеландии. – М.: Госюриздат, 1960. – 61 с.
- 5-23. *Оппенгейм Л.* Международное право / Пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лаутерпахтом; под ред. и с предисл. проф. С.Б. Крылова. Том I: Мир. – Полумтом I. – М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. – 407 с.
- 5-24. Распад Британской империи / [Ред. коллегия: д-р экон. наук А.Г. Милейковский (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 1964. – 647 с.
- 5-25. *Сатой Э.М.* Руководство по дипломатической практике / Пер. с англ. под ред. и со вступ. статьей А.А. Трояновского. – [М.]: Госполитиздат (типография «Красный пролетарий»), 1947. – 516 с.
- 5-26. *Сен Д.* От подчинения к независимости / Пер. с англ. М.В. Ларичевой; под ред. и с предисл. д-ра юрид. наук Б.С. Никифорова и канд. юрид. наук Г.И. Морозова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 671 с.
- 5-27. *Углов А.А.* Государственный строй Австралии. – М.: Госюриздат, 1957. – 64 с.
- 5-28. *Уэйд Е.С., Филтс Д.Д.* Конституционное право / Пер. с англ. А.С. Никифорова; под ред. проф. С.Б. Крылова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – 587 с.
- 5-29. *Фишель Э.* Государственный строй Англии / Соч. д-ра Эдуарда Фишеля; пер. [и предисл.] П.М. Цейдлера. – СПб.: М.О. Вольф, 1862. – 531 с.
- 5-30. *Фостер У.З.* Очерк политической истории Америки / Пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. лит., 1953. – 918 с.
- 5-31. *Шефер Д.* История колоний / Дитрих Шефер, проф. Берлин. ун-та; пер. М.В. (с 3 просм. и доп. изд.). – СПб.: П.П. Сойкин, 1913. – 115 с.
- 5-32. *Энсон В.* Английская корона, её конституционные законы и обычаи / Вильям Энсон, William Anson, проф. Оксфорд. ун-та; пер. с англ. с примеч. Н. Захарова. – СПб.: Н.К. Мартынов, 1914. – X, 480 с.
- 5-33. *Юдин Ю.А.* Государственный строй Южно-Африканского Союза. – М.: Госюриздат, 1959. – 91 с.
- 5-34. *Andrews E.M.* Isolationism and Appeasement in Australia Reactions to the European Crisis, 1935-1939. – Canberra: Australian national university press, 1970. – 215 p.
- 5-35. *Coatman J.* British Family of nations. – London: Harrap, 1950. – 189 p.
- 5-36. *Curtis L.* Letters to the people of India on responsible government. 2-d Edition. – London: Macmillan and Company, Limited, 1918. – 175 p.
- 5-37. *Dawson R.M.* The Development of Dominions Status, 1900-1936. – London–New York–Toronto: Oxford University Press, 1937. – XIV, 466 p.
- 5-38. *Dilke Ch.* Greater Britain. – London: Macmillan & Co., 1869. – Vol. 1-2. – 734 p.; 454 p.

- 5-39. *Dilke Ch.* Problems of Creator Britain.– London: Macmillan, 1890. – Vol. 2. – 330 p.
- 5-40. *Egerton H.E.* The origin and growth of the English colonies and of their system of government: An introduction to mr. C.P. Lucas's Historical geography of the British colonies / By Hugh Edward Egerton. – Oxford: Clarendon press, 1903. – 236 p.
- 5-41. *Egerton H.E.* A Short History of British Colonial Police, 1606-1909. 10-th Edition. – London: Methuen, 1941. – 500 p.
- 5-42. *Elliott W.Y.* The new British empire. – New York–London: McGraw-Hill book company, 1932. – 323 p.
- 5-43. *Grigg E.* The Greatest Experiment in History. – London: H. Milford, Oxford univ. press, 1924. – 149 p.
- 5-44. *Hall N.D.* The British Commonwealth of Nations. – Landon: Methuen & Co., Ltd., 1920. – 311 p.
- 5-45. *Harvey H.J.* Consultation and Cooperation in the Commonwealth. – London–New York: Oxford University Press, 1952. – 270 p.
- 5-46. *Jenks E.* The Government of the British Empire. – London: J. Murray, 1937. – 432 p.
- 5-47. *Keith A.B.* Responsible government in the Dominions. – Oxford: The Clarendon press, 1912. – Vol. I–III. – 629 p.+552 p.+592 p.; 1450 p.
- 5-48. *Keith A.B.* Imperial unity and the Dominions. – Oxford: Clarendon Press, 1916. – 626 p.
- 5-49. *Keith A.B.* War Government of the British Dominions. – Oxford: Clarendon press, 1921. – 353 p.
- 5-50. *Keith A.B.* The Sovereignty of the British Dominions. – London: MacMillan & Co., Ltd, 1929. – XXIV, 524 p.
- 5-51. *Keith A.B.* Select speeches and documents on British Colonial Policy, 1763-1917.– London: University press, 1933. – Vol. II. – 510 p.
- 5-52. *Keith A.B.* The Governments of the British Empire. – London: Macmillan & Co., Ltd, 1936. – 316 p.
- 5-53. *Keith A.B.* Letters and Essays on Current Imperial and International Problems, 1935-1936. – London: Milford 1936. – XII, 233 p.
- 5-54. *Keith A.B.* A constitutional history of India, 1600-1935. – London: Methuen, 1937. – 517 p.
- 5-55. *Keith A.B.* The Dominions as Sovereign States. Their Constitutions and Governments. – London: Macmillan and Company, 1938. – XIV, 660 p.
- 5-56. *Keith A.B.* Speeches and Documents on the British Dominions, 1918-1931. – Oxford, 1961. – 501 p.
- 5-57. *Knaphund P.* Britain, Comonwealth and Empire, 1901-1955. – New York: Harper and Brothers, 1957. – 630 p.
- 5-58. *Mansergh N.* Britain and Ireland. – London: Green, 1942. – 127 p.
- 5-59. *Mansergh N.* Survey of British Commonwealth Affairs. Problems of External Policy, 1931-1939. – London: Oxford University Press, 1952. – 481 p.
- 5-60. *Mansergh N.* Commonwealth Perspectives. – London: Duke University Press for Duke University Commonwealth-Studies Center, 1958. – 213 p.
- 5-61. *Mansergh N.* The Commonwealth Experience. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1969. – 429. p.
- 5-62. *Minty L.M.* Constitutional Laws of the British Empire. – London: Sweet & Maxwell, Ltd, 1928. – 301 p.
- 5-63. *Reynolds P.A.* British Foreign Policy in the Inter-war Years. – London: Longmans, Green and co, 1954. – 217 p.
- 5-64. *Skilling H.G.* Canadian representation abroad. From agency to embassy. – Toronto: The Ryerson Press, 1945. – 296 p.
- 5-65. *Wheare K.C.* The Statute of Westminster and Dominion Status. 2-d Edition. – Oxford: Oxford University Press, 1942. – 328 p.
- 5-66. *Wheare K.C.* The Constitutional Structure of the Commonwealth. – Oxford: Clarendon

Press, 1960. – 179 p.

5-67. *Bourne K., Watt D.C.* Studies in International History. – London: Archon Books, 1967. – 382 p.

6. Статьи

6-1. *Брагин Н.* Зашли в тупик // Правда. – 1980. – 17 сентября.

6-2. *Виноградов П.Г.* Государственный строй Англии // Политический строй современных государств / Изд. кн. П.Д. Долгорукова и И.И. Петрункевича при участии ред. газеты «Право». Т. 1-2. – М.: Беседа, 1905-1906. – Т. 1. Сборник статей П.Г. Виноградова, В.М. Гессена, М.М. Ковалевского, Н.Е. Кудрина, П.Н. Милюкова и М.А. Рейснера. – 1905. – С. 191-271.

6-3. *Датт Р.П.* Британское Содружество и его проблемы // Международная жизнь. – 1960. – № 8. – С. 39-51.

6-4. *Поздеева Л.В.* Доминионы и мюнхенская политика Англии // Новая и новейшая история. – 1973. – № 4. – С. 54-70.

6-5. *Dennis A.L.P.* British Foreign Policy and the Dominions // American Political Science Review. – 1922. – November. – P. 593-602.

6-6. *Schmitt M.* Vorherrschaft des Mutterlandes and Selbstandigkeit der Dominions // Handbuch der Politik. Band 5. 111 Auflage. – Berlin – Gruneward, 1922. – S. 72-80.

7. Справочники

7-1. Валюты стран мира / Справочник / Глав. ред. С.М. Борисов. – М.: Финансы, 1976. – 383 с.

К 30-ЛЕТИЮ РАСПАДА СССР

УДК 93/94

Исаков В.Б.

ПО СЛУХАМ И ДОСТОВЕРНО:

Из личных воспоминаний и «Парламентских дневников»

В статье отражены воспоминания и личные впечатления автора о начале деятельности российского парламента (1990-1991), личности Председателя Верховного Совета Российской Федерации и первого Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина.

Ключевые слова: перестройка; Горбачев; Ельцин; КПСС; политика; выборы; Съезд народных депутатов; Верховный Совет РСФСР; Распад СССР.

Сейчас, когда российское общество разделилось в неравную пропорцию на критиков и защитников Бориса Николаевича Ельцина, я не могу однозначно отнести себя ни к первым, ни ко вторым. Слишком противоречива и

Исаков Владимир Борисович – доктор юридических наук, профессор-исследователь, заслуженный юрист Российской Федерации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11).

E-mail: visakov@hse.ru

[*Исаков Владимир Борисович* (род. в 1950 г.) – выпускник (1971), аспирант, преподаватель, доцент, профессор кафедры теории государства и права (1971-1990) Свердловского юридического института, доктор юридических наук (1985; *Исаков В.Б.* Проблемы теории юридических фактов: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. – Свердловск, 1985. – 392 с.), народный депутат РСФСР (1990-1993), председатель палаты Совета Республики (1990-1991), председатель Комитета по конституционному законодательству Верховного Совета РСФСР, председатель Комитета по законодательству Государственной Думы первого созыва (1993-1995), начальник Правового управления Государственной думы (1996-2002), директор Департамента по законодательству (2002-2003) и вице-президент Торгово-промышленной палаты России (2003-2011), заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения, профессор-исследователь Факультета права Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), заслуженный юрист РФ (2009), член Союза писателей РФ (1996). Он был одним из семи депутатов, голосовавших на сессии Верховного Совета РСФСР 12 декабря 1991 г. против утверждения Беловежских соглашений о ликвидации СССР и создании СНГ, одним из лидеров сопротивления антиконституционному перевороту президента Б.Н. Ельцина в сентябре-октябре 1993 г., оставался до последнего дня в осажденном Доме советов, в здании Верховного Совета России во время его расстрела из танков 3-4 октября 1993 г., чудом не погиб, выходя из горящего здания парламента, был избит омонтовцами. – *Бабурин С.Н.* Страж нации. От расстрела парламента – до небооруженного восстания. – М.: Книжный мир, 2014. – С. 21-22; *Исаков В.* Госпереворот. Парламентские дневники 1992–1993. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 1997. – С. 436-438; *Исаков В.* Председатель Совета Республики. Парламентские дневники 1990–1991. – Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1997. – 491, [1] с.; *Исаков В.* Амнистия. Парламентские дневники 1994–1995. – Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1997. – 490 с.

неоднозначна эта фигура из нашего недавнего прошлого.

Первый секретарь

В 70-х – 80-х годах прошлого века я жил в Свердловске, ныне Екатеринбурге, преподавал в Свердловском юридическом институте. В 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1985 г. – докторскую. Прихожу однажды на кафедру, и вижу, что наша заведующая кабинетом, Людмила Алексеевна Чвялева, пребывает в явно расстроенных чувствах. Что случилось? Она рассказывает. Только что вернулась с торжественного собрания, посвященного Дню Победы 9 мая. На нем выступил с речью новый первый секретарь Свердловского обкома КПСС Борис Николаевич Ельцин. Когда Ельцин уже вышел на трибуну и начал своё выступление, из-за кулис появился, позвякивая медалями, опоздавший ветеран войны. Огляделся. Заметил в президиуме единственное свободное место и сел на него. Закончив выступление, Ельцин вернулся в президиум, но его место оказалось занятым. Тогда он не придумал лучшего – резко, за рукав, сдернул ветерана с места. Зал ахнул. Торжественность момента и праздничное настроение были испорчены. Все только и обсуждали некрасивый инцидент, произошедший у них на глазах. Конечно, есть старинная русская поговорка: «Не в свои сани не садись». Ну, а если сел случайно? Будешь публично унижен и опозорен. Как-то уж очень грубо на этот раз новый руководитель продемонстрировал свое отношение к простым людям.

Хочу быть строителем коммунизма...

(Заявление Б.Н. Ельцина о приеме в партию)

В первичную партийную организацию треста Южгорстрой от кандидата в члены КПСС т. Ельцина Бориса Николаевича. Прошу принять меня в

¹ О распаде СССР см. на С. 95-117 настоящего издания и труды В.Б. Исакова: *Исаков В.Б.* Мятеж против Ельцина: команда по спасению СССР. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. – 237, [2] с.; *Исаков В.Б.* Кто и как развалил СССР. Хроника крупнейшей геополитической катастрофы XX века. (Серия «Сверхдержава») – М.: Книжный Мир, 2012. – 384 с.; *Исаков В.Б.* Старые мифы новой России // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936-2016). Т. III: Эволюция российского государства и права, учений о российском государстве и праве в трудах-поздравлениях коллег. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2016. – С. 1004-1021; *Исаков В.Б.* ГКЧП начинает и... проигрывает // Европейское измерение 2016. Сборник научных трудов под общей редакцией С.Н. Бабурина и З.А. Станкевича. – М.: Книжный мир, Европейский институт JUSTO, 2016. – С. 68-98; *Исаков В.Б.* Пути и тупики российского парламентаризма // Европейское измерение 2017. Сборник научных трудов под общей редакцией С.Н. Бабурина. – М.: Книжный мир, 2017. – С. 212-264; *Исаков В.Б.* Политические процессы в России в зеркале федеральных выборов: Сравнительные результаты голосований на парламентских и президентских выборах в 1991-2012 гг. Статистический материал. – М.: НИУ ВШЭ, 2013. – 48 с. – *Прим. ред.*].

ряды Коммунистической партии Советского Союза, так как я хочу быть в активных рядах борцов за построение коммунизма в нашей стране. Считаю себя для вступления подготовленным. 14.III.61 г. Ельцин

Вашим же салом...

Следующий эпизод передаю со слов рассказчика, имя которого сегодня уже не помню. Дело было в одной из поездок Б.Н. Ельцина по области. Первого секретаря обкома КПСС, приехавшего в один из районов Свердловской области, понятное дело, встречала вся местная номенклатура. Первый секретарь райкома лично поднес высокому гостю на рушнике хлеб-соль:

– Приветствую Вас, дорогой Борис Николаевич, на нашей земле!

Ельцин, вышедший из машины, был по каким-то причинам в хмуром расположении духа. На приветствие первого секретаря райкома он раздраженно бросил:

– На какой-такой ВАШЕЙ земле?! Где здесь ВАША земля?!

Районный руководитель, будь он посмелее и поувереннее в себе, мог бы найти ответ, поправить, отшутиться. Например, так:

– Приветствую Вас, дорогой Борис Николаевич, на НАШЕЙ и ВАШЕЙ земле Свердловской области!

Но время партийных лидеров – энергичных, смелых, уверенных в себе, способных повести за собой людей, острых на язык – безвозвратно ушло. Партийные и советские должности все чаще занимали безликие аппаратчики, годные лишь на роль послушных исполнителей «воли партии». Вот и у этого язык прилип к горлу, лицо покраснело и покрылось испариной. Глаза заматались в испуге: «А что я неправильно сказал?» Ельцин круто развернулся и хлопнул дверцей машины. Через несколько дней секретаря райкома сняли.

Официальная биография

Борис Николаевич Ельцин – русский, беспартийный, родился в 1931 г. в селе Бутка Свердловской области в семье крестьянина. Начал свою трудовую биографию рабочим. После окончания Уральского политехнического института работал мастером, начальником управления, управляющим трестом, начальником домостроительного комбината. В течение ряда лет находился на партийной работе, в том числе на постах первого секретаря Свердловского областного, Московского городского комитетов КПСС. Избирался кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. В 1988-1989 гг. работал первым заместителем Председателя Госстроя СССР – министром СССР. Б.Н. Ельцин – убежденный сторонник радикального курса в проведении экономических и политических реформ возрождения государственного суверенитета России, добровольного и свободного Союза суверенных государств, обеспечения социальной защиты населения и укрепления гарантий прав и свобод человека. Последовательно отстаивает свои взгляды и проводит их в жизнь, за что подвергался резкой критике и постоянным нападкам со стороны противников

обновления страны и возрождения Российской Федерации.

В 1989 г. Б.Н. Ельцин избран народным депутатом СССР по Московскому национально-территориальному округу № 1. В 1989-1990 гг. – член Верховного Совета СССР, председатель Комитета по вопросам строительства и архитектуры. В 1990 г. избран народным депутатом РСФСР по Свердловскому национально-территориальному округу № 74. I Съезд народных депутатов РСФСР на альтернативной основе избрал Б.Н. Ельцина Председателем Верховного Совета Российской Федерации. Женат, имеет двух дочерей и троих внуков.

(Из предвыборного плаката Б.Н. Ельцина, 1991 г.)

Личное знакомство

В тот период, когда Б.Н. Ельцин руководил Свердловским обкомом КПСС, наши орбиты практически не пересекались. По ходу избирательных кампаний 1989-90 гг. – да, был его сторонником, но ни тогда, ни позже не входил в ряды его ближайшего окружения. Личное знакомство с Б.Н. Ельциным состоялось в период его выдвижения народным депутатом СССР. Оно проходило в обстановке противодействия и конфликтов. Власти, партийные и советские, как могли, старались этому выдвижению помешать и делали это нелепо, глупо: запрещали митинги, собрания, прекращали печатание предвыборных материалов. И чем больше мешали – тем больше народ «заводился». На заводах, в институтах, на собраниях по месту жительства в ЖЭКах – везде выдвигали Ельцина. Состоялось бурное общегородское собрание избирателей в ДК имени Свердлова, на котором также выдвинули Ельцина. Кассету с записью этого собрания я вызвался во время очередной командировки отвезти в Москву, чтобы передать лично Борису Николаевичу.

Роскошное здание Госстроя СССР на Пушкинской улице (ныне – резиденция Совета Федерации). Просторный мраморный холл, бесшумные лифты, затянутые зеленым ковровым покрытием полупустые коридоры, мерцающие экраны компьютеров в приемных – все это для меня, провинциала, впервые попавшего в правительственный офис такого уровня, было ново. Б.Н. Ельцин принял меня в своем рабочем кабинете, отделанном светлыми породами дерева и залитым солнечным светом. Поднялся с места и, обойдя стол заседаний, радушно протянул руку. Знакомимся, рассказываю, как прошло предвыборное собрание, передаю кассету с записью. Кроме меня в кабинете двое – мой земляк Евгений Королев и инженер с одного из московских заводов. Инженер – в рабочей замасленной куртке, видимо, прямо с производства. Пришел обсудить выдвижение Ельцина по Москве. Мелькнула мысль: «Видели ли эти стены таких посетителей? И то ли еще увидят?» Ельцин задал мне какой-то вопрос по избирательному законодательству, я ответил. После этого встреча закруглилась. Естественно, что в тот раз он меня даже не запомнил.

Перестройка принесет перемены
(Из предвыборной программы Б.Н. Ельцина
– кандидата в народные депутаты СССР)

Высший законодательный орган должен выражать волю народа в решении всех принципиальных вопросов и препятствовать принятию ненужных, а порой и вредных решений и постановлений. Ему должны быть законодательно подотчетны все без исключения правительственные, политические и общественные организации, в том числе партия. Практиковать периодические отчеты центральных органов перед Съездом народных депутатов, Верховным Советом СССР. Действующий Закон о выборах не является истинно демократичным. Выборы депутатов и председателей Советов всех уровней должны быть всеобщими, прямыми, равными, тайными и только состоятельными, включая выборы Председателя Верховного Совета СССР. Создать государственно-правовой механизм, исключающий рецидивы авторитарных форм правления, волюнтаризма и культа личности. Необходимо бороться против существующего элитарного бюрократического строя посредством передачи власти выборным органам и децентрализации политической, экономической и культурной жизни. Законотворчество не должно быть анонимным: каждый законопроект и поправка должны иметь авторство, а авторы – за них отвечать. Народный депутат должен иметь право требовать проведения референдумов по важнейшим вопросам государственной жизни (строительство и использование Вооруженных Сил, приоритетные направления экономической и социальной политики, строительство атомных электростанций и т.п.). Забота о человеке – главная цель социализма. Необходимо отдать еще больший приоритет сильной социальной политике и сосредоточить все усилия на трех наиболее важных направлениях: обеспечение продовольственными и промышленными товарами, сфера обслуживания, жилье. Выделить для решения этих задач значительно больше средств, в том числе за счёт сокращения ассигнований на оборонную и другие отрасли. Отложить на 5-7 лет реализацию ряда космических программ. Это даст возможность за 2-3 года существенно повысить жизненный уровень советских людей. В социальной политике отдать приоритет наименее социально защищенной части общества: малообеспеченным семьям, пенсионерам, женщинам, инвалидам. Принимая во внимание неоправданное расслоение общества по имущественному признаку, необходимо ужесточить борьбу за социальную и нравственную справедливость. Добиться равных возможностей для всех граждан – от рабочего до главы государства – в приобретении продовольственных, промышленных товаров и услуг, в получении образования, медицинском обслуживании. Переориентировать Четвертое главное управление Минздрава СССР, обслуживающее сегодня руководителей, на нужды наименее социально защищенной части общества. Ликвидировать различные спецпайки и спецраспределители. Стимулировать хорошую работу только рублем, имеющим

одинаковую покупательную способность для всех слоев общества.

Прочным фундаментом сильной социальной политики может быть только эффективная экономика. Необходима четкая научная программа оздоровления экономики в кратчайшие сроки. В рамках этой программы: 1) реализовать лозунг «Землю – крестьянам!» Передать землю на аренду на длительные сроки. Люди сами должны выбирать формы хозяйствования; 2) резко сократить число министерств и ведомств и постепенно перевести их аппарат на полный хозрасчет. Предоставить предприятиям возможность свободного выхода из состава министерств и право самостоятельной хозяйственной деятельности; 3) сократить на 40 процентов ассигнования на промышленное строительство и изъять их из бюджета как не обеспеченные товарной массой. За счёт этого резко сократить внутреннюю задолженность государства и стабилизировать курс рубля.

Решение экономических и социальных проблем возможно только при дальнейшем развитии демократии. Предоставить больше самостоятельности средствам массовой информации, принять Закон о печати, который должен определять обязанности работников прессы, радио и телевидения и защищать их права. Средства массовой информации должны зависеть не от групп людей, а от общества. Уделять серьезное внимание межнациональным отношениям. Все народы СССР должны иметь фактическую экономическую, политическую и культурную самостоятельность. Разделяю обеспокоенность людей остротой экологической проблемы. Необходимо принять Закон об экологической ответственности. Составить экологическую карту страны и прекратить промышленное строительство в экологически напряженных районах, в том числе в Москве. Принять ряд законодательных актов о молодежи. Согласиться в принципе с возможностью создания альтернативных молодежных организаций. Перестройка и демократизация должны принести нашему обществу революционные перемены и бороться за них надо по-революционному.

(«Московская правда», 21 марта 1989 г.)

Гримасы уходящей природы

Избирательная кампания по выдвижению Б.Н. Ельцина шла своим чередом. На предвыборных собраниях складывалась следующая стандартная ситуация: подавляющее большинство – за Б.Н. Ельцина, небольшая группа партийного актива – против. Критика со стороны последних выглядела вымученной, неискренней, «по долгу службы». Естественно, что ни понимания, ни сочувствия в трудовых коллективах она не вызывала и нанесла авторитету партийных лидеров ощутимый урон. Народ видел: вы – не нашей стороне. Избирательная кампания высветила то обстоятельство, что перестройка и демократизация в стране обогнали перестройку и демократизацию в партии. Мысленно обращаюсь к материалам пленума горкома партии, посвященного проблемам жизни городской партийной организации. В них бурлят, порой

перехлестывая через край, страсти только что прошедших выборов. В выступлениях – резкие слова, непривычно суровые оценки, в том числе и в адрес первого секретаря горкома.

Перестройка! Гласность! Новые подходы! Но, увы, только на словах. На деле же – началось негласное расследование, кто и как помогал Б.Н. Ельцину в его избирательной кампании. Партийным организациям, допустившим выдвижение, указано на слабое руководство политическим процессом, а с отдельными наиболее активными инициаторами выдвижения разобрались персонально, вплоть до увольнения с работы. Созванный следом пленум обкома КПСС отклонил требование нескольких крупных парторганизаций заводов и проектных институтов о созыве внеочередной партийной конференции. В ответ сотни коммунистов выложили на стол свои партийные билеты: «Не хотите уходить вы – тогда уйдем мы!» То, что произошло затем в августе 1991 года – ГКЧП, неудачная попытка КПСС вернуть себе власть, ее разгром и запрет – вызывает у меня смешанные чувства. Это была последняя, судорожная и «недоделанная» попытка руководства партии и страны вернуть себе утекающую из рук власть. Хотели, как лучше, а получилось, как всегда. Хлынувший после этого поток лжи и клеветы на КПСС, начавшиеся гонения на коммунистов, партийные органы печати, мне столь же отвратительны, как и предшествовавшие им гонения на диссидентов. Но говоря по совести, что-то подобное рано или поздно должно было произойти: динозавр, переживший свою эпоху и не сумевший приспособиться к глобальным изменениям, был обречен...

**Трудностями перестройки стремятся воспользоваться
деструктивные силы...**

(Телеграмма в адрес ЦК КПСС)

ПЛЕНУМ ОБКОМА ПАРТИИ ОБЕСПОКОЕН ТЕМ, ЧТО ТРУДНОСТЯМИ ПЕРЕСТРОЙКИ СТРЕМЯТСЯ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ И ПОЛЬЗУЮТСЯ СИЛЫ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОТОРЫХ НАПРАВЛЕНА НА ЛИКВИДАЦИЮ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ В СТРАНЕ, НА РАЗВАЛ НАШЕГО ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА. ИСПОЛЬЗУЯ ОРУЖИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМАГОГИИ, ЗАПУГИВАНИЯ И КЛЕВЕТЫ, ШАНТАЖА И МОРАЛЬНОГО ТЕРРОРА, ОНИ СОЗДАЮТ ОБСТАНОВКУ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ, ПРОИЗВОЛА И АНАРХИИ, ДЕЗОРГАНИЗУЮТ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮТ НА ЗАКОННЫЕ ПРАВА И ИНТЕРЕСЫ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ. НО, К СОЖАЛЕНИЮ, ЦК КПСС ТАКОМУ ПОЛОЖЕНИЮ НИГДЕ НЕ ДАЛ ОСТРОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ. НАСТОЯЩЕЕ РЕШЕНИЕ ЕДИНОГЛАСНО ПРИНЯТО ВСЕМИ УЧАСТНИКАМИ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ.

(Из телеграммы Внеочередного пленума Свердловского обкома КПСС в ЦК КПСС, 7 марта 1990 г.)

Российские выборы

В следующий раз наши пути пересеклись уже на выборах народных депутатов РСФСР. Для Ельцина, ставшего народным депутатом СССР от Москвы, было очень важно выдвинуться на этот раз от какого-нибудь региона России. Предложений было немало, но он выбрал Свердловск, где его знали, где ещё на союзных выборах сложилась крепкая предвыборная команда. И вновь – нелепые попытки властей помешать выдвижению, и опять – стихийно возникшая спайка людей, противостоящих административному произволу. В печати можно встретить утверждение, что я на тех выборах был доверенным лицом Б.Н. Ельцина. Это и так, и не так: на этом этапе я поддерживал Б.Н. Ельцина, но ни на этих, ни на последующих выборах я не был его доверенным лицом, да и не мог быть, поскольку сам баллотировался кандидатом. Некоторые члены моей команды намеревались использовать популярность Ельцина, отпечатали даже предвыборный плакат, где наши фамилии стояли рядом. Я категорически воспротивился этому. Состоялась бурная дискуссия, где мы чётко определились: Ельцина будем, безусловно, поддерживать, но ни в коем случае не будем примазываться к его популярности. Толстая пачка плакатов, перевязанная бечевкой, отправилась пылиться в кладовку.

На дежурный вопрос: «Будешь ли ты поддерживать Ельцина?» – а его задавали практически на каждой встрече – я отвечал так: «Если будет прав, буду поддерживать. Если будет ошибаться, буду критиковать». Избирателей такой ответ вполне устраивал. Впоследствии, после заявления шести руководителей Верховного Совета РСФСР (которое подписали все, кроме Р.И. Хасбулатова), когда в Свердловске началась кампания по моему отзыву из народных депутатов, инициаторы постарались обосновать обвинение, что я «въехал в депутаты на плечах у Ельцина» и «изменил своим предвыборным обещаниям». Перерыли газеты, архивы, подняли магнитофонные записи встреч, но документального подтверждения этому так и не нашли. Вывод сделали оригинальный: «Исаков уже тогда был «скрытой контрой»».

За культурное и экономическое возрождение народов России!

(Из предвыборной программы Б.Н. Ельцина – кандидата в народные депутаты РСФСР)

1. Политическое устройство России.

Принять Конституцию России путем референдума, преобразовав существующую экономическую и политическую систему. Всю полноту власти – Советам и народу. Ликвидировать монополию КПСС на власть. В рамках многопартийности коммунистам России образовать самостоятельную Российскую компартию на основе «безаппаратной» структуры, ориентированную на гуманистический и демократический социализм. Все партии должны работать в рамках Конституции и Закона. Ликвидировать дискриминацию беспартийных при занятии различных должностей. Приоритет компетентности и честности. Государственное устройство России – президентская рес-

публика. Выборы президента – народом. Президент приостанавливает свое членство в любых партиях и общественных организациях. Конституционный суд России – гарант соблюдения прав и свобод личности. Союзу ССР – профессиональную армию. России – территориальное ополчение (срок службы – 10 месяцев с местом службы в республике, где призван). Сократить численность КГБ за счёт упразднения 9-го Управления, представителей на предприятиях и в организациях. Прекратить дискриминацию верующих, обеспечить свободу совести. Законодательно предоставить церкви права юридического лица. Провести реформу национально-государственного устройства РСФСР. Каждому народу России – реальное право на самоопределение. В составе РСФСР после референдума могут образоваться самоуправляемые социально-экономические территории и регионы: Центральная Россия, Север, Юг, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Подписать новый союзный договор. Отвергать претензии на исключительную роль России и любой республики в Союзе. Защищать права граждан России в других республиках. Принять закон о статусе беженцев.

2. Экономика России.

России – свою программу управляемого перехода к рыночной экономике и развитию многообразных форм собственности. Монополизму ведомств – законодательный заслон. Оздоровить финансы России: отделить Госбанк РСФСР от правительства, развивать коммерческие банки, создать биржи, обеспечить конвертируемость рубля, обуздать инфляцию. Создать счета наличных (обратимых) денег предприятий за счет увеличения выпуска товаров народного потребления, производства продукции сверх госзаказа и продажи её. Прекратить перекачивание средств, заработанных РСФСР, в союзный бюджет и другим республикам. Законодательно закрепить республиканскую собственность, в необходимых случаях передаваемую Союзу. России – радикальную земельную реформу и возрождение крестьянства. Заключить прямые договоры республики с США, Японией, Англией и другими развитыми странами об экономическом, научном сотрудничестве, строительстве дорог и жилья, поставках продовольствия, товаров народного потребления и подготовке кадров.

3. Социальная политика.

К 1993 году увеличить строительство жилья в 1,5 раза, создавая новую базу стройматериалов, привлекая иностранные фирмы, с последующей продажей жилья населению. Разработать общероссийские программы: детство, стимулирование рождаемости, борьба с бедностью, возрождение русской культуры, помощь молодым семьям, здравоохранение, экология, образование. Приоритеты – культуре и народному образованию России. Экологию – под контроль народа. Строительство новых объектов – на решение населения через референдум. Обеспечить реальное содержание твердых по размерам зарплат, стипендий, пособий, пенсий на основе их ежегодного повышения с изменением роста цен. Доходы – только по результатам труда с эффективной

системой налогообложения. Законодательное ограничение роста цен на продукты и товары первой необходимости. Законодательно отменить все привилегии. Передать все государственные дачи, особняки и другие социальные объекты для детей и наименее социально защищенных слоев населения. Вопросы выделения персональных машин руководителям, а также охраны и обслуживающего персонала должен решать только Верховный Совет РСФСР. В России достаточно всего: земли, природных богатств, талантов и способностей людей. Нам не хватает эффективной организации нашей жизни.

Нам нужна обновленная демократическая Россия!

(Предвыборный плакат, 4 марта 1990 г.)

Совещание в Приозерске

Следующая личная встреча с Б.Н. Ельциным состоялась близ Приозёрска Ленинградской области, уже после окончания выборов народных депутатов РСФСР. Ленинградская организация «Демократической России» решила собрать у себя депутатов «демократической ориентации», чтобы обсудить стратегию и тактику борьбы на предстоящем съезде. Получил приглашение и я. Б.Н. Ельцин, хотя он ещё не вполне оправился от операции на позвоночнике, тоже участвовал в этой встрече. Путь был не близким. Проезжая на автобусе через бедные, запущенные деревни и поселки Приозерья, пятьдесят лет спустя хранившие следы войны, я размышлял: «Какая бедная, израненная земля... Как трудно живут здесь люди. Сможем ли мы им помочь? Сумеет ли мы, новое поколение политиков, идущих к власти, сделать их жизнь хоть чуточку лучше?»

Конференция состоялась в спортивно-оздоровительном лагере на берегу Ладожского озера. Удобств – минимум, но все неудобства искупались свежестью и нетронутой красотой северной природы. Ельцин выступил с докладом о повестке дня предстоящего Съезда, задачах на нем «демократических сил». Конкретных тезисов его выступления за давностью лет я не помню, но осталось ощущение конкретного, делового разговора. Участники конференции живо обсуждали эту тему. Вечером организовали самостоятельный банкет. И здесь я убедился, что утверждения демократической прессы о том, что Ельцин «ни-ни», «и в рот не берет» – по меньшей мере, сильное преувеличение. Без помощи Коржакова он вряд ли добрался бы до своего домика. И ещё одна деталь неприятно удивила: вокруг Ельцина постоянно роились люди, вопросительно заглядывающие ему в глаза, готовые «помочь», «услужить». Подумалось: времена вроде бы новые, а номенклатурный холуяж по-прежнему в силе...

Встреча в ЦК

Понимая значение первого Съезда и остроту предстоящей на нём борьбы, союзные и российские власти сделали всё, чтобы взять его под свой контроль. 12 мая в ЦК КПСС состоялось совещание с народными депутатами РСФСР, на которое были приглашены депутаты-коммунисты и участники подготовительного совещания. В малом зале ЦК КПСС собралось около

двухсот депутатов и работников аппарата. Откуда-то из-за кулис гуськом вышли члены Политбюро и начали рассаживаться в президиуме. Первым слово взял М.С. Горбачёв. Съезд – это не продолжение митинга – сказал Горбачёв, – и нельзя превращать его в политическую игру. Россию хотят запутать, а именно от её позиции зависит сегодня судьба перестройки. Затем он резко отозвался о демонстрации 1 мая в Москве, на которой демонстранты несли несколько антигорбачевских лозунгов, назвав её «антисоветской вылазкой». Осудил «популистов», но в общем виде, не называя фамилий. В завершение довольно рыхлого, похожего на экспромт выступления Горбачёв сказал несколько добрых слов об Урале, где незадолго до этого побывал в поездке. После него очень долго, с ненужными подробностями, докладывал о повестке дня съезда В.И. Воротников и, наконец, началось обсуждение кандидатов на пост Председателя Верховного Совета РСФСР.

Я неожиданно получил слово одним из первых. Сначала говорил о союзной программе законодательства: неясно как союзные законы будут соотноситься с республиканскими. Характер правотворчества союзных органов сегодня таков, что нам остается лишь «докручивать гайки» на общесоюзных правовых актах. Сказал, что в «митинговой волне» во многом виновато само союзное руководство: давно пора принять законы о митингах, партиях, общественных организациях. Да и политическую игру на съезде можно было бы свести к минимуму за счёт хорошей подготовки, на которую, как всегда, не хватало времени. В конце выступления я предложил кандидатуру Б.Н. Ельцина на пост Председателя Верховного Совета РСФСР: за него проголосовало на выборах 84 процента свердловчан, люди верят ему и связывают с ним свои надежды на перемены. Зал зашумел. Моё предложение пришлось явно не ко двору. Большинство последующих выступающих обрушились на меня с критикой. Подводя итог встречи, М.С. Горбачёв сказал, что в ЦК КПСС обсуждались самые разные кандидатуры и наиболее достойным признали А.В. Власова, Председателя Совета Министров РСФСР. Кандидатуру Ельцина они не рассматривали.

В зале съезда

Первый Съезд народных депутатов РСФСР открылся в Большом кремлевском дворце – втором по величине зале Кремля, в котором традиционно проводились торжественные заседания и сессии Верховного Совета РСФСР. Рассчитанный на парадные заседания, этот вытянутый в длину зал совершенно не подходил для парламентской работы: из последних рядов не видно президиума, из президиума тоже не видно депутатов в последних рядах. Шесть микрофонов, установленных в проходах, время от времени превращали съезд в бурный, неорганизованный митинг. На съезде я сидел в составе свердловской делегации практически рядом с Б.Н. Ельциным и с интересом наблюдал за своим знаменитым соседом. Ельцин тогда активно эксплуатировал тему борьбы с номенклатурными привилегиями и приезжал в Кремль на выдавшем виды серебристом «Москвиче» его зятя. На заседаниях

он сидел молча – тщательно причесанный, в безупречно отглаженном костюме, благоухающий дорогим одеколоном – и почти неподвижно, практически не меняя позы. Сначала я принял это за высшую степень дипломатической вышколенности, но задав два-три вопроса убедился, что Ельцин не вслушивался в то, что говорилось с трибуны. Кипящая вокруг политическая жизнь мало занимала его мысли...

Первой внушительной победой Ельцина на съезде стало включение в повестку вопроса о государственном суверенитете РСФСР. Я относился к этой проблеме двояко: понимал, что в ней выразились и обрели юридическую форму идеи переустройства союзной федерации на новых демократических основах, преодоления бюрократического консерватизма, восстановления справедливости, эффективной экономической реформы. В идее «суверенитета республики» материализовались все мечты и надежды общества, освобождающегося от остатков и пережитков авторитарной системы. Но, с другой стороны, сверлила мысль: можно представить себе суверенитет и независимость Литвы, Грузии или Молдавии. Выйдет одна их них, да хотя бы и все вместе, – Союз сохранится. Но что же будет, если из Союза выйдет Россия? От Союза ничего не останется. Весь мир объединяется, интегрируется, а мы – начнем делиться? Поэтому, успокаивал я себя, идея «суверенитета» – просто временный политический лозунг, средство давления на союзный центр с целью добиться большей самостоятельности России. До реального выхода из Союза дело, конечно, не дойдет...

С официальным докладом о суверенитете России выступил Председатель Президиума Верховного Совета В.И. Воротников. Доклад Воротникова был построен по принципу «Да, но...». С одной стороны, признавались глубокие деформации во взаимоотношениях России с другими республиками и с союзным государством. Но, с другой стороны, «необходимо укреплять Союз», «дать отпор тем, кто пытается его ослабить». Через весь доклад Воротникова шла интонация жалостливого оправдания: «Иногда мы боролись за интересы России. Это нередко трактовалось как посягательство на единство, на весь сложный баланс межреспубликанских отношений и отношений республик с центром. Как же вам помогать, не раз убеждали нас, когда чуть отколы у Российской Федерации – и все другие довольны, а вам дай – сразу же недовольство со всех сторон: обделили! Так вот и жали на нашу, с позволения сказать, сознательность...». Трудно рассчитывать, что такой доклад может вызвать у депутатов сочувствие. Добавьте к этому устарелую риторику конца 50-х годов, стандартные обороты цеховских спичрайтеров, избегавших не только свежей мысли, но и свежего слова – и станет понятным, почему доклад Воротникова произвел скорее негативное впечатление. Из зала стали требовать выступления Ельцина. Ведущий заюлил, попытался начать обсуждение по заранее составленному списку, но под нарастающим давлением депутатов был вынужден уступить. Ельцин выступил превосходно – жестко, ясно, твердо расставляя смысловые акценты. Он по пунктам изложил свое

понимание суверенитета республики, показал его основные составляющие. На фоне вялого, невыразительного доклада Воротникова выступление Ельцина прозвучало эффектно, вызвало бурные аплодисменты. Стало ясно, что идея суверенитета республики обрела своего знаменосца, а «демократическая» часть депутатского корпуса – признанного лидера.

Председатель Верховного Совета

Спустя две недели после открытия съезд подошёл к ключевому вопросу повестки дня – выборам председателя Верховного Совета РСФСР. Депутаты через микрофоны выдвинули полтора десятка кандидатов, но все понимали, что реальная кандидатура одна – Б.Н. Ельцин. Практически непрерывно вокруг него дежурили фото- и телекорреспонденты, ловя в объективы взгляд, жест. Каждый его проход по Кремлю превращался в импровизированную пресс-конференцию. Когда начались выступления кандидатов на пост Председателя Верховного Совета, Ельцин напрягся, напряжинулся – в бойцовских качествах ему не откажешь – и вновь сумел покорить зал. Отдельные положения из его выступления и ответы на вопросы имеет смысл сегодня напомнить.

*Из выступления Б.Н. Ельцина 25 мая 1990 г.
и его ответов на вопросы*

«Ельцин Б.Н.: Россия больна. И сегодня нам, как никогда, нужна решительная, смелая и главное – опережающая политика, с помощью которой, действуя энергично, можно будет выйти из кризиса. Что для этого нужно сделать? Не ломая систему, строить рядом новое здание, отказываясь на деле от монополии партии на власть, передав власть народу и Советам... В сфере государственного строительства осуществить конституционные реформы, принять не только Декларацию, но и закон о суверенитете России в составе обновленного Союза... Главное для нас сейчас – решить вопрос о том, как перейти к рынку. Считаю, что сделать это надо ненасильственно и не за счет снижения уровня жизни населения. Необходимо безотлагательно ликвидировать хотя бы наиболее острые проявления товарного голода. Для этого следует:

- 1). Незамедлительно приступить к решению вопросов экономического суверенитета республики. Следует пойти на радикальные решения. Республика должна самостоятельно заниматься внутренней и внешней политикой, сама выбирать себе зарубежные страны, с которыми можно быстро заключить договоры;
- 2). Поставить под контроль парламента валютный бюджет республики, пересмотреть план экспорта и импорта товаров. Отказаться от наименее эффективных централизованных валютных расходов, введения параллельной валюты – золотого рубля;
- 3). Сократить на 10-15 процентов долю России, ассигнуемую на военно-промышленный комплекс;
- 4). Снять ограничения прав предприятий в использовании их собственных валютных средств. Предъявить права на долю тех долгов иностранных государств, которые

причисляются России. В счет их погашения закупить потребительские товары... Необходимо также незамедлительно начать постепенный переход на мировые цены как внутри страны, так и с зарубежными партнерами, существенно сократить помощь другим странам. Считаю, что на этом этапе необходимо привлечение на льготных условиях западного капитала, что придаст динамичность экономической реформе России; 5). Одновременно необходимо приступить к продаже населению республики нетрадиционных товаров: земельных участков, неликвидов, неиспользованного оборудования, техники и материалов государственных предприятий, законсервированных объектов, акций на имущество государственных предприятий в рассрочку на 10-15 лет ...; 6). Следует сократить на 30-40 процентов объемы централизованных капиталовложений в промышленное строительство, а все высвободившиеся ресурсы использовать для реализации на внутреннем рынке... Переход к рыночным регулируемым ценам на товары народного потребления будет осуществляться, особенно на первом этапе, с минимальными социальными деформациями в обществе, но с гарантией защиты населения от понижения уровня жизни, в первую очередь малоимущих слоев, а через полтора-два года – добиться его роста... Решение продовольственной проблемы видится в самостоятельности крестьянских хозяйств как в производстве, так и в продаже своей продукции, без чьего бы то ни было вмешательства в их дела, дать, наконец, свободу производителям. А как организовать работу – колхозы, совхозы, аренда, фермерство, – пусть решают они сами...

Новому парламенту России и его руководству, думаю, народ даст кредит доверия на два-три года, именно потому, что он новый. Но не больше. И за это время нужно заметно улучшить положение с продовольствием... Главное – не уповать на милость Политбюро, Союзного правительства, министерств и ведомств, а дать свободу местным Советам и трудовым коллективам. Задача парламента России – обеспечить этому процессу необходимую правовую основу... Сложность процессов перестройки заставила меня оценить и важность политического компромисса, умение учитывать различные точки зрения, значимость диалога с различными политическими силами, в ходе которого только и возможно движение к реальному согласию. Я за деловые отношения, диалог, переговоры с Президентом, правительством, но на принципиальной основе, не в ущерб суверенитету, интересам республики. Сегодня всех нас, депутатов, независимо от того, как его называют – демократ, аппаратчик, центрист, партийный или беспартийный – объединяют общая боль и ответственность. Именно от того, как мы объединимся, как завоеем доверие людей, как принципиально и конструктивно отстоим нашу республиканскую самостоятельность, беря на себя дополнительную ношу от центра, зависит судьба России, судьба каждого человека. Я готов нести всю полноту ответственности и вместе с вами взяться за дело... (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Вопрос: Вы с Михаилом Сергеевичем Горбачевым политики одного

направления. Как будут строиться Ваши отношения с Президентом в случае Вашего избрания?

Ельцин Б.Н.: Я в конце выступления сказал: отношения должны быть деловые, на принципиальной основе – диалог, переговоры не в ущерб суверенитету, независимости России. Если у меня и было или есть что-то личное, я его отбрасываю. (Аплодисменты).

Вопрос: Ваши действия по выходу из возможного конфликта с Союзным правительством и Президентом СССР?

Ельцин Б.Н.: Я же сказал: путем диалога и переговоров.

Вопрос: Как Вы относитесь к идее особой судьбы России, ее особого предназначения?

Ельцин Б.Н.: Я рассматриваю Россию в составе Союза равной среди равных всех союзных республик в нашей стране. (Аплодисменты).

Вопрос: Вы в своем выступлении высказались о верховенстве российских законов над союзными. Не выльется ли это в конфронтацию и конфликты?

Ельцин Б.Н.: Я думаю, нужно сбалансировано подходить к этим вопросам, рассматривать их на уровне конституционных комитетов, руководителей республики, Союза. Надо находить такие точки соприкосновения, чтобы это не шло в ущерб суверенитету, но, тем не менее, чтобы вопросы решались «мирным путем».

Вопрос: Установилось мнение, что Ваша программа исключает из всей нашей дальнейшей жизни понятие социализма. Как Вы прокомментируете это?

Ельцин Б.Н.: Я считаю, в мире нет как того капитализма, о котором говорили классики, так нет и того социализма, о котором мы говорили. Хотя социализм был разный. Был социализм и развитой, был национал-социализм, был полпотовский социализм. Разного толка был социализм. Я не за тот социализм, который социализм ради социализма. Я за то, чтобы народу жилось хорошо, чтобы народ уважал руководство и верховную власть своей страны, своей республики и, наоборот, верховная власть республики и страны уважительно относилась бы к своему народу. Наверное, мы стоим, судя по нашему уровню, на каких-то подходах к социализму. (Аплодисменты).

Вопрос: В вашем выступлении была фраза: «суверенитет России в составе Союза». Какого Союза – федерации или конфедерации?

Ельцин Б.Н.: Я думаю, что несколько больше, чем федерация – вот такой суверенитет.

Вопрос: В случае Вашего избрания на пост Председателя, сколько, по Вашему мнению, понадобится времени для стабилизации обстановки в республике по обеспечению товарами народного потребления?

Ельцин Б.Н.: Я уже сказал, что с новым парламентом, новым корпусом народных депутатов России, при новом руководстве народ может дать ему кредит доверия не больше чем на два-три года. Вот на это и надо рассчиты-

вать.

Ельцин Б.Н. (из заключительного выступления): Вопрос об отделении России от Союза... Я никогда не выступал за отделение России, я за суверенитет России, за равноправие всех республик, за их самостоятельность, за то, чтобы республики были сильными и этим крепили наш Союз. Только на этой позиции и стою. Есть еще принципиальный вопрос, требующий решения. Не следует, думаю, давать власть на пять лет или, как сказано, еще на один пятилетний срок. Мне кажется, что в нынешней обстановке, с учетом разных точек зрения, нужно избрать Председателя Верховного Совета (для этого принять Съездом изменения в Конституции) на два года. Затем он должен выступить с отчетом перед Съездом народных депутатов России, и тогда тот решит: провести ротацию, повторные выборы. Я думаю, это будет объективно. Станет ясно, что же все-таки за два года Председатель смог сделать. Одновременно это может очень сильно добавить обороты будущему Председателю. У меня все. Спасибо. (Бурные аплодисменты)».

Такая вот программа. С одной стороны, радикальная, настроенная на серьезное расширение полномочий республики, передачу ей ряда прав Союзного центра. С другой стороны, вполне лояльная, предполагающая сохранение Союза ССР и тесное взаимодействие с союзным руководством. Полагаю, что Ельцин сам искренне верил во многое из того, что говорил и обещал, – что подъем не за горами, что Союз ССР не будет развален, что он сам будет регулярно отчитываться перед депутатами и если не справится, то «через два-три года уйдет» и т.д. Но напиток власти – тот же наркотик: стоит только прикоснуться и оторваться уже невозможно. А как же невыполненные обещания? Да мало ли обещаний раздают политики, когда идут к власти!

Первое голосование закончилось неудачей – ни один кандидат не прошел. Повторное голосование – и вновь нет желаемого результата. Ельцин был избран лишь в третьем туре голосования, набрав 535 голосов при кворуме для принятия решения – 531. ...Когда табло высветило результаты по постановлению об избрании (оно утверждалось открытым голосованием), раздался гром оваций и десятки телекамер, сотни глаз обратились на Ельцина. Он встал с места – две-три секунды растерянности – и, сопровождаемый аплодисментами, прошел в президиум и занял кресло председательствующего. Вот он, сладкий миг победы, преодоления еще одной ступеньки на пути к высшей власти!.. Впоследствии многие из тех, кто агитировал за Ельцина или голосовал за него, раскаялись, взяли свои слова обратно. Лично я ни о чем не жалею. В обстановке надежд, ожиданий, эйфории, которая царила тогда в обществе и на съезде, победа Ельцина была неизбежна. Если бы он не победил на этом съезде, победил бы на следующем. Ельцин был символом грядущих перемен, которых боялись, которых опасались.

В кулуарах съезда

Власть трудно взять, но ещё труднее не уронить. Первые же шаги Ельцина в качестве председательствующего на съезде пролились на меня хо-

лодным душем: неуверенность, неточные формулировки, юридические ошибки, процедурные «опечатки»... Поняв, что происходит нечто странное, я в перерыве поспешил за кулисы и обнаружил Ельцина в полном одиночестве. Опытные аппаратчики, которые готовили порядок ведения съезда – «партитуру» для Воротникова и Власова – тряслись за свою судьбу и боялись даже подойти к Ельцину. А из прежней его команды не было никого, кто мог бы помочь в его новой роли.

Пришлось мне попросить у одного из депутатов портативную пишущую машинку и засесть за работу. Днем я работал на съезде, вечером готовил «партитуру» – порядок работы съезда на следующий день, утром показывал его Ельцину и объяснял ему сложные альтернативные места и юридические процедурные тонкости. Так я подготовил для него две или три «партитуры», а затем произошло следующее. Придя утром к Ельцину с папкой документов, я обнаружил, что он окружен плотной стеной спин – не пробиться. «Партитура» была уже готова – её сделали пришедшие в чувство работники аппарата. Р.И. Хасбулатов в довольно грубой форме меня отшил: «Оставьте председателя в покое. Ходят тут всякие и мешают...» Я был не столько обижен, сколько потрясен и очарован: жидкий ещё вчера «железобетон власти» схватился и затвердел у меня на глазах! Оказавшись вне доступа «к телу», я не стал вертеться на глазах у Ельцина, назойливо предлагать ему свои услуги... Не надо, так не надо, понадобится – позовут. И я с головой окунулся в бурлящую политическую жизнь съезда.

На языке ультиматума

В один из последних дней меня вновь позвал Ельцин и вручил несколько густо исписанных листков: «Вот, написал ночью. Надо успеть принять». Это был написанный лично им проект постановления «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР». С трудом разбирая ломаный ельцинский почерк, я переписал проект на машинке, исправив в нём юридические неточности и некоторые погрешности стиля. С первого взгляда было видно, что проект носит конфронтационный характер. Совет Министров РСФСР выводился из подчинения Союзного правительства и передавался в исключительное ведение Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. Тем самым рушилась единая вертикаль исполнительной власти. В юрисдикции Союза ССР оставались лишь девять министерств и ведомств – все остальные переводились в ведение России. МВД РСФСР переподчинялся Совету Министров РСФСР. Учреждались российская банковская и таможенная системы. Совету Министров РСФСР предлагалось заключить прямые договоры с союзными республиками и иностранными государствами, оформить в договорном порядке с Правительством СССР отношения по управлению союзной собственностью и осуществлению функций союзных ведомств на территории РСФСР... По существу, это был ультиматум союзному руководству, неприкрытое требование о переделе экономической и политической власти.

Куда приведет этот очередной конфронтационный шаг? Я подавил нахлынувшие сомнения: «Торговля есть торговля. И в политике – тоже. В предстоящем торге с Союзным центром Ельцин явно решил поднять ставки. Но как отнесется к этому противная сторона?» Подзаголовок постановления – «Основа нового Союзного договора» – успокаивал, намекал, что объявленные в нем цели будут достигаться через диалог, а не через войну, конфронтацию или развал. Постановление было вынесено на голосование в последний день работы съезда, когда изнывающие на чемоданах депутаты мечтали только об одном – чтобы этот бесконечный съезд когда-нибудь закончился. Проголосовали с лету, без обсуждения. Уставшие от заседаний депутаты поверили на слово: все будет нормально.

Председатель палаты

В соответствии с измененной в 1989 г. Конституцией РСФСР, в Верховном Совете РСФСР были созданы две палаты – Совет Республики и Совет Национальностей. Первое организационное заседание Совета Республики состоялось ещё в ходе работы Съезда. Его открыл и вел Б.Н. Ельцин – только что избранный Председатель Верховного Совета РСФСР. На должность председателя палаты выдвинули четыре кандидатуры, в том числе – мою. Предлагая на эту должность кандидатуру Александра Альбертовича Вешнякова (в последующем – Председатель Центризбиркома РФ и посол в Латвии), Ельцин счёл необходимым пояснить: «Я давно знаю товарища Исакова и самое интересное – мы земляки. Он во многом помогал мне в подготовке всей этой работы. Но как раз, может быть, из этих соображений мне и не хотелось назвать именно его кандидатуру. Мы вот посоветовались, и решили, что это будет не совсем этично».

В первом туре голосования никто не прошел. Во втором туре депутат В.Д. Мазаев задал мне вопрос: «Кто, на Ваш взгляд, должен разрабатывать стратегию внутренней и внешней политики страны: ведущие политические партии, Съезд или Верховный Совет?» Я на это ответил, что стратегию разрабатывать не запрещено никому, но определять её должны мы, депутаты, представители высших органов государственной власти. Ответ понравился, раздались аплодисменты. Это, похоже, и склонило чашу весов в мою пользу. В качестве своего заместителя я предложил Александра Альбертовича Вешнякова. Дипломатичность моего предложения тут же получила оценку из зала. Депутат Травкин выкрикнул (обо мне): «Молодой, да ранний!». Александр Альбертович был избран моим заместителем, и я в нём не ошибся: он оказался отличным помощником – надежным, организованным, аккуратным.

Рабочие будни

Потянулись рабочие будни – текущая парламентская работа. Первоначально Ельцин завел практику еженедельных встреч со своими заместителями и председателями палат. Это очень помогало в работе, позволяло оперативно снять массу текущих вопросов. Но постепенно эти встречи стали ко-

роткими, формальными, а затем и вовсе прекратились. Разумеется, у меня как у председателя палаты был установлен с ним телефон прямой связи. Помощник председателя Верховного Совета, Виктор Илюшин, опытный аппаратчик, разъяснил мне правила его эксплуатации: «Сначала звонишь по «вертушке» мне, узнаешь, кто у «шефа». И только после этого снимаешь трубку прямого телефона». То есть, и по прямому телефону не всякий раз соединишься. Оставались еще встречи на Президиуме Верховного Совета. Но Ельцин явно ими тяготился. Молчаливо слушал выступления, нетерпеливо поглядывал на часы. Во всей его фигуре читалась мысль: «Ну, когда же вы, наконец, закончите?» Постепенно и Президиумы Верховного Совета стал вести за него Р.И. Хасбулатов.

То, что Ельцин – не сторонник коллективного руководства, я знал и раньше. Но вот то, что он не стремится, да не умеет настраивать работу коллективного органа власти, каким является Верховный Совет, стало для меня открытием. Вспомнилось, как В.С. Черномырдин, которого в своё время ненадолго сделали депутатом Государственной Думы, случайно встретился в коридоре: шагая навстречу, он похлопывал себя солидным кожаным портфелем по ноге и достаточно громко приговаривал: «Куда попал! Куда попал!». Вот и Ельцин, будучи ярко выраженным руководителем-единоличником, попал не на своё место. Он любил, чтобы по всем вопросам обращались к нему лично. Ещё лучше – конфиденциально. И совсем хорошо, если тайно, секретно. Такой информации Ельцин доверял больше. Зная эту его слабость, подхалимы из его окружения даже самую обычную открытую информацию стремились представить как «конфиденциальную», с трудом добытую ими из закрытых источников. Тогда больше шансов, что заметит.

Олимпийское спокойствие

В один из дней мне принесли свежий статистический бюллетень. Просмотрев его, я увидел, что в Российской Федерации обозначился промышленный спад. Пока небольшой, на доли процента, но – спад. Распечатав на отдельном листе наиболее важные цифры, я записался на прием к Б.Н. Ельцину и положил перед ним бумагу:

– Борис Николаевич, посмотрите: в Российской Федерации начинается промышленный спад. Надо немедленно отреагировать на эту тенденцию, пока она не разрослась в большую проблему. Если экономика покатится вниз, остановить эту махину будет трудно...

Ельцин окинул меня высокомерным взглядом и, даже не взглянув на цифры, щелчком отправил бумагу на мой край стола:

– Для меня здесь ничего нового нет!

Не исключаю, что правительство ему уже докладывало по этому вопросу. Наверное, докладывало – ведь это их прямая обязанность. Но почему тогда не гремят колокола громкого боя, не бегают чиновники с папками бумаг, не созываются совещания для обсуждения неотложных антикризисных мер? Откуда такое безмятежное олимпийское спокойствие? Самому Ельцину

было, конечно, не до этого – он боролся с союзным Центром. А четких поручений дать не мог, поскольку не представлял себе, что надо делать. Если бы это был конкретный человек, Ельцин бы, несомненно, его победил, как победил потом Горбачёва и вышвырнул его из Кремля. В политических играх он являлся опытным бойцом. Но здесь был совсем другой противник – начинающийся экономический кризис. А как бороться с кризисом?

Ставший руководителем области благодаря поддержке «мудрого ЦК», Ельцин был неплохим исполнителем – активным, напористым, инициативным. Но разрабатывать стратегии ему не приходилось – их ему спускали «сверху» уже в готовом виде. Теперь же ему предстояло принять комплекс ответственных антикризисных решений, а затем – обеспечить их исполнение. Похоже, что он не представлял себе, с какой стороны за них взяться. Ельцин тянул время, дожидаясь какого-то внешнего импульса, толчка, подсказки, указания «сверху». Но их не было: добивались суверенитета – получайте! Теперь решайте свои проблемы сами. Нечто подобное повторилось позже, когда он призвал к управлению страной команду Гайдара. Относясь без всякого уважения к правительству «младореформаторов», называя самого Гайдара «губошлёпом», Ельцин был вынужден считаться с их взглядами и решениями, так как собственной системной стратегии реформ у него не было.

Последний день в партии

Однажды в Верховном Совете я зашёл по какому-то делу к Ельцину. Удивила необычная пустота и тишина в его приёмной. Виктор Илюшин отрицательно покачал головой: «Не время. Шеф только что написал заявление о выходе из партии. Сидит весь черный...». Несмотря на острый конфликт с руководством КПСС, вполне оформившийся к тому времени, последний шаг дался Ельцину с трудом. Слишком многое связывало его с партией: друзья-товарищи, работа-карьера, победы и неудачи. Целая жизнь за плечами, перечеркнуть которую было не так-то просто. Подождав в приёмной, я дождался, пока Илюшин вынес из кабинета заявление и начал снимать с него копии. Одна из копий, как свидетелю исторического события, досталась и мне. Выйдя из приёмной, я наткнулся на корреспондента молодежной газеты. Увидев, какой документ я держу в руках, он бросился передо мной на колени: «Отдай! Отдай!» Я задумался: для меня это заявление – просто интересный исторический артефакт, а для него – крупный профессиональный успех. Трудно в таких случаях отказать – сунул документ ему в руки. Счастливый, он кудо-то понесся.

Сбитые лётчики

День шёл за днем, неделя за неделей. К ноябрю 1990 г. стало ясно, что исполнение поручений Съезда народных депутатов и своих обещаний избирателям мы безнадежно проваливаем. Этим просто никто не занимался. Попытки вынести эти вопросы на Президиум Верховного Совета не получали поддержки. Б.Н. Ельцин ездил по стране и зарубежом выступал, критиковал политику союзного центра, при каждой возможности втыкал шпильки Гор-

бачеву. Р.И. Хасбулатов, оставшийся «на хозяйстве», вместе с приближёнными бизнес-структурами осваивали открывшиеся перед ними возможности. А депутаты, не имея конкретных поручений, погрузились в собственные дела. Понимая, что рано или поздно придет время отчета, мы с А.А. Вешняковым разработали План действий по исполнению поручений Съезда и решили созвать координационное совещание, на котором его обсудить и утвердить. Естественно, что приглашение на это совещание было направлено и Б.Н. Ельцину. Координационное совещание? Под председательством руководителей палаты? Ельцин насторожился: это походило на перехват инициативы, то есть то, чем он сам занимался по отношению к союзному Центру. Допустить что-либо подобное в «своей вотчине» он, конечно, не мог.

На координационное совещание он пришел, возглавил его и выступил в том смысле, что работу по исполнению предвыборных обещаний избирателям и поручений Съезда надо коренным образом активизировать. Для этих целей Ельцин предложил создать постоянно действующую рабочую группу под председательством Р.И. Хасбулатова, своего первого заместителя. Все дружно поддержали это предложение, поскольку оно переводило инициативу одной из палат на уровень руководства всего Верховного Совета. Надо ли говорить, что под председательством Р.И. Хасбулатова эта группа больше не собиралась, а о Плате действий по исполнению поручений Съезда благополучно забыли?

Докладная записка

Постепенно в Верховном Совете установился порядок, а точнее беспорядок, при котором невозможно определить происхождение документа, его окончательную редакцию, обнаружить лиц, ответственных за тот или иной вопрос. График работы сессии, утвержденный на Президиуме, мог быть переключен задним числом, состав официальной делегации – пересмотрен кем-то в «рабочем порядке» и т.д. На самом заседании Президиума наиболее важные и спорные документы раздавались по ходу заседания, из-за спины, еще теплые от печати, чтобы их никто не успел прочитать. И сразу – на голосование (методика Шахрая). Всё это мешало наладить нормальный рабочий ритм, ослабляло ответственность и дисциплину, расхолаживало людей. Именно на этой почве у меня начали возникать разногласия с Б.Н. Ельциным. Зашел к нему раз, другой. Затем написал докладную записку, черновик которой (к сожалению, без даты) у меня сохранился в архиве:

«Уважаемый Борис Николаевич!

Обращаюсь к Вам в связи с тем, что работа Верховного Совета РСФСР и его Президиума вызывает у меня все большую тревогу и озабоченность. В нашей работе отсутствует четкая политическая линия, организация исполнения принятых решений, увеличивается разрыв между словом и делом. Заявив о суверенитете РСФСР, мы сделали преступно мало, чтобы наполнить свою декларацию конкретным содержанием. В нарушение решений Съезда народных депутатов не решен вопрос о разграничении собственности

с Союзом ССР. Заявляя о переходе имущества в руки республики, мы не создаём практического механизма управления этим имуществом. Недопустимо медленно и бессистемно решаются ключевые вопросы экономической реформы – монополизация, приватизация и другие. Совместная рабочая группа Верховного Совета и Совета Министров, созданная для координации всей этой работы, практически прекратила свое существование. В Верховном Совете РСФСР отсутствует нормальная рабочая обстановка. Серьёзнейшие решения выносятся на заседание и голосуются практически без подготовки и проработки. В результате мы приняли незаконные решения, которые не сумеем реализовать (например, по газете «Советская Россия»). По многим принятым решениям уже сорваны сроки реализации. Обсуждение вопросов на пленарных заседаниях зачастую носит формальный характер. Нет серьёзного анализа, отсутствует конструктивная дискуссия. Небольшая группа депутатов имеет возможность беспрепятственно навязывать свою точку зрения Верховному Совету. Решения не принимаются, а продавливаются с грубыми нарушениями регламента, вопреки аргументированным возражениям депутатов.

Вошли в практику нарушения парламентской процедуры. Минуты уже более половины сессии, а мы до сих пор работаем без утвержденной повестки дня. Председательствуя на сессии, Р.И. Хасбулатов позволяет себе грубо обрывать депутатов, комментирует их выступления, по своему усмотрению ставит на голосование или игнорирует поступившие предложения. В результате упала рабочая дисциплина депутатов, их уважение к деятельности парламента. Депутаты перестали посещать заседания палат, многие не работают в комиссиях и комитетах. К сожалению, палаты лишены возможности вмешаться и поправить дело, так как комитеты Верховного Совета Вашим распоряжением полностью выведены из подчинения палат. Серьёзные недостатки характерны и для деятельности Президиума Верховного Совета. Ответственные решения принимаются без обсуждения и при отсутствии кворума. Большинство из них даже не голосуется. Распространилась совершенно недопустимая и противоправная практика принятия постановлений Президиума первыми руководителями единолично. Большинство таких решений касаются конкретных хозяйственных вопросов, не относящихся к компетенции Президиума. В этих условиях я, как член Президиума Верховного Совета, вынужден заявить, что не был информирован об их принятии и не могу нести за них ответственность. Вышел первый номер газеты Президиума Верховного Совета РСФСР «Россия». В титуле значится Президиум Верховного Совета как один из соучредителей. Однако Президиум не утверждал ни устав, ни редактора, ни состав редколлегии. Не было и решения об учреждении.

Вызывает самые серьёзные опасения практика создания привилегированных хозяйственных организаций – освобождённых от налогов, наделённых правом валютных операций, пользующихся покровительством органов

государственной власти. Мировая практика неоднократно подтверждала, что такие организации – рассадник коррупции. Наше собственное законодательство запрещает совмещение статуса депутата с хозяйственной деятельностью, тем не менее, это положение не соблюдается. Депутаты и руководители местных органов власти высказывают серьёзные замечания о деятельности Конституционной комиссии. В её рабочей группе подобрался тесный круг единомышленников, которые практически монополизировали работу над проектом Конституции РСФСР. Все иные мнения, не укладывающиеся в принятую ими концепцию, по существу игнорируются. Не завершён конкурс на лучший проект Конституции РСФСР, не подведены его итоги. Конституция не обсуждена в Верховном Совете РСФСР. Тем не менее, проект Конституции вынесен практически на всенародное обсуждение. Негативное влияние на работу Верховного Совета РСФСР оказывает то обстоятельство, что вопросы структуры, штатов, аппарата высшего органа власти, вопреки регламенту, решаются келейно, выведены из-под контроля самого Верховного Совета. Это приводит к принятию решений, вызывающих серьёзные возражения. Так, распоряжением первого заместителя председателя Верховного Совета при нём образована аналитическая группа. Штаты этой группы определены в составе 91 человека, им выделены 13 помещений и почти на 1 млн. рублей импортной вычислительной техники. Решение принято без Верховного Совета, в обход Президиума и без внесения каких-либо изменений в смету и в бюджет.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что в деятельности Верховного Совета РСФСР и его Президиума воспроизведены многие недостатки, характерные для прежних созывов. Без их исправления вряд ли возможна деятельность Верховного Совета РСФСР как эффективного, пользующегося влиянием и уважением в республике органа государственной власти...». Сегодня я понимаю, что такая докладная записка ничего, кроме раздражения, у Ельцина вызвать не могла. Но тогда я искренне верил, что она возымеет действие и какой-то элементарный порядок в работе Верховного Совета будет наведен. День за днём, неделя за неделей, а положение не только не улучшалось, но даже ухудшалось. Так созрело решение поднять эти вопросы на приближающемся II Съезде народных депутатов...

Открытый конфликт

По утверждённой повестке дня на II Съезде народных депутатов (27 ноября – 15 декабря 1990 г.) предполагалось заслушать информацию о деятельности Верховного Совета РСФСР. С ней должны были выступить Р.И. Хасбулатов и председатели палат. Накануне съезда Б.Н. Ельцин пообещал, что предоставит мне слово. Хасбулатов выступил с обтекаемым докладом, в котором по существу обходились все проблемы, накопившиеся в работе Верховного Совета, лихо, но бессодержательно ответил на вопросы. И председательствующий предложил подвести итоги: «Информацию принять к сведению». Недоумённые вопросы депутатов, почему не получили слово председатели палат, Ельцин проигнорировал и объявил последний пункт по-

вестки дня – «Разное». Я понял, что наша договоренность нарушена. Пришлось выйти к микрофону. Пять минут, десять... Председательствующий меня не замечает. Зал загудел. Ельцин вынужден был обратить на меня внимание. Далее – стенограмма:

«Исаков В.Б.: Уважаемый Борис Николаевич! Я как Председатель Совета Республики Верховного Совета РСФСР хотел выступить по предыдущему вопросу, и заранее подал заявку, но, к сожалению, слова получить не удалось. Прошу хотя бы несколько минут в «Разном».

Из зала: Дать, дать!

Председательствующий. Одну минутку. Как поступим – будем выступать по списку или дадим слово товарищу Исакову?

Из зала: Дать!

Председательствующий: Я чувствую единодушие, голосовать не будем. Пожалуйста, Владимир Борисович.

Исаков В.Б.: Уважаемые депутаты! Прошу извинить мою настойчивость, то, что я так настырно пробиваюсь на трибуну. Понимаю, что к концу дня вы уже устали, но у меня есть свой взгляд на работу Верховного Совета, и мне хотелось бы об этом сказать. Я, как и вы, понимаю, что становление нового органа власти идет не просто. А Верховный Совет России – это новый орган власти, новый и по форме работы – это постоянный орган власти, и по своему составу – это новые люди. И в этом становлении неизбежно есть и свои обретения, есть и свои потери. Что бы я отнес к обретениям? Во-первых, то, что в работе Верховного Совета, в частности, в работе Совета Республики, который мне доверено возглавить, начали рассматриваться действительно важные проблемы государственного строительства. Начал складываться определенный стиль работы. В Верховном Совете появились ученые, которые участвуют в рассмотрении многих наших вопросов. К несомненным завоеваниям я бы отнес и корпус председателей комиссий и комитетов Верховного Совета, в которых люди квалифицированные, компетентные, могут справиться со сложными задачами, стоящими перед Верховным Советом.

Теперь, извините, кое-что о потерях, о том, что вызывает разочарование и неудовлетворённость. Следует признать, что и в структуре Верховного Совета и в организации его работы палаты, к сожалению, пока не заняли достойного места. Многие важные вопросы, такие, как, например, законы о местных Советах, о формировании бюджетов местных Советов, о пенсиях, о предприятиях и предпринимательской деятельности, были вынесены на совместное заседание без обсуждения в палатах. В результате проект закона о местных Советах не прошёл даже в первом чтении. Закон о формировании бюджетов тоже. Закон о пенсиях принят, но вокруг него разгорается ожесточённая полемика. По идее, за эти срывы надо спросить, в том числе и с меня, председателя палаты, которая ведаёт социально-экономическими вопросами. Но как может отвечать председатель палаты, когда я даже не знаю, какой вопрос будет вынесен на совместное заседание, поставлен в повестку дня. Моё

мнение как специалиста по этим законопроектам никого не интересует. И слово на совместном заседании, как и на Съезде, приходится брать с боем. Депутаты справедливо отмечают низкий уровень организации сессии. Стыдно сказать, сессия уже идёт к концу, а мы до сих пор не имеем утверждённой повестки дня. В первый день она была принята за основу, поступило около 60 предложений. И в таком положении вопрос существует до сегодняшнего дня. К сожалению, не все в Верховном Совете понимают, что законотворчество – это тоже «страда», тоже производство со своей технологией, которая должна строго соблюдаться. Мы выбросили из этой «страды» какой-то этап, спрямили путь и в результате получаем законы, которые либо не работают, либо работают плохо.

Уважаемые товарищи! В последнее время мы часто обращаемся к истории нашего Отечества, размышляем о причинах, которые привели нас к кризису. И всегда в числе причин находим отступления от принципов законности. Вот почему я как юрист с болью и разочарованием воспринимаю отступление от законности в деятельности нашего парламента. К сожалению, они стали достаточно распространенной практикой. С нарушением установленной процедуры, то есть при отсутствии кворума, подписанный проект или вообще проект непроголосованный может быть включён в протокол заседания Президиума. К сожалению, в этом депутат Саенко прав. Среди них такие, например, постановления как «О Банке внешней торговли РСФСР», «О председателе Госбанка РСФСР» (то есть кадровый вопрос), «О создании акционерного общества – промышленно-коммерческой компании «Российский Дом», «О Российской ассоциации экономического и научно-технического сотрудничества с Японией», «Об учреждении Фонда социального развития России «Возрождение» и другие. Некоторые из них предусматривают серьёзные налоговые льготы и очень серьёзную экономическую ответственность. И нарушение процедуры при принятии этих постановлений я считаю недопустимым. Я понимаю, что кто-то сейчас может взять на вооружение эти факты и начать говорить – вот, злоупотребления, превышение власти и так далее. Но я думаю, что тут причина более прозаическая. Это – элементарное нежелание иметь дело с членами Президиума, отстаивать перед ними свою точку зрения, а сделать проще – взять и обойти установленный порядок. К сожалению, здесь, на Съезде мы такие факты уже имели. И здесь я не могу согласиться с Борисом Николаевичем, с его стремлением «продать» некоторые решения. С другой стороны, у нашего парламента и его Президиума, я бы сказал, ещё «не прорезались зубки», не видно депутатской въедливости и стремления отстаивать свои права.

Вызывают озабоченность и первые шаги нашей российской прессы. Мне трижды приходилось брать слово по этому вопросу на Президиуме, но так и не удалось убедить коллег, что если в титуле «Российской газеты» значится учредителем Верховный Совет, то и утверждать устав этой газеты должен Верховный Совет, а не Президиум. Ещё более сложная ситуация сложилась

лась с газетой «Россия». В её титуле значится, что это газета Президиума Верховного Совета. Но есть ещё два учредителя, о которых мало кто знает – это Серпуховская бумажная фабрика и вышеупомянутая коммерческая компания «Российский дом»... Я приветствую первые шаги нашего молодого российского бизнеса, но сраживание с ним вряд ли добавит славы нашему парламенту. В последнем номере «Московских новостей» я прочитал поздравление Руслану Имрановичу в связи с его вступлением на пост редактора газеты «Россия». Присоединяюсь к этим поздравлениям. Но должен сказать, что на Президиуме мы этот вопрос пока не рассматривали. Негативное влияние на работу Верховного Совета оказывает и то обстоятельство, что вопросы структуры и штатов аппарата практически выведены из под контроля высшего органа власти – Верховного Совета. Хотя, как предусмотрено регламентом, эти вопросы должен решать Верховный Совет, но за всё время его работы ни разу на Верховном Совете названные проблемы не рассматривались. Вместе с тем, у меня некоторые решения вызывают серьёзные возражения. Например, лишь двумя последними распоряжениями первого заместителя Председателя создана рабочая группа Конституционной комиссии в количестве 91 человека, выделено 13 помещений и на 800 тысяч рублей вычислительной техники. И следующим постановлением определён аппарат Высшего Экономического совета в количестве 25 человек. В сумме это почти столько же, сколько сейчас работает в Верховном Совете во всех остальных комиссиях и комитетах на постоянной основе. Уверен, что Верховный Совет, если бы эти постановления были внесены на его обсуждение, не подтвердил и не принял такие решения.

Уважаемые товарищи! Мне никакой радости не доставляет сообщать вам об этих фактах. Но мне кажется, что если такие вещи получили распространение в нашем парламенте (к сожалению, это так), то нужно ликвидировать это явление, пока оно не пустило глубокие корни... Последнее. В Декларации о государственном суверенитете мы провозгласили, что Российская Федерация является правовым государством. Кто-то подумал, вероятно, что эти слова что-то вроде почетного звания. Уверю вас, совершенно наоборот. Это тяжелая обязанность сверять каждый свой шаг, каждое своё действие с законом. Жаль, если слова «правовое государство» окажутся для российских граждан в очередной раз пустым звуком. Спасибо. (Аплодисменты)». Выступая, я чувствовал у себя за спиной напряженно молчащий президиум, слышал, как ёрзает в своем кресле Хасбулатов. Ничего хорошего для него это выступление не сулило. Как это нередко бывает в подобных ситуациях, к микрофону тут же вышел депутат с очень нужным в этот момент «провержением»:

«Кривченко А.А.: Уважаемые народные депутаты! Хочу дать справку по поводу выступления уважаемого народного депутата Исакова. Я ставлю под сомнение все его выступление, так как некоторые хорошо мне известные приведённые им в выступлении факты не соответствуют действительности,

то есть являются лживыми. Например, народный депутат Исаков сказал, что законы о банках и банковской деятельности были приняты в отсутствие кворума. Это было на заседании в последнее воскресенье, когда все мы, члены Верховного Совета, внимательно следили за кворумом и оба эти закона были приняты при достаточном числе парламентариев. Поэтому и другие факты, которые мне не известны, я ставлю под сомнение».

Выступили ещё несколько депутатов, и председательствующий закрыл заседание. Однако на следующий день тема получила продолжение:

«Белоглазов Ю.М.: Уважаемые народные депутаты! Уважаемый председатель! Я хочу... обратить внимание народных депутатов на то, что во время вечерней трансляции по телевидению работы Съезда выступление депутата Исакова было вырезано. Меня интересует, кто это сделал? Необходимо создать комиссию, расследовать это и доложить Съезду. (Аплодисменты). Я хочу обратить внимание народных депутатов и на то, что при трансляции «Парламентского вестника России» выступления участников, выражающих точки зрения, не сходные с мнением руководства Президиума, не показываются...».

Подобные заявления, разумеется, были Ельцину глубоко неприятны. Они напоминали о действиях союзного руководства, которое в своё время вырезало из трансляции его собственные выступления. И он, как опытный дипломат, пошёл на компромисс: «Уважаемые депутаты! Есть предложение в вечернем репортаже передать выступления двух народных депутатов, председателей палат, товарищей Исакова и Абдулатипова. (Аплодисменты)». Теперь, казалось, тема полностью закрыта, и я окончательно смирился, что это так. Но здесь с инициативой выступил Хасбулатов, который посчитал, что моё выступление нельзя оставлять без ответа: последнее слово должно было остаться за ним. В самом конце заседания, перед перерывом, он попросил слово для справки:

«Хасбулатов Р.И.: Уважаемые народные депутаты! Вчера, как мы видели, у некоторых депутатов вызвало смятение сообщение о фактах, содержащихся в выступлении Владимира Борисовича Исакова. Мы с утра попросили дать нам точный перечень упомянутых актов, и я считаю необходимым довести до вашего сведения то, как они принимались. Постановление Президиума Верховного Совета о Банке внешней торговли, по утверждению Владимира Борисовича, было принято без кворума. По протоколу № 14 от 22 октября присутствовало 25 членов Президиума, за принятие решения голосовало 23. Следующий вопрос – кадровый, о председателе Госбанка, точнее, об исполняющем обязанности. Вы знаете, что председателя Госбанка может назначить только Верховный Совет. Так вот, за исполняющего обязанности председателя Госбанка голосовало 16 человек. Кстати, всего в Президиуме 31 человек, для принятия решения необходимо 16 голосов. Далее. Вопрос о создании акционерного общества – промышленно-коммерческой компании «Российский Дом», 25 сентября, протокол № 9: присутствовало 23, голосова-

ло «за» – 21. О Российской ассоциации экономического и научно-технического сотрудничества с Японией. Результаты такие же. О Фонде социального развития России «Возрождение», 1 октября, протокол № 17: «за» – 26 членов Президиума. Это по поводу сообщенных вчера фактов...» Хасбулатов нудно зачитывал данные из протоколов Президиума, прекрасно зная, что они не соответствуют действительности, что все эти протоколы оформлены задним числом. Пришлось мне уже после перерыва вновь выйти к микрофону и попросить слова:

«Исаков В.Б.: Уважаемый Борис Николаевич! В связи с информацией Руслана Имановича, которая прозвучала перед перерывом, прошу дать мне три минуты для справки.

Из зала: Дать, дать!

Председательствующий. В конце заседания в «Разном».

Из зала: Дать слово сейчас!

Председательствующий. Давайте всё-таки будем говорить по одному вопросу, а в «Разном» дадим слово для справки. Справка на справку. (Шум в зале). Дадим слово в «Разном». Второй микрофон».

У меня внутри всё оборвалось. Было ясно, что Ельцин хочет загасить конфликт, и сделает всё, чтобы не дать мне слова. В конце заседания в «Разном» обо мне он, конечно, не вспомнит, да и уставшие за день депутаты, скорее всего, не захотят никого слушать. Всё, проиграл... Но здесь мне немножечко повезло. От второго микрофона я получил неожиданную и потому особенно ценную поддержку (стенограмма):

«Саенко Г.В.: Борис Николаевич! Я считаю, что комментарий, то есть справка Руслана Имановича в конце предыдущего заседания была неуместной потому, что мы договорились по вашему предложению никаких прений не разворачивать и по этому поводу приняли решение. Руслан Иманович позволил себе, воспользовавшись своей должностью, давать свои оценки и делать свои комментарии к этому. Притом давал комментарии по протоколам, а не по фактической стороне дела. Я тоже мог бы, как и Руслан Иманович, если бы была такая возможность, высказать свое мнение по его комментариям на вопросы, в том числе и мои...

Председательствующий. ...Мне кажется, эта справка дана просто для уточнения. Если сейчас опять у Владимира Борисовича справка на справку... Ну давайте, если так хочется. Лучше сейчас дать справку. Пожалуйста, народный депутат Исаков. Я только предлагал, чтобы комиссию не создавать. Понимаете, комиссии не надо. А то мы на каждое выступление будем создавать комиссию. Это ни к чему.

Исаков В.Б.: Уважаемые депутаты! Депутат Кривченко, обвинив меня вчера во лжи, видимо, не расслышал меня или не понял. В связи с этим, как частенько бывает в острых ситуациях, начало разрастаться недоразумение, с которым чем раньше покончить, тем лучше. Во вчерашнем выступлении я сказал, что в деятельности Президиума Верховного Совета имеются серьез-

ные недостатки. Практически каждое второе постановление Президиума принимается с теми или иными нарушениями установленной процедуры. Что я имел в виду? Во-первых, отсутствие кворума на многих заседаниях Президиума. Во-вторых, то, что постановления выносятся на обсуждение и голосуются уже часто в подписанном виде. Есть случаи, когда серьёзные постановления не обсуждаются и не голосуются, а просто включаются в протокол заседания. Наконец, продолжается практика принятия постановлений путём опроса, хотя принятый нами Регламент это запрещает. В качестве примера я привел несколько постановлений: О Банке внешней торговли РСФСР, от 22 октября 1990 г. В повестке дня и в стенограмме заседания Президиума за это число такого постановления нет. О председателе правления Госбанка РСФСР, от 7 августа 1990 г. В этот день вообще не было заседания Президиума. О создании акционерного общества – промышленно-коммерческой компании «Российский Дом». В этот день тоже не было заседания Президиума. О создании Российской ассоциации экономического и научно-технического сотрудничества с Японией. Принято без обсуждения и голосования. Об учреждении Фонда социального развития России «Возрождение». Принято путём опроса без ознакомления членов Президиума с уставом этого общества.

Я ещё раз подчеркну, что, с моей точки зрения, это очень серьёзные постановления. Вы можете ознакомиться с имеющимися у вас текстами постановлений, которые предоставляют налоговые льготы. И я считаю, что при принятии таких постановлений особенно должен соблюдаться установленный порядок. Я, как юрист, прежде чем что-либо сказать, слежу за фактической обоснованностью своих высказываний. Я не знаю, кто снабдил Руслана Имрановича теми цифрами, которые он привёл. Позвольте мне привести несколько строк из официального документа, а именно из стенограммы заседания Президиума Верховного Совета от 25 сентября:

«Хасбулатов Р.И.: Ещё один вопрос. Есть такое постановление Президиума Верховного Совета РСФСР, предложенное правительством и подписанное Председателем, о создании Российской ассоциации экономического и научно-технического сотрудничества с Японией. Оказывается, оно пошло на голосование уже с моей визой. Уже Борис Николаевич подписал. Оно принято большинством. Но раз мы договорились сотрудничать на бесконфликтной основе, если есть какие-то возражения, я хотел бы узнать, и мы их внесём. Сейчас я зачитаю...» Ну, видимо, здесь зачитывается постановление. Далее: «Я думаю, Фильшин предложил вот в связи с чем. Вчера здесь было 55 депутатов парламента из Японии, учитывая там возможные крупные сделки, попросил Бориса Николаевича подписать. Но любые ваши замечания мы учтём. С места: Все замечания по третьему пункту...» В этом пункте речь идёт о налоговых льготах. Продолжаю цитату. *«Хасбулатов Р.И.:* Товарищи! Я его не писал, уверяю вас. Давайте сделаем поправки, какие считаете нужными, и примем. Предлагайте формулировки, раз уже подписал Борис Николаевич. Кто-то мне будет помогать или сами исправите?»

Лахова Е.Ф.: Неясно, кто вошел в эту ассоциацию, для чего эта ассоциация...

Аслаханов А.А.: Когда мы прекратим практику голосования? Это то, что у нас сейчас получилось, когда никто ничего не знает, а говорят, что запущено на голосование подписанное Ельциным постановление.

Хасбулатов Р.И.: Я хочу сказать, что не я лично постановление принимал...» Последняя просьба, уважаемые депутаты. Я прошу извинения за длинную цитату. Я понимаю, что это и мне не делает чести, но когда обвиняют во лжи, мне приходится что-то на это отвечать. Прошу, уважаемые депутаты, обсуждение этого вопроса закончить, а созданной Съездом Комиссии по депутатской этике и процедуре разобраться с ним. Спасибо за внимание».

Я шёл с трибуны на свое место, а справа и слева мне выкрикивали: «Мерзавец!», «Сволочь!», «Гнать тебя надо!». К микрофону тут же выскочил очередной угодник: *«Микаилов Р.К.*: Последнее выступление и выступление депутата Исакова тенденциозны и преследуют определённую цель. Иначе зачем депутату Исакову накапливать все эти факты к Съезду, и почему он не информировал депутатов, как только узнал о них. Я предлагаю эту перепалку прекратить. Комиссия все равно не будет объективна, и мы не добьёмся консолидации такими действиями. Надо вообще эту тему прекратить, тем более что постановление по этому вопросу уже принято.

Председательствующий.: Правильно. А товарищу Исакову, если у него появляются неразрешимые вопросы, можно обратиться к Председателю Верховного Совета. Продолжаем нашу работу».

Возражать никто не стал. Съезд пошел своим чередом. Впоследствии я много размышлял над этим. Почему меня тогда не поняли, не поддержали? Ведь обман и нарушения были налицо. Был реальный шанс добиться элементарного порядка, заставить Председателя Верховного Совета и его Первого заместителя выполнять законы и постановления Съезда. Скольких бед в этом случае можно было бы избежать! Но слишком несопоставимы были тогда авторитет «вождя» и мой, в сущности, рядового депутата. Ну, а «вождю» у нас прощается многое, в том числе – грубые нарушения законности. Более опытный политик перед таким выступлением прошелся бы, наверное, по кабинетам, пошептался с кем надо в кулуарах, подготовил «почву»... Мне это и в голову не пришло. В силу юридической наивности я полагал, что, когда за тебя правда и закон, больше ничего и не надо. Так что можно считать даже удачей, что моё выступление на съезде не закончилось полным фиаско. Для большинства депутатов обнародованные мной факты показались мелкими, второстепенными: ну, подумаешь, не было кворума, нарушили Регламент. Ведь не зарезали, не убили, не обокрали. К сожалению, немногие были способны тогда понять, что именно с таких вот «мелких нарушений» начинаются должностная безответственность, коррупция, отстранение от дел парламента, бюрократическое перерождение государственного управления в стране.

Тернистый путь к власти

Разумеется, этого выступления на съезде Б.Н. Ельцин мне не забыл и не простил. Личных встреч с ним у меня после этого не было, хотя и позже случались переговоры и даже полемика на Съездах народных депутатов, заседаниях Президиума Верховного Совета и в Конституционной комиссии. Через десять месяцев после съезда, в октябре 1991 г., я покинул ряды руководства Верховного Совета РСФСР. Продержался, сколько смог. Сторонники Бориса Николаевича сняли меня лишь с девятой попытки, после того как заменили в Регламенте тайное голосование на открытое, поименное. Когда заходит разговор о периоде моей работы в Верховном Совете РСФСР, друзья, знакомые, журналисты нередко спрашивают меня: что на самом деле произошло с Ельциным? Как получилось, что из коммуниста, борца с номенклатурными привилегиями и популярного политика он превратился в высокомерного авторитарного деятеля, номенклатурщика и отпетого антикоммуниста? Путь руководителя, политика в любой стране нелёгок, а в России – в особенности. Дорога к власти усыпана острыми шипами – политическими, психологическими, моральными, правовыми... Есть категория людей, для которых власть – главный смысл их жизни. Ельцин из их числа. Ради власти он не останавливался ни перед чем: раздавал невыполнимые обещания, предавал сторонников, разменивал, как пешки, политические фигуры, жертвовал интересами страны ради мелких личных амбиций. Ну, а с идеологией – и того проще: оторвал от себя, хотя и не без боли, коммунистическую «шкуру», и натянул другую – антикоммунистическую. Ради власти – можно. Незыблемых убеждений у таких политиков нет, есть только незыблемые интересы.

Природа щедро одарила Ельцина чертами лидера: звериной интуицией, упорством в достижении целей, фактурной внешностью, спортивностью, своеобразным артистизмом. В отличие от большинства партийных деятелей той эпохи он умел и любил разговаривать с людьми. Прекрасно помню собрание во Дворце молодежи в Свердловске, где первый секретарь обкома КПСС Б.Н. Ельцин четыре часа отвечал на вопросы студентов. Передача шла в прямом эфире по свердловскому телевидению. Несколько уклончивых ответов было бы достаточно, чтобы навсегда потерять доверие свердловчан. Даже сегодня далеко не каждый политик решился бы на подобное испытание. Встречаясь с ним, люди чувствовали, что Ельцин понимает их, разделяет их настроение и говорит с ними на одном языке. Все это и составило основу для его последующего взлета. Но для лидера национального масштаба этого мало, нужно ещё очень, очень многое: политический реализм, способность к компромиссу, терпимость, настоящий, прочный, а не показной и временно позаимствованный демократизм, уважение к праву и закону, широкий политический кругозор, ясное понимание исторического места своей страны и её будущего. А это уже – перечень слабых сторон Б.Н. Ельцина. О таких же «противопоказаниях», как пьянство, безответственность, крайняя некомпетентность, попустительство хищническим инстинктам своих родственников

– даже и говорить не хочется. Находясь рядом с Ельциным, я удивлялся, каких людей он к себе приближает – клейма негде ставить. Одно время думал, что он не разбирается в людях. Оказалось, наоборот – замечательно разбирается. Просто, ему нужны были те, кому можно было без церемоний сказать: «Ну ты, г-но, иди сюда... Делай, что тебе сказано!»

Как политик и государственный деятель Б.Н. Ельцин допустил массу тяжелейших ошибок: развалил Союз ССР, начал авантюрную экономическую реформу, которая обрушила благосостояние населения и привела к власти олигархов, бросил без помощи и поддержки миллионы граждан в ближнем зарубежье, на пару со своим министром иностранных дел уронил международный авторитет России, развязал чеченскую войну, расстрелял из танков российский парламент... Этот список можно продолжать и продолжать. Но, всё же, пройдя по самому краю, ему удалось избежать главной опасности – гражданской войны в собственной стране. Не часто, но случаются ситуации, когда и к таким людям приходит запоздалое прозрение. Политик во власти и он же в отставке, на пенсии – иногда совершенно разные люди. Просохнув от власти и алкоголя, Б.Н. Ельцин, судя по обрывочным сообщениям, на досуге многое переосмыслил. Критически оценил некоторые свои поступки, в частности, чеченскую войну и подписание Беловежского соглашения. Признал недостатки экономических реформ. Высказал сожаление о некоторых своих кадровых решениях. Ну что ж, лучше поздно, чем никогда. Хотя история – жестокий учитель: сурово наказывает, но ничего не позволяет исправить.

Источники и использованная литература:

1. Первый Съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая – 22 июня 1990 г. / Стеногр. отчет в 6-ти тт. – М.: Республика, 1992. – Т. 1. – 639 с.
2. Первый Съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая – 22 июня 1990 г. / Стеногр. отчет в 6-ти тт. – М.: Республика, 1992. – Т. 2. – 640 с.
3. Первый Съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая – 22 июня 1990 г. / Стеногр. отчет в 6-ти тт. – М.: Республика, 1993. – Т. 5. – 608 с.
4. Постановление Совета Республики Верховного Совета РСФСР от 13 июня 1990 г. «Об избрании Председателя Совета Республики». (Официальный текст).
5. Совет Республики Верховного Совета РСФСР. Постановление от 2 октября 1991 г. № 1706-1 «Об освобождении В.Б. Исакова от должности Председателя Совета Республики Верховного Совета РСФСР». (Официальный текст).
6. *Бабурин С.Н.* Страж нации. От расстрела парламента – до невооружённого восстания. – М.: Книжный мир, 2014. – С. 21-22.
7. *Исаков В.* Госпереворот. Парламентские дневники 1992-1993. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 1997. – С. 436-438.
8. *Исаков В.* Председатель Совета Республики. Парламентские дневники 1990-1991. – Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1997. – 491,[1] с.
9. *Исаков В.* Амнистия. Парламентские дневники 1994-1995. – Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1997. – 490 с.
10. *Исаков В.Б.* Мятеж против Ельцина: команда по спасению СССР. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. – 237, [2] с.
11. *Исаков В.Б.* Кто и как развалил СССР. Хроника крупнейшей геополитической ката-

- строфы XX века. (Серия «Сверхдержава») – М.: Книжный Мир, 2012. – 384 с.
12. *Исаков В.Б.* Старые мифы новой России // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936-2016). Т. III: Эволюция российского государства и права, учений о российском государстве и праве в трудах-поздравлениях коллег. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2016. – С. 1004-1021.
 13. *Исаков В.Б.* ГКЧП начинает и... проигрывает // Европейское измерение 2016. Сборник научных трудов под общей редакцией С.Н. Бабурина и З.А. Станкевича. – М.: Книжный мир, Европейский институт JUSTO, 2016. – С. 68-98.
 14. *Исаков В.Б.* Пути и тупики российского парламентаризма // Европейское измерение 2017. Сборник научных трудов под общей редакцией С.Н. Бабурина. – М.: Книжный мир, 2017. – С. 212-264.
 15. *Исаков В.Б.* Политические процессы в России в зеркале федеральных выборов: Сравнительные результаты голосований на парламентских и президентских выборах в 1991-2012 гг. Статистический материал. – М.: НИУ ВШЭ, 2013. – 48 с. –

Isakov V.B.

HEARED AND CORRECT:

From personal memoirs and «Parliamentary Diaries»

The article reflects the memoirs and personal impressions of the author about the beginning of the activities of the Russian parliament (1990-1991), the personality of the Chairman of the Supreme Soviet of the Russian Federation and the first President of the Russian Federation Boris Nikolayevich Yeltsin.

Keywords: Perestroika; Gorbachev; Yeltsin; The Communist Party; politics; elections; Congress of People's Deputies; The Supreme Soviet of the RSFSR; The collapse of the USSR.

Isakov Vladimir Borisovich, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 11). Research Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation. *E-mail:* visakov@hse.ru

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 340.154, 340.155, 343.2

Жеребцов А.П.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье рассматриваются уголовно-правовые нормы об ответственности за преступные деяния в сфере банкротства согласно Уголовному уложению 1903 года, оценивается их влияние на формирование соответствующих составов преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, а также на дальнейшее совершенствование действующего уголовного закона по защите правоотношений данной сферы от преступных посягательств.

Ключевые слова: Уголовное уложение 1903 года; уголовный кодекс; преступное банкротство.

Несостоятельность (иначе банкротство) экономических субъектов и граждан не представляет собой экстраординарное событие в сфере законного хозяйствования. Рыночная экономика предполагает возможность наступления банкротств таких лиц в результате различных обстоятельств, в частности, вследствие макроэкономических факторов (значительное изменение мировых цен на сырье или курсов основных валют, суверенный дефолт), серьезной конкуренции в ряде сфер экономики, недостаточно осмотрительного ведения предпринимательской деятельности, в том числе из-за отсутствия необходимых знаний или квалификации, излишняя самоуверенность в своих финансовых возможностях по обслуживанию кредитной задолженности.

Действующее гражданское законодательство Российской Федерации (как и ранее Российской империи) устанавливает, что участники гражданско-правовых отношений при осуществлении своей экономической деятельности должны действовать добросовестно и разумно, не допуская причинения вреда другим лицам, а также злоупотребления правом в иных формах. Учитывая, что банкротство не только причиняет имущественный ущерб кредиторам должника-банкрота, но и влечёт вред для всей экономической системы государства или группы государств и даже для всей мировой экономики в случаях несостоятельности «глобальных» участников рынка (транснациональных

Жеребцов Алексей Петрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет (Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21).

E-mail: azher@k66.ru

корпораций, платежных систем и т.п.), за противоправные действия, совершаемые в процессе банкротства или в его преддверии, а также за использование процедуры банкротства платежеспособными должниками для причинения вреда другим субъектами экономической деятельности, предусмотренная уголовная ответственность в 195-197 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года¹ (далее – УК РФ), а также в ст. 172¹ УК РФ (вступила в силу 02.08.2014) и ч. 4, 5 ст. 170¹ (вступили в силу 08.01.2019). В XIX веке (особенно после отмены крепостного права) в России начался стремительный процесс развития капиталистических отношений. Правовое регулирование экономики стало одной из основных задач законодателя, в том числе уголовно-правовыми способами. Основными источниками уголовного права в период XIX – начала XX века являлись Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакции 1866 и 1885 г.), Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. и Уголовное уложение 1903 г.² (далее – Уголовное уложение).

В Уголовном уложении нашли дальнейшее развитие уголовно-правовые нормы об ответственности за преступные деяния в сфере экономики, причиняющие ущерб кредиторам должника-банкрота (гл. 34 «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу»), был введен ряд новых составов преступлений, посягающих на интересы таких кредиторов, которые отсутствовали в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. и Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г.: отказ от показания или ложное показание о составе имущества при объявлении судом общественного или частного кредитного установления, товарищества на паях или акционерного общества несостоятельным (ст. 601); легкомысленное ведение дел или расточительство по делам таких предприятий, повлекшее их несостоятельность (ст. 604); незаявление о несостоятельности общественного или частного кредитного установления краткосрочного кредита, товарищества на паях или акционерного общества (часть вторая ст. 605).

В гл. 34 Уголовного уложения как преступное банкротство можно классифицировать составы ст. 599-604 и часть вторую ст. 605. Согласно ст. 3 Уголовного уложения части вторые ст. 600 и 601 относились к тяжким преступлениям; ст. 599, части первые ст. 600 и 601, ст. 603, 604, часть вторая ст. 605 – к преступлениям; ст. 602 могла относиться к тяжкому преступлению или преступлению в зависимости от того, какое деяние совершал соучастник: часть первую ст. 601 или 602 – преступление, часть вторую этих статей – тяжкое преступление. Установлением уголовной ответственности за указанные

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации (ред. от 05.04.2021) // СПС КонсультантПлюс.

² Уголовное уложение 1903 года [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ugolenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 02.04.2021).

преступные деяния законодатель намеревался обеспечить защиту интересов кредиторов должника-банкрота в эпоху развития капиталистических отношений в России. При этом законодатель выделял корыстное банкротство («избежать платежа долгов») и неосторожное (простое) банкротство («легкомысленное ведение дел или расточительство»). Объективная сторона данной группы преступлений выражалась как в активных действиях, так и в бездействии (например, в умолчании). Составы были сконструированы как формальные, но квалифицирующие части ст. 600 и 601 представляли собой материальные составы. С субъективной стороны ст. 599-602, часть вторая ст. 605 являлись умышленными, а ст. 603, 604 – неосторожными. Обязательным признаком ст. 599-601 являлась преступная цель – «избежать платежа долгов». Субъект преступлений рассматриваемой группы, как правило, специальный: должник, объявленный судом несостоятельным; руководитель предприятия – банкрота (или в преддверии его банкротства); ст. 602 регулировала ответственность соучастников в преступных деяниях, предусмотренных ст. 599-601.

Состав преступления, содержащийся в ст. 599, устанавливал уголовную ответственность несостоятельных должников за сокрытие собственного имущества с намерением извлечь имущественную выгоду вследствие неплатежа долгов кредиторам. Ответственность наступала, если эти деяния совершались после объявления судом должника несостоятельным или в предвидении неизбежности объявления несостоятельным. Специальным составом к данной статье выступала ст. 600, которая предусматривала уголовную ответственность за те же деяния, совершенные должником, объявленным судом несостоятельным в порядке торгового производства. Наказывалось такое лицо более строго, а по части второй (материальный состав с последствиями, такими как: важный ущерб казне, расстройство или упадок дел кредитного установления, разорение многих лиц) – каторгой не свыше 8 лет (тяжкое преступление). Объективную сторону этого преступления образовывал ряд альтернативных действий, которые в определенной «трансформации» нашли отражение в диспозициях частей ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве» УК РФ: пункт 1 – в процессе объявления несостоятельным должник скрыл свое имущество умолчанием или ложными о нем показаниями (см. ч. 1 ст. 195 УК РФ); пункт 2 – после объявления несостоятельным должник: выдал уменьшающие конкурсную массу обязательство, полностью или частично вымышленное; либо безвозмездно передал или скрыл иным способом свое имущество; пункт 3 – в предвидении неизбежности объявления несостоятельным должник: выдал обязательство по долгу, полностью или в части вымышленному; либо безвозмездно передал или сокрыл иным способом свое имущество (см. ч. 1, 2 ст. 195 УК РФ). Субъективная сторона выражалась в виде прямого умысла с обязательной целью: «избежать платежа долгов», т.е. виновный намеревался извлечь имущественную выгоду вследствие неуплаты

кредиторам своих долгов; в ст. 195 УК РФ мотив и цель конститутивными признаками состава не являются.

Норма, предусмотренная ст. 601, была направлена на защиту интересов кредиторов от злонамеренных действий руководителей общественных или частных кредитных учреждений, товариществ на паях или акционерных обществ по сокрытию для уклонения от платежей долгов кредиторам имущества при объявлении таких предприятий несостоятельными. По объективной стороне данное преступление состояло из альтернативных действий (похожие прослеживаются в диспозициях частей ст. 195 УК РФ): пункт 1 – при объявлении судом о несостоятельности указанных предприятий для избежания платежа долгов кредиторам: отказ дать показания суду или надлежащей власти об имуществе такого предприятия; либо дача ложных показаний об его имуществе (см. ч. 3 ст. 195 УК РФ); пункт 2 – после прекращения предприятием платежей, либо после объявления об его несостоятельности, либо в преддверии неизбежности прекращения им платежей, либо в предвидении («в близком времени») объявления о несостоятельности и для уклонения от уплаты долгов: выдача по долгу, полностью или частично вымышленному, обязательства, уменьшающего имущество предприятия; либо безвозмездная передача или сокрытие иным способом его имущества (см. ч. 1, 2 ст. 195 УК РФ). Субъективная сторона преступления выражалась в виде прямого умысла и предполагала наличие специальной цели: содействие указанным предприятиям избежать платежа их долгов кредиторам. Статья предусматривала квалифицированный состав, аналогичный по содержанию и наказанию части второй ст. 600.

Специфика ст. 602 заключалась в особой уголовно-правовой оценке действий лиц, способствовавшим субъектам преступлений, предусмотренных ст. 599-601, совершить названные в этих статьях противоправные деяния, и в которой предусматривалось, что виновные: в подстрекательстве к указанным деяниям (пункт 1); в требовании или получении платежа по обязательству (пункт 2); в безвозмездном, под видом возмездного, приобретении имущества (пункт 3); в сокрытии или участии в сокрытии имущества (пункт 4), – признавались соучастниками, и их действия наказывались аналогично деяниям исполнителей в ст. 599-601, т.е. в определение соучастников подпадали лица, которые не указывались в качестве таковых в ст. 51. Уголовное уложение признавало преступным деянием неосторожное (простое) банкротство и неосторожное нарушение прав кредиторов в результате несостоятельности, что влекло уголовное наказание по ст. 603 и 604.

Принимая во внимание, что в УК РФ законодатель отказался от уголовной ответственности за неосторожные банкротства, дадим данным уголовно-правовым нормам более подробную характеристику. Можно полагать, что, устанавливая уголовную ответственность за неосторожное банкротство, законодатель исходил из того, что каждый должен своевременно и в полном

объеме расплатиться со своими кредиторами. Если должник знает о наличии проблем в своём финансовом положении, но при этом, пренебрегая интересами кредиторов, осуществляет рискованные операции или производит коммерческие расходы не по имеющимся средствам – на это и был установлен уголовно-правовой запрет, т.к. подобная неосторожность могла привести к несостоятельности других лиц, что, несомненно, отразится на экономической ситуации в целом. По ст. 603 подлежали привлечению к уголовной ответственности лица, признанные несостоятельными по неосторожности (простыми банкротами), если была доказана их вина в легкомысленном ведении торговых дел или в расточительности, причинившей несостоятельность; ст. 604 предусматривала ответственность руководителя (заведующего или распоряжающегося делами) общественного или частного кредитного установления, товарищества на паях или акционерного общества, виновного в легкомысленном ведении дел такого предприятия, либо в расточительстве по его делам, если указанные деяния повлекли прекращение данным предприятием платежей или объявление их несостоятельным.

Основное наказание за такие деяния было заключение в тюрьме, т.е. даже неосторожное банкротство признавалось законодателем общественно опасным и относилось к преступлениям (ст. 3 Уголовного уложения). Дополнительное наказание, которое могло быть применено судом сверх основного, заключалось в лишении лица права заниматься определенной деятельностью: для субъекта ст. 603 – лишение права торговли на срок от года до пяти лет или навсегда, а для субъекта ст. 604 – заведовать или распоряжаться делами указанных предприятий на такие же сроки. Специфика деяний, предусмотренных ст. 603 и 604, заключалась в наказании за издержание виновным имущества при несоблюдении основных требований, обязательных для рачительного хозяина или управляющего делами, чем он ставил в опасность кредиторов, доверивших ему свои денежные средства или иное имущество. Разорившись, виновный причинял вред кредиторам, которые предоставили ему имущество, считая, что он будет вести дела добросовестно и надлежащим образом.

Уголовное законодательство не содержало расшифровки легкомысленности ведения дел и расточительности. Для их уяснения необходимо было обращаться к нормам гражданского законодательства, обычаям делового оборота и судебной практике. Легкомысленным ведением дел признавалось: открытие предприятия без достаточных средств или в долг; заимствование на большие суммы без собственного капитала или при его недостаточности; неосмотрительность должника и авантюризм его действий; рискованные торговые и биржевые операции (игра на бирже); неопытность должника в принятом деле; платеж больших процентов на занятый капитал; кредитование незадолго до несостоятельности; выдача взамен старых новых векселей незадолго до несостоятельности; несоблюдение элементарных мер предосто-

рожности (в частности, застраховать груз, товары, принять меры к охране имущества). Примерами расточительности чаще всего были: мотовство – издержание имущества лично для себя (карты, вино, женщины), на семью; чрезмерные расходы на рекламу, меценатство, благотворительность; крайне небрежное ведение своих хозяйственных дел (беспорядок в учете, несвоевременное отражение операций и т.п.). Последствия в виде прекращения предприятия платежей, предусмотренные в диспозиции ст. 604, представляли собой временную приостановку любого погашения долгов кредиторов, но не влекущую за собой несостоятельность, например, отсрочка платежей до поступления товаров или денежных средств в оборот предприятия в результате возвращения ссуды (депозита), прибытия груза, получение страховки и т.д. Такая ситуация предполагает возможность восстановления платежеспособности, но не факт, что она последует.

Преступление, предусмотренное частью второй ст. 605, устанавливало уголовную ответственность за неисполнение обязанности заявить о несостоятельности общественного или частного установления краткосрочного кредита, товарищества на паях или акционерного общества. По УК РФ подобное бездействие преступным не признается, является административным правонарушением (с 19.12.2005 г.), наказуемым по ч. 5 ст. 14¹³ Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Часть вторая ст. 605 по конструкции не являлась квалифицированным составом, а содержала иное деяние (что характерно для Уголовного уложения): ответственности подлежал руководитель (заведующий или распорядитель делами), не заявивший о несостоятельности указанного предприятия, если его положение было заведомо такое, при котором законом или уставом предписывалась такая обязанность. Состав являлся формальным, совершался путем бездействия, наказание предусматривалось в виде заключения в тюрьме.

Уголовное законодательство советского периода не содержало составов об ответственности за криминальное банкротство. Они появились в ст. 195-197 УК РФ, видовым объектом которых выступает установленный законодательством порядок проведения процедуры банкротства и удовлетворения требований кредиторов, также присутствует дополнительный объект – общественные отношения, защищающие собственность кредитора от противоправных действий должника, результатом которых является причинение крупного ущерба. Преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ) и фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ) являлись новеллами. В настоящее время незаконные действия, связанные с банкротством, подпадающие под признаки ст. 195-197 УК РФ, «унифицированы» с Кодексом об административных правонарушениях (КоАП) РФ и подлежат административной ответственности, если не содержат уголовно наказуемого деяния. В связи с тем, что объективная сторона административно наказуемых и уголовно наказуемых действий, связанных с банкротством, практически одинаковы (ч. 1, 2, 3 ст. 195 УК РФ –

ч. 1, 2, 4 ст. 14.13 КоАП РФ; ст. 196 УК РФ – ч. 2 ст. 14.12 КоАП РФ; ст. 197 УК РФ – ч. 1 ст. 14.12 КоАП РФ), критерием их разграничения служит размер причиненного ущерба: уголовная ответственность наступает, если эти действия причинили крупный ущерб (сумма, превышающая 2 млн. 250 тыс. руб.).

В настоящее время к преступлениями в сфере банкротства, помимо ст. 195-197 УК РФ, следует относить также фальсификацию реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учёта в целях сокрытия у клиента признаков банкротства кредитной или иной финансовой организации (ч. 4 ст. 170¹ УК РФ) и фальсификацию финансовых документов учета и отчетности финансовой организации в целях сокрытия признаков банкротства (ст. 172¹ УК РФ). Каждое из названных преступлений может совершаться различными способами, которые указаны в диспозиции соответствующей статьи (части статьи) в качестве признака конкретного состава преступления. Составы преступлений о незаконных деяниях, связанных с банкротством, кроме ч. 4, 5 ст. 170¹ и ст. 172¹ УК РФ, являются материальными и для привлечения виновного к уголовной ответственности необходимо, чтобы действия, указанные в ст. 195-197 УК РФ, повлекли причинение крупного ущерба. Неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ) по категории относятся к преступлениям небольшой тяжести; ч. 4 ст. 170¹, ч. 1 ст. 172¹ УК РФ – к средней тяжести, преднамеренное и фиктивное банкротство (ст. 196 и 197 УК РФ соответственно), ч. 5 ст. 170¹, ч. 2 ст. 172¹ УК РФ – к тяжким.

В УК РФ мы видим некоторую преемственность с Уголовным уложением в определении законодателем конститутивных признаков диспозиции ст. 195 УК РФ, использования им описательных диспозиций в обоих уголовных законах, и новые преступления (ч. 4, 5 ст. 170¹ и ст. 172¹ УК РФ) являются формальными составами. Однако при конструировании уголовно-правовых норм об ответственности за преступные деяния в сфере банкротства в УК РФ применена иная юридическая техника и признано нецелесообразным установление уголовной ответственности за неосторожные банкротства. Также следует отметить, что в связи с современными тенденциями развития охранительного законодательства в отношении лиц, впервые совершивших преступление, предусмотренное ст. 195-197 УК РФ, с 08.12.2011 стало возможно освобождение от уголовной ответственности по новому основанию: при условии возмещения ущерба и перечисления в федеральный бюджет соответствующего денежного возмещения (ст. 76¹ УК РФ).

Источники и использованная литература:

1. Уголовное уложение 1903 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 02.04.2021).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации (ред. от 05.04.2021) // СПС КонсультантПлюс.

Zherebtsov A.P.

The liability for crimes in the field of bankruptcy in the national criminal law

The article examines the criminal law norms on liability for criminal acts in the field of bankruptcy in accordance with the Criminal Code of 1903, assesses their impact on the formation respective of the corpus delicti Criminal Code of the Russian Federation in 1996, as well as o further improve the current criminal law to protect legal relations in this field from criminal encroachments.

Keywords: Criminal Code of 1903; criminal code; criminal bankruptcy.

Zherebtsov Aleksey Petrovich – candidate of legal sciences, associate professor, The criminal law department, Ural State Law University (*Russia*, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Komsomolskaya st., 21). *E-mail:* azher@k66.ru

*Сабитов Т.Р.***ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА РСФСР
В ЕГО ПЕРВЫХ БАЗОВЫХ ИСТОЧНИКАХ**

В данной работе на основе анализа первых базовых источников российского социалистического уголовного права рассматриваются его основные принципы. Проводится сравнение принципов социалистического и действующего российского уголовного права. Рассматриваются принципы целесообразности, законности, индивидуализации наказания, личной ответственности.

Ключевые слова: принцип уголовного права; социалистическое уголовное право; революционная целесообразность; индивидуализация наказания; законность; личная ответственность.

Анализируя правовые источники первого десятилетия существования социалистической России после революции 1917 г., можно обратить внимание, что повышенное внимание в то время уделялось формулированию и развитию принципов уголовного права.

Во-первых, уголовное право того периода явно выступало в роли орудия для поддержания социалистическим государством своего существования. Поэтому было важно определить базовые положения именно этой отрасли права. Советский законодатель, мягко говоря, и не скрывал такого подхода, обозначив его, в частности, в Руководящих началах по уголовному праву, принятых 12 декабря 1919 г. Наркоматом юстиции РСФСР.² Так во введении к данному документу говорилось: «В интересах экономии сил, согласования и централизации разрозненных действий пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов, создать метод борьбы со своими врагами и научиться им владеть. И, прежде всего, это должно относиться к уголовному праву, которое имеет своей задачей борьбу с нарушителями складывающихся новых условий общежития в переходный период диктатуры пролетариата». А, во-вторых, принципы уголовного права всегда носят в себе политический элемент, поэтому при смене политического курса государства всегда важно провозгласить уголовно-правовые принципы. Так, например, произошло и с постсоциалистическим Уголовным кодексом РФ 1996 г., когда в статьях 3-7 этого УК законодатель закрепил довольно таки немалое количество принципов нового уголовного права. Для сравнения, в действу-

Сабитов Тимур Рашидович – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет (Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21). *E-mail:* trsabitov@yandex.ru

² Руководящие начала по уголовному праву, утв. Наркомюстом РСФСР 12 декабря 1919 г. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901870462> (дата обращения: 20.05.2021).

ющем УК ФРГ зафиксировано всего одно такого рода положение – это принцип законности (§ 1)¹, в УК Франции требования того же принципа сформулированы в статьях 111-3, 111-4.² Схожая законодательная практика распространена и во многих других развитых зарубежных странах.

В советской литературе по уголовному праву отмечалось, что сразу после революции большое значение для решения вопросов общей части социалистического уголовного права имели Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., в которых содержались «приведённые в определённую систему основные принципы социалистического уголовного права».³ Однако в данном документе принципы уголовного права как таковые не назывались, хотя следует признать, что в нем имелись положения, претендующие на роль данных принципов. Несмотря на это, роль Руководящих начал с точки зрения формулирования каких-либо базовых положений уголовного права трудно переоценить. Это становится более очевидным, если учесть, что до их вступления в силу единственным критерием применения ещё в какой-то степени действующего дореволюционного уголовного законодательства и вновь принятых декретов были «революционная совесть» или «революционное правосознание».⁴ О существовании каких-либо принципов уголовного права в 1917-1918 гг. говорить сложно.

Вышеназванная особенность Руководящих начал вызывает определённую сложность при выявлении круга принципов, характерных для уголовного права вновь образованного социалистического государства. Эту сложность можно преодолеть, используя метод сопоставления уже сформулированных в современной уголовно-правовой науке принципов с ключевыми положениями послереволюционного уголовного права. Так, ст. 10 Руководящих начал указывала, что, «являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий». Очевидно, что употребление слова «целесообразно» настраивает правоприменителя на руководство принципом революционной целесообразности.⁵ В Руководящих началах этот принцип не получил чёткой формулиров-

¹ Уголовный кодекс ФРГ / Перевод и предисловие А.В. Серебрянниковой. – М.: Зерцало-М, 2000. – С. 9.

² Уголовный кодекс Франции: Принят в 1992 г.: Вступил в силу с 1 марта 1994 г.: С изм. и доп. на 1 янв. 2002 г. / Науч. редактирование Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; Пер. с фр. и предисл. Н.Е. Крыловой. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 38-39.

³ Уголовное право. Часть общая / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Юрид. фак.; Под ред. Беляев Н.А., Шаргородский М.Д. – М.: Юрид. лит., 1969. – С. 24.

⁴ Курс уголовного права: В 5-ти т. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак.; Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 2002. – Т. 1: Общая часть. Учение о преступлении / [Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С., Крылова Н.Е. и др.]. – С. 24.

⁵ Об этом принципе см.: *Кобозев Н.* Об уголовном кодексе КНДР // Проблемы Дальнего

ки, но при этом такой идеей они были полностью пропитаны. Вторая часть этой формулировки свидетельствует о провозглашении принципа гуманизма, норма о котором до сих пор присутствует в УК РФ 1996 г. (ст. 7).

Ст. 11 Руководящих начал затрагивала принципы соразмерности и индивидуализации мер воздействия. В данной статье отмечалось, что при определении меры воздействия на совершившего преступление суд должен оценивать степень и характер (свойство) опасности для общества как самого преступника, так и совершенного им деяния. Суду следовало выяснять личность преступника, «поскольку таковая выявилась в учиненном им деянии и его мотивах и поскольку возможно уяснить ее на основании образа его жизни и прошлого». В действующем УК РФ принцип индивидуализации наказания более-менее формализован. Так, согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Принцип индивидуализации мер воздействия, закрепленный в ст. 11 Руководящих начал, был довольно таки размыт. Следовательно, руководствоваться им можно было только в совокупности с принципом революционной целесообразности, основывающимся на ненависти к классовым врагам. Впрочем, такого характера пояснения имелись уже в ст. 12 Руководящих начал, где были представлены 8 обстоятельств, подлежащих учету при вынесении судом наказания. При этом первые 2 из них касались классовой борьбы и были описаны наиболее подробно.

Что касается принципа законности, то его наличие в современной трактовке (ст. 3 УК РФ 1996 г.) в послереволюционный период исключалось, поскольку считалось, что пролетарское уголовное законодательство находилось ещё в стадии формирования, и на тот момент ещё невозможно было предусмотреть все возможные проявления деятельности классовых врагов. Скорее, речь шла о некоей «социалистической законности», которая не предполагала установление исчерпывающего перечня преступлений, и, следовательно, допускала применение уголовного закона по аналогии. Так, ст. 10 УК РСФСР 1922 г. закрепляла положение, согласно которому «в случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статей Уголовного Кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего Кодекса». Но и такая «социалистическая законность», по крайней мере, теоретически, не предполагала полного беззакония, поскольку уже УК РСФСР 1922 г. осуществил

попытку сформулировать перечень всех известных составов преступлений.

В целом следует заметить, что при разработке уголовных кодексов РСФСР 1922 и 1926 гг. законодатель, по сути, исходил из тех же правовых принципов, что были заложены в Руководящих началах 1919 г. При этом как самостоятельные положения данные принципы также сформулированы не были. Это дало некоторым исследователям основание сделать вывод о присутствии в советских уголовных кодексах определенных правовых принципов на основе противопоставления. Например, по мнению М.С. Гринберга, современному принципу личной ответственности, в соответствии с которым ответственность одного человека за виновно совершенное деяние другого должна исключаться, следует противопоставить принцип коллективной ответственности. На его взгляд, именно этот принцип был характерен для уголовного права 1920–1950-х годов.¹ В обоснование своей позиции автор приводил положение, закрепленное в ст. 7 УК РСФСР 1926 г., в соответствии с которым в отношении лиц, совершивших общественно опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применялись меры социальной защиты судебного-исправительного, медицинского, либо медико-педагогического характера.

В данном УК существовали и другие нормы, которые, по мнению М.С. Гринберга, свидетельствовали о проявлении принципа коллективной ответственности. В частности, это норма о назначении мер социальной защиты членам семьи военнослужащего, совершившего измену родине (ст. 58-1а), которые ничем не способствовали данному преступлению и даже не знали о нем. Кроме того, принцип коллективной ответственности, по его мнению, также проявлялся: в привлечении к мерам социальной защиты рабочих и служащих, допустивших попустительство нарушению трудовой дисциплины со стороны других рабочих и служащих; в непринятии мер к предотвращению хищения государственного или общественного имущества руководителями предприятий и учреждений. Таким образом, автор делал вывод, что рассматриваемый принцип не был случайностью, а являлся закономерностью, исходя из наличия стоящих перед уголовным правом задач: обеспечить гипертрофированную потребность тоталитарной системы в самосохранении от посягательств подлинных или возможных врагов; внедрить в общественную жизнь атмосферу подозрительности и доносительства; нарастить бесплатную рабочую силу за счёт увеличения количества лиц, привлеченных к мерам социальной защиты.²

Вместе с тем, подходя к решению вопроса по возможности объективно, можно отметить, что идея коллективной ответственности не была прису-

¹ См.: *Гринберг М.С.* Репрессии 20–50-х годов и принципы уголовного права // Правоведение. – 1993. – № 5. – С. 74-76.

² См.: Там же. С. 75.

ща уголовному праву послереволюционного времени всецело. Явное отступление от принципа личной виновной ответственности допускалось только в отношении ссылки и высылки как мер социальной защиты. Более того, Особенная часть УК РСФСР 1926 г. закрепляла лишь одну статью, противоречащую названному принципу. Так, статья 58-1в предусматривалась ссылка членов семьи изменника родине в отдаленные районы Сибири сроком на 5 лет. В соответствии со ст. 22 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. данные меры могли быть применены приговором суда по предложению Прокуратуры к лицам, признанным социально-опасными, независимо от привлечения их к судебной ответственности за совершение определённого преступления, а также и в том случае, когда они по обвинению в совершении определённого преступления будут судом оправданы.¹

Следует заметить, что существование в правовом источнике всего лишь одной нормы, которая противоречит какому-либо правовому принципу, еще не свидетельствует о провозглашении новой правовой идеи. Более того, это не значит прекращения действия данного правового принципа. В качестве примера можно привести норму, содержащуюся в ч. 2 ст. 88 УК РФ 1996 г. и дополненную Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации».² В соответствии с обновленной редакцией данной нормы штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Новая редакция нормы вступает в явное противоречие с принципом личной ответственности, в соответствии с которым уголовной ответственности лицо подлежит только лишь за то, что было совершено им лично. Принцип не допускает возможности нести уголовную ответственность одним лицом за деяния другого, независимо от согласия первого лица. Этот принцип, хотя и не был прямо сформулирован в УК РФ 1996 г., всё же следует из ряда ключевых его положений. В частности, согласно ст. 8 действующего УК единственным основанием для привлечения лица к уголовной ответственности является совершение им деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ.

Противоречие части 2 ст. 88 УК РФ принципу личной ответственности не заметить трудно. Взыскание штрафа с родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего лица, совершившего преступление, означает, во-первых, привлечение к уголовной ответственности лиц, которые

¹ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, утв. президиумом ЦИК СССР 31 октября 1924 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://museum-reforms.ru/node/13946> (дата обращения: 20.05.2021).

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.

не совершали деяния, содержащего в себе хоть какие-то признаки состава преступления. Во-вторых, даже выражая свое согласие, родители и иные законные представители несовершеннолетнего несут ответственность за другое лицо. Однако в данном случае речь идет о нарушении принципа личной ответственности в части 2 ст. 88 УК РФ, но ни в коем случае не о прекращении действия данного принципа. Вместе с тем, конечно, нельзя не отметить того факта, что подобного рода отступления не рождаются на пустом месте. В описанном выше случае появление такой нормы было продиктовано, по видимому, необходимостью повысить гарантированность уплаты штрафа. В свою очередь, указанная необходимость следует из уголовно-политической линии, направленной на удовлетворение денежных интересов государства.¹ Аналогично сказанному, наличие меры, предусмотренной в ст. 58-1в УК РСФСР 1926 г., было продиктовано уголовно-политической (да и политической в целом) линией, направленной на истребление неугодных для новой власти социальных элементов. Но вряд ли в данном случае речь идёт о реализации в советском уголовном праве принципа коллективной ответственности.

Помимо принципа коллективной ответственности М.С. Гринберг называл также принцип неиндивидуализированной, жёсткой ответственности. В качестве примера автор приводил то обстоятельство, что наказания за контрреволюционные преступления и преступления против собственности были чрезмерно высоки. Так, за одни из них следовало наказание в виде расстрела или длительного лишения свободы, а другие – лишение свободы на срок до 20-25 лет, что в современных реалиях больше характерно для наказания за убийство. При этом устанавливались крайне высокие низшие пределы санкций соответствующих норм – пять, семь и даже десять лет лишения свободы. Это, по мнению М.С. Гринберга, практически лишало суды возможности индивидуализировать наказание в зависимости от тяжести содеянного и личности преступника.²

Действительно, наличие в УК РСФСР 1926 г. санкций, не дающих суду каких-либо альтернатив при назначении наказания, означает шаг в сторону выталкивания из уголовного права принципа индивидуализации наказания. И такие нормы в данном УК присутствовали. Например, лицо, совершившее измену родине (ст. 58-1а), приговаривалось к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего имущества. Измена родине, совершенная военнослужащим (ст. 58-1б), каралась высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества. Недонесение со

¹ См. об этом более подробно: *Сабитов Т.Р.* Имущественно-восстановительная линия в депенализационной уголовной политике Российской Федерации // Вестник Югорского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 17-22.

² См.: *Гринберг М.С.* Репрессии 20–50-х годов и принципы уголовного права. С. 76.

стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене (ст. 58-1г) влекло за собой лишение свободы на десять лет. Однако даже в тех же составах измены родине предусматривались средства индивидуализации наказания. Так, при смягчающих обстоятельствах (ст. 58-1а) такое преступление наказывалось уже лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества. Была предусмотрена индивидуализированная ответственность для членов семьи военнослужащего, совершившего измену родине (от пяти до десяти лет лишения свободы с конфискацией всего имущества).

Санкции норм Особенной части УК РСФСР 1926 г. по большей мере свидетельствуют о стремлении законодателя усилить наказание, и, следовательно, также понизить возможность его индивидуализации в наиболее опасных случаях, но не повсеместно. Так, уже согласно ст. 104 УК РСФСР 1926 г. изготовление и хранение с целью сбыта и сам сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения влекло лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок всего лишь до одного года с конфискацией части имущества или без таковой. Согласно действующему УК аналогичное преступление наказывается лишением свободы на срок от четырёх до восьми лет с ограничением свободы на срок до одного года либо без такового, что несоизмеримо больше. Таким образом, нельзя утверждать, что принцип индивидуализации наказания не был свойствен советскому послереволюционному праву вовсе, потому что сам принцип предполагает уменьшение средств дифференциации в одних, наиболее опасных для общества и государства случаях, и увеличение данных средств в других случаях.

Переходя к выводам, можно отметить следующее. Каких-то особых, неизвестных российскому уголовному праву принципов с момента вступления в силу Руководящих начал 1919 г. не существовало. Содержание некоторых принципов (революционная целесообразность, социалистическая законность) было в большой степени скорректировано с учётом особенности проводимой в стране на тот момент политики. Суть некоторых принципов (гуманизм, индивидуализация наказания, личная ответственность) не была изменена, но от них допускались явные отступления. Возможно предположить, что имела место преемственность уголовно-правовых принципов, разработанных дореволюционной уголовно-правовой наукой, что требует отдельного рассмотрения.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.
2. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, утв. президиумом ЦИК СССР 31 октября 1924 г. [Электронный ресурс]: <http://museumreforms.ru/node/13946>(дата обращения: 20.05.2021).

3. Руководящие начала по уголовному праву, утв. Наркомюстом РСФСР 12 декабря 1919 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901870462> (дата обращения: 20.05.2021).
 4. Уголовное право. Часть общая / Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Юрид. фак.; Под ред. Беляев Н.А., Шаргородский М.Д. – М.: Юрид. лит., 1969. – 440 с.
 5. Уголовный кодекс Франции: Принят в 1992 г.: Вступил в силу с 1 марта 1994 г.: С изм. и доп. на 1 янв. 2002 г. / Науч. редактирование Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; Пер. с фр. и предисл. Н.Е. Крыловой. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 648 с.
 6. Уголовный кодекс ФРГ / Перевод и предисловие А.В. Серебrenниковой. – М.: Зерцало-М, 2000. – 208 с.
- Общая и специальная литература:
7. *Бавсун М. В.* Целесообразность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2002. – 22 с.
 8. *Гринберг М. С.* Репрессии 20–50-х годов и принципы уголовного права // Правоведение. – 1993. – № 5. – С. 73-79.
 9. *Кобозев Н.* Об уголовном кодексе КНДР // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 2. – С. 31-38.
 10. Курс уголовного права: в 5-ти тт. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак.; Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 1: Общая часть. Учение о преступлении / [Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С., Крылова Н.Е. и др.]. – М.: Зерцало-М, 2002. – XII, 611 с.
 11. *Сабитов Т. Р.* Имущественно-восстановительная линия в депенализационной уголовной политике Российской Федерации // Вестник Югорского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 17-22.

Sabitov T.R.

Principles of Russian socialist criminal law in its first basic sources

In this article, based on the analysis of the first basic sources of socialist criminal law, its basic principles are considered. A comparison is made between the principles of socialist and current Russian criminal law. The principles of expediency, legality, individualization of punishment, personal responsibility are considered.

Keywords: the principle of criminal law; socialist criminal law; revolutionary expediency; individualization of punishment; legality; personal responsibility.

Sabitov Timur Rashidovich – doctor of legal sciences, associate professor, Department of Criminal Law, Ural State Law University (Russia, Yekaterinburg, Komsomolskaya st., 21).

E-mail: trsabitov@yandex.ru

Константинов С.И.
**ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ № 1:
ИСТОРИЯ, КОНТИНГЕНТЫ,
СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ РЕПРЕССИРОВАННЫХ**

В статье на основе архивных данных и научных публикаций освещается история создания и функционирования первого на Урале Екатеринбургского концлагеря № 1, созданного решением Президиума Губчека в мае 1920 г. Приводятся данные о месте расположения лагеря, бытовых условиях для заключённых, их численности, судьбе отдельных персоналий.

Ключевые слова: Екатеринбургский концентрационный лагерь; создание; функционирование; бытовые условия; судьба заключенных; первые «островки» архипелага ГУЛАГ.

Октябрьская революция 1917 г. отвергла большинство ранее используемых правовых норм, и новая государственная власть была поставлена перед проблемой формирования нового пенитенциарного законодательства. В мае 1918 г. был создан Центральный карательный отдел Народного комиссариата юстиции, который «начал организовывать производительный труд» заключённых. По приказу Л.Д. Троцкого от 4 июня 1918 г. начинают создаваться концентрационные лагеря, которые законодательно были оформлены во «Временной инструкции о лишении свободы» от 23 июля 1918 г.¹ 16 июня 1919 года Постановление ВЦИК определило организацию лагерей принудительных работ. Она возлагалась на губернские чрезвычайные комиссии (Губчека). Во всех губернских городах в указанные в особой инструкции сроки должны были быть созданы лагеря, рассчитанные не менее чем на 300 человек каждый. Заключению в лагерь подлежали те лица и категории лиц, относительно которых были вынесены постановления отделов Управления, ЧК, революционных военных трибуналов, народных судов и других советских органов, которым представлялось это право декретами и распоряжениями.²

В соответствии с постановлением ВЦИК от 17 мая 1919 г. наряду с тюрьмами во всех губернских городах России начали создаваться **лагеря**

Константинов Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет (Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21).

E-mail: konstantinov2904@mail.ru

¹ Пащина М.В. Использование труда заключенных в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918-1921 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, [г. Екатеринбург], 27-28 апреля 2007 г.: [в 2 томах] / [редкол.: В.В. Запарий (гл. ред.) и др.]. – Екатеринбург: АМБ, 2007. – Т. 2. – С. 191.

² Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). – М.: Кучково поле, 2011. – С. 16.

принудительных работ, подведомственных НКВД. Постановление ВЦИК не только регламентировало порядок организации лагерей, но и впервые в истории пенитенциарной системы советской России определило правовое положение заключённых. На 25 ноября 1919 г. в стране уже был 21 лагерь (16 000 заключённых), к ноябрю 1920 г. – 84 лагеря (59 000 заключённых), а к маю 1921 г. число лагерей достигло 128, а количество заключённых – примерно 100 000 человек. **В Екатеринбургской губернии было создано три концлагеря (Екатеринбургский, Нижне-Тагильский и Верхотурский).**¹

В мае 1920 г. президиумом Губчека с согласия Губернского комитета (губкома) РКП (б) и Екатеринбургского Губернского исполнительного комитета (губисполкома) было принято решение организовать в городе концентрационный лагерь. Это был первый в Уральской области концлагерь, для приговоренных к отбыванию наказания в виде принудительных работ.² В докладе о работе Губернского Подотдела принудительных работ с 1 марта по 28 июля 1920 г. в Губернский отдел Управления, заведующий Губернским подотделом принудительных работ сообщал, что «концентрационный лагерь при подотделе организован на 5 000 человек и с 19 июля сего года туда начали поступать осужденные на принудительные работы с содержанием под стражей». По мнению заведующего подотдела поздние сроки открытия лагеря в июле 1920 г. объясняются тем, что город не давал подходящей территории, а также отсутствием конвоя. Кроме того, требовалось подыскать зимнее помещение под лагерь, так как «настоящее устраивалось для лета».³

В фонде Екатеринбургского управления местами заключения хранится дело о деятельности **концентрационного лагеря № 1**, содержащее рукописную схему лагеря, составленную в январе 1921 г. Тогда лагерь располагался за чертой города и находился к северу от станции Екатеринбург I, между речкой (р. Основинка – на плане не обозначена) и Верхотурским трактом. В записке в Президиум Губернского исполкома, датируемой 5 ноября 1920 г., говорится о том, что «земельный участок для постройки концентрационного лагеря отведён и к Губернскому Подотделу принудительных работ актом комиссии прикреплен; участок расположен между городом и Верх-Исетским заводом, имеет форму ромба, с северной стороны прилегает к ипподрому, южная сторона выходит к спичечной фабрике, западная к Верх-Исетскому и восточная к исправ[ительному] дому № 1. Длина южной и северной стороны равна 82,5 сажень [176 метров], западной и восточной равна 95,8 сажень [204 метра], всего в участке 8903,5 квадратных сажень, восточный угол не выходит

¹ *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в советской России. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. – С. 57.

² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1568. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

³ *Пащина М.В.* Екатеринбургский губернский концентрационный лагерь № 1 // Урал индустриальный. Бакуинские чтения: материалы V региональной научной конференции, декабрь 2002. – Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 2003. – С. 362.

до дороги (Красноуфимский тракт) 15 сажен». При сопоставлении плана лагеря с картами города 1918 г., 1930 г. и современной картой удалось установить, что лагерь находился к северу от железнодорожных путей, между современным проспектом Космонавтов и улицей Кислородной. Указанная на плане речка (р. Основинка) сегодня протекает в трубе, проложенной под улицами Кислородная и Основинская. В настоящее время на этой территории расположены Северное трамвайное депо и АООТ «Екатеринбургское такси».¹

О непригодности лагеря в зимнее время свидетельствует и протокол комиссии, проводившей осмотр лагеря 7 октября 1920 г. В нём дано подробное описание как внешнего, так и санитарного состояния лагеря. К этому моменту в лагере находилось уже более 500 осужденных за «контрреволюцию и другие аналогичные преступления» и 502 военнопленных поляка. Заключённые содержались на бывшем кирпичном заводе Николаева в кирпичных сараях, которые в ширину были равны 5–6 саженям [10–12 метров], а в длину тянулись на несколько десятков саженей. Крыши были железными в два ската, снаружи сараи до некоторой высоты засыпаны глиной. Комиссия осмотрела два сарая, в одном из них шёл ремонт. Первый барак отапливался несколькими железными печами, в первой половине имелись нары, расположенные в четыре ряда – «два ряда вдоль стенок и два ряда посередине» – в помещении полумрак, пол глинистый. Во второй половине, где размещались военнопленные поляки, не было ни печей, ни нар. Отмечена грязь внутри сарая – «общее содержание и вид... грязный; одежда, бельё, постельные принадлежности грязные». В виду отсутствия печей во второй половине люди вынуждены греться около костров, сооружаемых на полу. Второй барак подготавливали к зиме – «изнутри стенки обшиваются досками при засыпке межстенного пространства землёй; нары устраиваются также в четыре ряда, пол между ними (в проходах) устилается кровельными досками; устанавливаются железные печи». В отремонтированной части было выделено помещение для женщин, караула и мастерские.

В лагере среди заключённых велась определённая культурно-просветительская работа. В ноябре 1920 г. была организована библиотека с фондом 1,5 тысячи книг, но в докладе о культурно-просветительской работе отмечено, что большинство осужденных составляли «несознательные» малограмотные крестьяне и рабочие, хотя образованных читателей насчитывалось 300 человек. Работали школы грамотности – по 6 часов в день. Их посещение являлось обязательным: действовала система поощрения (снижение срока, свидания с родными, красная доска). Имелись школы для малограмотных I ступени (с преподаванием основ физики, математики и т.д.) и школы II ступени для малограмотных. Велась внешкольная работа – систематические лекции по сельскому хозяйству, скотоводству и прочему. Так же велась и политиче-

¹ Пащина М.В. Екатеринбургский губернский концентрационный лагерь № 1. С. 363–364.

ская работа.¹

На лагерь распространял своё действие Кодекс законов о труде (КЗоТ) РСФСР 1918 г. Для заключенных устанавливался рабочий день, определялась сдельная заработная плата за все работы, производимые заключёнными, кроме хозяйственных работ по лагерю, – 100% оплата по расценкам профсоюзом. Устанавливалась средняя сумма заработка в день и в зависимости от неё процент, который удерживался с заключенного за содержание его в государственном учреждении – две трети заработной платы. Так, в Москве при заработной плате в день от 12 до 24 рублей в казну отчислялось две трети, то есть 8 или 16 рублей соответственно. Если же заключенный выработывал в день меньше нормы (12 руб.) – это рассматривалось как нежелание трудиться, и тогда использовалось экономическое принуждение. В этом случае в казну шло 16 рублей. Если же заключенный зарабатывал в день больше 24 рублей, от его зарплаты удерживалось только 16 рублей. Максимум вычета из зарплаты заключенного в Екатеринбурге был установлен в 22 рубля 40 копеек.²

Практически во всех местах заключения создавались мастерские, а затем в лагерях появились и земельные участки. Также осужденные могли работать в учреждениях или в низшем аппарате лагеря. Так в Екатеринбургском лагере в январе 1921 г. при учреждениях жили и работали 167 чел., с жильем при лагере – 46 чел. и 39 чел. непостоянно. При лагере работали 149 чел. и 39 непостоянно, неработающих насчитывалось 60-80 чел. Общая численность заключенных в лагере на этот момент составляла 359 человек. В это время в лагере заключенные работали над стройкой помещения для надзирателей, бани, вели ремонт и оборудование прачечной. Помимо этого в январе 1921 г. в лагере имелось 4 мастерских: столярная, портновская, кузнечно-слесарная и сапожная. В столярной и сапожной мастерской не хватало инструментов, мастеров. Помещения, в которых они располагались, были не пригодны. Та же ситуация была и в портняжной мастерской – там имелась только одна исправная машина. Кроме этих мастерских при лагере находилась парикмахерская в плохом состоянии и с одной мастерской. С 1921 г. в лагере вводятся ведомости учета заключенных на 15 календарных дней. Согласно их данным ежедневно на различных работах было занято от 42 до 74% заключенных. На работах требующих специальной подготовки, как работа в мастерских, был занят относительно небольшой процент осужденных – от 5 до 19% (24 и 73 чел. соответственно).

Немаловажным являются сведения о заключенных, занятых на работах вне лагеря с возможностью жительства при тех учреждениях, на которых они работают. Их число является относительно стабильным в течение 1921 г.

¹ Пащина М.В. Екатеринбургский губернский концентрационный лагерь № 1. С. 363.

² Пащина М.В. Использование труда заключенных в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918-1921 гг. С. 191.

– от 25 до 47% (июнь и сентябрь соответственно). Эта стабильность объясняется тем, что для работ при учреждениях привлекались в основном люди по специальности, а получение права жить при учреждениях давалось индивидуально. Число заключённых, работающих при учреждениях с явкой в лагерь, постоянно менялось – от 118 чел. (15-30 июня) до 11 чел. (конец декабря). Скорее всего, эти заключённые привлекались для разовых работ. Так, например, женщины привлекались для мытья полов в помещении Подотдела принудительных работ. К одной из категорий заключённых, чей труд оплачивался, относились осужденные, выполняющие работы в администрации лагеря. Заключённые занимали следующие должности: секретарь, делопроизводитель, бухгалтер, счетовод, статистик, конторщик и посыльный. Общее количество работающих в администрации Екатеринбургского лагеря заключённых составляло 54 человека. Вольнонаемные рабочие в основном составляли административный аппарат лагеря – охрану, а также специалистов, работавших в мастерских. С августа 1921 г. в Екатеринбургском лагере начинает работать кирпичный завод, на территории которого и располагался лагерь. Первоначально на заводе выпускалось до 3 тыс. кирпичей в день. Всего на работах по выделке кирпича было занято 64 человека.¹

Обед и ужин для заключённых готовился из одного блюда, порция хлеба составляла три четверти фунта (300 г.). Порция работающих заключённых была повышенной. Следует отметить, что 13 ноября 1920 г. заведующий Губернским подотделом принудительных работ А.М. Зверев, в докладе в Президиум Екатеринбургского Губисполкома, говорил о том, что порция работающего в момент составления протокола составляла полтора фунта хлеба (600 г.) в день. Но уже в первой половине ноября этот паёк был снижен до 1 фунта хлеба в день для всех категорий осужденных (400 г.). А.М. Зверев указывал на то, что комиссия признала необходимым усилить питание и просила Губисполком немедленно принять меры по снабжению мест заключения продуктами продовольствия. Подобные требования А.М. Зверев выдвигал и в части снабжения концлагеря одеждой, обувью и постельными принадлежностями, подчеркивая то, что в виду их отсутствия у заключённых «администрация лишена возможности посылать их на работы, что она обязана делать немедленно, согласно пункту 31 Постановления ВЦИК о лагерях принудительных работ».²

Концлагеря начали функционировать в тяжелейшее для страны время разраставшегося голода. Питание заключённых в голодном 1921 г. действительно было на грани выживания. Но если сравнивать нормы довольствия в концлагере № 1 и в Исправительном Рабочем доме № 1, то окажется, что при

¹ Пащина М.В. Использование труда заключённых в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918-1921 гг. С. 192.

² Пащина М.В. Екатеринбургский губернский концентрационный лагерь № 1. С. 363.

той же норме хлеба в день (1 фунт – около 400 г.), мяса или рыбы, содержащиеся в лагере получали больше (137,6 г. и 100 г. соответственно).¹ Можно ужасаться и возмущаться скудостью пайка заключенных в концлагере № 1, но вырывать эти страшные факты из контекста общей обстановки в этот период неисторично. Приведём выдержки из «Двухнедельного обзора-бюллетеня по госинформации № 1 Екатеринбургской ГубЧЕКа за время с 1 по 15 января 1922 г.». «Общее политическое состояние Екатеринбургской губернии за период с 1 по 15 января не улучшилось и остается прежним – неудовлетворительным.... В Сысертском детском доме имел место случай голодной смерти двух детей.... В Кыштымском заводе питается лебедой до 60% всего населения. Цена за пуд лебеды достигает 170 тысяч рублей (при стоимости пуда пшеницы 1 000 070 руб. – К.С.). В Каменском уезде зарегистрирован случай убийства матерью двух своих дочерей на почве голода. Особенно резко, в форме голода, кризис существует в трёх уездах губернии: Каменском, Красноуфимском и части Екатеринбургского...».² Да и тиф не щадил никого. Так, 23 декабря 1922 г. умер от тифа член Губисполкома, заведующий Губернским отделом юстиции, член комитета Первого городского района РКП (б) Савва Ефимович Волков.³ При этом необходимо отметить, что официально прописанные нормы питания заключённых не соответствовали реальным условиям. Голодный 1921 г. привёл к тому, что продовольственный паёк уменьшался до трёх четвертей (иногда и до одной четверти) фунта хлеба (то есть 100 г.), 6-24 золотников крупы, 6-16 золотников мяса или рыбы.

В довершение всех сложностей подворовывала и лагерная администрация. Ревизионные проверки, имевшие место в концлагерях № 1 и № 2, выявили ряд «крупных дефектов, упущений проступков даже уголовного характера». В лагере № 1, например, был обнаружен крупный недостаток продуктов питания. Разница показателей по муке и хлебу по данным, зафиксированным в расходных книгах, и по фактической наличности составляла в среднем по 30 пудов, то есть по 480 килограммов.⁴ И это происходило в ситуации, когда ежедневный паёк доходил до 100 граммов хлеба!

Документы позволяют проследить **численность заключенных лагеря** в период с октября по декабрь 1920 г. По сведениям комиссии на 7 октября численность заключенных составляла 1002 человека. По данным доклада

¹ ГАСО. Ф.Р-8. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 1494. Оп. 1. Д. 82. Л. 2-9.

³ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 259. Л. 20 об.

⁴ *Рогова Е.М.* Бывшие участники Белого движения в концентрационных лагерях Среднего Урала 1919-1923 гг. // Научные труды XVI Уральской Международной конференции молодых ученых по приоритетным направлениям развития науки и техники: сборник статей в 3 частях. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – Ч. I. – С. 367.

А.М. Зверева от 4 ноября 1920 г. – 2500 человек, а в докладе заведующего отделом Управления губернией от 8 декабря указана численность заключённых – 770 человек. Таким образом, за месяц численность заключённых сократилась в 3 раза. А в докладе «О жизни Екатеринбургского концентрационного лагеря № 1» от 25 января 1921 г. указывается число осужденных на 30 декабря 1920 г. – 359 человек, из которых работало в учреждениях с жильем при лагере – 102 человека, с жильем при учреждениях – 166 человек.¹

Крупный недостаток лагеря заключался в том, что баня располагалась от лагеря в 5-6 верстах, а белья и тёплой одежды у большинства заключённых не было. Не удивительно, что при отсутствии санитарной обработки вновь поступавших заключённых, осенью-зимой 1920-1921 гг. началась эпидемия тифа, которая бушевала и в городе. Предпринимаются срочные меры по разгрузке лагеря. 18 ноября 1920 г. 600 заключённых лагеря отправили в Нижний Тагил, при этом им, после помывки в гарнизонной бане, выдали 300 комплектов белья (рубашек и кальсон).² Вследствие большой скученности, антисанитарии и отсутствия нормального питания в концлагерях разрастались различные заболевания. Судя по официальным отчетам, смертность среди заключённых за 1921 г., прежде всего от тифа, достигала 12,7%. В январе 1921 г. 34 наиболее тяжёлых больных пришлось отправить в госпиталь. Разных больных оставалось в лагере 24; болевших, но не заразных – 294; повторно болевших – 531.³ Даже по состоянию на 1 июля 1922 г. медицинский персонал в концлагере № 1 не имел квалифицированных врачей. Налицо имелись только несколько фельдшеров, сестер милосердия, сиделок и один фармацевт.⁴

Обратимся теперь к строкам книги одного из первых исследователей красного террора С.П. Мельгунова «Красный террор в России 1918-1923», изданной пятым изданием в Москве в 1990 г., где упоминается город Екатеринбург. Относятся они к 1921 г. Ссылаясь на издание «Рев. Россия», № 12/13 Мельгунов сообщает: «Из концентрационного лагеря в Екатеринбурге бежало 6 человек. Приезжает заведующий отделом принудительных работ Уранов, выстраивает офицеров, содержащихся в лагере, и “выбирает” 25 человек для расстрела – в назидание остальным».⁵ Труды современных исследовате-

¹ Пащина М.В. Екатеринбургский губернский концентрационный лагерь № 1. С. 363.

² ГАСО. Ф.Р-8. Оп. 1. Д. 53. Л. 21.

³ ГАСО. Ф.Р-8. Оп. 1. Д. 53. Л. 21.

⁴ Рогова Е.М., Дмитриев Н.И. Санитарное состояние и медицинское обеспечение пенитенциарных учреждений Среднего Урала (1918-1923 гг.) // Научные труды XVI Уральской Международной конференции молодых ученых по приоритетным направлениям развития науки и техники: сборник статей в 3 частях. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – Ч. I. – С. 402.

⁵ Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918-1923. – М.: СП «РУICO», «P.S.», 1990. – С. 76.

лей позволяют уточнить данные, касающиеся Екатеринбургского концлагеря № 1, приведенные С.П.Мельгуновым. Во-первых, фамилия заведующего Губернского подотдела принудительных работ Ураков Семён Никифорович.¹ Во-вторых, в июле 1921 г. в лагере расстреляно было не 25, а 30 офицеров, содержащихся в концлагере № 1 (5 – за подготовку к побегу и 25 заложников). А в августе – ещё 6 офицеров, совершивших побег 2 июля. События лета 1921 г. подробно описаны Н.И. Дмитриевым в статье «Побег из застенка».²

Кратко дело состояло в следующем. Действительно, бежать из лагеря принудительных работ было от чего. И бежали не только из лагеря, но даже из Екатеринбургской тюрьмы – только за первое полугодие 1920 г. бежало 23 человека.³ Какие меры предписывала центральная власть для предотвращения побегов? Ещё 17 декабря 1919 г. был издан декрет Совнаркома за подписью Ленина «О порядке отпуска заключенных на работы в советских учреждениях», где указывалось, что в случае побега заключённого, поручителя, под чью ответственность работал заключённый, немедленно арестовывать на срок 3 месяца без права изменения меры пресечения.⁴

Наращение голода участило побег. Последовал приказ № 118 Екатеринбургского губисполкома, губчека и губотдела принудительных работ от 27 мая 1921 г. Приказ гласил: «В виду участвовавших за последнее время случаев побега арестованных..., а также в виду того, что неоднократно выясняется, что побег тем или иным заключенным совершен благодаря содействию остальных заключенных из той группы, с которой бежавший находился в одной камере ... или на внешних работах... – в целях быстрого прекращения этих явлений и устранения их в будущем, дабы пресечь возможность новых преступных действий со стороны злостных преступников, каковые уже имели место среди сбежавших ранее, настоящим приказывается: ввести во всех местах заключения Екатеринбургской губернии круговую поруку среди арестованных и ОБЪЯВЛЯЕТСЯ для сведения, что с момента издания настоящего приказа впредь за каждого сбежавшего арестованного **будет расстреляно 5 человек из той группы**, из которой сбежал арестованный, и того рода преступления, к которой относится сбежавший с места заключения или

¹ ГАСО. Ф.Р-8. Оп. 1. Д. 46. Л. 125. Ураков С.Н. родился 2 февраля 1886 г. в бедной крестьянской семье в Вятской губернии. После ранения на фронте Первой мировой войны получил звание младшего унтер-офицера. В марте 1917 г. вступил в партию левых эсеров, а в феврале 1918 г. – в РКП(б). С 5 мая 1918 г. воевал с чехословаками, попал в плен, после тюрьмы и концлагеря ожидал расстрела за попытку побега, но сумел бежать в 1919 г. В июле 1919 г. назначен комендантом Екатеринбургской тюрьмы. В марте 1920 г. возглавил Губернский подотдел принудительных работ. (ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 8. Л. 44; Д. 10. Л. 64).

² См.: *Дмитриев Н.И.* Побег из застенка // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. – Екатеринбург. – 2011. – № 19. – С. 98-121; 2012. – № 20. – С. 81-103.

³ ГАСО. Ф.Р-149. Оп. 1. Д. 2. Л. 195.

⁴ ГАСО. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 2. Л. 50.

с места работ арестованный...». Подписали: Предгубисполкома Израилович; Зампредгубчека Г. Штальберг (Герта Штальберг – К.С.); Зав. губотдела принудительных работ А. Зверев.¹ Совершались побеги и из лагеря № 1. Так, 17 мая 1921 г. скрылся Константин Голубев. Совершили побег офицеры Килов, Короткин, Шайтанов, Щапов, всего около десяти человек.²

В такой обстановке и был совершён побег 6 офицеров из Екатеринбургского лагеря № 1 второго июля 1921 г. Далее в своей статье Н.И. Дмитриев описывает обстоятельства этого дела. В ходе дознания допрошенные офицеры заявили, что знали о приказе № 118 и о возможном расстреле оставшихся в лагере однопольных, но не предполагали, что такое может свершиться на практике. Хотя некоторые офицеры пытались отрицать сам факт разговоров о побеге и личного участия в нем, но в ходе разбирательства (т.е. оно всё-таки производилось – К.С.) все вынуждены были признать подготовку к побегу (должны были бежать 8 офицеров – К.С.). В своём заключении по допросам Ураков писал: «Из настоящего донесения усматривается твёрдое желание и подготовка к побегу, который был намечен на понедельник. Настоящий побег был предупрежден исключительно благодаря сообщению, сделанному заключенным Степановым Павлом Гавриловичем.... К упомянутому Степанову прошу принять меру поощрения, а к остальным применить на основании приказа № 118 высшую меру наказания...».³ Этим и ограничилось участие С.Н. Уракова в расследовании этого дела. В ходе дознания выяснено, что конвоир красноармеец Бойко в нарушение приказа отпустил 9 офицеров, отправленных в лес для постановки изгороди из колючей проволоки вокруг огорода для концлагеря, для сбора ягод и покупки молока у проходивших по тракту деревенских женщин. При этом три офицера (Коземаслов, Чиркунов, фамилия ещё одного неизвестна), отказались от побега.

На следующий день в лагере были сформированы два списка. Первый состоял из имён и фамилий пяти офицеров, только готовившихся совершить побег. Второй список насчитывал фамилии двадцати пяти офицеров, входивших в одни и те же десятки с бежавшими в эти же дни шестью офицерами. Составленные списки комендант лагеря А. Филатов сейчас же направил председателю Екатеринбургской губчека А.Г. Тунгусову для привлечения виновных «к высшей мере наказания на основании приказа № 118». В ходе заседания Екатеринбургской губчека 4 июля 1921 г., в котором участвовали А.Г. Тунгусов (председатель), А. Крылов, Г.Н. Штальберг, А.Я. Калькштейн (секретарь), были рассмотрены списки «белых офицеров, пытавшихся бежать

¹ Дмитриев Н.И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург. – 2011. – № 19. – С. 106.

² Дмитриев Н.И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург. – 2012. – № 20. – С. 82.

³ Дмитриев Н.И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург. – 2011. – № 19. – С. 107-110.

из лагеря» из пяти человек (А.М. Чечулин, Н.В. Бардин, С.М. Алексеев, В.Н. Боярский, В.Н. Левашов) и «белых офицеров, в десятках из коих бежало шесть человек» из 25 человек. Постановили: «На основании приказа губисполкома, губотдела принудительных работ и губчека всех перечисленных лиц, обвиняемых в организации и содействии побегу, будучи связаны круговой порукой, согласно вышеупомянутого приказа от 27 мая с/г за № 118, подвергнуть высшей мере наказания расстрелять». 4 июля приговор был приведен в исполнение.

Всех шестерых действительно бежавших офицеров вскоре задержали крестьяне в Ирбитском районе и передали милиции. 3 августа дело об их побеге было заслушано на заседании членов коллегии Екатеринбургской губернской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. В ночь с 3 на 4 августа их расстреляли.¹ Остается добавить, что среди расстрелянных заложников, чьи автобиографии приводятся в статье Н.И. Дмитриева, указан подполковник Китновский Иннокентий Иннокентьевич (1878-1921). Выпускник Казанского пехотного юнкерского училища храбро воевал, защищая Россию. Командовал батальоном, 29 мая 1915 г. произведен в подполковники, а 7 ноября 1915 г. награжден Георгиевским оружием. Был ранен, после возвращения из германского плена, 27 августа 1918 г., мобилизован в Белую армию. Как инвалид назначен начальником Новониколаевской унтер-офицерской школы, а затем получил назначение на фронт в качестве *завхоза полка*.² Но на следующий год в редакцию журнала пришёл отклик историка из Барнаула А. Краснощекова на первую часть статьи, где сообщалось небольшое дополнение. «Судя по всему, Китновскому удалось скрыть факт активного участия в боях против Красной армии. Есть сведения, что летом-осенью 1919 г. он *командовал 2 штурмовым полком 3 Сибирской штурмовой бригады* (с августа 1919 г. в составе Сводной Сибирской дивизии)»³ (выделено мною – К.С.).

В январе 1922 г. в Екатеринбургском концлагере № 1 числилось 784 заключённых. При этом более четверти из них составляли бывшие белые офицеры. Их средний возраст составлял 27,5 лет. Не укладывается в сложившийся стереотип белого офицера социальное происхождение этих бывших колчаковцев: из крестьян и мещан (поровну) – 88%, остальные – из духовного звания, казаков, почётных граждан и лишь 3 человека – из дворян. Ясно, что основную массу заключённых составляли младшие офицеры.⁴ Екатеринбург-

¹ Дмитриев Н.И. Побег из застенка //Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург. – 2012. – № 20. – С. 86, 102.

² Дмитриев Н.И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург. – 2011. – № 19. – С. 115.

³ См.: Дмитриев Н.И. Побег из застенка //Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург. – 2012. – № 20. – С. 102.

⁴ ГАСО. Ф. 1568. Д. 30. Л. 41, 84. Подсчёты автора.

бургский губернский концентрационный лагерь № 1 был одним из первых опытов молодого государства в налаживании аппарата карательной системы, строительства собственно советских мест заключения. В этом смысле лагерь ещё не имел жёсткой дисциплины, достаточного количества конвоя, чтобы водить заключённых на работы. Более того, осужденные имели возможность жить при учреждениях, где они работали. Техническое состояние, условия содержания заключённых, необустроенность быта, наличие библиотек и школ, в относительно гуманное отношение к заключенным – факторы, свидетельствующие о том, что лагерная система только зарождалась. Но условия продолжающейся гражданской войны, разруха и голод, воцарившиеся в стране, всё более ужесточали режим содержания в местах заключения. О чём свидетельствуют события лета 1921 г. в Екатеринбургском концлагере № 1.

В том же 1921 г. ЦК РКП (б) создал комиссию, которая предложила пересмотреть дела в отношении всех лиц, попавших в места заключения в годы гражданской войны. В результате были проведены массовые амнистии и пересмотр дел тех заключенных, которые не подпали под них. Декрет СНК РСФСР от 28 ноября 1921 г. обязал Народный комиссариат труда и его местные органы содействовать трудоустройству заключенных, для чего была издана специальная инструкция. Постановлением СНК от 25 июля 1922 г., и совместным постановлением НКЮ и НКВД от 12 октября 1922 г., всё управление местами заключения было сосредоточено в НКВД с образованием в его составе Главного управления местами заключения (ГУМЗ), а лагеря и бывшее Главное управление принудительных работ упразднили. Так, в Екатеринбурге появилось Губернское управление местами заключения (ГУБ-УМЗАК), существовавшее до 15 декабря 1923 г. Однако в ведении ВЧК, а затем и ОГПУ, осталось значительное количество специальных лагерей, деятельность которых регулировалась совершенно секретными инструкциями и приказами по линии Государственного политического управления (ОГПУ).¹ В 1930-е гг. из подобных лагерей вырос «архипелаг ГУЛАГ».

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 8. Л. 15, 44; Д. 10. Л. 64; Д. 53. Л. 21; Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 2. Л. 50, 195; Ф. 1568. Д. 30. Л. 41, 84.
 2. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 259. Л. 20 об.; Ф. 1494. Оп. 1. Д. 82. Л. 2-9.
- Общая и специальная литература:
3. *Дмитриев Н.И.* Побег из застенка // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. – Екатеринбург. – 2011. – № 19. – С. 98-121; 2012. – № 20. – С. 81-103.
 4. *Мельгунов С.П.* Красный террор в России 1918-1923. – М.: СП «РУСКО», «Р.С.», 1990. – 207 с.
 5. *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государствен-

¹ *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в советской России. С. 64, 66, 67, 76.

- ной безопасности (1918-1953). – М.: Кучково поле, 2011. – 752 с.
6. *Пащина М.В.* Екатеринбургский губернский концентрационный лагерь № 1 // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы V региональной научной конференции, декабрь 2002 г. – Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 2003. – С. 362-364.
 7. *Пащина М.В.* Использование труда заключенных в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918-1921 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, [г. Екатеринбург], 27-28 апреля 2007 г.: [в 2-х тт.] / [редкол.: В.В. Запарий (гл. ред.) и др.]. – Екатеринбург: АМБ, 2007. – Т. 2. – С. 191-192.
 8. *Рогова Е.М., Дмитриев Н.И.* Санитарное состояние и медицинское обеспечение пенитенциарных учреждений Среднего Урала (1918 - 1923 гг.) // Научные труды XVI Уральской Международной конференции молодых ученых по приоритетным направлениям развития науки и техники: сборник статей в 3 частях. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – Ч. I. – С. 402-405.
 9. *Рогова Е.М.* Бывшие участники Белого движения в концентрационных лагерях Среднего Урала 1919-1923 гг. // Научные труды XVI Уральской Международной конференции молодых ученых по приоритетным направлениям развития науки и техники: сборник статей в 3 частях. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – Ч. I. – С. 364-366.
 10. *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в советской России. – Екатеринбург: Изд-во УРГЮА, 1997. – 364, [1].

Konstantinov S.I.

Ekaterinburg concentration camp 1: history, contingents, social composition subjected to repression

In article on base archive data and scientific publication is illuminated history of the creation and operation first on Ural Ekaterinburg concentration camp 1, created by decision of the presidium Gubcheka in May 1920. Data on the location of the camp, living conditions for prisoners, their numbers, the fate of individual personalities are given.

Keywords: Ekaterinburg concentration camp; creation; operation; living conditions; fate of prisoners; the first «isle of» archipelago GULAG.

Максимова О.Д.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗДАНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК КПСС И СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР 1957 ГОДА «О РАЗВИТИИ
ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР» И
СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА
ЖИЛИЩЕ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН**

В статье рассматривается политическая ситуация перед проведением масштабной жилищной реформы, которая началась во второй половине 1950-х гг. в СССР. В ходе политической борьбы серьезные изменения произошли в руководстве коммунистической партии, партия с трудом преодолела кризис, однако курс, который был намечен в начале 1950-х годов, по решению жилищного вопроса, был продолжен, что привело к изданию в 1957 году совместного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР».

Ключевые слова: государственное жилищное строительство; жилищный фонд; жилищная реформа; XX съезд партии; многоквартирные жилые дома; правовой механизм государственного жилищного строительства.

Жилищная проблема была одной из самых сложных проблем российского общества к началу XX века. «На момент революции в стране был острый жилищный кризис, который требовал принятия незамедлительных чрезвычайных мер, направленных на обеспечение жилой площадью семей рабочих, красноармейцев и крестьян, переселившихся в города».¹ В первые десятилетия Советской власти вводилось явно недостаточное количество жилых домов. Большинство городских жителей проживало в коммунальных квартирах. Согласно официальной статистике с 1918 года по 1928 год государством и местными Советами было введено лишь 17,9 млн. кв.м жилой площади.² Следует также признать, что и меры, которые предпринимались в 1930-е годы, являлись недостаточными для решения жилищного вопроса. В годы Великой Отечественной войны имевшийся жилищный фонд подвергся серьезному разрушению на территориях, которые попали во фронттовую зону. «От-

Максимова Ольга Дмитриевна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, Московский гуманитарный университет (Россия, Москва, ул. Юности, д. 5). *E-mail:* omaksimova@mosgu.ru

¹ Максимова О.Д., Красавцева Н.Г. Жилищный кризис и попытки его преодоления в первых декретах Советской власти (1917-1918 гг.) // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 2. – С. 65.

² Краткий статистический сборник // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2310. 251 с. // URL: http://istmat.info/files/uploads/36699/narodnoe_hozyaystvo_ssr_za_1913-1955_gg.pdf (дата обращения: 15.04.2021).

дельная квартира после войны была для многих граждан настолько недостижимой мечтой, что переполненная коммуналка была не самым худшим вариантом, так как многие москвичи жили в деревянных бараках без всяких удобств, которые топили дровами или углём. Условия жизни в таких бараках иначе как унижительными назвать было нельзя. В те послевоенные годы для обеспечения всех нуждающихся благоустроенным жильем требовалась революция в жилищном строительстве».¹

31 июля 1957 года опубликовали знаменательное постановление ЦК КПСС и Совета Министров «О развитии жилищного строительства в СССР», с которым связывают начало масштабного государственного возведения многоквартирных жилых домов, получивших известность как «хрущевки». Эту грандиозную программу, которую реализовывали в СССР, начиная со второй половины 1950-х годов, можно оценить, как одно из важнейших мероприятий социалистической плановой экономики. Несмотря на то, что жилые многоквартирные дома строились по типовым проектам и являлись максимально экономичными по стоимости затрат, несомненно, благодаря этой реформе произошло качественное улучшение жизни советских граждан. Представляется, что достижение в короткие сроки довольно значительного увеличения жилищной площади в Советском Союзе стало возможным в результате организационных усилий государственных органов и КПСС, но не малую роль сыграло и активное использование правовых средств, с помощью которых был создан действенный механизм правового регулирования процессов государственного жилищного строительства. В июле 1953 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором участники осудили деятельность Л.П. Берия. Назывались проблемы социально-экономического развития советского общества, одной из самых сложных проблем считалась проблема с обеспеченностью жильем. Например, Л.М. Каганович в выступлении на этом пленуме заявил, что «нет более острого вопроса, чем жилье. Конечно, продовольственный также острый: мяса мало, колбасы не хватает, но жилье, жилье – это важнее».² В августе 1953 г. Центральное статистическое управление направило Первому заместителю Председателя Совета Министров СССР Л.М. Кагановичу справку «О городском обобщественном жилищном фонде СССР», согласно которой в 1940 г. жилой площади в стране насчитывалось 167,2 млн. кв.м, а в 1952 г. – 221,9 млн. кв.м. Средний размер жилой площади на одного постоянно проживающего в городах и рабочих поселках на 1 января 1953 г. в обобщественном жилищном фонде составлял 5,6 квадратных метров.³ Этот

¹ Горлов В.Н. Н.С. Хрущев и переход к массовому жилищному строительству в Советском Союзе // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2017. – № 1. – С. 71.

² Стенограмма Пленума ЦК КПСС. 2-7 июля 1953 г. // Исторические материалы. – URL: <https://istmat.info/node/26502> (дата обращения 15.04.2021).

³ Справка ЦСУ СССР Л.М. Кагановичу о состоянии городского жилищного фонда в 1940-1952 гг. от 18 августа 1953 года // Исторические материалы // URL: <https://istmat.info/node/>

документ можно трактовать как подготовку к планированию и проведению мероприятий для будущей жилищной реформы. В 1955 г. было издано постановление Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве».

Считается, что государство в лице партии всерьёз обратило внимание на острую проблему нехватки жилищного фонда на XX съезде КПСС. Как известно, этот съезд партии имел историческое значение, так как на нем Н.С. Хрущёв озвучил секретный доклад «О культе личности и его последствиях». Этот политический шаг Первого секретаря ЦК КПСС существенно изменил отношение к советской системе как внутри страны, так и за рубежом. Двадцатый съезд поставил задачу поднять материальное благосостояние и культурный уровень советского народа, и в том числе Первый секретарь ЦК КПСС сказал, что «нам нужно серьезно улучшить жилищное строительство, поставить его на индустриальные рельсы».¹ Исследователи отмечают, что после съезда изменились методы управления в стране. «Если судить по докладу Н.А. Булганина, Шестой пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1956-1960 гг. разрабатывался на основе экономических методов управления. Более того, в отличие от всех сталинских пятилеток он и выполнялся на основании именно этих методов. Как итог, самые высокие в советской истории темпы экономического роста. В докладе приведена убедительная аргументация в пользу экономических методов».²

Надо отметить, что политическая обстановка в стране в середине 1950-х годов была нестабильной. В 1957 г. в СССР произошел серьёзный кризис власти, который разрешился на Пленуме ЦК КПСС, вошедшем в историю как Июньский 1957 года Пленум партии. Н.С. Хрущёв и группа поддержавших его участников пленума разоблачили так называемую «антипартийную группу Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова». В постановлении Пленума «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.» говорилось, что «они не могут понять, что в современных условиях живой марксизм-ленинизм в действии, борьба за коммунизм проявляются в претворении в жизнь решений XX съезда партии, в улучшении руководства промышленностью, в борьбе за всесторонний подъем сельского хозяйства, за изобилие продуктов, за широкое жилищное строительство, за расширение прав союзных республик, за расцвет национальных культур, за всемерное развитие инициативы народных масс».³

18429 (дата обращения: 15.04.2021).

¹ XX съезд КПСС. Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1956. – С. 79.

² *Стрелец М.В.* Двадцатый съезд КПСС: ключевые аспекты современного осмысления // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2016. – № 2. – С. 71.

³ Россия. XX век. Документы / под общей редакцией академика А.Н. Яковлева. – М.: МДФ, 1998. – 848 с. // URL: <http://www.booksshare.net/index.php?id1=4&category=archeology&author=yakovlev-an&book=19981> (дата обращения: 15.04.2021).

Здесь, можно усмотреть некоторое противоречие между приведённой формулировкой постановления июньского пленума 1957 г. и основными тезисами выступления Кагановича на пленуме партии в июле 1953 г. Так, Каганович как раз подчёркивал необходимость скорейшего решения жилищной проблемы, а не противился «широкому жилищному строительству».

С точки зрения политических предпосылок интерес представляет обоснование проведения жилищной реформы, которое даётся в Постановлении «О развитии жилищного строительства в СССР» 1957 года.¹ Это довольно любопытный документ. Например, в его преамбуле закреплено: «Для Коммунистической партии и Советского правительства нет цели более высокой, чем забота о благе и счастье народа, об улучшении условий его жизни». В данном акте содержатся не только нормы, регулирующие сферу жилищного строительства, но и указываются причины жилищных проблем. В качестве причин назывались, например, а) медленное внедрение прогрессивных сборных конструкций заводского изготовления; б) недостаточное применение крупноблочных и крупнопанельных конструкций стен; в) низкое качество строительных работ: недоброкачественная кладка стен, изготовление столярных изделий и устройство полов из сырых лесоматериалов, г) небрежное выполнение внутренних санитарно-технических устройств и особенно низкое качество отделочных работ и др. Изменением, которое произошло в ходе жилищной реформы, начиная с середины 1950-х годов, стал курс на строительство отдельных квартир для отдельных семей, что заложило основы для развития права на жилище, которое в дальнейшем будет развиваться в советском жилищном праве. Эту отличительную черту отметил исследователь М.Г. Меерович.² Таким образом, «жилищная реформа была направлена на удовлетворение не личных, а семейных потребностей в жилье и исходила из принципа посемейного заселения квартир. При этом следует отметить, что право граждан на жилище было нормативно урегулировано значительно позднее, лишь в Конституции СССР 1977 года».³

Для улучшения материального положения советских граждан реформа имела огромное значение. Так, отмечается, что «после XX съезда КПСС началась «жилищная кампания», приведшая к бумустроек по всей стране. В большом количестве по всему СССР начали строить типовые дома и возводить жилищные комплексы, которые изменяли ландшафт города, его архи-

¹ О развитии жилищного строительства в СССР. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров от 31 июля 1957 года N 931 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/765714291> (дата обращения: 15.04.2021).

² Меерович М.Г. От коммунального – к индивидуальному: неизученные страницы жилищной реформы Н.С. Хрущева // Вестник Томского государственного архитектурного строительного университета. – 2016. – № 2. – С. 28-33.

³ Абрисимов В.В., Пашенцев Д.А. Жилищная реформа и развитие жилищного законодательства в СССР в 1955-1964 года // Образование и право. – 2020. – № 2. – С. 321-324.

тектурный облик и восприятие собственными жителями».¹ Последствия проведенной реформы требуют специального изучения, так как данный опыт свидетельствует, что правовой механизм, который сформировался для развития жилищного строительства, способствовал повышению эффективности обеспечения населения жильём. Надо заметить, что для развития законодательства о государственном жилищном строительстве потребовались изменения в политике государства и некоторая корректировка советской идеологии. Представляется, что изучение истории правового регулирования государственного жилищного строительства в СССР показывает, что при помощи права можно успешно достигать целей социальной справедливости. Несомненно, что право является важным инструментом социальной политики государства.

Источники и использованная литература:

1. *Абросимов В.В., Пащенко Д.А.* Жилищная реформа и развитие жилищного законодательства в СССР в 1955-1964 года // Образование и право. – 2020. – № 2. – С. 321-324.
2. *Беккер С.А.* Значение и влияние «жилищной кампании» во второй половине 1950-х – нач. 1960-х гг. на повседневную культуру советских людей // Radnews. Знания. Мысли. Новости. 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.radnews.ru/2018/09/05/> (дата обращения: 15.04.2021).
3. *Горлов В.Н.* Н.С. Хрущев и переход к массовому жилищному строительству в Советском Союзе // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2017. – № 1. – С. 71-81.
4. Краткий статистический сборник. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2310. 251 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://istmat.info/files/uploads/36699/narodnoe_hozyaystvo_sssr_za_1913-1955_gg.pdf (дата обращения: 15.04.2021).
5. *Максимова О.Д., Красавцева Н.Г.* Жилищный кризис и попытки его преодоления в первых декретах Советской власти (1917-1918 гг.) // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 2. – С. 65-67.
6. *Меерович М.Г.* От коммунального – к индивидуальному: неизученные страницы жилищной реформы Н.С. Хрущева // Вестник Томского государственного архитектурного строительного университета. – 2016. – № 2. – С. 28-33.
7. Справка ЦСУ СССР Л.М. Кагановичу о состоянии городского жилищного фонда в 1940-1952 гг. от 18 августа 1953 года // Исторические материалы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istmat.info/node/18429> (дата обращения: 15.04.2021).
8. Стенограмма Пленума ЦК КПСС. 2-7 июля 1953 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istmat.info/node/26502> (дата обращения: 15.04.2021).
9. *Стрелец М.В.* Двадцатый съезд КПСС: ключевые аспекты современного осмыс-

¹ *Беккер С.А.* Значение и влияние «жилищной кампании» во второй половине 1950-х – нач. 1960-х гг. на повседневную культуру советских людей // Radnews. Знания. Мысли. Новости. – 2018 // URL: <http://www.radnews.ru/2018/09/05/> (дата обращения: 15.04.2021).

ления // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2016. – № 2. – С. 71-78.

10. Россия. XX век. Документы под общей редакцией академика А. Н. Яковлева. М.: МДФ, 1998. – 848 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksshare.net/index.php?id1=4&category=archeology&author=yakovlev-an&book=19981> (дата обращения: 15.04.2021).
11. XX съезд КПСС. Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1956. – 640 с.

Maximova O.D.

Political prerequisites for the publication of the resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of 1957 «On the development of housing construction in the USSR» and creating conditions for the realization of the right to housing of Soviet citizens

The article examines the political situation before the large-scale housing reform, which began in the second half of the 1950s in the USSR. During the political struggle, serious changes occurred in the leadership of the Communist Party. The party barely overcame the crisis, but the course that was outlined in the early 1950s, to solve the housing issue, was continued. In 1957, the Central Committee of the Party and the Council of Ministers of the Soviet Union issued a resolution «On the development of housing construction in the USSR».

Keywords: state housing construction; housing stock; housing reform; 20th Party Congress; apartment buildings; legal mechanism of state housing construction.

Камынин В.Д., Лямзин А.В.

КОНЦЕПТ «ПАРАДИПЛОМАТИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ УРАЛЬСКИХ УЧЁНЫХ¹

В статье анализируются работы уральских исследователей, в которых освещаются основные направления международной деятельности (парадипломатии) Свердловской области после распада СССР. Доказывается, что разработка проблемы ведется в междисциплинарном ключе. Основное внимание уделяется разработке теоретических вопросов парадипломатии, хорошо изучены внешне-экономические связи региона, лишь первые шаги сделаны в области изучения культурных, научных, спортивных и других направлений международной деятельности Свердловской области.

Ключевые слова: парадипломатия; Свердловская область; историография проблемы; научный курс.

Начиная с 70-х годов XX века в зарубежной политической науке для обозначения международной деятельности субнациональных органов власти стал использоваться термин парадипломатия. В конце XX – начале XXI века, когда после распада СССР большинство российских регионов стало развивать внешние связи, теоретические вопросы и практика парадипломатии стали разрабатываться уральскими учеными. Интерес к данному вопросу возник одновременно с научным интересом к проблемам федерализма. В настоящее время имеется большое количество работ, написанных как на общероссийском, так и на региональном материале. Следует отметить, что большинство региональных исследований выполняется, прежде всего, на материалах приграничного сотрудничества субъектов РФ, находящихся у границы России и других государств.

Особую активность в изучении международной деятельности регионов РФ проявляют уральские ученые. Разработка этой проблемы ведется в междисциплинарном ключе. В ней участвуют политологи, историки, экономисты и юристы. Причины этой активности, по нашему мнению, заключается в том, что, во-первых, Уральский регион в первой половине 1990-х гг. пе-

Камынин Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. Первого президента РФ Б.Н. Ельцина, (Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51). *E-mail:* kamyninv@yandex.ru

Лямзин Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. Первого президента РФ Б.Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51). *E-mail:* andrey.lyamzin@urfu.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-414-660001 р_а.

режил феномен «Уральской республики», вызвавшей неоднозначную реакцию в стране. В литературе по-разному оценивается попытка руководителей Свердловской области создать на территории Уральского региона Уральскую республику. Оценки разнятся от проявления извечного «уральского сепаратизма» до попытки выровнять уровень полномочий всех субъектов РФ, в том числе предоставить областям и краям право заниматься международной деятельностью наравне с национальными республиками. Вторая причина заключается в том, что ряд особенностей Уральского региона позволяют ему активно заниматься международной деятельностью, несмотря на его «срединное» положение в РФ.

Проблематика, разрабатываемая уральскими учёными, чрезвычайно разнообразна. Юристы изучают правовые аспекты международной деятельности в федеративном государстве. Ю.С. Безбородов отмечает, что хотя по Конституции за субъектами Российской Федерации признается возможность осуществления международной деятельности, но формы этой деятельности не конкретизированы, а соответствующая регламентация отнесена к компетенции самих субъектов в пределах их самостоятельных полномочий. По его мнению, опыт некоторых российских регионов, в том числе Свердловской области, показывает, что любой субъект Российской Федерации имеет возможность более широко привлекать иностранные инвестиции, активно используя свое право на осуществление международной и внешнеэкономической деятельности.¹ Е.Б. Михайленко, Т.В. Вербицкая, В.Г. Благодатских, А.А. Бакон, А.А. Керимов изучают теоретические аспекты парадипломатии, включая различные подходы к трактовке понятия «парадипломатия», определению его универсальных характеристик, анализируют научные концепции по исследованию проблем участия регионов в международных отношениях. Е.Б. Михайленко и Т.В. Вербицкая пишут: «Парадипломатия представляет собой публично-властную деятельность субгосударственных акторов по осуществлению ими международных и внешнеэкономических связей в пределах, установленных государством».² Авторы к субгосударственным акторам, имеющим право заниматься международной и внешнеэкономической деятельностью причисляют такие субъекты Российской Федерации как регионы, муниципальные образования и города.

Особенностью уральской литературы по проблеме парадипломатии следует считать то, что в ней большое внимание уделяется изучению поли-

¹ *Безбородов Ю.С.* Реализация субъектами Российской Федерации права осуществлять международные и внешнеэкономические связи // Вестник федерального бюджетного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции Российской Федерации». – 2010. – № 1. – С. 27.

² *Михайленко Е.Б., Вербицкая Т.В.* Становление и развитие парадипломатической деятельности Свердловской области (с 1991 г. по настоящее время) // Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – № 1. – С. 142.

тической регионалистики. А.Г. Наронская указывает, что глобализация мировой экономической системы «ослабляет национальный суверенитет государств, и, следовательно, становится угрозой самой федеративной системе. В результате регионы современных федеративных государств становятся субъектами мирового политического процесса, наряду с транснациональными корпорациями, неправительственными организациями и т.д.».¹ По мнению В.Г. Благодатских и А.А. Керимова, давать определение универсальных характеристик парадипломатии следует, исходя из интерпретации дефиниции «регион». Проанализировав различные подходы, которые существуют в современной научной литературе в определении сущности понятия «регион», авторы пришли к выводу, что «регион» можно «рассматривать в качестве непосредственного субнационального актора и определять как территориально-политическое образование, функционирующее на субнациональном уровне. При этом необходимо отметить, что признание региона как субнационального актора внутривнутриполитических и внешнеполитических отношений, не означает отрицания его культурно-исторической самобытности и экономической самостоятельности».²

В политологической литературе выделяются три группы факторов, влияющих на характер международной деятельности регионов: особенности географического положения региона, уровень социально-экономического развития региона, специфика политического режима. По мнению А.А. Бакова и А.А. Керимова эти факторы можно разделить на внутренние и внешние. Внутренние факторы обусловлены внутривнутриполитическими, внутривнутриэкономическими, внутривнутрисоциальными особенностями развития государства, а внешние определяются особенностями внешней политики государства, вовлеченностью в процессы глобализации. Среди внутренних факторов, обуславливающих международную деятельность регионов, А.А. Баков и А.А. Керимов главными считают особенности территориально-государственного устройства страны. Они пишут, что в условиях широкого развития горизонтальных связей происходит децентрализация политической системы с передачей субнациональным акторам политических полномочий.³

Большое внимание в литературе обращается внимание на такой фактор активизации международной деятельности регионов, как идентичность регионов. В политологии и социологии феномену идентичности уделяется

¹ Наронская А.Г. Роль региональной элиты в развитии международной деятельности субъекта Федерации (опыт Свердловской области) // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. – Т. 11. – № 3. – С. 384.

² Благодатских В.Г., Керимов А.А. Концепт парадипломатии в политологическом дискурсе: сущность и основные направления исследований // *Социально-политические науки*. – 2017. – № 6. – С. 32.

³ Баков А.А., Керимов А.А. Регионы как эффективный участник международных отношений: условия формирования новой международной деятельности // *социально-политические науки*. – 2018. – № 4. – С. 42.

большое внимание, в частности, подчеркивается влияние местных политических элит на формирование региональной идентичности. По утверждению В.С. Мартьянова, стратегический компонент региональной идентичности предполагает использование региональных особенностей региональными элитами в практических целях, включающих в том числе позиционирование территории во внешнее пространство.¹ Исследователи отмечают, что рост региональной идентичности, который способствовал автономизму и обособлению территорий в России, стал наблюдаться после 1990 г. В условиях крушения СССР была утрачена общая политико-территориальная идентичность и актуализировались региональные и этнические идентичности. После призыва Б.Н. Ельцина к руководителям регионов 14 августа 1990 г. в Уфе: «Берите суверенитета, сколько хотите»², лозунг суверенитета стал под воздействием элит активно внедряться в массы.

Политологи указывают, что причины стремления региональных элит к суверенности, конечно, глубже. Проблема роста идентичности в регионах разрабатываются главным образом на материале национальных регионов РФ. Лишь некоторые исследователи обосновывают особое место Уральского региона на постсоветском пространстве. Р.Ф. Туровский пишет, что процесс возрождения регионального самосознания был стимулирован особенностями политического развития перестроечной и постсоветской России. Автор относит Уральский регион к местностям, в которых региональный патриотизм приводит к развитию сепаратистских настроений. По его наблюдениям, «русский сепаратизм» оказался достаточно характерным для украинских регионов России, причём лидером стал Дальний Восток (около 20% опрошенных одобряли отделение от России, опрос проводился в Приморском и Хабаровском краях). За Дальним Востоком с небольшим отставанием следовали Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Калининградская область (свыше 15% сторонников отделения). Сепаратистские настроения относительно развиты на Урале (около 12-13%).³ Автор привёл данные, что опрос в Свердловской области показал, что региональная идентичность наиболее характерна для жителей сельской местности и поселков городского типа (40,5% и 40,4% соответственно).⁴ Р.Ф. Туровский определил Свердловскую область как регион, в котором элита раньше других стала проявлять свои «имперские амбиции», в частности, патронаж над слабыми соседями (Челябинск и Курган). Интересы этих региональных лобби на федеральном уровне транслировались через

¹ Мартьянов В.С. Риторика идентичности в условиях Модерна: кому выгодно? // Социум и власть. – 2011. – № 4. – С. 62.

² Выступление Б.Ельцина на встрече с общественностью Уфы // Советская Башкирия. – 1990. – 14 авг.

³ Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей?: [Сб. ст.] / Моск. центр Карнеги; Под ред. М. Макфола и А. Рябова. – М.: Гендальф, 1999. – С. 90.

⁴ Там же. С. 92.

межрегиональные ассоциации. Создание ассоциаций началось в 1990-1991 гг., ещё во времена СССР. Крупнейшая ассоциация «Сибирское соглашение» появилась в декабре 1990 г., в январе 1991 г. возникла Уральская ассоциация.¹

Проблему идентичности Уральского региона и Свердловской области, политическая элита которой и была инициатором создания Уральской республики, рассматривают А.Г. Наронская, К.В. Киселёв, М.А. Фадеичева, А.Ю. Щербаков и др. исследователи. Авторы основным актором, влияющим на продвижение Урала в качестве позитивного маркера региональной идентичности, вслед за российскими учеными считают региональные элиты, но не отрицают роль гражданского общества. Озабоченность уральских исследователей вызывают выстраивание взаимоотношений Центра и регионов в постсоветской России. М.А. Фадеичева указывает на однобокий характер этих взаимоотношений. Она пишет: «Колонизация Урала с начала 90-х гг. XX века возобновилась и приобрела черты неокOLONIALИЗМА. Отношение Москвы и Урала может быть отнесено к модели “внутреннего колониализма”, что находит выражение в экономическом, этнокультурном и политическом отношении. Регион-донор, за счёт которого политически “самоопределяются” и поддерживают существование дотационные регионы, чем больше работает, тем хуже живет. Стремление к политической самостоятельности, желание влиять на порядок распределения ресурсов в свою пользу расценивается как сепаратизм».²

По мнению К.В. Киселева и А.Ю. Щербакова, «анализ феномена Уральской республики позволяет сделать вывод, что события, произошедшие в Свердловской области в 1993 г. и связанные с появлением Уральской республики, послужили основой для продвижения уральской региональной идентичности, “уральскости”. Начавшая создаваться в этот период региональная система ценностей, получившая высокий уровень лояльности со стороны населения, позволила на протяжении длительного периода успешно продвигать регион, усиливаться региональным элитам, конкурировать с трендами федеральной унификации».³ Этого мнения придерживается большинство современных уральских ученых.

А.Г. Наронская указывает на роль региональной идентичности Урала в активизации международной деятельности его регионов. Она пишет: «децентрализация 1990-х годов и формирование региональной идентичности элитных групп определили активное участие региональной элиты в развитии международной деятельности Свердловской области. Международная экономическая, политическая активность региона соответствовала политике суве-

¹ Там же. С. 104.

² Фадеичева М.А. Колония и терпение: внутренний неокOLONIALИЗМ и этнополитика на Урале // Дискурс Пи. – 2003. – № 3. – С. 46.

³ Киселев К.В., Щербаков А.Ю. Урал – к вопросу об идентификационной динамике бренда // Вестник Пермского университета. Политология. – 2013. – № 1. – С. 148.

ренизации властных групп. Региональная элита поддерживала формирование парадипломатии как политического института, альтернативного государству». ¹ При этом А.Ю. Щербаков подчёркивает, что в Челябинской области «региональная идентичность, как инструмент эффективной межрегиональной конкуренции за внешние ресурсы, а также повышения уровня собственной легитимности принимающими решения акторами не рассматривалась». ² Р.С. Мухаметов и В.С. Мартьянов ³ обращают внимание на то, что высокий уровень международной активности характерен так же для муниципальных образований и отдельных городов Урала. Показано, что демографические, географические, экономические, политико-правовые и культурно-исторические особенности напрямую влияют на развитие межмуниципального сотрудничества. Р.С. Мухаметов полагает, что определённой притягательной силой обладает политический фактор. ⁴

В работах уральских исследователей большое внимание уделяется изучению практики парадипломатии Свердловской области. Наибольшее количество работ посвящено анализу внешнеэкономических отношений региона (Е.Л. Андреева, В.А. Кокшаров, А.А. Мальцев, А.Ф. Линецкий, А.В. Ратнер, М.С. Серебренникова, А.О. Соболев, А.Г. Тарасов, А.И. Татаркин, И.М. Темкина и др.). Высокий уровень исследований по данной проблеме определяется тем, что в её разработке приняли активное участие В.А. Кокшаров, который в 2000-гг. на протяжении почти 10 лет работал в Министерстве международных и внешнеэкономических связей Свердловской области, в том числе в должности министра, а также академик РАН А.И. Татаркин – директор Института экономики Уральского отделения РАН.

Все более активно начинают изучаться международные связи Свердловской области. В работе А.Г. Тарасова и В.А. Кокшарова исследовано развитие сотрудничества Свердловской области с Европейским Союзом. ⁵ Н.П. Попова проанализировала отношения Свердловской области с Германией. ⁶ М.А. Котляров, Л.А. Раппопорт, В.Т. Воронина, Е.А. Корогодина про-

¹ Наронская А.Г. Роль региональной элиты в развитии международной деятельности субъекта Федерации (опыт Свердловской области). С. 384.

² Щербаков А.Ю. Становление региональной идентичности Челябинской области: проблема периодизации // Социум и власть. – 2014. – № 4. – С. 69.

³ Мухаметов Р.С. Факторы международной активности российских городов // Вестник МГИМО-Университета 2020. – Т. 13. – № 6. – С. 153-174; Мартьянов В.С. Дискурс будущего уральских мегаполисов: к стратегии глобального города // Дискурс-Пи. – 2013. – № 1-2. – С. 15-22.

⁴ Мухаметов Р.С. Указ. соч. С. 170.

⁵ Тарасов А.Г., Кокшаров В.А. Развитие сотрудничества России с Европейским Союзом на федеральном и региональном уровне: на примере Свердловской области. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 144 с.

⁶ Попова Н.П. Российско-германское экономическое сотрудничество в 2013 г. (на примере Свердловской области) // URL:<https://be5.biz/ekonomikal/r2014/1452.htm> (дата обращения:

анализировали особенности проведения крупномасштабного международного спортивного мероприятия в Свердловской области в аспекте проведения в России Чемпионата мира по футболу в 2018 г.¹ Е.Б. Михайленко, Т.В. Вербицкая, А.Г. Наронская рассматривают эволюцию акторности Свердловской области по осуществлению международных и внешнеэкономических связей через призму теорий парадипломатии. А.Г. Наронская указывает, что Свердловская область, наряду с Москвой, Санкт-Петербургом, Республиками Татарстан и Башкортостан, Хабаровским краем, является регионом, активно действующим в сфере международного сотрудничества. По ее мнению, этому способствовали, во-первых, выгодное географическое положение региона, во-вторых, тот факт, что Свердловская область является наиболее развитым металлургическим регионом России, в-третьих, заинтересованность властной элиты региона в развитии института парадипломатии.²

Е.Б. Михайленко и Т.В. Вербицкая считают, что парадипломатия Свердловской области развивалась и продолжает работать преимущественно на уровне экономических и культурных связей. Политический аспект парадипломатии в меньшей степени характерен для Свердловского региона.³ Авторы указывают, что развитие международных связей Свердловской области прошло несколько этапов. В период 1991-1999 годов активно происходил процесс формирования региональной политической элиты в регионе, поиск новых вариантов развития региона и формировались региональные квазидипломатические структуры, которые способствовали участию Свердловской области в международных отношениях. Исследователи особую роль в развитии международных связей Свердловской области отводят Министерству международных и внешнеэкономических связей Свердловской области. Это ведомство проделало значительную эволюцию своего создания. Ещё в советский период в 1991 г. было образовано Управление по международным и внешнеэкономическим связям, преобразованное затем в 1994 г. в Департамент международных и внешнеэкономических связей, который, в свою очередь, в 1998 г. был реорганизован в Министерство международных и внеш-

23.04.2021).

¹ *Котляров М.А., Паннопорт Л.А.* Социально-экономическая активность проведения крупномасштабного международного спортивного мероприятия для развития региона (на примере Свердловской области) // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15. – № 2 (437). – С. 222-236; *Ворогина В.Т., Корогодина Е.А.* Строительство стадиона «Екатеринбург-арена» как дополнительный фактор повышения социально-экономического развития региона // Иннов: электронный научный журнал. – 2018. – № 3 (36) // URL: <http://www.innov.ru/science/economy/stroitelstvo-stadiona-ekaterinburg> (дата обращения: 22.04.2021).

² *Наронская А.Г.* Роль региональной элиты в развитии международной деятельности субъекта Федерации (опыт Свердловской области). С. 385.

³ *Михайленко Е.Б., Вербицкая Т.В.* Становление и развитие парадипломатической деятельности Свердловской области (с 1991 г. по настоящее время). С. 143.

неэкономических связей Свердловской области.¹ Министерство, в частности, курировало деятельность представительств федеральных министерств и ведомств, которые в большом количестве открывались в области.

В связи с тем, что в области стали открываться консульства зарубежных государств, заработало региональное представительство МИД России в Екатеринбурге, созданное по Распоряжению Правительства Российской Федерации от 19 октября 1996 г. Представительство Министерства иностранных дел Российской Федерации на территории Российской Федерации предназначено для реализации государственной политики в сфере международных отношений Российской Федерации на территории соответствующих субъектов Российской Федерации.² Е.Б. Михайленко и Т.В. Вербицкая отмечают, что развитие международного сотрудничества в этот период шло достаточно спонтанно, вне реального контроля со стороны федерального центра и при непосредственной поддержке первого Губернатора области Э.Э. Росселя.³

На втором этапе в 1999-2009 годах со стороны МИДа России был установлен контроль за осуществлением субъектами России международных и внешнеэкономических связей. Количество открываемых консульств, представительств зарубежных компаний в указанный период неизменно росло. Академик А.И. Татаркин предложил в то время для развития международных и внешнеэкономических связей использовать преимущества Свердловской области как «срединного региона». Он считал, что срединный регион в силу своего расположения рано или поздно начинает притягивать к себе многие функции, получающие преимущества благодаря их размещению посреди территории страны. Это производственные функции, получающие естественную экономию на транспортных расходах при перемещениях сырья и продукции по территории или к её границам. Это выгода для проживающего населения, также получающего в середине страны преимущества при перемещениях по её территории. Это концентрация функций обслуживания, в первую очередь, конечно, транспортно-логистического. Наконец, это функции управления, которое при размещении в середине управляемых территорий или в середине ареала размещения управляемых хозяйственных объектов становится более действенным из-за, во-первых, ускорения прохождения решений, во-вторых, экономии хозяйствующих субъектов на транзакционных издержках. А.И. Татаркин выражал надежду, что, в конечном счете, пре-

¹ Историческая справка [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства междунар. и внешнеэкон. связей Свердл. обл. – Режим доступа: // URL: <https://mvs.midural.ru/istoricheskaya-spravka> (дата обращения: 20.04.2021).

² История Представительства [Электронный ресурс] // Официальный сайт представительства МИД России в Екатеринбурге // URL: https://ekaterinburg.mid.ru/ru/o_predstavitelstve/istoriya_predstavitelstva/ (дата обращения: 20.04.2021).

³ Михайленко Е.Б., Вербицкая Т.В. Роль институтов парадипломатии в регионализации Свердловской области // Дискурс-Пи. – 2018. – № 1. – С. 60.

имущества срединного региона по фактору управления могут привести к постепенному переходу в этот регион высших функций управления, т.е. функций столичности, хотя для этого нужна еще и политическая воля.¹

Исследователи обращают внимание на то, что в рамках парадипломатии в то время возник феномен «гетерархии», то есть системы, образованной пересекающимися, разнообразными и одновременно сосуществующими структурами управления. Дело в том, что в 2000 г., в связи с созданием в РФ округов, появилась должность представитель Президента Российской Федерации в федеральном округе.² В связи с этим увеличилось количество дублирующих полномочий в сфере координации и осуществления международных и внешнеэкономических связей Свердловской области. В.С. Мартьянов отмечает, что в 2000-е гг. эволюция государственных институтов и их легитимирующих оснований в России двигалась в направлении все большей унификации политического пространства. Однако чем дальше, тем больше централизация и построение функциональных вертикалей власти выполняли функцию алиби для свертывания конкурентной и непредсказуемой публичной политики.³ Наблюдения исследователей показывают, что на третьем этапе парадипломатии Свердловской области, начало которого связывается с уходом в 2009 г. Э.Э. Росселя с поста Губернатора Свердловской области, на развитие международных и внешнеэкономических связей Свердловской области стал оказывать большое влияние внешнеэкономический и международный «феодализм». Этот феномен проявлялся в том, что каждый субъект УрФО планирует и реализует свою международную деятельность вне общего плана или программы развития федерального округа.⁴

А.Г. Наронская отмечает, что централизация 2000-х гг. имела противоречивые последствия для развития международной деятельности элиты Свердловской области. С одной стороны, были сняты противоречия центра и Свердловской области, приведены в соответствие с федеральными региональные нормативные документы, регулирующие международную деятельность, а также сформирована единая внешняя политика государства. С другой стороны, радикально ограничены возможности международной деятельности региональной элиты. В то же время у региональной элиты Свердлов-

¹ *Татаркин А.И.* Социально-экономический статус срединного региона России // *Пространственная экономика*. – 2005. – № 4. – С. 29-30.

² О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: положение о полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе, утвержденного Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. N 849 // *СЗ РФ*. – 2000. – № 20. – Ст. 2112.

³ *Мартьянов В.С.* Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. – 2009. – № 9. – С. 248.

⁴ *Михайленко Е.Б., Вербицкая Т.В.* Становление и развитие парадипломатической деятельности Свердловской области (с 1991 г. по настоящее время). С. 149.

ской области сохранились некоторые возможности участия в международной деятельности, такие как заключение соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей Свердловской области; реализация масштабных международных проектов на территории региона; участие в рабочих поездках, бизнес-мероприятиях в зарубежные страны по приглашению федеральных министров и главы государства и др. Наконец, стратегическое планирование даёт возможность властным группам определять основные направления международного сотрудничества региона. Примером последнего является «Стратегия развития международных и внешнеэкономических связей Свердловской области на период до 2035 года».¹

Е.Б. Михайленко и Т.В. Вербицкая делают вывод, что эволюция институтов в области международных связей Свердловской области демонстрирует классический пример развития парадипломатии развивающихся стран. Международное сотрудничество развивалось в первую очередь, с развитыми странами Запада, так как это содействовало экономическому, технологическому развитию региона. В связи с этим, подчеркивают исследователи, международный кризис, начавшийся в 2014 г., общий экономический спад в РФ осложнили осуществление внешнеэкономической и международной деятельности Свердловской области. Тем не менее, появляется и новая причина неэффективности в области парадипломатии. Количество самих субъектов международной деятельности увеличивается. Гетерархия и одновременная «федерализация» структур внутри Свердловской области, регионов УрФО в целом, приводит к общей несогласованности действий в этом направлении.² Тем не менее, хочется указать, что ситуация с развитием международной деятельности Свердловской области в 2000-е гг. полностью отвечает внешнеполитической стратегии РФ. Во время встречи со студентами и аспирантами Уральского федерального университета в июле 2019 года Президент России В.В. Путин подчеркнул, что субъект Федерации может развивать внешнеэкономические связи, но «международные отношения – это прерогатива государства в целом. Суверенитет государства должен быть соблюден».³

Анализ литературы, посвященной изучению основных направлений парадипломатии Свердловской области, показывает, что разработка проблемы ведется в междисциплинарном ключе. Основное внимание уделяется разработке теоретических вопросов парадипломатии, хорошо изучены внешнеэкономические связи региона, лишь первые шаги сделаны в области изуче-

¹ Наронская А.Г. Роль региональной элиты в развитии международной деятельности субъекта Федерации (опыт Свердловской области). С. 400.

² Михайленко Е.Б., Вербицкая Т.В. Становление и развитие парадипломатической деятельности Свердловской области (с 1991 г. по настоящее время). С. 149.

³ Посещение Уральского федерального университета [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2019. 9 июля // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60964> (дата обращения: 21.04.2021).

ния культурных, научных, спортивных и других направлений международной деятельности Свердловской области.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Выступление Б.Ельцина на встрече с общественностью Уфы // Советская Башкирия. – 1990. – 14 авг.
2. Историческая справка [Электронный ресурс] // Официальный сайт М-ва междунар. и внешнеэкон. связей Свердл. обл. – Режим доступа: <https://mvs.midural.ru/istoricheskaya-spravka> (дата обращения: 20.04.2021).
3. История Представительства [Электронный ресурс] // Официальный сайт представительства МИД России в Екатеринбурге – Режим доступа: https://ekaterinburg.mid.ru/ru/o_predstavitelstve/istoriya_predstavitelstva/ (дата обращения: 20.04.2021).
4. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: положение о полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе, утвержденного Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. N 849 // СЗ РФ. – 2000. – № 20. – Ст. 2112.
5. Посещение Уральского федерального университета [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Рос. Федерации. 2019. 9 июля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/60964> (дата обращения: 21.04.2021).

Общая и специальная литература:

6. *Безбородов Ю.С.* Реализация субъектами Российской Федерации права осуществлять международные и внешнеэкономические связи // Вестник федерального бюджетного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции Российской Федерации». – 2010. – № 1. – С. 27–32.
7. *Баков А.А., Керимов А.А.* Регионы как эффективный участник международных отношений: условия формирования новой практики в международной деятельности // Социально-политические науки. – 2018. – № 4. – С. 42–46.
8. *Благодатских В.Г., Керимов А.А.* Концепт парадипломатии в политологическом дискурсе: сущность и основные направления исследований // Социально-политические науки. – 2017. – № 6. – С. 31–36.
9. *Воронина В.Т., Корогодина Е.А.* Строительство стадиона «Екатеринбург-арена» как дополнительный фактор повышения социально-экономического развития региона // Иннов: электронный научный журнал, 2018. №3 (36). – Режим доступа: <http://www.innov.ru/science/economy/stroitelstvo-stadiona-ekaterinburg> (дата обращения: 22.04.2021).
10. *Киселев К.В., Щербakov А.Ю.* Урал – к вопросу об идентификационной динамике бренда // Вестник Пермского университета. Политология. – 2013. – № 1. – С. 138–150.
11. *Котляров М.А., Рannoпорт Л.А.* Социально-экономическая активность проведения крупномасштабного международного спортивного мероприятия для развития региона (на примере Свердловской области) // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15. – № 2 (437). – С. 222–236.
12. *Мартьянов В.С.* Риторика идентичности в условиях Модерна: кому выгодно? // Социум и власть. – 2011. – № 4. – С. 61–65.
13. *Мартьянов В.С.* Дискурс будущего уральских мегаполисов: к стратегии глобального города // Дискурс-Пи. – 2013. – № 1-2. – С. 15–22.
14. *Мартьянов В.С.* Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2009. – № 9. – С. 230–248.
15. *Михайленко Е.Б., Вербицкая Т.В.* Становление и развитие парадипломатической деятельности Свердловской области (с 1991 г. по настоящее время) // Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – № 1. – С. 141–157.

16. Михайленко Е.Б., Вербицкая Т.В. Роль институтов парадипломатии в регионализации Свердловской области // Дискурс-Пи. – 2018. – № 1. – С. 57-64.
17. Мухаметов Р.С. Факторы международной активности российских городов // Вестник МГИМО-Университета 2020. – Т. 13. – № 6. – С. 153-174.
18. Наронская А.Г. Роль региональной элиты в развитии международной деятельности субъекта Федерации (опыт Свердловской области) // *Arg Administrandi* (Искусство управления). 2019. – Т. 11. – № 3. – С. 384-400.
19. Попова Н.П. Российско-германское экономическое сотрудничество в 2013 г. (на примере Свердловской области) – Режим доступа: // <https://be5.biz/ekonomika1/r2014/1452.htm> (дата обращения: 23.04.2021).
20. Тарасов А.Г., Кокишаров В.А. Развитие сотрудничества России с Европейским Союзом на федеральном и региональном уровне: на примере Свердловской области. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 144 с.
21. Татаркин А.И. Социально-экономический статус срединного региона России // *Пространственная экономика*. – 2005. – № 4. – С. 21-38.
22. Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // *Российское общество: становление демократических ценностей?*: [Сб. ст.] / Моск. центр Карнеги; под ред. М. Макфола и А. Рябова. – М.: Гендальф, 1999. – С. 87-136.
23. Фадеечева М.А. Колония и терпение: внутренний неокOLONIALISM и этнополитика на Урале // *Дискурс Пи*. – 2003. – № 3. – С. 46-48.
24. Щербаков А.Ю. Становление региональной идентичности Челябинской области: проблема периодизации // *Социум и власть*. – 2014. – № 4. – С. 65-75.

Kamynin V.D., Liamzin A.V.

The concept of «paradiplomatia of the Sverdlovsk region» in the research of the Ural scientists

The article analyzes the work of the Ural researchers, in which the main directions of international activities (paradiplomatia) of the Sverdlovsk region after the collapse of the USSR are highlighted. It is proved that the development of the problem is carried out in the interdisciplinary vein. The focus is on the development of the theoretical issues of paradiplomatia, the foreign economic relations of the region are well studied, only the first steps are made in the field of studying cultural, scientific, sports and other areas of international activities of the Sverdlovsk region.

Keywords: paradiplomatia; Sverdlovsk region; historiography of the problem; scientific discourse.

Kamynin Vladimir Dmitrievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. The First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, (*Russia*, Yekaterinburg, Lenin Ave., 51).

E-mail: kamynin@yandex.ru

Liamzin Andrey Valeryevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. The First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin (*Russia*, Yekaterinburg, Lenin Ave., 51). *E-mail:* andrey.lyamzin@urfu.ru

Зипунникова Н.Н., Калинина А.В.

К ВОПРОСУ ОБ «УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ГЕОГРАФИИ» РОССИИ (СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ)

В данной работе актуализирована проблематика «университетской географии» применительно к истории юридического образования и науки в России. Дисперсное размещение образовательных учреждений является одним из условий успешного функционирования системы высшего образования и науки, особенно в странах с протяженной территорией. Имперский период представлен университетскими юридическими факультетами в силу особой значимости именно университетской модели подготовки профессиональных юридических кадров. Особое внимание обращено на реализацию идеи Сибирского университета, проанализированы нормативные основы учреждения Томского университета и его юридического факультета. Показано устройство Иркутского университета, открытого одним из белых правительств в условиях трагического гражданского противостояния, а также его юридического факультета, обозначена роль гражданского общества в ходе реализации университетской идеи в Восточной Сибири. Охарактеризованы образовательная политика советского государства и трансформация юридического образования и науки в первые годы советской власти, большая реформа подготовки юридических кадров начала 1930-х гг. и образование институтов советского права. Описана проблематика перевода Сибирского института советского права из Иркутска в Свердловск. При характеристике советского юридического образования и науки в годы Великой Отечественной войны подчеркнута особое значение эвакуации образовательных учреждений и научно-педагогических кадров, в частности, для Свердловского юридического института. Отмечена перспективность исследований географии юридического образования и науки в историческом, историко-правовом ключе.

Ключевые слова: «университетская география»; дисперсность; юридическое образование; юридическая наука; юридические факультеты; учебные округа; Сибирский университет; Иркутский государственный университет; отраслевые вузы; институты советского права; Свердловский юридический институт; эвакуация.

Актуальным на все времена остается решение многотрудной задачи эффективной организации образовательно-научного, университетского пространства, особенно «чувствительной» для стран с большой, протяженной

Зипунникова Наталья Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет (Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21).

E-mail: igp@usla.ru

Калинина Анна Владиславовна – документовед архива и музея истории, Уральский государственный юридический университет (Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21). *E-mail:* museum@usla.ru

территорией. В полной мере это относится к Российской империи и Советскому Союзу; познание особенностей эволюции отечественной «образовательно-научной карты» видится принципиальным условием плодотворной рефлексии в связи с возникающими современными вопросами и задачами. Несмотря на существование значительной литературы по истории российского образования и науки, в частности, университетов, вряд ли можно утверждать, что вынесенная для обсуждения в данной работе проблема уже осмыслена обстоятельно и рельефно. Кроме прочего, акцент будет сделан на историко-правовых её аспектах: нас интересуют в большей степени «профильные» отрасли образования и науки – профессиональная подготовка юристов и правоведение. В то же самое время исследование «юридико-образовательной карты» возможно лишь в контексте познания ключевых проблем формирования образовательно-научного пространства в целом. Важно также оговориться, что в рамках одной статьи вряд ли возможно обстоятельно рассмотреть все срезы проблемы. Поэтому мы предпримем попытку акцентировать внимание на некоторых из них.

«Дисперсность» размещения учебных заведений как основа формирования научно-образовательного пространства Российской империи. Характеризуя отдельные проекты организации в России научных учреждений и высшей школы начала XVIII в. (неизвестного автора – «О учреждении в России академии политики для пользы государственных канцелярий» и особенно Г. Лейбница по устройству университетов), А.П. Катровский делает вывод о том, что уже с этого момента «отмечалась необходимость дисперсного размещения высших учебных заведений». Централизация высшего образования в столичных городах, как справедливо утверждает исследователь, негативно сказалась бы на освоении новых территорий, социально-экономическом развитии российской провинции.¹

Весьма результативно продвигал в середине столетия идею открытия университетов в Москве и Киеве М.В. Ломоносов. На тот момент в стране функционировал университет в Санкт-Петербурге как одно из звеньев академических учреждений, получивший в историографии весьма разноречивые оценки. Чуть позднее в эмоциональных письмах своим корреспондентам он по разным поводам замечал: «Мое единственное желание состоит в том, чтобы привести в вожделенное течение Гимназию и Университет, откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы...» (апрель 1760 г.), «...неоднократно писал я к Его Сиятельству и к Вашему Высочородию от истинного усердия к расширению наук в отечестве в Москву и на Украину и представлял здесь словесно и письменно о исправлении застарелых непорядков...».² В

¹ Катровский А.П. Формирование и развитие территориальной структуры высшего образования России. – М.: Междунар. отношения, 2003. – С. 17.

² Михаил Васильевич Ломоносов. Переписка. 1737–1765 / сост., подготовка текста и прим.

разнообразных проектах XVIII в. университетскими (вузовскими) городами назывались также Астрахань, Батурин, Дерпт. Отнюдь не бесполезно вспомнить и развернутый «План учреждению в России университетов» О.П. Козодавлева (1754-1819), известного государственного и общественного деятеля, писателя. План был составлен по поручению Комиссии об учреждении народных училищ (автор служил в ней), одобрен на ее заседании в феврале 1787 г. и в марте поднесён на утверждение Екатерине II. В основу данного проекта лёг учебный план Венского университета.¹ Что особенно важно подчеркнуть, документ подготовили для новых российских университетов в Пскове, Чернигове и Пензе, предполагаемых к учреждению на основании указа императрицы 1786 г.² И хотя университеты в этих городах не были открыты, зафиксировав следующее. Идея размещения учебных заведений, в том числе, училищ «высшего типа», университетов, не только в столичных городах, но и в региональных центрах, оказалась значимой, устойчивой и жизнеспособной, о чём свидетельствует последующий опыт строительства образовательного-научного пространства Российской империи.

«*Университетская география Российской империи – география юридического образования и науки. Учебные округа*. Российский XIX-й век не без оснований называют «университетским». В рамках подготовки большой реформы начала столетия вузовскими (университетскими) центрами мыслились 9 городов. Важным узаконением для всей реформируемой сферы образования и науки 1803 г. в дополнение к функционировавшим университетам в Москве, Вильно и Дерпте было манифестировано открытие университетов в округе Санкт-Петербургском, Харькове и Казани; на будущее время «предназначенными для университетов городами» обозначались также Киев, Гобольск, Устюг Великий и «другие, по мере способов, какие найдены будут к тому удобными».³ Подчеркнем, что во всех («старых» и «новых») университетах были сконструированы юридические факультеты, которые, в силу известных причин, назывались тогда нравственно-политическими отделениями.⁴ Весьма примечательно, что уставом Виленского университета 1803 г.

Г.Г. Мартынова; под ред. Б.А. Градовой. – М.: Ломоносов, 2010. – С. 368, 383.

¹ См.: Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: Антология: учеб. пос. для вузов / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 38-52.

² «О составлении плана для заведения университетов в Пскове, Чернигове и Пензе». Именной указ, данный Комиссии об учреждении училищ от 29 января 1786 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (далее – ПСЗ-1). – Т. XXII. – № 16315.

³ «Об устройстве училищ». Именной указ, данный Сенату от 24 января 1803 г. // ПСЗ-1. – Т. XXVII. – № 20597. Данным указом были утверждены Предварительные правила народного просвещения.

⁴ См.: Емельянова И.А. «Всеобщая история права» в русском дореволюционном правоведеии (XIX в.). – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1981. – С. 11-13.

предлагалась следующая классификация кафедр для преподавания: «1) наук, служащих к общей и каждого пользе; 2) наук, полезных для граждан разного состояния и нужных в разных родах государственной службы». Исходя из нее, предполагалось функционирование в университете четырёх «отделений или факультетов», среди которых – отделение нравственных и политических наук.¹ Примечательно, что в соответствии с Уставом Дерптского университета 1803 г. соответствующее отделение именовалось юридическим.²

Утвердительные грамоты университеты в Харькове и Казани получили осенью 1804 г., Санкт-Петербургский университет был преобразован из Главного педагогического института в 1819 г.³, университет в Киеве был открыт в 1833 г. после закрытия такового учебного заведения в Вильно. В Тобольске, как и в Устюге Великом задуманных учреждений не состоялось. В 1827 г. существовавший в Финляндии (в г. Або) университет перевели в Гельсингфорс, получив название императорского Александровского; его уставом 1828 г. предусматривалось функционирование и юридического факультета.⁴ В 1817 г. был открыт, но уже в 1830 г. закрыт Варшавский университет; в 1840 г. начали функционировать Варшавские юридические курсы, в 1862 г. – Варшавская главная школа, спустя 7 лет – университет.⁵ Из Ришельевского лицея «вырос» университет в Одессе (1865 г.), получивший название Новороссийского.⁶ О Томском императорском университете – первом в Сибири – речь пойдет ниже. Университет в Саратове открылся в 1909 г., юридического факультета в его структуре не имелось.⁷

Весьма интересен кейс открытия временного отделения Петроградского университета в Перми в 1916 г. Обратим внимание на один из информативных источников – опубликованный в 1918 году отчёт об его открытии. Документ открывался следующими важнейшими для настоящего исследова-

¹ Устав или общие постановления императорского Виленского университета и училищ его округа // ПСЗ-1. – Т. XXVII. – № 20765.

² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1864. – Т. 1. – Стб. 141.

³ Примечательно, что нынешний Санкт-Петербургский университет «точкой отсчета» своей истории числит учрежденный Петром Великим университет в структуре императорской Академии наук.

⁴ Императорский Александровский университет в Финляндии. Очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии / сост. Э. Берендтс. – СПб.: Гос. типография, 1902. – С. 55.

⁵ Варшавский университет // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – Т. Va. – СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1892. – С. 563-564.

⁶ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1865. – Т. 3. – Стб. 1199-1224.

⁷ См.: Блохина Н.Н. Первые шаги императорского Николаевского Саратовского университета (1909-1917). К 100-летию со дня университета // Клиническая медицина. – 2012. – № 5. – С. 72-75.

ния тезисами: «Обстоятельства, по которым открыто особое Отделение Петроградского Университета в Перми, были двоякого рода: одни из них коренились в общих условиях государственной и общественной жизни России за последние годы; другие – в специальных местных культурных потребностях и запросах северо-восточного района. Вызванное войной общее вздорожание жизни, особенно тяжело отражающееся на материально необеспеченной молодежи, побудило Министерство Народного Просвещения принять некоторые меры к ограничению приёма в высшие учебные заведения Петрограда, Юрьева, Москвы и Киева и к более равномерному распределению приема в другие университеты; а необходимость обеспечить поступление в университет всем желающим поставило на очередь вопрос о создании нового университета; местом для последнего была избрана г. Пермь, как географический центр обширного района, покрытого многочисленной сетью средних и низших учебных заведений».¹ Заметим, что первоначально предполагалось эвакуировать в Пермь Юрьевский (бывший Дерптский) университет, однако такого перемещения не последовало. Открытие же отделения Петроградского университета в Перми осенью 1916 г. рассматривалось как подготовительная мера к учреждению там самостоятельного университета. В числе прочих факультетов отделения открывался и юридический факультет. Справедливо отмечается, что, в первую очередь, эвакуация вузов с западных территорий являлась фактором, обусловившим изменение географии российского университетского (шире – высшего) образования в годы Первой мировой войны.²

Одним из устойчивых элементов стратегии управления образовательной-научной системой Российской империи стало её деление на учебные округа («полосы»), законодательно оформленное в начале «университетского» столетия. Так, на основании высочайшего повеления от 24 января 1803 г. учебно-окружная карта была представлена 6 округами – Московским, Виленским, Дерптским, Харьковским, Казанским и Санкт-Петербургским.³ Одной из первых бесперебойно действовавших «полос» стал западный Виленский учебный округ. Казанский учебный округ – восточный, окраинный – оказался гигантским по размерам, объединившим 13 губерний. Важно, что во главе округов, помимо назначенных императором из доверенных вельмож попечи-

¹ Отчет об открытии Пермского отделения Петроградского университета и деятельности его в 1916–1917 уч. году (По 1 июля 1917 г.). – Пермь: Электро-Типограф. Губернского земства, 1918. – С. 1.

² *Еремеева А.Н.* Образовательная и научная политика в условиях гражданского противостояния // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е гг.). – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 406.

³ «Об учреждении учебных округов». – Высочайшее повеление от 24 января 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1864. – Т. 1. – Стб. 21-22.

телей, оказались и университеты. Последующее развитие учебно-окружной системы предопределялось комплексом факторов – от удобства управленческой практики и ее рационализации, положительной динамики в расширении сети учебных заведений до проведения русификаторской политики, необходимости учета местных (региональных) особенностей и стремления к единообразию. Единоличное руководство учебными округами со стороны попечителей установилось в ходе значительных реформ в сфере образования и науки середины 1830-х гг. и было оформлено, в частности, специальным узаконением.¹ К началу XX столетия учебно-окружное отделение было представлено 15 единицами (12 округами и главными управлениями гражданскими училищами Восточной Сибири, Приамурья и Туркестанского края).² Учебные округа, наряду с судебными, военными, горными, почтово-телеграфными, др., являли собой специфические административно-территориальные структуры, подчиненные профильному ведомству – Министерству народного просвещения.

Оговоримся специально еще раз, что в центре нашего внимания применительно к опыту Российской империи оказалась «дисперсность» именно университетской подготовки юристов, в силу ее особой значимости и исторической первичности (если вести речь об организованном, сциентизированном образовании, а не практической выучке). Для полноты характеристики юридико-образовательной карты необходимо также учитывать размещение учреждений неуниверситетской модели – лицеев, Училища правоведения, Военно-юридической академии, негосударственных образовательных организаций. И это – отдельная забота.

Идея Сибирского университета сквозь окуляр имперского законодательства. Нормативные основы учреждения Томского императорского университета и его юридического факультета. Первым сибирским городом, упомянутым в узаконениях в качестве университетского центра еще в начале XIX века, как было показано выше, стал Тобольск; впоследствии без него не обошлась и «междоусобная война сибирских городов» за университет. В мае 1877 г. последовало высочайшее повеление учредить комиссию с целью решения вопроса о выборе города для учреждения университета. В узаконении отмечалась, с одной стороны, «особая важность» «избрания пункта для Сибирского университета», а с другой – недостаточность аргументов в пользу Омска и других сибирских городов.³ Год спустя, в соответствии с высочайше

¹ Положение об учебных округах Министерства народного просвещения от 25 июня 1835 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. – СПб: Тип. В.С. Балашева, 1875. – Т. 2. – Отд. 1. – Стб. 955-961.

² Шульгина О.В. Административно-территориальное деление России в XX веке: историко-географический аспект // Вопросы истории. – 2005. – № 4. – С. 26.

³ «Об учреждении Комиссии из лиц, практически знакомых с Сибирью, для соображения вопроса о том, в каком из сибирских городов предпочтительнее учредить предполагаемый

утвержденным мнением Государственного совета 16 мая 1878 г. (ключевое узаконение), университетским городом для учреждения университета в Сибири стал Томск. В представлении в Государственный совет вышеупомянутой комиссии отмечались преимущества этого города, в том числе, в сравнении с Омском. Среди них – «центральность» положения г. Томска по отношению к Восточной и Западной Сибири, его «центральность» по отношению ко всем главнейшим путям сообщения Сибири, большее число средних учебных заведений в самом Томске, преимущества этого города перед Омском по составу народонаселения, богатству и благоустройству города, климату, большее число лечебных учреждений (а значит и более эффективное «снабжение анатомического театра будущего Университета трупами», чему комиссия придавала особое значение), меньшая стоимость строительных материалов и рабочих рук именно в Томске. Примечательно, что было показано и мнение населения большей части сибирских городов, высказавшегося в пользу Томска.

Важным находим и следующее положение: «Государственный совет принял на вид, что, несмотря на преимущества, дарованные приезжающим на службу из Европейской России в Сибирь, ни администрация, ни суды, ни народное здравие, ни учебное дело не обеспечены достаточным числом сведущих, образованных и преданных своему делу лиц. В таком положении края предполагаемый университет должен служить образовательным рассадником для приготовления из местных жителей деятелей на всех названных поприщах государственной службы и общественной предприимчивости...». Из этого делался вывод, в связи с разными взглядами на число факультетов («размеры будущего университета») в различных ведомствах, что для достижения вышепоказанной цели необходимо разрешить учреждение Сибирского университета в составе 4 факультетов (т.е. с полновесной структурой, включая и юридический факультет).¹

В октябре 1878 г. императору представили доклад о пожертвовании почётным гражданином А. Сибиряковым 100 тысяч рублей на расходы учреждаемого в Томске Сибирского университета (устройство библиотеки, физического кабинета, химической лаборатории и проч.). Доклад удостоился высочайшей резолюции: «Благодарить и представить к награде».² В марте

университет». Высочайшее повеление от 16 мая 1877 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Т. 7. – Стб. 155-156.

¹«Об учреждении сибирского университета в городе Томске». Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 16 мая 1878 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Т. 7. – Стб. 528-553.

²«О пожертвовании Сибиряковым 100000 руб. на учреждаемый Сибирский университет». Всеподданейший доклад от 4 октября 1878 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Т. 7. – Стб. 618.

1879 г., как следует еще из одного высочайшего доклада, тот же Сибиряков пожертвовал университету библиотеку, приобретенную им от наследников Жуковского.¹ Всеподданейшим докладом генерал-губернатора Западной Сибири в ноябре 1878 г. отмечалось пожертвование на нужды университета коммерции советника А. Трапезникова в размере 10 тысяч рублей.² Серию высочайших докладов на тему пожертвований можно продолжить и ещё одним ноябрьским актом того же 1878 года. Заслуженный (бывший ординарный) профессор императорского Новороссийского университета Лапшин передавал учреждаемому университету собранную за 35-летнюю профессорскую службу «довольно значительную библиотеку, в которой заключается много весьма ценных и редких сочинений».³ Жертвователями выступали, как видно, известные, состоятельные меценаты, представители учено-учебной корпорации. Однако среди них имелись также органы местного самоуправления и лица менее известные (как, например, «забайкальский бурят Петр Ковригин», передавший будущему университету 200 руб.).⁴ Среди объектов пожертвований были и земельные участки.⁵ Особо упомянем случай сбора капитала в 4200 руб. в пользу недостаточных студентов университета «сибиряками, проживающими в Москве и лицами, сочувствующими Сибири», которые праздновали 300-летие Сибири («в памятный день 26 октября 1881 г.»); распорядители праздника ходатайствовали о размещении собранных средств в одном из кредитных учреждений, называя их «неприкосновенным капиталом имени Ермака, в пользу недостаточных студентов Сибирского университета».⁶ Примечательно, что уже в январе 1879 г. получил высочайшее утвер-

¹ «О пожертвовании Сибиряковым библиотеки в пользу учреждаемого в Сибири университета». Всеподданейший доклад от 7 марта 1879 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Т. 7. – Стб. 990-991.

² «О пожертвовании Трапезниковым 10000 руб. на учреждаемый в Сибири Университет». Всеподданейший доклад от 4 ноября 1878 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Стб. 694.

³ «О пожертвовании заслуженным профессором Лапшиным библиотеки в пользу учреждаемого в Сибири университета». Всеподданейший доклад от 29 ноября 1878 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Т. 7. Стб. 759.

⁴ «О пожертвованиях на Сибирский университет». Всеподданейший доклад от 25 октября 1880 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Т. 7. – Стб. 1917–1918.

⁵ «О пожертвовании Томскою городскою думой участка земли в пользу Сибирского университета». Всеподданейший доклад от 25 октября 1880 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Т. 7. – Стб. 1918-1919.

⁶ «О пожертвованиях в пользу Сибирского университета». Всеподданейший доклад от 10 июня 1882 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1891. – Т. 8. – Стб. 835.

ждение доклад о сохранении памяти об актах помощи университету и собственнo жертвователей – «дабы крупные пожертвования частных лиц и городских обществ, делаемых на пользу Университета, не терялись из виду современников и потомства».¹

Кроме прочего, узаконениями 1880–1890-х гг. определялись правила отпуска государственных средств на расходы по устройству университета², учреждался строительный комитет³, определялись условия кредитования для последующего обустройства инфраструктуры.⁴ Наконец, принималось решение о торжественном открытии университета: таковой начал работу в 1888 г. в составе одного медицинского факультета.⁵ Важно, что на новый университет было распространено действие Общего устава российских императорских университетов 1884 г., с изъятиями, обусловленными как раз открытием одного факультета.

Юридический факультет первого в Сибири университета был открыт

¹ «О разрешении поставить портреты некоторых жертвователей на пользу Сибирского университета или внести их имена на мраморную доску в актовом зале сего университета». Высочайше утвержденный всеподданейший доклад от 10 января 1879 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Т. 7. – Стб. 801–803.

² «Об отпуске по 10000 руб. в год, в течение трех лет, на расходы по устройству университета». Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 26 февраля 1880 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Стб. 1542–1551.

³ «Об учреждении Строительного комитета для возведения зданий Сибирского университета в г. Томске». Высочайше утвержденный всеподданейший доклад от 14 марта 1880 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Т. 7. – Стб. 1566–1573; «Об изменении инструкции для Строительного комитета по возведению зданий Сибирского университета». Высочайше утвержденный всеподданейший доклад от 13 августа 1880 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Т. 7. – Стб. 1863–1864.

⁴ «О кредите на дальнейшее сооружение зданий Сибирского университета». Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 10 января 1884 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1893. – Т. 9. – Стб. 55–62; «О кредите на усиление средств императорского Томского университета». Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 4 июня 1899 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Сенатская тип., 1903. – Т. 16. – Стб. 942–949.

⁵ «Об открытии медицинского факультета Томского университета». Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 25 мая 1888 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1894. – Т. 10. – Стб. 1134–1212; «О торжестве открытия Томского университета». Высочайше утвержденный всеподданейший доклад от 16 июня 1888 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1894. – Т. 10. – Стб. 1343–1344.

десятилетие спустя. На излете 1897 г. был утвержден штат факультета. В частности, в 1898 г. для этого предполагалось израсходовать 28 тыс. рублей, в 1899 г. – 48,5 тыс. рублей, а с 1900 г. – по 69 тыс. рублей ежегодно.¹ В связи с открытием юридического факультета (22 декабря 1898 г.²) отменялись отдельные специальные нормы, регулировавшие устройство и функционирование университета в составе одного факультета: поскольку с 1893 г. всё образовательно-научное законодательство было консолидировано в Свод законов Российской империи, то отмене подлежали ст. 550-555 Свода уставов учебных заведений (Свод Зак., т. XI, ч. 1, изд. 1893 г.).³

Реализация университетской идеи в Восточной Сибири. Открытие Иркутского государственного университета и его юридического факультета. В октябре 1918 г. в составе двух факультетов (юридического и историко-филологического) начал свою деятельность Иркутский государственный университет. Это событие стало одним из важнейших этапов реализации идеи университета в Сибири. Сама эта идея – одно из значительных социокультурных составляющих региональной истории России. Она начала активно обсуждаться ещё в начале XIX в., но на её воплощение в жизнь потребовалось несколько десятилетий. Сибирское общество крайне нуждалось в специалистах с университетским образованием и предпосылки для начала их обучения уже сложились. С середины XIX в. сеть различных учебных заведений все больше расширялась, а количество учащихся росло.

Идея создания университета поддерживалась и гражданским обществом Сибири, которое в середине века занимало все более активную позицию, и правительственными кругами. Местные власти, в частности тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович, генерал-губернатор Восточной Сибири (с 1847 г. по 1861 г.) Н.Н. Муравьев-Амурский также высказывались об открытии университета. В 1860-е годы вопрос об университете стал широко обсуждаться в общественных кругах, на страницах периодической печати. Многие видные общественники того времени не раз говорили о необходимости

¹ «По проекту штата юридического факультета императорского Томского университета». Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 29 декабря 1897 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1902. – Т. 15. – Стб. 1105-1106.

² Юридическое образование в Томском государственном университете: Очерки истории (1898–1998 гг.) / под ред. В.Ф. Воловича. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 3-4 и далее; См. также: Юридический факультет (институт) Томского государственного университета. 1898-2018: история и современность / сост. Т.А. Дедкова; под ред. В.А. Уткина и Т.А. Дедковой. – Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2018. – 34 с.

³ «Об отмене некоторых постановлений об императорском Томском университете, в виду учреждения в составе одного юридического факультета». Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 2 июня 1898 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1902. – Т. 15. – Стб. 1482-1488.

расширения высшего образования во всех отдаленных уголках России, в т. ч. в Иркутске. Активную позицию занимал историк и публицист Афанасий Прокофьевич Шапов (1831-1876), известные деятели общественного движения Сибири Григорий Николаевич Потанин и Николай Михайлович Ядринцев и др. В одном из своих трудов «Сибирь, как колония» Ядринцев писал, что «Сибирь была убеждена, что университет должен быть основан в Иркутске».¹ Но лишь в 1870-е годы этот вопрос получил реальную почву. Как уже отмечалось, в 1877 г. была Высочайше учреждена Комиссия для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета под председательством Великого князя Михаила Николаевича. Рассматривались города – Омск, Иркутск, Томск, Барнаул. Представители Тобольска не раз изъявляли желание стать родиной первого сибирского университета², также претендовали и другие города. В 1878 г. комиссия приняла решение и выбрала город Томск. Как было показано выше, спустя десять лет университет был официально открыт, а 1898 г. в нём начал работу юридический факультет.³

Иркутск не оставлял своих намерений стать вторым университетским городом Сибири. Особенно такие тенденции активизировались в начале XX в. В июле 1916 г. Иркутская городская дума рассмотрела этот вопрос. В итоге для разработки университетского вопроса была создана исполнительная комиссия из 15 человек во главе с городским головой Иннокентием Михайловичем Бобровским. Начался сбор пожертвований на создание университета. 19 августа 1916 г. появилась Записка Иркутского Городского Общественного Управления «Университет в Иркутске», подготовленная И.М. Бобровским. В этой записке он подробно изложил историю вопроса и обозначил основные факторы преимущества Иркутска перед другими городами. Особое внимание Бобровский уделил важности учреждения юридического факультета. Его открытие содействовало бы пополнению образованными кадрами рядов общественных деятелей, чиновничества разных ведомств, что способствовало бы развитию края. Кроме того, как отмечал автор, наблюдается большое количество преступлений, а «благодаря исторически сложившемуся заселению Сибири отщепенцами права и закона, имущественные права человека и самая жизнь его ценятся здесь довольно низко». Бобровский считал, что иркутяне с большим удовольствием примут университет в своем городе.⁴

¹ *Бобровский И.* Университет в Иркутске. Записка Иркутского городского общественного управления. – Иркутск: Тип. И.П. Казанцева, 1916. – С. 1.

² *Казарин В.Н., Лякутина Ю.П.* Юридическое образование в Восточной Сибири (1918-1991 гг.): монография. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – С. 68.

³ См. подробнее: *Казарин В.Н., Лякутина Ю.П.* Юридическое образование в Восточной Сибири (1918-1991 гг.). С. 68.; *Бобровский И.* Университет в Иркутске. Записка Иркутского городского общественного управления. – Иркутск. 1916. – С. 1.

⁴ *Бобровский И.* Университет в Иркутске. Записка Иркутского городского общественного управления. С. 14.

В результате Министерство народного просвещения и Совет Министров в феврале 1917 г. согласились с доводами иркутян, и именно Иркутск был выбран вторым университетским городом Сибири. Сложные события 1917 г. притормозили этот процесс. Также в 1916 г. была образована университетская комиссия под председательством Павла Васильевича Зицермана, которая взяла на себя руководство вопросом открытия Иркутского университета.

Осенью 1917 г. предполагалось, что университет будет состоять из факультетов историко-филологического с расширенным изучением в нём Дальнего Востока, физико-математического, юридического и медицинского, а также технических и сельскохозяйственных наук и будет называться «Восточно-Сибирским».¹ В документах Государственного архива Иркутской области хранится постановление Министерства народного просвещения «Об учреждении Восточно-Сибирского университета в городе Иркутске» в копии, с указанием должности министра народного просвещения Временного правительства С. Салазкина. Но в связи со сложной политической обстановкой в стране вопрос снова отложили. Постепенно название «Восточно-Сибирский» было заменено на «Иркутский». Весной 1918 г. университетская комиссия решила взять дело в свои руки, поручив уполномоченным лицам принять меры по приглашению преподавателей в Иркутск. Юридическим факультетом занимался приват-доцент Петроградского университета Эдуард Эдуардович Понтович. Вскоре к открытию университета все было почти готово.

Таким образом, планируемый к открытию университет на рубеже 1917-1918 гг. оказался вовлеченным в орбиту стремительно менявшихся политических событий. Иркутянам пришлось взаимодействовать с разными правительствами: царским, Временным правительством, советскими властями. Важно отметить, что на всем пути к открытию Иркутского университета активное участие в указанном процессе принимало неравнодушные представители общественности. Так, в 1917 г. на страницах газеты «Иркутская жизнь» шла полемика по поводу нового университета, а также информация о сборе средств, о проведении различных спектаклей, концертов, доход от которых шёл на открытие университета. Здесь публиковали сведения о лицах, которые внесли пожертвования, например, об отставном штабс-капитане А.А. Поротове, который часть своего состояния завещал будущему университету.²

С падением советской власти в городе начинается взаимодействие с Временным Сибирским правительством. Министр народного просвещения Временного Сибирского правительства Василий Васильевич Сапожников прибыл в Иркутск в августе 1918 г. и на заседании Городской думы объявил

¹ Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-71. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 19-21. (далее: ГАИО).

² Иркутская жизнь: ежедневная газета. – 1917 [Электронный ресурс] // URL: <http://library.isu.ru/ru/resources/e-library/100th/index.html> (дата обращения: 03.07.2021).

об открытии университета. Нормативное подтверждение о своем открытии в составе юридического и историко-филологического факультетов Иркутский государственный университет (Иргосун, ИГУ) получил лишь 26 апреля 1919 г. в Постановлении Совета Министров Временного сибирского правительства «Об учреждении Государственного Иркутского университета». Первым ректором ИГУ был назначен известный психолог, педагог и философ Моисей Матвеевич Рубинштейн (1878-1953). С 1918 г. по 1920 г. он занимал эту должность.¹ Рубинштейн проделал «титаническую работу» по обустройству университета. При нём активно шла подготовка для непосредственного начала обучения студентов. Необходимо было сформировать управленческие структуры, преподавательский состав, материальную базу и подготовить учебные помещения. С августа 1918 г. начался прием прошений от абитуриентов.² Следовало найти помещение под университет. В качестве первого учебного корпуса университету передали бывший дом иркутского генерал-губернатора, ставший в XX в. известным как Белый дом.³ Торжественное открытие Иркутского университета состоялось 27 октября 1918 г.⁴ На открытии присутствовал министр народного просвещения Сибирского Временного правительства профессор В.В. Сапожников, а также представители иркутской общественности.

Идея создания второго сибирского университета в Иркутске была характерным явлением для общества середины XIX в., когда вся страна подвергалась процессам модернизации. В Иркутске к этому времени сформировалось деятельное гражданское общество, которое стало одним из главных акторов в процессе создания университета. Переломные политические события 1917-1918 гг. внесли свою специфику. В это время иркутское общество активизируется, взаимодействует с разными политическими силами, но все же добивается поставленной цели – открытия университета. Дальнейшее же развитие юридического образования в созданном Иркутском университете идёт в рамках политики победившей здесь власти – сначала Временного сибирского правительства, до его падения в 1920 г. После устанавливается советская власть. Подготовка юристов продолжилась уже в новой советской образовательной модели. Справедливо отмечается, что образовательно-научная политика революционных лет традиционно ассоциировалась с законотворческой и практической деятельностью органов советской власти. Ситуация, сложившаяся в научно-образовательной сфере регионов, не раз переходивших из рук в руки, большую часть времени находившихся под властью

¹ *Рубинштейн Моисей Матвеевич* [Электронный ресурс] // URL: http://irkipedia.ru/content/rubinshteyn_moisey_matveevich (дата обращения: 01.07.2021).

² ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 35-35а об.

³ ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2-2об., 4, 5, 6.

⁴ ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 78.

антиреволюционных режимов, оставались «в тени». Исключением называются «небольшие, типа «сообщений с мест», публикации начала 1920-х годов в советских журналах («Наука и ее работники», «Книги и революция» и др.), содержавшие информацию об основных событиях в области науки и культуры военных и революционных лет в российских регионах».¹ Ситуация стала меняться с конца 1980-х гг.

Особенности советской образовательной политики на начальном этапе. Трансформация юридического образования и науки. С событиями осени 1917 г. связан новый этап в развитии отечественной высшей школы и науки. Провозглашая разрыв с предшествующей традицией, новая власть продвигала иную идеологию, конструировала «свои» нормативные образцы, искала и апробировала эффективные управленческие стратегии. Именно с советскими десятилетиями связан длительный процесс конституционализации права на образование, тогда как в предшествующий период речь шла о доступе к образованию той или иной ступени. Первая конституция советского типа – Конституция РСФСР 1918 г. – пока формулировала одной из задач предоставление рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование. Попытки нормировать образовательно-научную сферу определяем как значительные: только в 1918 г. советская власть издала не менее семи десятков узаконений.² Если синхронно исследовать и «альтернативные» модели – нормативно-правовые акты белых правительств, пока еще недостаточно изученные, вырисовывается яркая картина, из которой следует, что для любой власти образование и наука являются отнюдь не периферийной сферой.³

Не мог остаться без внимания советских организаторов и вопрос о развитии территориальной структуры высшего образования и науки. Наряду с закрытием ряда вузов, открывались новые, в том числе, университеты, причем, как отмечается, часто без всяких объективных предпосылок. На началь-

¹ Еремеева А.Н. Образовательная и научная политика в условиях гражданского противостояния. С. 403.

² Зипунникова Н.Н. Российская образовательно-научная сфера и ее правовое регулирование на повороте истории (анализ узаконений 1918 года) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. работ: Вып. 6 / отв. ред. В.В. Захаров. – Курск: гос. ун-т. – Курск: КГУ, 2013. – С. 88-116.

³ Ср. с выводом А.Н. Еремеевой: «Поддержка науки и образования была единственным совместным «проектом» интеллигенции и принципиально противоположно ориентированных режимов, озабоченных своим авторитетом или занятых реализацией не только сиюминутных задач. Общая проективная установка на координируемые сверху и поддерживаемые снизу социальные изменения в целях будущего развития России, независимо от исхода вооруженного противоборства, давали возможность реализации давно продуманных, но перманентно откладываемых академических планов и начинаний в самых, казалось бы, неподходящих для этого внешних условиях». См.: Еремеева А.Н. Образовательная и научная политика в условиях гражданского противостояния. С. 430.

ном этапе – в первые годы советской власти – проявились экономические преимущества университетов перед отраслевыми вузами; первыми советскими университетами стали Нижегородский и Воронежский, затем такие возникли в Костроме, Астрахани, Самаре, Смоленске, Тамбове, Ярославле.¹ Всего в 1918 г. было открыто 16 государственных университетов. Расширилась и сеть отраслевых вузов. Открытию вузов в регионах способствовали разнообразные факторы, в их числе – миграция преподавателей из столичных городов в провинцию. Меры, предпринятые в первые годы советской власти по развитию сети вузов, прямо называются «беспрецедентными». Впоследствии отдельные вузы и университеты закрывались. Специалистами констатируется изначальное улучшение доступа к вузовскому образованию и восстановление государственной монополии на него. До начала 1930-х гг. университетская форма преобладала; построение централизованного отраслевого управления экономики вызвала к жизни специализированные вузы и специальную подготовку кадров.² Самого пристального внимания заслуживает оценка происходивших преобразований в сфере просвещения после 1917 г., начиная с процессов децентрализации учебного дела и одновременно процесса собирания и монополизации службы просвещения, профессора В.Н. Дурденевского – автора увидевших свет в конце 1920-х гг. «Лекций по праву социальной культуры».³

В числе масштабных преобразований начального этапа реализации советской образовательно-научной политики стало и закрытие университетских юридических факультетов.⁴ Уже в марте 1919 г. вместо бывших юридических и историко-филологических факультетов предполагалось учредить факультеты общественных наук (постановление Наркомпроса РСФСР от 3 марта 1919 г. «Положение о факультете общественных наук»)⁵. Как отмеча-

¹ «Об учреждении государственных университетов в гг. Костроме, Смоленске, Астрахани и Тамбове и о преобразовании в государственные университеты бывшего Демидовского юридического лица и Педагогического института в г. Самаре». Декрет СНК РСФСР от 21 января 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. – 1919. – № 2. – Ст. 21. В соответствии с узаконением сроками открытия указанных 6 университетов следовало считать день первой годовщины Октябрьской Революции – 7 ноября 1918 г. (п. 2).

² *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы. – М.: Высшая школа, 1988. – С. 33, 44; *Аврус А.И.* История российских университетов: Очерки. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 106; *Катровский А.П.* Формирование и развитие территориальной структуры высшего образования России. С. 102-111.

³ *Дурденевский В.Н.* Лекции по праву социальной культуры. – М.-Л.: Гос. издательство, 1929. – С. 202-220, 221-233 и далее.

⁴ «Об упразднении юридических факультетов российских университетов». Постановление Народного комиссариата просвещения РСФСР от 23 декабря 1918 г. // Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 2. – М.: НКП РСФСР, 1920. – С. 15-16.

⁵ *Хаминов Д.В.* Реформа гуманитарного образования в РСФСР в 1920-е гг. (на примере

ется¹, несмотря на возражения юридической общественности, 4 марта 1921 г. увидел свет Декрет СНК «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов»²; правовое отделение ФОНов делилось на судебный и административный циклы. По понятным причинам процесс создания ФОНов был непросто: в условиях гражданского противостояния университеты в Сибири, на юге страны или, скажем, в центральной ее части находились в разных условиях. В целом же, ФОНы оказались весьма многочисленными.

Переход к НЭПу обусловил очередную перестройку. В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 8 августа 1924 г. ФОНы, по сути, прекращали свою деятельность, судьба их правовых отделений решалась по-разному. Так, правовое отделение 1-го Московского университета сохранялось (из всего ФОНа), правовое отделение ФОНа ЛГУ было закрыто, ФОНы Иркутского и Средне-Азиатского университетов реорганизовывались в факультеты права и хозяйства «с задачей подготовки работников соответствующей специальности применительно к хозяйственным условиям данного края».³ Постановлением СНК РСФСР от 28 апреля 1925 г. ФОН Московского университета с 1925/26 учебного года преобразовывался в два факультета – советского права и этнологический; с осени 1926 г. факультет советского права был открыт и в Ленинградском университете.⁴ Поиск наиболее эффективной модели подготовки советских юридических кадров, увеличение нормативных сроков обучения, совершенствование учебных планов, разработка новой юридической учебной литературы, построенной на новом учении о государстве и праве, апробация адекватных времени методик преподавания, коррекция кадрового состава и прочие признаки отличают развитие юридического образования в конце 1917 – 1920-е гг. Так или иначе, оно реализовывалось в недрах советизировавшихся университетов. А вот центрами юридической науки теперь становились специализированные научные организации (например, созданная в 1918 г. Социалистическая академия общественных наук, переименованная в 1919 г.

сибирских университетов) // Известия Юго-Западного университета. – 2014. – № 2 (53). – С. 167; *Сазонникова Е.В.* Навстречу 100-летию юридического факультета Воронежского государственного университета в 2018 г. // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2016. – № 4. – С. 38.

¹ *Яцук Т.Ф.* Юридическое образование в высшей школе. – Омск: Изд-во Омского гос.ун-та, 2014. – С. 58-59.

² «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов». Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 4 марта 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1921. – № 19. – Ст. 117.

³ «Об изменениях сети высших учебных заведений». Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 8 августа 1924 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. – 1924. – № 68. – С. 871-873.

⁴ См. подробнее: *Шебанов А.Ф.* Юридические высшие учебные заведения / Под ред. А.Н. Горшенева. – М.: Высш. Школа, 1963. – С. 32-48.

в Социалистическую, а в 1924 г. – Коммунистическую).¹

Большая реформа советского юридического образования начала 1930-х гг. Образование институтов советского права. С 1920-х гг. перепрофилировалась стратегия продвижения университетской традиции: была актуализирована отсылка к революционному движению и к заслугам прогрессивной профессуры.² По сути, запрет университетской преемственности, обеснование, например, в статье Г. Бровмана и Е. Поповкина 1929 года непригодности университета как рудимента феодализма для решения новых задач и необходимости его разделения на специализированные институты, т.е. уничтожения как единого целого³, обуславливались эволюцией политического режима в стране на рубеже 1920–1930-х гг., необходимостью осуществлять план форсированного строительства нового общества в СССР. За два года (1929–1931) количество вузов в стране выросло со 152 до 701, из многопрофильных делали узкоспециализированные, делили здания, книжные фонды, оборудование, преподавательский состав; из состава университетов выводились многие факультеты.⁴ В январе 1930 г. ректор столичного университета – МГУ – И.Д. Удальцов заявлял, что университет как форма, связанная с русским средневековьем, отжил свой век, отстал от жизни и оказался тормозом развития науки. Университет следовало расчлнить на самостоятельные институты, в том числе Институт общественных наук. Удальцов писал: «Пора старику-университету на 175-летнем юбилее своей жизни – на покой».⁵

Именно в этом политико-идеологическом русле осуществлялось реформирование подготовки советских юридических кадров. Его начало связывают с Постановлением ВЦИК РСФСР 1931 г.⁶ На основании узаконения следовало выделить из Московского, Ленинградского, Саратовского, Иркутского и Казанского государственных университетов факультеты советского строительства и права, реорганизовав их в самостоятельные институты – 1) советского строительства и 2) советского права. Первый тип институтов предназначался для подготовки руководящего и инструкторского состава рай-

¹ Яцук Т.Ф. Юридическое образование в высшей школе. С. 57.

² Вишленкова Е.А., Дмитриев А.Н. Прагматика традиции, или Актуальное прошлое для российских университетов // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслы: коллект. моногр. / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – С. 76–77.

³ Бровман Г., Поповкин Е. Университет ждет своей революции // Революция и культура. – 1929. – № 21 – С. 15–22.

⁴ Аврус А.И. История российских университетов: Очерки. С. 125.

⁵ См.: История юридического факультета Московского университета (1755–2010). – 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. В.А. Томсинов. – М.: Издательский дом «Городец», 2001. – С. 481.

⁶ «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства». Постановление ВЦИК РСФСР от 20 апреля 1931 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. – 1931. – № 29. – Ст. 261.

исполкомов и советов городов и крупных фабрично-заводских посёлков; такие институты передавались в ведение ВЦИК, с возложением непосредственного управления на краевые (областные) исполкомы и ЦИК Татарской АССР. Институты советского права (ИСП) создавались для подготовки судебного-прокурорских работников для краевых, областных и районных органов; ИСП были переданы в ведение Народного комиссариата юстиции РСФСР. Функционировавшие при факультете советского строительства и права МГУ хозяйственно-правовое и международное отделения закреплялись за вновь созданные Московским ИСП. Наркомюсту также предлагалось пересмотреть систему учебных заведений его ведения в целях возможного объединения. Кроме прочего, предписывалось при новых институтах создать рабфаки, а их сами приравнять к так называемым комвузам с 1932 г. (в отношении финансирования, материального обеспечения слушателей и преподавательского состава). Важно, что постановление содержит нормативную формулу выделения факультетов из университетов с последующей реорганизацией в институты. В том числе благодаря такой конструкции объясняется в последнее время преобладание университетского факультета Иргосуна с Сибирским ИСП (впоследствии – Свердловским юридическим институтом). Как замечено, реформа не предполагала расширения правового образования, затрагивая, по сути, те учебные заведения, где и ранее готовили юристов.¹

Задачей ИСП была подготовка и переподготовка квалифицированных работников в области советского права на основе революционного марксизма-ленинизма, при теснейшей увязке теории с практикой, в соответствии с требованиями социалистического строительства. Это прямо указывалось в Положении о Московском институте советского права, которое в соответствии с Постановлением Коллегии Наркомюста от 1 июня 1931 г. (п. 13) было распространено как типовое на все ИСП²; структурные особенности каждого института должны были учитываться путём внесения изменений в Положение. По сути, торжествовала утилитарная модель подготовки юридических кадров. Проблемы её воплощения в жизнь в первой половине 1930-х гг. (особенности приема в ИСП, пересмотр учебных планов и программ, увольнение старой профессуры, сокращение сроков обучения, непопулярность профессии юриста среди молодежи, др.) с разной степенью подробности показывались специалистами.

К середине 1930-х гг. констатировалась необходимость реорганизации системы. В марте 1935 г. одним из союзных узаконений были провозглашены меры по совершенствованию правового образования.³ Целью этих мер

¹ Яцук Т.Ф. Юридическое образование в высшей школе. С. 67.

² Положение о Московском институте советского права (типовое) // Советская юстиция. – 1931. – № 19. – С. 11-12.

³ «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования». Постановле-

определялось дальнейшее развертывание и улучшение дела подготовки кадров для органов суда, прокуратуры, следствия, госарбитража и правовых работников ведомств и хозяйственных органов. План действий задумывался весьма масштабно, затрагивая научную (образование Всесоюзной правовой академии, правовых НИИ, расширение аспирантуры) и образовательную (правовое образование разных ступеней) составляющие. ИСП переименовывались в правовые институты. В РСФСР это были институты Московский, Ленинградский, Казанский, Саратовский, Свердловский (о переезде Сибирского ИСП на Урал см. ниже), в БССР – Минский. В Харькове и Ташкенте соответствующие правовые институты создавались на базе правовых отделений институтов советского строительства и права. Институты подчинялись народным комиссариатам юстиции союзных республик, таковой в Ташкенте – Комитету по заведыванию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР (предполагалось, что вуз будет готовить советских специалистов в Средней Азии, в том числе на национальных языках). Кроме прочего, к высшей ступени правового образования были причислены правовые факультеты Бакинского социально-экономического института и государственных университетов Грузинской и Армянской ССР. Кроме расширявшейся географии правового образования, среди мер по улучшению подготовки советских юридических кадров значились повышение срока обучения, соответствующие нормы приема в институты и на факультеты, сконструированный порядок утверждения учебных планов, программ, учебников. Системными мерами предполагалось наладить «конвейерную ленту правового образования». Отмечается, что в течение 1935 г. Наркомюст РСФСР несколько раз обращался к вопросам юридического образования.¹

Перевод Сибирского института советского права в Свердловск. Уральская локация советского юридического образования. На протяжении 1920-х гг. юридический факультет Иркутский госуниверситет претерпел несколько структурных изменений: был образован один гуманитарный факультет, затем факультет общественных наук, в составе которого имелось правовое отделение. Факультет общественных наук в Иркутском университете просуществовал с 1921 по 1924 гг. Его преемником явился факультет права и местного хозяйства, открытый осенью 1924 г. В 1928 г. факультет права и местного хозяйства реорганизовали: на базе правового отделения был создан факультет советского строительства (позднее – факультет советского строи-

ние ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 г. // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1935. – № 13. – Ст. 99.

¹ *Яцук Т.Ф.* Советское юридическое образование (1917–1930-е гг.) // «Изучать юриспруденцию яко прав искусство»: Очерки истории юридического образования в России (конец XVII в. – XX в.). / Под общ. ред. *В.В. Захарова, Н.Н. Зитунниковой.* – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2008. – С. 110.

тельства и права).¹ Как было показано, с изданием постановления Президиума ВЦИК РСФСР от 20 апреля 1931 г. началась новая эра в истории отечественного юридического образования.² На базе факультета советского строительства и права Иркутского университета был создан самостоятельный Сибирский институт советского права, который приказом Народного комиссариата юстиции РСФСР от 10 июля 1934 г. № 307 и постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 1 августа 1934 г. № 699 был переведен из Иркутска в Свердловск.³ В 1935 г.⁴ его переименовали в Свердловский правовой институт, а в июле 1936 г. – в Свердловский юридический институт (СЮИ).⁵ С декабря 1954 г. до января 1962 г. СЮИ носил имя А.Я. Вышинского. В феврале 1981 г. институту присвоено имя Р.А. Руденко. В декабре 1992 г. Свердловский юридический институт переименовали в Уральскую государственную юридическую академию, а с 22 апреля 2014 г. получил статус университета.

В научной литературе мало уделялось внимания детальному изучению перевода Сибирского института советского права из Иркутска в Свердловск: как проходил этот процесс, с какими проблемами пришлось столкнуться и каковы были причины перевода. Решение о переводе принималось в сжатые сроки. В июне 1934 г. директор Ю.М. Позан был командирован в Новосибирск для проведения работ по приему студентов и для решения вопросов, связанных с переводом института в Западную Сибирь.⁶ Уже в это время началась подготовка к переезду. В июне 1934 г. произошло сокращение работников, занимающихся техническим обслуживанием (сторожей, уборщиц).⁷ В начале июля было решено осуществить перевод Иркутского института со-

¹ *Казарин В.Н., Лякутина Ю.П.* Юридическое образование в Восточной Сибири (1918-1991 гг.): монография. С. 80-104.

² «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства». Постановление ВЦИК РСФСР от 20 апреля 1931 г. // *Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. – 1931. – № 29. – Ст. 261.*

³ «О переводе Института советского права из г. Иркутска в г. Свердловск». Постановление Совета народных комиссаров РСФСР № 699 от 1 августа 1934 г. // *Государственный архив Свердловской области. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 6а (далее: ГАСО).*

⁴ «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования». Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 г. № 2/389 // *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – 1935. – № 13. – Ст. 99.*

⁵ Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 3 июля 1936 г. // *Советская юстиция. – 1936 (18 августа). – № 23. – С. 22-23.*

⁶ Архив УрГЮУ. Ф. 2143-р. Приказы директора Свердловского юридического института по основной деятельности и по личному составу за январь 1933 года – ноябрь 1934 года. Л. 98-98 об.; ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 838. Л. 65.

⁷ Архив УрГЮУ. Ф. 2143-р. Приказы директора Свердловского юридического института по основной деятельности и по личному составу за январь 1933 года – ноябрь 1934 года. Л. 101.

ветского права в Свердловск. К 15 августа 1934 г. директору Позану следовало завершить этот процесс.¹ Уже в июле 1934 г. многие преподаватели были вынуждены уволиться в связи с невозможностью переехать вместе с институтом. С 1 августа директор Позан приступил к работе в Свердловске.² После закрытия института в Иркутске из него отозвали на практическую работу многих научных сотрудников, некоторые остались в Иркутске. В Свердловск приехала только часть всех работников вуза, поэтому в первые годы после переезда институт испытывал существенный недостаток преподавательских кадров. Условия в Свердловске не позволили набрать нужное число преподавателей собственными силами, особенно по профильным дисциплинам. В решении данной проблемы руководство вуза рассчитывало на помощь Наркомюста.³

Переведённый из Иркутска в Свердловск Сибирский институт советского права и стал базой подготовки юристов для Урала, Казахстана, Сибири и Дальнего Востока. В Свердловск приехали 15 преподавателей, включая директора Ю.М. Позана. Институт разместился в помещении на ул. Малышева, 26. Это было здание Управления Министерства юстиции – Дом органов советской юстиции (Дом юстиции). Автором комплекса «Городок юстиции» (а также соавтором двух крупных конструктивистских объектов в центре Свердловска) был С.Е. Захаров (1901-1993) – выпускник архитектурного отделения Томского технологического института. Характеризуя «уникальный конструктивистский ансамбль «Дом юстиции» (городок юстиции)», построенный в 1932-1934 гг. Л.Н. Смирнов указывает: «Здание проектировалось автором для Главного управления исполнения наказаний Уральской области. С 1935 г. в нем была размещена Свердловская областная прокуратура, а позднее Свердловский юридический институт».⁴ Здесь же, в Доме юстиции, расположились комнаты общежития. Дом юстиции не был приспособлен для учебного процесса, аудиторий не хватало, занятия приходилось проводить в две смены. В СЮИ долгое время студенты были вынуждены снимать жилье.⁵ Только в 1960-х гг. для СЮИ был построен новый учебный корпус и большое общежитие на ул. Комсомольской, где вуз располагается и в настоящее время.

Развитие Свердловского юридического института в годы Великой

¹ ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 6.

² Архив УрГЮУ. Ф. 2143-р. Приказы директора Свердловского юридического института по основной деятельности и по личному составу за январь 1933 года – ноябрь 1934 года. Л. 110 об.

³ ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 1.

⁴ Смирнов Л.Н. Авангардная архитектура Екатеринбурга и городов Урала в творчестве западносибирских зодчих. 2-е изд., дораб. – Екатеринбург: Изд-во УрГАХУ; СПб.: Издательский дом «ПервоГрад», 2021. – С. 75-77.

⁵ Пряхин В. М. Подготовка специалистов для стран «народной демократии» в вузах Урала 1946-1960 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1994. – С. 32-39, 53-54.

Отечественной войны и послевоенный период. Значение эвакуации. Великая Отечественная война внесла большие корректировки в стройную систему подготовки кадров в СССР. Преподаватели, сотрудники и студенты уходили на фронт. В армию были призваны многие преподаватели СЮИ: Г.И. Баев, К.В. Безносиков, Л.С. Галесник, С.А. Ивлиев, Б.Ф. Ливчак, В.В. Ножкин, Д.П. Прошляков, И.Ф. Самарин, В.Д. Старовойтов, С.М. Узбеков, А.Ш. Фарфель, Д.П. Фотиев.¹ Число обучающихся в юридических институтах сократилось: с 5900 человек в 1940 г. до 2732 в 1941 г. и 2607 в 1942 г. Из стен юридических вузов в 1942 г. вышло 426 человек (в два раза меньше, чем в 1940 г.). В составе студентов преобладали женщины.² Многие вузы, оказавшиеся на прифронтовой территории, были вынуждены прекратить работу или эвакуироваться на Восток, в том числе и на Урал. Свердловск стал одним из тех городов, куда приехали многие эвакуированные граждане, предприятия, учреждения, в числе которых были и вузы. Так, Московский университет в ноябре 1941 г. был эвакуирован в Ашхабад, а летом 1942 г. – в Свердловск.

Преподавателей в институте за годы войны стало больше: из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Минска прибыли десятки эвакуированных учёных юристов. Среди них – Сергей Николаевич Абрамов, Алексей Петрович Гагарин, Станислав Маркович Гофман, Всеволод Николаевич Дурденевский, Михаил Александрович Дынник, Иван Иванович Евтихийев, Мария Владимировна Зимелёва, Иван Иванович Крыльцов, Георгий Алексеевич Курсанов, Фрида Марковна Левиант, Евгения Семеновна Лола, Яков Миронович Магазинер, Станислав Адольфович Розмарин.³ Часть общежитий института передали под нужды эвакуированных. Студенты и преподаватели перебрались в учебный корпус.

Несмотря на все трудности, эвакуация оказала благоприятное воздействие на развитие СЮИ. Перед войной СЮИ был небольшим вузом. Преподавательский коллектив насчитывал всего 29 человек, среди них было 3 профессора и 15 доцентов; на всех четырех курсах обучалось всего 325 студентов.⁴ В 1942/1943 учебном году в институте обучалось уже 382 человека, а в 1943/1944 – 486. Военные годы оказались для института и временем активизации научной работы. Эвакуация юридических вузов в Среднюю Азию и на Восток страны сыграла положительную роль в поднятии уровня юридиче-

¹ Свердловский юридический институт 1931–1981. 50 лет / Отв. ред. Д.Д. Остапенко. – М.: Юрид. литература, 1981. – С. 11.

² Смыкалин А.С. Юридическое образование в СССР в годы Великой Отечественной войны // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2015. – № 4. – С. 52-58.

³ Свердловский юридический институт 1931–1981. С. 11-12.

⁴ Смыкалин А.С. Уральская юридическая школа (к 80-летию СЮИ – УрГЮА) // Государство и право. – 2011. – № 4. – С. 68.

ского образования на окраине страны.¹ В вузе проводились научные мероприятия, шла подготовка научных работ.

В 1943 году Ученому совету вуза было предоставлено право принимать к защите кандидатские, а в некоторых случаях и докторские диссертации.² Первой защищенной в СЮИ (май 1943 г.) стала докторская диссертация И.И. Крыльцова на тему «Управление и суд в Туркестане – колонии царской России». Появление в вузе опытных кадров из ведущих центров подготовки специалистов позволило обеспечить высокий уровень преподавания дисциплин, повысить квалификацию и научный потенциал местных преподавателей. Годы войны дали новый импульс в развитии правовой мысли на Урале, куда, ещё раз подчеркнём, была эвакуирована целая плеяда ученых, в числе которых – академики В.П. Волгин, М.Н. Тихомиров, а также упомянутые выше профессор и доктор наук. Историками права в Свердловском юридическом институте было подготовлено к защите и защищено четыре диссертации: одна докторская (И.И. Крыльцова) и три кандидатские. В 1943 г. по кафедре теории и истории государства и права защитила диссертацию на тему «Чрезвычайные органы Советского социалистического государства» Ольга Мироновна Якуба из Харьковского юридического института. В 1944 г. успешно прошла защита кандидатской диссертации на тему «Очерки по истории второго Литовского статута (1566 г.)» Глафиры Федоровны Подозерской-Уткиной (аспирантка Ленинградского юридического института). Наряду с защитой докторских и кандидатских диссертаций в 1945 г. в Свердловском юридическом институте выходит в свет научное издание «Ученые записки Свердловского юридического института» под редакцией С.М. Гофмана, И.И. Крыльцова, Г.А. Курсанова, С.А. Розмарина, Б.Б. Черепяхина, К.С. Юдельсона; впоследствии «Ученые записки» издавались на постоянной основе.³

После войны Свердловский юридический институт являлся уже не только центром, который вёл подготовку специалистов для Урала, Сибири и Казахстана, но и ядром юридической науки на Урале. Многие бывшие фронтовики, поступившие в институт, стали настоящей гордостью вуза и заложили мощный фундамент для укрепления позиций юридической науки за Ура-

¹ *Смыкалин А. С.* Юридическое образование в СССР в годы Великой Отечественной войны // «Изучать юриспруденцию яко прав искусство»: Очерки истории юридического образования в России (конец XVII в. – XX в.). – Курск, 2008. – С. 126.

² Свердловский юридический институт 1931–1981. С. 12.

³ *Шамсумова Э.Ф.* Эвакуация юридических кадров в годы Великой Отечественной войны как детерминанта развития науки на Урале // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Часть 1: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28-29 апреля 2020 года / Под ред. Н.С. Нижник; сост. Н.С. Нижник, С.А. Никифорова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С. 1214-1220.

лом.¹ Послевоенные десятилетия стали временем бурного развития юридического образования и науки в СССР. Успешно функционировали юридические факультеты университетов, открывались новые; активно развивались отраслевые юридические вузы (институты). Описание юридико-образовательной географии этого времени представляется самодостаточной исследовательской задачей.

В заключение еще раз обратим внимание на масштабность задачи характеристики географии российского юридического образования и науки в историческом изводе. Для её успешного решения понадобится, видимо, не один текст. Акцентируя внимание на университетской модели в императорский период, мы исходим из понимания ее особой значимости; опыт университетского строительства в переходный период и открытие юридического факультета в Сибири одним из белых правительств также определяем как существенный. Внимание к отраслевой (институтской) модели в советской системе подготовки юристов, как полагаем, не нарушает целостности предмета исследования и не «ломает» заявленной темы. Нас особо интересует, по понятным причинам, сибирская и уральская локация юридического образования и науки в советские десятилетия; Свердловский юридический институт своими корнями уходит в юридический университетский факультет, а развивается в настоящий момент как юридический университет.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Архив УрГЮУ. Ф. 2143-р. Приказы директора Свердловского юридического института по основной деятельности и по личному составу за январь 1933 года – ноябрь 1934 года. Л. 98-98 об., 101, 110 об.
2. *Бобровский И.М.* Университет в Иркутске: записка Иркутского городского общественного управления. – Иркутск: Тип. И.П. Казанцева, 1916. – 20 с.
3. Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-71. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 19-21, 78 (далее: ГАИО).
4. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 35-35а об.
5. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2-2об., 4, 5, 6.
6. Государственный архив Свердловской области. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 1 (далее: ГАСО)
7. ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 6.
8. ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 838. Л. 65.
9. Иркутская жизнь: ежедневная газета. – 1917 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://library.isu.ru/ru/resources/e-library/100th/index.html> (дата обращения: 03.07.2021).
10. *Михаил Васильевич Ломоносов.* Переписка. 1737-1765 / сост., подготовка текста и прим. Г.Г. Мартынова; под ред. Б.А. Градовой. – М.: Ломоносов, 2010. – 512 с.
11. «О кредите на дальнейшее сооружение зданий Сибирского университета». Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 10 января 1884 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 9. – СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1893. – Стб. 55-62.

¹ *Смыкалин А.С.* Уральская юридическая школа (к 80-летию СЮИ – УрГЮА). С. 69.

12. «О кредите на усиление средств императорского Томского университета». Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 4 июня 1899 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 16. – СПб.: Сенатская тип., 1903. – Стб. 942-949.
13. «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства». Постановление ВЦИК РСФСР от 20 апреля 1931 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. – 1931. – № 29. – Ст. 261.
14. «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования». Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. – 1935. – № 13. – Ст. 99.
15. «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов». Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 4 марта 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1921. – № 19. – Ст. 117.
16. «О пожертвовании заслуженным профессором Лапшиным библиотеки в пользу учреждаемого в Сибири университета». Всеподданейший доклад от 29 ноября 1878 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Стб. 759.
17. «О пожертвовании Сибиряковым 100000 руб. на учреждаемый Сибирский университет». Всеподданейший доклад от 4 октября 1878 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Стб. 618.
18. «О пожертвовании Сибиряковым библиотеки в пользу учреждаемого в Сибири университета». Всеподданейший доклад от 7 марта 1879 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Стб. 990-991.
19. «О пожертвовании Томскою городскою думой участка земли в пользу Сибирского университета». Всеподданейший доклад от 25 октября 1880 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Стб. 1918-1919.
20. «О пожертвовании Трапезниковым 10000 руб. на учреждаемый в Сибири Университет». Всеподданейший доклад от 4 ноября 1878 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Стб. 694.
21. «О пожертвованиях в пользу Сибирского университета». Всеподданейший доклад от 10 июня 1882 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 8. – СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1891. – Стб. 835.
22. «О пожертвованиях на Сибирский университет». Всеподданейший доклад от 25 октября 1880 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Стб. 1917-1918.
23. «О разрешении поставить портреты некоторых жертвователей на пользу Сибирского университета или внести их имена на мраморную доску в актовом зале сего университета». Высочайше утвержденный всеподданейший доклад от 10 января 1879 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Стб. 801-803.
24. «О составлении плана для заведения университетов в Пскове, Чернигове и Пензе». Именной указ, данный Комиссии об учреждении училищ от 29 января 1786 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. – Т. XXII. – № 16315. (далее: ПСЗ).
25. «О торжестве открытия Томского университета». Высочайше утвержденный всеподданейший доклад от 16 июня 1888 г. // Сборник постановлений по Министерству на-

- родного просвещения. Т. 10. – СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1894. – Стб. 1343-1344.
26. «Об изменении инструкции для Строительного комитета по возведению зданий Сибирского университета». Высочайше утвержденный всеподданейший доклад от 13 августа 1880 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Стб. 1863-1864.
 27. «Об открытии медицинского факультета Томского университета». Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 25 мая 1888 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 10. – СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1894. – Стб. 1134-1212.
 28. «Об отмене некоторых постановлений об императорском Томском университете, в виду учреждения в составе оного юридического факультета». Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 2 июня 1898 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 15. – СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1902. – Стб. 1482-1488.
 29. «Об отпуске по 10000 руб. в год, в течение трех лет, на расходы по устройству университета». Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 26 февраля 1880 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Стб. 1542-1551.
 30. «Об упразднении юридических факультетов российских университетов». Постановление Народного комиссариата просвещения РСФСР от 23 декабря 1918 г. // Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства по народному образованию. – Вып. 2. – М.: НКП РСФСР, 1920. – С. 15-16.
 31. «Об устройстве училищ». Именной указ, данный Сенату от 24 января 1803 г. // ПСЗ-1. – Т. XXVII. – № 20597.
 32. «Об учреждении государственных университетов в гг. Костроме, Смоленске, Астрахани и Тамбове и о преобразовании в государственные университеты бывшего Демидовского юридического лицея и Педагогического института в г. Самаре». Декрет СНК РСФСР от 21 января 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. – 1919. – № 2. – Ст. 21.
 33. «Об учреждении императорского Новороссийского университета и о пенсиях доцентам университетов». Указ Правительствующему сенату от 11 июля 1864 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1865. – Стб. 1199-1224.
 34. «Об учреждении Комиссии из лиц, практически знакомых с Сибирью, для соображения вопроса о том, в каком из сибирских городов предпочтительнее учредить предлагаемый университет». Высочайшее повеление от 16 мая 1877 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. – СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Стб. 155-220.
 35. «Об учреждении сибирского университета в городе Томске». Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 16 мая 1878 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Стб. 528-553.
 36. «Об учреждении Строительного комитета для возведения зданий Сибирского университета в г. Томске». Высочайше утвержденный всеподданейший доклад от 14 марта 1880 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. – Стб. 1566-1573.
 37. «Об учреждении учебных округов». – Высочайшее повеление от 24 января 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1864. – Стб. 21-22.
 38. Отчет об открытии Пермского отделения Петроградского университета и деятельности его в 1916–1917 уч. году (По 1 июля 1917 г.). – Пермь: Электро-Типогр. Губерн-

- ского земства, 1918. – 72 с.
39. «По проекту штата юридического факультета императорского Томского университета». Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 29 декабря 1897 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 15. – СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1902. – Стб. 1105-1106.
 40. Положение о Московском институте советского права (типовое) // Советская юстиция. – 1931. – № 19. – С. 11-12.
 41. Положение об учебных округах Министерства народного просвещения от 25 июня 1835 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. – СПб: Тип. В.С. Балашева, 1875. – Т. 2. – Отд. 1. – Стб. 955-961.
 42. Постановление НКЮ РСФСР от 3 июля 1936 г. // Советская юстиция. – 1936 (18 августа). – № 23. – С. 22-23.
 43. Постановление Совета народных комиссаров РСФСР № 699 от 1 августа 1934 г. «О переводе Института советского права из г. Иркутска в г. Свердловск» // ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 6а.
 44. Устав императорского Дерптского университета от 12 сентября 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1864. – Стб. 139-199.
- Общая и специальная литература:
45. *Аврус А.И.* История российских университетов: Очерки. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 192 с.
 46. *Блохина Н.Н.* Первые шаги императорского Николаевского Саратовского университета (1909–1917). К 100-летию со дня университета // Клиническая медицина. – 2012. – № 5. – С. 72-75.
 47. *Бровман Г., Поповкин Е.* Университет ждет своей революции // Революция и культура. – 1929. – № 21 – С. 15-22.
 48. Варшавский университет // Энциклопедический словарь *Ф.А. Брокгауза* и *И.А. Ефрона*. Т. Va. – СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1892. – С. 563-564.
 49. *Вишленкова Е.А., Дмитриев А.Н.* Прагматика традиции, или Актуальное прошлое для российских университетов // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / Под ред. *Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой*. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 386 с.
 50. *Дурденевский В.Н.* Лекции по праву социальной культуры. – М.–Л.: Гос. издательство, 1929. – 327 с.
 51. *Емельянова И.А.* «Всеобщая история права» в русском дореволюционном правоведении (XIX в.). – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1981. – 159 с.
 52. *Еремеева А.Н.* Образовательная и научная политика в условиях гражданского противостояния // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е гг.). – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 404-434.
 53. *Зиунникова Н.Н.* Российская образовательно-научная сфера и ее правовое регулирование на повороте истории (анализ узаконений 1918 года) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. работ. Вып. 6 / Отв. ред. В.В. Захаров. – Курск. гос. ун-т. – Курск: КГУ, 2013. – С. 88-116.
 54. Императорский Александровский университет в Финляндии. Очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии / сост. *Э. Берендтс*. – СПб.: Гос. типография, 1902. – 384 с.
 55. История юридического факультета Московского университета (1755–2010). – 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. *В.А. Томсинов*. – М.: Издательский дом «Городец», 2001. – 640 с.
 56. *Казарин В.Н., Лякутина Ю.П.* Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.): монография. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – 483 с.

57. *Катровский А.П.* Формирование и развитие территориальной структуры высшего образования России. – М.: Междунар. отношения, 2003. – 208 с.
58. *Пряхин В.М.* Подготовка специалистов для стран «народной демократии» в вузах Урала 1946-1960 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1994.
59. *Рубинштейн Моисей Матвеевич* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/rubinshteyn_moisey_matveevich (дата обращения: 01.07.2021).
60. *Сазонникова Е.В.* Навстречу 100-летию юридического факультета Воронежского государственного университета в 2018 г. // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2016. – № 4. – С. 8-53.
61. Свердловский юридический институт 1931-1981. 50 лет / Отв. ред. Д. Д. Остапенко. – М.: Юрид. лит-ра, 1981. – 176 с.
62. *Смирнов Л.Н.* Авангардная архитектура Екатеринбурга и городов Урала в творчестве западносибирских зодчих. 2-е изд., дораб. – Екатеринбург: Изд-во УрГАХУ; СПб.: Издательский дом «Первоград», 2021. – 190 с.
63. *Смыкалин А.С.* Уральская юридическая школа (к 80-летию СЮИ – УрГЮА) // Государство и право. – 2011. – № 4. – С. 65-73.
64. *Смыкалин А.С.* Юридическое образование в СССР в годы Великой Отечественной войны // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2015. – № 4. – С. 52-58.
65. *Смыкалин А.С.* Юридическое образование в СССР в годы Великой Отечественной войны // «Изучать юриспруденцию jako прав искусство»: Очерки истории юридического образования в России (конец XVII в. – XX в.). – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. – С. 124-129.
66. Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: Антология: учеб. пос. для вузов / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 527 с.
67. *Хаминов Д.В.* Реформа гуманитарного образования в РСФСР в 1920-е гг. (на примере сибирских университетов) // Известия Юго-Западного университета. – 2014. – № 2 (53). – С. 165-172.
68. *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы. – М.: Высшая школа, 1988. – 255 с.
69. *Шамсумова Э.Ф.* Эвакуация юридических кадров в годы Великой Отечественной войны как детерминанта развития науки на Урале // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Часть 1: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28-29 апреля 2020 года / под ред. Н.С. Нижник; сост. Н.С. Нижник, С.А. Никифорова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С. 1214-1220.
70. *Шебанов А.Ф.* Юридические высшие учебные заведения / Под ред. А.Н. Горшенева. – М.: Высш. Школа, 1963. – 223 с.
71. *Шульгина О.В.* Административно-территориальное деление России в XX веке: историко-географический аспект // Вопросы истории. – 2005. – № 4. – С. 23-38.
72. Юридический факультет (институт) Томского государственного университета. 1898-2018: история и современность / сост. Т.А. Дедкова; под ред. В.А. Уткина и Т.А. Дедковой. – Томск: Издательский дом Томского гос. университета, 2018. – 84 с.
73. Юридическое образование в Томском государственном университете: Очерки истории (1898-1998 гг.) / Под ред. В.Ф. Воловича. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – 248 с.
74. *Яцук Т.Ф.* Советское юридическое образование (1917–1930-е гг.) // «Изучать юриспруденцию jako прав искусство»: Очерки истории юридического образования в России (конец XVII в. – XX в.). / Под общ. ред. В.В. Захарова, Н.Н. Зипунниковой. – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2008. – С. 97-123.
75. *Яцук Т.Ф.* Юридическое образование в высшей школе. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2014. – 312 с.

Zipunnikova N.N., Kalinina A.V.

**To the question about the «university geography» of Russia
(through the prism of history legal education and science)**

In this work, the problem of “university geography” is actualized in relation to the history of legal education and science in Russia. Dispersed placement of educational institutions is one of the conditions for the successful functioning of the system of higher education and science, especially in countries with an extended territory. The imperial period is represented by university law faculties due to the special importance of the university model of training professional legal personnel. Particular attention is paid to the implementation of the idea of the Siberian University, the normative foundations of the establishment of Tomsk University and its Faculty of Law are analyzed. It shows the structure of Irkutsk University, opened by one of the white governments in the midst of a tragic civil confrontation, as well as its law faculty, and outlines the role of civil society in the implementation of the university idea in Eastern Siberia. The educational policy of the Soviet state and the transformation of legal education and science in the first years of Soviet power, the major reform of the training of legal personnel in the early 1930s and the formation of institutions of Soviet law are characterized. The problem of transferring the Siberian Institute of Soviet Law from Irkutsk to Sverdlovsk is described. When characterizing Soviet legal education and science during the Great Patriotic War, the special importance of the evacuation of educational institutions and scientific and pedagogical personnel was emphasized, in particular, for the Sverdlovsk Law Institute. The perspectives of studies of the geography of legal education and science in the historical, historical and legal key are noted.

Keywords: “university geography”; dispersion; legal education; legal science; law faculties; educational districts; Siberian University; Irkutsk State University; industry universities; institutes of Soviet law; Sverdlovsk Law Institute; evacuation.

Zipunnikova Natalia Nikolaevna – Candidate of Law, Associate Professor, Department of the History of State and Law, Ural State Law University (Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Komsomolskaya st., 21). *E-mail:* igp@usla.ru

Kalinina Anna Vladislavovna – Records manager of the archive and Museum of history SLI-USLA-USLU, Ural State Law University (Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Komsomolskaya st., 21). *E-mail:* museum@usla.ru

Пряхин В.М.

**МЫ БУДЕМ ПОМНИТЬ ЭТИ ИМЕНА
(К ИСТОРИИ КАФЕДРЫ РУССКОГО, ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУРЫ РЕЧИ УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

*Посвящается 85-летию
кафедры русского,
иностранных языков и
культуры речи УрГЮУ*

В статье речь идёт о судьбе легендарного заведующего кафедрой О.С. Альстера и судьбах других членов кафедры (“иностранцев”) в контексте истории высшего юридического образования на Урале, становления и развития уральской лингвистической школы, языковой, в том числе иноязычной подготовки студентов-юристов.

Ключевые слова: легендарный заведующий Альстер; уральская лингвистическая школа; канал пополнения кадров; судьбы членов кафедры.

Основное богатство кафедры – люди. Тот «золотой фонд» (по меткому выражению легендарного заведующего кафедрой иностранных языков Свердловского юридического института – так именовались долгие годы и кафедра и вуз) Оскара Симоновича Альстера (1909-1983), который и вывел кафедру на передовые рубежи преподавания иностранных языков. Истории кафедры посвящены многие работы автора данной статьи, благо он трудится на кафедре уже более половины срока ее существования.¹ «Золотой фонд» кафедры составляли, прежде всего, те преподаватели, которые проявили смелые, образцовые подходы к преподаванию и внесли неоценимый вклад в развитие языковой личности студента-юриста. Судьбы преподавателей кафедры, выходцев из разных лингвистических школ, являются предметом исследования автора этих строк на протяжении многих лет, как судьбы представителей вузовской интеллигенции Урала.

Свердловская лингвистическая школа, которую представляли, на наш

Пряхин Валентин Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи, Уральский государственный юридический университет (Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21).

E-mail: inyaz@usla.ru

¹ См., например: *Пряхин В.М.* К истории кафедры русского, иностранных языков и культуры речи в контексте поликультурного образования // Актуальные проблемы современного поликультурного образования: Материалы международного круглого стола к 80-летию кафедры русского, иностранных языков и культуры речи (Екатеринбург, 2 декабря 2016 года) / отв. ред. профессор К.М. Левитан. – Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. – С. 160.

взгляд, Уральский политехнический институт в лице кафедры иностранных языков и Свердловский государственный педагогический институт своим факультетом иностранных языков (до 1957 г. Свердловский государственный педагогический институт иностранных языков), выпестовала большинство преподавателей иностранных языков свердловских высших учебных заведений. Ярким представителем свердловской лингвистической школы предстает перед нами ныне здравствующая Анна Федоровна Ахмадулина, преподаватель французского языка Свердловского государственного педагогического института (ныне Уральского государственного педагогического университета). Костяк преподавателей иностранных языков этого учебного заведения состоял в основном из трех групп:

1-я группа: выпускники дореволюционных высших учебных заведений России, в большинстве своем воспитанницы Смольного института благородных девиц. На кафедре французского языка преподавали Пучковская Ирина Васильевна (заведующая кафедрой), Водяникова Надежда Владимировна (методист французского языка), Буркова Евгения Кирилловна (фонетист). Н.В. Водяникова прожила долгую, наполненную и радостями и тревогами жизнь, скончалась в преклонном возрасте. Провожали Надежду Владимировну из родного сердцу каждого инфаковца здания института на улице Степана Разина, 25. Среди провожавших Надежду Владимировну в сей скорбный час присутствовали и мы, мальчики первого курса немецкого отделения в составе семи человек, все из одной группы (что было очень редким явлением, поскольку обычно поступало на отделение не больше 2-3 молодых людей, все остальные из 30 были, как правило, девушки). Юношам был доверен вынос усопшей, так серьезно нас воспринимали. Ученицей Н.В. Водяниковой по праву считается Татьяна Александровна Богоявленская (род. в 1931 г.), единственная и неповторимая преподавательница французского языка нескольких поколений студентов-юристов;

2-я группа: так называемые «шанхайцы» – приехавшие из Шанхая на Родину образованные люди русского происхождения, вынужденные это сделать из-за событий, связанных с окончанием Второй мировой войны и внутренними конфликтами в Китае. Мощная агитация за «возвращение на родину» в СССР подвигла этих людей репатрироваться в СССР, в непознанное далеко. Самыми известными среди «шанхайцев» были Елизавета Ричардовна Котова (дама с сигаретой, руководитель французского театра) и Леонид Яковлевич Фомин (преподавал в Уральском университете им. М.А. Горького).¹ 3-я группа (самая многочисленная): выпускники Института иностранных языков, доморощенные ученики представителей первых двух групп. Назовем среди них профессора И.А. Гиниятуллина, Н.А. Пирогова, Э.Ф. Махову, Г.М. Мик-

¹ Ахмадулина А.Ф. Мой труд – это счастье, помноженное на творчество // Фильтры нашей памяти. – Артемовский, 2020. – С. 110-111.

лашевскую, Л.И. Богданову, Л.Л. Дрегалкину.

Примечательной особенностью кадрового состава свердловской лингвистической школы являлось то, что кадровое пополнение шло и по другим, обычным в советское время каналам. В уральские высшие учебные заведения в качестве преподавателей прибывали по распределению выпускники столичных вузов иностранных языков (инязов), прежде всего московского. Этим фактом мы можем объяснить близкий, общий характер московской, питерской и свердловской лингвистических школ. К примеру, московскую школу германистики возглавляла профессор Ольга Ивановна Москальская, у которой учились не только мои учителя Ирина Александровна Вереина, Анна Сергеевна Кошкина, но и, к примеру, Наталья Васильевна Пестова, многолетний директор Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета.

Ленинградскую школу германистики возглавляли Владимир Григорьевич Адмони и его жена (ближайший сподвижник) Тамара Исаковна Сильман, в основном посвятившая себя стилистике. Мои коллеги по кафедре русского, иностранных языков и культуры речи, выпускники свердловского иняза Мария Петровна Ванина (род. в 1937 г.), Юрий Глебович Анзылов, Ирина Георгиевна Вивдич прошли великолепную школу подготовки лингвистических кадров высшей квалификации на Высших педагогических курсах при Ленинградском государственном педагогическом институте имени А.И. Герцена.¹ По словам И.А. Гиниатуллина, профессора Уральского государственного педагогического университета, сказанным им в бытность автора данных строк студентом факультета иностранных языков Свердловского государственного педагогического института и в его присутствии, студенты свердловского иняза практически владели изучаемым иностранным языком ничуть не хуже выпускников столичного и ленинградского иняза.

Мария Петровна Ванина, проработав на кафедре русского, иностранных языков и культуры речи почти три с половиной десятка лет, вышла на заслуженный отдых в должности доцента. Прекрасный знаток немецкого языка, отличный методист М.П. Ванина только из-за неблагоприятных жизненных обстоятельств не смогла защитить практически уже подготовленную диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Позади были, как уже отмечено, Высшие педагогические курсы в Ленинграде, девять лет работы на факультете иностранных языков Новгородского педагогического института, блестящая научная рекомендация профессора Т.И. Сильман, крупнейшего советского специалиста по стилистике.² За годы работы в Свердловском юридическом институте – Уральской государственной

¹ Личный архив кандидата исторических наук доцента В.М. Пряхина.

² Архив Уральского государственного юридического университета (УрГЮУ) // Личное дело Ваниной М.П.

ной юридической академии М.П. Ванина подготовила и выпустила не один десяток учебно-методических пособий, многие из которых до сих пор успешно применяются в учебном процессе.¹ Мария Петровна несколько лет руководила методической группой преподавателей немецкого и французского языка, внесла большой личный вклад в интенсификацию процесса преподавания иностранных языков в юридическом высшем учебном заведении путём продвижения лингводидактических приемов создания иноязычной образовательной среды средствами лингафонного кабинета. Увлеченность любимым делом, стремлением поставить иноязычную подготовку студентов-юристов на качественно новый уровень выдвинули М.П. Ванину в число высококвалифицированных преподавателей немецкого языка всего региона. Об этом свидетельствует и ее успешное участие в организованных Германской службой академических обменов мастер-классов преподавания немецкого языка под патронажем посла Федеративной Республики Германия в России. Посол отметил преподавателя своим вниманием и вручил памятный подарок.²

М.П. Ванину отличали не только деловые, но и прекрасные человеческие качества. Уже сама не обладая в силу определенного возраста крепким здоровьем, Мария Петровна очень трогательно заботилась о своих любимых преподавателях нашего родного иняза, мягко, но настойчиво привлекала других выпускников-однокашников к помощи в благородном деле. Особая дружба свела её с А.С. Кошкиной в те самые годы, которые предшествовали отъезду Анны Сергеевны в Москву. Таков был стиль отношений между представителями разных поколений нашей лингвистической школы. От наставничества через творческое сотрудничество к новым открытиям и начинаниям в различных областях теории и практики преподавания иностранных языков, воспитания и развития языковой личности студента. Практическое владение иностранным языком в понимании Марии Петровны Ваниной и её коллег – это и глубокое освоение своеобразной культуры страны изучаемого языка, жизненного уклада и быта её населения, глубокое понимание философии и психологии в их конкретном национальном преломлении и проявлении. Этому учили нас, этому же мы стремимся служить и теперь, когда учителей уже нет рядом. Погружение в культуру другой страны, как мы полагаем, достигается с помощью разнообразной проектной деятельности, симулирующей, к примеру, совместную подготовку и проведение национальных праздников, знаменательных дат, чествование национальных героев и театральные постановки в честь важных событий с привлечением песен, стихов, фольклорного материала.

¹ См., напр.: *Немецкий язык. Deutsche Juristen im Gespräch (Juristenberuf)*. Лабораторные работы. / Составит. доцент М.П. Ванина, научный ред. доктор педагог. наук проф. К.М. Левитан. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2000.

² Личный архив кандидата исторических наук доцента В.М. Пряхина.

В советское время очень многие преподаватели кафедры иностранных языков Свердловского юридического института повышали свою профессиональную квалификацию в Киевском государственном педагогическом институте иностранных языков. Фактически все представители «золотого фонда» кафедры прошли киевские курсы повышения квалификации хотя бы по одному разу. Некоторым, в том числе и автору данных строк посчастливилось пройти их дважды, а это целый учебный год с отрывом от производства, как тогда говорили. Киевские преподаватели в ходе процедуры вручения свидетельства о повышении квалификации и общей оценки успехов всех участников проекта высоко оценили профессиональное владение иностранным языком свердловских коллег.

Отметим уникальный канал пополнения лингвистических кадров в далекие предвоенные годы. В Свердловск на постоянное местожительство приезжали носители иностранного языка. Уроженцы западных стран попадали в СССР, чтобы избежать репрессий и убийства со стороны гитлеровских захватчиков, оккупировавших и поработивших их родные земли. Из всех известных нам таких уникальных случаев выделим два. Альстер Оскар Симонович и Лауфер Марта Адольфовна (1904-1982), оба из легендарного прошлого, заброшенные волею судьбы на Урал. Наше повествование о судьбе О.С. Альстера впереди. М.А. Лауфер – человек с не менее интересной судьбой. Марте Адольфовне пришлось преодолеть достаточно трудностей, прежде чем уроженка Австрии в силу известных событий (так называемый *Anschluss* – аншлюс) попала в Свердловск и смогла как все обычные люди заниматься созидательным трудом. В Свердловском педагогическом институте (иностранных языков) М.А. Лауфер заведовала кафедрой немецкого языка и преподавала историю немецкого языка. Этот предмет по степени освоения и усвоения студенты-лингвисты сравнивали с технической учебной дисциплиной – сопроматом. Но многим будущим учителям немецкого языка он давался легко благодаря простым и четким объяснениям Марты Адольфовны на немецком языке. Человек-легенда М.А. Лауфер внесла значительный вклад в подготовку высококвалифицированных преподавателей и учителей немецкого языка для Уральского региона. Для большинства знавших Марту Адольфовну она осталась в памяти как носитель немецкого языка.

Замечательные преподаватели, люди высочайшей культуры, великолепно владевшие своим предметом, преподаватели иностранных языков вызвали у студентов большое уважение и служили для них примером. Так формировалась свердловская (уральская) лингвистическая школа. В основу формирования были заложены принципы преемственности преподавания, научного освещения методики и содержания преподавания иностранных языков, то есть создания аутентичных учебных материалов и адекватной этим материалам образовательной среды, принцип развития языковой личности

студента.¹

Кафедра русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ (сокращенное современное наименование вуза) накопила большой опыт пополнения своего кадрового состава по всем его вышеописанным каналам. Легендарный заведующий кафедрой, фактически создатель кафедры нового, современного типа Оскар Симонович Альстер, руководивший кафедрой, как известно, в течение более 35 лет (1947-1983), был уроженцем Польши, и, надо прямо сказать, очутился на советской территории как иностранный гражданин. Жизненный путь О.С. Альстера, его долгий созидательный труд многократно и достаточно детально описаны автором данной статьи.² В рамках этой статьи попытаемся восстановить мало изученный и исследованный период жизни Оскара Симоновича, относящийся, на наш взгляд, к самым сложным испытаниям его судьбы. Речь идет о предвоенном периоде, непосредственно связанном с трагическими событиями после роспуска Коминтерном Коммунистической партии Польши в 1938 г. и началом Второй мировой войны. При восстановлении картины событий, всех эпизодов нелегкого пути О.С. Альстера к жизни в СССР мы пользовались общедоступными литературными источниками и теми достаточно скудными сведениями, которые мы смогли получить еще при жизни от этого человека. В материалах личного дела О.С. Альстера, хранящегося в архиве УрГЮУ, об этом ничего практически не содержится.

Как следует из очерка общественной истории Польской Народной Республики, подготовленного сторонником правдивой истории коммунистического движения Петром Биелло (Piotr Biello) и принятого к опубликованию редакцией российского журнала *Lenin Crew*, главную роль в прекращении деятельности Коммунистической партии Польши, членом которой состоял О.С. Альстер, сыграло руководство Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) во главе с И.В. Сталиным. Мы не ставим своей задачей в рамках данного сюжета рассматривать вопрос о том, какие точки зрения профессиональных историков и политических и общественных деятелей существуют по оценке этого шага советского руководства, а затем и руководства Коминтерна. Наша задача состоит в исследовании последствий такого шага для всех польских коммунистов, к числу которых, естественно, относился О.С. Альстер.

Польские коммунисты, которые долгое время действовали в подполье,

¹ Ахмадулина А.Ф. Мой труд – это счастье, помноженное на творчество. С. 111, 114-116.

² См.: Пряхин В.М. Его традиции живут (к творческому портрету Оскара Симоновича Альстера) // Теория и практика обучения русскому, иностранным языкам в вузе. Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Уральской государственной юридической академии и 70-летию кафедры русского, иностранных языков и культуры речи. – Екатеринбург: Издательский Дом «Уральская государственная юридическая академия», 2006. – С. 17.

восприняли поведение советских коммунистов как удар, нанесённый с неожиданной стороны. Признание советским руководством Коммунистической партии Польши самым слабым звеном Коминтерна, утверждение о том, что партия насыщена агентами польской контрразведки, и вследствие этого создает опасное положение для других секций Коммунистического Интернационала, очень болезненно было воспринято в рядах партии польских коммунистов. Трагизм ситуации состоял в том, что вслед за роспуском, во-первых, руководители польской компартии попали под маховик репрессий, некоторые из них были расстреляны; во-вторых, рядовые члены партии были лишены возможности заниматься ежедневной привычной работой, связанной с руководством рабочим и коммунистическим движением польских трудящихся. Они были буквально оглушены.¹ В очерке подтверждаются сведения о том, что многие члены КПП (например, Владислав Гомулка (1905-1982) – партийный псевдоним товарищ Веслав) уцелели благодаря тому, что во время чисток отбывали срок в польских тюрьмах.

Следующим весьма серьёзным и правдивым документом, проливающим свет на описываемые события, является сборник интервью, опубликованный польским публицистом Тересой Тораньской в 1985 г., изданный в Польше в неподцензурном издательстве «Przedswit» и названный ею «Они». В биографии, помещенной в журнале Польской Народной Республики *Culture* сборник интервью с бывшими коммунистическими лидерами, в которых они рассказывали о своей роли в создании Польской Народной Республики, «Они» был назван главной книгой Тораньской. Книга издавалась на более чем десяти языках, являлась обязательным чтением для абитуриентов факультетов социологии и политологии во многих странах мира. За эту публикацию Тораньская получила Премию солидарности сотрудников издательств за лучшую книгу польского автора, изданную в самиздате (1986), а также Премию польского ПЕН-клуба им. Ксаверия Прушиньского (2000).²

В книге Т. Тораньской «Они» её спутниками на страницах с интервью предстают бывшие высокопоставленные коммунистические деятели Польской Народной Республики в 1945-1956 гг. – Эдвард Охаб, Якуб Берман, Роман Верфель, Стефан Шташевский и Юлия Минц, вдова Хилари Минц. Эта книга объявлена журналом бестселлером, критики сравнивали стиль интервью Тересы Тораньской со стилем журналистки Орианы Фаллачи.³ При публикации сборника «Они» редакция русскоязычного общественно-политического,

¹ *Biello Piotr (Биелло Петр)*. Польские коммунисты после роспуска партии. Могло ли получиться? // Очерк общественной истории Польской Народной Республики. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenincrew.com/history-of-the-ppr-1/> (дата обращения: 03.03.2021).

² *Тораньская Тереса*. Жизнь и творчество. Персоналии / Автор: Culture.pl. [Электронный ресурс]. – URL: <https://culture.pl/ru/artist/teresa-toranskaya> (дата обращения 03.03.2020).

³ *Тораньская Тереса*. 1. Биография. (*Biography*) [Электронный ресурс]. – URL: <https://amp.ru.google-info.cn/7448945/1/toranskaya-teresa.html> (дата обращения: 03.03.2020).

экономического и культурно-философского журнала *Страна и мир* (Мюнхен, Германия) напечатала сообщение о том, что автору книги присуждена премия польского независимого профсоюзного объединения «Солидарность» за 1985 г.¹ Соглашаясь в целом с той оценкой сборника интервью Тересы Тораньской, которая была дана несколькими периодическими печатными изданиями, мы подчёркиваем нерушимый принцип оценки любого документа, который принят в источниковедении: опора на принцип историзма, всестороннее изучение и сравнение изложенных сведений и фактов с привлечением других источников, включая устные истории (*oral history*). То же можно сказать и об исследовании второго документа – Очерка общественной истории Польской Народной Республики. В очерке, на наш взгляд, достоверно отражена картина многочисленных распрей, происходивших между членами компартии. Причины кроются и в разном социальном происхождении коммунистов, и в сложной внутривнутриполитической обстановке страны, в разном толковании насущных задач, и в большой степени в преобладании у значительной части польских коммунистов местечкового сознания, характерного для определенных групп как сельской, так и городской интеллигенции и более образованного слоя городских и сельских жителей в целом.

Об этом рассуждает известный российский историк, педагог и общественный деятель Е.Ю. Спицын в своих публичных лекциях по самым разным вопросам отечественной истории. Е.Ю. Спицын, опираясь прежде всего на хорошее знание истории Польши, на множество изученных документов при написании своего учебника, изложил в этом учебнике свою концепцию истории складывания российско-польских и советско-польских отношений. По общему мнению, профессиональный взгляд историка Е.Ю. Спицына помогает понять современный характер отношений между Польшей и Россией. В частности, в одном из своих публичных выступлений данный историк охарактеризовал Владислава Гомулку как националиста и яркого антисталиниста.² Местечковая идеология перманентно порождалась и порождается по сей момент зараженным сознанием многих представителей всех ветвей и уровней власти.

Как подчёркивает в своём очерке его автор Петр Биелло, ситуация усугублялась тем, что ввиду малочисленности КПП (не более 16 тысяч членов), её деятели, как правило, не только знали друг друга в лицо, но и несмотря на распри, поддерживали дружеские отношения. Для нас остаётся спорным вывод, который был сделан Петром Биелло при описании исследу-

¹ *Тораньская Тереса*. Они (продолжение). // Страна и мир. – 1986. – № 3. – С. 76. [Электронный ресурс]. – URL: EBook 2013: https://vtoraya-literatura.com/pdf/strana_i_mir_1986_03_text.pdf (дата обращения: 03.03.2020).

² *Спицын Е.Ю.* Победа после победы? [Электронный ресурс] – YouTube / Московский педагогический государственный университет, канал День-ТВ (дата обращения: 06.05.2021).

емого сюжета литературного документа. Автор документа П. Биелло проводит прямую причинно-следственную связь между гибелью польских товарищей (особенно при указанных обстоятельствах), оглушенным состоянием остальных членов партии и их дальнейшим политическим поведением.¹ Да, на отдельных выживших руководителей и рядовых членов партии, как следует из исследованных в ходе изучения истории польского вопроса документов, случившееся наложило свой тяжелый отпечаток. Подключаем к нашему исследованию сборник интервью Тересы Тораньской. На этот документ ссылался в своем очерке и П. Биелло. В его выводах, сделанных на основании воспоминаний польских коммунистов, живших на территории СССР и легших в основу сборника интервью Тересы Тораньской под заглавием «Они», явно преувеличено влияние вышеупомянутых причинно-следственных связей на ход исторических событий. Ясно, что травма от трагических событий 1938 г. гипотетически могла способствовать закреплению у участников и свидетелей (*Цитирую*. – В.П.) «таких черт характера, как педантичная осторожность, страх перед проявлением инициативы, перед открытым обсуждением политических вопросов, а прежде всего – подсознательное недоверие к советскому руководству».²

Нельзя, на наш взгляд, согласиться и с тем посылом, который венчает данный пассаж очерка: якобы именно такие коммунисты вошли впоследствии в состав партийного и государственного аппарата Польской Народной Республики. Вот наш заведующий Оскар Симонович Альстер, который по существу являлся рядовым польским коммунистом, всегда был примером в утверждении и претворении стойких коммунистических принципов и активной гражданской позиции. Да и его товарищ по польскому подполью Веслав – Владислав Гомулка на протяжении всего времени нахождения у партийной и государственной власти не проявил в какой-либо степени не характерных для людей его поколения и его ранга указанных черт. Как раз его коммунистические соратники отмечали решительность В. Гомулки, граничащую порой с отсутствием даже малейшего проявления инстинкта самосохранения. В интервью с Тересой Тораньской Якуб Берман (1901-1984), в течение десяти лет бывший вторым человеком в государстве (Польше) – мозгом партии и высшим авторитетом, представителем последнего секретариата ЦК Коммунистической партии Польши поведал об обвинении его в тяжелейших преступлениях и в измене. Дело дошло до того, что его, как он выразился, выгнали и даже вычеркнули из энциклопедии. Самую решительную позицию во внутриполитической борьбе занял Гомулка. По словам Я. Бермана все это действо затеял Гомулка, и, что для нас самое важное, не проявил по отношению к своему «врагу» великодушия. Гомулка, а здесь напрашивается прояв-

¹ *Biello Piotr (Биелло Петр)*. Польские коммунисты после роспуска партии.

² *Biello Piotr (Биелло Петр)*. Польские коммунисты после роспуска партии.

ление прямо противоположных отмеченным Р. Биелло черт, действовал решительно, смело, как когда-то в 1948 г. вынужден был выступить с самокритикой.¹

Не достаточно, посмеем высказать свое суждение, объективной взглядит и оценка роли польских коммунистов во Второй мировой войне, данная в очерке польского коллеги П. Биелло. Сравнение лишённых собственной партии, понёсших кадровые и моральные потери, обескураженных (что вполне допустимо, если принимать во внимание конкретно-историческую обстановку того времени, а не звонить с современной колокольни) советско-немецким пактом о ненападении поляков с положением членов таких крупных отрядов коммунистов как компартии Италии, Франции или Югославии по крайней мере не корректно. Тем более ставить им в вину якобы ослабление их роли в войне. Коммунистическая организация как таковая прекратила свою деятельность, а роль каждого отдельного коммуниста определялась его личным вкладом в общую борьбу против общего врага. Из имеющихся в наших руках документов, освещающих события тех нескольких лет, мы можем сделать вывод, что в 1938-1939 гг., то есть ещё до начала Второй мировой войны и оккупации Польши, наиболее инициативные коммунисты начали постепенно самостоятельно воссоздавать партийные структуры, например, вокруг нового бюллетеня компартии «Молот и Серп». Следует одновременно сказать, что в очерке общественной истории Польской Народной Республики проявился зашоренный взгляд на исторические события. Вновь, мы склонны думать, уже под влиянием современных, ставших уже лжехрестоматийными, польских оценок речь идет о надуманных трудностях в деятельности коммунистов под немецкой оккупацией вплоть до конца июня 1941 г. Коммунисты, якобы, наталкивались на трудности, связанные с действующим пактом Молотова-Риббентропа. Как говорится, без комментариев.

Мы открываем самую интересную страницу нашего исследования. В неоднократно упомянутом и процитированном очерке дана, как нам представляется, положительная оценка более благоприятных условий по сравнению с местными, польскими, сложившимися на присоединённой после 17 сентября 1939 г. к СССР территории. К таким территориям относились, прежде всего, Западная Украина и Западная Белоруссия. Сюда устремились для продолжения своей миссии и исполнения своего коммунистического долга польские коммунисты еще до нашествия на Польшу гитлеровских полчищ. Их привлекали большие города, центры промышленности, где были сосредоточены крупные отряды польского пролетариата. К таким центрам относился

¹ *Тораньская Тереса. Они / Тереса Тораньская, Якуб Берман. Независимость по-советски. 1-я часть // Восточно-Европейские проблемы. – № 15. – С. 116. [Электронный ресурс] // URL: [https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1986-15-16/1986-15-16%20\(116\).pdf](https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1986-15-16/1986-15-16%20(116).pdf) (дата обращения: 03.03.2021).*

и старинный европейский город Львов. Не только промышленный, культурный, но и студенческий центр, имевший в своем составе несколько высших учебных заведений европейского образца, включая крупный университет.

Основной тактикой коммунистов как на местах, так и в точках рассредоточения была определена, и не без основания, в целях сохранения численности когорты коммунистов, работа с профсоюзными организациями рабочих и служащих. Это была пропагандистская, просветительская работа, тактически верно, как теперь признано всеми западными исследователями, применявшаяся в условиях нараставших репрессий и реакции властей.¹ Начавшаяся война прервала естественный ход событий и надолго заставила не только коммунистов, но и всех людей жить и работать в экстремальных условиях повсеместно. Вновь, спустя долгие годы после Мировой империалистической и Гражданской войны, появился неведомый молодым поколениям статус «беженец». Такой статус присвоили польским коммунистам, которые буквально в мгновение ока очутились под пристальным вниманием новых «хозяев», поскольку стремительное наступление немецких войск не давало никакого шанса на эвакуацию ценных документов и архивов, в том числе полицейских, где аккуратно были указаны все необходимые сведения о политических противниках «паньской» Польши (по выражению О.С. Альстера, персоналии нашего исследования). По словам О.С. Альстера, жизнь многих коммунистов и их близких на захваченной территории подвергалась непосредственной опасности. Выход все видели только в спасении на территории, еще не занятой врагом. Путь был определен – на Львов. Так наш заведующий О.С. Альстер очутился во Львове. Жена, маленький сын рядом. Не следует забывать, что глава семьи и его жена были по происхождению польскими евреями.

События сентября 1941 г. развивались так стремительно, что семья Альстер вскоре оказалась уже в советском Львове. Правда, советским Львов стал не сразу, а в ходе известных событий (которые не входят в предмет нашего исследования), связанных с уточнением новой государственной границы вслед за вступлением советских войск на территорию Западной Украины. Как следует из вышеупомянутых литературных документов, местные коммунисты и беженцы из немецкой зоны (с момента установления разделения войск Германии и СССР) приняли участие в политической жизни, хотя многие предпочитали обходить молчанием свой стаж в КПП. О.С. Альстер, как указано в его личном деле, поднимал перед партийными органами вопрос о восстановлении в рядах Коммунистической партии с полным партийным стажем, включая пребывание членом КПП. Результат уже был освещен в одной из работ автора данной статьи: Оскару Симоновичу предложили вступить в

¹ *Тораньская Тереса*. Они / Тереса Тораньская, Якуб Берман. Независимость по-советски. 1-я часть.

КПСС вновь. О прохладном, даже холодном отношении советского партийно-государственного аппарата к польским коммунистам пишет в своем очерке и П. Биелоу, хотя отдельные эпизоды взаимоотношений между польскими и советскими коммунистами свидетельствуют об обратном. В частности, Я. Берман вспоминает о приеме в честь польских коммунистов, живших тогда в Белостоке и Барановичах, устроеном П.К. Пономаренко, Первым секретарем ЦК КП Белоруссии.¹ Точку зрения автора очерка мы не можем поддержать как абсолютно неприемлемую в силу ее абсурдности: советская сторона якобы не желала быть обвинённой немецкой стороной в покровительстве «польскому национализму». Надуманная ненаучная дребедень.²

В целом советская страна создавала, как следует из интервью с Я. Берманом, вполне нормальные условия для жизни и работы польских семей. О жизни в Советском Союзе тех лет и быте иностранных граждан, которые по своему духу были близки советским гражданам и приветствовали строительство социализма в советской стране, написано очень много. Автору данных строк очень часто в старые, добрые советские времена приходилось читать и анализировать со студентами материалы об этом периоде на немецком языке. Тогда мы с восточными немцами и другими жителями стран Восточной и Юго-Восточной Европы дружили. О.С. Альстер как и другие его бывшие соотечественники и товарищи по классовой борьбе, коммунистическому подполью, получил в СССР работу и принял советское гражданство.³ В личном деле О.С. Альстера хранятся документы, фиксирующие его трудовую деятельность в самом начале жизни на советской земле. Этот период жизни досконально изучен именно благодаря его документированности.

В Свердловском юридическом институте, где О.С. Альстер заведовал кафедрой иностранных языков, ему пришлось непосредственно в течение нескольких лет общаться с посланцами братской Польши. Профессию юриста, советскую юридическую науку в его родном учебном заведении осваивали молодые граждане Польской Народной Республики. Страна остро нуждалась в высококвалифицированных научных кадрах, чтобы с помощью подготовленных в СССР специалистов развивать юридическую науку и юридическое образование на своей собственной основе. В советских вузах, в том числе в Свердловском юридическом институте при общей нехватке своих кадров и средств для дальнейшего развития высшего юридического образо-

¹ *Тораньская Тереса*. Они / Тереса Тораньская, Якуб Берман. Независимость по-советски. 1-я часть.

² *Biello Piotr (Биелло Петр)*. Польские коммунисты после роспуска партии. Могло ли получиться? // Очерк общественной истории Польской Народной Республики.

³ *Тораньская Тереса*. Они. / Тереса Тораньская, Якуб Берман. Независимость по-советски. 1-я часть. // Восточно-Европейские проблемы. – № 15. – С. 120-121. [Электронный ресурс]. // URL: [https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1986-15-16/1986-15-16%20\(120-121\).pdf](https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1986-15-16/1986-15-16%20(120-121).pdf) (дата обращения: 03.03.2021).

вания были созданы благоприятные условия для подготовки польских специалистов. И об этом надо помнить. В таком благородном деле О.С. Альстер принимал активное участие и был правой рукой ректора. Весь процесс подготовки кадров специалистов для стран «народной демократии» в уральских вузах исследован автором в диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.¹

Позволим себе описание еще об одной важной встрече О.С. Альстера с Владиславом Гомулкой, о которой по институту тоже ходила легенда. Начнем с фотографии, автором которой, как следует из выходных данных, является Валерий Шутов. Фотография иллюстрирует встречу польской делегации на аэродроме в Свердловске (ныне Екатеринбург) в ходе визита в СССР партийно-правительственной делегации Польской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) Владиславом Гомулкой (1956-1970). Товарищ Гомулка на первом плане фотографии.² Эта встреча в аэропорту и положена в основу легенды. Среди встречавших В. Гомулку был и О.С. Альстер. По заведенному в советское время обычаю визит столь высокого гостя планировался и готовился задолго до предстоящего события. В связи с подготовкой в рамках визита польской делегации ее кратковременного пребывания в нашем городе Свердловск посетил Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Польше А.Б. Аристов. Партийная биография А.Б. Аристова связана со Свердловском и другим крупным Уральским регионом Челябинской областью. Как положено, посол согласовал маршрут следования и график пребывания делегации, места посещения и встреч трудящихся Свердловска и Свердловской области с польскими гостями. Любопытно, что среди источников, посвященных посещению уральской столицы А.Б. Аристовым, мы обнаружили статью А.В. Сушкова, проливающую свет на это неординарное событие. Но ответить однозначно на вопрос, носило это посещение только официальный характер или было инициировано также под влиянием личных мотивов, нам не удалось. Остается только предполагать, что А.Б. Аристов таким вот ещё образом лишний раз хотел предупредить своих свердловских товарищей о возможных непростых и неприятных ситуациях в ходе посещения польской делегацией

¹ *Пряхин В.М.* Подготовка специалистов для стран «народной демократии» в вузах Урала 1946-1960 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Уральский гос. ун-т. – Екатеринбург, 1995. – 19 с.

² Визит в СССР партийно-правительственной делегации Польской Народной Республики во главе с первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии Владиславом Гомулкой (На первом плане). Польская делегация в Свердловске (ныне Екатеринбург). Встреча гостей на аэродроме. [Электронный ресурс]. – URL: visualrian.ru/media5938393 (Фотография. 09.10.1966 г. Автор Валерий Шутов. Источник: РИА Новости. Дата поступления: 05.07.2019).

Свердловска.¹

Естественно, что посещение польской делегацией хотя и почти столичного, но так далеко расположенного уральского города широко освещалось столичной, областной и городской прессой. Не вызывал вопроса и состав делегации. В назначенное время встречавшие делегацию партийные и советские руководители Свердловской области и города Свердловска, а также приглашенные на встречу представители партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, научных учреждений, высших, средних специальных учебных заведений, школьных и дошкольных учреждений, отдельные граждане прибыли в аэропорт Кольцово. Фотограф запечатлел проход делегации к выходу с аэродрома. Взятый профессиональным фотографом ракурс позволяет достаточно хорошо разглядеть отдельных встречавших. Вот сейчас мужчина средних лет сдернет шляпу и произнесет слово, повергшего главного польского гостя в глубокое смятение: «Веслав!» Кто этот человек, назвавший В. Гомулку партийной кличкой? Если поляк, то как он оказался с таким далеком далеке? (Если говорить открыто и честно, то многие из их польских товарищей побывали в заключении и ссылке ещё дальше, за Уралом). И только потом выясняется, что среди встречавших находился товарищ Ромек, таков был партийный псевдоним Оскара Альстера из Жешува. Совместная деятельность в польском коммунистическом подполье, тюремные университеты, стойко перенесенный удар от своих же товарищей, определивший роспуск Компартии Польши. Теперь были разные пути: у одного – длительная борьба за восстановление партии и польский коммунистический эксперимент, у другого – нечеловеческие страдания, связанные с гибелью жены и сына во время гитлеровской оккупации, отбытием заключения в Ивдельском лагере без суда и следствия. До нас, к сожалению, не дошли ни в каком виде сведения о минутах личных встреч старых подпольщиков, но думаем, они состоялись. В дальнейшем, при описании всех значительных сюжетов посещения Свердловска мы непременно мыслимо будем чувствовать присутствие удивительного человека, нашего Учителя О.С. Альстера.

Как мы предполагаем, в связи с тем, что в последнее время российско-польским отношениям не по вине России был нанесён значительный ущерб, существенно возрос интерес отдельных средств массовой информации и граждан к освещению посещения Свердловска польской партийно-правительственной делегацией. К примеру, провинциальный литературно-художественный историко-краеведческий журнал *Веси* в спецвыпуске, посвященном обзору документов, хранящихся в Центре документации общественных организаций Свердловской области, опубликовал на своих страницах фото и крат-

¹ Сушков А.В. Посещение г. Свердловска советским послом А.Б. Аристовым в рамках визита польской партийно-правительственной делегации в СССР. [Электронный ресурс] // URL: <https://elar.urfu.ru>bitstream> (дата обращения: 03.05.2021).

кий комментарий о посещении названной делегацией нашего города. На фотографии запечатлен проезд кортежа машин польской делегации по главной улице Свердловска. Впечатляюще.¹ Другим знаком внимания прессы такому шумевшему событию было обращение к этой теме газеты *Коммерсантъ*. В одном из своих номеров газета осветила прилет в Свердловск в октябре 1966 г. Первого секретаря ЦК ПОРП В. Гомулки. Польская делегация, которую возглавлял товарищ Веслав, побывала на УЗТМ (Уральском заводе тяжелого машиностроения) и Первоуральском новотрубном заводе. Ясно, что подобные гиганты тяжелой промышленности и передового машиностроения мирового значения привлекали внимание идущей по пути строительства социализма небольшой европейской страны. Тогда мы были вместе.²

К самым значительным документальным источникам, которые содержат сведения и факты о визите делегации, мы относим фильм «Посланцы братской Польши в СССР», выпущенный в 1966 г. на студии ЦСДФ (ныне РЦСДФ) режиссером К. Эггерсом в двух частях. Следует отметить, что пользователи интернет-ресурсом с помощью URL (унифицированный указатель ресурсов) получают возможность доступа к источнику и уникальные выходные данные источника, среди которых не только те, что считаются классическими, то есть формально установленными, к примеру аннотация фильма, но и редкие: фамилии режиссера и диктора, хронометраж обеих частей (0:19:38). Фильм восстанавливает полную картину визита и дополняет интересующую нас свердловскую часть новыми эпизодами, демонстрирующими, как тогда было принято говорить, «нерушимое братство» двух славянских социалистических наций. В самом начале фильма голос Леонида Хмары доносит информацию о прибытии 10 октября 1966 года в Москву по приглашению ЦК КПСС и Совета Министров СССР с официальным визитом партийно-правительственной делегации Польской Народной Республики, возглавляемой Первым секретарем ЦК ПОРП В. Гомулкой и Председателем Совета Министров ПНР Ю. Циранкевичем. Мы не случайно полностью привели этот закадровый комментарий, произнесенный голосом символа (наряду с Ю. Левитаном) советской эпохи. Современный зритель с самого начала фильма «проваливается» в созданную режиссером, кинооператором и другими участниками кинопроекта атмосферу советской действительности. В первой части фильма

¹ Кортеж автомашин партийно-правительственной делегации Польской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии Владиславом Гомулкой на улицах Свердловска в ходе визита в СССР (посещение Свердловска). [Электронный ресурс] // URL: vesi_mag_2013_06.pdf. – ВЕСИ (Провинциальный литературно-художественный историко-краеведческий журнал. Спецвыпуск ЦДОО СО). – 2013. – № 6. – С. 88. Фото: С. 92 (дата обращения: 03.05.2021).

² Урал вам еще покажет. – Куда водили глав иностранных государств в Свердловске. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru>doc/4800480> (дата обращения 03.05.2021).

ожила встреча делегации в аэропорту Свердловска 12 ноября 1966 г. Делегацию в Свердловск сопровождал Председатель Совета Министров СССР – А.Н. Косыгин. Для того чтобы установить, попал ли в один из кадров О.С. Альстер, нужно провести специальное исследование. Равное относится и к другим кадрам фильма. А это уже дело криминалистов.

Свердловские съёмки благодаря их уникальности и давности воспринимаются как раритетные, так как отражают людей, действительность и архитектуру зданий (их внешний вид) тех дней. Кадры наполнены фигурами уважаемых всеми свердловчанами партийных и советских руководителей Свердловской области. Завершается первая часть фильма съёмками проезда делегации по улицам Свердловска, видов приветствующего делегацию народа с памятника В.И. Ленину, здания обкома партии, дружеской беседы членов польской делегации с руководителями партийных и советских организаций. Ликовал уральский народ. Вместе со всеми выражал своё ликование и О.С. Альстер. Он чувствовал свою сопричастность к торжественной, и одновременно такой душевной с его точки зрения встрече посланцев Родины. Мы не сможем установить, в каком качестве О.С. Альстер участвовал в приеме делегации. Возможно, он помогал в переводе многочисленных бесед и речей в ходе посещений Вечного огня с обелиском Славы борцам-революционерам, героям Гражданской войны на Урале; Пограничного знака между Европой и Азией; (13 января 1966 г.) Белоярской атомной электростанции им. И.В. Курчатова; Уралмаша им. С. Орджоникидзе. Такая помощь в переводе вполне была уместна, поскольку в Свердловске на тот момент практически не имелось людей, профессионально владевших польским языком. Особо отметим митинг, состоявшийся на Уралмаше. Трудящиеся знаменитого завода преподнесли членам польской делегации памятные подарки: модели шагающего экскаватора и блюминга.¹

Таким образом, представленным исследованием был заполнен пробел в биографии заведующего кафедрой иностранных языков Свердловского юридического института Оскара Симоновича Альстера, подробно проанализирована подоплека одной из легенд, сопровождавших его имя и его личность на протяжении многих лет до конца жизни. В целом, история создания и развития уральской лингвистической школы, её питомцев – преподавателей кафедры, история самой кафедры, отмечающей в 2021 году 80-летие с момента основания, тесно переплетена с историей высшей, в том числе юридической и средней школы на Урале, организации и постановки иноязычной подготовки, преподаванием и изучением иностранных языков, развитием языковой личности юриста в Уральском государственном юридическом университете.

¹ Посланцы братской Польши в СССР (1966). [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.net-film.ru>film.6324> (дата обращения 03.05.2021).

Источники и использованная литература:

1. *Ахмадулина А.Ф.* Мой труд – это счастье, множенное на творчество // Фильтры нашей памяти. – Артемовский, 2020. – 136 с.
2. *Biello Piotr (Биелло Петр).* Польские коммунисты после роспуска партии. / Могло ли получиться? Очерк общественной истории Польской Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenincrew.com/history-of-the-ppr-1/> (дата обращения: 03.03.2021).
3. Визит в СССР партийно-правительственной делегации Польской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии Владиславом Гомулкой (На первом плане). Польская делегация в Свердловске (ныне Екатеринбург). Встреча гостей на аэродроме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: visualrian.ru/media5938393 (Фотография. 09.10.1966 г. Автор Валерий Шутов. Источник: РИА Новости. Дата поступления: 05.07.2019).
4. Кортёж автомашин партийно-правительственной делегации Польской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии Владиславом Гомулкой на улицах Свердловска в ходе визита в СССР (посещение Свердловска). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: vesi_mag_2013_06.pdf. – ВЕ-СИ (Провинциальный литературно-художественный историко-краеведческий журнал. Спецвыпуск ЦДО СО). – 2013. – № 6. – С. 88. Фото: С. 92 (дата обращения: 03.05.2021).
5. Немецкий язык. *Deutsche Juristen im Gespräch (Juristenberuf).* Лабораторные работы. / Составит. доцент М.П. Ванина, научный ред. доктор педагог. наук проф. К.М. Левитан. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2000. – 108 с.
6. Посланцы братской Польши в СССР (1966) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.net-film.ru>film.6324> (дата обращения 03.05.2021).
7. *Пряхин В.М.* Его традиции живут (к творческому портрету Оскара Симоновича Альстера) // Теория и практика обучения русскому, иностранным языкам в вузе. Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Уральской государственной юридической академии и 70-летию кафедры русского, иностранных языков и культуры речи. – Екатеринбург: Издательский Дом «Уральская государственная юридическая академия», 2006. – 148 с.
8. *Пряхин В.М.* К истории кафедры русского, иностранных языков и культуры речи в контексте поликультурного образования. // Актуальные проблемы современного поликультурного образования: Материалы международного круглого стола к 80-летию кафедры русского, иностранных языков и культуры речи (Екатеринбург, 2 декабря 2016 года) / отв. ред. профессор К.М. Левитан. – Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. – 260 с.
9. *Спицын Е.Ю.* Победа после победы? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: YouTube / Московский педагогический государственный университет, канал День-ТВ (дата обращения: 06.05.2021).
10. *Сушков А.В.* Посещение г. Свердловска советским послом А.Б. Аристовым в рамках визита польской партийно-правительственной делегации в СССР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elar.urfu.ru>bitstream> (дата обращения: 03.05.2021).
11. *Тораньская Тереса.* 1. Биография. (*Biography*). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://amp.ru.google-info.cn/7448945/1/toranskaya-teresa.html> (дата обращения: 03.03.2020).
12. *Тораньская Тереса.* Жизнь и творчество. Персоналии / Автор: Culture.pl. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://culture.pl/ru/artist/teresa-toranskaya> (дата обращения: 03.03.2020).

13. *Тораньская Тереса. Они / Тереса Тораньская, Якуб Берман. Независимость по-советски. 1-я часть. // Восточно-Европейские проблемы. – № 15. – С. 116-170. [Электронный ресурс]. – URL: [https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1986-15-16/1986-15-16%20\(116-170\).pdf](https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1986-15-16/1986-15-16%20(116-170).pdf).*
14. *Тораньская Тереса. Они (продолжение) // Страна и мир. – 1986. – № 3. – С. 76. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: EBook 2013: https://vtoraya-literatura.com/pdf/strana_i_mir_1986_03_text.pdf (дата обращения: 03.03.2020).*
15. *Урал вам еще покажет. Куда водили глав иностранных государств в Свердловске. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4800480> (дата обращения 03.05.2021).*

Pryakhin V.M.

**We will remember these names
(to the history of the Department of Russian,
foreign languages and speech culture
of the Ural State Law University)**

The article deals with the fate of the legendary chairman O.S. Alster and the fates of other chair members (“foreigners”) in the context of the history of Ural higher law school, the establishment and the development of Ural linguistic school, language including foreign language teaching law students.

Keywords: Legendary chairman; Ural linguistic school; replacement channel of teaching staff; fates of chair members.

Pryakhin Valentin Mikhailovich – Candidate of Historical Sciences, docent, Assistant Professor, Ural State Law University (Russia, Yekaterinburg, Komsomolskaya street, 21).

E-mail: inyaz@usla.ru

Тимонин А.Н.

«ТОЧЕЧНАЯ ТЕОРИЯ» И РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЛИКВИДАТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Изучив научную и учебную литературу, исторические источники, автор критически рассмотрел «точечную теорию» М.Р. Габитова. В результате проведенного анализа выявлена несостоятельность этой теории и невозможность её продуктивного применения в учебном процессе.

Ключевые слова: история государства и права зарубежных стран; «точечная модель»; мнимые закономерности, модерноцентризм; европоцентризм.

Общезвестно, что историко-юридические учебные дисциплины сегодня переживают нелегкие времена. Регулярное обновление учебных планов, государственных стандартов и другой учебно-методической документации столь же регулярно приводят к сокращению и без того небольшого учебного времени, выделенного на преподавание данных дисциплин. Бедственным положением истории государства и права решили воспользоваться ученые-отраслевые, которые своим вторжением в чуждую им сферу только усугубляют проблемную ситуацию. Речь идет о работах уфимского юриста-аграрника М.Р. Габитова, который рассуждая о модернизации, оптимизации и вестернизации историко-юридических дисциплин стремится к их фактической ликвидации. В качестве примера возьмем одну из статей М.Р. Габитова с весьма претенциозным названием – «Проблемы модернизации образовательной системы и юридического образования», в которой вся история человечества сводится к процессу «формирования объема знаний». В нем он обнаружил «огромные потоки избыточной информации, не содержащей новых знаний». Выход из сложившейся ситуации видится ему в реализации собственной концепции модернизации всего учебного процесса, обеспечивающего подготовку юристов, которая в свою очередь, сводится к его моделированию. При этом все богатство учебно-методического материала, содержащееся во всех без исключения юридических учебниках, приносится им в жертву «точечному образу окружающего мира», на том основании, что они якобы «полны бессвязного материала».

Легко догадаться, что вслед за такой постановкой проблемы неизбежно последует массированная атака и на историко-юридические дисциплины. И она не заставила себя долго ждать. Юрист-аграрник причисляет такие фун-

Тимонин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, Башкирский государственный университет, Институт права (Россия, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131).

E-mail: timonin.anatoly2011@yandex.ru

даментальные юридические дисциплины, как «История государства и права зарубежных стран», «История государства и права России», наряду с «Теорией государства и права», к разряду «общетеоретических дисциплин».¹ Уже одна только эта неуклюжая характеристика дисциплин исторического профиля свидетельствует о полном непонимании им специфики и дисциплинарного статуса «Истории государства и права зарубежных стран» и «Истории государства и права России». Далее следует не менее экстравагантное заявление: «В учебниках, хрестоматиях и в компьютерных программах – всюду царят «шум и хаос», всюду он наблюдает бессистемность и «общий набор фактов», лишенных какой-либо «общей направленности».

«Обнаружив» в «Истории государства и права зарубежных стран» полнейшую анархию и неразбериху, наш модернизатор предлагает покончить с ними путем реализации своей «точечной модели». С присущей его «творчеству» легкостью необыкновенной из всего «исторического калейдоскопа событий» он произвольно избирает ряд «информационных точек», образующих особую информационную модель. Первоначальной же точкой такой модели объявляется Древний Рим. Подобный выбор объясняется им довольно просто: ведь именно к этому древнему государству своими корнями восходит «современная модель государства». Нетрудно догадаться, что в этом качестве у него выступает государство только одной цивилизации – евро-атлантической цивилизации. В результате подобной нехитрой манипуляции из всего объема учебного курса должны быть изъяты все те его разделы и темы, которые совершенно не вписываются в предложенную М.Р. Габитовым европоцентристскую «систему». За её пределами оказываются не только государственно-правовые системы всего Востока, но даже Древней Греции. При таком подходе «История государства и права зарубежных стран» лишается даже намек на всемирный характер и превращается в историю одного региона – Западной Европы.

Но разве очередная фрагментация юридической истории, низводящая её до отдельных точек, когда-либо смущала типичных представителей уфимской аграрно-правовой школы? Нет, конечно же! Поэтому М.Р. Габитов вновь смело редуцирует историю – на сей раз западноевропейскую историю. Модернизатор оставляет из неё только те фрагменты, которые минуя все тупиковые и альтернативные формы, неизбежно приводят к «выборной форме государственной власти; и к оформлению международных правовых принципов». Именно таким ему видится конечный пункт маршрута, произвольно проложенного для западноевропейской государственно-правовой истории, маршрута, не допускающего никаких иных вариантов, никаких отклонений от той сюжетной линии, которая собственноручно была намечена автором. В

¹ *Габитов М.Р.* Проблемы модернизации образовательной системы и юридического образования // Правовое государство: теория и практика. – 2012. – № 1 (27). – С. 38, 36.

соответствие с новой генеральной линией отпадает потребность в освещении длительной эволюции монархической государственности Европы, колониальных империй, нацистской Германии, фашистской Италии, милитаристской Японии. Отныне учебный процесс должен быть подчинен идее телеологического свойства, в соответствии с которой государственно-правовые формы древней и средневековой Европы подобно колоннам марширующих солдат осуществляют движение к «современной модели государства». Тем же требованиям он подчиняет и преподавание истории отечественного государства и права, так как «в 1993 году Россия также приняла именно эту модель государственного устройства».¹

Такова основная идея, руководствуясь которой М.Р. Габитов, совершенно произвольно определяет последовательность сменяющих друг друга событий, именуемых им «информационными точками». В результате учебный курс «История государства и права» превращается в некое подобие «курса кройки и шитья», а изучающим его студентам, предлагается самим произвольно выкраивать из истории отдельные фрагменты, произвольная комбинация которых должна быть выстроена в одну линию, ведущую к современным государственно-правовым формам. Именно так наш модернизатор мыслит себе новый порядок управления историческим прошлым Европы, подчинив его современности, «современной системе», становление которой характеризуется им в качестве «точки отсчета». Поскольку данный процесс исторически длителен, постольку даже при самом поверхностном его освещении необходимо довольно много «информационных точек». Без них любая излишне обобщенная, сугубо абстрактная схема становится абсолютно бессодержательной, лишенной даже намека на адекватность. Поэтому автор «точечной модели» решил дополнить её четырьмя абстрактными тезисами – четырьмя «закономерностями», которые призваны послужить одновременно еще и «ориентирами» для читателя, погружившегося в глобальную сеть, чтобы он самостоятельно восполнил пробелы и перекрыл пустоты, «заботливо» оставленные для него модернизатором. Какая же из четырех абстракций рассматривается им в качестве исходной? Таковой у него оказывается фиксированная собственность. Именно тогда, когда «юридически закрепляется право собственности на землю» и берет свое начало по мысли автора процесс «движения ведущих мировых государств к наиболее оптимальной форме правления».

Лучшей формой правления М.Р. Габитов считает «выборную форму правления», созидая её, европейцы создают сенат, парламент и Генеральные штаты, «куда поначалу входят только собственники земли, а впоследствии представители от всего населения». Каким образом древнеримский сенат оказался в одной шеренге со средневековыми сословно-представительными

¹ Там же. С. 37.

учреждениями остаётся только догадываться, но именно появление «представительного органа правления» расценено автором в качестве второй «закономерности». Заключительные же звенья «закономерной» схемы проявляют себя тогда, когда «для равных выборов закрепляется равноправие всех граждан» и «складывается единая система суда и правосудия».¹ Налицо сугубо абстрактная схема, вновь лишенная столь необходимой в исторических трудах эмпирической основы. Поскольку автор избавил себя от анализа каких-либо исторических источников и фактов, содержащихся в них, то и дополнительная его схема выглядит крайне умозрительной и потому неубедительной. От кадастра к кадастру и от парламента к парламенту, рабски повинаясь мнимым закономерностям, события и процессы, произвольно выхваченные М.Р. Габитовым из реальной европейской истории, словно вагоны сверхскоростного поезда послушно следуют от начальной точки к конечной по узкой колее модерноцентризма, минуя самые темные и позорные страницы европейской истории. При модерноцентристском подходе студенты-юристы ничего не должны знать ни о крайностях римского рабства, ни об ужасах террористического правления Суллы, Калигулы и им подобным, ни об инквизиции, ни о геноциде американских индейцев и афроамериканцев. Критический анализ начального звена его «закономерной» схемы уже осуществлялся нами в другой статье.² Правда, в процессе его реализации некоторые важные моменты остались вне поля зрения. Поэтому есть смысл остановиться на них в данной работе.

Хорошо известно, что первоначальный сенат сформировался на основе совета старейшин и включал в себя глав «больших патриархальных семей, из которых состоял род».³ «Советом родовладык» и «царским советом», а не советом собственников земли именуется древнейший институт власти и М.В. Белкин, посвятивший ему специальное исследование.⁴ Такая позиция находит свою опору в источниках. Так, Цицерон [De rep. II. (VIII, 14)] прямо указывал на то, что Ромул «выбрал в царский совет первенствовавших людей, которые ввиду своего влияния были названы «отцами»».⁵ Согласно Плутарху «сто лучших граждан Ромул назначил советниками и назвал их «патрициями» [*patricii*], а их собрание – «сенатом» [*senatus*], что означает «совет ста-

¹ Там же.

² Тимонин А.Н. Нужна ли высшей школе история одного паттерна? Традиционный ответ на вызовы историософии и агродизайна // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 4 (143). – С. 92-95.

³ См.: Маяк И.Л. Рим первых царей (Генезис римского полиса). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – С. 238.

⁴ Белкин М.В. Римский сенат в эпоху сословной борьбы VI-IV вв. до н. э. Проблемы эволюции. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 9-10.

⁵ Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве. О законах: [Пер. с лат.] / Изд. подгот. И.Н. Веселовский и др. – М.: Наука, 1966. – Кн. II. – С. 37.

рейшин».¹ В древнейший период – в т.н. царскую эпоху «единственным требованием, предъявлявшимся к сенатору», помимо «принадлежности к роду», служила вовсе не земельная собственность, а «требование известного возраста, принадлежности к *seniores*». Поэтому римский сенат рассматриваемой эпохи не может считаться средоточием землевладельцев, он был «представителем отдельных родов, из которых слагалась община».² Выходит сенат в Риме появился ранее той эпохи, когда в этом древнем обществе стала господствовать частная собственность, и гораздо раньше её юридической фиксации путём составления земельного кадастра. Напомним, что именно на этом процессе, выдвигая его на роль предшествующего условия всей своей дополнительной схемы, особенно настаивает М.Р. Габитов.

Выбирали ли римляне своих сенаторов? Автор «точечной» модели данный вопрос предусмотрительно обходит во всех своих публикациях. О.В. Сидорович, проследившая эволюцию термина «патриции», склоняется к утвердительному ответу на этот вопрос, заключив свой анализ высказыванием: «Первоначально патриции – это те семьи, из которых выбирались старейшины родов».³ По наблюдениям М.И. Ростовцева в т.н. царскую эпоху «предание ставит сенат в полную зависимость от царя; в его руках лежит выбор сенаторов». В республиканский период состав сената пополняется уже не царями, а магистратами: первоначально консулами и с 312 г. до н.э. цензорами из числа отслуживших свой срок магистратов.⁴ С установлением республики на смену «совету отцов» или же «царскому совету» приходит такой государственный орган, который претендует на полновластие в Риме и в котором по-прежнему господствуют патриции. От элиты к элите развивался римский сенат и тогда, когда «период господства патрицианской знати (509-366 гг.) сменился периодом господства патрицианско-плебейского нобилитета». К такому выводу А.Б. Егоров приходит, проанализировав социальный состав всего римского республиканского консулата. По его словам «из примерно 800 консулов эпохи республики (509-548 гг.) более половины являются представителями 35-40 семей, регулярно занимающих должности».⁵ Соот-

¹ *Плутарх*. Ромул // Сравнительные жизнеописания: В 2 тт. / Изд. подготовили С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш; отв. ред. С. С. Аверинцев. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – С. 30.

² См.: *Ростовцев М.И.* Сенат (римский) // Энциклопедический словарь в 86 т. Т. XXIX А (58): Семь озер – Симфония. / Под ред. К.К. Арсеньева и засл. проф. Ф.Ф. Петрушевского. – СПб.: Изд-во: Тип. Акц. Общ. «Издат. Дело», Брокгауз-Ефрон, 1900. – С. 506.

³ *Сидорович О.В.* Социальный состав римского сената в период ранней республики // Из истории античного общества. – Горький: Горьковский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 1975. – С. 55.

⁴ *Ростовцев М.И.* Указ. соч. С. 506-507.

⁵ *Егоров А.Б.* Римское народное собрание. Правовой статус и властные полномочия // Вестник СПб(б) гос. ун-та. – Сер. 2. – 2010. – Вып. 2. – С. 71.

ветственно, решающее слово в сенате принадлежало выходцам из этих семей. Поэтому именно они и доминировали над всеми остальными сенаторами, среди которых появились и плебеи. Поскольку римское государство сохраняло свой элитарный характер и много позже завершения знаменитой борьбы плебеев с патрициями, то «равенство граждан в смысле юридической правоспособности, ответственности перед законом» не означало «равенства в политической и социальной сфере». Вначале I в. до н.э., как подметила Е.М. Штаерман, даже магистраты и декурионы италийского Тарента «могли претендовать на должность, лишь имея в городе дом, крытый не менее чем 1500 черепицами».¹

В условиях монополизации общественных должностей немногими семьями, в условиях растущей имущественной дифференциации римское простонародье все больше склонялось на сторону успешных военачальников, а не сената, доступ в который ему был закрыт. Поэтому простые римские граждане не желали более довольствоваться формальным равноправием и фиктивным представительством от всего римского гражданского корпуса, все чаще оказывая поддержку военачальникам, рвущимся к обладанию верховной властью, в надежде, что именно они вынудят сенат пойти на уступки народу. В таких условиях наблюдается растущее значение военных диктатур и переход к империи. Роль и место сената в период принципата остается предметом оживленных дискуссий в исторической науке, не вступая в них, отметим лишь, что нам близка позиция, занятая в этом по этому вопросу Е.М. Штаерман. С её точки зрения, «принцепс, «первый среди равных», якобы ничем не отличался от сенаторов и магистратов, кроме приобретенного заслугами масштаба своего авторитета – *auctoritas*, издавна связанного именно с сенатом. На деле реальную власть сенат утратил, а сенаторы всецело зависели от Августа».² В пользу такой точки зрения свидетельствовал сам Август, когда откровенно признавался в том, что «сенатский список трижды я пересматривал».³ Можно долго спорить о том, как много властных полномочий все-таки удалось сохранить господам-сенаторам в период принципата, как менялся статус сената в зависимости от соотношения сил внутри правящего слоя ранней империи, но дальнейший ход римской истории развивался явно не в пользу сената. Во всяком случае, в период домината круг властных полномочий сената сужается до компетенции «городского совета двух столиц – Рима и Константинополя».⁴

Как видно, в своем развитии римский сенат прошел длительный исто-

¹ Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима: в 2-х тт. / Ред. кол.: Ю.К. Колосовская и др.; Отв. ред. Е.С. Голубцова. – М.: Наука, 1985. – Т. 1. – С. 30, 32.

² Там же. С. 53.

³ Деяния божественного Августа // Шифман И.Ш. Цезарь Август / И.Ш. Шифман; АН СССР. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1990. Приложение. – С. 191.

⁴ См.: Ростовец М.И. Указ. соч. С. 509.

рический путь, начав с роли совета старейшин и закончив ролью городского совета. И на всем протяжении этого пути он отличался элитарным характером. Особенно ярко он проявил себя в период поздней республики и принципата, когда при Сулле имущественный ценз, необходимый для сенатора, достиг 400 000, а при Августе – 1 000 000 сестерций. Не располагая столь значительными суммами, мало кто из простоллюдинов мог помышлять о карьере сенатора. И Сулла, и Август – выдающиеся римские политики, оставившие глубокий след в римской истории. И тот и другой, прорываясь к верховной власти, не стеснялись себя никакими условностями и нормами. Зато внесудебные расправы и массовые казни своих политических противников широко практиковались обоими политиками, любыми средствами, прокладывая себе путь к вершинам государственной власти. И в этой незаконной практике они были не одиноки – на это обстоятельство в свое время обратил самое пристальное внимание Т. Моммзен. «Римское уголовное судопроизводство, – подчёркивал великий ученый, – утратило этим путём всякую принципиальность и опустилось на степень игрушки и орудия в руках политических партий».¹ Хотя ситуация с правозащитой римских граждан заметно улучшилась во время правления первого римского императора, но многие преемники Августа олицетворяли собой крайнее беззаконие и произвол. При них ситуация только ухудшилась: «Закон и право со временем становились все менее действенными, несмотря на труды правоведов и ужесточение кары». Иначе и быть не могло в том обществе, в котором «категорическое запрещение поработать римского гражданина сменилось признанием законности самопродажи в рабство».² С учётом изложенного становится очевидно, что те явления и процессы, которые характеризуются М.Р. Габитовым в качестве «закономерностей», в лучшем случае могут быть расценены только в качестве условных тенденций, свойственных одному из этапов развития раннего Рима.

В иных исторических условиях и на иной основе возникали сословно-представительные органы средневековой Европы. В отечественной литературе доминирует представление о том, что и в Англии и во Франции органы сословного представительства появились довольно поздно – на этапе зрелого средневековья, и в той и в другой стране их появлению способствовали именно конфликты. Так, наряду с хорошо известным противостоянием короля Филипа Красивого и Бонифация VIII, занимавшего римский папский престол, которое обычно считается главной причиной возникновения в 1302 г. во Франции Генеральных штатов, Н.А. Хачатурян в своем глубоком исслед-

¹ Моммзен Теодор. История Рима. В 4 томах: Том первый (кн. I-III). – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1997. – С. 424.

² См.: Штаерман Е.М. Римское право // Культура Древнего Рима: в 2 т. / Ред. колл.: Ю. К. Колосовская и др.; Отв. ред. Е.С. Голубцова. – М.: Наука, 1985. – Т. 1. – С. 246, 247.

довании указывает и на внутренние конфликты. По её наблюдениям «движения провинциальных лиг 1314-1315 гг.» настолько обострили конфликтную ситуацию в стране, что очевидной стала потребность «диалога между правительством и сословиями».¹ От острых и масштабных конфликтов, перераставших в гражданские войны, страдала и Англия. По мнению О.В. Дмитриевой прямым следствием конфликтов широкой коалиции, включавшей в себя баронов, мелкое и среднее рыцарство, горожан, с Иоанном Безземельным и его сыном, стало появление в Англии такого собрания, которое становится «прообразом будущего парламента».²

Далеко за пределы XIII столетия выводит происхождение английского парламента английский историк Джон Мэддикотт, связывая его истоки с уитенагемотом – советом знати при королях англосаксонского периода. Исследователь предпринял попытку «показать, что конечные истоки парламента лежат гораздо глубже», нежели предполагали многие его предшественники, и связаны они «с великими ассамблеями, которые впервые появились при Этельстане в десятом веке и которые, в свою очередь, могут, как и многие ранние английские институты, иметь каролингское происхождение. Эти знаменательные собрания были прямыми предками более ярко освещенных советов и парламентов эпохи, наступившей после Великой хартии вольностей».³ Конечно же, английский парламент сложился не на пустом месте, конечно же, ему предшествуют и королевские советы и собрания знати, но Мэддикотт сознательно оставляет вне поля зрения и сословную самоорганизацию средневекового английского общества, и другой процесс – возникновение сословия горожан. В отечественной исторической науке сложилась давняя традиция разрешения вопроса о возникновении сословного представительства вообще и английского парламента в частности. Руководствуясь ею, Е.В. Гутнова в работах ещё советского периода неоднократно подчеркивала именно социальный аспект проблемы. С этой точки зрения проблема поиска «отдаленных предков» парламента приобретает второстепенное значение. Проследив эволюцию термина «парламент» на протяжении сравнительно недолгого периода – с конца XIII – по начало XIV вв., она пришла к весьма значимому выводу: «История становления английского парламента как сословно-представительного учреждения есть, прежде всего и в основном, история представительства от городов и графств и его постепенного слияния с советом

¹ *Хачатурян Н.А.* Возникновение Генеральных штатов во Франции. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – С. 158.

² См.: *Дмитриева О.В.* У истоков английского парламентаризма // Британия и Россия. Пер. англ. ст. вып. к.и.н. Н.Н. Яковлевым, к.и.н. Е.Ю. Поляковой / Отв. ред. акад. В.Г. Трухановский. – М.: ИВИ РАН, 1997. – С. 18.

³ *Maddicott John Robert.* The origins of the English parliament, 924-1327: the Ford lectures delivered in the University of Oxford in Hilary term 2004 / J.R. Maddicott. – Oxford: Oxford univ. press, 2012. – P. 440.

магнатов, который в ходе этого процесса перестает быть самостоятельным учреждением».¹

Отечественные медиевисты далеки от поверхностных аналогий, позволяющих сближать сословное представительство средневековой Европы с римским сенатом. Напротив, Н.А. Хачатурян предельно четко характеризует данную форму политическую форму в качестве одного из «наиболее ярких достижений средневековой политической истории – не только неизвестных предшествующей мировой практике, но и уникальных...».² Подобный вывод не оставляет никаких шансов для реабилитации «точной модели» в глазах широкой научной общественности и её внедрения в учебный процесс, но проблема исторического соотношения римского сената и средневековых представительных органов, безусловно, нуждается в дальнейших углубленных исследованиях.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Деяния божественного Августа // *Шифман И.Ш.* Цезарь Август / И.Ш. Шифман; АН СССР. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1990. Приложение. – С. 189-199.
2. *Плутарх.* Ромул // Сравнительные жизнеописания: В 2 тт. / Изд. подгот. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш; отв. ред. С.С. Аверинцев. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – С. 23-47.
3. *Цицерон Марк Туллий.* Диалоги: О государстве. О законах: [Пер. с лат.] / Изд. подгот. И.Н. Веселовский и др. – М.: Наука, 1966. – Кн. II. – С. 34-54.

Общая и специальная литература:

4. *Белкин М.В.* Римский сенат в эпоху сословной борьбы VI-IV вв. до н. э. Проблемы эволюции. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – 26 с.
5. *Габитов М.Р.* Проблемы модернизации образовательной системы и юридического образования // Правовое государство: теория и практика. – 2012. – № 1 (27). – 30-37.
6. *Гутнова Е.В.* О значении слова «парламент» (parliamentum) в Англии XIII и начала XIV в. // Средние века: сб. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – Вып. 20. – С. 56-74.
7. *Дмитриева О.В.* У истоков английского парламентаризма // Британия и Россия. Пер. англ. ст. вып. к.и.н. Н.Н. Яковлевым, к.и.н. Е.Ю. Поляковой / Отв. ред. акад. В.Г. Трухановский. – М.: ИВИ РАН, 1997. – С. 17-31.
8. *Егоров А.Б.* Римское народное собрание. Правовой статус и властные полномочия // Вестник СП(б) гос. ун-та. Сер. 2. – 2010. – Вып. 2. – С. 59-72.
9. *Моммзен Теодор.* История Рима. В 4-х тт.: Том первый (кн. I–III). – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 640 с.
10. *Ростовцев М.И.* Сенат (римский) // Энциклопедический словарь в 86 т. Т. XXIX А (58): Семь озер – Симфония / Под ред. К.К. Арсеньева и засл. проф. Ф.Ф. Петрушевского. – СПб.: Изд-во: Тип. Акц. Общ. «Издат. Дело», Брокгауз-Ефрон, 1900. – С. 506-509.

¹ *Гутнова Е.В.* О значении слова «парламент» (parliamentum) в Англии XIII и начала XIV в. // Средние века: сб. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – Вып. 20. – С. 68.

² *Хачатурян Н.А.* Феномен сословного представительства в контексте проблемы état moderne // Власть, общество, индивид в средневековой Европе = Pouvoir et société en l'Europe occidentale au Moyen Âge / Отв. ред. Хачатурян Н.А.; сост. Воскобойников О.С.; Ин-т всеобщей истории РАН; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова – М.: Наука, 2008. – С. 36.

11. *Сидорович О.В.* Социальный состав римского сената в период ранней республики // Из истории античного общества. – Горький: Горьковский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 1975. – С. 52-63.
12. *Тимонин А.Н.* Нужна ли высшей школе история одного паттерна? Традиционный ответ на вызовы историософии и агродизайна // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 4 (143). – С. 92-95.
13. *Хачатурян Н.А.* Возникновение Генеральных штатов во Франции = L'apparition des États Généraux en France / Под ред. акад. С.Д. Сказкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 210 с.
14. *Хачатурян Н.А.* Феномен сословного представительства в контексте проблемы état moderne // Власть, общество, индивид в средневековой Европе = Pouvoir et société en l'Europe occidentale au Moyen Âge / Отв. ред. Хачатурян Н.А.; сост. Воскобойников О.С.; Ин-т всеобщей истории РАН; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М.: Наука, 2008. – С. 34-43.
15. *Штаерман Е.М.* От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима: в 2 т. / Ред. кол.: Ю.К. Колосовская и др.; Отв. ред. Е.С. Голубцова. – М.: Наука, 1985. – Т. 1. – С. 22-105.
16. *Штаерман Е.М.* Римское право // Культура Древнего Рима: в 2 т. / Ред. кол.: Ю.К. Колосовская и др.; Отв. ред. Е.С. Голубцова. – М.: Наука, 1985. – Т. 1. – С. 210-247.
17. *Maddicott John Robert.* The origins of the English parliament, 924-1327: the Ford lectures delivered in the University of Oxford in Hilary term 2004 / J.R. Maddicott. – Oxford: Oxford univ. press, 2012. – 526 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://2lib.org/book/5556269/802982?id=5556269&secret=802982> (дата обращения: 28.04. 2021).

Timonin A.N.

«Point theory» and real history:

a critical essay on the liquidator's concept of the history of state and law

Having studied the scientific and educational literature, historical sources, the author critically considered the «point theory» of M.R. Gabitov. The analysis revealed the inconsistency of this theory and the impossibility of its productive application in the educational process.

Keywords: History of state and law of foreign countries; «point model»; imaginary regularities, modern-centrism, eurocentrism.

Timonin Anatoly Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, Bashkir State University, Institute of Law (*Russia*, Ufa, Dostoevsky street, 131). *E-mail:* timonin.anatoly2011@yandex.ru

ПУБЛИКАЦИЯ ВОСПОМИНАНИЙ

УДК 351.746 “192”(093.3)

Тепляков А.Г.

«ЖИЗНЬ ЧЕКИСТА–ОПЕРАТИВНИКА»: ВОСПОМИНАНИЯ М.П. ШРЕЙДЕРА (ЧАСТЬ 4)

Данная публикация предлагает фрагмент неизвестных воспоминаний видного чекиста М.П. Шрейдера, написанных в 1970-х годах и до сих пор известных лишь частично. Эти мемуары, несравнимые с известными образчиками чекистских воспоминаний благодаря полноте и откровенности, дают большой и ценный для историков материал, относящийся к функционированию не только спецслужб, но и наркомата иностранных дел, где автор работал в 1925 г. Мемуары, предлагающие новый взгляд на многих известных исторических личностей, снабжены необходимыми примечаниями.

Ключевые слова: М.П. Шрейдер; ВЧК-ОГПУ; Наркомат иностранных дел; кинематограф; Особые отделы.

Нами публикуется четвертая часть обширных воспоминаний видного работника ВЧК-НКВД М.П. Шрейдера (1902-1978) «Жизнь чекиста-оперативника». Первые три части были напечатаны новосибирским журналом «Исторический курьер» в 2019-2020 гг. Очередной фрагмент мемуаров Шрейдера относится к 1925-1928 гг. Михаил Шрейдер работал во многих регионах страны, был близок к целому ряду видных чекистов. В мемуарах им зафиксировано множество эпизодов из конкретной работы органов ВЧК–ОГПУ–НКВД в отношении политических противников и уголовных элементов, и повседневной жизни, характерного быта руководящего состава сталинской тайной полиции. Другая ценная сторона данных воспоминаний – большое количество портретов функционеров госбезопасности, о многих из которых не сохранилось сведений. В своей жизни очень общительный Шрейдер, помимо чекистов, встречался с крупными политическими деятелями, работниками науки и культуры.

Его воспоминания отличаются высокой степенью объективности, в них много сведений о корыстных и служебных преступлениях чекистов. При этом автор нередко критикует и свои собственные поступки. Мемуары Шрейдера, хотя ортодоксальны и написаны типичным советским языком, тем не менее, очень откровенны, насыщены иронией и самоиронией,

Тепляков Алексей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления (Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56). *E-mail:* teplyakov-alexey@rambler.ru

а также обладают литературными достоинствами. Часть эпизодов из «Жизни чекиста-оперативника» к настоящему времени подтверждена новейшими документальными публикациями. Мемуары занимают около 650 страниц машинописного текста и опубликованы (в 1995 г.) примерно наполовину. Выход относительно полного варианта воспоминаний Шрейдера позволит по-новому осветить многие события советской эпохи и окажет существенную помощь историкам. Наши публикации открывают путь к собиранию мемуарного наследия ветерана госбезопасности и милиции, которое на сегодняшний день – самое подробное и интересное из воспоминаний, оставшихся от сотрудников спецслужб.

Травматический невроз в 1924 г. надолго вывел этого активного чекиста из строя. Но Шрейдеру нашли достойное применение на гражданской службе. Им показано проникновение отставных чекистов в ответственные учреждения, где они образовывали свои мини-коллективы, вербуя персонал и ведя агентурные разработки как по политическим делам, так и по должностным преступлениям сотрудников. Четвертая часть публикуемого текста относится в основном к работе Шрейдера в аппарате секретно-шифровального отдела Наркомата иностранных дел, а также в Совкино. В заключительной части описано возвращение после болезни в «органы» и работа в особом отделе Московского военного округа.

13. НАРКОМИНДЕЛ

Когда после окончания первого срока лечения, продолжавшегося около 11 месяцев, я возвратился в Москву, мне пришлось пройти медицинскую комиссию ОГПУ, которая временно запретила мне находиться на оперативной работе. В связи с этим меня направили по указанию руководства ОГПУ к начальнику Спецотдела и члену Коллегии ОГПУ Глебу Ивановичу Бокий¹ для использования на более спокойной работе. (Г.И. Бокий был одним из старейших большевиков, соратник В.И. Ленина, бывший член бюро ЦК РСДРП (б) в царской России). Бокий предложил мне работу в секретно-шифровальном отделе (СШО) Наркоминдела. Начальником СШО НКВД был тогда [М. Ф.] Безухов² (в прошлом тульский рабочий), являющийся одновременно секретарём парткома наркоминдела. Его заместителем был Портнов.

Моя работа в СШО заключалась в распределении и отправке особо важных зашифрованных телеграмм, получаемых от наших [полномочных] представителей и послов из-за границы, кому-либо из руководителей партии и правитель-

¹ *Бокий Глеб Иванович* (1879 – 15.11.1937, Москва). Комиссар ГБ 3-го ранга (1935 г.). Чл. компартии с 1900 г. В 1921-1937 гг. – нач. Спецотдела ВЧК-ОГПУ-НКВД. Курировал также и систему лагерей. Арестован 16.05.1937 г., расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

² По оценке Г.В. Чичерина, жалевшего о его устранении, «очень толковый, с которым всегда можно было поговорить, он особенно ценен тем, что его высоко ценил глава всех секторов т. Бокий (с которым бывает трудно поговорить)».

ства и, наоборот, директив и указаний [НКВД], направляемых за границу – послам. Все зашифрованные телеграммы, поступающие от послов и отправляемые им, в копии направлялись заместителю председателя ОГПУ Менжинскому¹ и начальнику ИНО Трилиссеру.² Через шифровальный отдел Наркоминдела проходила тогда не только переписка Наркоминдела, но и важнейшие документы других руководящих организаций. Для отправки каждой такой телеграммы требовалась виза наркома Георгия Васильевича Чичерина или его заместителя Максима Максимовича Литвинова. Благодаря этому, несмотря на сравнительно короткий срок работы в Наркоминделе (примерно с февраля-марта до июня-июля 1925 г.), мне довелось близко познакомиться с Чичериным, Литвиновым и многими другими нашими дипломатами, как, например: посол в Японии – Копп³, посол в Польше – Войков (впоследствии погибший от рук белогвардейцев в Варшаве), посол, кажется, тогда в Турции – Карахан⁴, посол в Италии – Иорданский⁵ и др. Видел я и советника нашего представительства (кажется, в Дании) Дмитриевского, оказавшегося изменником и шкурником. Дмитриевский не вернулся на родину, остался за границей и выпустил там грязную антисоветскую книжонку.⁶ В аппарате НКВД помню начальника отдела Дальнего Востока – Мельникова⁷, на редкость некрасивого, но высокообразованного человека; начальника [отдела] Ближнего

¹ Дзержинский, вероятно, передоверил чтение шифровок НКВД своему заместителю из-за крайней занятости в качестве председателя ВСНХ.

² *Трилиссер Меер Абрамович* (1883 – 02.02.1940). Чл. компартии с 1901 г., в ЧК-ОГПУ – с 1918 г. В 1922-1929 гг. – нач. Иностранного отдела ОГПУ, одновременно в 1926-1929 гг. – зам. пред. ОГПУ СССР, снят и уволен после разоблачения троцкистских симпатий резидента ИНО в Турции Я.Г. Блюмкина. Работал в системе партийно-государственного контроля и Коминтерне. Арестован 23.11.1938 г., расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

³ *Копп (псевдоним – Томский и др.) Виктор Леонтьевич* (1880–24.3.1930). С 1901 г. профессиональный революционер, в 1909 г. арестован и выслан за границу. В 1919-1921 гг. – советник и представитель НКВД в Германии, затем чл. коллегии НКВД РСФСР, сторонник Троцкого. В 1925-1927 гг. – полпред СССР в Японии; в 1927-1930 гг. – полпред СССР в Швеции.

⁴ *Карахан Лев Михайлович* (1889 – 20.09.1937). Чл. компартии с 1904, меньшевик. В 1924-26 – полпред в Китае. В 1926-34 – зам. НКВД СССР, затем полпред в Турции. Арестован 3.5.1937, расстрелян, реабилитирован в 1956.

⁵ *Иорданский Николай Иванович* (1876 – 29.12.1928). В рев. движении с 1899 г., меньшевик. В 1917-1922 гг. – эмигрант в Финляндии, выслан в СССР. В 1923-1924 гг. – полпред в Италии, затем публицист.

⁶ *Дмитриевский Сергей Васильевич* (1893 – 23.05.1964, Стокгольм). Эсер, с 1919 г. большевик. Работал в НКПС, с 1923 г. перешел в НКВД. Работал управделами НКВД, советник полпреда в Швеции. Остался за границей в апр. 1930 г. В 1930 г. опубликовал «Моление о России», в 1932 г. выпустил мемуары «Советские портреты». Сочувствовал монархистам и нацистам. С 1949 г. – сотрудник Госархива Швеции.

⁷ *Мельников Борис Николаевич* (1896–28.7.1938). Разведчик и дипломат. В 1924-28 – нач. отделения Разведотдела Штаба РККА, одновременно зав. отделом Дальнего Востока НКВД. Затем генконсул СССР в Харбине. С 1932 г. – зам. начальника Разведупра РККА. С 1935 г. – на партработе и в Коминтерне. Арестован 04.05.1937 г. Расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Востока – Пастухова¹, начальника отдела дипкурьеров – Туманова, управляющего делами – [И.С.] Моргунова, начальника западноевропейского отдела – Штейна², начальника ещё какого-то отдела – Цукермана³, Сурица⁴ (бывшего впоследствии послом в Берлине, в 1934 г.) и многих других.

По роду своей работы мне больше всего приходилось сталкиваться с Чичериным, так как я должен был получать его визу на каждую из распределяемых мною по наркоматам и другим организациям шифровок. Большею частью это происходило поздно вечером, так как Георгий Васильевич свой наиболее насыщенный «трудовой день» начинал около 10 часов вечера. Это, конечно, не означает, что он не работал днём. Но в течение дня ему приходилось принимать большое количество посетителей и самому ездить на приёмы, вечером же он в более спокойной обстановке занимался бумагами. Рядом с кабинетом Чичерина, в соседней комнате, стоял рояль, на котором он часто играл, устраивая себе для отдыха музыкальные перерывы. Дежуря в секретариате, я с удовольствием слушал его игру и, хотя совершенно не разбирался в серьёзной музыке, всё же чувствовал, что Георгий Васильевич незаурядный музыкант. Общеизвестно, что Чичерин вообще был высокообразованным человеком, знал несколько иностранных языков, в период эмиграции, продолжавшейся более 10 лет, был в Германии, Франции и Англии, с 1904 г. принимал участие в революционном движении в России.

Но были у него и некоторые странности. Он или не любил женщин, или считал, что они хуже работают. Во всяком случае, в НКВД в секретариате не было ни одной женщины, даже машинистками работали мужчины. Чичерин был очень выдержанным и тактичным в своих взаимоотношениях с подчиненными и тем более с дипломатами, но в отдельных случаях, доведенный до крайности, он взрывался. Как-то мне пришлось быть свидетелем, когда он «разносил» вызванного в НКВД китайского посла после какой-то гнусной провокации, кажется, связанной с Восточно-Китайской железной дорогой.⁵ Чичерин гневно кричал на китайского посла, топал ногами и употреблял недопустимые в дипломатии

¹ *Пастухов Сергей Константинович* (1887 – 02.04.1940, Москва). Участник Гражданской войны, востоковед-иранист. С 1933 г. работал полпредом в Персии, в 1935-1936 гг. – заведовал 1-м Восточным отделом НКВД СССР. В 1937-1939 гг. директор школы в Москве. Арестован в мае 1939 г. за связь с «врагом народа» Л.М. Караханом, расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

² *Штейн Борис Ефимович* (1892-1961, Москва). Историк и дипломат, профессор. В НКВД РСФСР с 1920 г., нач. 2-го Западного отдела. В 30-е полпред в Финляндии и Италии. В 1952-1953 гг. отбывал заключение, реабилитирован. Затем на преподавательской работе.

³ Цукерман Владимир Моисеевич (1891 – 22.08.1937). Востоковед и дипломат, зав. 1-м Восточным отделом НКВД. Арестован 17.05.1937 г., расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

⁴ *Суриц Яков Захарович* (1882-1952, Москва). С 1918 г. работал в НКВД, полпред в Афганистане, Норвегии, Турции. С 1934 г. – полпред в Германии, с 1937 г. – полпред во Франции, выслан в 1940 г. С 1948 г. в отставке.

⁵ В середине 20-х годов китайские власти начали активно пытаться перевести КВЖД под свой контроль, что вызвало обострение советско-китайских отношений.

выражения, требуя, чтобы переводчик всё дословно переводил. Переводчик смущённо пожимал плечами и, по-видимому, всё-таки смягчал резкие высказывания по адресу китайцев, хотя, надо полагать, что такие выражения, как «болван» и т.п. понимали все китайцы без переводчика. Китайский посол, слушая этот взрыв негодования, ничего не отвечал, а только улыбался своей загадочной улыбкой, которая ещё больше раздражала неистовствующего Чичерина.

Начальником протокольного отдела был Флоринский¹, высокий шатен с правильными чертами лица и с безукоризненно великосветскими манерами, знающий иностранные языки и, кажется, имевший какое-то отношение к дипломатии ещё в царской России. На все приёмы и банкеты в различные посольства Чичерин обычно ходил в сопровождении Флоринского. В большинстве случаев оба они одевали красноармейскую форму без всяких знаков различия.² Дело в том, что Чичерин не считал возможным в те годы тратить государственные деньги на пошивку фраков и цилиндров, которые очень дорого стоили. А поскольку Чичерин и Флоринский были по какому-то поводу избраны «почётными красноармейцами» Московского гарнизона, они использовали своё право появляться на банкетах в иностранных посольствах в военной форме. Помню один из первых фраков, сшитых начальнику Дальневосточного отдела Мельникову. Как я уже упоминал, внешность Мельникова оставляла желать много лучшего, но когда он одел на себя фрак и водрузил на голову цилиндр, это одеяние с особой беспощадностью подчеркнуло все его недостатки. И когда он важно спускался по лестнице, отправляясь куда-то на приём в полпредство, все мы, работники секретариата, выглядывая из дверей в щёлочку на лестницу, захлёбывались от смеха.

– Что за жеребцовое ржанье? – услышав наш смех и открыв дверь в секретариат, притворно строго спросил Мельников. (Вообще он был большим добряком и чудесным товарищем.) – Вы над моим цилиндром или над моим лицом смеетесь? – попытался он.

Мы, конечно, заверили его, что смеемся над цилиндром, так как привыкли видеть в цилиндрах только «чемберленов», капиталистов и буржуев в театрах, на выступлениях «Синей блузы»³ и др.

– Мне самому смешно, но что поделаешь, – разводя руками, оправдывался Мельников. – Приходится идти на приём в таком виде.

¹ Флоринский Дмитрий Тимофеевич (1889 – 20.02.1939, Москва). С 1913 г. служил в МИД, атташе, вице-консул, был замечен в прогерманских настроениях. Служил у белых; отец Ф. был расстрелян большевиками в 1919 г. С 1920 г. – в НКВД РСФСР, зав. протокольным отделом (1922-1934). Основатель дипломатического протокола СССР. Арестован 05.10.1934 г. и осужден на 5 лет лагерей за «мужеложество». Тройкой УНКВД по Ленобласти 25.11.1937 осуждён к ВМН, но приговор не исполнен. Осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР 20.02.1939 г. за «шпионаж», расстрелян. Реабилитирован в 1992 г.

² Известен снимок Чичерина в такой форме.

³ «Синяя блуза» возникла из клубных кружков самодеятельности, и ее представления сопровождалась декламацией, сценками на злободневные производственные темы и акробатическими номерами. На одном из представлений в Большом театре артисты избрали присутствовавшего Дзержинского «почетным синемлузником».

Запомнилось, что Чичерин, получив какие-то указания, исходящие от Сталина, сердито морщился, как от зубной боли, и ворчал: «Я не понимаю, кто наркоминдел – я или он?»

В то время между замнаркоминдела Литвиновым и послом в Японии Каппом (или Коппом) были натянутые отношения, которые вскоре приняли форму острого конфликта.¹ (В чём состояла суть конфликта, теперь уже не помню.²) Кто-то из них написал по этому поводу жалобу в ЦК. В ответ на жалобу Сталин прислал для зашифровки телеграмму Каппу, в копии Литвинову, в которой уговаривал их прекратить трения и помириться. Помнится, что в тексте телеграммы было очень много высокопарных слов о большевистской дружбе между коммунистами и т.п. Во время своего дежурства я принес Чичерину на визу вышеуказанную телеграмму. Прочтя текст, Чичерин тихо процедил сквозь зубы:

– Подумаешь, какой миротворец нашелся. Сам же их натравил друг на друга... Да и не только их... А и всех нас готов с кашей съесть.

Тогда я не придал этим словам особого значения, так как знал, что Георгий Васильевич вообще любит побрюзжать, а на самом деле очень душевный и добрый человек, но теперь, вспоминая эти слова, думаю, что он не зря говорил их. Ведь Чичерин как наркоминдел постоянно сталкивался со Сталиным, и будучи очень умным человеком и опытным дипломатом, безусловно лучше других разбирался в обстановке и в человеческих характерах.

С большим уважением относился Чичерин к Вячеславу Рудольфовичу Менжинскому и начальнику ИНО ОГПУ Трилиссеру. Среди работников секретариата шли разговоры, что самые важные дипломатические ноты и письма составлялись Чичериным вместе с Менжинским. Так же и Литвинов, заменяя Чичерина, всегда держал тесный контакт и был в большой дружбе с Менжинским и Трилиссером. От ряда товарищей я слышал, что и в более поздние годы Вячеслав Рудольфович Менжинский часто помогал Наркоминделу в составлении особо важных дипломатических документов.

Летом 1926 г. я вторично был направлен на лечение в Севастопольский санаторий имени Сеченова. В этот период мне и многим другим чекистам, находящимся там, пришлось пережить большое горе. 21-го июля я зачем-то отправился на почтамт, где встретил Михаила Кольцова, бывшего тогда корреспондентом «Правды». От него я узнал, что накануне скоростижно скончался от

¹ В конце 1924 г. Копп добился, что Политбюро ЦК РКП (б) отвергло предложение Литвинова и Чичерина признать Версальский договор и сблизиться с Францией ради получения Прибалтики и части территорий, отошедших к Польше. Таким образом, возобладала тенденция сближения с Германией, где годом ранее спецслужба СССР и Коминтерн спровоцировали антиправительственное восстание.

² Современные исследователи оценивают В.Л. Коппа как сторонника Литвинова в НКВД и, соответственно, противника Чичерина. С другой стороны, известно о затяжном конфликте между советскими дипломатами в Токио, из-за чего Политбюро ЦК во второй половине 1926 г. трижды рассматривало вопрос о новом полпреде в Японии, заменив в итоге Коппа.

паралича сердца Феликс Эдмундович Дзержинский, после произнесённой им [на пленуме ЦК партии] страстной речи, направленной против распоясавшихся троцкистов. Поражённый как громом этой страшной вестью, я побежал на вокзал, чтобы немедленно взять билет и уехать в Москву, но ни одного билета на Москву не было. Тогда я помчался в горотдел [О]ГПУ, но и там мне сказали, что ничем помочь не могут, т.к. билетов нет, а всё что было, забронировано для руководства. Не помню, как я добрался до санатория, где все уже знали о случившемся и, так же как и я, были убиты горем.

После смерти Владимира Ильича смерть Дзержинского была для всех нас самой тяжёлой и невозвратимой утратой. Особенно странно было то, что всё произошло так неожиданно. Ведь Дзержинскому было всего 49 лет, и он был таким бодрым и жизнерадостным. Все мы умоляли санаторную администрацию помочь нам выехать в Москву на похороны, но медперсонал и врачи усиленно отговаривали нас от поездки, говоря, что ничего уже изменить нельзя, а своё здоровье мы можем сильно подорвать. Кроме того, практически было уже невозможно попасть на похороны, т.к. следующий поезд, который тогда шёл до Москвы 36 часов, уже не мог привезти нас к нужному времени. В связи с тяжёлыми переживаниями у многих больных, и у меня в том числе, ухудшилось состояние здоровья и начались нервные припадки, продолжавшиеся несколько дней. Долгое время я никак не мог привыкнуть к мысли, что никогда уже не увижу Феликса Эдмундовича Дзержинского.

В Наркоминделе я работал недолго, так как оставался в особом резерве ОГПУ.¹ Осенью 1926 г., вскоре после возвращения из Севастополя, меня вызвали к заместителю начальника Информационного отдела ОГПУ и начальнику Отдела политконтроля² Седераку (Сергею) Николаевичу Маркарьяну³, знакомому мне ещё с 1921 года по Ростову, когда группа чекистов, в том числе и я, направлялась в Грузию.

14. СОВКИНО

Когда я явился на вызов к Маркарьяну, у него в кабинете находился начальник отделения, обслуживавшего театры и кино, старый большевик Калькис⁴, впоследствии начальник одного из отделений Угрозыска ГУРКМ. Мар-

¹ Все отставные чекисты, кроме уволенных по компрометирующим материалам, считались резервом ВЧК–ОГПУ–НКВД, пока не исключались по возрасту. Уволенные по болезни периодически проверялись медкомиссиями и при излечении могли быть снова мобилизованы в «органы», особенно в периоды террористических кампаний начала 30-х годов и Большого террора 1937-1938 гг.

² Выполнял цензурные функции.

³ *Маркарьян Сергей Николаевич* (1898–8.10.1937, Москва). Чл. компартии с 1915. С нояб. 1925 – пом. начальника Информационного отдела и политконтроля ОГПУ. С 1929 – пред. ГПУ Армянской ССР, с 1932 – зам. начальника ГУРКМ ОГПУ–НКВД СССР. Арестован 13.06.1937 г., расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁴ *Калькис Рудольф Эрнестович* (1896-1945). Чл. компартии с 1916 г. Латыш. Из крестьян. член ВКП (б) с 1916 г. С 1918 г. в милиции. С 1920 г. – нач. Томского губрозыска, нач. Си-

карьеря предложил мне перейти на работу в Совкино и разъяснил, чем эта необходимость вызывается. В то время в кинематографии, особенно в прокате, работало много дельцов дореволюционной кинематографии, которые систематически занимались всевозможными махинациями и совершали хозяйственные и политические преступления. В связи с этим для укрепления аппарата Совкино и выявления преступных элементов руководство ОГПУ решило направить туда группу чекистов. Одновременно со мною для работы в Совкино были выделены чекисты т.т. Сияевский, Григорьев и несколько других, фамилий которых не помню. Председателем Совкино в то время был старый большевик, работник газеты «Правда» Шведчиков¹, его заместителем – также старый большевик, ленинградский рабочий Ефремов², вторым заместителем – Трайнин³. (В апреле 1967 г. я встретил т. Ефремова на партактиве Пролетарского района.) Членом правления Совкино и заведующим художественно-сценарным отделом был старейший большевик, автор сценария «Красные дьяволята» Бляхин.⁴ В сценарно-художественном отделе у Бляхина работали редакторами двое Васильевых (не

бирского угрозыска и зам. начальника Сибмилиции. В 1921-1922 гг. – зам. начальника активной части Оперотдела ВЧК. С сент. 1923 г. – политконтролер отдела политконтроля (ПК) ОГПУ, нач. отделения отдела ПК. С нояб. 1925 г. – пом. начальника 1-го отделения ПК (контроль за зрелищными искусствами). На 1929г. – нач. 6-го отделения ИНФО ОГПУ, на 1932-1934 гг. – нач. Курского оперсектора ОГПУ, с 26.04.1934 г. снят с должности за «преступную халатность». Переведен в милицию, пом. нач. отдела угрозыска ГУРКМ НКВД СССР, с 03.10.1938 г. уволен в отставку по болезни.

¹ *Шведчиков Константин Матвеевич* (1884-1952). Член компартии с 1904 г. В 1906 г. – организатор боевых дружин. В 1908 г. арестован и выслан на три года в Архангельскую губ. В 1912 г. вернулся в Петербург, работал в журнале «Просвещение», занимался переправкой нелегальной литературы из-за границы. В 1914 г. арестован, сослан в Якутию. В 1917 г. – зав. издательством «Правда». В 1918-1924 гг. – уполномоченный СНК РСФСР–СССР по делам бумажной промышленности и полиграф. производства, пред. Центробумтреста. В 1924 г. – член коллегии Наркомвнешторга. В 1926-1930 гг. – пред. правления Совкино. В 1930 г. – зампред правления Союзкино. С авг. 1932 г. – член коллегии Наркомздрава и директор Всероссийского объединения курортов. С мая 1936 г. – пред. Комитета по заповедникам при ВЦИК и СНК РСФСР.

² *Ефремов Михаил Петрович*, чл. компартии с 1914 г.; с 1923 г. – председатель Севзапкино, затем зам. пред. правления Совкино.

³ Трайнин Илья Павлович (1887 – 27.06.1949, Москва). Чл. компартии с 1904 г., доктор гос. и правовых наук (1935), доктор юридических наук. Академик АН СССР (1939). В 1907-17 – в эмиграции, вольнослушатель Парижского ун-та. С 1920 г. работал в наркомате по делам национальностей, редактор журнала «Жизнь национальностей». В 1923-1925 гг. – пред. Главного репертуарного комитета Наркомпроса РСФСР. В 1925-1929 гг. – член правления Совкино. С 1931 г. – в Институте права АН СССР в 1942-1947 гг. – директор Института права. В 1946-1949 гг. – академик-секретарь Отделения экономики и права АН СССР.

⁴ *Бляхин Павел Андреевич* (1887 – 19.06.1961, Москва). Партиработник, сценарист, прозаик, журналист. Чл. компартии с 1903 г. В 1920-1922 г. – секретарь Костромского губкома РКП (б). С марта 1926 г. – зам. завотделом печати ЦК ВКП (б) и член коллегии Главлита. С авг. 1926 г. – одновременно чл. правления «Совкино». В 1928-1934 гг. – зам. председателя Главреперткома.

братья, а однофамильцы, создавшие впоследствии замечательный фильм «Чапаев»), Галина Серебрякова (недавно издавшая книгу о Карле Марксе) и её подруга Кожуро (кажется, Валентина). В этом же отделе стал работать чекист из нашей группы – Снявский.

На первых порах мне пришлось работать в Московском отделении кинопроката. Начальником Московского отделения Совкино был Ливанов, беспартийный, работавший ещё в дореволюционное время в известной кинофирме Ханжонкина.¹ Это был очень честный и порядочный человек. Зато его заместитель, член партии Дымов, был типичным бюрократом и чиновником. За время работы в Совкино нам удалось выявить очень много жульнических элементов, занимавшихся всевозможными комбинациями с прокатом иностранных кинокартин. Все материалы о них были переданы нами в Отдел политконтроля [О]ГПУ, после чего махинаторы и бизнесмены были привлечены к уголовной ответственности.

В тот период мне постоянно приходилось встречаться со знаменитыми впоследствии, тогда ещё молодыми кинорежиссерами Михаилом Роммом, другим Роммом² (имени не помню – постановщиком кинокартины о 26-ти бакинских комиссарах³), [С.М.] Эйзенштейном, Дзигой Вертовым, [Г.В.] Гибером⁴ и многими другими. С Гибером я в тот период был очень дружен. В Совкино в то время в качестве чернорабочих работали Борис Волчок и Владимир Ешурин, оба активные комсомольцы. Бориса Волчок при мне направляли на учёбу. Теперь он известный профессор ГИК⁵, а Ешурин – известный кинооператор. Вскоре меня перевели на должность заместителя начальника инспекторской группы. Одним из инспекторов был тогда Николай Косматов, брат ныне известного кинооператора, профессора ГИК Леонида Косматова⁶, с которым я познакомился и часто встречался в более поздний период.

Тогда же я подружился с знакомым мне ранее по встречам на конгрессах Коминтерна молодёжи и в московских комсомольских организациях молодым талантливым драматургом Владимиром Киршоном⁷, автором известных в то время пьес «Рельсы гудят», «Хлеб» и др., а позднее написавшим пользующуюся

¹ Правильно *Ханжонков Александр Алексеевич* (1877 – 26.09.1945, Ялта). Режиссер, сценарист, продюсер, один из организаторов российского кинематографа.

² Правильно *Роом Абрам Матвеевич* (1894 – 26.07.1976, Москва).

³ Постановщиком фильма «Двадцать шесть комиссаров» (1932) был Н. Шенгеляя.

⁴ Г.В. Гибер был кинооператором.

⁵ *Волчек Борис Израилевич* (1905 – 15.05.1974, Москва). Чл. компартии с 1925 г. Киномеханик, с 1927 г. – студент ВГИК, с 1931 г. – кинооператор и преподаватель ВГИК, профессор. Лауреат трех Сталинских и Государственной премии. Отец актрисы и режиссера Галины Волчек (1933-2019).

⁶ *Косматов Леонид Васильевич* (1901-1977) – кинооператор, педагог.

⁷ *Киршон Владимир Михайлович* (1902 – 28.07.1938, Москва). Драматург, публицист, редактор. Чл. компартии с 1920 г. Ортодоксальный драматург, пользовался поддержкой ОГПУ и привозил в СССР из-за границы много контрабандных товаров. Арестован 29.08.1937 г, был посажен в камеру к Г.Г. Ягоде как осведомитель; расстрелян. Реабилитирован в ноябре 1955 г. постановлением Президиума ЦК КПСС.

огромным успехом и недавно возобновлённую пьесу «Чудесный сплав». К нам часто присоединялся товарищ Киршона, публицист и критик Леопольд Авербах¹, племянник Я.М. Свердлова. С Киршоном и Авербахом я неоднократно встречался. Оба они являлись активными РАППовцами и из разговоров с ними я знал, что они очень недоброжелательно относились к В.В. Маяковскому.² Но я тогда вообще слабо разбирался в течениях литературы и не понимал как следует, в чём было дело. (Два года спустя, когда мне пришлось два-три дня провести с В.В. Маяковским, он объяснил мне, что представляет собою руководство РАПП.) А в 1926 г. я ничего этого ещё не знал и очень дружил с Киршоном и Авербахом. Киршон в компании был обаятельным, общительным и веселым товарищем. И меня поражает, как такой умный и талантливый человек мог в те годы занять такую неправильную позицию в отношении беспартийных писателей и поэтов, а главное, недооценивать такого великана, как Маяковский. Авербах был, как я уже упомянул, племянником Я.М. Свердлова. Его мать была родной сестрой Якова Михайловича. По рассказам Марии Михайловны, семья Авербахов до революции жила в Саратове, её муж Леонид Николаевич Авербах³ занимался коммерческими делами и оказывал денежную помощь революционерам, в том числе и Якову Михайловичу Свердлову. Насколько это соответствовало действительности, мне неизвестно.

О таланте Авербаха я не мог судить, т.к. слабо разбирался в литературе, но мне нравилось его остроумие и он казался мне очень способным человеком. Правда, его портил налёт некоторого зазнайства, поводом для которого, по видимому, была близость к «высшим сферам», поскольку его сестра, Ида⁴, была замужем за Г.Г. Ягодой, который всячески поддерживал как Авербаха, так и его близкого друга, драматурга Киршона. Помню, во 2-м МХАТе⁵ я был на премьере одной из новых пьес Киршона (название, к сожалению, забыл), из жизни Западной Европы. Действие происходило не то в Германии, не то во Франции, и там фигурировали инвалиды войны, католические или протестантские священники. Публике пьеса как будто бы понравилась, так как Киршона много раз вызывали, но он был очень расстроен и всё время говорил, что пьеса идёт не так, как он рассчитывал, и производит не то впечатление, какое он хотел создать. Критика забраковала пьесу, и она была снята с репертуара, чем Киршон был очень расстроен.

¹ *Авербах Леопольд Леонидович* (1903–14.8.1937, Москва). Чл. компартии с 1920. Редактор журнала «На литературном посту», публицист, близкий органам ОГПУ. Один из основателей РАПП и ВАПП. Арестован 4.4.1937, расстрелян. Реабилитирован в 1961 г.

² Маяковский порвал с РАППом осенью 1928 г.

³ *Авербах Леонид Николаевич* (1874–26.10.1937, Москва). В 30-е годы работал управляющим Ленотделением АО «Интурист». Арестован 13.4.1937, расстрелян. Реабилитирован.

⁴ *Авербах Ида Леонидовна* (1905–16.6.1938). Комсомольская активистка, следовательно, помощник прокурора Москвы. Жена Г.Г. Ягоды; бывая за границей, привозила в СССР огромное количество контрабандных товаров. Арестована 9.6.1937, расстреляна. Реабилитирована.

⁵ Московский Художественный театр второй (также МХАТ 2-й, МХАТ II) — драмтеатр, существовавший в Москве в 1924–36 гг.

С Киршоном и Авербахом у меня связаны воспоминания об одном неприятном инциденте. Как-то мы втроём ужинали в ресторане в парке Сокольники, где я некоторое время работал заместителем директора так называемого «Сокольнического круга». (Ресторан этот был сдан в аренду за большие деньги нэпману-армянину). Во время ужина вдруг послышались какие-то крики, шум и нецензурная ругань у входа в ресторан. Когда я выбежал ко входу, то увидел, что пьяный парень, работник Сокольнического парка, пытается оттолкнуть загораживающую ему вход билетёршу, ругая её и называя жидовской мордой (хотя она, как и директор ресторана, была армянкой). Я налетел на парня и стал помогать билетёрше вытолкать его из ресторана, а поскольку тот упорно напирал на нас, то сгоряча я стукнул его хорошенько по физиономии. Затем подоспели ещё какие-то посетители, и общими усилиями пьяница и хулиган был выставлен из ресторана, а я посоветовал директору «Сокольнического круга» немедленно же составить приказ об его увольнении. Через несколько дней в газете «Рабочая Москва» появилась заметка, озаглавленная «Коммунист ли Шрейдер?» Оказывается, что этот парень был рабкором и, пользуясь своей связью с редакцией газеты, написал туда кляузу на меня, представив всё в искажённом виде, т.е. себя – как невинную овечку, а меня, поскольку я, погорячившись, стукнул его, изобразил хулиганом. Так как при инциденте присутствовали Киршон и Авербах, мы все втроём отправились в редакцию газеты, находившуюся на Б. Дмитровке (ныне ул. Пушкина), напротив МК партии (ныне Прокуратуры СССР) и рассказали подробно всё как было. Через день или два газета поместила опровержение по поводу своей заметки.

Работая в Совкино, я всё время принимал активное участие в партийной и общественной жизни коллектива и вскоре был избран членом правления Губрабиса.¹ Председателем Губрабиса был тогда [Э.А.] Шарикян, заведующим культотделом – Покровский (ныне заместитель председателя Всероссийского Театрального общества). Меня избрали членом правления и одновременно вторым заместителем председателя Центрального Дома работников искусства, который тогда находился на улице Герцена, дом № 19 (ныне Центральный Дом культуры работников медицины).

Летом 1930 или 1931 г. мы отдыхали вместе с Владимиром Киршоном и его женой², женщиной довольно заурядной внешности. (Я не знаю, был ли их брак зарегистрирован. Ведь в то время достаточно было представить женщину как свою жену и это считалось законным браком. Кстати, мы с женой зарегистрировались в ЗАГСе только в 1957 г., когда фактические браки перестали признавать законными, а нам надо было получать ордер на новую квартиру. А фактически мы были женаты с 1932 г.). Вскоре жена ушла от Киршона к работнику ГПУ Рагозину, который ничего собою не представлял как внешне, так и внутрен-

¹ Губернское отделение профсоюза работников искусств.

² Корнблом Рита Эммануиловна (1907–1992). Журналистка, редактор многотиражной газеты Московского Художественного театра, мемуаристка. Отнять сыновою у бывшей жены Киршон пытался до середины 30-х годов. В 1954–55 Р.Э. Корнблом инициировала процесс реабилитации Киршона.

не, и не мог идти ни в какое сравнение с обаятельным умницей Киришоном. Киришон очень тяжело переживал уход жены и даже поговаривал о том, что застрелится. Я как мог успокаивал его, упирая на то, что раз жена ушла к такому ничтожному человеку, значит, и сама ничего не стоит. (Недавно, в кинокартине «С лёгким паром» я услышал неизвестную мне ранее песню на слова Киришона: «Я спросил у осени, где моя любимая?..») И теперь невольно думаю, что слова эти были написаны именно в период ухода от него жены к Рагозину, который бывал в нашей компании и мог считаться если не другом, то, во всяком случае, хорошим знакомым).

Председателем правления ЦД. Рабиса был председатель ЦК союза Рабис Славинский¹, первым заместителем – Андрей Кустов, а секретарём – студент консерватории или ГИТИСа² – Усов. В состав правления ЦДРИ в то время входили артистка Малого театра Гоголева (ныне народная артистка СССР); балерина Большого театра Нина Подгорецкая, артистка эстрады Рина Зелёная, артист 2-го МХАТ Виктор Ключаров и др. В Доме работников искусства устраивались очень интересные собрания, вечера, капустники. Частыми гостями там были наши знаменитые артисты МХАТа Качалов, Москвин и многие другие. (Помню, что для Москвина несколько раз варили глентвейн, который он очень любил). Активное участие в работе ЦДРИ принимала Елена Николаевна Гоголева, которая была не только лучшей исполнительницей многих главных ролей в постановках Малого театра, но и вообще очень красивой и обаятельной женщиной. Когда она приходила в ЦДРИ, мы, молодёжь, не спускали с неё глаз, тайно вздыхали и почти все были в неё влюблены. Бывал в ЦДРИ и замечательный исполнитель роли Шванди в известной пьесе Тренева «Любовь Яровая» талантливый актёр Степан Кузнецов, чудесный человек с открытой душой, но, к сожалению, большой любитель выпить. В те годы о нём распространялись всевозможные анекдоты, в частности, о его совместных выпивках с Сергеем Есениным, следствием которых являлись антисемитские и хулиганские выходки³, в правдивости которых я сомневаюсь.

Надо сказать, что в те годы в ЦДРИ на вечера всячески пытались проникнуть различные чуждые элементы: молодые нэпманы и нэпманши, разукрашенные драгоценностями. Многие из них приходили уже «на взводе», сильно выпившие. Им льстила возможность встречи со знаменитыми актёрами и актрисами, чтобы назавтра они могли похвастаться перед своими приятелями о «близком знакомстве» с той или иной знаменитостью. Мне была поручена организация охраны порядка в ЦДРИ во время вечеров. Вместе с подобранной для этой цели группой молодёжи из членов ЦДРИ мы систематически дежурили у входа, преграждая путь нэпманам и прочим чуждым элементам. Частенько

¹ Славинский Ювенал Митрофанович (1887–17.6.1937). Чл. компартии. Пианист, дирижер. В 1919-29 – пред. ЦК профсоюза работников искусств (Рабис). Арестован 19.9.1936, расстрелян. Реабилитирован в 1956.

² Государственный институт театрального искусства.

³ Есенин был фигурантом восьми следственных дел, заведённых на него милицией за дебоширство и хулиганство.

у нас возникали серьёзные стычки с желающими во что бы то ни стало ворваться в помещение ЦДРИ хулиганами, заканчивавшиеся скандалами, а иногда даже драками и вызовом милиции. Но после упорной борьбы мы, в конце концов, добились того, что нэпманской шпане доступ в ЦДРИ был закрыт. Хотя я был тогда очень молод, но все знали, что я в прошлом чекист¹ и кое-кто даже побаивался меня. Партийное же руководство, зная мою настойчивость и энергию, постоянно использовало меня, посылая на разные трудные «боевые» участки, где требовалась большая напористость и большей частью я добивался выполнения возложенных на меня поручений. В связи с этим однажды я попал в стенгазету ЦДРИ, где в отделе юмора поместили на меня товарищеский шарж. На мою фотографию наклеили треуголку, подрисовали скрещённые на груди руки, изобразив меня в виде Наполеона. Под шаржем была надпись: «Я всё могу!» Шарж пользовался большим успехом, все считали его очень удачным и много смеялись над ним.

В период моей работы в Совкино в ЦДРИ часто приходил Анатолий Васильевич Луначарский (которого я первый раз в жизни слышал ещё в Смоленске, в 1920 или 1921 г.). Несмотря на крайнюю перегруженность государственной и партийной работой, Луначарский уделял много внимания работе ЦДРИ, интересовался, какие мероприятия проводятся и нередко сам делал интереснейшие доклады по различным вопросам искусства. Я никогда не пропускал возможности присутствовать на выступлениях Анатолия Васильевича и слушал его, затаив дыхание, получая огромное наслаждение, хотя, конечно, далеко не всё мог понять. Однажды он приехал в ЦДРИ в сопровождении артистки Малого театра Розенель.² Случайно я оказался сидящим с нею рядом, но я ещё не знал, что она жена Луначарского. Будучи по натуре очень общительным и экспансивным человеком, я в перерыве поделился с соседкой своими восторгами по поводу выступления Луначарского.

– Вот здорово! Побольше бы таких замечательных ораторов и таких интересных выступлений!

– Да, он выступает неплохо, – сдержанно ответила она.

«Что за странная женщина, – с недоумением взглянув на неё, подумал я. – Неужели можно быть такой равнодушной, слушая речь Луначарского?»

Но по окончании вечера, когда Анатолий Васильевич уезжал вместе с Розенель и я узнал, что она его жена, мне всё стало понятным. (В 1936 г., отдыхая в Сочи, я несколько раз встречал артистку Малого театра Розенель на экскурсиях в Новый Афон, в Ботанический сад и в другие места. Но, к сожалению, Анатолия Васильевича тогда уже не было в живых). В те годы я неоднократно слышал Лу-

¹ Чекистам после отставки предписывалось соблюдать конспирацию (нередко даже крупные чекисты не фиксировали в официальных партийных анкетах своих прежних должностей), но в реальности удержать в тайне своё прошлое экс-работникам спецслужбы обычно не удавалось.

² *Розенель Наталья Александровна* (1902 – 22.09.1962). Актриса театра и кино, переводчица пьес с немецкого и французского. Жена А.В. Луначарского.

начарского на антирелигиозных диспутах и по разным другим поводам в различных залах Москвы. Более интересного и сильного оратора (конечно, после В.И. Ленина) мне слышать не приходилось.

В Совкино, как и во всех других организациях, в те годы продолжались дискуссии с троцкистами. И хотя их было немного, но нет-нет происходили столкновения и споры с ними. Но дело не ограничивалось словесными сражениями. Троцкисты продолжали нелегальную борьбу, распространяя листовки и организуя антипартийные вылазки на собраниях. Попадались троцкисты и среди работников Совкино. Однажды парторганизации Совкино стало известно, что в помещении кинотеатра «Художественный» на Арбатской площади ночью будет происходить собрание троцкистов, на котором будут присутствовать редакторы сценарно-художественного отдела Совкино Галина Серебрякова и её подруга Кожуро. Секретарь парторганизации Совкино Подогов, член партбюро Синявский, старый большевик Бляхин, комсомольцы Борис Волчок, Николай Юдин, я и ещё несколько человек, фамилии которых не помню, отправились ночью в кинотеатр «Художественный». Когда мы вошли, то увидели несколько десятков человек, участвующих в этом нелегальном троцкистском собрании. В центре беседующих находилась Серебрякова, о чём-то говорившая с большой страстью с Кожуро. При появлении в зале нашей группы во главе с Подоговым и Бляхиным троцкисты, в первый момент, от неожиданности растерялись, но вскоре опомнились и набросились на нас с руганью, обзывая шпионами, следящими за коммунистами. Подогов и Бляхин несколько раз пытались начать говорить, но троцкисты свистели, шумели и не хотели их слушать. Наконец, Бляхину всё же удалось несколько утихомирить их и коротко высказать своё осуждение фракционной деятельности троцкистов в партии, и, в частности, участию в этом нелегальном собрании членов нашей парторганизации Серебряковой, Кожуро и ещё кого-то (не помню). Уходя, мы захватили с собою несколько лежавших на столах листовок с троцкистскими воззваниями, размноженных на пишущих машинках и заготовленных для распространения.

Надо сказать, что в то время троцкисты организовали подпольную типографию и хранили антипартийные документы в Институте Маркса-Энгельса, директором которого был Рязанов (в прошлом меньшевик), вступивший после Октябрьской революции в партию большевиков, но по существу остававшийся на меньшевистских позициях. Троцкисты устраивали свои собрания в Политехническом музее, а в ночное время в отдельных кинотеатрах. Они старались везде демагогически противопоставлять молодёжь старшим товарищам, называя первых «барометром партии», а всех остальных чуть ли не предателями. [Следует отметить, что Рязанов¹ был искусным и остроумным оратором. На каком-то соб-

¹ *Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович* (1870 – 21.01.1938, Саратов). Академик АН СССР (1929-1931), революционер, историк. Большевик с 1917, публично выступал против подавления инакомыслия, роспуска Учредительного собрания, запрета оппозиционных газет, репрессий. Основатель Института Маркса и Энгельса (1921), непримиримый оппонент Ста-

рании Рязанов, полемизируя с рядом лиц, выступавших за линию ЦК партии, называл по порядку фамилии своих оппонентов-большевиков, приводя какие-то доводы против их выступлений. Когда же дошёл до фамилии зав. агитпропа МК партии т. Дубины¹ (которого я знал ещё как первого секретаря Севастопольского горкома партии), одного из активнейших борцов с троцкизмом, Рязанов сказал:

– Что касается выступления Дубины, то о чём с ним можно спорить, если он – дубина!

И хотя все мы были за Дубину, и шутка была плоской и грубой, большинство, в том числе и сам Дубина, не могли удержаться от смеха. Помню, как на собрании парторганизации ОГПУ, связанной с партдискуссией в 1923 г., происходившей в клубе ГПУ ещё при жизни В.И. Ленина, Рязанов, выступая, сказал:

– Я не ленинец и никогда им не буду. Я – марксист.

(В таком же роде тогда выступали и многие меньшевики.) Закончил своё выступление Рязанов тем, что чуть ли не призывал молодёжь сейчас же идти штурмовать и разгромить Кремль. Позднее, в 1924 г., на городском собрании молодёжи, также происходившем в клубе ГПУ, в ответ на выступление Рязанова один из секретарей ЦК комсомола (кто именно, не помню) в своей речи разоблачил предательскую роль Рязанова и других меньшевиков и троцкистов. Подавляющим большинством собрание осудило антиленинскую деятельность троцкистов и полностью присоединилось к центральной линии ЦК партии.]²

Вскоре после нашего ночного похождения в кино[театр] «Художественный» у нас в Совкино состоялось «жаркое» партийное собрание. Насколько помню, Серебрякова на этом собрании в защиту Троцкого цитировала какие-то выдержки из его книги «Уроки Октября». В таком же духе выступала и её подруга Кожуро. С критикой и осуждением троцкистов и, в частности, Серебряковой и Кожуро, выступили: председатель Совкино старый большевик Константин Шведчиков, секретарь партбюро Подогов, члены партбюро Синявский и кинооператор Николай Юдин, один из активистов-комсомольцев Борис Волчок и ряд других. Я выступил и потребовал исключить из партии Галину Серебрякову и Кожуро, а также высказался за то, что Троцкого следовало бы вывести из Политбюро ЦК и исключить из партии. (В то время он был ещё на руководящей работе – председателем Главконцескома.) Старый большевик Бляхин выступил с резким осуждением раскольнической деятельности троцкистов, а затем упрекнул меня в горячности, сказав, что сейчас не время так резко осуждать ошибающихся товарищей и расценил моё выступление чуть ли не как левый загиб. Конечно, в то время сделанное мне Бляхиным замечание было правильным, я действительно по молодости лет слишком горячился. В итоге партсобрание осудило антипартийное

лина, оказывал помощь жертвам репрессий. Арестован 16.02.1931 г., сослан в Саратов, где был арестован 23.07.1937 г. и расстрелян. Реабилитирован в 1958 г.

¹ Следует: *Дубыня (Дубына) Теодор Михайлович* (1901 – 21.06.1937, Москва). Участник Гражданской войны. Секретарь Севастопольского ГК ВКП (б), с 1925 г. учился в Ин-те красной профессуры. Партийный работник, с 1933 г. – парторг, директор ИКП истории. Арестован 30.12.1936 г., расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

² Фрагмент о Д.Б. Рязанове вставлен в машинопись позднее.

поведение Галины Серебряковой и Кожуро, и полностью одобрило генеральную линию Центрального Комитета нашей партии.

Как-то из Германии в Совкино был прислан для просмотра первый звуковой фильм, сделанный немецкими предпринимателями. (Помнится, что фамилия одного из них была Штром), а изобретателями звуковой киноустановки являлись какие-то братья-немцы.¹ Председатель правления Совкино Шведчиков поручил мне оформить разрешение на публичную демонстрацию этого нового изобретения. В связи с этим мне пришлось побывать в ЦК партии у заместителя председателя Совнаркома товарища Лежавы², старейшего большевика-ленинца, а также в соответствующих органах [Глав]реперткома. В результате фильм было разрешено демонстрировать в колонном зале Дома Союзов в течение трёх дней. По Москве были расклеены огромные афиши с сенсационными заголовками: «Первое звуковое кино». В афише указывалось, что ответственным за вечера просмотра назначается Шрейдер, а его помощником – Каждан (работник Совкино). Естественно, что интерес к первому звуковому кино был огромный как со стороны работников искусства, так и со стороны всех государственных, партийных и общественных организаций. Меня в полном смысле слова штурмовали и одолевали бесчисленными просьбами о билетах. Ажиотаж был небывалый.

В назначенные дни демонстрации звукового кино Дом Союзов осаждался такими толпами народа, что мы, в конце концов, были вынуждены для соблюдения порядка вызвать наряды конной милиции. Перед каждым сеансом мне было поручено выступить с кратким вступительным словом, объясняя, что фильм этот принадлежит немецкой фирме и с точки зрения идеологии не представляет для нас никакого интереса, а демонстрируется только как новейшее достижение кинотехники. В конце я выражал уверенность, что в скором времени мы и сами сможем выпускать хорошие звуковые фильмы. (И действительно, вскоре в Советском Союзе появились первые звуковые установки, изобретённые, кажется, Тагером.) Фильм начинался появлением на экране посла СССР в Германии Крестинского, говорящего несколько слов о будущем звукового кино, затем показывалось какое-то крестьянское хозяйство, где пели петухи, мычали коровы, блеяли овцы и т. п. Потом, по-видимому, белоэмигранты в русских национальных костюмах играли на балалайках и пели русские песни. Нужно отметить, что с современной точки зрения, эти «первые шаги звукового кино» показались бы очень неполноценными: звук был слабым и искажённым, но в то время это казалось чудом техники.

В тот период в колонном зале Дома Союзов в дневные часы проходила какая-то партийная конференция или пленум. Один сеанс был специально прове-

¹ Звуковое кино появилось в США. В Европе звук впервые появился в немецком фильме «Мелодия мира» (1929).

² *Лежава Андрей Матвеевич* (1870 – 08.10.1937, Москва). Чл. компартии с 1904 г. В 1925-1930 гг. – зам. пред. Совнаркома РСФСР и пред. Госплана РСФСР. Арестован в мае 1937 г., расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

дён для участников конференции, и я распределял билеты делегатам. На просмотре присутствовал весь состав ЦК и правительства. Перед началом этого сеанса я неожиданно столкнулся за кулисами с Бухариным. Только что перед этим я пришёл в Дом Союзов после обеда, за которым выпил стакан пива. Поскольку я почти никогда ничего спиртного тогда не пил, то стакан пива производил на меня гораздо более сильное действие, чем на других, но чувствовал я себя хорошо и вёл себя совершенно нормально. Однако Бухарин неожиданно и совершенно несправедливо оскорбил меня, сделав вывод, по блеску моих глаз и довольно обычному для меня состоянию возбуждения:

– Как вам не стыдно, молодой человек. Вы пьяны?

Я заверил его, что выпил за обедом один стакан пива и нисколько не чувствую себя пьяным, но он продолжал утверждать, что я пьян. Пожав плечами, я пошёл заниматься своими делами, но у меня остался неприятный осадок от этого несправедливого обвинения. Это был первый и последний в моей жизни разговор с Бухариным. В то время Бухарин был членом Политбюро ЦК, активно боролся с троцкистами, и я, как и другие коммунисты, относился к нему с большим уважением.

Поскольку я был выделен от Совкино ответственным за организацию просмотров «первого звукового фильма», немецкие дельцы всячески за мною ухаживали, надеясь, что я смогу повлиять на положительный исход, а именно, на подписание договора о приобретении Советским Союзом этого изобретения, хотя я никакого отношения к переговорам по этому вопросу не имел. И, естественно, повлиять ни на кого не мог, а если бы и мог, то не стал бы этого делать. В один из вечеров после просмотра немцы устроили для меня и моего помощника Каждана нечто вроде банкета в гостинице «Гранд Отель». В виде сувениров немцы привезли из Германии и подарили нам, а также многим руководящим работникам Совкино простые карманные часы, на крышках которых был довольно неплохо выгравирован портрет В.И. Ленина. Кроме того, немецкие коммерсанты преподнесли мне чудесный по тому времени штатский костюм, в котором я мог в полном смысле этого слова «утонуть», т.к. он был на самый высокий рост. Поэтому я, в свою очередь, подарил этот костюм заведующему отделом печати Совкино писателю Вольскому, который попросил меня об этом, т.к. часто должен был встречаться с иностранными корреспондентами и очень нуждался в хорошем штатском костюме. Все эти подарки немецкие коммерсанты сделали зря, т.к. наше правительство отказалось приобрести у них их кинозвуковое изобретение, за которое они запросили огромные деньги (кажется, несколько миллионов рублей).¹

Но возвращаюсь к периоду работы в Совкино. Не помню, в 1926 или в 1927 г. в здании ЦДРИ (ул. Герцена 19) проходил X-й или XI-й губернский съезд работников искусств. Одним из основных вопросов, вызвавших горячие споры на

¹ Далее выпущен отрывок о встречах с Маяковским, опубликованный в приложении к статье А.Г. Теплякова и Д.М. Шкловского «Маяковский, Брики и чекисты» (Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11. – № 4. – Вып. 2. – С. 404-428.

съезде, был вопрос о необходимости выдвижения молодых талантов. Дело в том, что председатель ЦК Союза Рабис Славинский, художественный руководитель 2-го МХАТа, талантливейший артист Чехов¹ и ряд других считали необходимым опираться в основном на ведущих актёров, то есть на таких, как знаменитая в то время балерина Гольцер, певица Нежданова и т.п. Эту линию первоначально поддерживал и А.В. Луначарский, несколько раз высказывавшийся по этому поводу в своих выступлениях. Низовые и средние работники кино и театров были обижены подобной линией, так как знаменитые актёры во многих театрах всячески старались не давать ходу молодёжи. В частности, много обид было на художественного руководителя 2-го МХАТа Чехова, который недооценивал роль молодёжи и не выдвигал её. В связи с этим против него организовалась оппозиционная группа, возглавляемая театральным режиссёром, тогда ещё молодым актёром Алексеем Диким (впоследствии известным народным артистом СССР). В группу Дикого входили артист Виктор Ключарев и ряд других. На съезде Дикого поддерживал председатель Мос. Губ. Рабиса [Э.А.] Шарикян, солистка балета Большого театра Нина Подгорецкая и некоторые другие. Я также примкнул к группе, стоявшей за выдвижение молодёжи, и принимал активное участие в дискуссии и борьбе. Мы считали, что выдающиеся артисты, такие, как Нежданова, Гельцер, Чехов и т.п., должны занимать ведущие места в советском искусстве, но, наряду с этим, нужно готовить и выдвигать молодые таланты.

Славинский в своём выступлении пытался разгромить нашу группу, квалифицируя наши действия чуть ли не как антисоветские. Но большинство ораторов резко выступило против Славинского, считая необходимым, отдавая должное знаменитым артистам, готовить и выдвигать на смену старому поколению талантливую молодёжь. Против Славинского со страстными речами выступили тт. Шарикян, Подгорецкая, Ключарев, Алексей Дикий. Я также резко выступил против линии Луначарского–Славинского. Большинство голосов съезд принял нашу резолюцию. Тогда председатель ЦК Рабиса Славинский пожаловался на нас, членов партии, секретарю Краснопресненского райкома ВКП (б) т. Рютину.² Собрав к себе всех коммунистов, Рютин, в начале не разобравшись, в чём дело, устроил нам страшную головомойку, чуть ли не обвинив нас во фракционной, антисоветской деятельности. Мы дали Рютину дружный отпор. Выслушав наши доводы, Рютин буркнул:

– У вас там склока!³ Сами разберитесь по профсоюзной линии.

Как в дальнейшем развернулась борьба в этом вопросе, мне неизвестно, так как вскоре я уехал в отпуск, а по возвращении с курорта был отозван об-

¹ Чехов Михаил Александрович (1891 – 30.09.1955, Беверли-Хиллз, США). Артист МХТ и МХТ-2, в 1928 г. не вернулся из-за границы, жил в Европе и США. Автор мемуаров.

² Рютин Мартемьян Никитович (1890 – 10.01.1937, Москва). Чл. компартии с 1914 г. С 1925 г. – секретарь Краснопресненского РК ВКП (б) в Москве. Один из лидеров антисталинской оппозиции. Арестован в 1932 г., осуждён на 10 лет заключения. Повторно осужден и расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

³ Подобные конфликты, которыми изобиловала жизнь партийно-советских и хозяйственных учреждений, в тот период дежурно именовались склоками.

ратно на оперативную работу.

Летом 1927 г. я отдыхал в доме отдыха ЦК Рабиса «Теберда» в г. Кисловодске. В то время там отдыхали: известная певица Большого театра Барсова (впоследствии народная артистка СССР; её муж был директором этого дома отдыха), председатель Губрабиса Шарикаян, Подгорецкая, Виктор Ключарев, администратор театра оперетты Игорь Нежный (с двумя последними я жил в одной комнате). Там же отдыхал заслуженный артист РСФСР, солист Ленинградской оперы Бочаров. Рядом с домом отдыха Рабис, в санатории Учанных отдыхал Василий Иванович Качалов. В этот же период в Кисловодске были начальник политконтроля ОГПУ Маркарьян, известный исполнитель песенок Беранже – Борисов, Леонид Утёсов (Борисов и Утёсов, кажется, жили в гостинице на Пятачке).

В тот период я впервые увидел в бильярдной знаменитого писателя, автора «Конармии» и «Одесских рассказов» Бабеля, весёлого и жизнерадостного человека в очках, с немного лысоватым лбом и умными выразительными глазами. Он, очевидно, очень любил бильярд и с азартом «резался» с Леонидом Утёсовым, Борисовым или Маркарьяном. Во время игры и в перерывах Бабель, Утёсов и Борисов по очереди изошрялись в рассказывании одесских анекдотов и по любому поводу изрекали хлесткие остроты и хохмы. Окружающие бильярд болельщики так и покатывались от гомерического хохота. Многие из них торчали возле играющих не для того чтобы наблюдать игру, а чтобы послушать Бабеля и Утёсова. В доме отдыха ЦК Рабиса почти ежедневно устраивались концерты. Мне, как наиболее энергичному и знакомому почти со всеми актёрами, обычно поручали организовывать эти концерты и приглашать на них всех тогдашних знаменитостей, отдыхающих в Кисловодске. Борисов пел нам песенки Беранже, певица Орлова замечательно исполняла цыганские романсы под аккомпанемент концертмейстера Московской оперетты – Жени Славинской, отдыхающей в «Теберде» вместе со своим мужем, хирургом Михаилом Шнеерсоном¹ (впоследствии зам. нач. админоргупр ОГПУ). На одном из концертов ленинградский певец Бочаров во время своего выступления объявил, что сейчас споёт песню, которую посвящает «весёлому и резвому Мише Шрейдеру», после чего, к всеобщему удовольствию, исполнил: «Мальчик резвый, кудрявый, влюблённый...». Песня вызвала бурные аплодисменты и потом все присутствующие на этом концерте, встречая меня, начинали напевать куплеты этой песни. Я действительно тогда был резвый, жизнерадостный и курчавый.

На всю жизнь запомнился один вечер, вернее – ночь, когда после очередного концерта большинство отдыхающих разошлись по своим комнатам спать, а в квартире директора дома отдыха был устроен товарищеский ужин, на котором присутствовали: Василий Иванович Качалов, Барсова с мужем, Бочаров, Женя Славинская, Игорь Нежный, Виктор Ключарев, администратор Московской опе-

¹ *Шнеерсон Моисей Борисович* (1901 – 20.02.1939, Москва). Чл. компартии с 1919 г. Партийный работник, главврач амбулатории Госбанка СССР. С 1929 г. в погранвойсках ОГПУ, нач. санчасти. С 1936 г. – зам. нач. АХУ НКВД СССР, нач. Санитарно-курортного отделения НКВД. Арестован 24.10.1938 г., расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

ретты Эвелинов с женой – артисткой оперетты, я и, возможно, ещё кто-нибудь (остальных не помню). Была чудесная лунная ночь, открытые окна, запах цветов. После пары рюмок коньяка Василий Иванович, без всякой просьбы с нашей стороны, начал читать «Двенадцать» Блока. До этого я неоднократно слышал это популярное тогда стихотворение в исполнении многих чтецов, а также и в исполнении Качалова, но то, что мне пришлось услышать в ту ночь, я никогда в жизни не забуду. Василий Иванович читал так вдохновенно, его бархатный, неповторимого тембра голос звучал так эмоционально и проникновенно, что у всех присутствующих невольно лились из глаз слёзы. Это был мой последний отдых в период работы на фронте искусства. Вскоре начались боевые дни моей работы в органах ОГПУ.

(Вспоминается ещё один эпизод, связанный с артистическим миром. Отдыхая в Гаграх летом 1930 г., я с группой товарищей проходили мимо одной из гостиниц-пансионатов и вдруг услышали рыдания. На скамейке в темноте сидела и плакала женщина. Мы подошли, и я осведомился, в чём дело и почему она плачет. Сквозь слёзы она сбивчиво рассказала, что она замужем за иностранцем, артистка и приехала сюда по путёвке Интуриста, но местный администратор сказал ей, что мест нет и намекнул, что для того чтобы получить место, она должна переспать с ним. Возмущённые действиями администратора, мы разыскали его и устроили ему соответствующую «баню», потребовав немедленно оформить подобающее место Орловой.¹ В течение этого лета мы несколько раз встречались с Любовью Петровной, и она была всегда очень признательна за оказанную ей в трудную минуту помощь. (Материал на администратора мы передали в Сочинский горотдел [О]ГПУ, где он был привлечён к ответственности.) В 1966 или [19]67 г., живя во Внуково по Киевской железной дороге на даче, мы встретились с Л.П. Орловой на выборах в Верховный Совет.² Она сразу узнала меня. Мы поговорили о прошлом.)

Теперь несколько слов о моих жилищных условиях в те годы. Когда после продолжительной болезни я вернулся в Москву и начал работать в Наркоминделе, большая комната на Рождественке, где мы ранее жили коммуной, стала казаться мне пустой и неудобной, и я попросил у начальника Админотдела [О]ГПУ Ивана Александровича Воронцова разрешить мне переехать в дом № 4 по Варсонофьевскому переулку, в небольшую комнату квартиры № 17, где в то время жили мои друзья Петя Гутцайт, Лёня Черток с матерью (в четвёртой комнате жил наш вахтёр³ – венгерский коммунист – фамилии не помню – с женой). Несколько позднее, в 1927 г., я перебрался в большую комнату, в квартиру № 15 того же дома, где в 8 или 9 комнатах жило 14 семей, в том числе два брата и две сестры Арсатьянцы (позднее, в 1933 г., Сергей Арсатьянц работал у меня секретарём в МУРе), замечательный большевик Илья Фёдорович Решетов (нач.

¹ Орлова Любовь Петровна (1902 – 26.01.1975, Москва). Актриса, народная артистка СССР (1950 г.).

² Так в тексте.

³ Вероятно, охранник внутренней тюрьмы на Лубянке.

одного из отделений Секретного отдела) с женой и сёстрами жены; А.П. Радзивиловский с женой и маленьким сынишкой Виктором, и многие другие.

Следует отметить, что в то время в доме № 4 и № 7 по Варсонофьевскому переулку, и в домах № 10 и 12 по Рождественке жили в основном все крупные оперативные работники начсостава ОГПУ. Так, например, в доме № 4 жили начальник ИНО Трилиссер, начальник Восточного отдела [Я.Х.] Петерс, помощник Ф.Э. Дзержинского по ВСНХ [С.Ф.] Реденс и т.п. Жил в доме № 4 и легендарный начальник КРО Артур Христианович Артузов с семьёй. Я никогда не сталкивался с Артузовым по работе, но живя около трёх лет в одном доме, мы постоянно сталкивались с ним во дворе, на улице и, конечно, на разных собраниях и общественных мероприятиях в клубе ОГПУ. Помню, как однажды я встретил Артузова в поликлинике, куда он привёл свою дочь-подростка, которой надо было прижигать гланды или что-то в этом роде. Она трусила, и Артур Христианович просил меня подбодрить её и уговорить, чтобы она не боялась предстоящей процедуры. Артузов был обаятельнейшим и скромнейшим человеком. Несмотря на то, что все, находящиеся в очереди к врачу, предлагали ему пройти с дочкой раньше, он категорически отверг эти предложения, сказав, что пойдёт только в порядке очереди.

15. МОСКОВСКАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ ДИВИЗИЯ

Осенью 1927 г. по распоряжению ОГПУ я был отозван из Совкино и назначен уполномоченным особого отдела Московской Пролетарской дивизии. Начальником особого отдела дивизии оказался мой старый сослуживец по погранотряду № 4¹, боевой чекист и душевный товарищ, Илья Самсонович Репин.² Его помощником был Фурс, честный и преданный коммунист, неплохой оперативник, но большой формалист, обращавший основное внимание не на оперативную работу, а на военную выправку, рапорты и чинопочитание. В противоположность Репину, Фурс избегал простых товарищеских отношений с подчинёнными, считая их недопустимым панибратством, могущим подорвать его авторитет, и держался строго официально, никогда не позволяя себе даже улыбки. Мне, очень жизнерадостному и живому по натуре, было очень тяжело постоянно держаться с Фурсом в таких строгих служебных рамках.

Кроме меня, уполномоченным особого отдела Московской пролетарской дивизии были тт. Буров, Дмитрий Никитин³ и ещё один, бывший офицер царской

¹ О службе в погранотряде см. первую часть воспоминаний.

² Репин Самсон Иванович (1895 – ?). Чл. компартии с 1920 г. В ЧК-ОГПУ с дек. 1918 г., служил в Особотделе ВЧК Западного военокруга (с 1918 г.), особотделе 17-й стр. дивизии (1919-1921 гг.). Затем – нач. Особотдела Московской пролетарской дивизии. В 1927-1928 гг. работал в Особом отделе ОГПУ СССР, откомандирован в Сибирь. На 1938 г. – нач. УРКМ УНКВД по Иркутской обл., арестован 07.07.1938 г.; дело 04.10.1939 г. прекращено.

³ Никитин Дмитрий Михайлович (1899 – 08.05.1969, Москва). Ген.-майор (1945). Чл. компартии с 1919 г. Участник Гражданской войны. В органах ВЧК с 1926 г. В 1939-1941 гг. – пом. нач. Следчасти ГУГБ НКВД СССР. В 1942 г. – зам. нач. войск НКВД охраны тыла Черноморской группы войск Закавказского фронта. В 1947 г. уволен из МГБ по болезни. В

армии, вскоре назначенный командиром одного из полков дивизии особого назначения ОГПУ, фамилии которого не помню. (Дмитрий Никитин впоследствии был пом. нач. следственного отдела [Н]КГБ при Берии, а во время Отечественной войны – начальником особого отдела одной из армий, в чине генерал-майора.) Особый отдел Московской пролетарской дивизии подчинялся особому отделу Московского военного округа, начальником которого был Лев Николаевич Мейер¹, а заместителем начальника – Пряхин.² Помощником Мейера в то время был М.П. Фриновский, впоследствии приобретший себе печальную славу первого и активнейшего заместителя Ежова. Из работников особого отдела МВО помню ещё начальника особого отдела Московского гарнизона – Николаева³, впоследствии начальника Центральной школы ОГПУ. Его помощником был Михаил Белкин, бывший мой сослуживец по особому отделу Западного фронта в 1921 г. в Смоленске, где он работал дежурным комендантом.⁴ (В начале 30-х годов Белкин был направлен за границу, где выполнял ряд важнейших государственных заданий.⁵)

Мне было поручено обслуживать 3-й стрелковый полк Московской пролетарской дивизии, казармы которого были расположены неподалеку от Сухареvской башни (ныне Колхозная площадь). Командиром полка был Хмельницкий, состоявший в период гражданской войны, а затем в Наркомвоенморе при К.Е. Ворошилове для особых поручений. Это был красивый человек, высокого роста, державшийся гордо и самоуверенно. Комиссаром полка также был участник гражданской войны, кадровый политработник, в прошлом простой рабочий, замечательный и скромный большевик Лазарев. В противоположность Хмельницкому Лазарев был маленького роста, щупленький, с ничем не примечательной внешностью. Между Хмельницким и Лазаревым часто происходили споры и стычки, что крайне плохо отразилось на состоянии боевой и политической подготовки полка.

ЦК КПСС 17.08.1956 г. искл. из партии за нарушения законности, в 1957 г. восстановлен в КПСС с выговором.

¹ *Захаров-Мейер Лев Николаевич* (1899 – 10.08.1937, Москва). Корпусной комиссар (1936). С 1919 г. в Особом отделе ВЧК. В 1924-1929 гг. – нач. Особотдела МВО. С 1935 г. – пом. нач. Разведупра РККА. Арестован 11.06.1937 гг., расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

² *Пряхин Александр Андреевич* (1899 – 04.02.1938, Хабаровск). Ст. майор ГБ (1936). В ГПУ–НКВД с 1922 г. В 1925-1930 гг. – пом. нач. особотдела МВО, затем переведен на Дальний Восток. Арестован 26.08.1937 г., расстрелян. Не реабилитирован.

³ *Николаев Сергей Варламович* (1893 – сент. 1977, Москва). Майор ГБ (1935 г.). Чл. компартии с 1918 г. В ЧК с 1918 г. С 1926 г. – нач. особого отдела Московского гарнизона. В 1933-1938 гг. – зам. нач., и. о. нач. Центральной школы ОГПУ–НКВД СССР (Москва). Уволен из НКВД. С 1953 г. на пенсии.

⁴ Должность подразумевала охрану арестованных и расстрелы осуждённых.

⁵ *Белкин Михаил Ильич* (1901 – нояб. 1980, Москва). Ген.-лейтенант (1944 г.). Чл. компартии с 1918 г. В ВЧК с 1919 г. В 1922 г. – пом. коменданта Особотдела ГПУ Западного фронта. С 1930 г. по линии ИНО ОГПУ работал в Китае, Иране. С 1950 г. – зам. нач. 1-го Управления МГБ СССР, арестован 28.10.1951 г. Освобожден 04.06.1953 г. Лишен генеральского звания в 1954 г. по фактам дискредитации. В 1955-1980 гг. – слесарь, инженер, водитель-испытатель на ЗИЛе.

Будучи ранее приближённым к Ворошилову, Хмельницкий немного зарывался, смотрел на Лазарева свысока и не считал нужным прислушиваться к его мнению. Особому отделу пришлось вмешаться и налаживать их взаимоотношения.¹

Надо сказать, что ещё при зачислении меня на должность уполномоченного, начальник Особого отдела МВО Мейер предупредил меня, что Хмельницкий – человек, близкий к Ворошилову, и поэтому к нему следует относиться с особым уважением. Также с подчеркнутым вниманием относились к Хмельницкому и другие работники особых отделов МВО и дивизии. Например, Хмельницкого никогда не вызывали в особый отдел дивизии, считая это неудобным, а в случае надобности сами ходили к нему. Когда я немного присмотрелся к Хмельницкому и Лазареву, то сразу понял, что в происходящих между ними столкновениях безусловно повинен Хмельницкий, и решил попробовать как-либо на него воздействовать. Было ясно, что при создавшейся ситуации и при его гонимости простые разговоры и убеждения вряд ли приведут к успеху, но очень скоро некоторые обстоятельства помогли мне. Дело в том, что мне удалось агентурным путём добыть кое-какие компроматматериалы на Хмельницкого.

Не помню за давностью, в чём именно было дело, но, во всяком случае, не было никакого так называемого криминала, вопрос шёл об этике. Этот материал я отправил в вышестоящие органы, попутно упомянув и о неправильном поведении Хмельницкого в отношении комиссара полка Лазарева. Надо полагать, что в связи с этим материалом Хмельницкого куда-то вызывали (возможно, что и к Ворошилову) и ему соответственным образом попало. Во всяком случае, вскоре Хмельницкий позвонил мне по телефону, сказал, что хочет со мною повидаться и, отклонив моё предложение приехать к нему, сам в тот же вечер приехал в особый отдел, где, кроме дежурного и меня, никого уже не было. Мы с ним поговорили по душам. Он полностью признал все свои вины, а также неправильную позицию в отношении Лазарева, и с этих пор у него с комиссаром установились нормальные взаимоотношения. В отношении меня Хмельницкий также не имел никаких обид, а наоборот, впоследствии при встречах всегда очень доброжелательно и с уважением относился ко мне. Но, конечно, более тёплые и дружеские отношения всё же у меня были с комиссаром полка, замечательным товарищем – Лазаревым, причём я был твёрдо убеждён, что, независимо от симпатии и дружеского расположения, нам с ним необходимо было держать тесный контакт в интересах нашей работы.

Помощник начальника особого отдела Фурс, наоборот, считал, что особистам следует вести только агентурную работу и не связываться с политработниками. На этой почве у нас с Фурсом были постоянные разногласия и споры. Мои предыдущие начальники учили всех нас совмещать агентурную работу с тесным контактом с политработниками, партработниками, а также с беспартийными активистами. Я доказывал Фурсе, что только такие методы работы полностью соответствуют основным указаниям Дзержинского, и приводил высказывания Феликса Эдмундовича, что «чекист должен быть тесно связан с партией, с массами,

¹ Такие эпизоды были типичны для особых отделов со времён Гражданской войны.

и только тогда органы ЧК смогут своевременно предупреждать и раскрывать любые преступления врагов». Но Фурс упорно стоял на своей точке зрения. Однако я тоже не сдавался и продолжал вести работу так, как считал нужным и добивался некоторых успехов. (Насколько помнится, руководство Особого отдела МВО неплохо оценивало работу особого отдела Московской пролетарской дивизии того периода.) Однажды во время приёма осведомитель сообщил мне, что в районе Первой Мещанской улицы, на одной из квартир, имеется гектограф, на котором печатаются антисоветские листовки. Источник сам был вовлечён в эту подрывную деятельность троцкистов. Полученные сведения подтвердились и нелегальная троцкистская типография была ликвидирована, а её организаторы отданы под суд. За выявление подпольной троцкистской типографии мне была объявлена благодарность, и начальник СПО ОГПУ Агранов¹ на совещании по вопросу борьбы с троцкистами отметил работу нашего особого отдела как положительную.

В период моей работы в особом отделе были проведены военные манёвры Московской пролетарской дивизии в одном из районов Московской области. Накануне манёвров, вернувшись домой часов в 12 ночи, я поел баранины и запил её холодной водой. Через два часа у меня начались рвоты, и я вынужден был пойти в санчасть, где доктор Виноградов срочно сделал мне промывание желудка. Пока все эти процедуры производились, подошло время выезда на манёвры и, несмотря на категорическое запрещение врача, я сел в коляску мотоцикла и отправился к назначенному месту. Всю дорогу я периодически «ездил в Ригу» и приехал на место манёвров бледный и еле держащийся на ногах. Но вскоре оправился и принимал активное участие в работе. На манёврах дивизия разворачивалась как корпус, наш 3-й полк, как и другие полки, были как дивизии, я же был в роли начальника особого отдела дивизии, что мне очень импонировало. За хорошее обеспечение манёвров работникам особого отдела дивизии, в том числе и мне, была объявлена благодарность. Дивизией в то время командовал старый большевик Михайловский. (Впоследствии его место занял Хмельницкий.)

(После Великой Отечественной войны я услышал, что директором выставки трофейного оружия в Парке культуры и отдыха им. Горького был генерал Хмельницкий. Я специально ходил туда, чтобы повидаться с ним и убедиться, что это тот самый Хмельницкий, но не застал его, а второй раз пойти не собрался. Третий полк Московской пролетарской дивизии впоследствии дал Советской армии выдающихся военачальников, как, например, командующий при мне артиллерийским дивизионом т. Воронов – впоследствии герой Сталинграда, главный маршал артиллерии. Насколько помнится, там же служил ныне генерал-полковник Хлебников, с которым я позднее, в 1934-1938 гг., сталкивался в г. Иваново.)

Вскоре после манёвров меня положили в 3-й коммунистический госпиталь для высшего командного состава РККА. Дело в том, что во время гражданской войны в 1920 г. в Вильно у меня было небольшое ранение. Пуля попала под большой палец правой ноги. Врачи тогда или не умели вынуть пулю, или в тот

¹ В то время Я.С. Агранов работал заместителем Секретного отдела ОГПУ.

момент не было в медчасти опытного хирурга, но мне просто смазали рану каким-то дезинфицирующим средством и, когда она затянулась, я вернулся в строй. Но с тех пор в течение семи лет я должен был носить на правую ногу обувь на два-три номера больше, чем на левую, и заказывал себе специальные сапоги, пока, наконец, врачи не посоветовали мне лечь на операцию. Оперировал меня известный в те годы хирург Иван Васильевич Мандрыко, который являлся главным врачом госпиталя. После операции я оказался в одной палате со своим старым знакомым, бывшим секретарём Минского горкома партии т. Пинталем, тогда уже руководящим работником Особого отдела ОГПУ Центра. (Если память мне не изменяет, в это время в одной из соседних палат лежал Михаил Николаевич Тухачевский.)

В один из этих дней в госпиталь приехал также наш старый товарищ, начальник Особого отдела ОГПУ – Ян Ольский. Он приехал с кем-то из особистов для вручения Пинталю ордена Боевого Красного знамени, которым Пинталь был награждён за боевые заслуги в период гражданской войны. Все мы с удовольствием вспоминали интересные эпизоды из гражданской войны на Западном фронте. Вспоминали о товарищах, с которыми работали. В частности, много говорили и с грустью вспоминали о безвременной гибели нашего товарища Иосифа Казимировича Опанского, погибшего за несколько месяцев до нашей встречи в госпитале с Пинталем и Ольским. Опанский погиб примерно в те же дни, когда 7-го июня 1927 г. был злодейски убит белогвардейцем в Варшаве полномочный представитель СССР Пётр Лазаревич Войков. Опанский в тот период был заместителем председателя ГПУ Белоруссии, выехал куда-то на периферию на дрезине и погиб в результате диверсии, организованной белополяками.¹ (Узнав о гибели Опанского, я написал статью, посвящённую памяти этого замечательного большевика и борца за дело рабочего класса, и направил статью вместе с единственной имеющейся у меня фотографией Опанского с его дарственной надписью в газету «Известия», где статья и фотография были напечатаны в июне [19]27 г. Впоследствии я так и не собрался поехать в редакцию и забрать фотографию Опанского и она, надеюсь, так и осталась в архивах редакции.)

Не помню точно, в какое время, но, кажется, незадолго перед празднованием десятой годовщины Октябрьской социалистической революции, меня вызвал к себе Иосиф Станиславович Уншлихт.² Он был тогда заместителем председателя Реввоенсовета Республики и заместителем наркомвоенмора. Когда я вошёл в кабинет Уншлихта, там был начальник оперативного отдела Генерального штаба РККА, если не ошибаюсь, т. Мерецков, впоследствии маршал Советского Союза. В его присутствии Уншлихт предложил мне написать о боевом пути ви-

¹ Другая версия гибели И.К. Опанского указывает на несчастный случай.

² *Уншлихт Иосиф Станиславович* (1879–29.07.1938). С 1900 г. – в Соц.-дем. Королевства Польского и Литвы, шесть раз арестовывался. В 1917 г. – чл. Петросовета, в 1917-1918 гг. – чл. коллегии НКВД РСФСР. В период сов.-польской войны был членом РВС 16-й армии и Зап. Фронта. В 1921-1923 гг. – зам. пред. ВЧК-ГПУ. С 1925 г. – зам. пред. РВС СССР, с 1933 г. – нач. ГУ Гражд. воздушного флота при СНК СССР. Арестован 11.06.1937 г. как польский шпион. Расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

ленских комсомольцев с тем, чтобы приурочить издание воспоминаний к 10-й годовщине Октябрьской революции или к 10-летию организации РКСМ (теперь уже не помню). Иосиф Станиславович сказал, что за один только бой в апрельские дни 1919 г. при оставлении города Вильно всех комсомольцев отряда имени Карла Либкнехта следовало бы наградить орденами. Я напомнил Уншлихту, что я в этом бою не участвовал и сказал, что вряд ли смогу сам что-либо написать, т.к. не обладаю достаточными литературными талантами, но соберу ребят и все мы вместе постараемся выполнить его задание.

Уншлихт попросил т. Мерецкова оказать мне и другим виленским комсомольцам помощь в части оформления к печати наших воспоминаний о боевых делах виленских бойцов отряда имени Карла Либкнехта. После разговора с Уншлихтом я связался с Семёном Фириным, Володей Трайнисом, Кульбаком, Майзелем, Ливиным. Мы поговорили, поговорили, но все были очень заняты по работе и никто так и не нашёл времени выполнить просьбу Уншлихта и заняться воспоминаниями. (Помню ещё одну, очень печальную встречу с Уншлихтом на улице в Москве, примерно в начале 30-х годов, когда он рассказал мне о постигшей его трагедии – утонул его любимый сын-подросток. Иосиф Станиславович тогда очень плохо выглядел и, рассказывая о своём горе, не мог сдерживать слёзы. Глядя на него, я сам едва сдерживался, чтобы не разрыдаться. Ведь Иосиф Станиславович был для меня не только одним из самых любимых руководителей в прошлом, но и по-особенному родным и близким. Последний раз я видел Иосифа Станиславовича, кажется, в 1936 г., когда он был председателем Торговой палаты на Ильинке. Управделами у него был мой товарищ по боевому отряду имени Карла Либкнехта Ливин (Липов), бывший сотрудник Особого отдела Центра. В 1937 г. Уншлихт в период ежовщины был невинно оклеветан и погиб от рук фальсификаторов. Также по провокационному делу был расстрелян Ливин (Липов).

Вспоминая празднование 10-летия органов ВЧК-ОГПУ – 20 декабря 1927 года. Сотрудникам Особого отдела МВО для празднования было отведено помещение гостиницы «Европа» на Неглинной улице (ныне «Арагат»). На втором этаже были расставлены столы с винами и закусками, а внизу танцевали. Двум или трем сотрудникам, в том числе и мне, было поручено следить за порядком и было запрещено пить. Правда, для нас это не было «подвигом», так как все мы были почти непьющие. На этом банкете были все сотрудники Особого отдела МВО во главе с начальником Мейером и его помощником Пряхиным. Присутствовал заместитель главного прокурора СССР Катаньян¹ и некоторые другие работники прокуратуры. Почётными гостями были нарком по военно-морским де-

¹ Катаньян (Катаньян) Рубен Павлович (1880 – 06.06.1966, Москва). Чл. компартии с 1903 г. До революции – адвокат. С 1920 г. – зав. агитпропотделом ЦК РКП (б). С 20 янв. по 10 апр. 1921 г. – нач. Иностранного отдела ВЧК. С 1923 г. – пом. прокурора РСФСР, зав. подотделом надзора за органами ОГПУ в НКЮ РСФСР, затем старший пом. прокурора Верховного Суда СССР. Профессор МГУ. В 1933-1938 гг. – ст. помощник прокурора Верховсуда СССР по спецделам (надзор за ОГПУ), гос. обвинитель на политических процессах. Арестован в 1938 г., осужден. В 1948-1950 гг. в ссылке, с 1955 г. – снова в заключении. В 1955 г. освобождён, реабилитирован.

лам К.Е. Ворошилов и командующий Московским военным округом С.М. Будённый. Оба они приехали позднее, и на мою долю выпала обязанность ухаживать за ними, т.к. большинство сотрудников были уже сильно «на взводе». Когда я хотел налить Будённому рюмку водки, он, не сказав ни слова, выразительно посмотрел на меня, и я понял, что этому гостю рюмочка не подходит, и быстро налил ему водку в бокал для шампанского. Семён Михайлович держал себя со всеми нами по-товарищески просто, как равный с равными, так что никто не чувствовал, что рядом с нами находится легендарный герой гражданской войны, а затем, когда начались танцы, он с такой лёгкостью и лихостью сплясал «казачка», что любая балерина могла бы ему позавидовать.

К концу вечера на наш праздник прибыл «сам» Ягода в сопровождении целой группы холуев, в числе которых был сотрудник Особого отдела ОГПУ Семён Арнольдов, считавший себя почему-то поэтом. И вот после очередного тоста Арнольдов вдруг начал читать плохо зарифмованные стихи, в которых всячески восхвалял Ягodu, причём мы с изумлением услышали, что Ягода «великий чекист» и т.п. Следует напомнить, что в 1927 г. даже в отношении Сталина никто ещё не позволял себе таких прилагательных, и поэтому подобное восхваление Ягоды всем нам казалось особенно странным и нелепым, но сам Ягода не возражал и, надо полагать, ему нравились эти неумеренные восхваления в стихах [со стороны] Арнольдова. Минут через 15-20 Ягода со своей свитой отправился дальше, по другим ресторанам, где в тот вечер праздновали 10-летие разные отделы и управления ОГПУ, оделяя всех кратковременными и эффектно обставленными визитами. После отъезда большого начальства веселье возобновилось с новой силой. Начальник главного управления погранохраны, старый большевик Коган¹, как и некоторые другие, хватил немного лишнего и вообразил, что он чудесно танцует лезгинку. Он был маленького роста, с огромной копной вьющихся волос, и когда по его требованию заиграли лезгинку, он пошёл танцевать какой-то странный танец, напоминавший еврейский фрейлехс, перемежаемый дикими прыжками шаманов. Все мы бурно аплодировали вновь родившемуся «таланту». Надо сказать, что, несмотря на смешной и нелепый танец, все аплодировали искренно и доброжелательно, так как Коган был хорошим и простым товарищем, и все относились к нему с большим уважением.

В тот вечер я был свидетелем ещё одного очень смешного эпизода. Зайдя в мужской туалет, я увидел, что в одной из кабин, спиной ко мне, наклонив голову в унитаз, кто-то усиленно дёргает за ручку цепочки, поливая себе голову. Этот товарищ, по-видимому, решил отрезвиться. Когда он окончил эту процедуру и повернулся лицом ко мне, я узнал всеми уважаемого крупнейшего работни-

¹ Коган Лазарь Иосифович (1889 – 03.03.1939, Москва). Ст. майор ГБ (1935 г.). Анархист, участник множества грабежей, за что отбывал вечную каторгу. Чл. компартии с 1918 г. С 1926 г. – пом. начальника Управления погранохраны и войск ОГПУ. В 1930-1932 гг. – нач. ГУЛАГа ОГПУ, затем зам. нач. ГУЛАГа ОГПУ-НКВД. Арестован 31.01.1938 г., расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

ка¹, смотрящего на меня глазами ничего не соображающего человека. Глядя на эту трагикомическую фигуру и на маленькую бородку, по которой стекала вода, я не мог удержаться от смеха. Я помог ему одеться и отправил на машине домой. Около подъезда ресторана находилось несколько машин, на которых развозили по домам сильно выпивших сотрудников. В тот вечер милиции был отдан приказ не задерживать пьяных сотрудников ОГПУ, а помогать им добираться домой. Насколько я помню, больше уже никогда не устраивали подобных массовых банкетов для всех сотрудников (во всяком случае до 1938 г. – т.е. до последнего года моей работы в органах).

Не помню точно, сколько времени я проработал в особом отделе Пролетарской дивизии. Наши столкновения с Фурсом продолжались, и как-то мы крупно поговорили (оба были вспыльчивые и несдержанные), после чего я счёл нужным подать рапорт с просьбой об откомандировании меня в распоряжение ОГПУ Центра. (Впоследствии Фурс был начальником отдела кадров Горьковского автозавода, а Илья Самсонович Репин стал начальником управления милиции Иркутской области. В период нарушений соцзаконности Репин и Фурс были репрессированы по провокационным материалам. Дальнейшая судьба Репина мне неизвестна, а Фурса я в 1957 г. встретил уже реабилитированного в поликлинике для старых большевиков в Ермолаевском переулке. Оба мы были очень обрадованы этой неожиданной встрече, и я совершенно забыл, что когда-то считал Фурса формалистом и ссорился с ним.)

Источники и использованная литература:

1. Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва). Ф. 2. Оп. 2. Д. 100. Л. 283-322.

Tepliyakov A. G.

Schrader's Memories «Life of the officer of secret police» (part 4)

This publication offers a fragment of the unknown memoirs of the prominent Chekist M.P. Schreider, written in the 1970s and still only partially known. These memoirs, incomparable with the well-known examples of KGB memories due to their completeness and frankness, provide a large and valuable material for historians related to the functioning of not only the special services, but also the People's Commissariat of Foreign Affairs, where the author worked in 1925. Memoirs offering a new look at many well-known historical figures are provided with the necessary notes.

Keywords: M.P. Schreider; VChK-OGPU; People's Commissariat for Foreign Affairs; cinema; Special departments.

¹ Возможно, А.Х. Артузов.

Tepliyakov Alexey Georgievich – Candidate of Historical Science, Associate Professor, Novosibirsk University of Economics and Management (*Russia*, Novosibirsk, Kamenskaya st., д. 56).

E-mail: tepliyakov-alexey@rambler.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ С. 3

ИМПЕРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ИСТОРИКО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА (ПОСВЯЩЕНИЕ 350-ЛЕТИЮ ПЕТРА ВЕЛИКОГО): НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ДОЦЕНТА НАТАЛЬИ ЮРЬЕВНЫ КУЗНЕЦОВОЙ (1953-2003)

Насибуллин Р.А. (Екатеринбург). НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА
КУЗНЕЦОВА (1953-2003) – УЧЁНЫЙ-ЮРИСТ ВО ВТОРОМ
ПОКОЛЕНИИ С. 5

Насибуллин Р.А. (Екатеринбург). ИССЛЕДОВАНИЕ
НАТАЛЬИ ЮРЬЕВНЫ КУЗНЕЦОВОЙ О ПРАВОВОЙ
ЭВОЛЮЦИИ БРИТАНСКИХ ДОМИНИОНОВ (1865-1980 гг.),
ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА, ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ,
РАСПАДА БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР С. 40

Кузнецова Н.Ю. (Екатеринбург). ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
СТАТУСА ДОМИНИОНА В БРИТАНСКИХ ВЛАДЕНИЯХ:
АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЁНОЙ
СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК С. 128

Кузнецова Н.Ю. (Екатеринбург). ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
СТАТУСА ДОМИНИОНА В БРИТАНСКИХ ВЛАДЕНИЯХ:
ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК: 12.00.01 С. 141

К 30-ЛЕТИЮ РАСПАДА СССР

Исаков В.Б. (Москва). ПО СЛУХАМ И ДОСТОВЕРНО:
Из личных воспоминаний и «Парламентских дневников» С. 234

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Жеребцов А.П. (Екатеринбург). ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА В ОТЕЧЕСТВЕН-
НОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ С. 267

Сабитов Т.Р. (Екатеринбург). ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО
ПРАВА РСФСР В ЕГО ПЕРВЫХ БАЗОВЫХ ИСТОЧНИКАХ .. С. 275

Константинов С.И. (Екатеринбург). ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ № 1: ИСТОРИЯ, КОНТИНГЕНТЫ, СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ РЕПРЕССИРОВАННЫХ С. 283

Максимова О.Д. (Москва). ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗДАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК КПСС И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР 1957 ГОДА «О РАЗВИТИИ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР» И СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН С. 295

Камынин В.Д., Лямзин А.В. (Екатеринбург). КОНЦЕПТ «ПАРАДИПЛОМАТИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ УРАЛЬСКИХ УЧЁНЫХ С. 301

Зипунникова Н.Н., Калинина А.В. (Екатеринбург). К ВОПРОСУ ОБ «УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ГЕОГРАФИИ» РОССИИ (СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ) С. 313

Пряхин В.М. (Екатеринбург). МЫ БУДЕМ ПОМНИТЬ ЭТИ ИМЕНА (К ИСТОРИИ КАФЕДРЫ РУССКОГО, ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУРЫ РЕЧИ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА) С. 342

Тимонин А.Н. (Уфа). «ТОЧЕЧНАЯ ТЕОРИЯ» И РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЛИКВИДАТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА С. 360

ПУБЛИКАЦИЯ ВОСПОМИНАНИЙ

Тепляков А.Г. (Новосибирск). «ЖИЗНЬ ЧЕКИСТА-ОПЕРАТИВНИКА»: ВОСПОМИНАНИЯ М.П. ШРЕЙДЕРА (ЧАСТЬ 4) С. 370

Научное издание
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Выпуск 14-й

Главный редактор
СМЫКАЛИН Александр Сергеевич
Составитель сборника
НАСИБУЛЛИН Рафил Ахнафович
Составитель оригинал-макета, заместитель главного редактора
СУРОВЕНЬ Дмитрий Александрович
Технические редакторы
НАСИБУЛЛИН Рафил Ахнафович и
СУРОВЕНЬ Дмитрий Александрович

Кафедра истории государства и права
тел.: 8 (343) 367-40-55
Уральский государственный юридический университет 620137,
г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: igp@usla.ru

Подписано в печать 25.11.2021.
Формат бумаги 70 × 100/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага
офсетная. Печать плоская.
Усл. печ. л. 29,36. Заказ № 9324 Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Типография Для Вас»
620026, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 52а, оф. 3
Тел.: +7 (343) 211-03-00 www.tdvas.ru